

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова

Культура русской речи¹

Ответственные редакторы – доктор филологических наук, профессор Л. К. Граудина и доктор филологических наук, профессор Е. Н. Ширяев

Книга представляет собой первый академический учебник по культуре речи, содержащий наиболее полный систематизированный материал по данной теме. В основе издания лежит принципиально новая теоретическая концепция культуры речи. Книга учит говорить не только правильно, но и выразительно, используя умело и по назначению разные речевые стили. Особое внимание уделяется культуре публичного выступления, спора, профессионального общения. В книге даны сведения о риторических учениях, широко распространенных в дореволюционной России.

Во второй раздел книги – хрестоматию по культуре речи – включены тексты, представляющие современный образцовый литературный язык в его основных функциональных разновидностях.

Для студентов, аспирантов, и преподавателей гуманитарных вузов и факультетов, а также всех тех, кто любит, изучает русский язык и стремится овладеть высокой культурой речи.

АВТОРЫ УЧЕБНИКА:

Виноградов С. И., кандидат филологических наук – § 34–37 (совместно с Платоновой О. В.);

Граудина Л. К., доктор филологических наук, профессор – § 1, 3; Даниленко В. П., доктор филологических наук – § 20–24 (совместно с Новиковой Н. В.);

Карпинская Е. В., научный сотрудник ИРЯ имени В. В. Виноградова – § 25–27;

Козловская Т. Л., кандидат филологических наук – § 15–19; Кохтев Н. Н., доктор филологических наук, профессор – § 10–14;

Лазуткина Е. М., кандидат филологических наук – § 5–9; Новикова Н. В., кандидат филологических наук – § 20–24 (совместно с Даниленко В. П.);

Платонова О. В., кандидат филологических наук – § 34–37 (совместно с Виноградовым С. И.);

Шварцкопф Б. С., доктор филологических наук – § 28–33; Ширяев Е. Н., доктор филологических наук, профессор – § 2, 4.

СОСТАВИТЕЛИ ХРЕСТОМАТИИ:

Виноградов С. И., кандидат филологических наук – разд. VI; Граудина Л. К., доктор филологических наук, профессор – разд. II;

Карпинская Е. В., научный сотрудник ИРЯ имени В. В. Виноградова – разд. IV (совместно с Новиковой Н. В.);

Козловская Т. Л., кандидат филологических наук – разд. III;

Лазуткина Е. М., кандидат филологических наук – разд. I;

Новикова Н. В., кандидат филологических наук – разд. IV (совместно с Карпинской Е. В.);

Шварцкопф Б. С., доктор филологических наук – разд. V.

Ответственный редактор хрестоматии – доктор филологических наук, профессор Л. К. Граудина

¹ Культура русской речи. Учебник для вузов. Под ред. проф. Л. К. Граудиной и проф. Е. Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА М, 1999. – 560 с. Файл взят на <http://www.i-u.ru/>, изрядно почищен и переформатирован.

Содержание

Авторы учебника:.....	1
Составители хрестоматии:.....	1
Вводная глава (пропущена).....	6
§1. Краткие сведения из истории (пропущен).....	6
§ 2. Современная теоретическая концепция культуры речи.....	6
§ 3. Основные признаки культуры речи как лингвистической дисциплины.....	14
Контрольные вопросы.....	25
Резюме.....	25
<i>Глава I. Культура разговорной речи.....</i>	<i>26</i>
§ 4. Понятие разговорной речи и ее особенности.....	26
Контрольные вопросы.....	32
§ 5. Прагматика и стилистика разговорной речи. Условия успешного общения.....	33
Контрольные вопросы.....	39
§ 6. Причины коммуникативных неудач.....	39
Контрольные вопросы.....	42
§ 7. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы.....	42
Контрольные вопросы.....	49
§ 8. Жанры речевого общения.....	49
Контрольные вопросы.....	53
§ 9. Этика речевого общения и этикетные формулы речи.....	54
Контрольные вопросы.....	56
Резюме.....	56
<i>Глава II. Культура ораторской речи.....</i>	<i>57</i>
§ 10. Роды и виды ораторской речи.....	57
Контрольные вопросы.....	62
§ 11. Ораторская речь и функциональные стили литературного языка.....	62
Контрольные вопросы.....	68
§ 12. Функционально-смысловые типы речи.....	68
Контрольные вопросы.....	78
§ 13. Структура ораторской речи.....	78
Контрольные вопросы.....	83
§ 14. Подготовка речи и выступление.....	84
Контрольные вопросы.....	89
Резюме.....	89
<i>Глава III Культура дискусивно-полемической речи.....</i>	<i>90</i>
§ 15. Спор: понятие и определение.....	90
Контрольные вопросы.....	91
§ 16. Споры в Древней Греции.....	91
Контрольные вопросы.....	93
§ 17. Споры в современном обществе.....	93
Контрольные вопросы.....	96
§ 18. Спор как форма организации человеческого общения.....	96
Контрольные вопросы.....	98
§ 19. Уловки в споре.....	99
Контрольные вопросы.....	101
Резюме.....	102

Кодекс аргументатора.....	102
Кодекс оппонента.....	102
Глава IV Культура научной и профессиональной речи.....	102
§ 20. История вопроса.....	103
Контрольные вопросы.....	104
§ 21. Аттестация понятия «специальный язык».....	104
Контрольные вопросы.....	106
§ 22. Основные лингвистические черты специального языка.....	106
Контрольные вопросы.....	108
§ 23. Средства выражения специальных реалий, категорий, понятий.....	109
Контрольные вопросы.....	118
§ 24. Стилиевые и жанровые особенности научного стиля.....	118
Контрольные вопросы.....	121
§ 25. Норма в терминологии.....	121
Контрольные вопросы.....	125
§ 26. Профессиональный вариант нормы.....	126
Контрольные вопросы.....	127
§ 27. Унификация, стандартизация, кодификация терминов. Понятие о гармонизации терминов и терминосистем.....	128
Контрольные вопросы.....	130
Резюме.....	130
Глава V Культура деловой речи.....	132
§ 28. Общая характеристика официально-делового стиля.....	132
Контрольные вопросы.....	133
§ 29. Текстовые нормы делового стиля.....	133
ЗАЯВЛЕНИЕ.....	134
ДОВЕРЕННОСТЬ.....	135
Контрольные вопросы.....	137
§ 30. Языковые нормы: составление текста документа.....	137
Контрольные вопросы.....	141
§ 31. Динамика нормы официально-деловой речи.....	141
Контрольные вопросы.....	142
§ 32. Устная деловая речь: деловой телефонный разговор.....	142
Контрольные вопросы.....	142
§ 33. Рекомендуемые пособия и литература по официально-деловой речи.....	142
1. Об особенностях подстилей официально-деловой речи:.....	142
2. Пособия по документации:.....	142
3. Литература о языке деловой речи:.....	142
Резюме.....	143
Глава VI. Средства массовой информации и культура речи.....	144
§ 34. Общая характеристика средств массовой информации.....	144
Контрольные вопросы.....	145
§ 35. Информационное поле и информационная норма в СМИ.....	145
Контрольные вопросы.....	153
§ 36. Прагматика и риторика дискурса в периодической печати. Сфера субъекта и выражение оценки.....	154
Контрольные вопросы.....	160
§ 37. Средства речевой выразительности.....	160
Контрольные вопросы.....	170

Хрестоматия.....	170
I. Разговорная речь.....	170
Полилоги. Беседы ненаправленной стратегии.....	171
Диалоги.....	176
Телефонные разговоры.....	176
Рассказ-воспоминание.....	177
Письма, записки, поздравления.....	178
Дневниковые записи.....	179
II. Ораторская речь.....	180
Социально-политическая речь.....	180
Д. С. Лихачев Выступление на Съезде народных депутатов СССР (1989).....	181
А. И. Солженицын Выступление в Государственной Думе 28 октября 1994 г.....	183
Академическая и лекционная речь.....	189
А. А. Ухтомский. О знаниях.....	190
В. В. Виноградов. О культуре русской речи.....	191
Судебная речь.....	195
В. И. Лифшиц. Нежданные свидетели.....	196
Духовная (церковно-богословская) речь.....	199
А. Мень. Христианство.....	200
Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Слово на Светлой пасхальной седмице1.....	203
III. Дискутивно-полемиическая речь.....	205
Ю. С. Сорокин. К вопросу об основных понятиях стилистики.....	206
Р. Г. Пиотровский О некоторых стилистических категориях1.....	214
Р. А. Будагов К вопросу о языковых стилях1.....	219
И. Р. Гальперин Речевые стили и стилистические средства языка1.....	224
В. Г. Адмони и Т. Н. Сильман Отбор языковых средств и вопросы стиля1.....	227
В. Д. Левин О некоторых вопросах стилистики1.....	230
И. С. Ильинская О языковых и неязыковых стилистических средствах1.....	234
В. В. Виноградов Итоги обсуждения вопросов стилистики1.....	236
IV. Научный стиль речи.....	247
В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков (1934).....	248
Д. С. Лихачев. Об общественной ответственности литературоведения (1976).....	252
Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы (1971).....	254
Ю. М. Лотман. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь (1988).....	256
Л. Н. Гумилев. Древняя Русь и Великая степь. Постановка проблемы.....	260
Пропущены.....	264
V. Официально-деловая речь (пропущены).....	264
VI. Язык средств массовой информации (пропущены).....	264
Литература.....	265
Введение.....	265
Глава I. Культура разговорной речи.....	266
Глава II. Культура ораторской речи.....	268
Глава III Культура дискутивно-полемиической речи.....	268
Глава IV Культура научной и профессиональной речи.....	268
Глава V Культура деловой речи.....	270
Глава VI. Средства массовой информации и культура речи.....	271
Список сокращений.....	272

Вводная глава (пропущена)

§1. Краткие сведения из истории (пропущен)

§ 2. Современная теоретическая концепция культуры речи

Культура речи – понятие многозначное. Одна из основных задач культуры речи – это охрана литературного языка, его норм. Следует подчеркнуть, что такая охрана является делом национальной важности, поскольку литературный язык – это именно то, что в языковом плане объединяет нацию. Создание литературного языка – дело не простое. Он не может появиться сам по себе. Ведущую роль в этом процессе на определенном историческом этапе развития страны играет обычно наиболее передовая, культурная часть общества. Становление норм современного русского литературного языка неразрывно связано с именем А. С. Пушкина. Язык русской нации к моменту появления литературного языка был весьма неоднороден. Он состоял из диалектов, просторечия и некоторых других обособленных образований. Диалекты – это местные народные говоры, весьма различные с точки зрения произношения (на Севере окают, на Юге якают), лексики, грамматики. Просторечие более едино, но все же недостаточно упорядочено по своим нормам. Пушкин сумел на основе разных проявлений народного языка создать в своих произведениях такой язык, который был принят обществом в качестве литературного.

Литературный язык – это, разумеется, далеко не одно и то же, что язык художественной литературы. В основе языка художественной литературы лежит литературный язык. И, более того, литературный язык как бы вырастает из языка художественной литературы. И все же язык художественной литературы – это особое явление. Его главная отличительная черта состоит в том, что он несет в себе большую эстетическую нагрузку. Для достижения эстетических целей в язык художественной литературы могут привлекаться диалекты и другие нелитературные элементы.

Поскольку не каждый из студентов гуманитарных вузов может (даже если и хочет) стать писателем, вопрос о писательском языковом мастерстве и языке художественной литературы в данном учебном пособии не рассматривается. Однако отметим: без знания основ культуры речи в наше время трудно себе представить подлинного интеллигента. Как писал А. П. Чехов, «для интеллигентного человека дурно говорить так же неприлично, как не уметь читать и писать».

Одна из главнейших функций литературного языка – быть языком всей нации, встать над отдельными локальными или социальными ограниченными языковыми образованиями. Литературный язык – это то, посредством чего создается, естественно, наряду с экономическими, политическими и другими факторами, единство нации. Без развитого литературного языка трудно представить себе полноценную нацию. Известный современный лингвист М. В. Панов [28, 9–10] среди основных признаков литературного языка называет такие, как язык культуры, язык образованной части народа, сознательно кодифицированный язык. Последнее – сознательная кодификация языка – прямая задача культуры речи: с появлением литературного языка появляется и «культура речи».

Кодифицированные нормы литературного языка – это такие нормы, которым должны следовать все носители литературного языка. Любая грамматика современного русского литературного языка, любой его словарь есть не что иное, как его модифицирование. Утверждение о том, что существительное женского рода с окончанием -а в именительном падеже в предложном падеже имеет окончание -г (а не какое-то другое), – это утверждение о норме. Однако такие нормы для носителей русского языка естественны, их кодификация предельно проста, с такой кодификацией справляется любой грамматист, и специалисту по культуре речи здесь делать нечего. Культура речи начинается там, где язык как бы предлагает выбор для кодификации, и выбор этот далеко не однозначен. Часто можно услышать километр, но

норма – только километр, не менее часто звучит договор, но норма – договор, хотя сейчас уже не запрещается категорически и договор, тогда как тридцать лет назад такое ударение запрещалось. Это свидетельствует, кроме всего прочего, еще и о том, что современный русский литературный язык, хотя и может рассматриваться как язык от Пушкина до наших дней, не остается неизменным. Он постоянно нуждается в нормировании. Если же следовать раз и навсегда установленным нормам, то есть опасность, что общество просто перестанет с ними считаться и будет стихийно устанавливать свои нормы. Стихийность же в таком деле – далеко не благо, поскольку то, что кажется приемлемым для одних, окажется неприемлемым для других. Поэтому постоянное наблюдение за развитием и изменением норм – одна из основных задач лингвистической науки о культуре речи.

Это хорошо понимали русские языковеды дореволюционного периода, свидетельством чему является анализ норм русского языка в вышедшей в 1913 г. книге В. И. Чернышева «Чистота и правильность русской речи», как бы подводящей некоторый итог развитию произносительных, морфологических и синтаксических норм со времен Пушкина. Приведем несколько характерных примеров из этой книги. В XIX в. еще были возможны колебания в употреблении или неупотреблении беглых гласных о или е: ветер – ветер, вихрь – вихорь, пепл – пепел, промысл – промысел, умысл – умысел. Возможны были и формы мать и дочерь. Гораздо шире, чем теперь, в то время употреблялись безличные предложения: Для одного этого потребовалось бы целой и притом большой статьи (В. Белинский); Было половина восьмого... (Ф. Достоевский); Дивно им грезилось весной, весной и летом золотым (Ф. Тютчев).

Особой заботы потребовали общелитературные нормы после 1917 г., что, разумеется, не случайно. В активную общественную жизнь включались широчайшие народные массы, которые недостаточно хорошо владели литературным языком. Естественно, возникла угроза расшатывания литературной нормы. Это прекрасно понимали филологи, проводившие большую работу по пропаганде культуры речи, такие, как известнейшие лингвисты В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, Л. В. Щерба, Л. П. Якубинский и многие другие.

Как уже было сказано, новым этапом в развитии культуры речи как научной дисциплины стали послевоенные годы. Крупнейшей фигурой этого периода был С. И. Ожегов [24], получивший широчайшую известность как автор самого популярного однотомного «Словаря русского языка», ставшего настольной книгой не одного поколения людей. После смерти С. И. Ожегова в 1964 г. активную работу по обновлению словаря ведет академик РАН Н. Ю. Шведова; в 1992 г. вышел «Толковый словарь русского языка», авторами которого названы С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. Прав оказался К. П. Чуковский, писавший в статье «Памяти С. И. Ожегова»: «Его подвиг никогда не забудется нами, и я верю, что созданный чудесный словарь сослужит великую службу многим поколениям советских словарей».

Нормативный аспект культуры речи – один из важнейших, но не единственный. Чешский лингвист К. Гаузенблас пишет: «Нет ничего парадоксального в том, что один способен говорить на ту же самую тему нелитературным языком и выглядеть более культурно, чем иной говорящий на литературном языке» [4, 301]. И это абсолютно верно. Можно привести большое количество самых разнообразных по содержанию текстов, безупречных с точки зрения соблюдения общелитературных норм, но не слишком вразумительных. Вот, например, такой текст из «Руководства по эксплуатации телевизионного приемника»: «Для повышения качества воспроизведения мелких деталей при приеме черно-белого изображения в схему телевизора введено автоматическое отключение резекторных фильтров в яркостном канале. Уменьшение влияния помех достигается применением схемы автоматической подстройки частоты и фазы строчной развертки». Большинству неспециалистов этот текст просто непонятен или понятен лишь в общих чертах, поскольку мы не знаем, что такое резекторные фильтры в яркостном канале, фазы строчной развертки. А специалист, например, мастер по ремонту телевизоров, знает об устройстве аппарата, конечно, не по руководству к нему. Значит, такой текст неэффективен, поскольку не имеет своего адресата. Следовательно, мало добиться нормативности текста, надо еще сделать этот текст хорошим.

Язык располагает большим арсеналом средств. Главнейшее требование к хорошему тексту таково: из всех языковых средств для создания определенного текста должны быть вы-

браны такие, которые с максимальной полнотой и эффективностью выполняют поставленные задачи общения, или коммуникативные задачи. Изучение текста с точки зрения соответствия его языковой структуры задачам общения в теории культуры речи получило название коммуникативного аспекта культуры владения языком.

То, что теперь называют коммуникативным аспектом культуры речи, было известно уже в античности, подарившей миру учение о риторике [7].

Еще один аспект культуры речи – этический. В каждом обществе существуют свои этические нормы поведения. Они касаются и многих моментов общения. Поясним это на таком примере. Если вы утром садитесь за стол с членами своей семьи, чтобы просто позавтракать, то вполне этичным будет попросить: Передай-ка мне хлеб (1). Но если вы сидите за большим праздничным столом с незнакомыми или не очень близкими вам людьми, то по отношению к ним уместно будет ту же просьбу выразить так: Не можете ли вы (или: вас не затруднит) передать мне хлеб? (2). Чем отличается (1) от (2)? Ясно, что не нормативностью. С точки зрения эффективности коммуникации (1) прямым образом и, следовательно, более ясно выражает мысль, чем (2), в котором мысль выражена косвенно, но в ситуации праздничного стола все же уместна вторая форма. Различие между (1) и (2) именно в следовании этическим нормам. Этические нормы, или иначе – речевой этикет, касаются в первую очередь обращения на «ты» и «вы», выбора полного или сокращенного имени (Ваня или Иван Петрович), выбора обращений типа гражданин, господин и др., выбора способов того, как здороваются и прощаются (здравствуйте, привет, салют, до свидания, всего доброго, всего, до встречи, пока и т. п.). Этические нормы во многих случаях национальны: например, сфера общения на «вы» в английском и немецком языках уже, чем в русском; эти же языки в большем числе случаев, чем русский язык, допускают сокращенные имена. Иностранец, попадая в русскую среду, часто, не желая того, выглядит бестактным, привнося в эту среду свой языковой этикет. Поэтому обязательным условием хорошего владения русским языком является знание русского языкового этикета.

Этический аспект культуры речи не всегда выступает в явном виде. Р. О. Якобсон [42], лингвист с мировым именем, выделяет шесть основных функций общения: обозначение внеязыковой действительности (Это был красивый особняк), отношение к действительности (Какой красивый особняк!), магическая функция (Да будет свет!), поэтическая, металингвистическая (суждения о самом языке: Так не говорят; Здесь нужно иное слово) и фактическая, или контакто-устанавливающая. Если при выполнении пяти первых названных здесь функций этический аспект проявляет себя, скажем, обычно, то при выполнении контактоустанавливающей функции он проявляется особым образом. Контактостанавливающая функция – это сам факт общения, тема при этом не имеет большого значения; не имеет значения и то, хорошо или плохо раскрывается эта тема. Этический аспект общения выступает на первый план. Вам, например, неудобно идти молча со своим знакомым, с которым вас, однако, связывает не слишком многое, и вы начинаете разговор о погоде, хотя вам и вашему собеседнику она в этот момент безразлична. Цель такого разговора одна – установление контакта.

Роль этических норм в общении можно прояснить и на другом ярком примере. Сквернословие – это тоже «общение», в котором, однако, грубейшим образом нарушены именно этические нормы.

Итак, культура речи представляет собой такой выбор и такую организацию языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач.

Далее остановимся несколько подробнее на коммуникативном аспекте культуры речи.

Коммуникативный аспект культуры речи. На протяжении всей истории развития учения о культуре речи гораздо больше внимания, особенно в советское время, уделялось нормативному аспекту культуры владения языком. Это во многом объясняется той социальной ситуацией, которая сложилась в стране после 1917 г. Как уже говорилось выше, к общественной деятельности были привлечены огромные массы людей. Ясно, что эта общественная жизнь требовала и активной речевой деятельности с использованием литературного языка, нормами которого владели далеко не все. Именно поэтому нормативный аспект культуры речи был

главной заботой лингвистов и всего общества. Дальнейшая история страны – эпоха сталинизма – также не способствовала развитию культуры речи в коммуникативном аспекте. Основа основ коммуникативного аспекта культуры речи – выбор нужных для данной цели общения языковых средств – процесс творческий. Между тем творчество и диктатура «сильной личности» – вещи несовместимые. Во всем, в том числе и в речевой деятельности, предписывалось следовать готовым рецептам. Даже в прославлении любимого вождя нельзя было «выйти за рамки»: отец народов, корифей науки...

Лингвисты всегда хорошо понимали важность для культуры речи того, что здесь названо коммуникативным аспектом. Еще в 20-е гг., известный советский филолог Г. О. Винокур, автор многочисленных, в том числе и популярных, работ по культуре речи, подчеркивал: «Для каждой цели свои средства, таков должен быть лозунг лингвистически культурного общества» [3]. Об этом же много позднее писал и С. И. Ожегов: «Высокая культура речи – это умение правильно, точно и выразительно передать свои мысли средствами языка. Правильной речью называется та, в которой соблюдаются нормы современного литературного языка... Но культура речи заключается не только в следовании нормам языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т. е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т. е. самое подходящее для данного случая) и, следовательно, стилистически оправданное» [23, 287–288].

Нельзя сказать, что дальше этих общих заявлений дело в исследовании коммуникативного аспекта не пошло. Достаточно широко в современной русистике ведутся исследования по стилистике, особенно по лексической стилистике, что находит прямое отражение в словарях в виде стилистических помет, таких, как книжн. и др. Эти пометы ясно указывают, в каких текстах уместны данные слова. Есть и прямые попытки построить теорию культуры речи, включив в нее коммуникативный аспект. В работах Б. Н. Головина, в том числе и в его учебном пособии для вузов «Основы культуры речи», утверждается, что для культуры речи вообще значим только один – коммуникативный – аспект, в плане которого следует рассматривать и нормативность [5, 23–40]. Культура речи определяется как набор коммуникативных качеств хорошей речи. Эти качества выявляются на основе соотношения речи с отдельными, как выражается Б. Н. Головин, неречевыми структурами. К неречевым структурам отнесены: язык как некоторая основа, производящая речь; мышление; сознание; действительность; человек – адресат речи; условия общения. Данный комплекс неречевых структур требует от речи следующих хороших, то есть соответствующих этим структурам, качеств: правильность речи (иначе говоря, нормативность), ее чистота (отсутствие диалектизмов, жаргонизмов и т. п., что также относится к введению нормативного аспекта), точность, логичность, выразительность, образность, доступность, действенность и уместность. Нет сомнения в том, что все эти качества действительно важны для оценки многих конкретных текстов в коммуникативном аспекте. И задачу определения текста по шкале «плохой – хороший» в коммуникативном аспекте можно было бы считать решенной, если для этого было бы достаточно приложить к любому тексту названные девять признаков.

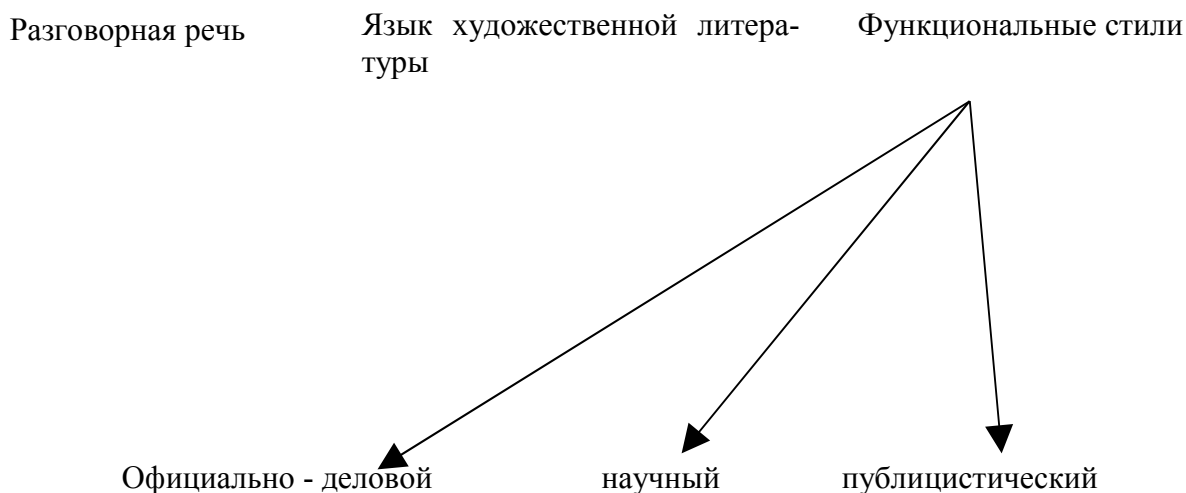
Язык выполняет разные коммуникативные задачи, обслуживает разные сферы общения. Одно дело – язык "Науки и совсем другое – обыденная разговорная речь. Каждая сфера общения в соответствии с теми коммуникативными задачами, которые ставятся" в ней, предъявляет к языку свои требования. Поэтому невозможно говорить в коммуникативном плане о культуре владения языком вообще. Речь должна идти о культуре владения разными функциональными разновидностями языка. То, что хорошо в одной функциональной разновидности языка, оказывается совершенно неприемлемо в другой. М. В. Паноб пишет: «не раз в печати появлялись жалобы, что лексикографы обижают слова: ставят около них пометы «разговорное», «просторечное» и т. д. Несправедливы эти жалобы. Такие пометы не дискриминируют слова. Посмотрим в словаре, у каких слов стоит помета «разговорное»: ворочать (делами), ворчун, восвояси, вперебой, впихнуть, впросонках, впрямь, впустую, временами (иногда), всласть, всплакнуть, вспомнать, встряска, всухомятку, выволочка, газировка, гибель (много), глазастый, глядь, гм, гнильца, говорун, голубчик, гора (много), грохнуть, грошовый, грузнеть, ни гу-гу, гуртом, давай (он давай кричать), давненько-Прекрасные слова. Помета разг. их не порочит. Помета предупреждает: лицо, с которым вы в строго официальных

отношениях, не называйте голубчиком, не предлагайте ему куда-нибудь его впихнуть, не сообщайте ему, что он долговязый и временами ворчун... В официальных бумагах не употребляйте слова глядь, всласть, восвосяи, грошовый... Ведь разумные советы?» [28, 9–10].

Если с этих позиций подойти к некоторым из перечисленных качеств хорошей речи, то оказывается, как это ни странно на первый взгляд, что в отдельных ее разновидностях хорошими или как минимум неплохими следует признать качества, противоположные тем, которые названы в списке. Так, если для научной речи действительно необходима точность, в том числе и точность в обозначении конкретных реалий, то в разговорной речи вполне нормативны такие, например, неточные обозначения, как «чем писать» (карандаш, ручка). Б. Н. Ельцин в книге «Исповедь на заданную тему» приводит такую полученную им записку: «Скажите, наши партийные руководители знают, что в стране нет элементарного: что поесть, во что одеться, чем умыться? Они что, живут по другим законам?»

Какие же существуют функциональные разновидности языка и какие требования с точки зрения культуры речи к ним следует предъявлять? Учение о функциональных разновидностях языка имеет свою историю. Долгое время разные сферы общения понимались как стили языка и стили речи. Стилями языка считались, например язык науки, язык художественной литературы, разговорная речь. Стилями речи признавались частные реализации стилей, такие, как учебная лекция и научный доклад, в основе которых лежит научный стиль. В последнее время лингвисты пришли к выводу, что языковые различия между некоторыми сферами общения столь значительны, что использовать отношению к ним одно ообщее понятие «стиль» едва ли целесообразно поэтому вводится понятие «функциональная разновидность языка». Широкое признание получила типология функциональных разновидностей языка, сравнительно недавно предложенная академиком Д. Б. Шмелевым [40]. Эта типология такова:

Стилями Д. Н. Шмелев называет только функциональные стили, которые (все вместе) по своей языковой организации имеют существеннейшие отличия как от языка художественной литературы, так и от разговорной речи.

Как уже говорилось, главной отличительной особенностью языка художественной литературы является его особая по сравнению со всеми другими разновидностями предназначенность. Вся организация языковых средств в художественной литературе подчинена не просто передаче содержания, а передаче художественными средствами. Главная функция языка художественной литературы – эстетическая (или поэтическая). С этой целью в языке художественной литературы могут использоваться не только функциональные разновидности литературного языка, но и нелитературные формы национального языка: диалекты, просторечие, жаргонизмы и др. интересный пример обыгрывания элементов официально-делового стиля в художественных целях В. Шукшиным в рассказе «Чудик» приводит в одной из своих работ Д. Н. Шмелев:

«В аэропорту Чудик написал телеграмму жене:

«Приземлился. Ветка сирени упала на грудь, милая Груша, меня не забудь. Васятка».

Телеграфистка, строгая сухая женщина, прочитав телеграмму, предложила:

– Составьте иначе. Вы – взрослый человек, не в детсаде.

– Почему? – спросил Чудик. – Я ей всегда так пишу в письмах. Это же моя жена!.. Вы, наверное, подумали...

– В письмах можете писать что угодно, а телеграмма – это вид связи. Это открытый текст.

Чудик переписал:

«Приземлились. Все в порядке. Васятка».

Телеграфистка сама исправила два слова: «Приземлились» и «Васятка». Стало: «Долетели. Василий».

Можно привести еще ряд примеров такого рода: хорошо известно умелое обыгрывание просторечия в рассказах М. Зощенко; охотно использует диалектные слова В. Астафьев; немало слов лагерного жаргона в произведениях на соответствующую тему у А. Солженицына и т. п.

Особое положение языка художественной литературы в системе функциональных разновидностей языка состоит еще в том, что он оказывает огромное влияние на литературный язык в целом! Не случайно в название нормированного национального языка включено определение «литературный». Именно писатели формируют в своих произведениях нормы литературного языка. А. Солженицын предложил «Русский словарь языкового расширения». «Лучший способ обогащения языка, – пишет автор в предисловии к этому словарю, – это восстановление прежде накопленных, а потом утерянных богатств» [36, 43]. В словаре приводятся такие, например, слова: авосничать – пускаться на авось, беззаботно; бадъистое ведро – просторное, большое; бадяжничать – шутить, дурачиться; убарахтался – умаялся; бедить – причинять беду; безвидный – неказистый, невзрачный; беспорье – безвременье, худая пора и т. п. Трудно сейчас сказать, какова будет судьба этих и других слов в литературном языке, но сам факт создания такого словаря заслуживает внимания. Когда размышляешь о языке художественной литературы, то, по-видимому, уместнее говорить не о культуре речи, а о таланте, мастерстве писателя в использовании всех богатств и возможностей национального языка. Дальнейшее развитие темы о языке художественной литературы увело бы нас далеко в сторону от проблематики культуры речи, поэтому обратимся к другим функциональным разновидностям языка.

Но прежде чем говорить конкретно о каждой из них, необходимо подчеркнуть одно существенное обстоятельство. Важным требованием культуры владения языком является требование различать его функциональные разновидности, свободно пользоваться любой из них, четко представляя, какая из разновидностей языка должна выбираться в соответствии с задачами общения. Одно из Основополагающих отличий такой нелитературной формы языка, как просторечие, от литературного языка состоит в том, что носители первого из них не различают или плохо различают разновидности языка. Попадая, например, в официально-деловую обстановку, носитель просторечия будет стремиться говорить не так, как он привык говорить дома, но как именно говорить в данной ситуации, он точно не знает.

Культура владения разными функциональными разновидностями языка – это прежде всего такой выбор и такая организация языковых средств, которые отличают данную разновидность от других, определяют ее лицо.

Среди функциональных разновидностей особое место, как следует из приведенной на с. 19 схемы, занимает разговорная речь (далее – РР). Еще не так давно РР рассматривалась в ряду функциональных стилей.

Дело в том, что разговорная речь по сравнению с другими функциональными разновидностями имеет весьма существенные особенности. Если язык художественной литературы и функциональные стили языка строятся на основе зафиксированных в словарях и грамматиках правил языка, то особенности разговорной речи нигде не фиксируются. Нигде не говорится, например, что в определенных условиях общения можно встретиться с употреблением именительного падежа существительного в высказываниях типа: Не скажете Третьяковка как пройти?

Для официально-делового стиля характерной чертой является штамп. Невозможно представить себе вольную форму в заявлении о командировке или об отпуске, существуют установленные образцы дипломов, паспорта и т. п. Но, конечно, культура владения официально-деловым стилем не ограничивается только знанием штампов. Разные его жанры требуют разных речевых навыков. Исследователь этого стиля П. В. Веселов рассматривает, например, культуру ведения деловой беседы по телефону. Отмечается, в частности, что для эффективности беседы необходимо сразу же отрекомендоваться (следует говорить: «Иванов у телефона», «Петров слушает», а не «Я у телефона», «Слушаю»), при ведении разговора не должно быть никаких стилевых излишеств. «Служебный диалог по телефону, – пишет П. В. Веселов, – не подробный обмен мнениями, а обмен информацией оперативного значения с целью достижения определенных действий». И продолжает: «Подобно тому, как унифицирована письменная деловая речь, можно унифицировать и устную. Зачем? – Чтобы меньше говорить и больше делать» [2].

Особый жанр официально-делового стиля – это юридические документы: конституция, своды законов и др. Главное для этих документов – четкие полные, не оставляющие места для двусмысленности формулировки ничто не должно оставаться в подтексте; неявно выраженный смысл для официально-делового стиля не характерен. Некоторая тяжеловесность многих юридических текстов неизбежна. При их написании действует своего рода принцип: хорошо бы сказать проще, но проще не скажешь, например: «Защита гражданских прав осуществляется в установленном порядке судом, арбитражем или третейским судом путем: признания этих прав» восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право; присуждения к исполнению обязанности в натуре; прекращения или изменения правоотношения; взыскания с лица, нарушившего право, причиненных убытков, а в случаях, предусмотренных законом или договором, – неустойки (штрафа, пени), а также иными способами, предусмотренными законом».

Такие юридические тексты не предназначены для быстрого усвоения неспециалистами: они требуют неоднократного прочтения.

Эффективный набор языковых средств для построения добротных в плане культуры речи научных текстов подчиняется таким требованиям, как логичность изложения, точное обозначение понятий и реалий. Научный текст немыслим без терминологии, поскольку именно она обеспечивает точность обозначения. Последовательное развитие научной мысли (логика мысли) не позволяет, с одной стороны, использовать, как и официально-деловом стиле, неявно выраженный смысл, а с другой – требует того, чтобы новое предложение постоянно вбирало в себя смысл предшествующих. Это можно осуществить, просто повторив предшествующие предложение в форме придаточного. Такой способ крайне неэкономичен. Поэтому чаще используются другие способы: свертывание предшествующего предложения в отглагольное существительное, замена его местоимением и т.п. Такое объединение определяет особые синтаксические свойства слова. Подобные способы не чужды и другим функциональным разновидностям языка, в языке научных текстов они особенно активны, например: «В этой главе теория обобщенных функций применяется к построению фундаментальных решений и к решению задачи Коши для волнового уравнения и для уравнения теплопроводности. При этом задача Коши рассматривается в обобщенной постановке, что позволяет включить начальные условия в мгновенно действующие источники (типа простого и двойного слоя на поверхности $t=0$). Таким путем задача Коши сводится к задаче о нахождении такого (обобщенного) решения данного уравнения (с неизменной правой частью), которое обращается в нуль при $t<0$. Последняя задача решается стандартным методом – методом суммирования возмущений, порождаемых каждой точкой источника, так что решение ее представляется в виде свертки фундаментального решения с правой частью». В результате эти научные тексты оказываются информативно насыщенными в гораздо большей степени, чем например, разговорные или публицистические. В тексты многих научных специальностей (математика, физика, химия, логика и др.) органически входят формулы. Поэтому научные тексты объективно трудны для восприятия. К ним нельзя предъявлять требование вседоступности. Следует, однако, заметить, что объективные трудности восприятия научных текстов не имеют ничего общего с субъективной трудностью восприятия некоторых научных текстов. Существо-

ет ложное убеждение, что наука в принципе должна быть непонятна для непосвященных. И поэтому некоторые ученые, особенно начинающие, стараются во что бы то ни стало написать «позаковыристей», например, так: «...На месте генетического знания выступает знание реальное, или ближайший смысл из числа неязыковленных смыслов пространственной таксономии в речи коммуникативной абстракции». Хотя вряд ли такие «неязыковленные» суждения могут продвинуть науку вперед... На наш взгляд, основное требование к культуре владения научным стилем можно сформулировать в виде такой сентенции: выражайся настолько сложно, насколько сложен объект исследования, и не более того.

Следует отметить еще одно немаловажное обстоятельство. Есть существенные различия между письменной и устной формами научного стиля. Например, вполне оправданна глубокая информационная насыщенность письменных научных текстов, поскольку письменный текст, если он не сразу понят, может быть вновь прочитан. Устный научный текст, например лекция, такого повторного восприятия, естественно, не допускает. Поэтому опытный лектор подает информацию как бы порциями, часто возвращаясь к уже сказанному, вновь активизируя его в сознании слушающих. В результате семантика синтаксическая структура устного научного текста оказывается весьма своеобразной, специально исследовавшая устные научные тексты О. А. Лаптева главной чертой их считает дискретность (прерывистость) [18, 119]. Вот небольшой приводимый ею пример (в несколько упрощенной передаче): «Нужно формулировать наши теоретические выводы таким образом. Чтобы они были четко, так сказать, уже с самого начала, при формулировке, они включали в себя возможность их проверки фактами. Причем не только данным ученым, но специалистами в области эмпирии. То есть можно. Организовать, так сказать, разделение труда между теоретиками и людьми, работающими в области эмпирии, в области статистики, которые, опираясь на правильно сформулированные теоретические положения, когда правильно сформулированные теоретические положения, когда правильно сформулированные требования проверки того или иного теоретического положения, могли сказать: «Да, вот это положение подтверждается фактами. Вот это положение не подтверждается фактами». Ясно, что писать так нельзя, но говорить вполне можно, текст отвечает требованиям к культуре владения устным научным стилем.

Нетрудно видеть, что официально-деловой и научный стили имеют не мало общего. Это прежде всего точность обозначений (термины), отказ от смысла в неявно выражении. Эти стили относятся к разряду строгих. Они заметно отличаются от нестрогой разговорной речи. Особое промежуточное положение между строгими и нестрогими функциональными разновидностями языка занимает публицистический стиль. Известный языковед В. Г. Костомаров, анализируя один из основных жанров публицистики, язык газет, показал, что в нем соединяются две противоположные тенденции: тенденция к стандартизации, свойственная строгим стилям и тенденция к экспрессивности, характерная для разговорной речи и для языка художественной литературы. В. Г. Костомаров пишет: «К максимуму информативности стремятся научный и деловой стили... К максимуму эмоциональности приближаются некоторые бытовые и поэтические тексты... Газетное изложение не терпит ни той ни другой крайности: в первом случае не было бы эмоционально воздействующего эффекта (скучно, неинтересно), во втором – необходимой фактографичности (на одних чувствах)» [14, 91]. Вот пример соединения этих тенденций: статьям на серьезнейшие темы может предшествовать экспрессивный «легкомысленный» заголовок. Вообще современная пресса – это своеобразное соревнование заголовков (кто ярче и необычнее назовет): «В чем Промолчит глас народа»; «В экологическом концлагере»; «Второй эшелон номенклатуры»; «Бермудский треугольник в Лаврушинском переулке»; «Вопросы истории» под вопросом»; «Лес рубят – машины стоят»; и даже элементарный прогноз погоды озаглавлен в одной из газет так: «У природы нет плохой погоды».

Итак, была сделана попытка в общих чертах определить основные языковые особенности функциональных разновидностей языка и дать рекомендации по культуре владения ими. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь может идти именно о рекомендациях, а не о тех достаточно жестких требованиях, которые предъявляет нормативный аспект культуры речи. Создание текста определенной функциональной направленности – это творческий процесс, исключение составляют только некоторые канонические жанры официально-делового

стиля. Творчество же предполагает проявление языковой индивидуальности. Каждая функциональная разновидность языка располагает таким богатым арсеналом языковых средств и способов их организации, что всегда есть возможность строить соответствующие тексты разнообразно, но во всех случаях эффективно. Чем выше культура владения функциональными разновидностями языка, тем в большей степени проявляется языковая индивидуальность. Едва ли в пособиях по культуре речи можно научить языковой индивидуальности – это, как говорят, от Бога, но вот научить не создавать неэффективных в коммуникативном плане текстов, вероятно, можно.

В отдельных главах учебного пособия представления о функциональных разновидностях языка и культуре речи изложены более детально.

§ 3. Основные признаки культуры речи как лингвистической дисциплины

В спонтанной речи мы пользуемся языком, как писал Г. О. Винокур, «импульсивно, следуя заданной, внушенной социальной норме» [3]. Однако даже в том случае, если говорящий образован и хорошо знает свой литературный язык – его лексику, грамматику, правописание и произношение, со временем его речь «по инерции» (при условии работы над языком) становится более осознанной, продуманной, целесообразной с точки зрения условий, ситуации и, конечно, избранного стиля общения. Никто не будет спорить с высказыванием о том, что речь культурного человека должна быть выше простого умения объясняться в быту. Коммуникативные аспекты речи в процессе овладения литературным языком являются едва ли не решающими. Однако, если думать о том, что именно составляет специфику культуры речи как особой лингвистической дисциплины, то нельзя не заметить, что для нее особенно важными являются: 1) проблема литературной–нормы, ее теоретическая и лингвистическая интерпретации; 2) регулятивный аспект, предусматривающий поддержку, защиту и охрану русского языка от неблагоприятных и разрушительных влияний.

25 октября 1991 г. был принят закон о языках народов РСФСР, в котором русский язык объявлен государственным. В настоящее время разработана Федеральная программа поддержки русского языка. При создании сетки Федеральной программы язык рассматривался в трех главных аспектах: русский язык как государственный, как национальный и как мировой. В последнем случае предусматривалась функция русского языка как международного. Специально оговаривалась выработка государственной политики по отношению к русскому языку, что относится, бесспорно, и к культуре его использования. В докладе «Основные направления деятельности Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации» академик Е. П. Чельшев сказал: «Русский язык является основой духовной культуры русского народа. Он формирует и объединяет нацию, связывает поколения, обеспечивает преемственность и постоянное обновление национальной культуры. Престиж русской нации, восприятие русского народа в других культурах во многом зависит от состояния русского языка. Опираясь на народную языковую традицию, многие замечательные русские писатели, ученые, общественные деятели внесли значительный вклад в становление русского национального языка, в совершенствование его литературной формы. Русский язык занимает достаточное место в ряду мировых языков, отличаясь развитой лексикой, богатством фразеологии, гибкостью и способностью выражать новые явления культуры, науки и общественной жизни» [38].

С государственной политикой связано общее направление деятельности государства в области языка. В компетенцию государства входит прежде всего защита широкой сферы функционирования языка. Можно привести один исторический пример. На протяжении всей первой половины XVIII в. и ранее в России преподавание в Академии велось не на русском, а на греческом и латинском языках. Лишь в 1747 г., то есть в середине XVIII в., по распоряжению, подписанному императрицей Елизаветой, в утвержденном регламенте Академии наук официальными языками для Академии были установлены два – латинский и русский. На полях устава рукой Ломоносова было приписано: «Ораторские речи должны быть все российские». По существу, только в последней трети XVIII в. – с 1767 г. (подумайте, как

поздно!) – началось регулярное чтение лекций на русском языке, хотя часть лекций все же читалась на латыни. Только покровительство власти, помогло русским ученым в конце XVIII в. утвердить родной язык и в сфере науки, и в сфере преподавания.

Велика роль государства в деле развития русистики, филологического образования и преподавания русского языка, учреждения гуманитарных учреждений, их устройства и финансирования, что также составляет важнейшую часть поддержки русской культуры, науки и языка.

Имеются и негативные стороны попыток воздействия власти на язык. И тут важно помнить: следует изучать современный язык, но и его история нас многому учит. Если у реки можно изменить направление, забрать ее в коллекторы, то язык, который часто сравнивают с водной стихией, в коллекторные трубы не заберешь. Регулирование, связанное с языком, должно предполагать и долю свободы, возможность стилистического выбора. Мы обязаны учитывать, что иногда употребление слов носит стихийный характер. В этом отношении поучительны примеры прямого вмешательства власти и попытки ее воздействия на язык.

Так, Павел I запретил употребление слов общество, отечество, стража, граждане. Следовало говорить не граждане, а жители, не отечество, а государство, не стража, а караул, не клуб, а собрание. Наказание за нарушение предписаний было строгим. Известен факт, что за выражение «представители лесов» при виде некоторых деревьев сопровождавший Павла I дворянин был изгнан из экипажа государя. За неосторожные речи о персоне государя жестоко пытали.

В XX веке иллюстрации еще более разительны. Нельзя было говорить и думать, а тем более писать обо всем том, что не устраивало правящий режим. В советский период государством был создан специфический словарь идеологом и разработаны семантические сферы новой русской идеологии [17, 6–44]. В проспекте энциклопедического словаря-справочника «Культура русской речи» подчеркивается значение сознательного воздействия государственной власти на язык: «Формирование и поддержание особого идеологизированного языка является эффективным средством пропаганды, позволяющим создать определенную картину социальной действительности. Наличие или отсутствие термина как бы подтверждает наличие и отсутствие обозначаемого им явления (например, развитой социализм, новый класс)» [16, 93–94].

В соответствии с государственными идеологическими установлениями, которые в той или иной мере приходилось отражать в толковых словарях советской эпохи, были расставлены знаки оценки слов, относящихся к семантическому полю идеологом. Так, еще совсем недавно (до 90-х гг.) только с отрицательной коннотацией использовались все термины и номинации, относящиеся к правящим классам в XIX в.: аристократ, дворянин, буржуа, предприниматель, помещик, барин, крепостник, господин, вельможа и т. п. В наши дни активно развивается процесс энантиосемии и знаки оценок у многих из этих слов меняются на противоположные – из отрицательных на положительные, и наоборот.

Второй пример. Значительные полномочия были даны государственной цензуре и лицам, осуществляющим надзор за печатью. Так, министр иностранных дел А. Козырев вспоминал, что старый МИД (работавший при А. Громыко) старательно вычеркивал из всех мидовских документов словосочетание мировое сообщество: «Что это такое? С кем общаться? С капиталистическими странами? Увольте» (из телепрограммы НТВ «Герой дня» от 26 января 1996 г.).

Деятельность цензуры особенно памятна словарникам и лексикографам. Сохранились ставшие теперь историческими устные воспоминания. Членам редколлегии «Толкового словаря» под ред. Д. Н. Ушакова запомнилась, например, работа над буквой «Л». В одном из первых списков словника после слова ленинец шло слово лентяй. Редактор в издательстве спрашивал: «Чего вы хотите, чего добиваетесь?». Между этими словами тогда пришлось вставить слово ленинградец, хотя патронимическая лексика (типа москвич, архангелогородец и др.) в толковые словари не вводилась. В окончательном тексте словаря этой неловкости удалось избежать.

С. И. Ожегов рассказывал что во время дружбы с Германией в его «Словарь русского языка» было включено слово фюрер, а после разрыва с Германией оно было заменено меж-

дометием фьють. Однако политики приходят и уходят, а словари остаются. Если в первых изданиях словаря 40–50-х гг. слова фюрер нет, то в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой 1992 г. слово фюрер и междометие фьють расположены неподалеку друг от друга. Ясно, что подобное вмешательство власти в конце концов кончается ничем. Еще об одном эпизоде словарной работы рассказывал С. И. Ожегов. В первых изданиях его словаря было помещено слово хрущ с таким толкованием: «Название некоторых жуков, напр., майского» С иллюстрацией: «хрущ – вредитель сельского хозяйства». С 1958 по 1964 г., когда генсеком был Н. С. Хрущев, предпринявший ряд неудачных и просто даже разрушительных реформ в сельском хозяйстве, издательская цензура усмотрела ядовитый намек в иллюстрации к слову хрущ. Пример пришлось снять. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой 1992 г. слов хрущ определяется так: «Жук с пластинчатыми усиками (часто вредитель растений)». Вслед за этим словом все же помещены лексические памятники деятельности Н. С. Хрущева: хрущевка (разг.) и хрущобы (прост, шутол.). Последнее воспринимается не столько как шутовская, сколько как ироническая номинация, по аналогии со словом трущобы.

После того как была провозглашена политика гласности (с 1985 г.) и официально отменена цензура, в обществе воцарилась свобода слова: пиши, как думаешь, говори, что хочешь. Ни запрета, ни контроля. Но, что очень плохо, нередко нет и необходимого самоконтроля, и тем более – даже попыток самоограничения. В этих условиях, конечно же, лица, облеченные государственной властью, не могут оставаться равнодушными к фактам откровенного бескультурья. Так, в одной из радиопередач 1996 г., которая называлась «Гражданин – общество – закон», состоялся диалог радиокомментатора и юриста.

Радиокомментатор: – Мой сосед в гараже ремонтировал машину вместе с пятнадцатилетним сыном, и его разговор был пересыпан нецензурными выражениями. Прямо сказать, из гаража раздавался мат-перемат.

Юрист: – Это мелкое хулиганство, и за это положен даже штраф.

Радиокомментатор: – Да, надо повышать культуру общения, должна утвердаться нетерпимость по отношению к этим явлениям.

Юрист: – Нецензурная брань в общественном месте недопустима.

По этому же поводу весьма характерно высказывание бывшего председателя российской телерадиокомпании О. Попцова в программе «Вести» 15 ноября 1995 г., когда проходила предвыборная кампания, связанная с избранием депутатов в шестую Государственную Думу. С экрана телевизора звучала ненормативная лексика, которую депутаты использовали в борьбе с конкурентами. О. Попцов, запретивший появление на экране некоторых фрагментов из теледебатов, прокомментировал свои запреты следующим образом: «Мат – это, безусловно, элементы лексики, но не элементы предвыборной агитации. У нас отменена политическая цензура, но цензура нравственная все же, бесспорно, будет. Цензура будет касаться элементов насилия, хамства, хулиганства и откровенной глупости». В связи с этим необходимо упомянуть и о действующем Уголовном кодексе Российской Федерации, в котором есть специальные статьи, предусматривающие наказание за оскорбления, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, так же как и за клевету, подрывающую репутацию человека (ст. 129 и 130).

В отличие от государственной политики (по отношению к языку) вектор лингвистической политики обращен в другую сторону, хотя вопросы защиты, охраны и поддержки литературного языка – общие для всех сфер. Перед лингвистами, филологами, преподавателями русского языка стоит задача воспитания и обогащения индивидуального культурного языкового опыта каждого человека. «Чем меньше культурный опыт человека, – замечал академик Д. С. Лихачев, – тем беднее не только его язык, но и «концептосфера» его словарного запаса, как активного, так и пассивного» [20, 5].

Наиболее точно значение и роль языковой политики определил проф. Г. О. Винокур в книге «Культура языка»: «Целью языковой политики может быть только сам язык. В противном случае язык превращается лишь в средство, объект достижения целей собственно политических, а не культурно-лингвистических. Языковая политика есть не что иное, как осно-

ванное на точном, научном понимании дела руководство социальными лингвистическими нуждами».

Роль лингвистов в языковом строительстве чрезвычайно велика. С одной стороны, они создают учебники по русскому языку, грамматики, стилистики, риторики и словари разного типа, которые аккумулируют сложившиеся к нашему времени культурные, преподавательские и научные знания. С другой стороны, не менее важна деятельность лингвистов в области защиты, поддержки и развития литературного языка как высшей формы существования языка в его обработанной полифункциональной стилистически дифференцированной системе. Являясь общенародным средством коммуникации, литературный язык вступает во взаимодействие с различными стратами национального языка – с региональными (в двуязычной или многоязычной среде), с диалектами (в деревнях разных областей страны), с городским просторечием, с жаргонами и профессиональными языковыми реализациями. Для литературного языка имеют значение не только отмеченные связи и взаимодействия по горизонтали, но и виртуальные (возможные при определенных условиях) характеристики по вертикали. Русский литературный язык при всей своей гибкости и разносторонней развитости на протяжении истории, в том числе и новейшей, никогда не оставался неизменным. В этих условиях неизбежно со всей остротой вставали и встают вопросы нормализации литературного языка, выработки единых кодификационных норм. Языковые нормы, как лексические, так и грамматические, регистрируются словарями, грамматиками, стилистикой, риторикой. Такую регистрацию фиксацию языковой нормы теперь принято называть ее кодификацией (термин, предложенный чешским лингвистом профессором Б. Гавранком). В случаях достаточно частотных и регулярных кодификация не представляет трудностей и адекватна объективно существующей норме. Сложнее обстоит дело тогда, когда в речи встречаются варианты, потому что именно в этой ситуации возникает проблема выбора и проблема сопоставления, оценки вариантов с точки зрения их «литературности», соответствия нормам современного языка. Ведь наряду с очевидными случаями большего или меньшего «равенства» вариантов и такими же очевидными случаями явной неприемлемости одного из вариантов для литературного употребления располагается широкая зона сомнительных явлений допустимых, по мнению одних, и недопустимых, с точки зрения других (ср. отношение пуристов всех времен к новообразованиям). Встречаясь с подобными явлениями, давая им оценку, лингвист уже не просто регистрирует общепризнанное, единое, не вызывающее возражения употребление – он активно вмешивается в литературный язык, предписывая говорящим и пишущим, какую форму они должны употреблять, то есть занимается нормализацией языка термином нормализация, таким образом, обозначается сложный комплекс видов деятельности лингвистов, предполагающий: 1) изучение проблемы определения и установления норм литературного языка; 2) исследование в нормативных целях языковой практики отношении к теории; 3) приведение в систему, дальнейшее совершенствование и упорядочение правил употребления в случаях расхождения теории и практики, когда появляется необходимость укрепления норм литературного языка.

Идея нормативности, активного упорядочения словоупотребления, произношения, грамматических норм должна быть противопоставлена пассивной позиции объективистов, ставящих, задачи констатации и добросовестного описания всех фактов языка и не берущих на себя смелость выносить решения и рекомендации. Поза стороннего наблюдателя была в особенности не по душе лингвистам-русистам в 20-30-е гг. XX в., когда царил языковая смута и многие вопросы языкового строительства требовали незамедлительного практического разрешения. Вот одно из высказываний тех лет «некоторые думают, что нужно предоставить дело своей судьбе перемелется – мука будет; незачем вмешиваться в естественный процесс развития языка; все образуется со временем само собой «это – противники языковой политики...» [12, 48].

Не следует забывать, что языковая политика всегда считалась не только общим филологическим делом, она являлась и является средоточием многих интересов, а главное, всегда была проникнута оценочными суждениями. Проблема истинности таких суждений постоянно занимала С. И. Ожегова, основателя сектора культуры русской речи, и в теоретическом, и в практическом плане. В связи с этим важно обратиться к историческим основам нормализа-

ции русского литературного языка. В эпоху формирования русского национального языка вопросы его нормализации занимали значительное место в работе ученых. С. И. Ожегов подчеркивал, что именно тогда наметились два взаимно связанных критерия нормализации [22, 90–91].

Глава первой русской филологической школы М. В. Ломоносов выдвинул критерий исторической целесообразности в упорядочении норм литературного языка. М. В. Ломоносов разграничил стили литературного языка в зависимости от стилистической характеристики языковых единиц, тем самым впервые определив нормы стилей. Позиция осознанной, активной нормализации была самой характерной чертой взглядов ученого: «Ежели в народе слово испорчено, то старайся оное исправить?», – писал он в своей Риторике [21]. Этот принцип развивался в трудах его последователей вплоть до 30-х гг. XIX в. Второй критерий – социально-эстетическая оценка – преобладал в трудах В. К. Тредиаковского, а затем и в работах филологов карамзинской школы, определявших новое развитие принципов нормализации литературной, и прежде всего художественной, речи. Во второй половине XIX в. вопросы научной нормализации языка получили дальнейшее развитие в работах Я. К. Грота (1812–1893). Он впервые систематизировал и теоретически осмыслил свод орфографических законов литературного языка [9]. Нормативное направление исследований Я. К. Грота выразилось и в том, что он разрабатывал принципы составления областных, толковых и переводных словарей. Для нормативного «Словаря русского языка», издаваемого под руководством Я. К. Грота с 1891 г. (буквы А–Д) была разработана система грамматических и стилистических помет.

После смерти Я. К. Грота в Академии царила отвлеченная мысль, опиравшаяся на авторитеты и не вступавшая в заметное противоречие с главенствующей концепцией языка, в основе которой лежали исследования описательно-систематизаторского характера. Так, по мнению академика А. А. Шахматова, вопросы нормализации литературной речи стоят за пределами научного языкознания. Лишь начиная с 30-х гг. XX в. основные усилия молодых ученых нового направления – к их числу относились В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, С. И. Ожегов, Л. В. Щерба и др. – были направлены на разработку идей активной нормализации литературного языка нового времени.

Основу нормализации языка составляет анализ современного состояния языка и его литературной нормы в свете закономерностей исторического развития. Языковая норма, хотя бы и неосознанная, свойственна разным формам существования языка – диалектам, языку народностей, общенародному языку. Но о языковой норме в полном смысле этого слова, то есть как о категории осознанной и фиксированной в общеобязательных правилах, можно говорить только применительно к эпохе формирования языка с сопутствующему этому процессу преобразованием его литературно-письменной формы.

Понятие нормы в разных областях деятельности оказывается существенным, но строится на основе различных конструктивных – признаков. Ср.: норма выпадения осадков (среднее количество осадков в то или иное время года) и норма права (свод общеобязательных правил поведения), норма прибавочной стоимости (отношение массы прибавочной стоимости к переменному капиталу, выраженное в процентах) и норма медицинских показателей здоровья (совокупность мер этих показателей в некоторых допустимых пределах) и т. д. К конструктивным признакам языковой нормы относятся план кодификации и план функционирования речевой деятельности, в процессе которой происходит реализация кодифицированных норм. В работах исследователей Пражского лингвистического кружка Б. Гавранка, М. Докулила, А. Едлички [31] подчеркивалась необходимость различать действительность нормы, ее реальную материализацию в нормативной литературе – в грамматиках, справочниках, стилистике, риторике и словарях. Кодификация как сознательная норма, закрепленная в сводах правил, предназначенных для всех обучающихся языку, свойственна лишь литературному языку. Кодификация как свод языковых правил может существовать отдельно от говорящих. Тогда как функционирующие нормы, то есть нормы в действии, не могут существовать вне коллектива, вне личностей.

Идеал кодификации заключается незыблемости, стабильности языковых установлений. Функциональные же и стилистические потребности языка создают условия для возможных

его изменении, прежде всего в норме употребления языковых единиц. Академик И. В. Ягич отмечал: «Против... отклонений от закономерных образований теория может некоторое время обороняться, но в конце концов она обычно уступает, потому что именно употребление – последняя инстанция, которой нельзя не покоряться» [41]. Значение фактора употребления подчеркнуто и в том определении нормы, которое предложил С. И. Ожегов: «Норма – это совокупность наиболее пригодных («правильных», «предпочитаемых») для обслуживания общества средств языка, складывающихся как результат отбора языковых элементов (лексических, произносительных, морфологических, синтаксических) из числа сосуществующих, наличествующих, образуемых вновь или извлекаемых из пассивного запаса прошлого в процессе социальной, в широком смысле, оценки этих элементов»

Дальнейшая разработка понятия нормы привела к появлению иных определений, например: «норма – реализация системы» [13] или: «Понятие нормы имплицитно предусматривает присутствие вероятностных оценок... Чтобы получить достаточно богатое описание норм речи, необходимо использовать весь интервал вероятностной меры от нуля до единицы» [30]. Но ни одно из этих определений не было столь емким и разносторонним, как определение Ожегова. В первом явно отсутствует исторический подход, не учтены и элементы социолингвистического характера. Во втором определении дается основа для объективной оценки количественной природы нормы, но нет ни системно-типологического подхода (как у Ожегова и у Косериу), ни тем более существенных компонентов исторической или социолингвистической оценки нормы. С диахронической точки зрения норму можно рассматривать как итог познания и отражения некоей стержневой, исторически отшлифованной сущности литературного языка, то конкретное прагматически рациональное начало, отталкиваясь от которого можно оценивать появляющиеся неологизмы, воспринимающиеся многими как хаотические, беспорядочные, портящие литературный язык или даже вредящие ему. Резкие и немотивированные отступления от литературной нормы – имеются в виду неправильные, неверные написания слов; погрешности в произношении; образования, противоречащие грамматическим и лексическим законам языка, – квалифицируются как ошибки. Типология ошибок, вызванных отклонениями от литературной нормы, охватывает все синтагматические и парадигматические ряды языковых единиц. Обычно ошибки изживаются в школе, на протяжении многолетнего обучения русскому языку. Тем не менее многие из них проскальзывают в повседневную речь даже образованных людей; иногда появляются в речи дикторов на радио и телевидении, в деловой речи и выступлениях депутатов и государственных деятелей. Поэтому уместно кратко напомнить об основных типах наиболее распространенных ошибок.

Ошибки квалифицируются по уровням языка. Прежде всего выделяются орфографические и пунктуационные ошибки, появляющиеся в результате нарушения правил правописания. Рекомендации правильного написания даются орфографическими словарями [26]. В устной речи различаются орфоэпические ошибки, связанные с отступлением от нормы в произносительной системе языка. Ошибки, наблюдающиеся в произношении и ударении слов, можно выправить в соответствии с рекомендациями орфоэпического словаря [27]. Грамматические ошибки, обусловленные нарушением грамматических законов языка, наблюдаются в образовании форм слов, в построении словосочетаний и предложений. В соответствии с тремя основными разделами грамматики различаются ошибки в словоизменении, словообразовании и синтаксисе. Эти ошибки преодолеваются, с одной стороны, с помощью грамматики [34], с другой – с помощью грамматических словарей [6, 10]. Последний пласт ошибок (по месту в типологии, но не по значению!) – лексические и лексикофразеологические. Лексические ошибки – неправильности или неточности в употреблении отдельных слов, появляющиеся в результате смешения паронимов, незнания точного значения слов, неуместного использования макаронизмов и т. п. Лексико-фразеологические ошибки в речи обусловлены неправильным употреблением слов в фразеологии: ср. глас вопящего в пустыне вместо глас вопиющего в пустыне; жить как Христос за пазухой вместо – жить как у Христа за пазухой; брать быков за рога вместо брать быка за рога, власть предержажшие вместо власти предержажшие (вариант в ед. ч. – власть предержажщая ошибочное употребление появилось под влиянием фразеологизма власть имущие).

В связи с отклонением от современной стилистической нормы на всех уровнях языка различаются и стилистические ошибки. Эти ошибки заключаются в употреблении языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений), обладающих стилистической окраской, не соответствующей стилистической окраске всего текста. Среди них должны быть отмечены лексико-стилистические и грамматико-стилистические ошибки. Такого рода отступления от нормы фиксируются прежде всего в словарях лексических трудностей русского языка [19], словарях паронимов [1] и фразеологических словарях [37].

В литературном языке существует пласт языковых единиц, стоящих на грани нормы и не-нормы. Этими единицами отмечены, как правило, «точки роста» в языке – те участки языковой системы, которые подвержены колебаниям нормы, возникающим в результате проявления неустойчивости, нестабильности языковых единиц плана выражения.

С этой точки зрения наиболее показательны пласты существующих вариантов в языке, составляющих один из важнейших объектов внимания нормализаторов.

Несколько слов о понятии вариантности. Вариантность следует рассматривать как свойство по терминологическому значению прилагательного вариантный. Обозначает она особое качество, связанное с существованием разновидности, видоизменения второстепенных элементов языковых сущностей, их частных (вариантов) при сохранении того, что является основой (инварианта). С помощью этого термина характеризуются способы существования и функционирования дублетных элементов языковой системы на фонетическом, лексическом и грамматическом уровнях. Принципиальным представляется соображение о том, что языковые варианты, относящиеся к разным языковым уровням, существенно различаются.

I. Варианты, различающиеся произношением звуков, составом фонем, местом ударением или комбинацией этих признаков, относятся к фонетическим с уточнением характера варьирующегося признака. Так, вариации произношения составляют круг орфоэпических вариантов.

Существование этих групп вариантов определяется состоянием звуковой системы русского языка. Поэтому различия между ними подчиняются определенным закономерностям этой системы: существуют варианты по произношению сочетаний согласных, безударных гласных, по произношению долгих согласных в заимствованных словах и т. д. «Орфоэпический словарь русского языка» (М., 1983) насчитывает 63 500 слов – величина, свидетельствующая о размахе колебаний норм на орфоэпическом уровне.

II. Грамматические варианты характеризуются прежде всего торжеством грамматической функции. Ведущим признаком грамматических вариаций оказывается критерий грамматической системности, предполагающий регулярное колебание грамматической формы. Так, строение цепи вариантов грамматической модели предполагает три необходимых элемента:

1) грамматический тип вариантов, то есть ряд варьирующихся форм-моделей. Например, словоизменительный тип инфинитива на -нуть и на -чь у ряда глаголов; т

2) варианты формы-модели внутри каждого типа: все формы на -нуть (один грамматический вариант этой модели) и все формы на -чь (второй вариант модели);

3) варианты словоформ: это лексемы, которые принимают один из варьирующихся формантов. В приведенном примере могут быть следующие варианты словоформ: достигнуть – достичь, застигнуть – застичь, настигнуть – настичь, постигнуть – постичь.

Варианты словоформ выступают в качестве параллели к вариантам слов. Однако у вариантов слов грамматическое значение не реализуется в ряду вариативной грамматической модели (ср.: качественное различие между лексическими вариантами типа брег – берег и вариантами форм род. п. ед.ч. у сущ. муж. р. на твердый согласный типа сыра – сыру, творога – творогу, сахара – сахару и т. д.).

В соответствии со структурой грамматики различаются три состава грамматических вариантов: 1) словоизменительные, представляющие собой варианты словоизменительных форм (форм рода типа спазм – спазма, падежных форм типа длиною – длиной, верховой – верховьев; причастных форм типа промерзший – промерзнувший и т. п.); 2) словообразовательные варианты, у которых вариативны словообразовательные аффиксы (типа накатка – накат – накатывание, экранизация – экранизирование, туристский – туристический, двусторонний – двухсторонний, межсоюзнический – междусоюзнический и т. п.); 3) синтаксические варианты, к которым относятся варианты управления, согласования и примыкания

(типа большинство стремилось – большинство стремились, две основные задачи – две основных задачи, нельзя купить спичек – нельзя купить спички, просьба предоставить убежище – просьба о предоставлении убежища и т. п.).

В отличие от других типов языковых вариантов грамматические варианты отвечают четырем критериям: грамматической системности, регулярной взаимозаменяемости (эта черта присуща всем типам вариантов), функциональной эквивалентности грамматического значения в пределах взаимозаменяемых контекстов, однородности сравниваемых грамматических структур.

III. Лексические варианты, представляющие собой разновидности одного и того же слова, которые характеризуются тождественной лексико-семантической функцией и частичным различием звукового состава неформальной части слова (типа середина – середина, ветер – ветер, огонь – огонь, посеребренный – посеребренный, позлатить – позолотить и др.). Группировки лексических вариантов определяются представлениями о системности лексики и обуславливаются характером парадигматических и синтагматических отношений в ней. В отличие от грамматических ряд лексических вариантов одномерен: он располагается "только по горизонтали, и при этом варианты слов характеризуются тождеством не означающего, а означаемого.

Различие в качестве вариантов определяет их историю, время сосуществования, то есть характер и продолжительность фазы вариантности, что особенно важно в нормативно-историческом аспекте. Орфоэпические и акцентные варианты существуют только в устных формах речи (однако проявляются и в стихотворных произведениях). Вековая история грамматических вариантов, с одной стороны, иногда однолетнее существование фонематических вариантов, на письме закрепленных в вариантах написания (типа фломастер и фламастер, постижерский и пастижерский) – с другой, должны осмысляться как неизбежная закономерность, осуществляющаяся для контрастных явлений языка по-разному. Бернард Шоу выразил эту мысль в остроумной форме: «Есть пятьдесят способов сказать да, пятьсот способов сказать нет и только единственный способ написать эти слова».

«Живой как жизнь» (по словам Гоголя) язык постоянно развивается. Меняется и литературная норма. «Крепость» литературной нормы, стабильность ее частей неоднородна. Так, устойчив и неизменен основной словарный фонд языка и стержневой каркас его грамматической системы. На протяжении многих веков остаются неизменными прямые значения слов – существительных типа стол, стул, дом, человек, мать, отец и др.; глаголов – есть, пить, смеяться, любить, плакать и др.; прилагательных – холодный, теплый, хороший, плохой, сладкий и др.

Части, связанные с пограничными зонами литературного языка, и прежде всего его стилистическими сферами, бывают подвержены изменениям, сдвигам и смещениям даже на протяжении одного столетия. В научных исследованиях литературного языка XX в. эти изменения детально охарактеризованы [35]. Обычно хронологический «шаг», в течение которого накапливаются существенные сдвиги, улавливаемые исследователями и характеризующиеся некоторыми объективными показателями, составляет от 10–20 до 30–40 и более лет. Выявлены три типа эволюции: 1. Высокодинамический, или ускоренный, тип (10–20 лет); 2. Умеренный и, или, точнее, умеренно-динамический, тип эволюции, который характеризуется более плавными сдвигами во времени (30–40 лет); 3. Низкодинамический, или замедленный, тип эволюции, который характеризуется незначительным изменением состояния нормы, – изменением, близким к стагнирующему, замедленно-уравновешенному типу (50 и более лет).

Примером ускоренного типа эволюции служит вторжение иноязычной (преимущественно американской) лексики, наблюдающееся за последнее десятилетие – с 1985 по 1995 г. Бизнес-тур, бодибилдинг, дайджест, дилер, киллер, менеджмент, рэкет, эксклюзив, эксклюзивный и многие другие слова уже вошли в употребление, но еще не зарегистрированы ни в одном из толковых словарей. Примером умеренного типа эволюции могут быть произошедшие изменения в норме употребления многих грамматических вариантов, у которых на протяжении 30–40 лет так перевернулись соотношения вариативных форм, что нормативными стали не традиционные (характерные для языка XIX или начала XX в.), а конкурирующие вариан-

ты. Так, изменилось согласование сказуемого в форме прошедшего времени с подлежащим – существительным мужского рода в применении к лицам женского пола: варианты типа руководитель женской секции заявила, выступила заместитель председателя женсовета, гроссмейстер делала ничью за ничьей и т. п. Еще в 20-е гг. А. М. Пешковский писал: «В разговорном языке нам... приходилось уже слышать товарищ вошла, управдел сказала и т. д. На этих случаях как раз легче всего наблюдать и самостоятельную сторону значения рода глагола и его согласовательную сторону. Обычно мы в таких случаях чувствуем затруднение: сказать вышел про женщину невозможно, но и сочетать слово товарищ со словом вышла тоже неловко» [29, 190].

В 30–40-е гг. происходило постепенное укоренение разговорных форм, а к концу 60-х– началу 70-х гг. новая норма уже упрочилась в литературном языке.

Замедленный (низкодинамический) тип эволюции можно проиллюстрировать историей форм инфинитива некоторых глаголов на -нуть. Среди глаголов с формантом -стигнуть на протяжении уже двух веков (XIX и XX) употребляются два варианта: достигнуть – достичь, застигнуть – застичь, настигнуть – настичь, постигнуть – постичь. Несмотря на то что в наше время в разговорном языке явно предпочитается более короткий бессуфиксальный вариант (достичь, постичь, застичь, настичь), в письменном литературном языке встречаются оба варианта. Примеры на употребление вариантов с формантом -стигнуть: Она не удивлялась, не гневалась и не пыталась, подобно своим коллегам, постигнуть сложную душу преступника (Ю. Нагибин. Как трудно быть учителем); Чего он обязан достигнуть? (В. Тендряков. Свидание с Нефертити).

Следует заметить, что между тремя рельефно выраженными типами эволюции нормы не существует абсолютных границ, имеются и переходные формы, например, может наблюдаться умеренный характер эволюции, приближенный к ускоренному или, напротив, к замедленному типу.

Цель исследования закономерностей развития нормы обусловлена необходимостью теоретического решения ключевых вопросов формирования и осуществления научно обоснованной лингвистической политики.

Выбор рациональных нормативных решений не может основываться только на интуиции лингвиста или простого носителя языка и его здравом смысле. Современные ортологические исследования нуждаются в систематически разработанных прогнозах. Прогнозирование пороговых величин процессов развития нормы, знаменующих ее переломное изменение, – эти аспекты анализа связаны с представлением о продолжении в будущем тех тенденций, которые сложились в прошлом. Нормативно-целевой прогноз должен опираться на установленную систему активных показателей: важно предвидеть возможность их дальнейшего воздействия на общее течение языкового процесса.

Уже начиная с 50-х гг. в нашей стране разрабатывались основы прогностики как научной дисциплины, которая изучает общие принципы и методы прогнозирования развития объектов любой природы. Термин «прогноз» вошел в научный обиход сравнительно недавно, но к понятию, им выражаемому, наука обращалась на протяжении длительной истории. В сборнике рекомендуемых терминов, изданном Комитетом научно-технической терминологии, предлагается следующее определение прогноза: «Научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта в будущем и(или) об альтернативных путях и сроках их осуществления» [33, 6]. Обычно прогноз носит вероятностный характер. Это значит, что всегда оставляется возможность для сомнения. Важно все же, что позитивное прогностическое утверждение обладает определенной степенью достоверности. Оно тем более обоснованно и полно, чем надежнее и полнее исследование базового периода, прогностного фона и всей совокупности условий, существенных для прогноза.

Существуют четыре метода лингвистического прогноза:

1) Метод исторической аналогии, который основан на установлении и использовании объекта прогнозирования с одинаковым по природе объектом, предшествовавшим в истории объекту исследования. Так, наплыв неумеренных заимствований в наше время нередко с нормативной точки зрения сопоставляют с аналогичным процессом во времена Петра I.

2) Экспертный метод прогнозирования, связанный с оценкой происходящих языковых процессов профессионалами и экспертами-лингвистами. Наиболее характерны в этом отношении экспертные оценки терминологических стандартов и широкая деятельность лингвистов, связанная с унификацией терминологии в производственной и научной сфере.

3) Метод, связанный с прогнозированием поведения системных единиц в тексте (на основе изучения законов порождения текста).

4) Метод перспективного прогноза нормы употребления языковых единиц на базе моделирования временных рядов.

Конкретный пример использования приема перспективного прогноза дает представление о прогнозе как о едином целостно-системном подходе к языку, основные звенья которого скреплены общей идеей. Поэтому этот метод необходимо проиллюстрировать более детально.

Сущность системного подхода особенно ярко обнаруживается в применении к явлениям грамматической вариантности. Сочетание «ошибочного» и «правильного» в употреблении языковых вариантов, объективного и субъективного факторов, влияющих на это употребление, относительная автономность отдельных грамматических категорий и пути взаимодействия категорий с грамматической подсистемой и системой в целом – все эти разносторонние аспекты процесса варьирования должны быть представлены в модели системного прогноза. Поскольку лингвистический прогноз мыслится как важный ориентир в разработке определенных решений, важно, чтобы в модели прогноза были отражены все основные стороны наблюдаемого процесса. При этом оказываются важными и внешние, и внутренние факторы. В прогностике их называют экзогенными показателями (вызываемыми внешними причинами) и эндогенными показателями (вызываемыми внутренними причинами). Так, к экзогенным показателям относится рост частоты употребления вариантов в связи с актуализацией инвариантной формы. Показатели, относящиеся к социолингвистическому аспекту речи, должны рассматриваться в тесной связи с факторами, внешними по отношению к языковой системе.

Структурные компоненты также составляют наиболее важную часть всей модели системного прогноза. Ниже помещено графическое изображение модели системного прогноза. При этом следует отметить, что, поскольку системный прогноз можно корректировать в различных направлениях, схема, содержащая наиболее существенные компоненты, может видоизменяться в каждом конкретном случае при непосредственном обращении к языковому материалу.

Одно из назначений модели – обнаружить зависимость (эластичность) показателей, динамика которых выявляется с помощью расчетов на основе экспериментальных наблюдений. Системная модель помогает выпукло показать сложившийся стереотип динамического равновесия взаимодействующих факторов, который оказывает влияние на ход варьирования, а тем самым и на характер выводов, заключающих экспериментальную работу.

На графике отражены, с одной стороны, варьирующиеся переменные, которые служат величинами, отправными для прогнозных расчетов. С другой стороны, в правой части графика помещены стабильные структурные показатели, которые влияют на динамику переменных величин. В левой части графика помещены статистические данные, полученные в результате проведенного эксперимента. В целом схеме придан обобщенный характер.

В представленной схеме сочетаются количественный, качественный, семасеологический и структурный аспекты. Что касается «квантифицированной» части прогноза, количественно и хронологически отнесенного к ближайшему периоду времени, – для него необходимо накопление необходимой статистической информации. Поскольку процесс эволюции литературной нормы идет сравнительно медленно, на первый взгляд, плавно и в одном направлении, целесообразным представляется обращение к традиционному, наиболее испытанному и разработанному приему перспективной экстраполяции ряда численных значений показателя количественных соотношений конкурирующих вариантов за определенный период времени. Тенденция изменений, выявленная в прошлом, будет действовать и в ближайшем будущем. Суждения о будущей литературной норме основаны на детальном исследовании ее прошлой эволюции. По английской пословице – «грядущие события назад свою бросают тень».

Если каждую из клеток помещенной на с. 40 схемы заполнить конкретными показателями, на выходе будет получена прогнозная информация, которая позволит определить предпочтительность квалификационных характеристик.

Приведенная схема ориентирована на конкретный прогностический анализ ряда грамматических явлений. Например, в этом отношении привлекала внимание подвижная, колеблющаяся норма употребления топонимов в современном литературном языке. Склонение топонимов представляет собой один из неустойчивых фрагментов грамматической системы. Как известно, топонимы составляют достаточно крупный пласт наименований. Во второе издание «Словаря географических названий СССР» (М., 1983) включено более 17 000 названий, а в третьем издании «Словаря географических названий зарубежных стран» (М., 1986) содержится 40 000 названий. Поскольку пословной кодификации топонимов в наиболее известных нормативных словарях не проводится, в практике работы сектора культуры русской речи ИРЯ РАН приходится постоянно сталкиваться с вопросами, касающимися грамматических характеристик топонимов. В частности, одним из наиболее спорных является вопрос о склоняемости или несклоняемости топонимов в сочетаниях с географическими терминами (типа в местечке Хансунг – в местечке Хансунге, из города Чан-лин-сянь – из города Чан-лин-сяня).

Тенденция развития нормы у вариантов этого типа проявлялась в изменении количественных показателей, приуроченных к последовательно сменяющимся хронологическим периодам – начала XX в., середины XX в. и конца 60-х – начала 70-х гг. Однако «жизнь неуклонно транспонирует будущее в настоящее, настоящее – в прошедшее». На основе статистических данных, характеризующих употребление топонимов на протяжении всего шестидесятилетия, выделенная динамика нормы послужила фактической основой для построения прогнозной ретроспекции.

Вследствие большой инерционности лингвистических процессов в рамках относительно коротких временных интервалов (от десяти до тридцати лет) основное внимание приходится уделять выявлению общих тенденций эволюции нормы. Вместе с тем полученные итоги предшествующего исторического развития непосредственно ориентируют нас не только на современную норму и существующие формы ее воплощения. Тенденция изменений, выявленная в прошлом, может быть перенесена на будущее, при этом характеристика процесса исследования может принять и более конкретные очертания. Здесь важно подчеркнуть различие между прогнозом и тенденцией. Функция прогнозирования заключается в оценке конкретных реализаций изучаемых процессов в недалеком будущем. Тогда как тенденция есть не что иное, как преобладающее направление развития событий, некоторые общие закономерности эволюции. Прогнозируемая величина в конкретной форме характеризует результаты процесса, осуществляющегося в рамках действующей тенденции.

Выявленная существенная черта однонаправленности развития находит свое яркое выражение в таком важном аспекте динамики нормы, который характеризуется понятием необратимости процесса. Несмотря на морфологическое своеобразие топонимики, ее современные грамматические свойства находятся в прямой зависимости от состояния нормы в общезыковой системе. Поэтому те грамматические формы, которые были нормативными в XVIII и XIX вв., в наши дни будут интерпретироваться как отклонения от современной нормы литературного языка. По существу, возврат к старым грамматическим нормам в современном литературном языке невозможен. Ни один современный писатель не назвал бы свой рассказ так, как назвал его И. С. Тургенев в XIX в., – «Вечер в Сорренте»; тогда еще были употребительны склоняемые формы иноязычных топонимов на -о, -и. Теперь такие формы могут применяться только со специальным стилистическим заданием, а в нейтральной строго нормативной речи склоняемость этих форм не рекомендуется грамматикой.

На основе выявленных объективных характеристик даются четкие рекомендации в трудных случаях современного употребления. Так, на вопрос, нужно ли склонять топонимы Карелия, Грузия в сочетании с -географическим термином республика, ответ может быть следующим. Учитывая современную норму употребления сочетаний с термином республика, в деловых документах целесообразнее употреблять топоним в несклоняемой форме (положение республики Хакасия, поездка в республику Карелия; на территории республики Грузия и т.

п.). Однако в разговорной речи допустимы и склоняемые варианты: дружба с республикой Грузией, братские отношения с республикой Хакассией и т. д.

В решении задач кодификации с успехом используются достижения техники [8]. Применение компьютера как средства работы с текстами необходимо и по той причине, что повышает производительность труда. Формализованные операции приучают к более строгим логическим процедурам в исследовании и сулят в дальнейшем открытие новых, неизвестных еще закономерностей [15].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие признаки культуры речи как лингвистической дисциплины составляют ее специфику?
2. Что такое языковая литературная норма? Дайте определение.
3. Каковы типы эволюции литературной нормы?
4. Какие факторы влияют на динамику литературной нормы? Можете ли вы привести примеры из собственных наблюдений над языком?
5. Что такое нормализация литературного языка и его кодификация?
6. Обратили ли вы внимание на классификацию ошибок и типологию языковых вариантов?
7. Какие орфографические словари (т. е. словари, рекомендуемые нормы правильной речи) вы знаете? Обратите внимание на различие типов этих словарей.

Резюме

1. Культура русской речи как научная дисциплина складывалась в русистике начиная с 20-х гг. XX в. До этого времени основной цикл гуманитарных и нормативных лингвистических знаний учебного профиля в России был связан прежде всего с риторикой – одной из семи «свободных искусств» («искусств»), с античных времен занимавшей особое место в европейской культуре.

2. В историческом аспекте длительное развитие отечественной риторики проходило определенные этапы, начиная с первого переворота сочинения – риторическими трактатами образцов» (входящего в «Изборник Святослава 1073 года») и кончая «Программой– курса лекций по теории красноречия (риторике)» Н. А. Энгельгардта, опубликованной в «Записках Института Живого Слова» (1919 г.). Согласно пяти ведущим канонам искусства речи классическая риторика содержала пять важнейших составных частей. Они таковы: 1) инвенция (изобретение речи); 2) диспозиция (расположение речевого материала); 3) элокуция (стилистическое оформление речи, ее выражение); 4) память; 5) произнесение. Образцы русской риторики за последние триста лет приведены в хрестоматии «Русская риторика» (1996 г.).

3. При характеристике совокупности знаний, навыков и речевых умений человека культура его речи определяется следующим образом: это такой выбор и такая организация языковых средств, которые в определенной ситуации общения при соблюдении современных языковых норм и этики общения позволяют обеспечить наибольший эффект в достижении поставленных коммуникативных задач. В определении подчеркнуты три аспекта культуры речи: 1) нормативный; 2) этических; 3) коммуникативный.

Высокая культура речи, связанная с умением «правильно, точно и выразительно передавать свои мысли средствами языка» (С. И. Ожегов) невозможна без соблюдения определенных правил общения.

4. Для успешной реализации коммуникативных задач необходимо представление о сферах общения. В типологии функциональных разновидностей языка особое место занимает язык художественной литературы и разговорная речь. В качестве функциональных стилей, которые по своей языковой организации имеют существенные отличия как от языка художественной литературы, так и от разговорной речи, выделяются официально-деловой, научный и публицистический.

5. Опорой, точнее стержнем, остовом русского литературного языка является литературная норма. В процессе активной языковой политики в науке сложились представления о нор-

мализации языка, его кодификации, отклонениях от литературной нормы, ошибках и языковых вариантах. В ортологических словарях, то есть словарях, рекомендуемых нормы правильной речи, приводятся нормативные и стилистические оценки языковых явлений с точки зрения их соответствия нормам литературного языка. Среди современных ортологических словарей существуют орфографические, орфоэпические, грамматические словари; словари лексических трудностей русского языка; словари паронимов, синонимов, антонимов и фразеологические словари русского языка. Обращение к этим словарям помогает преодолеть затруднения, возникающие в практике общения.

Глава I. Культура разговорной речи

§ 4. Понятие разговорной речи и ее особенности

Разговорная речь – особая функциональная разновидность литературного языка. Если язык художественной литературы и функциональные стили имеют единую кодифицированную основу, то разговорная речь противопоставляется им как некодифицированная сфера общения. Кодификация – это фиксация в разного рода словарях и грамматике тех норм и правил, которые должны соблюдаться при создании текстов кодифицированных функциональных разновидностей. Нормы и правила разговорного общения не фиксируются. Вот небольшой разговорный диалог, который позволяет в этом убедиться:

А. «Арбат» (станция метро) мне как лучше (проехать на метро)? Б. «Арбат» – это же «Библиотека», «Боровицкая» / это -же все равно / Вот «Боровицкая» тебе удобней //.

Перевод этого текста на кодифицированный язык мог бы быть таким:

А. Как мне лучше проехать на метро до станции «Арбатская»? Б. Станция «Арбатская» соединена переходами со станциями «Библиотека имени В. И. Ленина», «Боровицкая», и поэтому можно ехать до любой из этих станций. Тебе удобней всего доехать до «Боровицкой».

Грамматические кодифицированные нормы запрещают употреблять именительный падеж в первом высказывании А. («Арбат») и последнем высказывании Б. («Боровицкая»). Сильная смысловая редукция (сжатие) первого высказывания Б. также исключена в кодифицированных текстах.

Известный русский психолог и лингвист Н. И. Жинкин однажды заметил: «Как это ни парадоксально, я думаю, что лингвисты долгое время изучали человека молчащего». И был совершенно прав. Долгое время считалось, что говорят так же или примерно так же, как и пишут. Только в 60-е гг. нашего столетия, когда появилась возможность фиксировать разговорную речь с помощью магнитофонов и эта речь попала в полном объеме в поле зрения Языковедов, выяснилось, что для лингвистического осмысления разговорной речи существующие кодификации не вполне пригодны. Так что же такое разговорная речь?

Разговорная речь как особая функциональная разновидность языка, а соответственно и как особый объект лингвистического исследования характеризуется тремя экстралингвистическими, внешними по отношению к языку, признаками. Важнейшим признаком разговорной речи является ее спонтанность, неподготовленность. Если при создании даже таких простых письменных текстов, как, например, дружеское письмо, не говоря уже о сложных текстах типа научной работы, каждое высказывание обдумывается, многие «трудные» тексты пишутся сначала вчерне, то спонтанный текст не требует подобного рода операций. Спонтанное создание разговорного текста объясняет, почему ни лингвисты, ни тем более просто носители языка не замечали его больших отличий от кодифицированных текстов: языковые разговорные особенности не осознаются, не фиксируются сознанием в отличие от кодифицированных языковых показателей. Интересен такой факт. Когда носителям языка для нормативной оценки предъявляются их же собственные разговорные, высказывания типа «Дом обуви» как проехать? (кодифицированный вариант Как проехать к «Дому обуви»), то часто эти оценки бывают негативными: «Это ошибка», «Так не говорят», хотя для разговорных диалогов подобное высказывание более чем обычно.

Второй отличительный признак разговорной речи состоит в том, что разговорное общение возможно только при неофициальных отношениях между говорящими.

И, наконец, третьим признаком разговорной речи является то, что она может реализоваться только при непосредственном участии говорящих. Такое участие говорящих в коммуникации очевидно при диалогическом общении, но и при общении, когда говорит в основном один из собеседников (ср. жанр, разговорного рассказа), другой собеседник не остается пассивным; он, так сказать, имеет право, в отличие от условий реализации монологической официальной речи, постоянно «вмешиваться» в коммуникацию, соглашаясь ли не соглашаясь со сказанным в форме реплик Да, Конечно, Хорошо, Нет, Ну это, или же просто демонстрируя свое участие в коммуникации междометиями типа Угу, реальное звучание которых трудно передать на письме. Примечательно в этом отношении такое наблюдение: если вы долгое время говорите по телефону и не получаете с другого конца каких-то подтверждений, что вас слушают – хотя бы в форме Угу, – то вы начинаете беспокоиться, а слушают ли вас вообще, прерывая себя репликами типа Ты меня слышишь? Алло, и подобными.

Особую роль в разговорном общении имеет прагматический фактор. Прагматика – это такие условия общения, которые включают определенные влияющие на языковую структуру коммуникации характеристики адресанта (говорящий, пишущий), адресата (слушающий, читающий) и ситуации. Разговорное неофициальное общение с непосредственным участием говорящих осуществляется обычно между хорошо знающими друг друга людьми в конкретной ситуации. Поэтому говорящие имеют определенный общий запас знаний. Эти знания называют фоновыми. Именно фоновые знания позволяют строить в разговорном общении такие редуцированные высказывания, которые вне этих фоновых знаний совершенно непонятны. Простейший пример: в вашей семье знают, что вы пошли сдавать экзамен, и волнуются за вас, вернувшись после экзамена домой вы можете сказать одно слово: «Отлично» – и всем все будет предельно ясно. Столь же глубокое влияние на языковое оформление разговорного высказывания может оказывать ситуация. Проходя мимо старинного особняка, вы можете сказать своему спутнику: «Восемнадцатый век», – и станет ясно, что речь идет о памятнике архитектуры XVIII в.

Как уже сказано, спонтанность разговорной речи, ее большие отличия от кодифицированной речи ведут к тому, что так или иначе зафиксированные на письме разговорные тексты оставляют у носителей языка впечатление некоторой неупорядоченности, многое в этих текстах воспринимается как речевая небрежность или просто как ошибка. Происходит это именно потому, что разговорная речь оценивается с позиций кодифицированных предписаний. На самом же деле она имеет свои нормы, которые не могут и не должны оцениваться как ненормативные. Разговорные особенности регулярно, последовательно проявляют себя в речи носителей языка, которые безусловно владеют кодифицированными нормами и всеми кодифицированными функциональными разновидностями литературного языка. Поэтому разговорная речь – это одна из полноправных литературных разновидностей языка, а не какое-то языковое образование, стоящее, как кажется некоторым носителям языка, на обочине литературного языка или вообще за его пределами.

Что же такое разговорная норма? Нормой в разговорной речи признается то, что постоянно употребляется в речи носителей литературного языка и не воспринимается при спонтанном восприятии речи как ошибка – «не режет слуха». В разговорной речи часто встречаются такие произношения, как стоко (вместо кодифицированного столько), када, тада (вместо кодифицированных когда, тогда), – и все это орфоэпическая разговорная норма. В разговорной речи более чем обычно особая морфологическая форма обращения – усеченный именительный падеж личных имен, иногда с повтором: Кать, Маш, Володь, Маш-а-Маш, Лёнь-а-Лёнь – и это морфологическая норма. В разговорной речи последовательно именительный падеж существительного употребляется там, где в кодифицированных текстах возможен только косвенный падеж: Консерватория / как мне ближе пройти? (Как мне ближе пройти к консерватории?), У нас есть сахар большая пачка (У нас есть большая пачка сахара), – и это синтаксическая норма.

Нормы разговорной речи имеют одну важную особенность. Они не являются строго обязательными в том плане, что на месте разговорной может быть употреблена общелитератур-

ная норма, и это не нарушает разговорный статус текста: нет никаких запретов на то, чтобы в неофициальной обстановке сказать На четырнадцатом троллейбусе тебе лучше ехать Казанский вокзал // и Четырнадцатый троллейбус тебе лучше Казанский // Существует, однако, и большое количество таких слов, форм, оборотов, которые в разговорной речи нетерпимы. Каждый, надо полагать, без труда почувствует противоестественность для разговорной ситуации такого высказывания, как До Казанского вокзала тебе удобней доехать, если ты воспользуешься троллейбусом маршрута номер четырнадцать.

Итак, разговорная речь – это спонтанная литературная речь, реализуемая в неофициальных ситуациях при непосредственном участии говорящих с опорой на прагматические условия общения.

Языковые особенности разговорной речи столь существенны, что породили гипотезу, согласно которой в основе разговорной речи лежит особая система, не сводимая к системе кодифицированного языка и не выводимая из нее. Поэтому во многих исследованиях разговорную речь называют разговорным языком. Эту гипотезу можно принимать или не принимать. Во всех случаях верным остается то, что разговорная речь по сравнению с кодифицированным языком имеет свои особенности. Рассмотрим основные из них.

Фонетика. В разговорной речи, особенно при быстром темпе произношения, возможна гораздо более сильная, чем в кодифицированном языке, редукция гласных звуков, вплоть до полного их выпадения.

В области согласных главная особенность разговорной речи – упрощение групп согласных.

Многие фонетические особенности разговорной речи действуют в совокупности, создавая весьма «экзотический» фонетический облик слов и словосочетаний, особенно частотных.

Морфология. Основное отличие разговорной морфологии заключается не в том, что в ней есть какие-то особые морфологические явления (кроме уже упомянутых звательных форм обращения типа Маш, Маш-а-Маш трудно назвать что-либо еще), а в том, что некоторые явления в ней отсутствуют. Так, в разговорной речи крайне редко употребляются такие глагольные формы, как причастия и деепричастия в своих прямых функциях, связанных с созданием причастных и деепричастных оборотов, которые в работах по синтаксической стилистике справедливо характеризуются как сугубо книжные обороты. В разговорной речи возможны только такие причастия или деепричастия, которые выполняют функции обычных прилагательных или наречий и не являются центром причастных или деепричастных оборотов, ср. знающие люди, решающее значение, прилегающее платье, дрожащий голос, блестящее стекло; лежала не вставая, не измеряя налила полную чашку, шла не сворачивая, пришли в одно время не сговариваясь, отвечает не задумываясь. Отсутствие деепричастий в разговорной речи имеет для нее одно важное синтаксическое следствие. Те отношения, которые в кодифицированном языке передаются деепричастием и деепричастным оборотом, в разговорной речи оформляются совершенно не терпимой в кодифицированном языке конструкцией с двойными неоднородными глаголами, ср. Я вчера вообще лежала головы, поднять не могла //; Напишите две фразы не поленитесь //; Я тут обложила словарями сидела //; И потом манера такая / сделала и ничего не уберет уходит // (ср. кодифицированное уходит, ничего не убрав).

Синтаксис. Синтаксис – это та часть грамматики, в которой разговорные особенности проявляют себя наиболее ярко, последовательно и разнообразно. Черты разговорного синтаксиса обнаруживаются прежде всего в области связи слов и частей сложного предложения (предикативных конструкций). В кодифицированном языке эти связи обычно выражены специальными синтаксическими средствами: предложно-падежными формами, союзами и союзными словами. В разговорной речи роль таких синтаксических средств не столь велика: в ней смысловые отношения между словами и предикативными конструкциями могут устанавливаться на основе лексической семантики соединяемых компонентов, примером чего является именительный падеж существительного, который может употребляться, как видно из многих уже приведенных примеров, на месте многих косвенных падежей. Языки с явно выраженными синтаксическими связями называются синтетическими, языки, в которых связи между компонентами устанавливаются с опорой на лексико-семантические показатели

компонентов, называются аналитическими. Русский относится к синтетическим языкам, однако ему не чужды и некоторые элементы аналитизма. Именно тенденция к аналитизму представляет собой одно из важнейших отличий разговорного синтаксиса от кодифицированного. Свидетельством такой тенденции являются следующие разговорные синтаксические структуры.

1) Высказывания с именительным падежом существительного в тех позициях, которые в кодифицированном языке может занимать только существительное в косвенных падежах. К таким высказываниям относятся:

– высказывания с существительным в именительном падеже при глаголе, это существительное часто выделяется интонационно в отдельную синтагму, но вполне типично и без интонационного выделения: Следующая / нам сходить // (нам сходить на следующей остановке); Майка эта темная / покажите мне // (покажите мне эту темную майку); Ты живешь второй этаж? – Это я раньше второй / теперь пятый // (ты живешь на втором этаже? – это я раньше жил на втором, а теперь – на пятом); У них сын физтех кажется / а дочь университет филфак ромгерм // (у них сын учится в физтехе, а дочь в университете на романо-германском отделении филфака);

– отрицательные эквиваленты бытийных предложений, в которых именительный падеж существительного выступает на месте кодифицированного родительного падежа: Ручка / у вас нет / телефон записать? // (у вас нет ручки?); Редиска есть? – Редиска нет / завтра привезут // (редиски нет);

– высказывания с существительным в именительном падеже в функции определения при другом существительном: Он купил шкаф / карельская береза // (он купил шкаф из карельской березы); Мне подарили чашку / тонкий фарфор // (чашку из тонкого фарфора); У нее шуба песцовые лапки // (шуба из песцовых лапок);

– высказывания с существительными в именительном падеже в функции именной части сказуемого (в кодифицированных высказываниях в этой позиции употребляются косвенные падежи): Она из Казани? – Нет / она Уфа // (она из Уфы); Ваша собака / какая-порода? // (ваша собака какой породы?);

– высказывания с существительным в именительном падеже в функции подлежащего при сказуемых – предикативных наречиях на -о: Слишком крепкий чай / вредно //; Лес / приятно // . Эти высказывания не имеют прямых эквивалентов в кодифицированном языке, их смысл примерно такой: «Вредно пить слишком крепкий чай»; «Приятно гулять в лесу».

2) Высказывания с инфинитивом, обозначающим целевое назначение предмета, названного существительным: Надо купить кеды / бегать // (купить кеды, чтобы бегать в них по утрам); В переднюю нужен коврик / ноги вытирать // (в переднюю нужен коврик, чтобы вытирать ноги).

3) Высказывания с разговорными номинациями. В разговорной речи существуют особые способы обозначения предметов, лиц и т. п., то есть особые способы номинации. Для понимания синтаксиса разговорной речи во внимание должны быть приняты номинации, построенные по таким схемам: а) относительное местоимение + инфинитив (чем писать, куда ехать, что надеть), б) относительное местоимение + существительное в именительном падеже (где метро, чья машина), в) относительное местоимение + глагол в личной форме (что принесли, кто приехал), г) существительное в косвенном падеже с предлогом, называющее характерный признак обозначаемого (о человеке: в плаще, в очках, с зонтиком), д) глагол в личной форме с объектным или обстоятельственным распространителем, обозначающим характерное действие лица (двор убирает, газеты разносит). В разговорной речи номинации такого типа без каких-либо специальных синтаксических средств включаются в высказывание в роли любого присущего номинации-существительному члена предложения:

Дай мне во что завернуть //; Не забудь мыло и чем вытереться //; У тебя нет / куда яблоки положить //; Где мы в прошлую зиму катались на лыжах / перегородили / там стройка какая-то //; Чья посылка / подойти сюда //; Возьми салфетки / где посуда //; Позови на день рождения с курса и Мишку //; Мусор убирает / не приходила? Напротив живет / замуж, выходит //; С Катей кончала / хочет в кино сниматься //.

В кодифицированном языке такие номинации могут функционировать не на аналитической, а только на синтетической основе, оформляясь специальными синтаксическими средствами, ср.: У тебя нет какого-нибудь пакета, куда яблоки можно положить; То место, где мы в прошлую зиму катались на лыжах, перегородили; Возьми салфетки в шкафу, где посуда стоит и т. п.

4) Как аналитическую можно рассматривать и такую известную и по грамматикам кодифицированного языка конструкцию, как бессоюзное сложное предложение. В сложном предложении устанавливаются определенные смысловые отношения между составляющими это предложение частями – предикативными конструкциями. В союзном сложном предложении эти отношения выражаются специальными синтаксическими средствами, прежде всего сочинительными или подчинительными союзами или союзными словами, ср.: Я должен сходить в аптеку, потому что мне нужно купить аспирин. В бессоюзном сложном предложении эти отношения устанавливаются на основе лексико-семантического содержания соединяемых предикативных конструкций: Зайду в аптеку / аспирин мне нужен, где причиненные отношения «выводятся» из семантики слов аптека – место, где продают лекарства, и аспирин – одно из лекарств. Именно разговорная речь является основной сферой употребления бессоюзных сложных предложений. В ней возможны такие предложения, которые в кодифицированных разновидностях языка вообще не встречаются: Быстро до метро добежали / вымокли все-таки // (Хотя быстро до метро добежали, но вымокли все-таки); Я завернула за угол / Ирина с мужем идет // (Завернула и увидела, что Ирина с мужем идет); Вот такую мне шубу хочется / женщина прошла // (...шубу, которая на прошедшей мимо женщине); Я устала / еле ноги волочу // (Я так устала, что еле ноги волочу).

Широко представлены в разговорной речи такие бессоюзные сложные предложения, в которых обосновывается правомерность той или иной информации, вопроса и т. п.: Елки уже продают / я проходил // (Я проходил там, где обычно торгуют елками, и поэтому могут сообщить, что елки уже продают); Елки продают! Ты ведь там был сегодня // (Ты был там, где обычно продают елки, и поэтому можешь ответить на вопрос, началась ли торговля елками).

Кроме аналитических конструкций «синтаксическое лицо» разговорной речи во многом определяет то, что в традиционных грамматиках называется неполными предложениями. Неполными являются предложения с незамещенными синтаксическими позициями, которые являются сигналом того, что необходимый для коммуникации смысл должен быть извлечен либо из контекста, либо из ситуации, либо из общего для говорящих опыта, общих знаний – фоновых знаний. Неполные предложения столь характерны для разговорной речи, что существует даже мнение о том, что в разговорной речи вообще нет полных предложений. Если в этом утверждении и есть преувеличение, то оно явно небольшое. Ср.: (на кухне кипит чайник) Закипел // Выключи //; (в машине некоторое время назад А. объяснял шоферу, где надо сворачивать на другую улицу) А. Ну вот сейчас // (сворачивай); (А. ставит горчичники Б.) Б. Пониже давай // (А., Б., В. и другие лица обычно ходят обедать вместе в два часа, время – без пяти два. А. обращается ко всем) Так как? (собираетесь ли вы идти обедать?); (А. обычно приходит домой с работы в определенное время, на этот раз пришел позже, Б., открывая дверь) Что? (что случилось, почему задержался?); (А. только что вернулся из театра) Б. Ну как? (понравился ли спектакль?).

Характерной чертой разговорной речи являются высказывания не с одной, а с несколькими незамещенными позициями, смысл которых может устанавливаться как из ситуации, так и из фоновых знаний:

(А. и Б. бегут на электричку – ситуация, известно, что в данное время электрички ходят часто – фоновые знания. А. к Б.). Не надо / скоро // (не надо бежать на эту электричку, потому что скоро пойдет следующая); (А. что-то пишет – ситуация, время обеда – фоновые знания. Б. и А.) Кончай / иди // (кончай писать и иди обедать).

И, наконец, еще один круг синтаксических особенностей разговорной речи – это многочисленные и своеобразные способы выделения в предложении наиболее важных для понимания смысла предложения компонентов. Для этих целей используются:

– особый разговорный порядок слов, когда два непосредственно связанных слова могут быть разделены другими словами: Красных купи мне / пожалуйста / стержней // (красных стержней для ручки);

– разного рода специальные слова – актуализаторы (местоимения, отрицательные или утвердительные частицы): Он что / уже в школу идет? //; Ты завтра / да? уезжаешь? //; Он летом / нет / к нам приедет? //;

– повтор актуальных компонентов: Я по Волге этим летом поеду / По Волге //.

Лексика. В разговорной речи почти нет каких-то особых неизвестных в кодифицированном языке слов. Ее лексические особенности проявляются в другом: для разговорной речи характерна развитая система собственных способов номинации (называния). К числу таких способов относятся:

– семантические стяжения с помощью суффиксов: вечерка (вечерняя газета), самоволка (самовольная отлучка), маршрутка (маршрутное такси), комиссионка (комиссионный магазин), газировка (газированная вода);

– субстантивированные прилагательные, вычленившиеся из определительных словосочетаний путем опущения существительных: прокатка (прокатный цех), генералка (генеральная репетиция), лабораторка (лабораторная работа), Тургеневка (Тургеневская библиотека);

– семантические стяжения способом устранения определяемого: диплом (дипломная работа), мотор (моторная лодка), транзистор (транзисторный приемник), декрет (декретный отпуск);

– семантические стяжения способом устранения определяющего: вода (минеральная вода), Совет (Ученый совет), сад, садик (детский сад), песок (сахарный песок);

– глагольные сочетания – конденсаты (стяжения): окончить (учебное заведение), поступать (в учебное заведение), отметить (праздник), снять (с занимаемой должности);

– метонимии: тонкий Платонов (тонкий том А. Платонова), длинный Корбюзье (здание архитектора Корбюзье), быть на Фальке (на выставке художника Р. Фалька).

Особое место среди лексических разговорных средств занимает имя ситуации. Имя ситуации – это конкретное существительное, которое в определенном микроколлективе может обозначать какую-то актуальную для данного коллектива ситуацию: (в ситуации хлопот по установке телефона возможно высказывание) Ну как / кончился твой телефон? (т. е. хлопоты по установке телефона); В этом году мы яблоки совсем забросили / / (заготовку яблок на зиму).

Основной, если не единственной, формой реализации разговорной речи является устная форма. К письменной форме разговорной речи можно отнести только записки и другие подобные жанры. Так, сидя на собрании, можно написать приятелю Уйдем? – и в условиях данной ситуации и соответствующих фоновых знаний (необходимо куда-то успеть) будет ясно, о чем идет речь. Существует мнение, что все особенности разговорной речи порождаются не условиями ее реализации (спонтанность, неофициальность, прямой контакт говорящих), а именно устной формой. Другими словами, считается, что нечитаемые официальные публичные устные тексты (доклад, лекция, радиобеседа и т. п.) строятся так же, как и неофициальные спонтанные. Так ли это? Вне всякого сомнения, всякий устный публичный текст, не читаемый «по бумажке», имеет, свои существенные особенности. Известная исследовательница устных текстов О. А. Лаптева, которой и принадлежит версия об устности как ведущем признаке некодифицированных текстов, справедливо отмечает особый, неизвестный письменным текстам, характер членения любых устных нечитаемых текстов. Вот ее пример фрагмента одной устной лекции:

Э-э // как / после того / как было / в пифагорейской школе открыто / явление / несоизмеримости / двух отрезков / э-это / в-в математике // возник очень серьезный кризис // С точки зрения / математики / того времени / с одной стороны / все должно было измеряться числами / и таким образом / э / наличие / того двух / из двух отрезков / которые нельзя соизмерить / вытекало / несуществование одного из них / а с другой стороны / было и понятно / что такое ясное / совершенно ясная / и очевидная I прежде казавшаяся / абстракция / как скажем квадрат / ну или равнобедренный прямоугольный треугольник / э / совершенно I э / ну вот / не

выдерживают // ну вот / не выдерживают // ну вот оказываются не существующими // в некотором смысле оказываются несуществующими //.

Однако, несмотря на немалые синтаксические особенности этого текста, вполне правомочным будет предположение о наличии в нем кодифицированной основы. Чтобы перевести этот текст в письменную форму, достаточно осуществить его несложное и очевидное редактирование, ср.:

«После того как в пифагорейской школе было открыто явление несоизмеримости двух отрезков, в математике возник очень серьезный кризис. С точки зрения математики того времени, с одной стороны, все должно было измеряться числами, и, таким образом, из наличия отрезков, которые нельзя было соизмерить, вытекало несуществование одного из них, а с другой стороны, было понятно, что такая прежде казавшаяся совершенно ясной и очевидной абстракция, как, скажем, квадрат или равнобедренный прямоугольный треугольник, в некотором смысле оказывается несуществующей.»

Подлинные разговорные тексты при переводе их на кодифицированную письменную основу требуют не редактирования, а именно перевода, ср.:

Ты знаешь / вот это производственное обучение // Сашка просто молодец // Он же на этом / радио какой-то // Транзистор у нас испортился // Он все там вынул-вытряхнул // Думаю I ну! А сделал // Все // Говорит-играет //

Вот возможный письменный перевод этого текста:

Производственное обучение очень много дает в практическом плане (много дает человеку, очень полезно). Саша занимается радиоделом (специалист по радио, на радиопредприятии). И достиг больших успехов. Вот, например, у нас испортился транзистор. Он его весь разобрал. Я думала, что он и собрать не сможет (что он его сломал). А он все собрал и исправил. И приемник теперь исправно работает.

Легко видеть, что в переведенном тексте сохранен только смысл, грамматическая же и лексическая основа оригинала и перевода совершенно различны.

Итак, с точки зрения языковых особенностей следует различать устные кодифицированные и некодифицированные разговорные тексты.

Какое же значение для культуры владения языком имеют изложенные сведения о языковых характеристиках разговорной речи? Только одно: в условиях разговорного общения не надо бояться спонтанных проявлений разговорной речи. И, естественно, надо знать, что это за спонтанные проявления, чтобы уметь отличить их от ошибок, которые, конечно же, могут быть и в разговорной речи: неправильные ударения, произношение, морфологические формы и т. п. Широко распространенное убеждение в том, что культурные люди должны говорить во всех случаях так же, как и пишут, является в корне ошибочным. Если следовать этому убеждению, то легко попасть в положение тех «героев», о которых с большой иронией писал К. И. Чуковский в своей знаменитой книге о языке «Живой как жизнь»:

«В поезде молодая женщина, разговорившись со мною, расхваливала свой дом в подмосковском колхозе:

– Чуть выйдешь за калитку, сейчас же зеленый массив!

– В нашем зеленом массиве так много грибов и ягод.

И видно было, что она очень гордится собою за то, что у нее такая «культурная речь».

Та же гордость послышалась мне в голосе одного незнакомца, который подошел к моему другу, ловившему рыбу в соседнем пруду, явно щеголяя высокой «культурностью речи», спросил:

– Какие мероприятия принимаете вы для активизации клева?»

Контрольные вопросы

1. При каких внешних экстралингвистических условиях реализуется разговорная речь?
2. Почему возникла гипотеза о разговорной речи как особой языковой системе?
3. Какое влияние на языковые особенности разговорных текстов оказывают прагматические условия их реализации: ситуация, фоновые знания говорящих?
4. Вслушайтесь в разговорную речь окружающих и попытайтесь обнаружить в ней те особенности, о которых вы прочли в этой книге.

5. Запишите на магнитофон небольшой (около минуты звучания) фрагмент официальной устной публичной речи (лекция, беседа по радио и т. п.). Отредактируйте этот текст так, чтобы его можно было опубликовать. Какую редакторскую правку вам пришлось внести в исходный устный текст?

6. Запишите на магнитофон небольшой фрагмент разговорной речи и переведите его в письменный кодифицированный текст. Какая правка понадобилась вам в этом случае?

7. Надо ли стремиться в разговорных условиях общения говорить, как пишешь? К каким казусам может привести такое стремление?

§ 5. Прагматика и стилистика разговорной речи. Условия успешного общения

Функциональная разновидность кодифицированного литературного языка «разговорная речь» являет собой пример коммуникативного взаимодействия людей, и следовательно, показывает все нюансы целенаправленного поведения. Неофициальность обстановки общения, ситуативная обусловленность речи, ее спонтанность, мгновенность и simultанность (одновременность) процессов речи-мысли затушевывают сложный характер этого феноменального человеческого поведения, которое во многом обусловлено социальными ролями участников, их психологическими особенностями, эмоциональным состоянием.

Начиная с античности исследователи разговорной речи различают такие ее формы, как диалог, полилог и монолог, признавая диалог «естественной» формой существования языка, а монолог – «искусственной» [49, 24–25; 51, 17–34]. Полилог – это разговор нескольких участников общения. Монолог – адресованная речь одного участника общения, например письмо, записка (письменные формы речи), рассказ, история. Проблемы полилога исследователи, как правило, проецируют на диалог, определяя диалог как разговор более чем одного участника общения, в основном, устное межличностное вербальное взаимодействие.

Строение диалога определяется не столько правилами языкового поведения людей, сколько канонами человеческого общения и индивидуальными особенностями мировосприятия говорящих, поэтому диалог изучается не только лингвистическими Дисциплинами, но и другими науками. Особенно ценны для культуры речи открытия в философии, культурологии, психологии, нейропсихологии. Так, именно диалог являет собой язык в понимании Гегеля: «существующее для других самосознание, которое в этом качестве дано непосредственно и является всеобщим» [14, 478]. Ср. также: «два голоса – минимум жизни, минимум бытия... слово стремится быть услышанным» [6, 342–363]. Известно высказывание Э. Бенвениста о том, что человек был создан дважды: один раз без языка, другой раз – с языком [7]. Таким образом, задолго до выводов современной нейропсихологии философы пришли к мысли о диалоговом характере сознания, о явлении чистого Я в речи (ср. внутреннюю форму слова «сознание»). Таким образом, сознание (и речевое творчество) всегда адресно. М. М. Бахтин ввел понятие «высшей инстанции ответного понимания», «наадресата», который поймет говорящего во всяком случае, поможет раскрытию авторского замысла [6, 323]. Для понимания сущности разговорной речи важен следующий вывод: говорящий человек всегда заявляет о себе как о личности, и только в этом случае возможно установление контакта в общении с другими людьми. В каждом высказывании говорящий предстает как человек с определенными этническими, национальными, культурными характеристиками, обнаруживая свои особенности мировосприятия, этические и ценностные ориентиры.

1. Необходимым условием возникновения диалога и успешного его завершения является потребность в общении, в явном виде не выраженная языковыми формами, ^коммуникативная заинтересованность (по определению М. М. Бахтина). Заинтересованность в общении не может быть охарактеризована вполне в терминах лингвистики, так как она находится в сфере действия сил социальной гармонии и правил поведения (при симметричных или асимметричных социальных отношениях). Однако на уровне отношений между участниками диалога коммуникативная заинтересованность устанавливает паритетность вне зависимости от социального статуса и ролей. Так, на заинтересованность в общении и равные права в диалоге не влияют: а) глубина знакомства (близкие друзья, знакомые, незнакомые); б) степень социаль-

ной зависимости (например, главенство отца, подчиненное положение в коллективе); в) эмоциональный фон (благожелательность, нейтральность, неприязнь). В любом случае при заинтересованности имеет место согласие «внимать», «солидарность». И это первая ступень к успешному завершению разговора.

Успешность речевого общения – это осуществление коммуникативной цели инициатора (инициаторов) общения и достижение собеседниками согласия.

2. Следующее важное условие успешного общения, правильного восприятия и понимания – настроенность на мир собеседника, близость мировосприятия говорящего и слушающего. Л. П. Якубинский определил это как близость апперцепционной базы говорящих [51, 17–34]. М. М. Бахтин называл это явление апперцептивным фоном восприятия речи [6, 291–293]. Прошлый жизненный опыт собеседников, сходные интересы и культурные каноны рожают быстрое взаимопонимание, которое выражается стремительной сменой реплик, такими паралингвистическими средствами, как мимика, жесты, тон, тембр голоса. В интимной речи при полном доверии и искренности предвосхищение ответной реакции слушающего очевидно и естественно; в других жанрах успешность речевого общения определяется умением говорящего представить мир слушающего и в соответствии с этим организовать свою речь (начиная с обращения, интонационного рисунка высказывания, порядка слов, выбора семантико-синтаксической структуры предложения, экспрессивных средств разных уровней, этикетных формул). Это способствует возникновению у собеседника благожелательного внимания, а также активизирует все составляющие культурного понимания речи, коммуникативные ожидания и ассоциации; открытость к любой позиции говорящего, готовность принять все доводы, предвосхищение смысла каждой фразы и дальнейшего хода разговора. При близости апперцепционной базы активный характер процесса понимания и со стороны говорящего, и со стороны слушающего не проявляется отчетливо, так как интерпретация интерпретации не требует усилий. Ср. высказывание М. К. Мамардашвили: «Даже из нашего опыта мы знаем, что другой человек понимает тебя, если уже понимает. Понимание случается тогда, когда помимо ряда словесно-знаковых форм присутствует дополнительный эффект существования какого-то «поля» [цит. по: -52, 105].

На знании «в чем дело» держатся такие явления речи, как намек, догадка, различные способы проявления категории определенности / неопределенности, референтная отнесенность; ср. тонкое наблюдение Е. Д. Поливанова: «Мы говорим только необходимыми намеками» [36, 196].

Таким образом, данное условие успешного речевого общения также в значительной степени находится вне компетенции лингвистического анализа, так как коренится в прошлом опыте жизни собеседников и в практике «использования» языка.

Речевые формы правильной настроенности на мир слушающего самые различные: вид обращения, интонация, тембр голоса, темп речи, полторы, особые средства выражения отношения говорящего к предмету речи (эпитеты, оценочные наречия, вводные слова и предложения), к собеседнику, намеки, аллюзии, эллипсис; имплицитные (или, наоборот, эксплицитные) способы передачи информации, паузы, молчание и т. п.

3. Главным условием успешного речевого общения является умение слушателя проникнуть в коммуникативный замысел (намерение, интенцию) говорящего. Поскольку коммуникативное намерение формируется на довербальном уровне речи-мысли, а постижение смысла сказанного происходит параллельно линейному развертыванию высказывания, слушатель проделывает огромную работу по интерпретации речевого потока и «реконструкции» замысла говорящего, по переосмыслению ранее сказанного и понятого, по соотносению своей «модели» понятого с реальными фактами и линией поведения собеседника. Эта «работа» так же мгновенна, симультанна и биологична по своей сути, как и процесс говорения, поэтому здесь естественны индивидуальные различия. Основы изучения речевой деятельности были заложены в 30-е гг. в работах Л. С. Выготского и его учеников [12]. В 20–30-е гг. Л. В. Щерба в своих докладах, лекциях и статьях подчеркивал, что процессы говорения и понимания не только психофизиологически обусловлены, но имеют и социальную природу, являются «социальным продуктом» [49, 24–39].

При всех тонкостях индивидуального восприятия речи говорящий и слушающий исходят из следующих предполагаемых фактов (положений теории речевой деятельности): а) логические структуры и языковые конструкции не полностью соотносительны, т. е. равны друг другу; существуют законы невыражения структур мысли [11; 30, 317; 24, 69–83]; б) существуют явные и неявные способы выражения смысла [24; 18, 25; 23]. В разговорной речи невыражение смысловых фрагментов и выборочное отражение «положения дел» или «картины мира» – типичное явление: именно в этой функциональной разновидности имеет место самое сложное взаимодействие между говорящим и слушающим, самое жесткое требование ситуативного речевого поведения, наиболее активный и творческий характер понимания речи.

Процессы понимания находятся в центре внимания многих лингвистических дисциплин: когнитивной лингвистики, функциональной лингвистики, теории речевого воздействия, теории речевых актов (ТРА), прагматики, психолингвистики, культуры речи и др. Главный вопрос в речевом общении: каким образом связаны и как участвуют в организации высказывания и речевого потока в целом (и его понимании) значение языковых единиц, синтаксические конструкции, мнение говорящего и его отношение к адресату, эмоции и ассоциации. Выражение «Мысль изреченная есть ложь» вполне соответствует тому действительному положению, когда содержание речевого общения всегда шире значения всех языковых элементов и знание их значений не является гарантией успешного понимания.

Задача создания «грамматики» говорящего и слушающего, которую выдвигал Л. В. Щерба в начале века, остается пока не выполненной. Тем не менее ученые разных направлений пришли к выводу, что смысловые блоки формируются (и извлекаются) на основе определенных сочетаний языковых единиц, что по комбинации языковых единиц можно судить о фоновых знаниях говорящего, его памяти, способах использования знаний, о передаваемой информации, компонентами которой могут быть знания, убеждения, ценностные ориентиры, общепринятые мнения, установки, желания, оценки, эмоции. Как единицу содержательной структуры речи-мысли Т. А. ван Дейк предлагает «конструкцию знаний» – фрейм [16, 123 и далее]. Дж. Лакофф – гештальт. Практических рекомендаций фреймового представления той или иной ситуации, факта, события для культуры речи, естественно, дать невозможно: любой фрейм или гештальт мысли-восприятия (и конкретная языковая модель) будут беднее реального смысла, понятия, включающего всегда нетривиальным образом эмотивные и оценочные компоненты, которые составляют суть языковой компетенции и основу владения языком.

Понятие языковой (коммуникативной) компетенции – центральное понятие коммуникативного взаимодействия. Ср. у Ю. Д. Апресяна: «владеть языком значит: (а) уметь выражать заданный смысл разными (в идеале – всеми возможными в данном языке) способами (способность к перефразированию); (б) уметь извлекать из сказанного на данном языке смысл, в частности – различать внешне сходные, но разные по смыслу высказывания (различение омонимии) и находить общий смысл у внешне различных высказываний (владение синонимией); (в) уметь отличать правильные в языковом отношении предложения от неправильных» [1, 8].

Коммуникативная компетенция предполагает знание социокультурных норм и стереотипов речевого общения. Так, владеющий этими нормами знает не только значение единиц разного уровня и значение типов комбинаций этих элементов, но и значение текстовых социальных параметров; например, знает приемы диалогизации речи (умеет употреблять обращения в различных формах, умеет искренне выразить свою оценку того или иного факта или события, что обычно вызывает отклик, ответное сопереживание), умеет прогнозировать эмотивные реакции собеседников, знает средства интимизации общения. Большую роль при этом играет знание говорящим известных адресату выражений с «приращенным» смыслом, прошедших в различных речевых ситуациях процесс «вторичного означивания»: афоризмов, пословиц, поговорок, текстовых клише, прецедентных текстов, аллюзий, например: посчитали – прослезились; Я сказал! (поговорка Глеба Жеглова в к/ф «Место встречи изменить нельзя»); дамоклов меч; ахиллесова пята; домашняя заготовка (в игре «КВН»); поезд ушел; хотели как лучше, а получилось как всегда; я другой такой страны не знаю; шинель Акакия Акакиевича; не по хорошу мил, а по, милу хорош; парад победителей. Аллюзии и прецедент-

ные тексты в речи говорящего свидетельствуют о высокой степени владения социальными нормами языка; реакция на них собеседника однозначно предопределена национальными, культурными традициями, «народной смеховой культурой».

Важно понять, что языковая (коммуникативная) компетенция, помогая слушающему распознать «истинные иерархии» [17] в высказывании, тексте, позволяет соотнести уместность того или иного языкового факта (слова, выражения, синтаксической модели) с замыслом говорящего. Это можно назвать залогом адекватного понимания.

4. Успешность общения зависит от способности говорящего варьировать способ языкового представления того или иного реального события. Это в первую очередь связано с возможностью различной концептуализации окружающего мира. Мировосприятие индивидуума и сложившиеся мыслительные категории обуславливают такие категории языка, которые формальными средствами разных уровней языковой системы обозначают какое-либо понятие о мире. Эти категории называются функциональными, так как они показывают язык в действии. В языке существуют функциональные категории различных рангов, например бытийности, характеристики, квалификации, идентификации, оптативности, определенности, локации и т. д.

Говорящий формирует высказывание и текст в целом. Он формирует св.ой стиль письменной речи, «точку зрения» при отражении в речи каких-то событий, явлений, фактов, фрагментов «картины мира». Роль говорящего проявляется и в способе линейной организации речи, в выборе главного «участника действия»; например, синтаксическая позиция в начале предложения предназначена для обозначения того, о чем (о ком) говорится в предложении, то есть для темы высказывания; и от того, что именно говорящий делает темой, зависит вид синтаксической конструкции и ее смысл. Ср.: Волна захлестнула лодку; Лодку захлестнуло волной; Лодку захлестнуло.

Кроме различных способов «сценарного» представления реальных событий, говорящий языковыми средствами всегда передает свое отношение к предмету речи, а также (прямо или косвенно) к адресату. Так, уменьшительно-ласкательные суффиксы имен существительных встречаются в речи, если адресат близок или симпатичен говорящему (или в каких-либо ситуациях говорящий хочет продемонстрировать это); например (разговор друг с другом): Этот блузничек так идет к твоим фиалковым глазкам. Таким образом, в построении высказывания, в выборе слов, интонации говорящий всегда обнаруживает свой (типизированный или индивидуальный) взгляд на мир, и успешность речевого общения зависит от того, насколько этот взгляд согласуется с особенностями мировосприятия адресата или его точкой зрения по какому-либо вопросу. В языке существует набор стереотипизированных конструкций, которые «подсказывают» реакцию собеседника; например: Страшно то, что...; Необходимо представить себе...; Важно то, что...; Естественно...; Как известно; Вообще и т. д.

Говорящий строит свою речь с ориентацией на мир знаний адресата, приспособляя форму подачи информации к возможностям ее интерпретации. Ср.: А. – Трава сухая. Б. – Ну и что? А. – Росы не было. Б. – Что это тебя волнует? А. – Дождь будет. Б. – Да?. В данном фрагменте разговора показывается различие в осведомленности говорящего и адресата, поэтому для скорейшего понимания говорящему следовало построить свою информацию в виде высказывания, выражающего причинно-следственные отношения между фактами. Это могли бы быть два простых предложения, или сложноподчиненное предложение, или бессоюзное сложное; например: Росы нет – дождь будет; Трава сухая вечером – к дождю.

Основное правило поведения говорящего – это иерархизация содержания сообщаемого, которая должна основываться на осведомленности говорящего в том или ином вопросе; сначала сообщается та информация, которая может быть использована при интерпретации последующей. Личность адресата (а при полилоге – характер аудитории) обуславливает и стилистику информации. Ср. показанный Б. Шоу в пьесе «Пигмалион» эпизод с неуместной, в светском обществе исчерпывающей «сводкой погоды», которую сообщила Элиза Дулитл вместо мимолетных замечаний.

Тема разговора «диктует» говорящему способы ее представления в речи. Так, темы патриотизма, личности и общества, долга, любви требуют особой лексики, средств субъек-

тивной авторской модальности, отличных от тех, которые могут быть употреблены при обсуждении кулинарных рецептов или в рассказе о шумном застолье.

Взаимопонимание, правильное истолкование позиции говорящего по какому-либо вопросу возможно только в том случае, если речь является воплощением чувства-мысли, если она образна, искренна, эмоциональна, находит отклик у собеседника. И если психологи и нейрофизиологи экспериментально доказывают совместную актуализацию при восприятии речи «зон знания», «памяти», «эмоций», то философы пришли к аналогичным выводам логическим путем: «Познание и ценностное отношение составляют две неразрывные и равные по своему значению стороны <...> к человеческому сознанию следует подходить не только как к знанию, но и как к отношению <...> Познание является основой переживания любого объекта, как и, наоборот, интерес, страсть по отношению к объекту повышают эффективность его познания» [31]. Н. Д. Арутюнова, объясняя широкое прагматическое значение глаголов полагать и видеть процессами «сферы рассудка», замечает: «Во внутреннем мире человека нет четких границ, разделяющих ментальную и эмоциональную сферы, волю и желания, перцепции и суждения, знания и веру» [2, 7). Следовательно, мир знаний и у говорящего, и у адресата всегда опосредован эмоционально-оценочной палитрой и ассоциативными рядами. Это делает невозможным неиндивидуальное, обобщенно-нейтральное выражение: «... выразиться «нейтрально» оказывается невозможным» [8, 9].

Напомним читателю мысль Л. Н. Толстого: никогда никакими силами нельзя заставить человечество познать мир через скуку.

Таким образом, для успешного речевого общения говорящий не должен стремиться сообщить собеседнику только факты, «голую правду», объективную истину: он все равно обнаружит свое мнение. Следует, напротив, сознательно соединять «прямое» общение (информацию) и «косвенное», облакая сообщение в «оболочку», «флер» собственного осмысления, которое ищет сочувствия у адресата. Это может быть ирония, юмор, парадокс, символ, образ. Такая речь – всегда поиск согласия.

5. На успешность речевого общения влияют внешние обстоятельства: присутствие посторонних, канал общения (например, телефонный разговор, сообщение на пейджер, записка, письмо, беседа с глазу на глаз), настроение, эмоциональный настрой, физиологическое состояние – все это может предопределить судьбу разговора. Различают общение контактное – дистантное; непосредственное – опосредованное; устное – письменное. Общение будет более успешным, если оно протекает в устной форме, собеседники находятся наедине. Но даже благоприятные обстоятельства еще не гарантия успеха, согласия. Разговор «творят» речевые отрезки (реплики), паузы, темп, жесты, мимика, взгляды, позы, разговор развивается во времени, и каждая последующая реплика «наслаивается» на все сказанное ранее, взаимодействует с ним, и результат этого взаимодействия непредсказуем. Атмосфера диалога становится не менее существенной, чем его содержание, и потому «стихия» разговора все более увлекает собеседников.

7. Важным компонентом успешного речевого общения является знание говорящим и норм этикетного речевого общения. Вне зависимости от формул вежливости, в языке есть определенный набор высказываний, закрепленный традицией использования языка, которые «предписывают» адресату определенную форму ответа. Например, для людей, владеющих языком, не представляет трудности толкование вопроса Как ваши дела? Существует стереотип ответа, речевое этикетное поведение в качестве реакции на выражения Как ваши дела? Как вы поживаете? и тому подобные. В конкретных ситуациях общения слушатель правильно понимает коммуникативную цель говорящего, даже если высказывание не шаблонно, и в соответствии с этим строит ответную реплику. Так, фраза Холодно с интонацией понижения тона может означать исходя из коммуникативных намерений говорящего: 1) просьбу закрыть окно; 2) информацию о низкой температуре на улице; 3) предупреждение адресата («Нельзя купаться!»; «Ты легко одет»); 4) жалобу на озноб, плохое самочувствие; 5) сигнал в игре «горячо–холодно»; 6) объяснение причин каких-либо действий, например, заклеивания окон, укутывания детей.

Этикетное речевое поведение жестко предопределено не только «традиционными» вопросами, но и обстоятельствами разговора, тональностью общения, его стилистикой. Основ-

ное правило для ответного высказывания адреса: реплика должна вписываться в «контекст» диалога, т. е. быть уместной. Для этого каждому владеющему языком необходимо знать смысл «небуквальных выражений», т. е. выражений, смысл которых не выводится из значений составляющих их словоформ; например, на просьбу Не могли бы вы передать хлеб? или Вы не передадите хлеб? адресат должен ответить: «Да, пожалуйста», но не «могу (не могу)» или «передам (не передам)». Согласно этим правилам цветочница Элиза Дулитл из пьесы Б. Шоу «Пигмалион» на замечание «Прекрасная погода, не правда ли?» должна была ответить фразой, не только лингвистически безупречно построенной, но и в эстетическом и социокультурном отношении признанной «типовой».

8. Условия успешного речевого общения коренятся и в соответствии планов и схем речевого поведения собеседников, в основе которых лежит определенный уровень человеческих отношений и социального взаимодействия.

Традиция изучения языка как деятельности идет от Аристотеля: разделяя в своей «Риторике» ораторские речи на три типа, он показывает, что существует связь типов ситуаций общения с социокультурными сферами человеческой жизни. Но в отличие от риторики, где изначально предполагается взаимообусловленность речи, этических норм и поступков, при исследовании разговорной речи далеко не всегда во главу угла ставится концепт «говорящий человек» и, следовательно, реплики не квалифицируются как речевое поведение. Тем не менее обмен репликами подчинен строгим правилам диалога как процесса, где каждая реплика разговора предопределяет последующую и обуславливает течение разговора.

Насколько реально осуществление планов ведения диалога? Даже тщательно продуманный ход разговора и предусмотренный порядок обмена мнениями не всегда приводит к согласию собеседников и удачному завершению разговора. Этот феномен вызвал сравнение диалога со «стихией», с рекой, в которую нельзя войти дважды. Ср.: «... естественный разговор никогда не бывает таким, каким мы его хотели провести. Точнее будет сказать, что мы оказываемся в состоянии разговора, или даже впутываемся в него... Достигнутость или недостижимость понимания – то, что происходит с нами» [13, 466].

Таким образом, к успеху в диалоге ведет успешный прогноз восприятия слушателем реплик говорящего, умение говорящего предугадать общий замысел интерпретации слушателя и стратегию его восприятия. При этом восприятие тоже должно оцениваться как «поведенческий» акт. Пользуясь терминологией Л. Щербы, можно сказать, что в каждом конкретном случае моделирование «грамматики говорящего» – этапный момент в конструировании «грамматики слушающего», которая является определяющим фактором эффективности в разговоре.

Наиболее целостным рассмотрением диалога в «человеческом измерении» является теория речевого, поступка М. М. Бахтина и постановка проблемы «типических форм высказываний, то есть речевых жанров». Ср.: «В каждую эпоху развития литературного языка задают тон определенные речевые жанры, притом не только вторичные (литературные, публицистические, научные), но и первичные (определенные типы устного диалога – салонного, фамильярного, кружкового, семейно-бытового, общественно-политического, философского и др.)» [6, 256]. М. М. Бахтину принадлежат такие важные с методологической точки зрения открытия, как категории «коммуникативная заинтересованность», «говорящий человек», «солидарность участников общения», «поиск согласия», «высшая инстанция ответного понимания», «активная роль Другого», «ритуальное речевое поведение», «игровая ситуация общения», «народная смеховая культура» и др. М. М. Бахтин уже в начале века назвал диалог (взаимодействие по крайней мере двух высказываний) реальной единицей языка-речи, конструктивной основой мысли [10, 137–138].

Попыткой обобщить условия успешного коммуникативного взаимодействия является теория речевых актов (ТРА). Главное внимание в ТРА уделяется иллокуции – манифестации цели говорения; в определении иллокуции самый существенный момент – распознавание коммуникативного намерения (по П. Грайсу); или «открытой интенции» (по Стросону) [21, 13–14]. Объектом исследований в ТРА является акт речи, а не диалог. Создатели этой теории Дж. Остин, Дж. Р. Серль, П. Грайс, П. Р. Стросон предложили перечень правил использования языка, поставили вопрос об исчислении речевых актов и о типологии коммуникативных

неудач. Общий принцип говорящего и слушающего – принцип кооперации; языковая компетенция слушающего заключается прежде всего в знании им «разговорных максим» [15, 217]; с помощью этих максим говорящий стремится «обеспечить усвоение» [40, 130]. Однако без возможности контроля за результатом и учета хода диалога эти правила представляют собой лишь обобщение некоторых обязательных элементов речи («будьте настолько информативны, насколько это необходимо»; «не говорите ничего такого, что бы вы считали не соответствующим истине»; «говорите понятно»; «говорите то, что относится к данной теме» – максима релевантности). ТРА не акцентировала тему интерпретации, хотя П. Грайс обратил внимание на существование небуквальных значений выражений [15, 217–236].

Критики теории речевых актов отрицали возможность их исчисления из-за абстрактности их схем, оторванности от реальных социальных условий, неучтенности многих параметров их возможного употребления. Так, Д. Франк пришла к выводу, что интерпретативный процесс «никогда не может быть сведен к простому механическому применению правил; по своему характеру этот процесс ближе к конструированию правдоподобных гипотез, чем к логической дедукции» [43, 372]. Дж. Серль, один из авторов ТРА, в конце своего исследовательского пути фактически повторяет положения теории речевой деятельности и когнитивной лингвистики: мышление довербально, «язык является логически производным от интенциональности. Наша способность соотносить себя с миром посредством интенциональных состояний – мнения, желания и др. – биологически более фундаментальна, чем наша вербальная способность. Следовательно, речь должна идти о проблеме объявления не интенциональности в терминах языка, а, наоборот, языка в терминах интенциональности» [35, 382].

Таким образом, успешность речевого общения зависит от желания участников в форме диалога выразить свои мнения, желания, просьбы, сообщить что-либо и т. д.; от умения определить все личностные особенности коммуникантов, организовать в соответствии с этим свои реплики, содержащие информацию по определенному вопросу, выражающие мнение, побуждение к действию или вопрос в оптимальной при данных обстоятельствах форме, на достойном собеседников интеллектуальном уровне, в интересном ракурсе. (Подробнее о способах организации речи см. § 6 и 7.)

Контрольные вопросы

1. Каково главное условие речевого общения?
2. Что такое «успешность речевого общения»? От чего она зависит? Как влияют на успешность общения внешние обстоятельства?
3. Что составляет понятие «коммуникативная компетенция»?
4. Что означает «уместность» в диалоге?
5. Как тема разговора «диктует» говорящему способы ее представления?
6. Как соотносятся в речевом, общении познание и ценностное отношение?
7. Какие существуют социальные нормы и стереотипы речевого общения?
8. В чем сущность «теории речевого поступка» М. М. Бахтина?

§ 6. Причины коммуникативных неудач

Языковая данность «речевое общение» во многом формируется неязыковыми факторами и конструирует внеязыковые сущности: отношения, действие, состояние, эмоции, знания, убеждения и т. д. Поэтому и успешность речевого общения, и неудачи далеко не всегда зависят от выбора говорящими языковых форм.

Коммуникативные неудачи – это недостижение инициатором общения коммуникативной цели и, шире, прагматических устремлений, а также отсутствие взаимодействия, взаимопонимания и согласия между участниками общения.

Линейное развертывание диалога (или полилога) обусловлено разнопорядковыми, но в то же время взаимосвязанными факторами, лингвистическими и экстралингвистическими процессами. Поэтому поиск причин коммуникативных неудач должен вестись в разных сферах: в социально-культурных стереотипах коммуникантов, в их фоновых знаниях, в различиях коммуникативной компетенции, в психологии пола, возраста, личности. Кроме того, есте-

ственно, негативное влияние на исход речевого общения могут оказывать дистантность участников, присутствие посторонних лиц, общение через записки, письма, пейджер, по телефону. Большую роль играют все особенности развития речевой ситуации, вплоть до состояния коммуникантов и их настроения.

Кажущаяся аморфность, неосвязаемость слагаемых речевого общения тем не менее позволяет выделить следующие неблагоприятные факторы, приводящие к коммуникативной неудаче.

1. Чуждая коммуникативная среда сводит усилия участников общения на нет, так как в такой среде царит дисгармония, отсутствует настроенность собеседников на феноменальный внутренний мир друг друга. В диалоговом общении при посторонних лицах собеседники чувствуют дискомфорт, мешающий им осознать себя в данной ситуации и определить тональность своего речевого поведения. Малая степень знакомства может усугубить дискомфортность и затруднит поиски «общего языка». В такой неблагоприятной ситуации может оказаться студент, пришедший в гости к своему сокурснику в общежитие; подруга, навестившая подругу на ее работе. Вне зависимости от коммуникативного намерения затруднено социальное взаимодействие, невозможна в полной мере «подача себя» в том или ином свойстве. Положение может осложняться отвлекающими моментами: вмешательством третьих лиц, вынужденными паузами, отвлечением от разговора по разным обстоятельствам. При полилоге в чуждой коммуникативной среде невозможно добиться согласия в беседе на любые темы из-за социальных, психологических различий, разницы в образовании, понимании нравственных норм, из-за разных интересов, мнений, оценок, знаний собеседников.

Неполный речевой контакт (даже при заинтересованности в общении) может проявляться в низком темпе обмена репликами, высказываниях не попадая, неуместных шутках и эмоциональных реакциях (например, в иронии вместо сочувствия), неправильной интерпретации и в целом в «диссонансном» обмене репликами.

2. Серьезным основанием для отчуждения участников разговора может быть нарушение паритетности общения. В данном случае также имеет место нарушение правила солидарности, кооперации собеседников. Это проявляется в доминировании одного из участников разговора: начиная с инициальной реплики один и тот же человек выбирает тему разговора, задает вопросы, перебивает собеседника, не дожидаясь сигналов восприятия и правильной интерпретации сказанного, превращая таким образом диалог в монолог. При этом определяющую роль играют такие факторы, как психологические черты участников общения, социальный статус, эмоциональные отношения, культурные навыки. Ср. роль частицы что в вопросе: Ты, что, с нами пойдешь?

3. Коммуникативные замыслы собеседников не будут осуществлены, не возникнет согласие, если живое речевое общение будет ритуализовано. В ритуализованной реплике все прагматические характеристики речи (кто – кому – что – почему – зачем) нивелируются: нарушается правило искреннего доброжелательного отношения к собеседнику, т. е. этические нормы, а также имеет место употребление «набора слов» к случаю. Говорящий не проверяет «ценность» своего высказывания по вниманию слушателя, его соучастию в разговоре, в создании содержательной канвы общения [28, 39]. Конструкции-клише типа Это мы уже проходили, расхожие суждения, безапелляционные высказывания – все это сужает сферу возможного употребления слов, практически ограничивая ее шаблонными выражениями, в которых нет динамики чувства-мысли. В ритуализованных высказываниях (и диалогах в целом) нарушена живая нить разговора – связь говорящего и слушающего: «я говорю», «тебе говорю»; адресат лишен возможности слышать открыто выраженную аргументацию, а говорящий скрывает свое мнение под «известным» мнением «всех».

4. Причиной нарушения контакта с собеседником и прекращения разговора может быть неуместное замечание в адрес слушателя по поводу его действий, личностных качеств, которое может быть истолковано как недоброжелательное отношение говорящего (нарушение правила кооперации, солидарности, релевантности). Ср. широкое понимание неуместности у Цицерона: «Кто не считается с обстоятельствами, кто не в меру болтлив, кто хвастлив, кто не считается ни с достоинством, ни с интересами собеседников и вообще кто несуразен и назойлив, про того говорят, что он «неуместен» [44, 229]. Существуют разные приемы введения в

текст диалога замечания «не по делу». Ср. гиперболу: «Петрушка, вечно ты с обновкой, С разодранным локтем» [Грибоедов]; (разговор с ребенком) – Не бери в рот грязь всякую! – Это не всякая, это куколкин чайник; ср. пример Т. М. Николаевой: Вы ведь всегда интересуетесь, сколько кому лет – (говорится лицу, всего однажды задавшему подобный вопрос) [32, 161].

Неуместность может быть вызвана неспособностью говорящего уловить настроение собеседника, определить ход его мысли. Это характерно для разговоров между малознакомыми людьми. В инициальной реплике нередко случаи употребления личных и указательных местоимений в расчете на то, что слушатель знает, о чем идет речь; например: Они всегда так после курсов (попутчик своему соседу в автобусе). – Кто? – Водители, говорю, неопытные. Дергает с места, поворот не отработан. – А... Ясно, что ход мыслей слушателя был не такой, как у инициатора разговора. Отсюда – непонимание. Такая речь социально маркирована; кроме того, это характерно для женской речи.

Несовпадение социокультурных особенностей участников общения также может повлечь за собой неуместные фразы, приводящие к коммуникативному провалу. Ср. юмористический финал диалога, приведенного в статье Н. Н. Трошиной: «Коммерсант Майсль приезжает из Черновцов в Вену. Вечером он хочет пойти в Бургтеатр. Он спрашивает в кассе театра: «Ну что у вас сегодня на сцене?» – «Как вам будет угодно». – «Отлично! Пусть будет «Королева чардаша» [41, 89]. Если читатель знает, что Бургтеатр – это драматический театр и что «Как вам будет угодно» – пьеса Шекспира, то коммуникативная неудача коммерсанта будет очевидна.

5. Непонимание и недостижение собеседниками согласия может быть вызвано целым рядом обстоятельств, когда коммуникативные ожидания слушателя не оправдываются. И если устранение причин неудачного общения, лежащих в сфере социокультурных стереотипов, фона знаний, психологических пристрастий (приятие / неприятие действий или черт характера собеседника), в принципе невозможно, то непонимание, вызванное низким уровнем языковой компетенции, преодолимо. Ср. диалог в трамвае между матерью и дочерью, приехавшими в Москву из пригорода. Дочь: Даже хорошо, что я не поступила в техникум в Москве, а то бы каждый день ездила туда-сюда. – Мать: А вечером приезжала бы на бровях. – Дочь: Почему на бровях? – Мать: Ну уставала бы очень. – Дочь: А почему «на бровях»-то? – Мать: Так говорят... (не знает, как объяснить). Мать не знает значения выражения «на бровях» – «(прийти, дойти, приползти) (прост.) – о пьяном: с трудом, еле-еле добраться» [Ожегов С., Шведова Н., 1992. С. 58], поэтому употребляет выражение не к месту; дочери кажется, что она вообще никогда не слышала этого выражения. Здесь налицо типичный случай невысокой степени владения языком: употребление устойчивых выражений не к месту, незнание точного значения слова. Другой тип ошибочного понимания или непонимания связан с неясностью для слушателя слов с абстрактным значением или слов-терминов, соответствующих специальным областям знаний. Так, например, в ходе полилога (три участника разговора, коллеги, двое с университетским образованием) один из собеседников взглянул на часы и начал прощаться: «Мне с вами хорошо... Однако время не время, мне еще сегодня нужно заехать в одно место по делу... «Мы встретимся снова!» (строчка из популярной песни). – 2-й уч.: Танюш, не исчезай. – Куда я денусь, мы софеноменальны – 3-й уч.: Чего, чего? Софеноменальны? Не понял...» Слово софеноменальны оказалось своего рода лакмусовой бумагой для определения мира знаний третьего участника полилога.

Дискомфорт общения, неправильная интерпретация и отчуждение возникают в случае неправильной линейной организации высказывания. Синтаксические ошибки в согласовании, нанизывание падежей, усеченные предложения, недоговоренность, перескакивание с одной темы на другую, пусть и близкую, – все это вызывает напряженность внимания и неосуществление коммуникативных ожиданий слушающего. Ситуация усугубляется быстрым темпом речи, паузами обдумывания (запинками). Если при этом говорящий информирует слушателя по теме, известной ему, то слушателю приходится проделывать большую «работу» по домысливанию общей картины, а если тема сообщения неизвестна адресату, то говорящий рискует оказаться непонятым. Иллюстрацией подобных коммуникативных неудач может служить диалог между двумя школьниками, когда один из них рассказывает приятелю о

своих впечатлениях по поводу увиденного вчера боевика. А.: Он как жажнет его ... Ну я вообще ... – Б.: Кто? Кого? – А.: Ну этот, который вначале ... – Б.: А тот? – А.: А что тот? Тот больше не лез ...

В обыденной речи неполнота высказываний и их контаминация (наложение) «расшифровывается» с помощью интонационного рисунка реплики и сопутствующих обстоятельств. Однако не следует забывать, что языковое осмысление одних и тех же событий и фактов у разных людей различно, индивидуальна и манера речевого «сжатия», эллиптирования, поэтому попытки слушателя извлечь смысл из услышанной фразы могут быть напрасными. Ср. приведенный в повести И. Грековой «Кафедра» диалог Дарьи Степановны (домработницы) с профессором Николаем Николаевичем (Энэн): «Особое своеобразие речи Дарьи Степановны придавали провалы и зияния, от которых многие фразы становились каким-то ребусом... Собеседник – не дурак же он! – сам должен был понимать, о чем речь. В эту априорную осведомленность каждого о ходе ее мыслей она верила свято-Больше всего любила передачу «Человек и закон». Невнимания профессора к этому зрелищу понять не могла, осуждала:

– Все с книжками да с книжками, вот и прозевали. Про шпану шестнадцать тридцать. Жене восемь лет, наточил ножик – раз! Ее в реанимацию, три часа, умерла.

– Восемь лет жене? – с ужасом спрашивал Энэн.

– Все вы понимаете, слушать не хотите. Не жене, а ему восемь лет. Мало. Я бы больше дала.» [Цит. по 47, 68].

К коммуникативной дисгармонии и непониманию может привести различие схем поведения участников диалога, что находит отражение в несвязности (фрагментарности) частей диалога, в нереализованной коммуникативной валентности реплик, неоправданных паузах.

Контрольные вопросы

1. В чем заключается «коммуникативная неудача»?
2. Как влияет на общение чуждая коммуникативная среда?
3. В чем выражается неполный речевой контакт?
4. Какие внешние обстоятельства приводят к коммуникативному провалу?
5. Как влияет на результат общения низкий уровень владения языком?

§ 7. Коммуникативные цели, речевые стратегии, тактики и приемы

Речевое общение, будучи особым видом целенаправленного человеческого поведения, требует анализа таких типов речевого общения, которые могут рассматриваться как образцовые в аспекте культуры речи.

1. Мы предлагаем следующую классификацию типов речевого общения. По коммуникативной установке все речевые акты делятся на два больших разряда: информативные и интерпретативные.

По модальной характеристике информативные диалоги включают собственно информативные (или сообщения), дискуссионные жанры и «предписывающие» виды общения. Инициальные реплики и роль лидера в разговоре предопределяют следующий этап типологизации диалогов (см. § 8). Интерпретативные диалоги можно разделить на следующие классы: целенаправленные и ненаправленные. Целенаправленные по модальной характеристике, в свою очередь, делятся на диалоги, формирующие оценочную модельность (например, беседы типа: А миг этот ситчик правится: он в спальне будет прекрасно смотреться), и диалоги, формирующие модальность другого типа (ср. например, ссоры, претензии, примирения). Ненаправленные диалоги различаются по тому, какой аспект личности реализуется в разговоре: Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-эстетическое [3, 55].

2. Речевые стратегии выявляются на основе анализа хода диалогового взаимодействия на протяжении всего разговора. Мельчайшая единица исследования – диалоговый «шаг» – фрагмент диалога, характеризующийся смысловой исчерпанностью. Число таких «шагов» в

диалоге может быть различным в зависимости от темы, отношений между участниками общения и от всех прагматических факторов.

Как правило, стратегию определяет макроинтенция одного (или всех) участника диалога, обусловленная социальными и психологическими ситуациями. Стратегия связана с поисками общего языка и выработкой основ диалогического сотрудничества: это выбор тональности общения, выбор языкового способа представления реального положения дел. Выработка стратегии осуществляется всегда под влиянием требований стилистической нормы.

Речевые стратегии соединяют в диалоге элементы игры и ритуального речевого поведения (традиционные реплики, паузы, поговорки и «дежурные» топики, например о здоровье, о погоде). Игра – это также повторяющаяся модель речевого поведения в рамках стилистической нормы, она может быть сугубо стереотипной или представлять собой отступление от стереотипа поведения (ломка стереотипа). Так, например ирония-отрицание в бытовом диалоге представляет собой нетривиальную реплику: (разговор двух знакомых, которые давно не виделись): А. – Привет, Мариночка! – Б. – Привет, лапуля! – А. – Давно не виделись ... Ну, как Валя, Димочка? – Б. – У нас все по-старому. Растем понемножку. Как ты? – А. – А у нас – как везде... Сама понимаешь... – Б. – А так по виду вроде, ты процветаешь... – А. – Ага, процветаю цветочками на блузке.

По отношению участников диалога к такому принципу организации речевого общения, как солидарность, или кооперация, речевые стратегии можно разделить на кооперативные и некооперативные.

К кооперативным стратегиям относятся разные типы информативных и интерпретативных диалогов; например, сообщение информации (инициатор–активный участник диалога); выяснение истинного положения вещей (спор, обмен мнениями по какому-либо вопросу; активны все участники); диалоги с ожиданием ответной реплики инициатором диалога и «диалоги», исключая ответные реплики (к первому разряду относятся просьба, совет, убеждение, увещевания; ко второму – требование, приказ, рекомендация). Точную характеристику виду диалога дают глаголы, прямо выявляющие цель речи инициатора, – прошу, советую, умоляю, требую и т. д.; выражения благодарности, признания, в любви, извинения, выражение сочувствия, симпатии, дружеских чувств, комплименты.

К некооперативным стратегиям относятся Диалоги, в основе которых лежит нарушение правил речевого общения – доброжелательного сотрудничества, искренности, соблюдения «кодекса» доверия, например: конфликты, ссоры, перебранки, претензии, угрозы, проявления агрессии, злобы, ирония, лукавство, ложь, уклонение от ответа.

Речевые стратегии намечают общее развитие диалога, которое полностью выявляется только в заключительных репликах, потому что, напоминая, правил «управления» разговором нет и любой параметр прагматических характеристик речевого общения может оказать существенное влияние на результат диалога. Кроме того, выбранные рамки стилистики общения диктуют «сюжетные повороты» разговора и способы выражения. Ср. образное выражение семиолога Р. Барта: «...в каждом знаке дремлет одно и то же чудовище, имя которому – стереотип: я способен заговорить лишь в том случае, если начинаю подбирать то, что рассеяно в самом языке».

3. Речевые тактики выполняют функцию способов осуществления стратегии речи: они формируют части диалога, группируя и чередуя модальные оттенки разговора (оценки, мнения, досаду, радость и т. п.). Так, например, в стратегии отказа в выполнении просьбы может быть тактика: а) выдать себя за некомпетентного человека (не способного к выполнению этой просьбы); б) сослаться на невозможность выполнения просьбы в данное время (на занятость); в) иронии; г) отказа без мотивировки; д) уклониться от ответа, не обещать ничего определенного; е) дать ясно понять, что не желает выполнять просьбу. Все эти тактики основаны на некооперативной стратегии речевого поведения участника общения. Вне зависимости от выбранных способов выражения согласие достигнуто не будет, инициатора общения ждет коммуникативная неудача. Ср. один из вариантов такого диалога: (телефонный разговор) А. – Оля, здравствуй! – Б. – Здравствуй, Люда! – А. – Я хотела с тобой поговорить, когда забирала Андрея из сада, по, говорят, тебя не было. Кто Алешу забирал? – Б. – Игорь сегодня рано освободился и рано его взял из сада, сразу после полдника. А что? – А. – Нина Иванов-

на попросила меня сколотить «бригаду» – там в спальне надо обои переклеить. Пойдем в субботу? – Б. – Нет, Люд, не пойду. Во-первых, я никогда в жизни этим не занималась, я не умею клеить обои. Во-вторых, в субботу я работаю. А потом, что там стряслось, что надо переклеивать? Протечка? – А. – Да нет, не протечка, просто надо обновить. – Б. – Я пас. Создавайте «бригаду» без меня. Я и так целый месяц «работала на благо общества»: шила кулакам платья, пальто, шапки. – А. – Ну, ладно... Ире сейчас позвоню. До встречи. – Б. – Пока.

Особого рода речевые тактики нужны для установления контакта между говорящими (фатическое общение). Они основаны на кооперативных стратегиях и используют большой диапазон тактик для поддержания коммуникативной заинтересованности собеседников, активизации внимания и пробуждения интереса к теме разговора и участникам общения. При этом создается атмосфера разговора, где каждое высказывание имеет особый обертон смысла, часто используются слова-символы и клишированные конструкции. Так, например, в полилоге фатического общения с ненаправленными стратегиями (неопределенными стратегиями) может использоваться тактика привлечения внимания к себе (ср. речевой прием введения, такой тактики «А я...», «А у нас...»; ср. детское стихотворение С. Михалкова «А у нас в квартире газ. А у вас?...»); например, в разговоре о способах приготовления дрожжевого теста между случайными собеседниками-попутчиками в электричке: «А я обычно кислое тесто ставлю так...». В таких репликах содержится и заявка на коммуникативное лидерство.

В спонтанно возникающих беседах, имеющих только конативные цели (установление речевого контакта), часто повторяются одни и те же тактики, например, предложение общепригодной темы (мода, политика, воспитание детей, погода и т. п.), тактика привлечения внимания и вовлечения в разговор многих собеседников, тактика эпатирования собеседников через отрицание привычных схем поведения или отрицание ценностных ориентиров в данном микросоциуме, направленная на укрепление, роли лидера.

Тактики осуществления определенной стратегии речи несут на себе печать национальной психологии. Это убедительно показано Е. М. Верещагиным, Р. Ратмайром, Т. Ройтером [9] на примере анализа речевых тактик «призыва к откровенности». Так, в русской культуре преобладают прямые призывы к откровенности без разного рода частиц, смягчающих эти призывы. Кроме того, ссылка на нравственные нормы, апелляции к высшему нравственному императиву (к божеству, идеологическим ценностям) характерны для русской культуры, в то время как в немецкой культуре они встречаются чаще всего в общении с детьми. Ср., например, реплики, реализующие эту тактику: Где же твоя совесть?; С друзьями надо быть откровенным; Если ты мне не доверяешь, то лучше и не говорить вовсе; Разве это честно? А еще считаешь себя порядочным человеком!

В направленных диалогах, информативной стратегии или стратегии побуждения к действию, обмена мнениями по ряду вопросов с целью принятия решений широко используются тактики неявного выражения смысла, неявного способа информирования, неожиданной смены темы.

4. Приемы речевого воплощения стратегий и тактик могут быть разделены на тривиальные способы выражения смысла и нетривиальные. Тривиальные способы – это сложившиеся в языковой системе стереотипы выражения: в заданном стилистическом ключе организуются ансамбли разноуровневых средств. При этом в тесном взаимодействии выступают лексические элементы и синтаксические конструкции, исторически сложившиеся соответствия порядка слов и моделей предложений, типы инверсий. Таким образом выявляется предназначенность единиц разного уровня для их употребления в составе единиц более высокого уровня, роль всех единиц в формировании смысла реплики. Так, например, правила выделения наиболее значимого компонента содержания высказывания позволяют говорящему по-разному представлять одну и ту же реальную картину (см. выше – § 5): Волна захлестнула лодку; Лодку захлестнуло волной; Лодку захлестнуло. Исторически сложившиеся способы выражения обусловили линейную организацию предложений.

Приемом вариативного представления реальных ситуаций является коммуникативная синонимия фрагментов предложений, например: Она купила туфли с замшевыми бантами, стянутыми пряжками и Она купила туфли с бантами и пряжками [27, 84–85].

Приемы выражения ролевых отношений в диалоге также стереотипизированы: варианты выражения извинения, просьбы свидетельствуют о кооперативных и некооперативных стратегиях. Так, этическая традиция предписывает при выражении просьбы употребление не косвенного, а прямого речевого акта – Извините (а не Извиняюсь) – с использованием формы повелительного наклонения. Просьба-предложение, наоборот, имеет предпочтительную форму выражения – косвенный речевой акт, например: Вы не спуститесь со мной?; Вы не могли бы спуститься со мной?

Существуют неявные способы выражения смысла высказывания, точки зрения говорящего. Они опираются на известные факты, общепринятые оценки или мнения говорящего, ср.: Он все-таки пригнул на репетицию. Мнение говорящего – «не должен был приходиться». При его невнимательности немудрено наделать столько ошибок (известно, что он невнимателен). Эффективный прием «внедрения» в сознание адресата своего мнения – употребление определений с «непрозрачной» семантикой, представляющих собой небесспорное мнение; ср., например, подпись под фотографией в журнале «Бурда моден»: Это шикарное платье будет всегда иметь успех.

Средством выражения кооперативной стратегии являются разные способы оценки собственной речи: вводные слова, кавычки в письмах и записках, слова, обозначающие собственное содержание, например (разговор двух знакомых): А. – Вчера сережку потеряла. Жалко... Помнишь, эти, с александритом? – Б. – Где же тебя так трепали? Извини, в какую толкучку, я хотела сказать, ты попала? Задела шапкой? Воротником? Здесь говорящий в ходе ответной реплики прогнозирует реакцию адресата, пытается выразиться мягче, деликатней, осознав неуместность первоначального варианта. Ср. также: А. (продолжает рассказывать) – Она его выставила, «и он послушно в путь поте к», – Пушкина вспомнила – иначе не скажешь! Ср. сознательную «ритуализацию» фразы, использование мертвой, застывшей фразы, показывающей иронию говорящего (поиск такой же оценки у адресата): – Ну, конечно выполним и перевыполним, сохраним и умножим... А какой итог?

Важный прием осуществления целого ряда тактик при кооперативной и некооперативной стратегии – м о л ч а н и е. Молчание может быть эквивалентом реплики-утверждения, обещания, просьбы, согласия, ожидания, запинки, оценки. Демонстративное молчание может иметь аффективную природу и преследовать цель прекратить разговор. «Многозначительное» молчание может выражать тактику определения ролей в разговоре или социально-ролевых отношений. Функция молчания в структуре диалога очевидна из речевой ситуации. Замечательное явление – фоновое молчание, согласия, которое выражает атмосферу солидарности в общении и согласия между собеседниками. Ср.: Когда люди сочувственно встречаются в исчезающих оттенках, они могут молчать о многом и очевидно, что они согласны в ярких цветах и густых тенях (А. И. Герцен. Былое и думы).

Главное и специфическое средство построения речевого общения и реализации тактических задач – регулятивные элементы, принадлежащие к разным уровням языковой системы, объединенные общей функцией динамичной организации речевого взаимодействия, например: неправда ли?

А. А. Романов называет эти элементы коммуникативными сигналами, средствами диалогической регуляции [38], предлагает классификацию их в зависимости от целей общения и согласованности / несогласованности участников общения (при отсутствии коммуникативной заинтересованности одного из участников сдерживается и нейтрализуется стратегическая инициатива другого участника). Традиционное представление коммуникативного взаимодействия было бы неполно без разного рода регулятивных действий-реплик, которые и определяют «вектор» речевого общения. Регулятивные элементы имеют свою иерархию и строго дифференцируются в зависимости от социальных и психологических ролей говорящих. К регулятивам относятся вводные слова и предложения, междометия, вопросы, пере-спросы, слова-предложения да и нет, комментариев, оценочные суждения. В целом все показывают активность участия в разговоре, направляют речевое общение. Ср. реплики-подхваты: А. – Мы сейчас выясним, устроим обсуждение... – Б. – Научную конференцию; А. – Есть охота. Чайку бы... – Б. – Да... «Народ от праздности завел привычку трескать», как сказал Гоголь; реплики-вопросы: А. – Иду и что я вижу? Уже заседают; А.. – Ну плов, значит...

Сначала масло, растительное, конечно, я люблю кукурузное. Потом морковь, потом лук... А вы?; реплика-рефлексия (самоконтроль): А. (детям) – Ну идите, еще поиграйте с Дашей. Ой, что я говорю? Уже обедать пора; А. – Прочти еще раз, если интересно. Или не надо?

Такого рода реплики – характерная черта стилистики разговорной речи. Они показывают правильность прогноза говорящего относительно уровня понимания адресата, выявляют тональность общения, намечают повороты в «сценарии» разговора.

Нетривиальные способы осуществления стратегий и тактик в речевом общении требуют нетривиальных мыслительных «ходов» от адресата, так как передают смысл неочевидными средствами. Сюда относится косвенное информирование, вертикальный контекст разговора, намеки. Причины применения таких приемов речевого общения могут быть различными: неблагоприятная ситуация разговора (например, чуждая коммуникативная среда), психологическая неподготовленность адресата для восприятия информации явным способом, сокровенный смысл информации, для которого очевидная форма передачи представляется грубой.

Наиболее распространенный способ косвенного информирования – н а м е к. Выделено шесть основных способов намека [23, 465–466]: 1) через неопределенность, 2) через посылку, 3) через дополненность, 4) через апелляцию к интересам, 5) через двусмысленность, 6) через иносказание. Например, намек через неопределенность (описание отвлеченного типа, которое проецируется на конкретный факт): А. –Людей на каждом шагу подстерегают всякие неприятности, случаи всякие там... А они усложняют жизнь, портят друг другу кровь. – Б. – Каким образом? – А. – Не надо было, я тебе говорю, так рьяно критиковать Анну Дмитриевну на собрании. Весьма часто в разговорной речи встречается намек через иносказание, когда описываемая в речи ситуация представляется как смысловой аналог реальной ситуации, например: «текст Один мой друг (А) познакомился с девушкой и влюбился в нее без памяти. Но он очень стеснительный и не знает, как рассказать ей о своем чувстве может использоваться для намека на ситуацию, субъектом которой является сам говорящий (В)» [23, 470].

В основе механизма разгадывания намека всегда лежит простейшая мыслительная операция – аналогия.

5. Специфическим для такой функциональной разновидности, так разговорная речь, является постоянное привлечение внимания собеседника. Поэтому запланированный говорящим экспрессивный эффект высказывания и эмотивная реакция слушателя определяют атмосферу диалога (см. об этом выше: § 6, п. 5). Адресант стремится сообщить информацию необычным способом, в яркой, выразительной форме, используя языковые средства разных уровней с экспрессивным значением, а также стилистические единицы (тропы и фигуры). Все эти единицы- передают авторское отношение, показывают стилистическую «манеру» автора сообщения, его образное осмысление того или иного факта. Адресату также принадлежит важная роль в создании стилистической тональности речевого общения: адресат – камертон, по его реакции адресант проверяет свой стилистический прогноз. Правильный прогноз – это «принятое приглашение» слушателя разделить с говорящим его мнение, отношение, оценку.

Разговорный язык, насыщенный эмотивными речевыми элементами, создает экспрессивный фон на всем протяжении речевого общения (беседы, разговора); при этом находит свое воплощение творческое начало чувства-мысли, потому каждый разговор эстетически значим. Функциональная разновидность «разговорная речь» является «родиной» всей идиоматики языковой системы, «полигоном» закрепления в языке окказионализмов, клишированных фраз, синтаксических блоков. В разговорной речи происходит процесс вторичного означивания языковых единиц разных уровней, переделка старых фразеологизмов, формирование новых. Так, в разговорной речи родилось парадоксальное словосочетание обречен на успех. Возникнув как окказионализм, шутка, этот оборот стал часто воспроизводиться в речи артистов и искусствоведов, вошел в повседневный обиходный сленг. При этом негативный оттенок значения глагола обречен нейтрализуется.

Это выражение представляет собой широко распространенную в разговорной речи риторическую фигуру силлепсис – «любое риторически обусловленное нарушение правил согла-

сования морфем или синтагм» [19, 143]. Ср. аналогичные образования: Мы живые или где?; Пришел без никому; Полчаса прошли, как одна копейка.

Риторика разговорной речи носит стихийный характер: она рождается в мгновенном реплицировании, в неподготовленном речетворчестве, поэтому она органично присуща дружеским беседам, непринужденным полилогам. Часто встречаются такие риторические фигуры, как перифразы, аллюзии, гиперболы, литоты, многосоюзие, градация, риторические вопросы, эллипсис, анафора, антитеза. Таким образом, экспрессивные приемы разговорной речи являются основой ораторского искусства.

В разговорной речи возникли словосочетания орошаемое земледелие, орошаемое кормопроизводство, орошаемые бригады, которые представляют собой клишированные конструкции, вобравшие в себя смысл длинных описательных высказываний, потерявшие внутреннюю форму.

В каждодневной разговорной практике родились словосочетания и фразы, метафоричность которых не ощущается, что дает основание употреблять их как нейтральные номинации в других функциональных стилях, например, ноющая боль, направленность личности, стоять навытяжку, находить общий язык, склоняться к выводу, пришло в голову, плестись в хвосте, сводить концы с концами и т. д.

Потеря внутренней формы имеет место и у окказиональных образований, вошедших в словообразовательную систему языка как усвоенные единицы. Ср. продуктивный способ образования слов с суффиксом -к- на базе словосочетаний, показывающий возможности номинации в краткой форме: неотложка (неотложная помощь), моторка (моторная лодка), незавершенка (незавершенное строительство), жженка (подогретое сгущенное молоко), сгущенка (сгущенное молоко), зеленка (зеленая валюта), нетленка (нетленное произведение). Поиск необычного, выразительного способа оформления своих мыслей проявляется и как сознательное употребление говорящим ненормативных форм или категориальных значений слов; ср.: Ошеломившись, я пошла за разъяснениями к редактору; Очутюсь в другом городе, и тогда окажется...; Надо наискать средства; Его ушли с работы; Врачи возбранили ему выход на улицу.

Грамматические формы в несобственной функции также представляют собой характерную черту стилистики разговорной речи, потому что связаны с нюансами проявления в речевом общении социально-ролевых отношений участников коммуникации – прагматическими факторами именно в данной ситуации. Так, например, особой экспрессией обладают формы рода, нарушающие смысловое согласование: – Доченька, зайка ты мой, что ж ты наделал? Эти игрушки теперь не отмоешь. Ср. вариант зайка моя.

Несовпадение ролевых отношений в акте речи и форм категорий лица может иметь смысловой оттенок 1) «отстранение» от роли говорящего (не Я-предложения, например речь отца: – Если тебе отец говорит, то надо прислушаться к совету; речь матери: – Сейчас мама тебе помажет ссадину йодом, и все пройдет), если говорящий предлагает адресату стать субъектом оценки его действий; 2) «редукция» роли говорящего, употребление обобщенного «мы» вместо «я»: – Пришла наконец? Сейчас мы вас чаем напоим..., 3) показ соучастия, заинтересованности в делах адресата путем использования формы «мы», «наш» вместо «ты», «вы» «твой», «ваш»: – Ну так как оке наши орхидеи? (демонстрация заинтересованности в делах адресата человека, далекого от разведения орхидей); –Ну, как мы себя чувствуем? – (вопрос-участие); 4) предложение адресату стать субъектом оценки своих действий, состояний; ср. употребление форм 3-го лица местоимений и глаголов (часто в разговорах с детьми) – Не убирать? Рита будет еще играть? (вместо форм 2-го лица); – Виталю Ивановичу подложить еще салатик?

Транспозицией форм в разговорной речи объясняется существование в синтаксической системе языка моделей односоставных предложений – обобщенно-личных и безличных – для подчеркивания точки зрения «со стороны»: – Ну что мне с ним (с сыном) делать? Своего ума не вставишь!; – Сколько ни говорят ему – он все свое.

На всех уровнях языковой системы разговорно-обиходная речь имеет свои «излюбленные» элементы: слова с экспрессивным значением, слова и словосочетания, прошедшие этап вторичного означивания и имеющие дополнительный «обертон» смысла, суффиксы субъек-

тивной оценки (ситчик, лапушка, сынуля, деваха и т. п.); клишированные конструкции, предложения фразеологизированной структуры [см. 33]. Например: Смеху-то!; Что правда – то правда!; Пойду попрошу чем писать; Дай чем разрезать и т. д. [45; 47].

6. Успех коммуникативного взаимодействия – это всегда осуществление речевого, замысла говорящего и убеждение слушателя, а также его нужная эмоциональная реакция:

В качестве языковых средств убеждения выступают языковые единицы всех уровней, например, особо выделенные конструкции, ср.: Всем селом старались, чтоб дети пошли учиться первого сентября. В новую школу.

Аргументативную природу имеют все сложноподчиненные предложения, выражающие причинно-следственные отношения. Однако форма предложения может «эксплуатироваться» в тенденциозных по содержанию высказываниях, например: Я буду продолжать ставить машину под окна, потому что я так привык. Синтаксический тип предложения затушевывает отсутствие аргумента у главной части предложения.

При убеждении корректным считается введение тезиса с использованием так называемых глаголов мнения. Пропуск или сознательное неиспользование этих глаголов делает предложение, истинность которого нуждается в доказательстве, бесспорным и, следовательно, соответствующим истине, поскольку факт умолчания воспринимается как отсутствие сомнений; например: Я считаю, он должен пойти туда и Он должен пойти туда. Высказывание из утверждения превращается в категорическое заявление, требование, приказ.

Средством убеждения может быть игра лексической многозначностью. Так, например, прилагательное настоящий может быть использовано как «неверифицируемый коммуникативный прием»: «Это слово – настоящий – часто в коммуникации закрепляется за абстрактными родовыми понятиями вроде человек, мужчина, женщина, ребенок и постепенно становится... неким средством семантики убеждения, аналогичным универсальным высказываниям... Например (из словарной картотеки ЛО ИЯ): Кате все настоящие ученые, он был романтиком» [32, 164].

7. Стилистическая тональность речи каждого участника разговора создает эстетическую атмосферу общения. Каждая речевая ситуация имеет свою эстетику, и все языковые средства выполняют определенную эстетическую функцию. Они выявляют эстетические категории красивого и безобразного, комического и трагического, героического и будничного, гармонии и диссонанса, высоких идеалов и низменных побуждений, духовных устремлений, и земных интересов.

Важной тенденцией эстетики кооперативной неконфликтной стратегии является комическое.

Концепт «смеховая культура», введенный М. М. Бахтиным [5], раскрывает двойную природу смеха, комического начала. С одной стороны, смех сопряжен с освобождением от условностей и выражает презумпцию доверия к адресату и открытость к общим ценностным иерархиям. С другой стороны, смех может быть проявлением агрессивного начала, освобождения от мира культурных ценностей, от стыда, от жалости. Эту «снижающую» тенденцию М. М. Бахтин характеризует как специфически «народную смеховую культуру». Следовательно, в одном случае комическое начало в речи говорящего – это акт доверия и раскрытия говорящим своей индивидуальности в акте речи (т. е. проявление творческого начала в человеке, обогащение духовной жизни), в другом – это деструктивный элемент речевого общения, уничтожающий гармонию согласия. Так, поиск разрушающего комического обычно сопровождается намеренным снижением говорящим культурного уровня разговора, его стремление заиздеваться над оценкой своего статуса и статуса адресата, его попытку панибратского общения.

Комический фон речевого общения создается говорящими с помощью юмористических прецедентных текстов, пословиц, крылатых выражений; оригинальность выражения, творческая новизна, яркость индивидуальности – благоприятная речевая ситуация для установления контакта, интимизации общения.

Тактика согласия в оценочном диалоге может находить свое выражение в подхвате адресатом реплики адресанта, в подборе «коммуникативного синонима», подтверждающего его мысль; например, юмористическая оценка, насмешка в следующем диалоге: А. – Но у нас Иванов / это такой товарищ / который по-моему вообще, занимает только место / прямо тяго-

тится своим местом // – Б. – Да / Вот уж и Ольга говорит, что это просто / лопух // (запись Н. Н. Гастевой).

Функцию освобождения от условностей, сигнала уверенности говорящих в своих оценках выполняют просторечные лексические элементы и слова с «ситуативной» семантикой в спонтанных диалогах на серьезные темы. Они создают атмосферу разговора как общения людей, владеющих ситуацией: – Ну ты там проверил"? Фурычит? – Не уверен. Пытается (в разговоре медиков); – Ну, как / поползло? – Нет, прыгает.

Таким образом, принцип солидарности и кооперации в речевом общении эстетика комического преломляет в конвенцию употреблять общий для собеседников язык метафорического осмысления, импровизации.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. На какие разряды делятся диалоги по коммуникативной установке?
2. Какие виды модальности характерны для целенаправленных и ненаправленных диалогов?
3. Как связана речевая стратегия говорящего с социальными, психологическими параметрами общения?
4. Какие ограничения на речевую стратегию накладывает стилистическая норма?
5. Какую роль в реализации речевой стратегии играют элементы игры в диалоге?
6. Какие речевые тактики характерны для: а) кооперативной стратегии? б) некооперативной стратегии? в) установления коммуникативного лидерства?
7. Какие способы выражения называются тривиальными и нетривиальными?
8. Как создается экспрессивность диалога? Какие риторические приемы характерны для разговорной речи?
9. Как создается эстетическая атмосфера диалога?

§ 8. Жанры речевого общения

Первое четкое разделение форм речевого общения было произведено Аристотелем. Большая роль в выделении бытовых речевых жанров принадлежит М. М. Бахтину, который, не употребляя термина «прагматика», охарактеризовал необходимые прагматические составляющие речевого общения, подчеркнул важность роли адресата (Другого, в его терминологии), предвосхищения его ответной реакции. М. М. Бахтин определил речевые жанры как относительно устойчивые и нормативные формы высказывания, в которых каждое высказывание подчиняется законам целостной композиции и типам связи между предложениями-высказываниями. Диалог он определил как классическую форму речевого общения [6, 264].

По типам коммуникативных установок, по способу участия партнеров, их ролевым отношениям, характерам реплик, соотношению диалогической и монологической речи различаются следующие жанры: беседа, разговор, рассказ, история, предложение, признание, просьба, спор, замечание, совет, письмо, записка, сообщение на пейджер, дневник.

1. Беседа. Это жанр речевого общения (диалог или полилог), в котором, при кооперативной стратегии, происходит: а) обмен мнениями по каким-либо вопросам; б) обмен сведениями о личностных интересах каждого из участников – для установления типа отношений; в) бесцельный обмен мнениями, новостями, сведениями (фатическое общение). Разные виды беседы характеризуются соответствующими видами диалогической модальности.

При обмене мнениями по каким-либо вопросам участники выражают свою точку зрения, руководствуясь социокультурными стереотипами, выработанными веками приоритетами и ценностными ориентирами, общечеловеческими абсолютными истинами и нормами жизни. Поэтому данный вид диалогической модальности называется аксиологической. Иллюстрацией такого типа беседы может быть разговор двух друзей о достоинствах того или иного направления в живописи, о вкусах; полилог о качестве изделий. Литературными аналогами такого типа беседы могут быть разговоры «пикейных жилетов» о политиках в «12 стульях» И. Ильфа и Е. Петрова, алогичный, на первый взгляд, разговор о выборе раков («маленькие – по три, большие, но по пять») в известной миниатюре, исполняемой Р. Карцевым и В. Ильчен-

ко. Как считает Н. Д. Арутюнова, «наиболее паразитическая форма разговора о ценностях – сплетни; ср. разговор двух дам о губернаторской дочке в «Мертвых душах» [3, 54–55].

Второй тип беседы предполагает душевное «созвучие», похвалы, одобрение, комплименты, искренние признания.

Третий тип жанра беседы – праздноречевое общение, в котором участники снимают эмоциональное перенапряжение, упражняются в остроумии, рассказывая анекдоты, делают политические прогнозы, делятся своими заботами, ищут сочувствия, рассказывают шутки и истории. Для этого типа бесед характерна эмоциональная модальность.

Жанр беседы – это тот тип разговора, в котором, при различных тактиках, доминирует стратегия солидарности во мнениях и согласия. Обмен информацией в беседе может быть одной из фаз речевого взаимодействия, вспомогательной тактикой, поэтому модальность может выражаться вводными словами типа: Знаешь; Ты не можешь себе представить; И что ты думаешь там было?; Представь себе, что; эти модальные слова и реакция на них адресата (адресатов) – Не могу себе представить; Неужели; Разве; Откуда мне знать; Понятия не имею; – играют роль регулятивов в ходе беседы, обуславливающих вектор речевого общения. Поэтому именно к беседе правомерно отнести слова Н. Абрамова («Дар слова», 1901 г.) о том, что «разговор есть обмен симпатий».

Все вышеизложенные (см. § 5, 6) сведения о соотношении и взаимовлиянии прагматических факторов на ход речевого взаимодействия могут быть применены к беседе, этому базисному виду общения.

2. Разговор. В этом жанре может реализоваться как кооперативная, так и некооперативная стратегия. По целям общения различаются: а) информативный разговор; б) предписывающий разговор (просьбы, приказы, требования, советы, рекомендации, убеждения в чем-либо); в) разговоры, направленные на выяснение межличностных отношений (конфликты, ссоры, упреки, обвинения). Целенаправленность – характерная черта разговора, в отличие от беседы, которая может быть праздноречевым жанром. Об особых чертах разговора свидетельствуют устойчивые выражения, исторически сложившиеся в системе языка, например: У меня есть к тебе разговор; серьезный разговор; большой разговор; -нет приятный разговор; веселый разговор; пустой разговор; беспредметный разговор; деловой, разговор.

Инициальная реплика разговора может быть показателем типа разговора. В разговоре первого типа она свидетельствует о заинтересованности говорящего получить нужную информацию. Для этого типа характерно вопросно-ответное реплицирование, причем роль лидера, участника, направляющего ход разговора, играет спрашивающий, с короткими репликами-вопросами, переспросами, уточнениями-вопросами, а роль «ведомого» – участник, владеющий знаниями, с репликами-ответами различной протяженности. Главным условием успешности информативного разговора является соответствие мира знаний адресанта и адресата. Важное значение имеют также коммуникативная компетенция участников разговора, знание ими социальных норм этикета. К коммуникативной компетенции относится умение говорящими выбрать ситуативно уместную форму представления знаний, интерпретацию событий и фактов, нюансы использования косвенных речевых актов, небуквальных выражений.

Раговоры второго типа, как правило, происходят между участниками, имеющими разные социально-ролевые характеристики, например между отцом и сыном, между соседями, имеющими разный общественный статус. Мотивы разговора выявляются, глаголами: прошу, требую, советую, рекомендую, убеждаю, умоляю, приказываю, настаиваю и т. д. В конфликтном разговоре, основанном на некооперативной стратегии и неумении говорящих соблюдать условия успешного общения, возможны различные тактики отказа в исполнении действия и соответственно тактики воздействия на адресата, системы угроз и наказаний.

Структура данного типа разговора, как, впрочем, и других, определяется не только речевыми правилами введения реплик согласия или отказа, но и поведенческими реакциями участников общения. Эти поведенческие реакции в ведении разговора, ценны не только сами по себе, но и как мотивы включения в диалогическую реплику того или иного языкового элемента, того или иного способа выражения.

Следующий тип разговора – разговор, направленный на выяснение отношений, – имеет в своей основе некооперативную стратегию ссоры, конфликта, упреков, перебранки. Здесь нередко вербальной формой выражения агрессии становится насмешка, ирония, намек. Мета-язык реплик: «Я такой и считайся со мной таким! То, что я говорю в такой форме, – значимо». В качестве негативной оценки выступает гипербола вопросы-отрицания, утверждение-отрицание; например: Ты всегда так; Ты так думаешь?; Так он тебе и сделал! Стратегическую цель может преследовать молчание – желание прекратить общение.

3. Спор. Спор – это обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины. Различные точки зрения по тому или иному вопросу тем не менее имеют общую фазу, в явном виде не выраженную языковыми формами, – заинтересованность в общении. Это обуславливает позитивное начало в диалоге или полилоге, своего рода кодекс доверия, правдивость и искренность, выражающихся в этикетных формах обращения, вежливости, истинности аргументов. Цель спора – поиск приемлемого решения, но одновременно это и поиск истины, единственно правильного решения. В зависимости от темы спора возможно формирование эпистемической модальности (в спорах на темы науки, политики) или аксиологической модальности (в спорах о мире ценностей, по вопросам морали и т. п.).

Конструктивным началом в этом жанре речевого общения является подчеркивание собеседниками общности взглядов, общности позиций. Декларация непогрешимости собственного взгляда, наоборот, ведет к коммуникативной неудаче. В теории спора существует правило «презумпции идеального партнера», которое ставит в центр внимания предмет спора и запрещает затрагивать личные качества партнеров. Выражение несогласия говорящим, изложение его точки зрения, приведение доводов ее истинности целесообразно с использованием так называемых глаголов мнения (считаем, полагаем возможным и т. п.).

Участники спора, приводя различные доводы в защиту своей точки зрения, демонстрируют приверженность истине, а не только свое несогласие. Аргументация, или показ того, что высказывание истинно, имеет много приемов (см. выше, § 7). «Впечатление истинности» создается при сознательном использовании изъяснительных сложноподчиненных предложений типа: Само собой разумеется, что...; Известно, что... и т. п.; или предложений с частицами, наречиями, отсылающими адресата к оценке истинности; например: Да, сын, слишком многое мы с матерью тебе прощали...

Помимо приведения объективных доводов и использования приемов скрытого спора при ведении спора иногда встречается «довод к личности». Это может быть или лесть адресату, чтобы он принял точку зрения адресанта, или, наоборот, прием психологического давления на адресата через унижение его человеческого достоинства, оскорбление чувств. Многие «доводы к личности» считаются в теории спора запрещенными приемами [34].

В бытовых спорах при стратегии примирения позиций уместна тактика изменения темы: например, высказывание типа: Давайте лучше о погоде. В любых спорных ситуациях к партнерам следует относиться уважительно, смотреть как на равных себе.

4. Рассказ. Это жанр разговорной речи, в котором преобладает монологическая форма речи внутри диалога или полилога. Главная стратегическая линия речевого общения – солидарность, согласие, кооперация, «разрешение» одному из участников осуществить свою коммуникативную интенцию, которая в основном сводится к информации. Темой рассказа могут быть любые событие, факт, которые произошли с рассказчиком или кем-либо другим. Ход рассказа может прерываться репликами-вопросами или репликами-оценками, на которые рассказчик отвечает с той или иной степенью полноты.

Характерная черта жанра рассказа – целостность передаваемой информации, обеспечиваемая связностью отдельных фрагментов. В рассказе адресант, интерпретируя реальные события, выступает в роли автора, произвольно, со своей точки зрения, оценивает их. При этом при помощи определенной функциональной перспективы предложений, порядка слов, интонации, вводных и вставных конструкций, частиц, наречий, перифраз (например: И Петя, этот Плюшкин, вдруг расщедрился...) адресант создает не только эпистемический ориентированный на мир знаний адресата) модальный план рассказа, но и аксиологическую канву повествования (предлагает иерархию ценностных ориентиров, согласуясь о миром социокультурных стереотипов адресата).

Поддержка коммуникативной инициативы рассказчика и заинтересованность слушателей может проявляться в перебивах, репликах-повторах, восклицаниях, не адресованных говорящему.

Тема рассказа и характер реальных событий (страшные, нейтральные, смешные, поучительные) также определяют модальность речи.

Фразеология, идиоматика, аллюзивные прецедентные тексты и «модные» лексемы представляют собой и смысловые блоки, и способ представления себя говорящим как рассказчика.

5. История. Этот жанр разговорной речи, так же как и рассказ, является по преимуществу монологической речью, которая учитывает все компоненты прагматической ситуации. Кроме того, важный прагматический фактор речи при рассказе «истории» – память. Этот фактор обуславливает структуру повествования и содержание речи. Характерно, что истории не включают самого адресанта как действующее лицо.

Коммуникативная цель истории – не только передача сведений о происшедших ранее (в не определенный момент) событиях, но и подведение смыслового итога, резюме, сопоставление с оценкой современных событий и фактов.

В отличие от других видов речевого общения рассказ и история относятся к запланированным видам речи, «разрешенным» участниками коммуникативного взаимодействия. Поэтому коммуникативный успех здесь предрешен в большей степени, но не абсолютно.

Стилистика истории впитала все особенности разговорного синтаксиса: тематическую фрагментарность («мозаичность»), ассоциативные отступления от «сюжета» повествования, эллиптированные конструкции, вопросно-ответные ходы. Экспрессивность лексических элементов обусловлена культурным фоном ситуации общения, отражает спонтанность, неподготовленность повествования, поэтому в речи обилие конкретизирующих лексем, а также вводных слов, показывающих контроль говорящего над ходом изложения и способом выражения.

6. Письмо. Необходимым условием этого жанра речевого общения является искренность, которая возможна при внутренней близости родственных или дружелюбно настроенных людей. «Характерный для понятия искренности контекст согласия соответствует этимологическому значению слова: искренний означало «близкий, приближенный, находящийся рядом» [3, 26]. Какой бы модус ни преобладал в письме, сам факт адресации своих чувств-мыслей в письменной форме, предполагающей несиюминутное прочтение, свидетельствует о существовании у автора возможности использовать естественный способ экспликации себя как личности (а это является самым главным прагматическим условием всякого речевого общения).

Регулярность переписки определяется рядом факторов: а) отношениями между участниками этого вида речевого общения; б) внешними обстоятельствами переписки; в) актуальностью для адресата тем; г) частотностью переписки.

И. Н. Кручинина, анализируя стилистические особенности этого жанра, приходит к выводу о том, что непринужденность отношений с адресатом – главное условие переписки, а «отсутствие этой предпосылки обычно сразу же ощущается как препятствие для общения И может даже привести к его прекращению; см., например, в письме Пушкина к Вяземскому: «Милый, мне надоело тебе писать, потому что не могу являться в халате, нараспашку и спустя рукава» (ноябрь 1825)» [25, 25].

Стихия разговорной речи в письме сказывается в диссонансе линейных синтаксических связей; это свидетельствует о «быстром проговаривании» пишущего, о произвольном характере тематических элементов в ходе изложения мыслей (например: О Вале я смеялась, когда читала о ее проделках...; что может быть аналогом конструкции кодифицированного языка: Что касается Вали, то я смеялась...). Эта тенденция «нанизывания», тематически важных, с точки зрения автора письма, элементов характерно и для формирования всей структуры письма: письмо может быть тематически дискретным, насыщенным ассоциативными элементами и добавочными сообщениями.

Прагматическое условие солидарности и согласия в жанре письма находит свое формальное выражение в «формулах» приветствия и прощания, берущих свое начало в глубине веков.

7. Записка. В отличие от письма, этот жанр письменной разговорной речи в большой степени формируется общим миром чувства-мысли адресанта и адресата, одинаковой эпистемической и аксиологической модальностью, актуальностью одних и тех же обстоятельств. Поэтому содержание записки обычно кратко,; развернутое рассуждение может заменяться одним–двумя словами, играющими роль намека.

Так, например, записка, оставленная в студенческом общежитии, может содержать всего два слова: «Звонили: Ждем». Адресат записки догадывается и об авторах записки, и об их коммуникативной цели. Ситуативная обусловленность и близкие отношения между адресантом и адресатом делают возможным свободное выражение и недоговоренность; см., например, записку А. Н. Островского Н. А. Дубровскому: «Николка! Что ж ты не ведешь Ветлицкого и где тебя самого черти носят? Будешь ли ты меня слушаться! Ну, погоди ж ты!»

Так нельзя писать, я только так думал, а писать надо вот так:

«Милостивый государь

Николай Александрович,

Не угодно ли будет Вам пожаловать ко мне сегодня прямо из конторы к обеденному столу, чем премного обяжете глубокоуважающего Вас и преданного А. Островского»

(окт. 1870)». [25, 26].

Неофициальный дружеский тон первой записки и сугубо официальный характер второй объясняют неполноту конструкции первой записки (куда ведешь?). Вторая записка не имеет модальных компонентов первой:, здесь не высказывается вероятность отказа и тактика воздействия на адресата.

В записке, как и в письме, возможна самопроверка адресантом способа своего выражения, хода мыслей; например: Пойду? (нет, побегу с утра пораньше). Кроме того, записка, как и письмо, может представлять собой не спонтанный поток чувства-мысли, а обработанный, списанный с черновика, вариант, в котором «смягчены» и редуцированы неровности импровизации, неожиданность появления в сознании содержательных элементов высказывания.

8. Дневник. Дневниковые записи представляют собой тексты адресованной разговорной речи, а следовательно, имеют все стилистические особенности текстов, обусловленных многофакторным прагматическим пространством. Адресат текстов дневника – альтер-эго, надсубъект, «высшая инстанция ответного понимания» (в терминологии М. М. Бахтина), которая помогает пишущему выражать свои мысли, чувства и сомнения. Этот прагматический фактор заставляет автора дневниковых записей верифицировать точность выражения мыслей, вводить синонимы конкретизаторы, употреблять такие синтаксические приемы, как градация,., вопросно-ответные ходы, риторические вопросы; вводные слова и предложения, которые являются сигналами авторской рефлексии; см., например, фрагмент дневника Андрея Белого (запись 8 августа 1921 года; на следующий день после кончины А. Блока): «Я понял, что одурь, которая вчера напала на меня, от сознания, что «Саша» (живой, на физическом плане) – часть Меня самого. Как же так? Я – жив, а содержание, живое содержание души моей умерло? Бессмыслица?! Тут я понял, что какой-то огромный этап моей жизни кончен» [Литературная.газета. 1990. 1 августа].

Стилистика дневниковых записей обусловлена всеми ипостасями личности (Я-интеллектуальное, Я-эмоциональное, Я-духовное и т. д.); в зависимости от преобладания того или иного начала меняется характер изложения. Дневниковые записи разделяются на два больших разряда. Одни дневники отражают ориентацию автора на описание дня как временного пространства. Это могут быть перечисление сделанного, итог, размышления, анализ чувств и мыслей, планы и т. п. Дневники другого типа (они могут вестись нерегулярно) – «разговор» о себе во «времени, размышления о том, что волнует, своего рода «поток сознания» с ассоциативными подтемами «главных» мыслей дня. Дневниковые записи людей, ведущих творческую работу, представляют собой лабораторию творческих поисков и мало чем отличаются от /«записных книжек» и «рабочих тетрадей» писателей и поэтов.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какая речевая стратегия и какие виды текстовой модальности характерны для жанра беседы?

2. Какие, цели общения реализуются в разговоре?
3. Какое положительное начало присутствует в споре?
4. Как проявляется в жанре рассказа заинтересованность слушателей?
5. Что общего в жанрах «письмо» и «записка»?
6. В каких формах выражается метарефлексия говорящего или пишущего в различных жанрах разговорной речи?
7. Кто является адресатом дневниковых записей?

§ 9. Этика речевого общения и этикетные формулы речи

Этика речевого общения начинается с соблюдения условий успешного речевого общения: с доброжелательного отношения к адресату, демонстрации заинтересованности в разговоре, «понимающего понимания» – настроенности на мир собеседника, искреннего выражения своего мнения, сочувственного внимания. Это предписывает выражать свои мысли в ясной форме, ориентируясь на мир знаний адресата. В праздноречевых сферах общения в диалогах и полилогах интеллектуального, а также «игрового» или эмоционального характера особую важность приобретает выбор темы и тональности разговора. Сигналами внимания, участия, правильной интерпретации и сочувствия являются не только регулятивные реплики, но и паралингвистические средства – мимика, улыбка, взгляд, жесты, поза. Особая роль при ведении беседы принадлежит взгляду [42, 118].

Таким образом, речевая этика – это правила должного речевого поведения, основанные на нормах морали, национально-культурных традициях.

Этические нормы воплощаются в специальных этикетных речевых формулах и выражаются в высказываниях целым ансамблем разноуровневых средств: как полнозначительными словоформами, так и словами неполнозначительных частей речи (частицами, междометиями).

Главный этический принцип речевого общения – соблюдение паритетности – находит свое выражение, начиная с приветствия и кончая прощанием на всем протяжении разговора.

1. Приветствие. Обращение.

Приветствие и обращение задают тон всему разговору. В зависимости от социальной роли собеседников, степени близости их выбирается ты-общение или вы-общение и соответственно приветствия здравствуй или здравствуйте, добрый день (вечер, утро), привет, салют, приветствую и т. п. Важную роль играет также ситуация общения.

Обращение выполняет контактоустанавливающую функцию, является средством интимизации, поэтому на протяжении всей речевой ситуации обращение следует произносить неоднократно; это свидетельствует и о добрых чувствах к собеседнику, и о внимании к его словам. В фатическом общении, в речи близких людей, в разговорах с детьми обращение часто сопровождается или заменяется перифразами, эпитетами с уменьшительно-ласкательными суффиксами: Анечка, зайчик ты мой; милочка; киса; ласточки-касаточки и т. п. Особенно это характерно для речи женщин и людей особого склада, а также для эмоциональной речи.

Национальные и культурные традиции предписывают определенные формы обращения к незнакомым людям. Если в начале века универсальными способами обращения были гражданин и гражданка, то во второй половине XX века большое распространение получили диалектные южные формы обращения по признаку пола – женщина, мужчина. В последнее время нередко в непринужденной разговорной речи, при обращении к незнакомой женщине употребляется слово дама, однако при обращении к мужчине слово господин используется только в официальной, полуофициальной, клубной обстановке. Выработка одинаково приемлемого обращения к мужчине и к женщине – дело будущего: здесь скажут свое слово социокультурные нормы.

2. Этикетные формулы.

В каждом языке закреплены способы, выражения наиболее частотных и социально значимых коммуникативных намерений. Так, при выражении просьбы в прощении, извинении принято употреблять прямую, буквальную форму, например, Извини(те), Прости(те). При выражении просьбы принято представлять свои «интересы» в непрямом, небуквальном вы-

сказывании смягчая выражение своей заинтересованности и оставляя за адресатом право выбора поступка; например: Не мог бы ты сейчас сходить в магазин?; Ты не сходишь сейчас в магазин? При вопросе Как пройти..? Где находится..? также следует предварить свой вопрос просьбой Вы не могли бы сказать?; Вы не скажете..?

Существуют этикетные формулы поздравлений: сразу после обращения указывается повод, затем пожелания, затем заверения в искренности чувств, подпись. Устные формы некоторых жанров разговорной речи также в значительной степени несут печать ритуализации, которая обусловлена не только речевыми канонами, но и «правилами» жизни, которая проходит в многоаспектном, человеческом «измерении». Это касается таких ритуализованных жанров, как тосты, благодарности, соболезнования, поздравления, приглашения.

Этикетные формулы, фразы к случаю – важная составная часть коммуникативной компетенции; знание их – показатель высокой степени владения языком.

3. Эвфемизация речи.

Поддержание культурной атмосферы общения, желание не огорчить собеседника, не оскорбить его косвенно, не вызвать дискомфортное состояние – все это обязывает говорящего, во-первых, выбирать эвфемистические номинации, во-вторых, смягчающий, эвфемистический способ выражения.

Исторически в языковой системе сложились способы перифрастической номинации всего, что оскорбляет вкус и нарушает культурные стереотипы общения. Это перифразы относительно ухода из жизни, половых отношений, физиологических отправлений; например: он покинул нас, скончался, ушел из жизни; название книги Шахетджаняна «1001 вопрос про это» об интимных отношениях.

Смягчающими приемами ведения разговора являются также косвенное информирование, аллюзии, намеки, которые дают понять адресату истинные причины подобной формы высказывания. Кроме того, смягчение отказа или выговора может реализоваться приемом «смены адресата», при котором делается намек или проецируется речевая ситуация на третьего участника разговора. В традициях русского речевого этикета запрещается о присутствующих говорить в третьем лице (он, она, они), таким образом, все присутствующие оказываются в одном «наблюдаемом» дейктическом пространстве речевой ситуации «Я – ТЫ (ВЫ) – ЗДЕСЬ – СЕЙЧАС». Так показывается уважительное отношение ко всем участникам общения.

4. Перебивание.

Встречные реплики. Вежливое поведение в речевом общении предписывает выслушивать реплики собеседника до конца. Однако высокая степень эмоциональности участников общения, демонстрация своей солидарности, согласия, введение своих оценок «по ходу» речи партнера – рядовое явление диалогов и полилогов праздноречевых жанров, рассказов и историй-воспоминаний. По наблюдениям исследователей [20], перебивы характерны для мужчин, более корректны в разговоре женщины. Кроме того, перебивание собеседника – это сигнал некооперативной стратегии. Такого рода перебивы встречаются при потере коммуникативной заинтересованности.

Культурные и социальные нормы жизни, тонкости психологических отношений предписывают говорящему и слушающему активное создание благожелательной атмосферы речевого общения, которая обеспечивает успешное решение всех вопросов и приводит к согласию.

5. В Ы-общение и Т Ы-общение. В русском языке широко распространено ВЫ-общение в неофициальной речи. Поверхностное знакомство в одних случаях и неблизкие длительные отношения старых знакомых в других показываются употреблением вежливого «Вы». Кроме того, ВЫ-общение свидетельствует об уважении участников диалога; так, Вы-общение характерно для давних, подруг, питающих друг к другу глубокие чувства уважения и преданности. Чаще Вы-общение при длительном знакомстве или дружеских отношениях наблюдается среди женщин. Мужчины разных социальных слоев "чаще склонны к Ты-общению. Среди необразованных и малокультурных мужчин Ты-общение считается единственно приемлемой формой социального взаимодействия. При установившихся отношениях Вы-общения ими предпринимаются попытки намеренного снижения социальной самооценки адресата

и навязывания Ты-общения. Это является деструктивным элементом речевого общения, уничтожающим коммуникативный контакт.

Принято считать, что Ты-общение всегда является проявлением душевного согласия и духовной близости и что переход на Ты-общение является попыткой интимизаций отношений; ср. пушкинские строки: «Пустое Вы сердечным Ты она, обмолвись, заменила...». Однако при Ты-общении часто теряется ощущение уникальности личности и феноменальности межличностных отношений. Ср. в «Хрестоматии» переписку Ю. М. Лотмана и Б. Ф. Егорова.

Паритетные отношения как главная составляющая общения не отменяют возможности выбора Вы-общения и Ты-общения в зависимости от нюансов социальных ролей и психологических дистанций.

Один и те же участники общения в различных ситуациях могут употреблять местоимения «вы» и «ты» в неофициальной обстановке. Это может свидетельствовать об отчуждении, о желании ввести в речевую ситуацию элементы ритуального обращения (ср.: А Вам, Виталий Иванович, не положить салатик?).

Контрольные вопросы

1. Какой главный этический принцип речевого общения?
2. Какие функции выполняет обращение?
3. Какие этикетные формулы используются при выражении просьбы?
4. Какую роль играют эвфемизмы?
5. Какие приемы косвенного информирования Вы знаете?
6. Какова специфика ТЫ-общения и ВЫ-общения в русском языке?
7. Как создать культурную атмосферу диалога?

Резюме

Среди функциональных разновидностей языка, особое место занимает разговорная речь. Разговорной является такая речь носителей литературного языка, которая реализуется спонтанно (без всякого предварительного обдумывания) в неофициальной обстановке при непосредственном участии партнеров общения. Разговорная речь имеет существенные особенности на всех языковых уровнях, и поэтому ее часто рассматривают как особую языковую систему. Поскольку языковые особенности разговорной речи не зафиксированы в грамматиках и словарях ее называют некодифицированной, противопоставляя тем самым кодифицированным функциональным разновидностям языка. Важно подчеркнуть, что разговорная речь – это особая функциональная разновидность именно литературного языка (а не какая-то нелитературная форма). Неверно думать, что языковые особенности разговорной речи – это речевые ошибки, которых следует избегать. Отсюда вытекает важное требование к культуре речи: в условиях проявления разговорной речи не следует стремиться говорить по-письменному, хотя надо помнить, что и в разговорной речи могут быть речевые погрешности, их надо отличать от разговорных особенностей.

Функциональная разновидность языка «разговорная речь» исторически сложилась под влиянием правил языкового поведения людей в различных жизненных ситуациях, т. е. под влиянием условий коммуникативного взаимодействия людей. Все нюансы феномена человеческого сознания находят свое выражение в жанрах речи, в способах ее организации. Говорящий человек всегда заявляет о себе как о личности, и только в этом случае возможно установление контакта с другими людьми.

Успешное речевое общение – это осуществление коммуникативной цели инициаторов общения и достижение собеседниками согласия. Обязательными условиями успешного общения являются заинтересованность собеседников в общении, настроенность на мир адресата, умение проникнуть в коммуникативный замысел говорящего, способность собеседников выполнить жесткие требования ситуативного речевого поведения, разгадать «творческий по черк» говорящего при отражении реального положения дел или «картины мира умение прогнозировать «вектор» диалога или полилога. Поэтому центральное понятие успешности речевого общения – понятие языковой компетенции, которая предполагает знание правил

грамматики и словаря, умение выражать смысл всеми возможными способами, знание социокультурных норм и стереотипов речевого поведения, которая позволяет соотнести уместность того или иного языкового факта с замыслом говорящего и, наконец, делает возможным выражение собственного осмысления и индивидуального представления информации.

Причины коммуникативных неудач коренятся в незнании языковых норм в различии фоновых знаний говорящего и слушателя, в разнице их социокультурных стереотипов и психологии, а также, в наличии «внешних помех» (чуждой среде общения, дистантности собеседников, присутствии посторонних).

Коммуникативные цели собеседников обуславливают речевые стратегии, тактики, модальность и приемы ведения диалога. К составляющим речевого поведения относятся экспрессивность и эмотивность высказываний.

Приемы речевой выразительности являются основой приемов художественной литературы и ораторского искусства; ср. приемы: анафоры, антитезы, гиперболы, литоты; цепочки синонимов, градации, повторы, эпитеты, вопросы без ответа, вопросы самоверификации, метафоры, метонимии, иносказания, намеки, аллюзии, перифразы, переадресацию третьему участнику; такие средства выражения субъективной авторской модальности, как вводные слова и предложения.

Разговорная речь имеет свою эстетическую атмосферу, которая обусловлена глубинными процессами, соединяющими человека с обществом и культурой.

Исторически сложились относительно устойчивые формы речевого общения – жанры. Все жанры подчинены правилам речевой этики и языковым канонам. Этика речевого общения предписывает говорящему и слушающему создание благожелательной тональности разговора, которая приводит к согласию и успешности диалога.

Глава II. Культура ораторской речи

§ 10. Роды и виды ораторской речи

Роды и виды ораторского искусства формировались постепенно. Так, например, в России XVII–XVIII веков авторы риторик выделяли пять основных типов (родов) красноречия: придворное красноречие, развивающееся в высших кругах дворянства; духовное (церковно-богословское); военное красноречие – обращение полководцев к солдатам; дипломатическое; народное красноречие, особенно развивавшееся в периоды обострения борьбы, во время которой вожаки крестьянских восстаний обращались с пламенными речами к народу.

Роды и виды красноречия выделяются в зависимости от сферы коммуникации, соответствующей одной из основных функций речи: общению, сообщению и воздействию. Существует несколько сфер коммуникации: научная, деловая, информационно-пропагандистская и социально-бытовая. К первой, например, можно отнести вузовскую лекцию или научный доклад, ко второй – дипломатическую речь или выступление на съезде, к третьей – военно-патриотическую речь или речь митинговую, к четвертой – юбилейную (похвальную) речь или застольную речь (тост). Конечно, такое деление не имеет абсолютного характера. Например, выступление на социально-экономическую тему может обслуживать научную сферу (научный доклад), деловую сферу (доклад на съезде), информационно-пропагандистскую сферу (выступление пропагандиста в группе слушателей). По форме они также будут иметь общие черты.

В современной практике публичного общения выделяют следующие роды красноречия: социально-политическое, академическое, судебное, социально-бытовое, духовное (церковно-богословское). Род красноречия – это область ораторского искусства, характеризующаяся наличием определенного объекта речи, специфической системой его разбора и оценки. Результатом дальнейшей дифференциации на основании более конкретных признаков, являются виды или жанры. Эта классификация носит ситуативно-тематический характер, так как, во-первых, учитывается ситуация выступления, во-вторых, тема и цель выступления.

К социально-политическому красноречию относятся выступления на социально-политические, политико-экономические, социально-культурные, этико-нравственные темы, выступления по вопросам научно-технического прогресса, отчетные доклады на съездах, собраниях, конференциях, дипломатические, политические, военно-патриотические, митинговые, агитаторские, парламентские речи.

Некоторые жанры красноречия носят черты официально-делового и научного стиля, поскольку в основе их лежат официальные документы. В таких речах анализируются положение в стране, события в мире, основная их цель – дать слушателям конкретную информацию. В этих публичных выступлениях содержатся факты политического, экономического характера и т. п., оцениваются текущие события, даются рекомендации, делается отчет о проделанной работе. Эти речи могут быть посвящены актуальным проблемам или могут носить призывный, разъяснительный, программно-теоретический характер. Выбор и использование языковых средств зависит в первую очередь от темы и целевой установки выступления. Некоторому виду политических речей свойственны те стилевые черты, которые характеризуют официальный стиль: безличность или слабое проявление личности, книжная окраска, функционально окрашенная лексика, политическая лексика, политические, экономические термины. В других политических речах используются самые разнообразные изобразительные и эмоциональные средства для достижения нужного оратору эффекта. Скажем, в митинговых речах, имеющих призывную направленность, часто используется разговорная лексика и синтаксис.

Приведем в качестве примера отрывок из речи П. А. Столыпина «О праве крестьян выходить из общины», произнесенной в Государственном совете 15 марта 1910 года: «Я так настойчиво возвращаюсь к этому вопросу потому, что принципиальная сторона законопроекта является осью нашей внутренней политики, потому что наше экономическое возрождение мы строим на наличии покупательной способности у крепкого достаточного класса на низах, потому что на наличии этого элемента зиждутся и наши законопроекты об улучшении, упорядочении местной земской жизни, потому, наконец, что уравнение прав крестьянства с остальными сословиями России должно быть не словом, а должно стать фактом» [28, 251].

Политическое красноречие в России в целом было развито слабо. Лишь военное ораторское искусство достигло сравнительно высокого уровня. Не раз обращался к воинам Петр I. Выдающимся военным оратором был и полководец А. В. Суворов. Его беседы с солдатами, его речи и приказы, дошедшая до нас «Наука побеждать» наглядно показывают, как искусно владел он словом. Говоря о военных ораторах, следует упомянуть и русского полководца конца XVIII–начала XIX в. М. И. Голенищева-Кутузова. Он неоднократно обращался с речами к солдатам и народу, призывал их к борьбе с врагами Отечества в ходе войны 1812 года. Среди русских дипломатов-ораторов XVII–XVIII вв. видное место занимает А. О. Ордын-Нащокин. Во второй половине XVIII в. при Екатерине II выдвинулись талантливые дипломаты-ораторы Г. А. Потемкин и Н. И. Панин. Обращались к народу с яркими речами и руководители крестьянских восстаний – Петр Болотников, Степан Разин, Емельян Пугачев. Это были ораторы из народа. Их речи не дошли до нас, но мы знаем о них по мемуарам, по «преlestным письмам» (воззваниям).

К числу талантливых политических ораторов принадлежали М. А. Бакунин, русский революционер, теоретик анархизма, один из идеологов революционного народничества, П. А. Кропоткин, русский революционер международного масштаба, участник многих событий в Европе, В. И. Засулич, одна из организаторов группы «Освобождение труда».

Среди известных политиков, выступавших в Государственной думе (1906–1917), назовем уже упомянутого П. А. Столыпина, С. Д. Урусова, В. А. Маклакова, Ф. А. Головина, И. Г. Церетели, П. Б. Струве, П. Н. Милюкова, В. М. Пуришкевича, Н. А. Хомякова, В. В. Шульгина, С. Ю. Витте, И. Г. Петровского, А. Е. Бадаева. Выдающимся оратором был Г. В. Плеханов, который владел удивительной способностью привлекать к своим словам внимание аудитории.

В начале XIX в. развернулась кипучая деятельность революционных ораторов. Они в основном выступали на митингах. Эти ораторы несли в массы новые идеи о жизни и светлом будущем. К первым годам установления советской власти относятся выступления таких сло-

жившихся еще до революции ораторов, как Н. И. Бухарин, Г. Е. Зиновьев, С. М. Киров, А. М. Коллонтай, В. И. Ленин, А. В. Луначарский, Л. Д. Троцкий, Г. В. Чичерин и другие.

Стремительно развивается парламентское красноречие и сегодня. В нем отражается столкновение различных точек зрения, проявляется дискуссионная направленность речи.

Академическое красноречие – род речи, помогающий формированию научного мировоззрения, отличающийся научным изложением, глубокой аргументированностью, логической культурой. К этому роду относятся вузовская лекция, научный доклад, научный обзор, научное сообщение, научно-популярная лекция. Конечно, академическое красноречие близко научному стилю речи, но в то же время в нем нередко используются выразительные, образные средства. Вот что пишет академик М. В. Нечкина об известном ученом XIX в. В. О. Ключевском: «А. Ф. Кони говорит о «чудесном русском языке» Ключевского, «тайной которого, он владел в совершенстве». Словарь Ключевского очень богат. В нем множество слов художественной речи, характерных народных оборотов, немало пословиц, поговорок, умело применяются живые характерные выражения старинных документов.

Ключевский находил простые, свежие слова. У него не встретишь штампов. А свежее слово радостно укладывается в голове слушателя и остается жить в памяти» [32/47–48]. Вот отрывок из лекции В. О. Ключевского «О взгляде художника на обстановку и убор изображаемого им лица», прочитанной им в Училище живописи, ваяния и зодчества весной 1897 года: «Говорят, лицо есть зеркало души. Конечно так, если зеркало понимать как окно, в которое смотрит да мир человеческая душа и через которое на нее смотрит мир. Но у нас много и других средств выражать себя. Голос, склад речи, манеры, прическа, платье, походка, все, что составляет физиономию и наружность человека, все это окна, чрез которые наблюдатели заглядывают в нас, в нашу душевную жизнь. И внешняя обстановка, в какой живет человек, выразительна не менее его наружности. Его платье, фасад дома, который он себе строит, вещи, которыми он окружает себя в своей комнате, все это говорит про него и прежде всего говорит ему самому, кто он и зачем существует или желает существовать на свете. Человек любит видеть себя вокруг себя и напоминать другим, что он понимает, что он за человек» [13, 29]. Вы видите, насколько прозрачна мысль ученого, как точно она выражена, через какие простые слова, вызывающие конкретные ассоциации, яркие образы. Такая лекция всегда привлекает слушателей, вызывает у них глубокий интерес.

В России академическое красноречие сложилось в первой половине XIX в. с пробуждением общественно-политического сознания. Университетские кафедры становятся трибуной для передовой мысли. Ведь в 40–60-е гг. на многие из них пришли работать молодые ученые, воспитанные на прогрессивных европейских идеях. Можно назвать таких ученых XIX–XX вв., как Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев, И. М. Сеченов, Д. И. Менделеев, А. Г. Столетов, К. А. Тимирязев, В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман, Н. И. Вавилов, – прекрасных лекторов, которые завораживали аудиторию.

Судебное красноречие – это род речи, призванный оказывать целенаправленное и эффективное воздействие на суд, способствовать формированию убеждений судей и присутствующих в зале суда граждан. Обычно выделяют прокурорскую, или обвинительную, речь и адвокатскую, или защитительную, речь.

Русское судебное красноречие начинает развиваться во второй половине XIX в. после судебной реформы 1864 г., с введением суда присяжных. Судебный процесс – это разбирательство уголовного или гражданского дела, исследование всех материалов, связанных с ним, которое происходит в обстановке поисков истины, борьбы мнений процессуальных оппонентов. Конечная цель данного процесса – вынести законный и обоснованный приговор, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к ответственности и осужден. Достижению этой цели способствуют обвинительная и защитительная речи. Судебные речи талантливых русских юристов дореволюционного периода С. А. Андреевского, А. Ф. Кони, В. Д. Спасовича, К. К. Арсеньева, А. И. Урусова, Н. И. Холева, Н. П. Карабчевского, Ф. Н. Плевако с полным правом называют образцами судебного красноречия.

Приведем отрывок из речи Н. П. Карабчевского в защиту капитана 2-го ранга К. К. Криюна (дело о гибели парохода «Владимир»). В ночь на 27 июля 1894 года на Черном море

произошло столкновение парохода «Владимир», следовавшего из Севастополя в Одессу, с итальянским пароходом «Колумбия». Последствием столкновения было потопление парохода «Владимир» и гибель находящихся на нем людей – семидесяти пассажиров, двух матросов и четырех человек паровой прислуги. Вот начало этой речи: «Гг. судьи! Общественное значение и интерес процесса о гибели «Владимира» выходит далеко за тесные пределы этой судебной залы. Картина исследуемого нами события так глубока по своему содержанию и так печальна по последствиям, что да позволено мне будет хотя на минуту забыть о тех практических целях, которые преследует каждая из сторон в настоящем процессе. Вам предстоит не легкая и притом не механическая, а чисто творческая, работа – воссоздать происшествие в том виде, в каком оно отвечает действительности, а не воображаемым обстоятельствам дела». А далее развернутая метафора: «Здесь немало было употреблено усилий на то, чтобы грубыми мазками при помощи искусственного освещения представить вам иллюзию истины. Но это была не сама истина. Все время шла какая-то торопливая и грубая работа импрессионистов, не желавших считаться ни с натурою, ни с сочетанием красок, ни с историческою и бытовою правдою, которую раскрыло нам судебное следствие. Заботились только о грубых эффектах и терзающих нервы впечатлениях, рассчитанных на вашу восприимчивость» [11, 135– 136]. Разумеется, в судебных речах подробно анализируются фактический материал, данные судебной экспертизы, все доводы за и против, показания свидетелей и т. д. Выяснить, доказать, убедить – вот три взаимосвязанные цели, определяющие содержание судебного красноречия.

К социально-бытовому красноречию относится юбилейная речь, посвященная знаменательной дате или произнесенная в честь отдельной личности, носящая торжественный характер; приветственная речь; застольная речь, произносимая на официальных, например дипломатических, приемах, а также речь бытовая; надгробная речь, посвященная ушедшему из жизни.

Одним из видов социально-бытового красноречия было придворное. Для него характерно пристрастие к высокому слогу, пышным, искусственным метафорам и сравнениям. Таковым является «Слово похвальное блаженной памяти Государю Императору Петру Великому, говоренное апреля 26-го дня 1755-го года» М. В. Ломоносовым. Это светская речь, выдержанная в торжественном стиле. Сначала Ломоносов восхваляет Елизавету, вступившую на престол после смерти Петра I: «Священнейшее помазание и венчание на Всероссийское Государство всемилостивейшей Самодержицы нашей празднуя, слушатели, подобное видим к ней и к общему отечеству Божие снисхождение...» А затем оратор говорит о Петре I, отмечая его заслуги, обрисовывая облик императора. И заключение таково: «А ты, великая душа, сияющая в вечности и героев блистанием помрачающая, красуйся! Дщерь твоя царствует, внук наследник, правнук по желанию нашему родился; мы тобою возвышены, укреплены, просвящены, обогащены, прославлены. Прими в знак благодарности недостойное сие приношение. Твои заслуги больше, нежели все силы наши!» [7, 265]. В таком же стиле М. В. Ломоносов произнес «Слово похвальное Государыне Императрице Елизавете Петровне» 26 ноября 1749 г.

В XIX в. подобная пышность слога утрачивается. Приведем в качестве примера начало речи С. А. Андреевского на юбилее В. Д. Спасовича, произнесенной 31 мая 1891 г.: «Владимир Данилович! Я бы мог в вас приветствовать все, что угодно, – только не юбиляра. Простите мне мою ненависть к времени! Вы глава нашей адвокатуры, славный ученый, большой художник, вечно памятный деятель, – лично для меня: дорогой друг и человек, – все, что хотите, – но только не завоеватель двадцатилетней пряжки, не чиновник-юбиляр! Удаси Боже!» [1, 584]. А затем Андреевский прибегает к свободной импровизации: об итоге жизни (юбилее), отношении Спасовича к искусству, его творчестве («Вы – поэт», «Ваш сильный язык поучал», «Ваши слова западали в чужие сердца...»).

Для речей такого рода, как представляется, характерны не жесткий план изложения и освещение разных сторон личности, причем только положительных сторон. Это панегирик.

Сравните отрывок из юбилейной речи на 50-летию Земского отдела Министерства внутренних дел, произнесенной П. А. Столыпиным 4 марта 1908 г.: «Ваши превосходительства и милостивые государи! С особым теплым чувством, не только в качестве главы ведомства –

министра внутренних дел, но и как деятель крестьянских учреждений, как бывший председателем съезда мировых посредников, знающий и сознающий всю громадную важность работы этих учреждений, приветствую я в сегодняшний день земский отдел.

В жизни народа полвека – мгновение. Сохранить жизненность могут лишь государственные учреждения, сознающие это и дорожащие связью с прошлым и преданиями, которые придают этим установлениям историческую ценность. В этом отношении земский отдел особенно счастлив.

Отдел зародился в атмосфере великодушных чувств и в минуту яркого поднятия народного самосознания. В нем живы воспоминания величайшей реформы минувшего столетия, в его рядах служили сподвижники великих деятелей освобождения крестьян. Казалось, данный тою эпохой импульс к усиленной работе отразился на всей дальнейшей работе отдела. Действительно, нельзя не признать громадный труд отдела по устройству на необъятном пространстве России быта различных разрядов сельских обывателей, по разработке узаконений в развитие и дополнение акта 19 февраля...

Будем же верить, что и в наши дни Земский отдел сослужит Государю ожидаемую от него службу и внесет в общегосударственную работу свою долю воодушевленного труда» [28, 116–117]. Эта речь относится к социально-бытовому красноречию, посвящена юбилею Земского отдела, т. е. речь юбилейная, торжественная, панегирик. В ней рассказывается об истории создания отдела, направлениях его работы, результатах этой работы.

Духовное (церковно-богословское) красноречие – древний род красноречия, имеющий богатый опыт и традиции. Выделяют проповедь (слово), которую произносят с церковного амвона или в другом месте для прихожан и которая соединяется с церковным действием, и речь официальную, адресованную самим служителям церкви или другим лицам, связанным с официальным действием.

После того как князь Владимир Святославич в 988 г. крестил Русь, в истории древнерусской культуры начинается период освоения духовных богатств христианских стран, главным образом Византии, создания оригинальных памятников искусства.

Уже в ораторской речи Киевской Руси выделяют два подвида: красноречие дидактическое, или учительное, которое преследовало цели морального наставления, воспитания, и панегирическое, или торжественное, которое посвящено знаменательным церковным датам или государственным событиям. В речах отражается интерес к внутреннему миру человека, источнику его дурных и хороших привычек. Осуждаются болтливость, лицемерие, гнев, сребролюбие, гордыня, пьянство. Прославляются мудрость, милосердие, трудолюбие, чувство любви к Родине, чувство национального самосознания. Духовное красноречие изучает наука о христианском церковном проповедничестве – гомилетика.

Вот отрывок из наказа-поучения «12-го слова» митрополита Московского Даниила (XVI в.): «Возвысь свой ум и обрати его к началу пути твоего, от чрева матери твоей, вспомни годы и месяцы, дни и часы, и минуты – какие добрые дела успел совершить ты? Укрепи себя смирением и кротостью, чтобы не рассыпал враг добродетели твой и не лишил бы тебя царского чертога! А если же ты злое и пагубное для души творил – кайся, исповедуйся, плачь и рыдай: в один день по блуду согрешил ты, в другой – злопамятством, в третий – пьянством и обжорством, потом еще и подмигиванием и еще – клеветой и осуждением, и оболганием, и роптанием, и укорами. И сколько дней еще проживешь, – все прилагаешь к старым грехам новые грехи.

Больше всего позаботься о том, чтобы избегать греха. Возьми себе за правило: заставь себя не согрешить ни в чем один только день; вытерпев первый, и другой прибавь к нему, потом третий, и мало-помалу обычным это станет не грешить и, уклоняясь, бежать от греха, как убегают от змеи» [15, 278–279].

Замечательные образцы духовного красноречия – «Слово о законе и благодати» Илариона (XI в.), проповеди Кирилла Туровского (XII в.), Симеона Полоцкого (XVII в.), Тихона Задонского (XVIII в.), митрополита Московского Платона (XIX в.), Митрополита московского Филарета (XIX в.), Патриарха Московского и всея Руси Пимена (XX в.), митрополита Крутицкого и Коломенского Николая (XX в.).

Приведем отрывок из слова митрополита Крутицкого и Коломенского Николая «Чистое сердце», сказанного им в церкви Даниловского кладбища города Москвы: «Чистое сердце – это наше богатство, наша слава, наша красота. Чистое сердце – это хранитель благодати Святого Духа, место рождения всех святых чувств и желаний. Чистое сердце – это та брачная одежда, о которой говорит Господь в Своей притче и только в которой мы можем стать участниками небесной трапезы в вечной жизни.

С чем можно сравнить чистое сердце? Его можно сравнить с плодоносной Землей: на земле растут деревья, богатые своими плодами, золотые злаки, благоухающие цветы. И в сердце христианина произрастают украшающие его добродетели: смирение, кротость, милосердие, терпение. Мы любуемся цветущим садом и нам приятно вдыхать аромат цветов. Еще более мы любуемся духовной красотой носителя чистого сердца. Легко представить перед своим духовным взором преподобного Серафима, Саровского чудотворца: вот он идет со своей неизменной улыбкой любви на лице, весь – сияние чистоты, кротости, любви, благожелательности, безгневия. Ко всем подходящим к нему – у него одинаковое слово приветия, с любовью открытые объятия. И кто даже издали видел его – на всю жизнь сохранил в своем сердце прекрасный светлый образ праведника-старца. Это носитель чистого сердца» [21, 1.56).

Как видим, основу речей любого рода составляют общеязыковые и межстилевые средства. Однако каждый род красноречия имеет⁴ специфические языковые черты, которые образуют микросистему с одинаковой стилистической окраской.

Форма выражения в ораторской речи может не отрабатываться с той степенью полноты и тщательности, как это бывает в речи письменной. Но нельзя согласиться и с тем, что ораторская речь спонтанна. Ораторы готовятся к выступлению, хотя и в разной степени. Это зависит от их опыта, мастерства, квалификации и, наконец, от темы выступления и ситуации, в которой произносится речь. Одно дело – речь на форуме или конференции, а другое – на митинге: разные формы речи, разное время произнесения, разная аудитория.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие роды и виды красноречия вы знаете? Что лежит в основе их классификации?
2. Каковы особенности социально-политического красноречия? Проанализируйте в хрестоматии речи Д. С. Лихачева и А. И. Солженицына, отметьте характерные особенности этих речей.
3. Что такое академическое красноречие? Каковы его особенности? Проанализируйте речи А. А. Ухтомского и В. В. Виноградова, помещенные в хрестоматии.
4. Что такое судебное красноречие? Каковы его особенности? Проанализируйте приведенные в хрестоматии судебные речи В. М. Лифшица и И. М. Кисенишского. Отметьте их характерные особенности.
5. Как вы понимаете социально-бытовое красноречие?
6. Что такое духовное (церковно-богословское) красноречие? Каковы его особенности? Проанализируйте речи А. Меня, архимандрита Иоанна, помещенные в хрестоматии. Назовите их основные черты.

§ 11. Ораторская речь и функциональные стили литературного языка

Живое словесное общение – это наука и искусство. Они представляют собой две стороны медали. И только во взаимодействии, в соединении того и другого возможно процветание той части культуры, которая называется ораторским искусством. Богатый запас активной лексики, прекрасный голос, бойкая речь еще не означают, что человек владеет техникой выступления. «Умеет говорить человек тот, – подчеркивал А. В. Луначарский, сам прекрасный оратор, – кто может высказать свои мысли с полной ясностью, выбрать те аргументы, которые особенно подходящи в данном месте или для данного лица, придать им тот эмоциональный характер, который был бы в данном случае убедителен и уместен» [9, 15]. И далее: «Человек, который умеет говорить, то есть который умеет в максимальной степени передать

свои переживания ближнему, убедить его, если нужно, выдвинуть аргументы или рассеять его предрассудки и заблуждения, наконец, повлиять непосредственно на весь его организм путем возбуждения в нем соответственных чувств, этот человек обладает в полной мере речью» [9, 15].

Как видим, в основе действенной речи лежат ясные аргументы. И не просто аргументы, а такие, выбор которых мотивирован ситуацией общения и составом аудитории. Эти аргументы должны действовать не только логически, но и эмоционально. Только тогда они могут быть убедительными.

Известный исследователь языка В. В. Виноградов считал, что «ораторская речь – синкретический жанр. Она – одновременно и литературное произведение, и сценическое представление. Необходимо отделить задачи исполнительского, «театрального» изучения от литературно-стилистического. Ораторская речь – особая форма драматического монолога, приспособленного к обстановке общественно-бытового или гражданского «действия» [3, 120]. Он подчеркивал, что «ораторская речь – это подготовленная речь, подготовленное литературное произведение, имеющее определенные стилистические характеристики, а поскольку она предназначена для сценического представления (термин, конечно, здесь весьма условный), то она имеет художественную и эстетическую направленность. «Особенный интерес представляют формы ораторской речи, обращенные к многолюдной аудитории или, по крайней мере, рассчитанные на нее, такие, как публичные лекции, религиозные проповеди, речи политические и судебные. В соответствии с обстановкой в них своеобразно деформирована интонационная структура, которая являет сложную ориентировку повествовательных форм эмоционально-напряженными обращениями, вопросами и увещаниями, отрешенными от привычных форм говорения, хотя ориентирующимися на них» [3, 120].

Ораторская речь – речь подготовленная. И готовится, она, естественно, по книжно-письменным источникам, которые оказывают прямое и непосредственное влияние на структуру речи.

Стили, выделяемые в соответствии с основными функциями языка, связаны с той или иной сферой и условиями человеческой деятельности. Они отличаются системой языковых средств. Именно эти средства образуют определенную стилевую окраску, отличающую данный стиль от всех других. Официально-деловой стиль обслуживает сферу официальных деловых отношений; основная его функция – информативная (передача информации); для него характерно наличие речевых клише, общепринятой формы изложения, стандартного расположения материала, широкое использование терминологии и номенклатурных наименований, наличие сложносокращенных слов, аббревиатур, отглагольных существительных, отыменных предлогов, преобладание прямого порядка слов и т. д. Научный стиль обслуживает сферу научного знания; основная его функция – сообщение информации, а также доказательство ее истинности; для него характерно наличие терминов, общенаучных слов, абстрактной лексики; в нем преобладает имя существительное, немало отвлеченных и вещественных существительных, синтаксис логизированный, книжный, фраза отличается грамматической и логической полнотой и т. д. Публицистический стиль обслуживает сферу общественно-экономических, социально-культурных и других общественных отношений; основные его функции – сообщение и воздействие; в этом стиле используются все языковые средства; для него характерна, экономия языковых средств, лаконичность и популярность изложения при информативной насыщенности; широко используются общественно-политическая лексика, стилистически окрашенные средства, метафоры с оценочным значением, разговорные и просторечные фразеологизмы и лексика; нередко часть лексики актуализируется, приобретает новые смысловые оттенки; используются средства экспрессивного синтаксиса, элементы разговорной речи и т. д. Художественно-беллетристический стиль имеет функцию воздействия и эстетическую; в нем наиболее полно и ярко отражается литературный и, шире, общенародный язык во всем его многообразии и богатстве, становясь явлением искусства, средством создания художественной образности; в этом стиле наиболее широко представлены все структурные стороны языка: словарный состав во всем его семантическом богатстве, со всеми прямыми и переносными значениями слов; грамматический строй со сложной и разветвленной системой морфологических форм и синтаксических типов.

В процессе подготовки и произнесения постоянно возникает внутреннее противоречие между книжной речью, поскольку выступление тщательно готовится, и устным воплощением, на которое влияет разговорная речь, точнее — литературно-разговорный подстиль. Такие выступления являются частично или полностью своеобразной подготовленной импровизацией (если, конечно, речь не читается) и выражением спонтанной устной речи, с импровизационной, спонтанной манерой изложения. Уже сама работа над речью и с речью приводит к отходу от строгой книжности. Степень книжности или разговорности зависит от индивидуальных навыков оратора.

Стремление оратора воздействовать на психику слушателей также влияет на речь. Представляет интерес высказывание А. В. Луначарского: «...Каждое слово после того, как оно было произнесено, вступает в особый мир, в психику другого человека через его органы чувств, оно вновь одевается в те же, как будто, одежды и превращается в эмоцию и идею внутреннего мира того ближнего, к которому я обращался с речью. Но у нас нет никаких гарантий того, что слово, как объективное явление в субъекте людей, к которым мы обращаемся, вызывает правильные результаты, что оно находит именно тот резонанс, которого мы хотим... Следовательно, нам нужно приучить человека понимать внимающих ему и окружающих его, приучить проследить судьбу слова не только в воздухе, но и в душе тех, к кому слово обращено» [9, 14]. Замечательные слова. Речь влияет на слушателей интеллектуально, и эмоционально. Но влияет лишь в том случае, если выступающий хорошо знает психологию аудитории и учитывает ее. Искусство речи глубоко психологично и глубоко социально. И многое зависит от того, каким языком мы говорим. Конечно, сухая книжная речь обладает незначительной силой воздействия. Именно «устность» речи и делает ее доходчивой, оказывает положительное влияние на слушателей. Вот мнение по этому поводу известного лингвиста Д. М. Пешковского: «Говорить литературно, то есть в полном согласии с законами письменной речи, и в то же время с учетом особенностей устной речи и отличия психики слушателей от психики читателей, не менее трудно, чем говорить просто литературно. Это особый вид собственно литературной речи — вид, который я бы назвал подделкой письменной речи под устную. Такая подделка действительно необходима в той или иной степени во всех публичных выступлениях, но она ничего общего не имеет с тем случаем, когда оратор не умеет справиться со стихией устной речи или не умеет ориентироваться в должной мере на письменную» [24, 165]. Действительно, оратор постоянно находится между Сциллой и Харибдой, между двумя враждебными силами, в положении, когда опасность угрожает и с той, и с другой стороны. Книжность и разговорность — вот те опасности, которые постоянно подстерегают оратора. Сильная книжность сушит речь. Разговорность может опустить ее до бытового уровня. И оратор должен постоянно балансировать, выбирая оптимальный стиль речи. Кстати, установлено, что при восприятии письменной речи человек воспроизводит потом лишь 50% полученного сообщения. При восприятии того же сообщения, построенного по законам устного изложения мысли, воспроизводится уже 90% содержания.

Так что же такое разговорный стиль? Он противопоставлен книжным стилям, обслуживает сферу бытовых и профессиональных (но только неподготовленных, неофициальных) отношений; основная его функция — общение; проявляется в устной форме; имеет две разновидности: литературно-разговорную и обиходно-бытовую речь. Его лексика и фразеология характеризуется наличием большого пласта общеупотребительных, нейтральных слов, разговорных слов, имеющих эмоционально-экспрессивную и оценочную окраску, разговорной фразеологии. Синтаксис — преобладанием простых предложений, сложносочиненных и бессоюзных, экспрессивных: восклицательных, побудительных, вопросительных и т. д. В ораторской речи происходит своеобразная контаминация этих стилей, книжных и разговорного.

Интересны наблюдения над стилем лекций И. П. Павлова. Эти лекции, естественно, обладают всеми чертами, присущими научному стилю: логической строгостью, объективностью, последовательностью в изложении мысли, точностью формулировок, использованием научных синтаксических стандартов. Некоторые части речи ученого построены строго научно: «Основным исходным понятием у нас является декартовское понятие, понятие рефлекса. Конечно, оно вполне научно, так как явление, им обозначаемое, строго детерминируется.

Это значит, что в тот или другой рецепторный нервный прибор ударяет тот или другой агент внешнего мира или внутреннего мира организма. Этот удар трансформируется в нервный процесс, в явление нервного возбуждения» [23, 157].

Данный отрывок отличается четкими синтаксическими построениями, наличием терминологической и абстрактной лексики, множеством готовых, устойчивых словосочетаний (типа: подвергнуть эксперименту, врачебные мероприятия), лекторского «мы», небольшой экспрессивной окрашенностью, использованием в первую очередь логических средств воздействия и убеждения, объективным подходом к изложению и т. д.

И. П. Павлов очень старательно готовился к своим лекциям, тщательно отработывал их. Профессор Н. А. Рожанский вспоминает: «Публично, устно и в печати Павлов выступал только после тщательной проверки. Всякую свою речь он предварительно так отделявал, что после выступления ее можно было сразу сдавать в печать. Я помню его выступление в Москве в 1913 г. в Обществе научного института. В то время я работал в Московском университете. Узнав о его приезде, я днем зашел к нему... Как всегда, он был приветлив, просил меня прочесть вслух его собственную речь, которую он должен был сказать вечером. Когда я читал, он с вниманием следил за каждым словом, стараясь представить, как эту речь будут воспринимать слушатели. Вечером свою речь Павлов не читал, а говорил, однако, как мне показалось, почти слово в слово то, что я днем прочел в его написанной речи» [10, 45–46].

Ученый стремился быть понятным слушателям, стремился донести до них в наиболее популярной, доступной и действенной форме свои мысли. Профессор Е. А. Нейц, ученик И. П. Павлова, пишет: «Речь Ивана Петровича была удивительно простой... Это была обычная разговорная речь, поэтому и лекция имела скорее характер беседы. Очень часто, как бы самому себе, он ставил вопрос и тотчас же отвечал на него...» [10, 24]. В лекциях ученый широко пользовался средствами разговорного языка. Именно разговорная речь придает лекциям И. П. Павлова яркость, образность, убедительность. Его выступления для широкой аудитории не только доказательны, но и обладают эмоционально-экспрессивной окраской, которая вносит в научную лекцию особый контраст. При перенесении разговорных элементов в научное изложение их стилистическая окрашенность выступает с наибольшей отчетливостью, они резко выделяются в научном стиле, создавая определенную эмоционально-экспрессивную тональность выступления.

Наиболее часто использует И. П. Павлов в своих лекциях разговорную лексику и фразеологию. Сюда входят слова и фразеологизмы, употребляющиеся в непринужденном разговоре, придающие речи неофициальное звучание. Эти слова могут иметь положительную или отрицательную эмоциональную окраску, которая используется для усиления лекции или создания эффекта непринужденности, задушевности. Например: «Немудрено поэтому, что диететика если не в своих общих эмпирических основах, то в объяснениях и частностях представляет наиболее спутанный отдел терапии»; «Итак, еще одна беда обойдена, а окончательная цель все еще не достигнута»; «Понятно, для человека, чувствующего голод, экстренные меры не нужны и достаточно приятно само по себе удовлетворение голода; недаром говорится, что голод – лучший повар»; «Теперь пришлось бы основываться на науке, которая своим совершенством сравнительно с физиологией похвалиться не может».

Особенно образно и эмоционально звучит разговорно-просторечная лексика и фразеология в тех местах лекций, где И. П. Павлов вступает в дискуссии со своими научными оппонентами: «Невролог, всю жизнь проевший зубы на этом деле, до сих пор не уверен, имеет ли мозг какое-либо отношение к уму»; «Закрывать глаза на эту деятельность обезьяны, которая проходит перед вашими глазами, смысл которой совершенно очевиден... – это чепуха, это ни на что не похоже».

Приведем в качестве примера еще один отрывок, который иллюстрирует органическую и характерную связь в лекциях И. П. Павлова элементов разговорной и научной речи: «Где общая схема высшей нервной деятельности? Где общие правила этой деятельности? Перед этими законнейшими вопросами современные физиологи стоят поистине с пустыми руками. Почему же объект так сложен конструктивно, так обилён функциями, а рядом с этим исследование его для физиолога уперлось как бы в угол, а не представляется почти безграничным, как можно было бы ожидать?». Какова же специфика этого фрагмента лекции? Отметим в нем

обилие вопросительных предложений, которые создают экспрессию речи, наличие разговорной фразеологии (с пустыми руками, т. е. ничего не получив; упереться в угол, т. е. не получить дальнейшего развития), синтаксического повтора (так... так), экспрессивной формы превосходной степени (законнейший), книжных слов и терминов (функция, объект, безграничный, высшая нервная деятельность). Такой сплав научных и разговорных элементов создает экспрессию речи, привлекает большое внимание слушателей.

Широко используются И. П. Павловым в лекциях и разговорные синтаксические конструкции. Назовем наиболее важные и часто встречающиеся. Прежде всего, в лекциях наблюдается большое количество вопросительных предложений, что отметил профессор Е. А. Нейц. Благодаря этим вопросам удается привлечь внимание слушателей на изложение и сконцентрировать его на определенной мысли. Ученый ставит вопросы перед слушателями, а затем отвечает на них: «Множество вопросов остаются нерешенными или даже вовсе не поставленными. Почему реактивы изливаются на сырой материал в таком, а не в ином порядке? Почему свойства отдельных реактивов повторяются и комбинируются в других? Коллеблется ли, как, почему, когда каждый реактив?..» Эта серия вопросов придает повествованию динамику, позволяет не только легко зафиксировать вопросы в памяти, но и конспективно записать их, что очень важно для слушателей.

Стремление передать экспрессивные интонации разговорной речи приводит ученого к использованию в лекциях различного типа присоединительных конструкций, т. е. таких, которые представляют собой расчлененный на отдельные части синтаксически связанный текст. Например: «Следовательно, физиолог должен идти своим путем. И этот путь намечен уже давно»; «В прежнее время поступали так, что в отдельной комнате около собаки позволялось находиться только экспериментатору. Но потом оказалось, что и этого недостаточно»; «Сплошь и рядом, когда задача у «Рафаэля» путается, то он действительно отвердет глаза в сторону или вбок, а потом повернется снова и сделает. И это очень просто». Иногда для усиления речи И. П. Павлов пользуется инверсией (обратным порядком слов), которая также вносит в речь разговорные интонации: «Она к еде стремится. От разрушительных раздражений отстраняется».

Сложные синтаксические конструкции, характерные для книжной речи, чередуются в лекциях с простыми конструкциями, характерными для разговорной речи. Это также вносит в речь разговорные интонации. Например: «Может быть, вопрос надо решить так, что физиолог должен запастись психологическими методами, знаниями и затем уже приступить к изучению деятельности больших полушарий. Но здесь есть существенное осложнение. Понятно, что физиологии постоянно... приходится опираться на более точные, совершенные науки: на механику, физику и химию. Но в этом случае – совсем другое».

И. П. Павлов часто использует в речи указательные местоимения этот, тот и указательно-восклицательные частицы вот, личные местоимения мы, вы и глаголы повелительного наклонения, которые приглашают слушателей что-либо сделать или подумать над тем, что сообщается. «Возьмем самый простой пример, с которого мы начали свои исследования...»; «Возьмем еще важный случай оборонительного рефлекса...»; «Следовательно, если вы не примете никаких мер против этих влияний... то вы ни в чем не разберетесь, перед вами все перепутается»; «Вот животное, которое приготовлено так, как я вам описал. Как видите, пока на него не действует специальный агент, слюнная железа его находится в покое, слюны нет. А вот сейчас мы начнем действовать на ухо собаки ударами метронома. Вы видите...». Благодаря этим приемам лектор входит в контакт со слушателями, делая их непосредственными участниками своего сообщения, постоянно пробуждая в них интерес к лекции.

Нередко лекции ученого переходили в живой диалог, так как слушателям разрешалось перебивать лектора, задавать ему вопросы, выяснять то, что оставалось непонятным, и даже вступать с ним в дискуссию. Лекция, собственно, превращалась в беседу. Всем слушателям не только разрешалось, но и рекомендовалось перебивать Ивана Петровича и задавать вопросы, если что-нибудь было неясно. И здесь И. П. Павлов проявлял себя находчивым, остроумным, умеющим быстро ответить на самые неожиданные вопросы. Переход от обычной лекции к беседе еще более стимулировал интерес слушателей, делал доходчивее изложение.

В лекциях рельефно выступает личность ученого, борца за материалистическое направление в науке. С какой экспрессией, напряженностью звучат слова, направленные против ученого-идеалиста: «Если бы он сколько-нибудь думал, он должен был бы сказать следующее. Я положил письмо в карман. Я нес это письмо. Я задумался. Я позабыл об этом письме и прошел мимо ящика. Потом я увидел ящик, который попал мне на глаза, тогда мысли совпали и я положил письмо в ящик. Вот настоящая ассоциация. А он все перепутал. Это черт знает что такое! Вот такие господа анализируют высшую психологическую деятельность. Далеко они пойдут!» [23, 504]. Особенно сильно, как мы видим, звучат те места выступлений И. П. Павлова, где он защищает свои взгляды, результаты своей экспериментальной работы. Его речь в таких случаях скупа, острополемична, насыщена экспрессией, направлена против субъективизма в науке.

Сравним несколько фрагментов из речей. А. В. Луначарский (из вступительного слова, произнесенного 8 февраля 1922 г. в Москве в Доме Союзов на вечере, посвященном 85-й годовщине со дня смерти А. С. Пушкина): «Пушкин был русской весной, Пушкин был русским утром <...>. Что делали в Италии Данте и Петрарка, во Франции – великаны XVII века, в Германии – Лессинг, Шиллер и Гете, – то сделал для нас Пушкин <...>. Он много страдал, потому что его чудесный, пламенный, благоуханный гений расцвел в суровой, почти зимней, почти ночной еще России, но зато имел «фору» перед всеми другими русскими писателями. Он первый пришел и по праву первого захвата овладел самыми великими сокровищами всей литературной позиции» [20, 35].

Г. В. Чичерин (из речи на первом пленарном заседании Генуэзской конференции): «Идя навстречу потребностям мирового хозяйства и развития его производительных сил, Российское правительство сознательно и добровольно готово открыть свои границы для международных транзитных путей, предоставить под обработку миллионы десятин плодороднейшей земли, богатейшие лесные, каменноугольные и рудные концессии, особенно в Сибири, а также ряд ряд других концессий, особенно в Сибири <...>. Более подробный проект плана всеобщего восстановления мог бы быть представлен российской делегацией во время конференции; о полной возможности его осуществления с финансово-экономической точки зрения говорит тот факт, что капиталы, которые должны быть ежегодно вложены в это дело, обеспечивающее будущее европейской промышленности, равнялись бы лишь небольшой части ежегодных расходов на армию и флот стран Европы и Америки.

Делая эти предложения, российская делегация принимает к сведению и признает в принципе положения каннской резолюции, сохраняя за собой право внесения как своих дополнительных пунктов, так и поправок к существующим» [31, 209–210].

П. А. Александров (из речи по делу Веры Засулич): «Мечь стремится нанести возможно больше зла противнику; Засулич, стрелявшая в генерал-адъютанта Трепова, сознается, что для нее безразличны были те или другие последствия выстрелов. Наконец, мечь старается достигнуть удовлетворения возможно дешевою ценой, мечь действует скрытно с возможно меньшими жертвованиями. В поступке Засулич, как бы ни обсуждать его, нельзя не видеть самого беззаветного, но и самого нерасчетливого самопожертвования <...>» [25, 26–27].

Итак, можно отметить стилистическую полифонию ораторской речи. Эта полифония возникает в результате воздействия на ораторскую речь, с одной стороны, различных функциональных стилей, с другой стороны, элементов различной стилистической окраски. Скажем, юбилейные речи включают лексику, несущую в себе положительную оценку, имеющую высокую стилистическую окраску. Разобранные примеры показывают, как влияют на речь функциональные стили. Так, отдельные речи Г. В. Чичерина подвержены значительному воздействию официально-делового стиля, некоторые речи И. П. Павлова – научного стиля – в научных лекциях, разговорного – в научно-популярных лекциях, в приведенных отрывках из речей А. В. Луначарского и П. А. Александрова ощущается влияние литературно-художественного стиля. Агитаторские и пропагандистские речи находятся под воздействием публицистического стиля, поскольку нередко пропагандист готовится к выступлению по материалам газет. Происходит весьма сложный синтез стилистических элементов, использование которых зависит от вида, темы и целей речи.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что значит владеть речью? Как это понимал А. В. Луначарский? Как вы это понимаете?
2. Что подразумевал под ораторской речью известный исследователь языка В. В. Виноградов?
3. Что такое функциональные стили? Каковы их особенности?
4. Как функциональные стили влияют на ораторскую речь?
5. Что такое «устность» ораторской речи? Каково на этот счет мнение известного лингвиста А. М. Пешковского?
6. Как влияет разговорный стиль речи на ораторскую речь?

§ 12. Функционально-смысловые типы речи

Ораторская речь по своему составу неоднородна, поскольку в процессе мышления человеку свойственно отражать различные объективно существующие связи между явлениями действительности, между объектами, событиями, отдельными суждениями, что, в свою очередь, находит выражение в различных функционально-смысловых типах речи: описании, повествовании, рассуждении (размышлении). Монологические типы речи строятся на основе отражения мыслительных диахронических, синхронических, причинно-следственных процессов. Ораторская речь в связи с этим представляет собой монологическое повествование – информацию о развивающихся действиях, монологическое описание – информацию об одновременных признаках объекта, монологическое рассуждение – о причинно-следственных отношениях. Смысловые типы присутствуют в речи в зависимости от ее вида, цели и от концептуального замысла оратора, чем обусловлено включение или невключение того или иного смыслового типа в общую ткань ораторской речи; смена этих типов вызвана стремлением оратора полнее выразить свою мысль, отразить свою позицию, помочь слушателям воспринять выступление и наиболее эффективно повлиять на аудиторию, а также придать речи динамический характер. При этом в различных видах ораторской речи будет разное соотношение указанных типов, ибо в реальности все они смешиваются, взаимодействуют, и вычленение их весьма условно.

Повествование – это динамический функционально-смысловой тип речи, выражающий сообщение о развивающихся во временной последовательности действиях или состояниях и имеющий специфические языковые средства. Повествование передает сменяющиеся действия или состояния, развертывающиеся во времени. Этот тип речи, в отличие от описания, динамичен, поэтому в нем могут постоянно меняться временные планы. Например, так меняются временные планы в речи Ф. Н. Плевако по делу Грузинского: «20 лет тому назад, молодой человек, встречается он в Москве, на Кузнецком мосту у Тромлэ, кондитера, торговца сладостями, красавицу-продащицу Ольгу Николаевну Фролову. Пришлась она ему по душе, любил он ее. В кондитерской, где товар не то, что хлеб или дрова, без которых не обойдешься, а купить пойдешь хоть на грязный постоялый двор, – в кондитерской нужна приманка. Вот и стоят там в залитых огнями и золотом палатах красавицы-продащицы; и кому довольно бы фунта на неделю, глядишь – заходит каждый день полюбоваться, перекинуться словом, полюбезничать <...>. Полюбилась, и ему стало тяжело от мысли, что она будет стоять на торгу, на бойком месте, где всякий, кто захочет, будет пялить на нее глаза, будет говорить малопрстойные речи. Он уводит ее к себе в дом как подругу. Он бы сейчас же и женился на ней, да у него жива мать, еще более, чем он, близкая к старой своей славе: она не слышать не хочет о браке сына с приказчицей из магазина. Сын, горячо преданный матери, уступает. Между тем Ольга Николаевна понесла от него, родила сына-первенца. Князь не так отнесся к этому, как те гуляки, о которых я говорил. Для него это был его сын, его кровь. Он позвал лучших друзей: князь Имеретинский крестил его» [30, 493–494]. Этот фрагмент – повествование (поскольку в нем показаны развивающиеся, динамические события) с элементами описания (потому что даются статические картины, сопровождающие это повествование). Все изложение делится на отдельные четкие кадры разных временных планов, что помогает быстрее воспринять речь.

Повествование включает в себя динамически отражающиеся ситуации внешнего мира, и это устройство данного типа высказывания определяет его положение в речи. К данному типу прибегают в том случае, если требуется подтвердить высказанные оратором положения конкретными примерами или при анализе некоторых ситуаций. Задача оратора – изобразить последовательность событий, с необходимой точностью передать эту последовательность. Таким образом, передается содержательно-фактуальная информация, причем она облекается в разные формы. Во-первых, оратор может говорить как участник событий, во-вторых, излагать события со слов третьего лица, в-третьих, моделировать событийный ряд, не указывая на источник информации. Оратор передает события, которые совершаются как бы на глазах слушателей, или вводит воспоминания о событиях, развивающихся в прошлом. Например, такой прием использует Н. П. Карабчевский в речи по делу Ольги Палем: «С таким легковесным багажом отправилась она в Одессу. Оставаться в Симферополе, в той же еврейской, отныне враждебной ей среде, было уже немыслимо. В Одессе у нее не было • ни родных, ни знакомых. Вспомните показания Бертинга. На первых порах она пыталась пристроиться к какой-нибудь хотя бы черной, хотя бы тяжелой работе. Она поступила в горничные. Пробыла несколько дней и была отпущена, так как оказалось, что она не умела ни за что взяться, была белоручкой. Потом мы видим ее некоторое время продавщицей в табачной лавке. По отзыву полицейского пристава Чабанова, в то время она была бедно одета, зато отличалась цветущим здоровьем, была энергична и весела. В ее поведении нельзя было отметить ничего предосудительного.

Потом, спустя некоторое время, в 1887 году, тот же пристав Чабанов стал встречать ее уже «хорошо одетой» [30, 417]. В этом повествовании говорится о действующих лицах, месте и времени действия, самом действии, которое развивается. Защитник воспроизводит поступки Ольги Палем на основе ее показаний и показаний свидетелей.

Динамика повествования создается благодаря использованию глаголов, которые могут выражать быструю смену событий, последовательность их развития, поэтому чаще всего используются глаголы конкретного действия. Динамика может передаваться также значением глаголов, их разными видовременными планами, порядком следования, отнесением их к одному и тому же субъекту, обстоятельственными словами со значением времени, союзами и т. д. Вступает в силу принцип стремительного повествовательного движения, и стиль приобретает захватывающую быстроту. Такова, например, повествовательная часть речи К. Ф. Хартулари по делу Лебедева: «Заручившись разрешительным свидетельством городской управы на ломку здания, правление, согласно обязательству, потребовало от Лебедева немедленного приступа к работе.

Лебедев отправился на Никольский рынок, и там среди рабочего пролетариата вербует себе отряд рабочих по самым дешевым поденным платам.

Весь этот отряд, под командой Андрея Лебедева, <...> рассыпался по куполу здания, который изнутри, для безопасности, был подперт четырьмя деревянными стойками, скрепленными между собой железными связками или скобами <...>.

Работа закипела. Застучали молотки, и вскоре наружная металлическая обшивка была снята, а за ней снят так называемый черный пол, и остов купола тотчас же обнажился с его металлическими стропилами, числом до 32, которые, подобно радиусам от центра, спускались от вершины купола к его основанию, лежавшему на стенах самого здания в кольце.

Наступала самая трудная и самая опасная часть работы, состоявшая в разборке и расчленении металлических стропил» [30, 785]. Слова, которые здесь используются, придают динамике изложению: потребовало немедленного приступа к работе, отправился, вербует, рассыпался, работа закипела, застучали молотки, вскоре, тотчас же обнажился. Динамичная речь всегда эффективно воздействует на слушателей.

Можно выделить конкретное, обобщенное и информационное повествование. Конкретное – это повествование о расчлененных, хронологически последовательных конкретных действиях одного или нескольких действующих лиц, например в судебной речи; обобщенное – о конкретных действиях, но характерных для многих ситуаций, типичных для определенной обстановки, например в научном изложении; информационное – сообщение о каких-либо действиях или состояниях без их конкретизации и детальной хронологической последо-

вательности; оно чаще всего имеет форму пересказа о действиях субъекта или форму косвенной речи.

Повествование в речах может быть построено по схеме традиционного трехчастного членения, т. е. в нем есть своя завязка, вводящая в сущность дела и предопределяющая движение сюжета, развертывание действия и развязка, содержащая явную или скрытую эмоциональную оценку события оратором.

Обычно выделяют развернутое и неразвернутое повествование. Развернутое повествование представляет собой речь, отражающую последовательные, иногда одновременные, но развивающиеся действия или состояния. Неразвернутое повествование или выражается отдельной репликой в диалоге, или, будучи использовано в микротематическом контексте, выполняет роль введения к описанию или рассуждению.

Описание – это констатирующая речь, как правило, дающая статическую картину, представление о характере, составе, структуре, свойствах, качествах объекта путем перечисления как существенных, так и несущественных его признаков в данный момент.

Описание может быть двух видов: статическое и динамическое. Первое дает объект в статике, указанные в речи признаки объекта могут обозначать его временные или постоянные свойства, качества и состояния. Например, описание места действия в судебной речи или описание объекта в политической речи. Реже встречается описание второго вида; так, какой-либо опыт в научной речи обычно предстает в развитии, динамике.

Описания весьма разнообразны и по содержанию, и по форме. Они могут быть, к примеру, образными. Оратор, стремясь сообщить слушателям необходимое количество информации, дает не только подробное описание объекта, но и его характеристику, оценку, воссоздавая определенную картину, что сближает речь с описанием в художественной литературе.

Центром описания являются существительные с предметным значением, которые рождают в сознании слушателей конкретный образ, причем информативно оно может быть весьма насыщенным, поскольку существительные с предметным значением вызывают целый ряд ассоциаций. Приведем пример из речи Н. И. Бухарина «Гете и его историческое значение», произнесенной им в 1932 г. на торжественном заседании Академии наук СССР, посвященном 100-летию со дня смерти Гете: «Крепостной труд, «ременная плеть», христианско-германская патриархальность быта находили свое адекватное выражение в политической надстройке страны. Со времени Вестфальского мира Германия была разбита на 300 слишком суверенных «государств» и значительно более 1000 полусуверенных рыцарских имений. Эти иногда крошечные политические единицы<...> чувствовали себя настоящими «дворами»: каждый князек хотел быть маленьким Людовиком XIV, иметь свой роскошный Версаль, свою прелестную маркизу де-Помпадур, своих придворных шутов, своих лейб-поэтов, своих министров и, прежде всего, свою полицию и армию» [2, 145]. Здесь приемом описания является перечисление существительных, через которые дается характеристика одного объекта – Германии времен Гете. В первой половине фрагмента существительные используются в прямом значении (кроме выражения «ременная плеть», принадлежащего Гете), а вот во второй половине уже появляются сравнения, что усиливает ассоциативный момент. Благодаря такой концентрации существительных оратору удается дать исчерпывающую характеристику Германии на рубеже XVIII–XIX в., с ее средневековой патриархальностью быта, с одной стороны, и претензиями на роскошь и самостоятельность – с другой.

Приведем другой пример из доклада Н. И. Бухарина о Гейне, прочитанного им на торжественном публичном заседании в Академии наук СССР 29 апреля 1931 г. по случаю 75-летней годовщины смерти поэта: «Гейне настолько блестящ и яростен, так многогранен и прихотлив, что из драгоценного ларца его поэтического творчества можно выбрать кинжал тираномаха и бриллиантовый перстень аристократа; весеннюю свирель и меч революции; жемчужины слез и циничную иронию; средневековый амулет и пурпурное знамя пролетарского переворота. Гейне – король видений и снов, сказочный принц романтической грезы. И в то же время великий насмешник, земное воплощение богини Иронии, гениальный «свистун». Вождь «партии цветов и соловьев». А на другой странице – лихой барабанщик революции» [2, 177]. В этом фрагменте используется большое количество существительных в переносном

значении и прилагательных с качественно-оценочным значением, характеризующих поэта с разных сторон, а также цитирование. В результате дается качественная характеристика изображаемого.

В описании, как правило, употребляются формы настоящего, прошедшего и будущего времени. Для судебной речи наиболее типично использование прошедшего времени, для академической – настоящего. В последней перечисляются постоянные признаки объектов, что и выражается с помощью глаголов настоящего времени. Например, И. П. Павлов так описывает в своем докладе происшедшие действия: «И вы, знакомые несколько с условными рефлексами, знаете, конечно, что мы имеем в конце концов в своих руках, с одной стороны, внешние раздражители, производящие в центральной нервной системе раздражительный процесс, а с другой стороны, мы имеем в своих руках раздражители, которые в больших полушариях производят тормозной процесс» [23, 329].

Описания более или менее однородны по своей синтаксической структуре. Как видно из предыдущих примеров, она обычно представляет собой перечисление опорных слов или слов, обозначающих признаки описываемого объекта, в прямом или переносном значении, что обуславливает перечислительную интонацию, в результате чего создается целостный образ объекта.

В динамическом событийном описании изображаются относительно равноправные, законченные действия или факты в виде сменяющихся частей, что придает высказыванию перечислительный характер. Описание такого типа имеет обозначенное начало и конец. Вот как пользуется динамическим событийным описанием Ф. Н. Плевако в защитительной речи по делу Люторических крестьян: «Родилась необходимость вечно одолажаться у помещика землей для обработки, вечно искать у него заработка, ссужаться семенами для обсеменения полей. Постоянные долги благодаря приемам управления росли и затягивали крестьян: кредитор властвовал над должником и закабалял его работой на себя, работой за неплатеж из года в год накопившейся неустойки».

В этом положении, где кредитор властвовал, а должник задыхался, уже не было и помину о добровольном соглашении. Чудовищные контракты и решения доказывают, что управление не соглашалось, а предписывало условие; вечно кабальные мужики тоже не соглашались, а молча надевали петлю, чем и завершались и вступали в силу свободные гражданские сделки крестьян с их бывшим владельцем» [30, 545]. В этом отрывке дается динамическое описание события, причем основную роль играют здесь глаголы, которые выражают равноправные законченные действия и выступают в тесной связи с различными существительными, обозначающими субъекты, объекты, абстрактные понятия, процессы: родилась необходимость искать заработка, ссужаться семенами, долги росли и затягивали крестьян, кредитор властвовал, закабалял его, должник задыхался, предписывало условие, вступали в силу сделки и т. д. Это описание имеет общую идею, единый содержательный стержень (положение крестьян), и в то же время оно раскрывает эту идею в двух аспектах (кредиторы помещики – должники крестьяне).

Описание может быть развернутым, подробным и сжатым, кратким; объективированным, например описание опыта в академической речи или места преступления в судебной речи, и субъективированным, в котором оратор выражает к объекту свое отношение, например описание ситуации в политической речи. Чаще всего, конечно, оратор не скрывает своего отношения к объекту, давая ему скрытую или явную оценку. Приведем пример из той же речи Плевако Н. Ф. по делу Люторических крестьян: «Я прошу, вас перелистать предъявленный документ. Иски неустоек по 30 процентов, по 50 процентов, по 100 процентов за долг мелькают перед глазами. Неустойки в 300 и 500 рублей – целыми десятками. А прочтите договор: полная неустойка за неуплату малой доли долга. Прочтите дело № 143 за 1870 год – ищут долг и неустойку, крестьяне несут деньги судье. Деньги приняты, получены, а на неустойку в 50 процентов все-таки взят исполнительный лист. Прочтите дело № 158 – ужасный, отвратительный договор: в случае просрочки – изба, корова, лошадь и все, что сыщется в избе, поступает в неустойку. Присуждаются иски по удостоверениям волостного правления. Присуждено по удостоверению, данному волостным правлением!» [30, 546]. В этом фрагменте дается развернутое описание объективных фактов. Однако оно отражает точку зрения

оратора, дающего отрицательную оценку указанным фактам (ужасный, отвратительный договор), а также включает в себе призыв к действию (прошу перечислить, прочтите). Следует отметить и стремительность смены перечисляемых объектов, которая усиливается словом «мелькают». В описании широко используются вводные слова и вводные предложения (субъективная модальность); модальные слова, изъявительное наклонение (единый временной план), однородные компоненты (в том числе предложения, выражающие суждения) и т. д. Следовательно, данное описание является динамическим.

Рассуждение (или размышление) – это тип речи, в котором исследуются предметы или явления, раскрываются их внутренние признаки, доказываются определенные положения. Рассуждение характеризуется особыми логическими отношениями между входящими в его состав суждениями, которые образуют умозаключения или цепь умозаключений на какую-либо тему, изложенных в логически последовательной форме. Этот тип речи имеет специфическую языковую структуру, зависящую от логической основы рассуждения и от смысла высказывания, и характеризуется причинно-следственными отношениями. Он связан с передачей содержательно-концептуальной информации. Примером может служить фрагмент из речи о морской обороне, произнесенной П. А. Столыпиным в Государственной думе 24 мая 1908 года: «Господа! Область правительственной власти есть область действий. Когда полководец на поле сражения видит, что бой проигран, он должен сосредоточиться на том, чтобы собрать свои расстроенные силы, объединить их в одно целое. Точно так же и правительство после катастрофы находится несколько в ином положении, чем общество и общественное представительство...». Оно (правительство. – Я. К.) должно объединить свои силы и стараться восстановить разрушение. Для этого, конечно, нужен план, нужна объединенная деятельность всех государственных органов. На этот путь и встало настоящее правительство с первых дней, когда была вручена ему власть» [28, 150].

В «Логическом словаре» Н. И. Кондакова (М., 1971. С. 449) дается следующее определение: «Рассуждение – цепь умозаключений на какую-нибудь тему, изложенных в логически последовательной форме. Рассуждением называется и ряд суждений, относящихся к какому-либо вопросу, которые идут одно за другим таким образом, что из предшествующих суждений необходимо вытекают или следуют другие, а в результате получается ответ на поставленный вопрос». При рассуждении говорящий приходит к новому суждению.

Рассуждения позволяют вовлекать в процесс речи слушателей, что приводит к активизации их внимания, вызывая интерес к тому, о чем сообщается.

Приведем пример из речи Г. А. Александрова по делу Засулич: «Вступить за идею нравственной чести и достоинства политического осужденного, провозгласить эту идею достаточно громко и призвать к ее признанию и уверению, – вот те побуждения, которые руководили Засулич, и мысль о преступлении, которое было бы поставлено в связь с наказанием Боголюбова, казалось, может дать удовлетворение всем этим побуждениям. Засулич решила искать суда над ее собственным преступлением, чтобы поднять и вызвать обсуждение забытого случая о наказании Боголюбова.

Когда я совершу преступление, думала Засулич, тогда замолкнувший вопрос о наказании Боголюбова восстанет; мое преступление вызовет гласный процесс, и Россия в лице своих представителей будет поставлена в необходимость произнести приговор не обо мне одной, а произнести его, по важности случая, в виду Европы, той Европы, которая до сих пор любит называть нас варварским государством, в котором атрибутом правительства служит кнут.

Этими обсуждениями и определились намерения Засулич. Совершенно достоверно поэтому представляется то объяснение Засулич, которое, притом же дано было ею при самом первоначальном ее допросе и было затем неизменно поддерживаемо, что для нее было безразлично: будет ли последствием произведенного ею выстрела смерть или только нанесение раны. Прибавлю от себя, что для ее целей было бы одинаково и то, если б выстрел, очевидно, направленный в известное лицо, и совсем не произвел никакого вредного действия, если б последовала осечка или промах. Не жизнь, не физические страдания генерал-адъютанта Трепова нужны были для Засулич, а появление ее самой на скамье подсудимых, вместе с нею появление вопроса о случае с Боголюбовым» [30, 38–39]. Главное в рассуждении – объект мысли. В этом отрывке объект мысли – причина выстрела В. Засулич. Оратор высказывает

свою точку зрения на событие, затем воспроизводит рассуждения В. Засулич, опираясь на ее объяснение при первоначальном допросе. Он как бы реконструирует размышление В. Засулич, мотивируя затем ее поступок. Г. А. Александров пользуется в этой речи «эффектом присутствия», который состоит в том, что оратор как бы перевоплощается в субъект своей речи, рассказывая о событиях, свидетелем или участником которых он якобы являлся, о деталях, которые он якобы видел, о мыслях, которые он знает, вовлекая тем самым слушателей в речь, в данном случае в размышление В. Засулич, заставляя их «присутствовать» при этом размышлений и сопереживать. Этот прием универсален и может иметь место в других типах речи.

В рассуждении для связи отдельных частей используются предлоги, союзы, наречия, различного типа устойчивые сочетания: поэтому, потому что, далее, во-первых, во-вторых, следовательно, вследствие, остановимся на, отметим следующее, перейдем к следующему и т. д.

Можно выделить собственно рассуждение – цепь умозаключений на какую-либо тему, изложенных в логически последовательной форме, его цель – выведение нового знания (чаще всего вначале идет комментирующая часть, затем ключевая, или основная, часть); доказательство, цель которого обоснование истинности или ложности высказанных положений (ключевая часть обычно предшествует комментирующей); объяснение, цель которого – раскрытие, конкретизация изложенного содержания, установление достоверности суждений относительно какого-либо неясного дела (как правило, вначале также идет ключевая часть, затем комментирующая). Приведем пример собственно рассуждения из слова В. С. Соловьева, сказанного на могиле Ф. М. Достоевского; «Все мы сошлись здесь ради общей нашей любви к Достоевскому. Но если Достоевский всем нам так дорог, значит, все мы любим то, что он сам более всего любил, что ему было всего дороже; значит, мы верим в то, во что он верил и что проповедовал. А то зачем бы и приходить нам сюда чествовать его кончину, если бы нам было чуждо то, ради чего он жил и действовал? А любил Достоевский прежде всего живую человеческую душу во всем и везде, и верил он, что все мы – род Божий, верил в бесконечную божественную силу человеческой души, торжествующую над всяким внешним насилием и над всяким внутренним падением»[27, 226]. Начинается это рассуждение комментирующей частью: раскрываются причины, которые привели всех на могилу; затем идет основная (ключевая) часть: каким был Достоевский, во что он верил, и, следовательно, что побудило прийти с ним проститься.

Частным случаем рассуждения являются общие места – отвлеченные рассуждения, навеянные темой речи, не закрепленные за определенной ситуацией, которые усиливают аргументацию основного изложения, используются для эмоционального усиления доводов и положений. Это рассуждения на общие темы, например, о честности и порядочности, справедливости и гуманности, об отношении к людям и т. д. Удачно выбранная общая мысль служит одним из основных элементов композиции и опорой для конкретного материала; связь общих мест с конкретным материалом повышает содержательную направленность речи. Таким образом, общие места есть вид рассуждения.

Например, в речи адвоката по делу Лесиной, обвиняемой в соучастии в хищении, встречается такое общее место о работе суда: «Работу суда часто называют творческой. И называют правильно, ибо суду предъявляются особые, очень высокие и очень сложные требования. Творчески работать – значит не скользить по поверхности жизненных явлений, а проникать в самую сердцевину этих явлений, уметь находить хотя и скрытый, но единственно верный их смысл. Творчески работать – значит осторожно, вдумчиво, остерегаясь ошибок и поспешных выводов, восстанавливать действительный, наделенный всем жизненным своеобразием облик подсудимого. Некоторые ошибочно полагают, что человековедение – монополия литературы. Человековедение – важнейшая для суда наука, которой никто не учит и которой всегда учатся; это – наука, которую суд постигает ежедневно, от дела к делу. И она поможет полнее и лучше понять Еву Михайловну Лесину» [12, 101].

Общее место может выступать в качестве довода, или аргумента, для доказательства тезиса. Такую роль, например, играют три общих места в начале речи В. С. Соловьева, сказанной им на Высших женских курсах 30 января 1881 г. по поводу смерти Ф. М. Достоевского:

«В Достоевском русском обществе потеряло не поэта или писателя только, а своего духовного вождя.

Пока совершается исторический процесс развития общества, неизбежно проявляется зло, для борьбы с которым существует двоякого рода власть: мирская и духовная. Мирская ограничивает злое начало злом же, борется с ним карами и насилием, осуществляя только некоторый внешний порядок в обществе. Вторая власть, духовная, не признавая этот внешний порядок за выражение безусловной правды, стремится к осуществлению этой последней посредством внутренней духовной силы, так чтобы зло являлось не ограниченным только внешним порядком, а вполне побежденным началом добра. И как высшая мирская власть так или иначе сосредоточивается в одном лице – представителе государства, точно так же и высшая духовная власть в каждую эпоху обыкновенно принадлежит во всем народе одному лицу, которое яснее всех стремится к ним, сильнее всех действует на других своею проповедью. Таким духовным вождем русского народа в последнее время был Достоевский.

Пока фактическое положение общества основано на неправде и зле, пока добро и правда только стремятся найти себе осуществление, положение подобных людей не есть положение царей, обладающих своей державой, а положение пророков, часто непризнаваемых. Их жизнь есть борьба и страдание. Такова была и жизнь Достоевского<...> Достоевский вступил на литературное поприще с повестью «Бедные люди»<...> [27, 223–224]. В первом общем месте проводится мысль о мирской и духовной власти в период исторических событий и на основе этого делается вывод о том, что духовным вождем русского народа в последнее время был Достоевский.

Второе общее место – рассуждение о добре, зле и положении пророков, жизнь которых – борьба и страдание. В конце – вывод: такова была и жизнь Достоевского.

Третье общее место (здесь оно не цитируется) посвящено развитию мысли о пророках, которые чувствуют неправду и отдают свою жизнь борьбе против нее, возвышаясь над уровнем материальной жизни. Текст речи сопровождается анализом жизни, судьбы и философского направления творчества писателя.

Предваряя этот анализ, общие места задают направление речи оратора, являясь ее композиционной частью.

Общие места могут выступать в качестве итогового вывода, следуя за конкретной аналитической частью речи.

Функционально-смысловые типы нередко выступают в контаминированном виде, что приводит к появлению новых смысловых оттенков и образованию смешанных типов ораторской речи. Например, в судебной речи повествовательного типа при сохранении значения и функции повествования могут появляться смысловые оттенки описания или причинно-следственные значения рассуждения. Приведем пример такой контаминации из защитительной речи В. Д. Спасовича по делу Дементьева (отказ исполнить приказание поручика и оскорбление последнего): «На улице Малой Дворянской есть большой дом, занимаемый внизу простонародьем; бельэтаж занимает Данилова и другие жильцы, затем в мезонине живет Дементьев с женой и дочерью. У Даниловой есть собака, большая и злая. Из приговора мирового судьи видно, что она бросалась на детей и пугала их. 5 апреля настоящего года эта собака ужаснейшим образом испугала малолетнюю дочь Дементьева, которую отец страстно любит, ради которой он променял свою свободу на военную дисциплину. Девочка шла с лестницы по поручению родителей; собака напала на нее, стала хватать, ее за пятки. Малолетка испугалась, закусила губу в кровь и с криком бросилась бежать. На крик дочери отец выбежал в чем был, в рубашке, в панталонах, в сапогах, не было только сюртука. Он простой человек, он нижний чин, ему часто случалось ходить таким образом и на дворе, и в лавочку. А тут рассуждать некогда, собака могла быть бешеная. Собаку втаскивают в квартиру, он идет за ней, входит в переднюю и заявляет: «Как вам не стыдно держать такую собаку»<...> Насчет неприличия существуют понятия весьма различные. К человеку своего круга относишься иначе, чем к человеку низшего круга. Дементьев, нижний чин, знал свое место в доме вдовы надворного советника и не пошел дальше передней. Данилова оскорбилась тем, что простой человек вошел в ее переднюю без сюртука<...> [30, 654]. В этом фрагменте наличествуют все функционально-смысловые типы речи.

Итак, функционально-смысловые типы речи в выступлении обычно чередуются, так или иначе сменяя друг друга, что создает особую композиционно-стилистическую динамику. Скажем, в академической лекции может преобладать рассуждение, в речи юридической большое место занимает описание и повествование.

Как мы видим, описание, повествование и размышление имеют конструктивно-стилистические и смысловые различия, которые обуславливают употребление этих типов в речи.

В функционально-смысловом отношении ораторская речь регламентирована и систематизирована; выбор того или иного функционально-смыслового типа зависит от объекта речи и цели высказывания.

Ораторская речь по природе своей полемична, поскольку она отражает противоречия современной жизни и коллизии общения. Понять организацию ораторской речи можно, исходя из учета позиций, которым она противостоит, путем сопоставления двух (или нескольких) речей или, различных мнений, иначе говоря – двух или нескольких планов, которые можно принять за тезис и антитезис (позитивный и негативный планы).

В ораторской речи прослеживаются сложная и планомерная организация противонаправленного смысла, черты экспрессии, аргументативной структуры, что приводит к определению ее как специально убеждающей. Таким образом, оратор строит свою речь как целостный противопоставленный смысловой план, организуя движение речи как сложную развернутую мысль, отталкиваясь от противоположного смысла.

Н. П. Карабчевский в защитительной речи по делу о крушении парохода «Владимир» прямо говорит о полемическом характере судебных речей: «Нормальный тип уголовного состязательного процесса – открытое состязание двух борющихся сторон, причем у обеих подняты забрала. Прокурор и потерпевший – одна сторона, подсудимый и защитник – другая. Один нападает и наносит удары, другой их отражает. Настоящий процесс представляет явление несколько иное. Борьба напоминает несколько толчею, как бы общую свалку разносторонних интересов, стремящуюся уклониться от общепринятых условий и правил откровенной борьбы. Здесь судьям, решающим исход борьбы, приходится смотреть в оба. Сразу даже не поймешь, кто на кого, со всем этим разобраться нужно» [30, 341].

Можно выделить два вида полемичности: 1) имплицитную (или скрытую, внутреннюю) и 2) эксплицитную (или открытую, внешнюю). Первый вид полемичности проявляется практически во всех речах, поскольку оратору приходится убеждать аудиторию в своей правоте, не называя возможных несогласных слушателей или оппонентов, которые могут быть в данной аудитории или вне ее.

Эксплицитная полемичность связана с открытой защитой своих взглядов и опровержением оппонентов. Об ирреальном оппоненте можно говорить тогда, когда оратор, стремясь высказать свои взгляды, опровергает существующие, борется с воображаемым противником. О реальном – если оппонент персонифицирован, назван, от его имени формулируются смыслы, подлежащие опровержению.

Поскольку эксплицитная полемичность направлена на определенное, реальное лицо, может возникнуть полемика между оратором и этим лицом, если последнее публично выступает в защиту своих взглядов. Полемика – это двустороннее (многостороннее) публичное общение ораторов, свободный обмен мнениями, спор в процессе обсуждения какого-либо вопроса на собрании, конференции и т. п., а также в печати в целях наилучшего решения рассматриваемых проблем.

Полемическая форма речи предполагает тщательный анализ исходного фактического материала, статистических данных, научных проблем, мнений различных людей и т. д., основанную на этом строгую аргументацию, а также эмоциональное воздействие на слушателя, необходимые в процессе убеждения.

Приведем в качестве примера такого анализа фрагмент речи в защиту Л. М. Гулак-Артемовской (обвинение в подлоге векселей): «Если бы меня спросили, какого я мнения об этом человеке, я сказал бы, что держусь правила судить человека по развитию его социальных инстинктов, которых, судя по отзывам братьев и Полевого, Пастухов вовсе не обнаруживал. Да и доказана ли сама игра в дурачки?»

Прокурор говорит в своей речи: «Мы вам их докажем, – у нас есть книги и цифры». Защища в первый раз видит прокурора, который грозит обвинением, а не предъявляет его; но она не боится угроз и пойдет навстречу обвинению<...>.

Прокурор говорит, что подписи на векселях не сходны с подлинными подписями Пастухова, следовательно, векселя подложны. Как юрист, я должен сказать, что это «следовательно» несколько преждевременно» [30, 303–305].

Ораторы пользуются всеми возможными средствами из богатого полемического арсенала: намеки, ирония, сарказм, многозначительные умолчания, категоричность оценочных суждений, антитеза, сравнения, ремарки, рельефность, «картинность» речи, пословицы, поговорки и другие классические ораторские приемы, связанные с речевым контрпланом. Убедительность полемического выступления во многом зависит от тех аргументов, с помощью которых обосновывается истинность основной идеи, а также от степени использования в качестве доказательства фактов и положений, не требующих обоснования, сделанных ранее обобщений, точных цитат и высказываний.

Благодаря полемичности усиливается аналитическая сторона речи, ее информативная значимость и проявляется комментаторская позиция оратора. Полемический характер выступления связан с рядом обстоятельств: в аудиториях всегда находятся люди, которые имеют противоположную точку зрения или скептически относятся к идеям автора, и этих людей следует убедить; истины, выраженные в такой форме, легче усваиваются аудиторией, активизируют у слушателей мыслительные процессы; данная форма позволяет сопоставить и оценить различные теории и тем самым проверить подлинность суждения.

Остановимся на кратком анализе диспута А. В. Луначарского с митрополитом А. И. Введенским 21 сентября 1925 года [22, 290 – 319]. Доклад А. В. Луначарского – первый и основной, что во многом определило его структуру. Она подчинена доказательству главного тезиса: «В этом моем недлинном предварительном докладе я хочу остановиться на одной центральной идее<...> существует ли только один опытный мир, в котором мы живем<...>, или же рядом с ним существует еще какой-то сверхчувственный, незримый мир, который мы должны принимать в расчет<...>» (с. 290). Данный тезис доказывается на всем протяжении речи, в которой в основном проявляется имплицитная полемичность, поскольку оратор доказывает свою точку зрения, лишь предполагая точку зрения оппонента и обращаясь к нему в выступлении всего три раза: в первом случае он выражает уверенность, в двух следующих делает предположение.

(1) «В нормальном опыте нормального человека решительно ничто не говорит за существование помимо реального мира еще какого-то второго – «того света»<...> Между тем, и оппонент мой, конечно, не будет этого отрицать, грань эта беспрестанно проводится, и в этом-то и заключается особенность всякого рода мистических или идеалистических представлений» (с. 290).

(2) «Мой оппонент в своей речи почти наверное будет говорить весьма высокие слова о том, какая прекрасная вещь бессмертие, вечность, полет к богу, стремление к абсолютизму<...>» (с. 298).

(3) «Мой оппонент, может быть, будет также ссылаться на многочисленных ученых людей, которым ученость не мешает надеяться на господу бога и на пути его, но такое возражение я заранее отвожу и заявляю, что ученые не всегда являются законченными учеными» (с. 298).

В первом случае (1) можно говорить о приеме полемической уверенности, во втором и третьем (2, 3) – о приеме полемической предположительности (прогнозирование тезисов оппонента).

В ответном слове А. И. Введенского больше, чем в речи А. В. Луначарского, проявляется эксплицитная полемичность, поскольку оратор не только излагает свою точку зрения (что сделал в своей речи А. В. Луначарский), но и защищает свои позиции, о чем свидетельствует уже начало речи: «Маленькая техническая справка. Я получил ряд записок вчера и сегодня относительно того, почему я не возразил на то, что вчера в заключительном слове сказал Анатолий Васильевич. Дело в том, что настоящий диспут, насколько мне известно, устраиваемый Ленинградским Политпросветом, от которого я и получил приглашение здесь выступить».

пить, – этот диспут организован как доклад Анатолия Васильевича Луначарского, оппонентом, которого и являюсь, и, как оппонент, я не имею слова после слова (заключительного. – Я. К.) докладчика. Вот почему я не возражал Анатолию Васильевичу вчера. Это не значило, конечно, что мне нечего было возразить ему вчера, но это, мне кажется, несмотря на многочисленные просьбы, обращенные ко мне, не обязывает меня сегодня возвращаться к вчерашнему дню<...> Я не возвращаюсь к вчерашнему дню – пусть никто не рассердится, – потому что вчера я ведь не получил и достаточного материала для возражения» (с. 299).

В этой речи в полной мере проявляются черты полемичности: «я» полемическое (проявление эгоцентризма), опровержение тезисов оппонента путем логических доказательств, оперирование фактами, ссылки на исследования, парирования, аналогии, повторы, сравнения, подчеркивание этических форм полемики (например, обращение к оппоненту «уважаемый»; «уважаемый Анатолий Васильевич») и т. д.

Приведем несколько примеров.

1. Парирование, позволяющее отметить неэтичное поведение оппонента: «Анатолию Васильевичу захотелось в шутовском тоне дать мне несколько сравнений – от апостола Петра, ниже которого я оказался, до верблюда, с которым я вполне был адекватизирован. Но, граждане, мне представляется, что такая зоологическая острота так же мало меня задевает, как украшает того, кто ее употребляет (Аплудисменты). Вот почему я считаю, что вчерашнее заключительное слово Анатолия Васильевича, это возражение<...> обязывает меня к серьезно-му же, насколько могу, – я ведь человек пропащий, ношу рясу, – ответу» (с. 299–300). Здесь же можно отметить и прием самоуничижения – намеренного унижения, принижения, умаления самого себя.

2. Приведение фактов, которые сознательно игнорирует оппонент в целях «чистоты» своих доказательств: «Наука, ученые признают бога. Факт этот представляется в высокой степени все же неприятным для атеиста, потому что выдающиеся представители науки до сих пор открыто говорят о своем исповедовании бога. Ведь в наши дни Пастер сказал, что, работая в своей лаборатории, он молится, потому что по мере накопления его ученого опыта у него вера растет<...>. Тот же Планк, который был здесь, на празднике академии, в некоторых своих работах по физике совершенно определенно говорит, что современное развитие физики не только не должно устранить духовное миропонимание, а, наоборот, укрепить духовное миропонимание. Эти факты остаются фактами – упрямыми и неприятными для атеиста, и, следовательно, их надо отвести – и делается привычный отвод: да ведь это ученые-то буржуазные» (с. 300–301).

3. Умаление фактологического анализа оппонента: «Граждане, происхождение религии значительно глубже, чем это иногда кажется атеисту. Мне представляется, что антирелигиозная пропаганда потому у нас, в Советском Союзе, так слаба (это не парадокс, я докажу), что антирелигиозник борется (я говорю о рядовом антирелигиознике и о рядовой антирелигиозной литературе) не с религией по ее существу, не с религией в ее глубине. Из моря религии берут воду черпалами, измеряют море религии лотами своей сообразительности. И выходит, что море мелкое, дно близко. На самом же деле океан религии беспредель, и до дна его атеист не достал, потому что его мерило, его черпало, его лот имеет слишком¹ короткую ручку» (с. 302).

В заключительном слове А. В. Луначарский, естественно, заостряет, усиливает полемический тон, заканчивая речь таким рассуждением: «Товарищи, я очень доволен тем, что дискуссия не заканчивается сегодняшним нашим выступлением. Никогда никакая дискуссия, никакое возражение и контрвозражение не могут считаться окончательно убедительными. У каждого остается чувство, что противник возразил бы с трудом на новые пришедшие в голову слова, а кроме того, в памяти стирается живая аргументация, которую вы слышите в течение вечера. Поэтому очень хорошо, что наша дискуссия будет напечатана, проверенная обоими спорящими, что те, кто действительно глубоко заинтересовался поставленными вопросами и считает, что эта дискуссия проливает на них свет, могут спокойно с карандашом в руках прочесть те и другие аргументы и что каждый из нас в дальнейшем – в тех книгах, которые мы будем готовить, – сможет остановиться на позициях, занятых противником» (с. 318–319).

Полемичность присуща, таким образом, любому функционально-смысловому типу речи, поскольку связана с убеждением.

Контрольные вопросы

1. Какие смысловые типы речи вы знаете?
2. Что такое повествование и каковы его характерные особенности?
3. Каким образом можно придать динамику повествованию?
4. Что такое описание и каковы его характерные особенности?
5. Назовите известные вам типы описания.
6. Что такое рассуждение (размышление) и каковы его характерные особенности?
7. Что такое общие места в рассуждении?
8. Что такое полемичность речи и каковы ее виды? Каковы характерные особенности полемической речи?

§ 13. Структура ораторской речи

Целостность ораторской речи заключается в единстве ее темы – главной мысли выступления, основной проблемы, поставленной в нем, – и смысловых частей разной структуры и протяженности. Речь воздействует лишь в том случае, если имеются четкие смысловые связи, которые отражают последовательность в изложении мысли. Путаное, непоследовательное высказывание не достигает цели, не вызывает у слушателей запланированной оратором реакции. В лучшем случае они остаются равнодушными, в худшем – не понимают, о чем идет речь.

Когда оратор начинает говорить, мы, слушатели, как бы стенографируем и комментируем его слова: начинает говорить... сообщает, о чем будет говорить... делает оговорку... переходит к основной теме... делает отступление... повторяет... дискутирует... опровергает мнение ученого... не соглашается... подчеркивает... повторяет... добавляет... перечисляет... отвечает на вопросы... делает выводы. Этот комментарий строго отражает связь оратора с аудиторией, а прежде всего, последовательность расположения материала, композицию речи.

Что же такое композиция речи? Это закономерное, мотивированное содержанием и замыслом расположение всех частей выступления и целесообразное их соотношение, система организации материала.

В композиции можно выделить пять частей: зачин речи, вступление, основная часть (содержание), заключение, концовка речи. Это, так сказать, классическая схема. Она может быть и свернутой, если отсутствует какая-либо из частей, кроме, разумеется, основной (ведь без содержания нет и речи).

Вступление оратора должно захватывать слушателей с первых же слов. Нередко это достигается искусным построением зачина – самого начала речи. Чаще всего он содержит этикетные формулы, но не только. Следует иметь в виду, что, во-первых, особенности зачина могут определяться как самой темой выступления, так и аудиторией; во-вторых, интересный зачин привлекает внимание аудитории; в-третьих, зачин может указывать, в каком ключе будет произнесена речь.

Насколько важен зачин в речи, могут нам подтвердить конспекты лекций по политической экономии Г. В. Плеханова. Он прочитал их в Берне в январе–феврале 1887 г. Зачин первой лекции написан Г. В. Плехановым полностью, в то время как содержание всех трех лекций изложено конспективно: «Многоуважаемые слушатели и слушательницы. Вы сделали мне лестное для меня предложение читать Вам лекции по политической экономии. К сожалению, различные работы отнимали у меня до сих пор все время, так что лишь теперь, покончивши с ними, я смогу исполнить Ваше желание» [18, 174]. Для сравнения можно привести фрагмент конспекта лекции Г. В. Плеханова, прочитанной 3 января 1887 года: «Номинальная и реальная заработная плата. Ее возможное движение. Пример из английской истории. Различие между номинальной заработной платой и ценой труда в зависимости от продолжительности рабочего дня или, иначе, от количества труда, воплощенного работником в про-

дукте» [18, 177]. Эти фрагменты отличаются друг от друга степенью развернутости. Ясный, точный зачин создает четкое представление об отношении оратора к аудитории, направлении и теме выступления. Оратор даже делает комплимент аудитории, говоря о лестном предложении, о желании слушателей. Эта комплиментарность речи, конечно, располагает их к выступающему. Видный теоретик и практик ораторского искусства А. Ф. Кони полагал: чтобы выступление имело успех, следует завоевать и удержать внимание аудитории, первый, самый ответственный момент в речи – привлечь слушателей. Внимание всех вообще (ребенка, невежды, интеллигента и даже ученого), отмечал он, возбуждается простым, интересным, интригующим и близким к тому, что, наверное, переживал или испытывал каждый. Значит, первые слова оратора должны быть чрезвычайно просты, доступны, понятны и интересны. Должны привлечь, зацепить внимание. Этих зацепляющих «крючков»-зачинов, по мнению А. Ф. Кони, может быть очень много. Что-нибудь из жизни, что-нибудь неожиданное, какой-нибудь парадокс, какая-нибудь странность, как будто не идущая ни к месту, ни к делу, но на самом деле связанная со всей речью и т. п. Вот эти слова А. Ф. Кони свидетельствуют о важности начала речи.

Конечно, зачин должен быть функционально обусловлен и тематически мотивирован. Если оратор, говоря о римском императоре Калигуле, начнет с того, что Калигула был сыном Германика и Агриппины, что он родился тогда-то, расскажет, как он воспитывался и где жил, то такое начало речи не вызовет никакой эмоциональной реакции. В этих сведениях нет ничего необычного. Но излагать этот материал все равно придется. Однако это следует делать не сразу, а когда привлечено внимание слушателей, когда из рассеянного оно станет сосредоточенным. И вот А. Ф. Кони предлагает такое начало: «В детстве я любил читать сказки. Из всех сказок на меня особенно сильно влияла одна (пауза) сказка о людоеде, пожирателе детей. Мне, маленькому, было крайне жалко тех ребят, которых великан-людоед резал, как поросят, огромным ножом и бросал в большой дымящийся котел. Я боялся этого людоеда и, когда темнело в комнате, думал, как бы не попасться к нему на обед. Когда же я вырос и кое-что узнал, то...» Далее следуют переходные слова (очень важные) к Калигуле и затем речь по существу. «Скажут: причем тут людоед? А при том, что людоед в сказке и Калигула – в жизни – братья по жестокости» [14, 112].

Следующая часть композиции – вступление. Оно содержательно, насыщено, психологически подготавливает слушателей к существу речи и вводит в процесс его восприятия. Вступление содержит несколько аспектов: психологический – закрепление контакта, внимания и интереса, которые были вызваны зачином, создание необходимого настроения; содержательный – описание целевой установки речи, сообщение темы, перечисление и краткое описание проблем, рассматриваемых в основной части (аннотирование); концептуальный – указание на специфику темы, определение ее актуальности и общественной значимости.

Ораторы уделяют большое внимание вступлению. Так, Г. В. Плеханов в конспектах лекций по политической экономии вступление пишет полностью, а не кратко. Например, в лекции I читаем: «Прежде чем я перейду к изложению и выяснению экономических явлений и законов, я считаю необходимым, в кратком введении, рассмотреть с Вами три следующих вопроса:

- 1) Что такое политическая экономия?
- 2) Какое место занимает она в ряду других общественных наук?
- 3) В какое отношение лица, изучающие эту науку, должны стать к выдвигаемым ею практическим задачам?» [18, 175].

Во вступлении к лекции для аспирантов Пушкинского дома 4 февраля 1933 года А. В. Луначарский прямо говорит о плане своего выступления: «Мою сегодняшнюю с вами беседу я строю таким образом: некоторые общие выводы методологии истории литературы – с каких точек зрения мы ее изучаем, для каких целей и т. д.; затем в связи с этим некоторые общие абрисы того специального предмета, на котором мы остановились, то есть английской и германской литератур» [19, 119].

Вступление помогает перейти к главной части, в которой излагается основной материал. Оратор пользуется здесь фактами, логическими доказательствами, аргументацией, различными теоретическими положениями, основными логическими формами аргументации, анализи-

рует примеры, спорит с предполагаемыми оппонентами и т. д. Это основная часть, и ее следует обрабатывать наиболее тщательно.

«Конец – всему делу венец» – гласит народная мудрость. И действительно, в заключении речи могут, во-первых, подводиться итоги всему сказанному, суммироваться, обобщаться те мысли, которые высказывались в основной части речи; во-вторых, кратко повторяться основные тезисы выступления или связываться воедино его отдельные части, еще раз подчеркиваться главная мысль выступления и важность для слушателей разобранной темы; в-третьих, могут намечаться пути развития идей, высказанных оратором; в-четвертых, на основе всей речи могут ставиться перед аудиторией какие-либо задачи; в-пятых, закрепляться и усиливаться впечатления, произведенные содержанием речи.

Что же касается концовки, то она может содержать этикетные формулы, формулы призыва, пожелания, сообщение о чем-либо, не имеющее непосредственного отношения к содержанию речи, и т. д. Нередко заключение и концовка тесно связаны между собой и составляют единое целое. Объемы заключения и концовки во многом зависят от темы, материала, времени, слушателей, вида и рода выступления и т. д. Вузовская лекция, митинговая речь, политическая речь, агитаторская речь заканчиваются по-разному. Например, вузовская лекция как жанр характеризуется господством интеллектуально-логических элементов, в речи же митинговой большой удельный вес эмоциональных элементов. В первом случае лектор делает логические выводы из сказанного, во втором – обращается к слушателям с эмоциональным призывом. Это не значит, конечно, что данная схема пригодна для всех выступлений, поскольку характер конца речи зависит от ее цели: воздействовать на сферу интеллектуального или эмоционального у слушателей. Следует помнить, что эти сферы перекрещиваются, что обусловлено особенностями человеческого восприятия. Обработка информации в человеческом мозгу в процессе мышления осуществляется как взаимодействие двух программ: интеллектуальной и эмоциональной.

А. Ф. Кони, разбирая речь о жизненном пути Ломоносова, писал: «Конец речи должен закруглить ее, то есть связать с началом. Например, в речи о Ломоносове можно сказать: «Итак, мы видели Ломоносова мальчиком, рыбаком и академиком. Где причина такой чудесной судьбы? Причина – только в жажде знаний, в богатырском труде и умноженном таланте, отпущенном ему природой. Все это вознесло бедного сына рыбака и прославило его имя» [14, 114]. И еще: «Конец – разрешение всей речи (как в музыке последний аккорд – разрешение предыдущего; кто имеет музыкальное чутье, тот всегда может сказать, не зная пьесы, судя только по аккорду/ что пьеса кончилась); конец должен быть таким, чтобы слушатели почувствовали (не только в тоне лектора это обязательно), что дальше говорить нечего» [14, 114].

Композиция выступления – дело творческое и меньше всего поддается стандартизации. Однако, работая над композицией, следует помнить, что ораторская речь должна обладать рядом несомненных достоинств, среди которых, с одной стороны, строгая последовательность изложения, связанность, соподчиненность, согласованность всех ее частей, с другой – индивидуальность и глубина мысли.

Все части ораторской речи переплетены и взаимосвязаны. Объединение всех частей речи в целях достижения ее целостности называется интеграцией. Необратимость речи определяет многое в ее построении. Ведь трудно удерживать в оперативной памяти все выступление целиком. Это и диктует принципиально иное его построение по сравнению с письменной речью. Связанность ораторской речи обеспечивается когезией, ретроспекцией и проспекцией.

Когезия – это особые виды сцепления, связи, обеспечивающие последовательность и взаимозависимость отдельных частей ораторской речи, которые позволяют глубже проникнуть в ее содержание, понять и запомнить отдельные ее фрагменты, расположенные на некотором (и даже значительном) расстоянии друг от друга, но в той или иной степени связанные между собой. Этот тип связи может выражаться различными повторами, словами, обозначающими временные, пространственные и причинно-следственные отношения: таким образом, итак, во-первых, во-вторых, в-третьих, следующий вопрос, в настоящее время, совершенно очевидно, посмотрим далее, перейдем к следующему. Связующую роль выполняют и такие слова и словосочетания: принимая во внимание, с одной стороны, с другой стороны,

между тем, несмотря на это, как оказывается, по всей вероятности, как оказалось впоследствии.

Особый интерес представляет собой проявление разных видов сцепления в процессе взаимодействия оратора с аудиторией. Вот примеры из стенографического отчета о заседаниях IV Государственной думы (с 1912 г.). Специфика речей в Государственной думе заключалась в том, что они произносились «без бумажки», там запрещалось пользоваться в дискуссиях записями, заранее написанной речью. Читать речь позволялось докладчику и содокладчику. Выступавшие в прениях могли обращаться к записям в двух случаях: при цитировании и при использовании цифрового материала (цифры, естественно, трудно запомнить). Того, кто пользовался написанной речью в прениях, удаляли с трибуны. Стенограмма довольно точно передает атмосферу заседаний, стенографировались даже реплики из зала, отмечался шум зала и т. п.

Оратор, выступавший в Государственной думе, попадал в сложную обстановку: его поддерживали репликами из зала сторонники, ему возражали репликами противники, за поведением в зале и за направлением речи следил председатель, который мог прервать речь, разрешить ее продолжить или вообще лишить оратора слова. В этих сложных условиях оратор должен был реагировать на поведение слушателей и председателя. Председателю возражать не полагалось: он мог даже удалить с трибуны. В этой ситуации приобретало важное значение сцепление отдельных частей речи до и после ее перерыва, когда оратор вынужден был восстанавливать течение своей речи.

Ректроспекция – это форма речевого выражения, отсылающая слушателей к предшествующей содержательной информации. Оратор может сослаться на информацию, которая имеется помимо его выступлений (таким образом происходит связь данной речи с общим информационным контекстом), отсылать слушателей к информации, которая содержится в предыдущих его выступлениях или в данном выступлении, но изложена ранее (так осуществляется связь речи с предыдущими речами).

Приведем в качестве примера выступление И. П. Павлова на «среде» от 5 декабря 1934 г.: «Мы будем продолжать сегодня предмет беседы прошлой среды, так как он не был закончен<...>».

Прежде всего я передам вам поподробнее то, о чем я говорил бегло в прошлый раз.

Эта глава с описанием гештальтистской психологии Вудворсом. Она так и называется: «Понимание обучения согласно гештальтистской психологии». Обучение, понимание обучения – это есть основная тема<...>».

Помните, как я в прошлый раз уже излагал, – они обратили внимание на то, что мы улавливаем в коре явления в целом, если есть намек на существование каких-нибудь перерывов, то мы их заполняем от себя<...>». [23, 505–509].

Ретроспекция может выражаться словами и словосочетаниями различного типа: как мы знаем, как мы понимаем, как было сказано ранее, как я говорил об этом, это заставляет нас вспомнить, ранее мы уже говорили об этом, вспомним, вы слышали, вы видели, известно, мы имели случай сказать об этом, в прошлый раз я уже говорил об этом.

Пример из лекции Т. Н. Грановского: «Если обратимся назад, к древней истории, мы увидим, что она начинается на Востоке, в Азии, завершается на берегах Средиземного моря, около которого жили главные исторические народы древнего мира; Греция и Рим – вот два главных деятеля древней истории» [6, 5].

И, наконец, проспекция – это один из элементов речи, относящих содержательную информацию к тому, о чем будет говориться в последующих частях выступления. Проспекция дает возможность слушателю яснее представить себе связь и взаимообусловленность мыслей и идей, изложенных в речи. Вначале оратор может обещать слушателям дать некоторую информацию в данном выступлении, а также говорить и о своих будущих выступлениях или о выступлениях других ораторов. Это и будет проспекция. Вот как всемирно известный ученый, один из выдающихся теоретиков анархизма П. А. Кропоткин начал свою речь в Манчестере перед рабочими (1888 г.): «Друзья и товарищи! Взявши предметом нашей беседы справедливость и нравственность, я, конечно, не имел в виду прочесть вам нравственную проповедь. Моя цель – совершенно иная. Мне хотелось бы разобрать перед вами, как начинают по-

нимать теперь происхождение нравственных понятий в человечестве, их истинные основы, их постепенный рост, и указать, что может содействовать их дальнейшему развитию» [16, 260–261].

Как мы уже говорили, важным на начальном этапе воздействия является установление контакта со слушателями. Коммуникативный контакт дает возможность оказывать влияние на слушателей и помогает достичь необходимого эффекта. Ведь оратор имеет целью не только передать какое-либо содержание, но и побудить слушателей к некоторым решениям, воздействовать на их волю и чувства, убедить, призвать к определенным действиям.

Первым источником субъективности речи и ее контактности являются личные местоимения. Активным творцом речи становится «я», поскольку я выражаю свои эмоции, я побуждаю своих слушателей к каким-либо действиям, я задаю вопросы или отвечаю на них, я общаюсь что-либо. Местоимения первого и второго лица можно охарактеризовать как коммуникативные. «Я» означает отправителя речи, оратора и действительно только в его речи. «Вы» означает слушателей, к которым обращается оратор. «Мы» содержит ряд значений: собственно оратор (лекторское «мы»), оратор и слушатели, оратор и относящиеся к нему лица. В сочетании с предлогом «с» и творительным падежом других местоимений и существительных обозначает группу лиц во главе с оратором. Эффект речи зависит именно от того, как оратор выполняет одну из своих коммуникативных задач – преодолевает дистанцию между собой и слушателями. «Мы» чаще всего характеризуется как «мы совместное» в значении «я» и «вы». Оно и помогает создать и передать атмосферу взаимопонимания между оратором и аудиторией. Например: Смотря через те же розовые очки, мы с вами можем потерять способность критически мыслить, склониться к бессмысленному подражательству; Мы вступаем в век, в котором образование, знания, профессиональные навыки будут играть огромную роль в судьбе человека; Мы с вами должны понять огромную роль частного предпринимательства. «Мы совместное» создает эффект общения и личного контакта между оратором и аудиторией. С помощью такого приема оратор приглашает слушателей к совместному размышлению о каких-либо фактах, создаёт атмосферу непринужденного разговора.

В речи часто прибегают к использованию некоторых местоименных конкретизаторов, которые усиливают степень контактности: мы с вами, мы вместе, мы все, мы все слушатели, мы все вместе с вами, вместе с вами мы... Например: Мы все вместе (вместе с вами мы) должны подумать над той проблемой, о которой сегодня у нас с вами пойдет речь; Мы с вами хорошо знаем, как легко совершить ошибку, мы постоянно допускаем какие-то промахи и терпеливо их исправляем (из речи). Благодаря этим приемам устанавливается доверительный разговор между оратором и аудиторией, объединяется позиция оратора и слушателей, возникает их своеобразный диалог.

Другим средством контакта являются глагольные ф о р-м ы. Глагольная форма объединяет оратора со слушателями и выражает их совместное мнение. Например: Но вернемся к этой замечательной работе и посмотрим, что и как. Скажем прямо, эта работа и поставленные в ней проблемы имеют дискуссионный характер. Как видно из этого примера, глаголы в речи обозначают совместное действие, оратор как бы привлекает слушателей к участию в обсуждении фактов, мыслей. Глаголы могут иметь разное значение, например, квалифицируют направление высказывания: проясним, оговоримся, конкретизируем, поясним, будем открытвенны, попробуем понять, скажем прямо, отметим и т. п. Все эти глаголы несут коммуникативное содержание.

Средством установления контакта можно считать и некоторые вводные конструкции, содержащие обращения к слушателям: как вы понимаете, как вы догадываетесь, как видите, как вы знаете, как мы знаем, как вы убедились и др. Они являются своеобразным призывом к концептуальной солидаризации. С помощью вводных конструкций оратор подготавливает сообщение новой информации, сопоставляя ее с уже имеющейся.

Можно использовать и конструкции с изъяснительными придаточными, имеющими императивную окраску: ясно, что... известно, что... понятно, что... Они имеют добавочные оценочные оттенки.

Контактность речи создают также побудительные предложения, например: согласитесь, прочитайте, подумайте, возьмите, считайте, отметьте, запомните, проанализируйте, воз-

разите, решайте. Они обращены к слушателям, призывают их к определенным действиям. Таким образом и возникает контакт между оратором и слушателями.

Установлению контакта с аудиторией и привлечению внимания к информации служит вопросоответное единство. Оно создает ситуацию непосредственного общения со слушателями и придает сообщению непринужденный, разговорный характер. Оратор задает вопрос и сам отвечает на него. Вопросы слушателей он может прогнозировать. Например: А сколько дел нам с вами еще предстоит, какая захватывающая и бескомпромиссная борьба нас ожидает. С чем и с кем нам бороться? С обстоятельствами, мешающими перестраиваться нашей жизни, с людьми, воплощающими старые, отжившие представления о том, как должно развиваться наше общество (из речи); Что же заставляет человека сокращать свое имя до единственной буквы, прикрываясь безликой маской анонима? Ответ, мне кажется, один: боязнь поступка. Потому, что конкретное критическое слово, сказанное откровенно и прямо, с названием себя, – это уже поступок, это позиция (из речи).

В заключение вернемся к вопросу об этикетных речевых формулах, которые входят в зачин и концовку речи. Что же такое этикет ораторской речи? Это специфические устойчивые единицы общения, принятые в ораторской практике и необходимые для установления контакта с аудиторией, поддержания общения в избранной тональности, передачи другой информации. Помимо основной функции – поддержания контакта – указанные речевые формулы выполняют функцию вежливости, регулирующую функцию, благодаря которой устанавливается характер отношений между оратором и слушателями и восприятия речи, а также эмоционально-экспрессивную.

Например, для заседаний депутатов типичны такие этикетные формулы: уважаемые депутаты, народные депутаты, товарищи, товарищи депутаты, товарищи народные депутаты, коллеги; уважаемый Иван Иванович, председательствующий, председатель, президиум.

Речевой этикет используется в конкретной ситуации, т. е. при таком сочетании условий и обстоятельств, которые создают определенную обстановку, требующую оптимального стилистического оформления речи. Оратор обращается к формулам этикета речевого, учитывая ситуацию выступления, существуют формулы официальные (товарищи, товарищи судьи, граждане, дамы и господа, господа, коллеги) и неофициальные: нейтральные, констатирующие (разрешите на сегодня закончить, этим я заканчиваю свое приветствие вам, позвольте обратить ваше внимание, я позволю себе начать, позволю себе утверждать, позвольте сейчас же ответить на ваши вопросы) и эмоциональные (друзья, дорогие друзья, мне было очень приятно выступить перед вами, я хочу поблагодарить вас за внимание, благодарю вас).

Чаще всего в речевом этикете используется обращение. Распространены также приветствия аудитории, т. е. выражение дружеских чувств, дружеского расположения, доброжелательности. Следующая группа – формулы «прощания» и «благодарности за внимание». Выделяется также группа речевых клише, относящихся к знакомству. Оратор обязательно должен быть представлен или должен представиться сам. И в этом «ритуале» также проявляется контактность и вежливость. В ораторской речи используется высокая, нейтральная и эмоциональная тональность, так как благодаря ей устанавливается благоприятный контакт со слушателями.

Итак, композицию речи составляют различные смысловые блоки, содержательно связанные между собой. Поддерживают композицию средства интеграции, которые делают речь целостной, обозримой, и средства контакта и речевого этикета, которые также играют конструктивную роль в композиции и помогают установить контакт со слушателями.

Контрольные вопросы

1. Что такое композиция речи? Каковы ее части?
2. Что такое зачин речи? Чем определяются его особенности? Каковы его функции? Приведите примеры зачинов.
3. Что представляет собой вступление речи? Каковы его особенности и функции? Приведите примеры вступления из различных речей.
4. Что такое главная часть речи?
5. Как вы понимаете заключение речи?

6. Что представляет собой концовка речи? Каковы ее функции?
7. Что такое когезия? Что она обеспечивает?
8. Как вы понимаете ретроспекцию речи? Каковы ее функции? Приведите примеры ретроспекции.
9. Что такое проспекция? Зачем она нужна оратору?
10. Каковы средства контакта в ораторской речи?
11. Что такое этикетные речевые формулы? Какова их функция в ораторской речи?

§ 14. Подготовка речи и выступление

Нужна ли подготовка к публичному выступлению? Безусловно. Однако она может быть различной. Так, митинговая речь обычно бывает краткой – 5–10 минут или чуть больше, и она может быть произнесена после минимальной подготовки. А вот лекция уже требует подготовки основательной. Конечно, при этом учитываются и опыт оратора, и его знания, и умение общаться с аудиторией, и многое-многое другое.

В 1928 году вернулся из Сорренто в Москву М. Горький. Чествовали писателя в Большом театре: Речь о его творчестве должен был произнести А. В. Луначарский, который узнал об этом за сорок минут до начала торжества. На тщательную подготовку просто не было времени. И вот что интересно: речь, произнесенная по случаю приезда Горького, – один из самых блестящих образцов ораторского искусства Луначарского. В ней глубоко анализируется творчество писателя, она увлекательна по форме. Что это, импровизация? Когда коллеги, знавшие о внезапности выступления, спрашивали об этом Анатолия Васильевича, он отвечал, пожимая плечами: «Ну какая же импровизация? Ведь сколько я писал о Горьком еще до революции и, разумеется, продолжаю как критик заниматься его творчеством». Таким образом, к этому выступлению Луначарский, по его собственным словам, «готовился всю жизнь». Словом, импровизированная речь, как правило, строится на основе хорошо известного материала, знаний, опыта оратора. Иначе говоря, оратор мало готовится или совсем не готовится к ней накануне выступления, но имеет достаточные знания, а также опыт произнесения речей, чтобы ограничиться минимальной подготовкой или произнести ее «экспромтом».

Перед оратором стоит три взаимосвязанных вопроса: что сказать, где сказать и как сказать. Конечно, разработка речи начинается с уяснения темы выступления, ее основной идеи. Тема должна быть актуальной, интересной, конкретной, четко сформулированной, доступной. Не должна быть перегружена проблемами: двух– трех вопросов вполне достаточно.

Каковы же цели оратора? Основная цель – информировать слушателей, т. е. научить их, дать им определенные сведения, воздействовать на них, сформировать у них убеждения, представления, которые станут затем мотивами поведения людей, короче говоря – сформировать стереотип поведения.

Важный вопрос, который встает перед оратором, – оценка обстановки и состава слушателей. Неожиданная, непривычная атмосфера может вызвать у оратора дискомфортное ощущение. Поэтому он должен подготовить себя к ней заранее. Следует как можно обстоятельнее выяснить, в каких условиях состоится выступление, вплоть до таких, казалось бы, мелочей, как количество слушателей, наличие микрофона, трибуны, стола, размер и интерьер зала, время, отведенное оратору, соотношение данного выступления с другими. Чтобы выступать с микрофоном, нужны определенные навыки: с непривычки микрофон будет вас сковывать. Если зал небольшой и слушателей мало, то предпочтительнее выступать за столом. Таким образом вы создаете атмосферу непринужденности, как бы сливаетесь с аудиторией. Если же зал большой и слушателей много, то необходимо выступать с трибуны. Это позволит вам видеть всех, чувствовать реакцию зала. Вечером выступать сложнее, чем в первой половине дня: люди придут уже уставшие. Что же касается соотношения выступления с другими, то здесь наблюдается такая закономерность: каждое последующее, как правило, должно быть интереснее (возможно, значительнее, важнее и т. д.) предыдущего, т. е. иметь какое-либо отличие, оказывающее воздействие на аудиторию.

При подготовке речи необходимо представлять себе, как воспримут ее слушатели и что им будет непонятно. Оратор должен знать и учитывать состав аудитории. Существуют разные подходы к ее оценке. Приведем один из них. Можно оценивать аудиторию по параметрам. Прежде всего учитывается ее социально-профессиональный состав (рабочие, учителя, инженеры и т. п.) и культурно-образовательный уровень (начальное, среднее, высшее образование). Здесь, естественно, принимается во внимание степень подготовленности слушателей, их интеллектуальный потенциал, характер деятельности. Следует учитывать также возраст, пол, национальные особенности аудитории. Но самое главное – однородность или неоднородность ее по всем параметрам. Разумеется, тяжелее всего выступать перед неоднородной аудиторией. Практика показывает, что весьма сложная аудитория – молодежная. Ведь интеллектуальные и физические изменения, которые происходят в молодом возрасте, довольно противоречивы: с одной стороны, преобладает объективное отношение к действительности, положительные оценки людей, с другой – крайний субъективизм, отрицание всего сущего, болезненное самолюбование. Поэтому наиболее эффективны для молодежи эмоциональные речи. В то же время в выступлениях перед всеми возрастными группами требуется логическая убедительность, лаконичность и точность изложения. У взрослой аудитории на первом месте всегда логическое развитие мысли, аргументированность, доказательность изложения.

Эффективность речи возрастает, если она предназначена не аудитории вообще, а определенным группам людей, которые имеют свои интересы, цели. Поэтому следует прежде всего учитывать мотивы, которые побудили их прийти на выступление: интеллектуальные, моральные, эстетические. Чаще всего слушатели хотят получить какую-то новую информацию, иногда они приходят по обязанности, по приглашению, реже – чтобы доставить себе эстетическое удовольствие. Необходимо учитывать также настроение слушателей, их физическое состояние, отношение к теме выступления и оратору, их знакомство с данным вопросом.

Следующий этап – работа над теоретическим, фактическим материалом и составление самой речи, т. е. ее композиционно-стилистическое оформление. Текст речи может быть написан или «составлен в уме» на основе проработанных материалов, прошлых текстов или прошлого опыта. При подготовке выступления можно написать его полный текст, конспект, тезисы, развернутый план или краткий план. Это зависит от привычки выступающего, его опыта, знаний и т. д. Вот мнение известного судебного деятеля П. С. Пороховщикова (П. Сергеича) из книги «Искусство речи на суде». Он утверждал: «Мы не будем повторять старого спора: писать или не писать речи. Знайте, читатель, что, не исписав несколько сажен или аршин бумаги, вы не скажете сильной речи по сложному делу. Если только вы не гений, примите это за аксиому и готовьтесь к речи с пером в руке<...>».

Остерегайтесь импровизации.

Отдавшись вдохновению, вы можете упустить существенное и даже важнейшее.

Можете выставить неверное положение и дать козырь противнику. У вас не будет надлежащей уверенности в себе.

Лучшего не будет в нашей речи. Импровизаторы, говорит Квинтилиан, хотят казаться умными перед дураками, но вместо того оказываются дураками перед умными людьми.

Наконец, имейте в виду, что и крылатый конь может изменить.

Люди, знающие и требовательные, и в древности, и теперь утверждают, что речь судебного оратора должна быть написана от начала до конца. Спасович, Пассовер, Андреевский – это внушительные голоса, не говоря уже о Цицероне.

Но если это не всегда бывает возможно, то во всяком случае речь должна быть написана в виде подробного логического рассуждения; каждая отдельная часть этого рассуждения должна быть изложена в виде самостоятельного логического целого и эти части соединены между собой в общее неуязвимое целое. Вы должны достигнуть неуязвимости, иначе вы не исполнили своего долга» [26, 289–290].

Как видим, начав с категорического утверждения о необходимости писать полный текст речи, П. С. Пороховщиков заканчивает тем, что можно ограничиться «подробным логическим рассуждением», то есть чем-то вроде конспекта. Известно, что многие ораторы пишут именно конспекты, а не полный текст. Например, К. А. Тимирязев составлял сначала краткий

план, расширял его до подробного, затем на его основе писал конспект, который неоднократно переписывал, уточняя расположение материала и формулировки. Но есть и другие суждения по этому поводу. Так, известный судебный деятель А. Ф. Кони в статье «Приемы и задачи прокуратуры (Из воспоминаний судебного деятеля)» рассказывает, что речей своих он никогда не писал. Раза два пробовал набросать вступление, но убедился в бесплодности этого: судебное следствие дает такие житейские краски и так перемещает центр тяжести измерения, что даже несколько слов вступления «оказываются вовсе не той увертюрой, выражаясь музыкальным языком, с которой должна бы начинаться речь». И далее он продолжает: «Самую сущность речи я никогда не писал и даже не излагал, в виде конспекта, отмечая лишь для памяти отдельные мысли и соображения, приходившие мне в голову<...> и набрасывая схему речи, перед самым ее произнесением, отдельными словами или условными знаками<...>. Я всегда чувствовал, что заранее написанная речь должна стеснять оратора, связывать свободу распоряжения материалом и смущать мыслью, что что-то забыто или пропущено». Такое отношение к речи, то есть составление схемы, плана, позволяют себе только опытные, одаренные ораторы. Это зависит также от длительности речи, ее рода и вида.

Умело подобранный фактический и цифровой материал делает речь конкретной, предметной, доходчивой и убедительной. Факты выполняют две функции: иллюстрации положений речи и доказательства их правильности. Факты должны быть яркими, но не случайными, а типичными, отражающими суть явления. К ним предъявляются также требования актуальности и убедительности, практической направленности и значимости, достоверности и абсолютной точности, системности и связи с общей идеей речи, направленности на учет интересов и потребностей слушателей. При подготовке к выступлению необходимо работать с разными источниками.

Параллельно идет работа над стилем изложения и композиционно-логическим расположением частей речи. Каким же должен быть язык выступления? Конечно, грамотным с литературной точки зрения, эмоциональным; нарушение литературной нормы и ее сухость снижают действенность речи.

Яркую и содержательную характеристику стилю речи дал известный судебный деятель прошлого века К. Л. Луцкий. Хотя говорил он о судебном красноречии, его слова с полным правом можно отнести к любому выступлению: «Речь судебного оратора не без основания можно сравнить с глиной в руках скульптора, принимающей по его желанию самые разнообразные формы. Подобно глине у скульптора, речь может быть мягка и податлива, тверда и упруга и заключать в себе самые совершенные образы, надо лишь уметь открывать их в ней и знать, как ими воспользоваться. Великая тайна прекрасного в речи заключена в ее стиле<...> «Мы слушаем, – говорит Расин, – только постольку, поскольку то нравится нашим ушам и воображению благодаря очарованию стиля». Поэтому Цицерон и считал, что нет красноречия, где нет очарования, и Аристотель учил очаровывать слушателей: те, кто охотно слушают, лучше понимают и легче верят. Главное очарование стиля заключается в гармонии речи, той гармонии, которая вызывает представление о соразмерности в повышении и падении, благородстве и изяществе, величии и мягкости, и которая есть результат порядка, распределения и пропорциональности слов, фраз и периодов и всех составляющих судебную речь частей. Из такого рода пропорциональности, распределения и порядка вытекает так называемая ораторская соразмерность, представляющая мудрый и сложный ораторский механизм, столь необходимый, что без него не существовало бы в красноречии ни движения, ни силы. Механизм этот зависит, главным образом, от выбора слов и их последовательности в речи<...>. В них звучит то грубость и мягкость, то тяжесть и легкость, то быстрота и медленность. И различие это должно непременно приниматься оратором во внимание при выборе слов» [29, 200–201].

Итак, выступление написано полностью, осмыслено, несколько раз, но фрагментарно, по мере подготовки, прочитано. Теперь подошел новый этап работы над речью, очень важный для начинающего оратора, – репетиция. Именно к ней должен чрезвычайно внимательно отнестись начинающий оратор. Полезно прочитать речь полностью, уточнить время ее звучания, ориентируясь на соответствующий нормам публичной речи темп (примерно две минуты – одна машинописная страница). Можно произнести текст либо мысленно (внутренний мо-

нолог), либо вслух (внешний монолог). Лучше – вслух и перед зеркалом, чтобы видеть выражение своего лица и жесты, которые будут сопровождать речь.

На этом этапе работы над речью особое внимание необходимо обратить на технику произношения. Прежде всего на орфоэпию – образцовое литературное произношение, соответствующее произносительным нормам, а также на правильное ударение в словах. Ведь неверное произношение и особенно неправильное ударение снижают доверие аудитории к оратору, подрывают его авторитет, вынуждают скептически относиться к словам, которые произносятся с трибуны. «Чему может научить меня человек, который не владеет образцовой речью?» – думают многие слушатели.

Следует обратить внимание и на дикцию – ясное, четкое, «чистое» произношение звуков, на интенсивность, т. е. силу или слабость произнесения, связанную с усилением или ослаблением выдыхания (например, разная по интенсивности речь будет в комнатной обстановке и в большой аудитории). Безусловно, имеет значение интонация, т. е. ритмомелодическая сторона речи, служащая средством выражения синтаксических отношений во фразе и эмоционально-экспрессивной окраски предложения. К интонации относится и темп – скорость протекания речи во времени и паузы между речевыми отрезками. Слишком быстрая речь не позволяет слушателям вникнуть в содержание высказывания, слишком медленная вызывает их раздражение. Большую роль играют паузы: они облегчают дыхание, позволяют обдумать мысль, подчеркнуть и выделить ее. Фразовое и логическое ударения служат средством выделения речевых отрезков или отдельных слов во фразе и также повышают выразительность речи.

Литературному произношению нужно учиться, внимательно вслушиваясь в произношение высокообразованных, культурных, «знающих» людей, владеющих правильной литературной речью, в речь опытных ведущих телевидения и радио, наконец, необходимо специально изучать нормы, пользоваться словарями и справочниками. Важно уметь слышать звучание своей речи, чтобы иметь возможность корректировать и совершенствовать ее.

Существует три способа выступления: чтение текста, воспроизведение его по памяти с чтением отдельных фрагментов, свободная импровизация. Читают текст в следующих случаях: если он представляет собой официальное изложение, от формы и содержания которого нельзя отступать; если оратор «не в форме» (болен, плохо себя чувствует); если материал большого объема и совершенно новый для выступающего. Вообще же чтение текста не производит такого сильного впечатления, как живая речь, во время которой оратор смотрит на слушателей (а не на бумажки) и следит за их реакцией. Нет ничего более утомительного, чем слушать чтение речи, когда оратор перестает контролировать реакцию аудитории. Конечно, искусство свободного выступления приобретается не сразу, а в процессе длительной работы и необходимых тренировок. После завершения речи могут быть заданы вопросы, в которых иногда заключается прямая или скрытая полемика. Это наиболее трудная часть выступления, поскольку требует быстрой реакции оратора. Вопросы могут быть связаны с уточнением какого-либо факта или теоретического положения, с желанием получить какие-либо дополнительные сведения или разъяснение содержания, с позицией оратора и т. д. Большое количество вопросов свидетельствует об интересе аудитории к выступлению.

Кстати, провал ораторов, читающих текст «по бумажке», во многом объясняется тем, что речь их становится быстрой, монотонной и утомляет слушателей. Подобные «чтецы» не умеют имитировать устную речь при чтении текста, а это очень важно.

Приведем несколько воспоминаний о выступлениях мастеров устного слова. У каждого из них своя манера речи.

Кандидат технических наук И. И. Голованова пишет о выступлениях А. Л. Чижевского, известного биолога: «Чижевский не очень задумывался над тем, как начать свое выступление. «Вот я сегодня вам расскажу...» – были нередко первые его слова. И затем приводился какой-либо факт или общее положение. Он как бы отталкивался от него, бросаясь в самую стихию слова. Цепочка суждений и попутных умозаключений сопровождалась замечаниями, не, только усиливающими интерес, но и делающими его все более напряженным.

Он не обременял себя заимствованиями приемов и методических указаний, о которых мог прочитать в книгах (хотя волшебная сила слова занимала его с юношеских лет, он жадно

тянулся к трудам филологов-классиков, знаменитых педагогов, писателей, раскрывающих «технологию» своего творчества). Не любил стоять за кафедрой, свободнее чувствовал себя рядом, впереди или в стороне от нее – так, чтобы не было искусственного рубежа между ним и слушателями. Не заботился о том, как звучит его речь, как он сам выглядит. Раскованность, естественность в слове и движении были так характерны для его выступлений! Выразительный, светящийся доброжелательностью взор, свободная мимика, подчеркивающая смысл сказанного, – вот и все. Внимание было сосредоточено на том, чтобы довести мысль до сознания каждого из внимающих<...>.

Его выступления были неповторимы, и вместе с тем в каждом налицо была явная устойчивость определенных навыков. Это приобретается лишь в результате систематических занятий. Четкая дикция, правильная артикуляция, звучный голос, разнообразие интонаций, в меру нарастающий темп, совершенное отсутствие грамматических погрешностей – все это само по себе создавало весьма благоприятное впечатление. Добавим еще воодушевление, уверенность в себе, лишенную всякой натянутости осанку, эмоциональную окраску речи, сдержанную жестикуляцию – в той степени, в какой она служила неназойливым внешним воплощением творческих усилий облегчить восприятие речи. И сама речь – взаимное общение, в котором мысли, слова, манеры постоянно приспособлялись к слушателям, не опускаясь, а подтягивая их до своего уровня» [8, 133–135].

Вот как характеризует историк В. О. Ключевский, блестящий лектор XIX века, манеру выступления историка С. М. Соловьева: «Он именно говорил, а не читал, и говорил отрывисто, точно резал свою мысль тонкими удобоприемлемыми ломтиками, и его было легко записывать, так что я, по поручению курса составлявший его лекции, как борзописец, мог записывать его чтения слово в слово без всяких стенографических приспособлений. Сначала нас смущали эти вечно закрытые глаза на кафедре, и мы даже не верили своему наблюдению, подозревая в этих опущенных ресницах только особую манеру смотреть; но много после на мой вопрос об этом он признался, что действительно никогда не видел студента в своей аудитории.

При отрывистом произношении речь Соловьева не была отрывиста по своему складу, текла ровно и плавно, пространными периодами с придаточными предложениями, обильными эпитетами и пояснительными синонимами. В ней не было фраз: казалось, лектор говорил первыми словами, ему попавшимися. Но нельзя сказать, чтобы он говорил совсем просто: в его импровизации постоянно слышалась ораторская струнка; тон речи всегда был несколько приподнят<...>. С кафедры слышался не профессор, читающий в аудитории, а ученый, размышляющий вслух в своем кабинете. Вслушиваясь в это, как бы сказать, говорящее размышление, мы старались ухватиться за нить развиваемых перед нами мыслей и не замечали слов. Я бы назвал такое изложение прозрачным. Оттого, вероятно, и слушалось так легко: лекция Соловьева далеко не была для нас развлечением, но мы выходили из его аудитории без чувства утомления<...>.

У Соловьева легкость речи происходила от ясности мысли<...> Гармония мысли и слова – это очень важный и даже нередко роковой вопрос для нашего брата преподавателя» [13, 516–517].

Известный судебный деятель К. К. Арсеньев писал о выступлениях А. Ф. Кони: «Какою бы точностью ни отличалась передача речи, как бы хорошо ни сохранилась при переходе в печать мысль оратора и даже словесная ее оболочка, многое теряется при этом переходе непоправимо и бесследно. Для читателей оратор никогда не может быть тем самым, чем он был для слушателей. Кто слышал А. Ф. Кони, тот знает, что отличительное свойство его живой речи – полнейшая гармония между содержанием и формой. Спокойствием, которым проникнута его аргументация, дышит и его ораторская манера. Он говорит негромко, несоро, редко повышая голос, но постоянно меняя тон, свободно приспособляющийся ко всем оттенкам мысли и чувства. Он почти не делает жестов; движение сосредоточивается у него в чертах лица. Он не колеблется в выборе выражений; не останавливается в нерешительности, не уклоняется в сторону; слово всецело находится в его власти. Не знаем, в какой мере он подготавливает свои речи заранее, в какой – полагается, на вдохновение минуты. Несомненно в наших глазах одно: ему вполне доступна импровизация, так как иначе его реплики заметно

уступали бы его первоначальным речам, – а этого нет на самом деле... Глубоко обдуманная и мастерски построенная его речь всегда полна движения и жизни. Ею можно любоваться как произведением искусства – и вместе с тем ее можно изучать как образец обвинительной техники» [29, 44–45].

Как мы видели, существуют общие принципы подготовки и произнесения речи. И все-таки каждая речь – это проявление индивидуальности, чем крупнее фигура оратора, тем ярче проявляется эта индивидуальность. Конечно, имеются в виду не внешнее экстравагантное поведение и не бездумное манипулирование языком, а взвешенный подход и к своему поведению на трибуне, и к использованию слова.

Еще древние мыслители считали, что красноречие истинного оратора должно служить высоким и благородным целям борьбы за общее преуспевание, за настоящую справедливость и законность, за созидательную деятельность. И здесь можно вспомнить слова известного римского теоретика и практика ораторского искусства Марка Фабия Квинтилиана: «Оратор, которого мы воспитываем, оратор совершенный, который не может быть никем иным, кроме как добрым человеком, и потому мы требуем от него не одного только отменного дара речи, но и всех нравственных качеств души. Ибо тот муж – истинный гражданин, способный управлять общественными и личными делами, который может направлять граждан советами, укреплять законами, улучшать здравыми суждениями, будет, конечно, не кто иной, как оратор» [17, 189].

Контрольные вопросы

1. Какие три вопроса стоят перед оратором?
2. Как следует оценивать обстановку выступления и состав слушателей?
3. Надо ли писать речь?
4. Какую роль играет в речи фактический материал?
5. Какова роль репетиции в подготовке к выступлению?
6. Как следует произносить речь?
7. Какие три способа выступления существуют?
8. Расскажите о выступлениях известного биолога А. Л. Чижевского, историка С. М. Соловьева, судебного деятеля А. Ф. Кони.

Резюме

1. В зависимости от содержания, цели и условий высказывания выделяют следующие роды красноречия: социально-политическое, академическое, судебное, социально-бытовое, духовное. В каждом роде красноречия существует несколько видов.

2. Ораторская речь содержит элементы книжно-письменных стилей, поскольку она готовится по книжно-письменным источникам. Поскольку речь произносится вслух, то неизбежно использование в публичных выступлениях элементов разговорного стиля, который теснейшим образом связан с устной формой речи.

3. В публичном выступлении используются разные типы речи: повествование, описание и рассуждение (размышление); смена этих типов придает выступлению динамический характер.

4. Ораторская речь должна иметь четкую композиционную структуру. Это позволяет эффективно воздействовать на восприятие слушателей.

5. Речь должна тщательно готовиться: необходимо определить тему, цель, название выступления с учетом состава слушателей и обстановки. Затем составить предварительный план, подобрать теоретический и фактический материал. Репетиция – необходимая часть подготовки, особое внимание следует обратить на технику произношения.

Глава III Культура дискусивно-полемиической речи

§ 15. Спор: понятие и определение

Спор – это публичное обсуждение проблем, интересующих участников обсуждения, вызванное желанием как можно глубже, обстоятельнее разобраться в обсуждаемых вопросах: это столкновение различных точек зрения в процессе доказательства и опровержения.

Искусство ведения спора приобретает для каждого из нас все более важное значение, поэтому целесообразно сравнить его с такими близкими понятиями, как «диспут», «дискуссия», «полемика».

Слово «диспут» происходит от латинского *disputare* – рассуждать, спорить. В тех ситуациях, когда речь идет о диспуте, имеется в виду коллективное обсуждение нравственных, политических, литературных, научных, профессиональных и других проблем, которые не имеют общепринятого, однозначного решения. В процессе диспута его участники высказывают различные суждения, точки зрения, оценки на те или иные события, проблемы.

Слово «дискуссия» происходит от латинского *discussio* – рассмотрение, исследование. Под дискуссией обычно также подразумевается публичное обсуждение каких-либо проблем, спорных вопросов на собрании, в печати, в беседе. Отличительной чертой дискуссии выступает отсутствие тезиса, но наличие в качестве объединяющего начала темы. К дискуссиям, организуемым, например, на научных конференциях, нельзя предъявлять тех же требований, что и к спорам, организующим началом которых является тезис. Дискуссия часто рассматривается как метод, активизирующий процесс обучения, изучения сложной темы, теоретической проблемы.

Спор определяется как обсуждение того или иного вопроса, словесное состязание, в котором каждый отстаивает свое мнение, а также как разногласие, разрешаемое судом. Второе значение слова подводит нас к пониманию того, что спор – это такая форма диалога, при которой дальнейшее отношение его участников ведет к обострению, превращению идейной конфронтации в материальную. Например, спор о границах – в войну за их изменение. Это опасное соседство спора с физическим столкновением подчеркивается этимологией французского термина «полемика» (*polemique* – от греч. *polemikos* – воинственный, враждебный). Но спор может эволюционировать и в обратную сторону – к менее острым формам диалога. В философских работах спор как стадия в эволюции диалога моделируется с помощью не висящего, а вертикально поставленного маятника, который от малейшего воздействия может упасть и вправо, и влево. Одна из задач теории спора – установить факторы, от которых это зависит. В современном языке слово «полемика» выступает как синоним слова «спор».

Спор рождается на довольно высоком уровне познания действительности. Для его возникновения необходимы два предварительных условия:

- 1) сформулирована и получила всеобщее признание важная проблема;
- 2) предложено хотя бы одно решение этой проблемы.

Это необходимые, но недостаточные предпосылки. Предложенное решение может быть либо сразу принято всеми, либо сразу всеми отвергнуто как очевидная нелепость. Спор возникает, когда решение проблемы находится где-то между этими двумя крайностями, имеет как своих сторонников, так и своих противников.

В самом общем плане следует классифицировать споры в соответствии с областью познания: описательной (дескриптивной) и предписательной (прескриптивной). На первой стадии создается картина (сначала эмпирическая, затем теоретическая) фиксированного фрагмента действительности, на второй – разрабатываются предписания (планы, инструкции, рекомендации и т. д.) преобразования этого фрагмента действительности в средства удовлетворения человеческих потребностей, понимаемых в самом широком смысле: от потребности в пище до потребности в произведениях искусства.

Споры в рамках дескриптивного знания принципиально отличаются от споров в контексте прескрипции. Различны цели этих двух видов спора. В первом случае обосновывается и оспаривается истинность предложенного эмпирического или теоретического описания дей-

ствительности, обсуждается соответствие знания своему предмету. Цель спора о прескрипциях сложнее, здесь обсуждается соответствие знания трем факторам:

- 1) потребностям, для удовлетворения которых эти прескрипции разрабатываются;
- 2) дескриптивному знанию, на основе которого они формируются;
- 3) имеющимся на данном конкретном историческом этапе материальным средствам для реализации этих прескрипции.

Прескрипции, соответствующие этим трем факторам, называют правильными (конструктивными, рациональными). Дескрипции же, соответствующие установленному порядку вещей в действительности, называют истинными.

В историческом плане спор о прескрипции пережил две формы: физический (с позиции силы: кто сильнее, тот и получает) и спор в соответствии с нравственными и юридическими нормами (в случае равенства сторон). Мораль и право концентрируют предписания, предназначенные для защиты целого (семьи, рода, народа, человечества) от попытки части (индивида или различных групп людей) удовлетворить свои потребности за счет интересов целого или другого индивида.

Принцип физического способа решения проблемы (спора) «Кто сильнее, тот и прав» срывает на коротких исторических промежутках времени. На длинных временных дистанциях работает принцип «Кто прав, тот и сильнее». Верно осмысленное изречение Цицерона: «Позорное не полезно никогда – даже и тогда, когда то, что считаешь полезным, достигаешь; ведь именно то обстоятельство, что позорное считают полезным, и пагубно», – должно стать основой позиции каждого вступающего в спор о прескрипции, т. е. о рациональных способах удовлетворения потребностей.

И логически, и генетически первым элементом спора является критика предложенного решения проблемы. Подобно тому, как спор – это предельно острая форма диалога, критика – это предельно острая форма оценки тезиса, теории (отказ от критики есть отказ от оценки). Самой естественной и самой непосредственной реакцией на критику тезиса, теории и т. д. является подавление ее источника, что аналогично решению спора об интересах с позиции силы. Классическим примером «теоретического самоубийства» стал отказ сторонников теории марксизма от критики его оппонентами. Подавлять оппонента (источник обратной связи, по Н. Винеру) может только тот, кого не интересует ни истинность отстаиваемого положения, ни рациональность и нравственность планов, основанных на нем.

Критика представляет собой организованную определенным образом деятельность, в состав которой входит оценка теории (положения, тезиса) на внутреннюю непротиворечивость, на соответствие фактам, на практическую полезность, на соотношение с интересами классов, групп, индивида.

Контрольные вопросы

1. В чем сходство и различие понятий «диспут», «дискуссия», «полемика», «спор»?
2. Что представляют собой споры на уровне дескрипции и споры на уровне прескрипции?
3. Сформулируйте необходимые условия для начала спора.

§ 16. Споры в Древней Греции

Возникновением диалектики как учения о развитии и его законах человечество обязано решению прикладной задачи установления законов, которые выявляются при взаимном обмене противоположными мнениями, диалектике устных бесед и спора.

В античности существовало два вида спора: диалектический и эристический. Причем диалектический спор возник как антитеза эристическому диалогу софистов, их псевдонаучным представлениям о добродетели и благе. Диалог древних греков развивался параллельно развитию их эстетических представлений, политических взглядов.

Софисты – это древнегреческие просветители. Их философские и политические взгляды были весьма различны, даже противоположны, объединяло их то, что они занимались просветительской деятельностью. В условиях рабовладельческой демократии V века карьера

каждого свободнорожденного грека стала зависеть от его умения выступать с политическими речами перед народом, его умения заручиться поддержкой народа, всячески ему льстя и угождая. Для этого он должен был располагать необходимым минимумом знаний о политических и моральных явлениях, а также уметь защищать и опровергать любое положение на возможно правдоподобных основаниях. Объявив себя учителями добродетели, софисты разработали для этой цели определенную технику спора-угождения сиюминутным настроениям толпы, которая в Древней Греции получила название «эристического искусства», «антилогик». Платон говорил, что умение софистов спорить – это «не искусство, а навык и сноровка». Аристотель называл эристику софистов псевдодиалектикой.

Онтологическим базисом софистики была объективная противоречивость самих вещей, гибкость понятий, проявляющаяся в субъективном преломлении. К таким понятиям относятся «сущность и явление», «необходимое и случайное», «существующее абсолютно» и «существующее только относительно». Ни одна из этих противоположностей не существует изолированно от другой, софистические паралогизмы – это результат их абсолютизации и недialeктического противопоставления друг другу, результат игнорирования их диалектической связи между собой.

Софистическая эристика оказывала губительное воздействие на мораль, разрушала политические формы общежития. Добродетели, право, государство софисты объявляли продуктами условных конвенций, которым не обязательно подчиняться и следовать в своей деятельности.

Вскрыв диалектическую противоречивость вещей и сделав ее основанием своей эристической стратегии, софисты не справились с синтезом, который был бы в состоянии объединить в одном понятии различные и даже противоположные сущности вещей. Иначе говоря, софисты остановились на полпути к диалектике понятий, созданной позднее Сократом, Платоном и Аристотелем.

Проблема синтеза противоположностей понималась древними греками как проблема «среднего», т. е. меры, приводящей эти противоположности к известному единству. Демокрит изрек: «Прекрасное во всем – середина». Диалектический диалог, созданный Сократом, был нацелен на примирение противоположных мнений, чтобы таким образом познать добродетель – среднее между крайностями (пороками). Целью Сократа была борьба с софистикой и софистическими извращениями в споре.

На формирование античного диалога оказала воздействие также мысль о том, что проблему этических добродетелей нужно решать в связи с разработкой общих методов научного познания сущности всех вещей. Под «добродетелью» в народной этике греков понимались добротность, качественность, функциональная пригодность всех вообще предметов.

В соответствии с этими особенностями античного понимания Сократ разработал особые логические приемы. Диалог должен быть:

- 1) направлен на познание единства противоположных мнений;
- 2) этот синтез должен рассматриваться нами как познание сущности той или иной добродетели.

Таким образом, народная этика греков, оплодотворенная диалектическим диалогом, стала превращаться в научную, философски обоснованную.

Этическая диалектика Сократа была направлена на оздоровление современного ему общества, раздираемого внутренними политическими распрями, а также на внедрение нравственных устоев в общественную жизнь.

Следует отметить, что история создания теории спора – это история выработки основ идеального спора. Представления об идеальном споре разрабатывались философами на протяжении веков. Аристотель представлял себе такой спор в виде диалектической беседы: все, что высказывается участниками, должно быть так или иначе связано с тезисом; диалектическая дискуссия между двумя участниками может произойти лишь в том случае, когда имеется вопрос, на который они склонны дать альтернативные ответы. В ходе дискуссии один из них защищает положение, являющееся его ответом на данный вопрос, другой же стремится это положение опровергнуть.

В ходе диалектической беседы партнер, отрицающий тезис, задает другому вопросы, позволяющие точно установить, принимает ли тот положения, которые предполагается использовать для опровержения тезиса.

В течение довольно длительного периода в истории европейской культуры идеальной формой проведения дискуссии считался вопросоответный диалог. В ходе такой дискуссии противник тезиса задавал вопросы «издалека», представлявшие собой не что иное, как послылки, из которых очевидным образом следовало отрицание.

Следующей формой организации аргументативной деятельности явился так называемый новый метод, разработанный поздними схоластами, во многом восходящий к той же вопросу-ответной форме.

В современных учениях дискуссионно-полемиической речи участники диалога рассматриваются как имеющие равные «логические права», т. е. равные права на использование тех или иных логических форм заявлений и монологов. Каждый из них может выдвигать аргументационные конструкции и выражать свою оценку, ставить вопросы и давать ответы.

Контрольные вопросы

1. Определите сущность эристического спора и сущность спора диалектического.
2. В чем состоит заслуга Сократа в разработке принципов спора?
3. Назовите исторически складывавшиеся формы спора, укажите их особенности.

§ 17. Споры в современном обществе

Сегодня в условиях оживленных дискуссий, споров, полемики прежде всего по общественно-политическим вопросам ощущается нехватка культуры ведения диалога в широком смысле, что означает неумение аргументированно излагать свою точку зрения, выслушивать и понимать точку зрения оппонента, оценивать ее, в соответствии с позицией оппонента корректировать свою позицию или настаивать на выдвинутых положениях, совместными усилиями добираться до сути вопросов или искать и находить новые аргументы для убеждения противника.

Типология дискуссии обусловлена логической структурой, целями (интенциями) участников, интеллектуальными возможностями участников, их этическими установками и эмоциональными характеристиками.

Итак, необходимым и основным логическим элементом структуры дискуссии является тезис или тема, которые доказываются участниками спора. Один участник спора утверждает, что такая-то мысль верна, а другой – что она ошибочна. Приведем пример начала спора: «Речь зашла об одном из соседних помещиков. «Дрянь, аристократишко», – равнодушно заметил Базаров, который встречался с ним в Петербурге.

– Позвольте вас спросить, – начал Павел Петрович, и губы его задрожали, – по вашим понятиям слова: «дрянь» и «аристократ» одно и то же означают?

– Я сказал: «аристократишко», – проговорил Базаров...

– Точно так-с; но я полагаю, что вы такого же мнения об аристократах, как и об аристократишках. Я считаю долгом объявить вам, что я этого мнения не разделяю. Смею сказать, меня все знают за человека либерального и любящего прогресс; но именно потому я уважаю аристократов – настоящих...» (Тургенев И. С. Отцы и дети).

Мысль, для обоснования истинности или ложности которой строится доказательство (аргументация), называется тезисом доказательства. Тезис в современном понимании – это утверждение (или совокупность утверждений), представляющее собой вербальную формулировку основной доказываемой идеи, передающее суть выносимой на обсуждение концепции, предлагающее определенное толкование фактов, утверждение, чьи достоинства мы пытаемся установить, утверждение, добавляющее нечто новое к нашим знаниям. Вокруг тезиса должна вращаться вся наша аргументативная деятельность, он имеется в виду в каждый момент спора как цель всей деятельности.

Практически спор происходит следующим образом: некто высказывает мысль (тезис), оппонент находит в ней уязвимые места (пункты разногласия), указывает на них и выдвигает

положение, представляющееся оппоненту истинным (антитезис). В приведенном выше примере начала спора тезисом является положение о том, что аристократы – это люди невысоких человеческих качеств, пункт разногласия устанавливается словами: «Я этого мнения не разделяю», а затем выдвигается антитезис: «Я уважаю аристократов – настоящих». Таким образом, тезис – это мысль, которая выделена из спорной мысли; антитезис – это мысль, выдвинутая в противовес тезису и установившая пункты разногласий. Борьба между этими мыслями и составляет сущность наиболее важных правильных споров.

Требования к выдвигаемому тезису и антитезису: формулировка должна быть простой и выражена кратко (нарушением этого правила следует считать составной тезис и антитезис, включающие две и более мысли, которые нужно расчленить на составные элементарные суждения и доказывать отдельно).

Спор может развиваться на двух уровнях: на уровне спора за истинность мысли (тезиса) и на уровне спора о доказательствах (аргументах). В случае проведения спора на уровне доказательства не следует переносить его результаты на истинность исходной мысли. Возможен спор на обоих этих уровнях: от спора о доказательствах спорящие переходят к спору об истинности тезиса.

Спор может быть сосредоточенный и бесформенный. Сосредоточенным спором является такой спор, когда спорящие все время имеют в виду спорный тезис, и все, что они говорят или приводят в доказательство, служит для того, чтобы защитить его или опровергнуть. Таким образом, спор происходит вокруг одной центральной мысли, одного стержня, не отходя от него и не отвлекаясь. Бесформенный спор не имеет такого порядка. Начинается он из-за какого-нибудь одного тезиса, затем в ходе аргументационной деятельности спорящие хватаются за какие-то доказательства или частные мысли и начинают спорить уже из-за них, забыв об исходном положении. К концу бесформенного спора спорящие иногда с трудом могут вспомнить, из-за чего все, собственно, началось. Поэтому при проведении дискуссий, при обсуждении серьезных вопросов важно уметь организовать спор сосредоточенный, по известному плану, хотя сосредоточенный спор может вестись и беспорядочно. Бесформенный спор всегда беспорядочен.

По количеству участников спора отличаются споры простые (одионые) и сложные. Простым считается такой спор, в котором принимают участие только два человека. Чаще же спор ведется между несколькими лицами, каждый из них выступает или на стороне защиты тезиса, или на стороне нападения на истинность тезиса. Последний вид спора играет важную роль в делах общественных, при обсуждении социально значимых проблем и вопросов, потому что возникает возможность взглянуть на суть проблемы с разных позиций, с разных точек зрения. Истина рождается скорее в споре сложном, чем в одионом. Чем больше умных и образованных людей участвует в споре, тем упорнее спор, чем важнее тезис спора, тем весомее могут получиться результаты при прочих равных условиях.

Известной трудностью проведения сложного спора является его организация. Спор со многими участниками может проходить успешно лишь в тех случаях, когда все его участники обладают достаточной дисциплиной ума, способностью схватывать суть того, что говорится, и пониманием сущности, задачи спора. В других случаях необходим руководитель спора.

Спор может происходить при слушателях и без слушателей. Иногда это обстоятельство оказывает решающее воздействие не только на характер спора, но и на его результаты. Поддержка аудитории или ее неодобрение важны для участников, поэтому в таких спорах наблюдается большее упорство во мнениях, большая горячность, большая склонность прибегать к уверткам и уловкам. Самым позорным аргументом в споре является применение физической силы, оно не может быть оправдано никакими соображениями.

В общественной жизни встречается и такой вид спора, как спор для слушателей. К нему прибегают в том случае, если участники спора пытаются не столько убедить друг друга, сколько убедить слушателей или произвести на них то или иное впечатление. Такой вид спора является широко распространенным способом проведения, например, предвыборной агитации: в ход идут иные аргументы, иные формы оценки, иная «риторика», чем если бы это был обычный производственный спор.

Письменный спор считается более приемлемой формой выяснения истины по сравнению со спором устным. Поэтому письменный научный спор представляет собой особую ценность, хотя и проследить за ним сложнее в силу большой продолжительности его во времени, зависимости от периодичности издаваемых газет или журналов. В хрестоматии по культуре речи приводится классический пример письменной дискуссии, имевшей место в 1954–1955 гг. и проходившей на страницах журнала «Вопросы языкознания». Эта дискуссия по проблемам стилистики сыграла заметную роль в разработке определяющих понятий теории стилистики.

Отличаются споры теми целями, которые ставят перед собой участники спора, и теми мотивами, по которым они вступают в спор.

С этой точки зрения выделяются пять видов спора: спор, возникающий в целях проверки истины; спор как средство убеждения; спор, основная цель которого – победа; спор-спорт и спор-игра.

Высшей формой спора является спор для разъяснения истины, для проверки какой-либо мысли, для испытания ее обоснованности. В этом виде спора аргументатор выбирает самые сильные доводы. При этом участники спора не уверены в истинности или ложности мысли и пытаются выдвинуть возможные возражения против предложенного тезиса. В процессе такого спора важно выдержать линию на выяснение истины, а не перейти на позицию защиты себя как человека, предложившего на обсуждение данную мысль, возможно, спорную. Этот вид спора особенно полезен в случае необходимости проверки научного открытия, основополагающей идеи и т. д. Оппонент или оппоненты в этом виде спора должны быть приблизительно равными по интеллектуальным возможностям. Сомнительные приемы проведения спора в таком споре исключаются.

Спор для убеждения противника является более низкой формой спора по сравнению с предыдущей. Желая убедить другого человека в истинности какой-либо мысли из лучших человеческих побуждений (честный спор) или в силу преследования собственной выгоды (нечестный спор), участник спора предпочитает оппонента слабее себя и в азарте убеждающей «атаки» может позволить себе прибегнуть к некоторым преувеличениям или приукрашениям. Аргументы выбираются только такие, которые должны показаться убедительными оппоненту. Особенно распространены эти приемы, если участник спора преследует корыстные цели (например, желая продать свой товар).

В споре ради победы ставится цель не приблизиться к истине, не убедить противника, но победить оппонента любыми методами. Аргументы в этом случае выбираются такие, которые могут более всего поставить оппонента в затруднение. К подобным спорам прибегают члены миссионерских сообществ, участники митинговых собраний. Понятно, что для участия в таком споре предпочтительны слабые оппоненты, а в выборе средств для победы спорящие свободны. Главный принцип участника этого спора – «победителей не судят», поэтому в ход идут внушительность тона, острословие, красочные выражения, игра на человеческих чувствах и т. д., т. е. спорящий прибегает к эффектным, но недостойным способам воздействия на противника. Что касается игры на человеческих чувствах, то, по мнению психологов, «взывать к «примитиву» – значит неизбежно оказаться во власти «примитива».

Четвертый вид спора – спор ради спора. Для любителей такого вида спора интересен сам процесс, в своих жизненных представлениях они не последовательны. Поэтому может случиться, что, настаивая на чем-либо вчера, сегодня они станут доказывать совершенно обратное.

Очевидно, что, вступая в спор, следует определить для себя, с каким типом оппонента вы имеете дело, а определив, следовать полушутливым советам И. С. Тургенева: «Спорь с человеком умнее тебя: он тебя победит..., но из самого твоего поражения ты можешь извлечь пользу для себя. Спорь с человеком ума равного: за кем бы ни осталась победа – ты по крайней мере испытаешь удовольствие борьбы. Спорь с человеком ума слабейшего... спорь не из желания победы; но ты можешь быть ему полезным. Спорь даже с глупцом; ни славы, ни выгоды ты не добудешь; но отчего иногда не позабавиться?» (Тургенев И. С. С кем спорить...).

Пятый вид спора – спор-игра – в настоящее время в чистом виде не встречается. Он был распространен в Древнем мире и заключался в том, что один из участников спора задавал вопросы, а другой отвечал в форме «да» или «нет». В ходе спора задающий вопросы должен был подвести отвечающего к согласию с утверждением, противоречащим тезису, т. е. подвести к противоречию с самим собой.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные логические элементы структуры дискуссии или спора. Определите их сущность.
2. Что положено в основу различных классификаций споров?
3. Определите особенности следующих видов споров: сосредоточенный и бесформенный, простой и сложный, письменный и устный, спор для разъяснения истины, спор при слушателях и без слушателей, спор для убеждения противника, спор ради победы, спор ради спора, спор-игра.
4. Приведите примеры тех видов споров, в которых вам чаще всего приходилось принимать участие.

§ 18. Спор как форма организации человеческого общения

При проведении споров, дискуссий важным компонентом как аргументационной, так и аргументационно-оценивающей деятельности аргументатора и оппонента является учет возможности разнообразной интерпретации текста, создаваемого участниками дискуссии, а также их взглядов, их общего интеллектуального и эмоционального склада.

Хотя логические знания и навыки, безусловно, важны для участника идеальной дискуссии и «идеальный диалектик» ориентируется на построение логически правильных аргументационных конструкций и на адекватную логико-гносеологическую оценку, задать идеальной логической строй дискуссии, пользуясь лишь средствами логики, представляется задачей трудновыполнимой. Невозможно сформулировать чисто логические правила, руководствуясь которыми можно было бы обеспечить идеальность дискуссии всегда и везде и в соответствии с которыми решать вопрос об уместности того или иного монолога в любом случае идеальной дискуссии.

Участник идеальной дискуссии («идеальный диалектик») реализует общие этические и гносеологические установки идеального аргументатора и идеального реципиента. Но специфика идеальной дискуссии накладывает на него дополнительные обязательства. Эти дополнительные обязательства связаны прежде всего с отношением к партнеру. Идеальный диалектик наделяет своего партнера презумпцией равенства себе, т. е. презумпцией обладания гносеологической и этической установками идеального аргументатора и реципиента. Последнее означает, что в ходе идеальной дискуссии не могут ставиться под сомнение искренность реципиента, его беспристрастность, стремление к истине, компетентность и т. д. Даже если такие сомнения возникают, идеальный диалектик не выражает их.

Выше были охарактеризованы виды споров. Рассмотрим средства, с помощью которых происходит аргументационная деятельность. Аргументация осуществляется через построение определенного вида текста (письменного или устного). Особенностью аргументационного текста является то, что в нем реализуется логико-лингвистическая структура, для обозначения которой употребляется термин «аргументационная конструкция». Под аргументационной конструкцией понимается множество предложений, произнесенных или написанных некоторым лицом (аргументатором) и адресованных некоторому другому лицу или группе лиц (реципиенту, аудитории); при этом аргументатор надеется, что реципиент примет одно из названных предложений (тезис) вследствие принятия им других предложений аргументационной конструкции (оснований, посылок). Таким образом, в подобном тексте содержатся тезис и посылки аргументации, указание на связь между ними.

Чтобы четко представлять, какое положение является тезисом (предметом спора), о чем идет спор, необходимо выяснить три вопроса, касающихся этого тезиса:

- 1) все ли слова и выражения тезиса вполне и досконально понятны;

2) об одном ли только предмете идет речь, или обо всех без исключения предметах класса, или не обо всех, а только о некоторых (большинстве, многих, почти всех, нескольких и т. д.), т. е. необходимо установить «количественную» характеристику тезиса;

3) считается ли тезис несомненно истинным, достоверным и несомненно ложным, или же только вероятным в большей или меньшей степени, очень вероятным, просто вероятным, или же только возможным (нет доводов за и против) Эта логическая операция называется установлением «модальности» тезиса. Требование истинности, правильности, честности – это те требования, в соответствии с которыми необходимо вступать в спор, но которые не всегда выполняются в реальной практической аргументационной деятельности. Причинами несоблюдения указанных требований могут быть, с одной стороны, способность человека ошибаться, а также заблуждаться, а с другой – сознательное стремление ввести оппонента в заблуждение. В связи с этим можно говорить о разновидностях аргументации: аргументация, приближающаяся к идеалу, и аргументация, противоречащая идеалу спора.

Для доказательства истинности или ложности тезиса приводятся другие мысли, которые называются доводами (посылками, аргументами). Доводы – это утверждения, с помощью которых обосновывается истинность тезиса и которые выдвигаются в поддержку тезиса и обладают доказательной силой для тех, кому адресована аргументация. Выделяются различные типы аргументов: аргументы с помощью примера, иллюстрации, образца, аналогии, с помощью определения, возведения к роду, разделения на виды, от противоположного, путем указания причин и последствий, нахождения противоречий и др. В качестве доводов могут выступать также факты, т. е. явления действительности, которые подтверждают тезис или согласуются с ним. Другими словами, это должны быть такие мысли, которые считаются верными не только нами самими, но и теми людьми, кому мы доказываем, и из которых вытекает истинность или ложность тезиса. В процессе выдвижения аргументов нужно следить за тем, чтобы тезис и доводы были связаны таким образом, чтобы тот, кто признает верным довод, должен был непременно признать верным и тезис. Если эта связь сразу не видна, нужно уметь показать, что она существует.

Выделяются типичные ошибки в аргументационной деятельности: а) ошибка в тезисе; б) в аргументации; в) в связи между аргументами и тезисом, т. е. в рассуждении.

Ошибками в тезисе являются: отступление от тезиса, подмена тезиса, потеря тезиса. Отступлением от тезиса считается случай, когда вместо исходного тезиса доказывается сходный или как-либо связанный с ним, или не имеющий видимой связи. Если спорящий осознает, что он не может доказать или защитить исходный тезис, он может попытаться этот тезис заменить. Данный вид ошибки называется подменой тезиса. Случается, что участник спора в своих рассуждениях отходит от исходного тезиса настолько далеко, что забывает его. В этом случае ошибка называется потерей тезиса.

Ошибки в доводах. Таковых две: а) ложный довод – когда аргумент представляет собой ложную мысль; б) произвольный довод – тот, который не является заведомо ложным, но требует доказательства сам по себе.

Ошибки в «связи» между аргументами и тезисом состоят в том, что тезис не вытекает, не становится очевидным из тех доказательств, которые приводятся в рассуждении.

Таким образом, спор представляет собой особую форму организации человеческого общения, состоящую из двух взаимодействующих сторон деятельности: аргументативной и аргументативно-оценивающей. С одной стороны, есть участник, предлагающий текст, называемый аргументационной конструкцией, а с другой – оппонент (реципиент), воспринимающий, оценивающий аргументацию первого участника, выражающий к ней свое отношение. Задача оппонента сводится к тому, чтобы дать истинностную оценку посылкам и тезису, решить вопрос о правомерности перехода от одних посылок к другим и к тезису, выявляя имплицитные дополнения, если таковые присутствуют в аргументационной конструкции. Имплицитными дополнениями считаются те предложения, которые не произнесены и не написаны, но подразумеваются в ходе аргументации.

Практически функция оппонента реализуется следующим образом: он внимательно выслушивает аргументы спорящей стороны, затем анализирует их и расчленяет на простейшие составляющие, если довод оппонента сложный. Оценку аргументации реципиент может вы-

разить вербальными и невербальными способами (к последним относятся жест, мимика, физическое действие и т. д.). Вербальными средствами выражения оценки аргументации являются: восклицания, вопросы, краткие замечания, развернутая аргументация, обосновывающая оценку реципиентом исходной аргументации.

Одна и та же аргументационная конструкция может оцениваться по-разному разными реципиентами. Например, некто Н. утверждает: «Поскольку наличествуют обстоятельства А, В, С, то можем заключить, что имеет место факт К». Данная аргументационная конструкция может быть оценена разными реципиентами следующим образом:

1. «Н. совершенно прав. Обстоятельства А, В, С действительно имели место, отсюда мы просто обязаны прийти к выводу, что наличествует К».

2. «Н. прав, потому что я видел своими глазами, что В».

3. «Н. лжет, ибо факт С не имел места».

4. «Н. неправ, потому что для наступления события К недостаточно А, В, С, необходимо Д, а его, как известно, не было».

5. «Н. шутит, и не стоит всерьез разбирать его аргументацию».

6. «Не верьте Н., он говорит, что имеет место К, потому что сознательно хочет ввести нас в заблуждение, ведь он представитель другого политического (религиозного, философского) направления».

7. «Н. говорит, что имело место А, потому что он хочет меня обидеть».

8. «Н. говорит, что имеет место К. Да он просто мерзавец! Надо лишить его возможности говорить такие вещи».

9. «Я не понимаю, как можно сомневаться в правоте такого уважаемого человека, как Н. Разумеется, имеет место К, если Н. так говорит» и т. д.

Оценка может быть верной и неверной, а выражение ее корректным и некорректным, уместным и неуместным. Для целей проведения спора, стремящегося к идеальному, необходимо, чтобы оппонент обладал некоторыми качествами. С точки зрения этики он должен считать себя абсолютно свободным в праве аргументационно-оценивающей деятельности. Это означает, что человек, сталкивающийся с аргументацией, в какой бы области, в каком бы виде и кем бы она ни осуществлялась, оставляет за собой право принять или не принять аргументационную конструкцию в целом или любой из ее компонентов, дать им собственную оценку. Каждому человеку свойственна внутренняя оценка чего-либо (то, что он думает об этом) и внешняя (то, что он говорит об этом). В идеале внутренняя и внешняя оценки должны совпадать.

С точки зрения познания оппонент в своей деятельности должен стремиться к постижению истины, вносить свой вклад в ее поиск. Практически это включает акт активного мышления, что означает инициативность, настойчивость в исследовании, упорство в постижении идей при появлении каких-либо трудностей, тщательное исследование рассматриваемой ситуации, открытость для новых идей и различных взглядов, поддержку собственных взглядов обоснованиями и доказательствами, способность обсуждать свои собственные взгляды организованным образом. Для оценки элементов аргументационной конструкции оппонент использует прежде всего имеющиеся у него знания, а если их недостаточно, то предпринимает самостоятельное исследование предмета, знакомясь при этом с результатами исследований данного предмета другими людьми, прибегая к помощи энциклопедий, словарей, учебников, научных трудов в определенной области знания.

В идеале спор может приобретать, по словам С. И. Поварнина, особый характер какой-то красоты: «Он доставляет, кроме несомненной пользы, истинное наслаждение и удовлетворение; является поистине «умственным пиром». Тут и сознание расширения кругозора на данный предмет, и сознание, что выяснение истины продвинулось вперед, и тонкое, спокойное возбуждение умственной борьбы, и какое-то особое, эстетическое, интеллектуальное наслаждение» [5].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Учет каких составляющих человеческого общения следует иметь в виду при участии в аргументационной деятельности?

2. Дайте определение термина «аргументационная конструкция».
3. Определите практические шаги, необходимые для установления тезиса аргументационной конструкции. Что означает установление «количественной» характеристики тезиса и его «модальности»?
4. Сформулируйте сущность и назначение посылок как составной части аргументационной конструкции.
5. Как обычно организуется взаимодействие сторон, участвующих в споре, дискуссии?
6. Охарактеризуйте типичные ошибки в аргументационной деятельности.

§ 19. Уловки в споре

Следует признать, что спор в идеальном виде в жизни наблюдать приходится не часто. Чаще встречаются споры, при которых участники не понимают (или не хотят понимать) друг друга, не слушают аргументацию, перебивают друг друга, «нападают» на доводы оппонентов или «нападают» на самих оппонентов. Более изощренной формой скрытой борьбы в споре является уловка.

Уловкой в споре называется всякий прием, с помощью которого участники спора хотят облегчить его для себя или затруднить для оппонента. Человек, владеющий приемами уловок, оказывается в состоянии быстрее и «успешнее» одерживать победу в споре. Философом, открыто провозгласившим установку на нечестную аргументацию, был А. Шопенгауэр. В своей работе «Эристика, или искусство побеждать в спорах» он дает советы относительно того, как обманывать оппонента в споре или приводить его в замешательство. Правда, такого рода советы он рекомендует использовать только в определенных ситуациях. Так, он считает верность истине неосуществимой или бесполезной в тех случаях, когда тезис аргументации явно противоречит уже сложившемуся мнению оппонента.

Уловки могут быть допустимыми и недопустимыми. Допустимыми они являются в том случае, если заметно, что противник прибегает к нечестным, непозволительным приемам ведения спора. В таком случае необходимо создать своеобразную ловушку, в которую должен попасть недобросовестный спорщик. Например, человек, настаивающий на том, что «все люди нечестны, стремятся отхватить себе кусок побольше» и не слушающий никаких доводов, опровергающих данный тезис, может быть остановлен в своем упорстве только отнесением этого утверждения к его собственной персоне, утверждением такого рода: «Если допустить, что то, на чем вы настаиваете, справедливо, то вы тоже человек нечестный, стремящийся отхватить себе кусок побольше». Обычно морализующий человек такие оценки по отношению к себе не принимает.

Разрешается такой прием, как оттягивание возражения.

К нему прибегают в том случае, если возражение на тезис или аргумент не сразу приходит в голову. Обычно человек находит более четкие возражения только после спора (часто это называют поздним умом), в нужный же момент есть лишь «ощущение», что мог бы ответить на выпад, но мысли не выстраиваются в стройную логическую цепочку. В подобной ситуации можно начать задавать вопросы в связи с приведенным доводом, представляя это простым выяснением сущности сказанного или осведомлением вообще. Простительным будет обращение к затягиванию возражения и в том случае, если возникает необходимость более тщательно обдумать выдвигаемый тезис или аргумент с их кажущейся правильностью.

Недопустимыми считаются следующие виды уловок: неправильный выход из спора, срывание спора, «довод к городскому», «палочные» доводы.

Выход из спора происходит в том случае, если один из участников спора не в состоянии поддерживать аргументативную деятельность в силу слабости собственной позиции в данном споре.

Срывание спора производится путем постоянного перебивания оппонента, демонстрации нежелания слушать его и т. п. К большому сожалению, к такой уловке прибегают даже при диалоге по поводу общественно и социально значимых проблем на самом высоком уровне. В недавней истории печально знаменита в этом отношении реакция депутатов на выступление академика А. Д. Сахарова на I съезде народных депутатов СССР в июне 1989 года.

«Довод к городовому» как прием подавления противника в споре активно применяется в условиях тоталитарных обществ. Обычно это происходит следующим образом: предлагаемый противником тезис или аргумент объявляется опасным для общества или государства. В любом случае эти уловки направлены на прекращение невыгодного для одной из сторон диалога спора.

Если же целью спора является «убеждение» оппонента любой ценой, то прибегают к так называемым «палочным» доводам. Этот вид уловки можно определить как особую форму интеллектуального и психологического насилия. Суть его заключается в том, что участник спора приводит такой довод, который оппонент должен принять из боязни чего-либо неприятного, опасного или на который он не может правильно ответить по той же причине и должен или молчать, или придумывать «обходные пути».

Разновидностью вышеуказанных уловок является такой прием, как «чтение в сердцах». При этом оппонент не заинтересован разобраться в том, что сказал противник, а пытается определить мотивы, по которым он это говорит или каким-то образом поступает. Пример такого способа ведения спора описан А. П. Чеховым в рассказе «Именины»:

«– Потрудитесь мне объяснить, что это значит? Я вас спрашиваю!

– ...Надоело, Ольга! Честное слово, я утомлен, и мне теперь не до этого... Завтра будем браниться.

– Нет, я тебя отлично понимаю! – продолжала Ольга Михайловна. – Ты меня ненавидишь! Да, да! Ты меня ненавидишь за то, что я богаче тебя! Ты никогда не простишь мне этого и всегда будешь лгать мне!... Сейчас, я знаю, ты смеешься надо мной... Я даже уверена, что ты женился на мне только затем, чтобы иметь ценз и этих подлых лошадей...

Петр Дмитрич уронил газету и приподнялся. Неожиданное оскорбление ошеломило его. Он детски беспомощно улыбнулся, растерянно поглядел на жену и, точно защищая себя от ударов, протянул к ней руки и сказал умоляюще: – Оля!»

К таким же разрядам уловок нужно отнести и инсинуацию. Если одному из участников спора необходимо подорвать доверие к своему противнику, а значит, и к его доводам, он пользуется для этой цели безответственными намеками. В этом случае прибегают к замечаниям вроде: «Никто не знает, что вы делали или говорили там...» или «Кто докажет, что вы не делали этого и не говорили этого?» и т. п.

У человека, ориентированного на победу в споре любой ценой, довольно большой арсенал психологических уловок, к которым относятся такие, как выведение противника «из равновесия», расчет на медленность мышления и доверчивость противника, отвлечение внимания и наведение на ложный след, ставка на ложный стыд, «подмазывание» аргумента, внушение, «двойная бухгалтерия». В первом случае противник употребляет заявления, которые выводят оппонента из себя, возмущают, например, пускаются в ход грубые выходки, оскорбления «личности», издевательства и т. д. Во втором – видя, что противник думает медленно, но основательно, говорит очень быстро, выражает мысли неясно, в трудно понимаемой форме, сменяет одну мысль другой. Желая одержать победу над противником, явно слабым в какой-то области знаний или вообще более слабым в интеллектуальном плане, обращаются к нему со словами: «Вам, конечно, не может быть не известно, что...», «Всем известно, что...», «Только глупый и необразованный человек не знает, что...» и т. д. В такой ситуации человек теряется и начинает делать вид, что ему, конечно, известно... Дальше сильный противник может говорить что угодно, у оппонента не остается другого выхода, кроме как соглашаться со всем остальным.

К «подмазыванию аргумента» склоняются, если довод сам по себе недоказателен и противник может опротестовать его. Тогда выражают этот довод в туманной, запутанной форме, сопровождая таким, например, комплиментом противнику: «Конечно, это довод, который приведешь не во всяком споре, человек недостаточно образованный его не поймет и не оценит» или «Вы, как человек умный, не станете отрицать, что...» и т. д.

Одна из сильнейших уловок в споре – это внушение. Особенно велика его роль в устном споре. Если человек обладает громким, внушительным голосом, говорит спокойно, отчетливо, уверенно, авторитетно, имеет представительную внешность и манеры, он обладает при прочих равных условиях огромным преимуществом в споре. Если человек глубоко убежден

в том, о чем спорит, и умеет выразить эту непоколебимую твердость убежденным тоном, манерой говорить и выражением лица, он обладает большей внушающей силой и тоже «действует» на противника, особенно такого, у которого этой убежденности нет. Убедительный тон и манера часто убедительнее самого основательного довода.

«Двойная бухгалтерия» основана на двойственности оценок человеком окружающего мира и самого себя (если нечто выгодно мне – это хорошо, если нечто выгодно другому – плохо). В области аргументации это выглядит следующим образом: один и тот же довод оказывается верным, когда для нас это выгодно, и ошибочным, когда невыгодно. К разновидности «двойной бухгалтерии» следует отнести сознательную подмену одного определения другим с целью создания благоприятной и удобной оценки ситуации, совершаемых поступков, действий. Достаточно наглядно этот случай описан А. П. Чеховым: «Мой Васька всю свою жизнь был у меня работником; у него не уродило, он голоден и болен. Если я даю ему теперь по 15 коп. в день, то этим я хочу вернуть его в прежнее положение работника, то есть охраняю прежде всего свои интересы, а между тем эти 15 коп. я почему-то называю помощью, пособием, добрым делом... Логики в нашей жизни нет, вот что! Логики!» (Чехов А. П. Жена).

К числу обычных и распространенных уловок принадлежат так называемые софизмы, или намеренные ошибки в доказательстве. Софизм и ошибка различаются не по существу, не логически, а только психологически: ошибка – не намеренна, софизм – намерен. Возможны софизмы как отступления от задач спора, в области аргументации, а также так называемые софизмы непоследовательности.

Отступление от задач спора, отступление от тезиса возникает, если в самом начале спора или в его середине отбрасывается прежний тезис и его место занимает другой или же спор из-за тезиса подменяется спором из-за доказательства. В последнем случае происходит следующее: вместо того, чтобы опровергать тезис, противник разбивает доказательство и, если ему это удастся, объявляет, что тезис противника опровергнут. На самом же деле отсюда вытекает один правильный вывод: тезис противником не доказан. К этому же виду софизмов относится перевод спора на противоречия. Необходимо указывать на то, что противник противоречит сам себе, но это абсолютно не важно для доказательства ложности его тезиса. Такие указания имеют, например, огромное значение при критике какой-либо системы мыслей, нередко с их помощью можно разбить или ослабить доказательство противника, но опровергнуть его тезис одним указанием на противоречивость мышления оппонента нельзя. Сюда же следует отнести перевод спора на противоречия между словом и делом, между взглядами противника и его поступками, его жизнью и т. д. Это один из способов «зажимания рта». Как прием обличения он, может быть, и необходим, но обличение и честный спор за истину как борьба мысли с мыслью – две несовместимые вещи.

Если в качестве доказательства тезиса приводится не один довод, а несколько, то софист прибегает нередко к «неполному опровержению». Он старается опровергнуть один-два наиболее слабых или легче всего опровержимых, часто оставляя самое существенное и единственно важное без внимания. При этом он делает вид, что опроверг все доказательства.

К числу частых отступлений от задач спора относится подмена пункта разногласия в сложной спорной мысли, так называемое опровержение не по существу. Особенно характерно оно для споров в печати и происходит в расчете на то, что читатель мог не видеть или не запомнить исходный тезис. Софист не опровергает сущности сложной спорной мысли, а берет только неважные частности и опровергает их, делая вид, что опровергает тезис.

Контрольные вопросы

1. Что называется уловкой в споре?
2. Опишите сущность допустимых уловок в споре, приведите примеры подобного рода уловок.
3. Какие уловки считаются недопустимыми при проведении дискуссии или спора?
4. Определите сущность софизмов как разновидности уловок.

Резюме

В научной литературе о правилах идеальной аргументации сформулированы кодекс аргументатора и кодекс оппонента, имеющие целью помочь тем участникам спора, которые стремятся в аргументации не только к успеху, но и к тому, чтобы их утверждения соответствовали действительности и были эффективными. Приведем эти кодексы.

КОДЕКС АРГУМЕНТАТОРА

1.1. Аргументатор стремится к достижению или распространению истины, углублению понимания предмета.

2. Аргументатор рассматривает себя и оппонента как людей, имеющих равные права свободного познания.

На основании этого:

II. 1. Аргументатор имеет целью достичь принятия оппонентом тезиса в той модальности, в какой его принимает сам аргументатор.

2. Аргументатор не может вводить в заблуждение оппонента, используя заведомо неверные посылки или заведомо неверные способы рассуждения. Все, что утверждается аргументатором, утверждается в той модальности, в которой принимается им самим.

3. Аргументатор учитывает поле аргументации. Это означает, что: а) аргументатор формирует аргументационную конструкцию таким образом, чтобы она была понятна оппоненту; б) аргументатор формирует аргументационную конструкцию таким образом, чтобы взгляды и склонности оппонента, информация, которой он располагает, и его интеллектуальные возможности позволили ему ее принять.

4. Аргументатор избегает использования *argumentum ad hominem*, и особенно тех его случаев, где ставится под сомнение способность оппонента к объективному и адекватному суждению по рассматриваемому вопросу.

5. Приверженность аргументатора этико-гносеологической установке, сформулированной в части I, поддерживает его эмоциональное равновесие в случае неудачи аргументации и способствует сохранению самокритичности и стремлению к совершенствованию в случае успеха аргументации.

КОДЕКС ОППОНЕНТА

1. 1. Оппонент осознает себя свободным во внутренней оценке аргументации.

2. Оппонент стремится к достижению истины, углублению понимания предмета, распространению истины.

3. При внутренней оценке аргументации и внешнем ее выражении оппонент придерживается общих этических норм.

Исходя из этого:

II. 1. Оппонент стремится дать адекватную логико-гносеологическую оценку аргументационной конструкции, а также адекватные прагматическую, этическую и эмоциональные оценки.

2. При этом оппонент осуществляет тот вид оценки, который требуется или уместен в наличествующих обстоятельствах для данной аргументационной конструкции.

3. Оппонент не смешивает различные виды оценок, не подменяет один вид оценки другим.

4. Если позволяют условия и этические нормы, оппонент дает внешнюю оценку аргументации, совпадающую с внутренней. Оппонент избегает давать внешнюю оценку аргументации, противоречащую внутренней.

Глава IV Культура научной и профессиональной речи

В общем пространстве полифункционального и полиструктурного литературного языка вычленяется – и это уже признано многими специалистами – особая функциональная разновидность, обслуживающая профессиональную сферу общения. Данную разновидность коди-

фицированного литературного языка разные исследователи называют по-разному: язык науки, специальный язык, язык для специальных целей, профессиональный язык и т. д.

§ 20. История вопроса

В первой трети XVIII в. когда научные знания в России начинают приобретать четко очерченные контуры и все необходимые атрибуты профессиональных знаний, в русском языке выделяется особая разновидность общелитературного национального языка – язык научного общения.

На этом этапе развития русской культуры «наука подошла к познанию таких пластов реальности, которые могут быть отображены лишь с помощью особого, противостоящего обыденному языку «языка науки» [2, 51]. Появление такого «особого» языка диктовалось следующими обстоятельствами, характерными для данного периода развития науки: обособленностью и специализацией понятийного аппарата, появлением ученых-профессионалов и в связи с этим усилением роли субъективного фактора, необходимостью порождения и передачи новых знаний, преобразованием «обыденного опыта» в «научный опыт» и др.

Формирование языка научного общения совпало с процессом формирования национального русского языка, что в полной мере отразило их взаимосвязь и взаимообусловленность.

Л. Л. Кутина, первый глубокий исследователь оформляющегося на русской языковой основе языка науки [15, 16], достаточно полно показала, как формированию национального (русского) литературного языка сопутствовало «возникновение и оформление различных функциональных разновидностей его, связанных с определенными направлениями и потребностями общественной практики. Одной из таких разновидностей является язык науки с разнообразными системами научных терминологий» [16, 3]. Однако научное общение – лишь одна из сфер профессионального общения, его вершина – не исчерпывает всех областей трудовой деятельности на разных уровнях и направлениях. Вероятно, под влиянием этого обстоятельства в англоязычной, германоязычной и славяноязычной лингвистике почти одновременно возникает необходимость обращения к языку профессиональной сферы общения как к феномену. Как следствие этого рождаются соответствующие номинации: *languages for special purposes (LSP)* – в англо-американской литературе, *Fachsprachen* – в германоязычной литературе. В отечественной лингвистике некоторыми исследователями был принят термин английского происхождения, представляющий собой кальку, который звучит так: «язык для специальных целей» (в аббревиатурном виде – LSP и ЯСЦ). Однако широкого распространения этот термин не получил, так как в русской лингвистической науке уже существовала номинация «специальный язык», «специальная речь». Следует обратить внимание на тот факт, что интерес к специальному языку (языку общения профессионалов) в наше время родился не в среде филологов. Впервые идея о языке для специальных целей появилась в работах чешского исследователя Любомира Дрозда, который назвал этот язык функциональным языком (или языком в специальной функции), представляющим собой подъязык «данного национального литературного языка» [11, 120].

Такой интерес исследователей разных специальностей к функциональным разновидностям современных литературных языков возникает как реакция на практические потребности профессиональной коммуникации, когда остро встает проблема гармонизации межязыковых средств, когда появляется необходимость в стандартизации определенных пластов лексики (дабы они были одинаково понятны специалистам, говорящим на разных языках, в процессе профессионального общения).

Интерес к языку профессиональных сфер общения начинался с определения фундаментальных постулатов и методов работы с терминологией как с «неким инструментом, которым надо пользоваться наиболее рациональным способом, с тем чтобы он мог наиболее эффективно служить цели, для которой создан: устранению затруднений в научно-технических связях» [30, 15]. Возникающее при этом совмещение понятий «специальный язык» и «терминология» в чем-то весьма обоснованно, так как именно термины являются носителями специальной информации.

Термин – это слово или словосочетание, обозначающее понятие специальной области знания или деятельности. Термин входит в общую лексическую систему языка лишь через посредство конкретной терминологической системы (терминологии). К специфическим особенностям термина относятся: 1) системность; 2) наличие дефиниции; 3) тенденция к однозначности в пределах своего терминологического поля; 4) стилистическая нейтральность; 5) отсутствие экспрессии. Все эти свойства термин реализует только внутри терминологического поля, за пределами которого теряются его дефинитивные и системные характеристики.

Терминология в целом относится к числу интегрирующих факторов, которые позволяют создавать единое информационное (экономическое, научно-техническое и т. п.) пространство, поскольку именно терминология обеспечивает информационное взаимопонимание на национальном и межнациональном уровнях, совместимость законодательных, правовых и нормативных документов и т. п. Однако нельзя не учитывать и того факта, что для передачи профессиональной информации совершенно необходимы и нейтральные в стилистическом отношении пласты лексики, имеющие свою функциональную специфику в рамках языка для профессионального общения. Эта лексика не просто «упаковка» для терминов, но и необходимый атрибут, завершающий акт оформления специальной речи (текста).

В настоящее время в изучении специального (профессионального) языка наступил такой период, когда требуется по возможности полная, всесторонняя его аттестация как своеобразной семиотической системы, действующей при всех своих особенностях в определенных рамках существующих средств коммуникации, естественно модифицированных и приспособленных.

Контрольные вопросы

1. Дайте определение понятию «язык для специальных целей».
2. Что такое термин? Назовите его специфические особенности.
3. Что такое терминология? К числу каких факторов она относится?
4. Какими обстоятельствами диктуется появление языка для специальных целей?
5. Что сопутствовало формированию терминологических сфер национального русского литературного языка?

§ 21. Аттестация понятия «специальный язык»

Аттестация понятия «специальный язык» требует некоторых предварительных пояснений и прежде всего ответа на вопрос о том, какие конкретно ситуации актуализируют использование функционального языка. Главная из них, безусловно, – ситуация общения, в пределах специальной сферы (наука, техника, производство, управление, сельское хозяйство, транспорт, связь, медицина, дипломатия и др.). Специальная тематика, специальные цели беседы побуждают специалистов переходить на профессиональный, язык, который в меньшей степени связан с национальной принадлежностью его носителей и не должен зависеть от общественно-экономической формации, идеологии и мировоззрения.

Требуется выяснения и вопрос о том, кто является носителями (потребителями) специального языка и каковы их неотъемлемые качества? Самая общая черта коммуникации на данном языке сводится к тому, что общение осуществляется по системе человек – человек (хотя не исключена и система человек – машина – человек). Но это не просто человек – это человек, профессионально работающий в конкретной области знания (науки, техники, производства, управления и т. п.). Иными словами, основным необходимым качеством носителя (потребителя) данного языка становится профессионализм, который требует владения понятийно-категориальным аппаратом определенной сферы деятельности и соответствующей ему системой терминов. Именно поэтому наряду с номинацией «специальный язык» существует как равноценная номинация «профессиональный язык», «язык профессий».

Владение языком для специальных целей – явление вторичного характера, поскольку его носители изначально должны быть носителями национального литературного языка. Именно это обстоятельство, видимо, позволило исследователям профессиональной речи говорить о явлении полиглоссии [5, 29]. Однако их утверждение мало соответствует действительности.

Никакого «многоязычия» в данном случае не наблюдается, так как речь идет об одном национальном литературном языке, представленном в его практическом использовании несколькими функциональными разновидностями.

Что происходит, когда профессионал начинает общение на профессиональном языке? Этот переход образно можно охарактеризовать как некую смену языкового регистра. В целом язык (инструмент) остается тем же национальным литературным языком, но в конкретных (профессиональных) условиях он содержательно редуцируется, становится в зависимости от области знания и предмета общения монотематичным (хотя и не всегда), насыщается специальными словами и выражениями, использование которых предполагает тот же необходимый профессионализм, т. е. компетентность. Все это возможно лишь при переходе субъектов общения на профессиональный уровень сознания.

У профессионалов в конкретной области знания подобная «смена регистров» осуществляется достаточно естественно и автоматически. Однако в общении специалистов разных сфер деятельности механизм включения языка для специальных целей не срабатывает автоматически (особенно если сферы профессиональных интересов достаточно далеки друг от друга).

Важным компонентом профессионального речевого акта в рамках того же субъективного фактора является адресат, партнер по коммуникации. Психологические и социальные особенности статуса отправителя речи и адресата позволили исследователям выделить в качестве самостоятельных интерпрофессиональную и интрапрофессиональную коммуникации [5, 32]. «Интерпрофессиональная коммуникация представляет собой речевые акты, в которых профессиональные роли коммуникантов не совпадают» [5, 32]. Характерным примером в этом случае является общение типа врач–пациент. «Интрапрофессиональная коммуникация осуществляется внутри определенной социально-профессиональной общности» [там же, 34].

Кроме коммуникации по модели специалист–специалист, которая, как уже отмечалось, сама по себе неоднородна, поскольку включает и одно дисциплинарные и междисциплинарные ветви, столь же актуальна и модель общения специалист–неспециалист. Последняя реализуется в достаточно широко представленном наборе таких «жанров», как научно-популярные произведения, словари, ориентированные на дилетантов, а также многочисленные инструкции по эксплуатации различных приборов и устройств, руководства по сборке предметов быта, брошюры с рекомендациями для людей, страдающих наиболее распространенными болезнями, научно-популярные передачи по радио и телевидению и т. п. При данной модели язык общения «рассматривается уже не как сугубо специальные терминологические системы, а как неоднородные комплексы, расслоение которых на горизонтальные пласты определяется такими параметрами, как коммуникативная ситуация, партнер коммуникации и коммуникативные условия» [23, 323–328]. Все сказанное подтверждает мысль о неоднородности языка для специальных целей.

При этом имеется в виду не только его дисциплинарное, но и структурно-функциональное многообразие.

Существенна и еще одна характеристика специального языка. Исследователи считают, что язык профессиональной сферы общения, и прежде всего язык науки, по сути своей представляет «проявление групповой речевой деятельности, в отличие от художественной речи, которую можно охарактеризовать как «проявление индивидуального речевого акта» [27, 38; 28, 56].

Специальный язык предельно диалогизирован во всех своих внешних формах, будь то письменная речь или устная, поскольку профессиональная сфера всегда предполагает обсуждение проблемы, конкретного вопроса или факта. Исследователи вкладывают глубокий смысл в понятие «научный диалог», видя в нем «вид речевой деятельности, в котором реализуется не только процесс научного общения, но и процесс коллективного научного творчества в его динамике. Для ученого диалог нередко становится не только формой речи, но и формой мысли» [34, 258–261]. Может быть, именно эти обстоятельства способствовали тому, что «свойственные людям (вовлеченным в науку) индивидуальные особенности языкового употребления слабо предохраняют их научную речевую деятельность от нивелирующего коллективизма» [27, 38].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие ситуации актуализируют использование функционального языка?
2. Кто является носителями (потребителями) языка для специальных целей?
3. В каких ситуациях общения происходит смена языкового регистра? Укажите специфические особенности этого процесса.
4. Назовите основные модели профессионального речевого общения.
5. Почему считается; что язык науки представляет собой проявление групповой речевой деятельности?
6. Назовите причины диалогизирования специального языка. Найдите в текстах хрестоматии примеры, доказывающие диалогизированность специального языка.

§ 22. Основные лингвистические черты специального языка

1. Специальный язык – это естественный язык с элементами языков искусственных, точнее специализированных искусственных языков или символических языков науки (языки математики, логики, лингвистики, химии и др.), а также языков человеко-машинного общения (алгоритмические, или языки программирования, языки определенных систем и т. п.) [31, 202].

2. Продолжением первой характеристики является следующая: специальный язык – вербальный язык, но с достаточно развитой тенденцией к привлечению в его состав невербальных средств, использующихся и в функции номинации специального понятия и в функции его дефиниции (как дополнительный материал в виде рисунков, чертежей, схем и т. п.). Имеются в виду экземплификация, пиктография и др.

Использование невербальных средств (цифровых, буквенных, графических) в профессиональных языках прежде всего относится к сфере терминообразования. И здесь их предназначение достаточно разнообразно. Они могут быть: терминологическими (L-лучи, В-излучение, n-й член) в простом термине; терминологическими в составном термине в функции его атрибутивной части (константа K, кривая L₂); самостоятельным термином (H₂O, H₂SO₄), являющимся формульным аналогом вербального термина [31, 98]¹.

Существует мнение о том, что «представление информации с помощью лингвистических средств в таблицах, графиках и рисунках <...> высокоэкономно, но понятно только специалисту, который знает символы и может использовать намерение данного сообщения» [32, 227]. Думается, это свойство невербальных средств выражения специальной информации не лишает последние прав на существование, поскольку указанная информация изначально рассчитана на профессионалов.

3. Специальный язык – это национальный в своей основе язык с постоянной, традиционной тенденцией к его интернационализации. Тенденция эта – неизбежное следствие того факта, что профессиональные знания (и прежде всего наука) не имеют государственных, национальных, идеологических и иных границ.

Интернационализация языков для специальных целей предполагает прежде всего гармонизацию их на понятийном уровне, на уровне содержания и объема основных понятий. Иными словами, термины биржа, банк, брокер, рынок, налог, права человека, инвестиция, спекуляция, предпринимательство, бизнес и т. п. на всех языках должны, обозначать одно и то же. Только в этом случае возможны содружество, торговля, совместные предприятия и другие формы международной деятельности и профессионального общения.

Применительно к научным дисциплинам правильнее говорить не об основных понятиях, а о «парадигмах» (системах постулатов, правил, форм завершеного -продукта), поскольку, как отмечают ученые, научные дисциплины вырабатывают единое для дисциплинарной общности, т. е. для живущего поколения ученых, представление о членениях предмета, что обеспечивает взаимопонимание ученых и возможность дисциплинарного признания результатов их исследования [24, 56].

Интернационализм в языках для специальных целей осуществляется двумя основными способами: путем использования в терминообразовании терминологических элементов (префиксов, суффиксов, основ, частей сложения) из интернационального языкового (греко-латинского) фон-

да и заимствования готовых номинаций из одного и того же языка-лидера. На роль последнего в настоящее время, без сомнения, претендует английский язык, на базе которого формируются основные современные терминосистемы (информатика, электроника и т. п.). В свете сказанного обостряется традиционная проблема борьбы с заимствованиями, особенно в профессиональном общении, где «чистота» национального языка не должна быть понята слишком банально.

4. Специальный язык – полифункциональная языковая формация. Будучи одной из функциональных разновидностей высокоразвитого литературного языка, специальный язык занимает широкое поле языкового пространства и выполняет самые, существенные функции языка: отражение действительности и хранение знания (эпистемическая функция), получение нового знания (когнитивная функция), передача специальной информации (коммуникативная функция).

Выполняя достаточно разные, но одинаково важные функции, язык профессионального общения сам становится функцией человека в процессе его деятельности и оценивается «как основная социально-ролевая функция человека, реализация которой предоставляет ему средства для существования, но одновременно требует от него соответствующих знаний и умений, приобретаемых в результате обучения, а также опытом и привычкой» [22, 30–31].

5. Специальный язык – полиструктурная языковая система.

Полифункциональная языковая формация естественным образом должна обладать способностью к полиструктурности, с тем чтобы, обеспечивать разные коммуникативные потребности. На содержательном уровне специальный язык распадается на конкретные профессиональные языки, которые при общей основе специального языка всякий раз приобретают свои приоритеты в плане выражения. Не надо доказывать, что язык математиков существенно отличается от языка историков, а язык химиков от языка филологов. Но при этом у них есть общие разновидности, характер которых обусловлен формой реализации, – письменная и устная форумы.

Установилось своеобразное соотношение форм реализации с основными функциями специального языка: в функции накопления и передачи знаний «письменная (точнее, печатная) речь занимает почти монопольное положение»; в функции распространения знаний преимущество также на стороне письменной речи; в профессиональном общении ведущей остается устная речь [33, 16–17].

Современный специальный язык обладает, выражаясь традиционно, внутренней стилистической неоднородностью. Исследователи, видя эту особенность, разработали своеобразные «многослойные модели» профессиональных языков. Воспользуемся готовой разработкой, сделанной на материале немецкого языка, но явно носящей универсальный характер [22].

Для отдельных профессиональных языков были разработаны примерно следующие многослойные модели:

– Для области профессиональных языков техники: язык науки (язык теории, специальная терминология), язык производства (цеховой язык, профессиональный разговорный язык, собственно производственный язык, специализированный по более мелким отраслям).

– Для политического профессионального языка: научный язык, деловой язык, профессиональный разговорный язык.

– Для профессионального языка химии: научный язык, жаргон, употребляемый в лабораториях, язык учебников, язык преподавателей.

– Для медицинского профессионального языка: научный язык, профессиональный разговорный язык, язык учебников, язык практики или язык клиник.

Сравнение этих различных моделей позволяет выделить три основных слоя.

– Первый слой – это научный язык, за исключением тривиальных названий и, возможно, общих специальных слов.

– Второй слой – это профессиональный разговорный язык (цеховой язык, производственный язык, лабораторный жаргон), который состоит прежде всего из нестрого определенных профессиональных слов и жаргонизмов и служит преимущественно для повседневного общения людей, работающих в данной отрасли.

– Третий слой – это язык распределяющий; сюда входит язык продавцов, язык торговцев, язык агитации, язык рекламы.

Предложенные модели дифференциации профессиональных языков, конечно, не могут быть рассмотрены как некий эталон. Это один из возможных вариантов, к тому же разработанный на материале разных (но далеко не всех) конкретных специальных языков. В данном случае необходимо подчеркнуть, по крайней мере, два немаловажных обстоятельства.

Во-первых, специальный язык как объект исследования предстает по своей функциональной и структурной направленности в виде феномена, который в конкретных условиях реализации достаточно легко расслаивается на отдельные профессиональные разновидности; во-вторых, и это особенно важно, в каждой из таких профессиональных разновидностей последовательно выделяются язык науки и профессиональный разговорный язык (язык практики). Последнее обстоятельство дает возможность аттестовать язык науки в рамках (а не за пределами) специального языка.

Такое положение языка науки обеспечивается его особым лексико-семантическим и деривационным потенциалом, который обнаруживается при обращении к плану содержания и плану выражения в их единстве.

6. Лексико-семантическая система специального языка – дифференцирующий фактор этого функционального, языка.

Исследователи давно отметили, что суть и основное отличие специального языка заключены в специфике плана содержания. Именно содержательная организация определила конкретную адресованность специальной речи, формы ее функционирования, жанрово-стилистическое своеобразие. Объективация содержания вкупе с коммуникативным характером научного и другого рода творчества потребовали соответствующих средств выражения. Произошел и продолжает происходить, с одной стороны, отбор из общезыкового национального и интернационального фонда готовых единиц номинации, с другой, – формирование (как правило, по образцу и подобию существующих) собственных средств выражения необходимых смыслов, категорий, понятий.

То, что дифференцирующий фактор специального языка заключен в его лексико-семантическом аппарате, что именно последний способен осуществить основное предназначение языка, не вызывает сомнений.

Исследователи средств выражения в специальном языке неизбежно сталкиваются с необходимостью их классификации, выделения типов на определенных (не случайных, а приоритетных) основаниях. И это вполне естественно, поскольку речь идет об огромном массиве номинаций специальных понятий, неоднородных по семантическим критериям, а следовательно, и по своему назначению, по выполняемой ими роли носителей специальных смыслов. Классификационные схемы средств выражения в сфере специальной лексики давно имеют место в лингвистической литературе, словарях, и они достаточно традиционны. Предлагаемая в данной работе классификация единиц специальной номинации имеет два основания: функциональный признак (общенаучная, межнаучная (межсистемная) и узкоспециальная терминология) и существенные атрибуты деятельности (наименования сфер деятельности, субъектов деятельности, объектов деятельности, средств деятельности, продуктов деятельности).

Контрольные вопросы

1. Назовите основные лингвистические характеристики специального языка.
2. К какой сфере относится использование невербальных средств? Каково их предназначение?
3. Что предполагает интернационализация языков для специальных целей? Какими способами осуществляется интернационализация в сфере специальной лексики?
4. Какие существенные функции языка выполняет специальный язык?
5. Каково соотношение форм реализации с основными функциями специального языка?
6. В чем заключаются основные отличия специального языка?
7. Что такое «неспециальная лексика общенаучного языка»? Назовите ее основные характеристики.

8. Найдите в текстах хрестоматии примеры употребления специальной и неспециальной лексики.

§ 23. Средства выражения специальных реалий, категорий, понятий

Набор средств выражения в сфере специальной лексики столь разнообразен, что не может быть представлен исключительно лингвистическими единицами. Однако основу его составляют вербальные средства (слова, словосочетания, фразеологические единицы). Именно поэтому представляется целесообразным остановиться на них более подробно, подчеркивая их особенности и направления, развития.

Как и всякое массовое средство выражения, вербальные средства имеют тенденцию к формированию некоего ядра (центра), составляющего основной, наиболее функционально нагруженный лексико-семантический фонд, и периферии, роль которой существенно иная, но не менее значимая.

Ядро объединяет основной лексический фонд, включающий в себя как специальные, так и неспециальные вербальные средства выражения соответствующего области знания содержания.

Специальный словарь основного лексического фонда, естественно, представлен терминологией, которая помимо собственно номинативного терминологического пласта (выраженного, как правило, именами существительными) содержит терминированные слова, выраженные и другими знаменательными частями речи (термины – глаголы, прилагательные, наречия), а также предложно-падежные конструкции, функционально выполняющие ту же роль, что и термины. Это своеобразные шаблоны, заготовки для конкретных номинаций типа «в ... режиме» (в автоматическом режиме), «в ... исполнении» (в северном исполнении).

Периферию лексики составляют те языковые средства, которые часто присутствуют в специальной речи (текстах) как индивидуально-авторские черты. Тем не менее они также поддаются некоторому группированию.

Итак, язык для специальных целей осуществляет вербализацию профессионального знания, а для этого он должен обладать соответствующими лексико-семантическими средствами, способными адекватно передавать существо всех основных категорий и понятий науки, техники и других областей профессиональной деятельности.

В сложной и многомерной системе вербальных средств выделяются достаточно автономные функциональные пласты. Вершину составляют общенаучные термины, предназначенные выражать категории и понятия, принципиально и продуктивно применимые ко всем областям научного знания, объединяющие в своем составе номинации логико-философских категорий, обладающих гносеологической универсальностью, а также категорий и понятий нового типа, возникших в результате математизации и кибернетизации, - электронизации, информатизации науки, в результате интеграционных процессов и новейших методов исследования. - Таковы, например, система, элемент, структура, функция, модель, парадигма, информация, управление, программа, надежность, адаптация, метод, фактор и т. п.

Общенаучные средства выражения в конечном итоге служат основой поиска средств теоретизации науки, универсализации научных средств и тем самым универсализации специального языка в целом.

Можно отметить некоторые достаточно внешние в языковом отношении характеристики общенаучных терминов, которые обнаруживаются при функционировании их в специальной литературе и в специальной речи. Прежде всего, входя в состав универсальных средств выражения, общенаучные термины не только не утрачивают, но на напротив, предполагают конкретизацию при использовании их в отдельных областях знания. Тем самым реализуется способность терминов (понятий) к порождению производных. Ср.: информация и социальная информация, экономическая информация, научно-техническая информация, производственная информация, биологическая информация, генетическая информация, измерительная информация и т. п. Существенной и традиционной чертой общенаучных терминов (понятий) считается также их тенденция к «сопряженности в парах»: абстрактное и конкретное, необ-

ходимость и случайность, возможность и действительность, причина и следствие, качество и количество, структура и функция, эволюция и революция, анализ и синтез, на основе которых развиваются и более сложные комплексы: содержание – форма – структура – функция; возможность – действительность – необходимость и др.

Дисциплинарная организация науки (дифференциальный фактор) естественным образом порождает и объединения наук (интегральный фактор), основания для которых могут быть самые разные. Так, исходя из основных форм движения материи (наиболее традиционное объединение) были признаны три цикла наук – общественные, естественные, технические. Правда, за их рамками остались математические, сельскохозяйственные, медицинские и некоторые другие. Известны и иные классификации наук: фундаментальные и прикладные, эмпирические и теоретические, высоко-формализованные и описательные. Современное состояние развития науки, с приоритетными интеграционными процессами, изменило сам подход к классификации наук: на смену дисциплинарному пришел проблемный принцип, который породил междисциплинарные комплексы. Этот факт не мог не отразиться на понятийном аппарате науки в целом, ее отдельных комплексов и конкретных дисциплин, что естественным образом вызвало адекватные процессы интегрального, синтетического характера в терминологическом фонде современного специального языка. В самом общем виде это выразилось в увеличении пласта межнаучной или межсистемной терминологии. Само понятие межнаучная терминология (межсистемная терминология) объединяет два достаточно самостоятельных состава. Один из них обнаруживается при вычленении интегрирующих элементов внутри цикла наук, другой образуют отдельные терминологические единицы, именующие понятия, применимые в понятийных аппаратах разных (не внутрикомплексных) объединений.

Межнаучные (межсистемные) термины, будучи интегрирующими средствами циклов областей знаний и практики (общебиологические, общегеологические, общетехнические и т. п.), имеют универсальные основания для объединения понятий.

Межнаучные термины первой группы, пределы распространения которых определены комплексами наук, представляют собой определенным образом организованные объединения наименований обобщенных, базовых понятий, общих для всего-комплекса наук (или для большинства входящих в данный комплекс наук). Это такие понятия, которые становятся, как правило, и структурной базой для оформления более конкретных, видовых понятий (соответственно терминов), главным образом в тех случаях, когда номинация осуществляется средствами синтаксической и частично морфологической деривации. Термины межнаучного ранга и термины соответствующих понятийных единиц конкретно-специального характера находятся в отношениях семантической иерархии (приборы – медицинские приборы), в этом случае налицо вертикальная связь; или в отношениях деривационной соотнесенности (приборы, приборостроение, приборостроитель; роботы, робототехника, робототехник), в этом (втором) случае налицо горизонтальная связь.

Межнаучные термины второй группы принципиально отличаются от первых отсутствием «организованности» по дисциплинарному признаку, поскольку они представляют собой набор терминологических единиц, употребление которых в терминологиях нескольких областей знания и практики не связано с общим объектом (предметом) деятельности. Их связывают некоторые в чем-то сходные характеристики отдельных явлений, процессов, имеющих место в разных областях знания. Для межнаучных терминов такого рода актуален вопрос о типе семантических отношений, которыми связаны эти наименования при условии их употребления в разных терминологических системах. Иными словами, являются ли они значениями одного термина, или в разных терминологиях фактически употребляются термины-омонимы, т. е. самостоятельные наименования, сохраняющие внешнее сходство и общую изначальную сему, которая в каждой конкретной терминологии претерпевает модификацию. Видимо, решение этого вопроса будет в значительной мере зависеть от того, по отношению к какой лексической системе рассматриваются данные слова. Если применительно к лексике общелитературного языка (многие из этих номинаций включены в толковые словари литературного языка), то данные лексемы могут быть рассмотрены как полифункциональные и полисемантические (словари в этом случае укажут посредством соответствующих помет кон-

кретные сферы их употребления). Если же эти термины будут рассматриваться в рамках специальной лексики языка науки, но с учетом их принадлежности разным терминосистемам, то они могут быть признаны самостоятельными наименованиями. И тогда их можно расценить как находящиеся в отношениях омонимии.

Но подобный «порядок» может быть и нарушен, например, когда "в одном и том же наименовании обнаруживаются и полисемия, и омонимия. Например, термин гармония в составе музыкальной терминологии: а) область выразительных средств музыки, основанная на объединении тонов в созвучия и на связи созвучий в их последовательном движении; б) раздел теории музыки, изучающий созвучия; и гармония в лингвистике – то же, что сингармонизм [СИС, 14].

Или октава: 1) муз. – а) 8-я ступень диатонической гаммы, б) интервал, охватывающий 8 ступеней диатонического звукоряда и шесть целых тонов; в) часть музыкального звукоряда, в который входят все основные ступени; 2) стихотворная строфа из восьми строк; 3) физическая единица частотного интервала... [СИС, 352].

Узкоспециальная терминология – самый представительный слой специальных терминов, именуемых специфические для каждой отрасли знания реалии, понятия, категории. Организующим началом для узкоспециальных терминов считается наличие в каждой из терминосистем и в терминологии (как общей совокупности специальных слов) типовых категорий понятий, по которым распределяется основной корпус терминов. Традиционно исследователи насчитывают девять таких категорий (предметы, процессы, состояния, величины, режимы, свойства, единицы измерения, науки и отрасли, профессии и занятия). Внутри отраслевой терминологии классификация ее по тому или иному признаку будет носить всякий раз свой, часто неповторимый характер, особенно если внутри терминологических объединений, образованных на основе универсальных категорий понятий, вычленив тематические группы. И само количество этих категорий может варьироваться в зависимости от степени и полноты охвата отраслевой терминологией соответствующей области знания.

Однако при характеристике узкоспециальной терминологии нельзя не учитывать того факта, что она отражает общую, специфику труда, предполагающую наличие таких обязательных составляющих, как самостоятельная сфера (область) деятельности (даже если она носит интегративный, пограничный характер, она все равно самостоятельна), объект деятельности, субъект деятельности, средство деятельности и продукт деятельности.

Все перечисленные неязыковые характеристики деятельности находят почти адекватное вербальное выражение в составе специальной лексики. Поэтому представляется уместным и целесообразным предложить эту, до некоторой степени нетрадиционную, классификацию узкоспециальной терминологии, в которую также укладывается основной корпус терминов каждой конкретной области знания с известными модификациями в составе рубрик в зависимости от особенностей сфер деятельности.

В соответствии с указанными особенностями той деятельности, которую обслуживает специальный язык, выделим пять относительно самостоятельных лексических группировок узкоспециальных терминов: 1) термины именующие сферу деятельности, в состав которых войдут названия научных дисциплин, отраслей техники, технологии производства; наименования проблем, решением которых занимаются конкретные науки и т. п.: науковедение, информатика, кибернетика, физика элементарных частиц, физика газов и жидкостей, физика твердых тел, физика плазмы, физика атома и молекулы, радиофизика, молекулярная биология, генетика, цитогенетика, иммуногенетика, микробиология, экология, гидробиология, космическая биология, космическая физиология, космическая микробиология, космическая токсикология, экзобиология, бионика, нейробионика, биокибернетика, биоинженерия, гляциология, планетология, космология, энергетика, атомная энергетика, гелиоэнергетика, ветроэнергетика, электроника, квантовая электроника, криоэлектроника, вакуумная электроника, автоматика, телемеханика, вычислительная техника, ядерная техника, эргономика и т. п. 2) Термины, именующие объект деятельности: наука (научный труд, научное творчество), язык (языкознание), литература (литературоведение), искусство (искусствоведение), вирусы (вирусология), энергия солнца (гелиоэнергетика), энергия ветра (ветроэнергетика), металлы (металловедение) и т. п. 3) Термины, именующие субъект деятельности: науковед, информатик,

кибернетик, генетик, цитогенетик, микробиолог, эколог, гидробиолог, гляциолог, планетолог, телемеханик, вирусолог, цитолог, машиностроитель, роботостроитель, робототехник и т. п.

Термины, обозначающие субъекта деятельности, часто (хотя и далеко не всегда) находятся в отношениях производности с терминами сферы деятельности: науковедение – науковед, фонология – фонолог, синтаксис – синтаксист, лексикология – лексиколог, лексикография – лексикограф и т. п. Такое соотношение не всегда укладывается в рамки прямой производности, вернее, оно предполагает номинацию от однословных терминов. Иначе представлены отношения производности, когда производящее наименование составное: аналитическая химия – аналитик, органическая химия – органик, неорганическая химия – неорганик и ряд других моделей семантического и формального соотношения. 4) Термины, именующие средства деятельности, включают несколько самостоятельных категориальных группировок: а) орудия деятельности (предметная категория): датчики, преобразователи, микропроцессоры, терминалы, модуляторы, мазеры, лазеры, резеры, газеры, фазеры, резонаторы, трансформаторы, реакторы; б) процессы деятельности: телеуправление, радиолокация, радиоуправление, проектирование и конструирование (чего-либо), диагностика (диагностика средств вычислительной техники); в) методы деятельности: методы сбора информации, методы обработки и анализа информации, аннотирование, реферирование, численные методы алгебры, численные методы анализа, методы исследования операций (кибернетика); г) измерения (метрология в широком смысле слова): измерения геометрических величин, измерения механических величин, измерения давления, вакуумные измерения, теплофизические и температурные измерения, измерения акустических величин, радиоэлектронные измерения, биологические и биомедицинские измерения и т. п. 5) Термины, именующие продукты деятельности, охватывают широкий круг разного рода результатов деятельности (главным, образом, предметная и абстрактная категория понятий): полупроводниковые материалы, металлы, металлические сплавы, керметы, искусственные волокна, пластмассы, полимеры, теория автоматического проектирования, языки программирования; микропроцессоры, терминалы, запоминающие устройства. Одни и те же реалии и соответственно термины могут одновременно входить в две группы, т. е. быть и средством (орудием) деятельности и результатом (продуктом) деятельности. Таковы наименования областей машиностроения, приборостроения, робототехники, станкостроения, инструментального производства и т. п.

В развитии отраслевой терминологии наблюдается ряд определяющих, ведущих тенденций, по которым можно судить, сколь близка связь терминологии, развивающейся в недрах языка науки, техники и др., с национальным литературным языком, с его лексико-семантическими и номинационными возможностями (лингвистический фактор) и сколь велика зависимость формирования отраслевых терминосистем от характера развития современных областей знания (экстралингвистический фактор).

При рассмотрении конкретных тенденций обнаруживается естественная для всякого развития разнонаправленность (иногда противоречивость) процессов, предопределяющих ту или иную тенденцию. Общие тенденции в развитии узкоспециальной терминологии затрагивают узловыe вопросы терминообразования и терминопотребления, к числу которых в первую очередь необходимо отнести современное состояние терминологии по следующим параметрам: источники формирования, способы номинации, особенности терминопотребления в научной литературе (проблемы ввода термина, проблема авторского терминопотребления и т. п.). Отметим основные из этих тенденций.

Живые потребности в терминах-неологизмах расширяли источники пополнения терминологий (путем привлечения значительного числа заимствований из других национальных языков и нелитературных форм существования собственного национального языка), в то же время активный процесс интернационализации профессиональной сферы языка привел к естественному сокращению числа продуктивно действующих источников и сосредоточению усилий на ресурсах собственного и других литературных языков, которые, в свою очередь, опираются на ресурсы международного лексического фонда.

Естественно, что эта тенденция проявилась на фоне развития русского литературного языка, вошедшего в число высокоразвитых языков мира, с его неограниченными способно-

стями к слово- и терминологическому образованию, полной освоенностью международного лексического и морфологического фонда, а также на фоне развития отечественной науки при параллельных интегративных усилиях ученых передовых, развитых стран, для которых интернационализация терминологии становится необходимым средством коммуникации. Поэтому неудивительно, что при рождении новой реалии или понятия из числа конкурирующих наименований для нового объекта терминологическая единица выбирается (или отбирается, т. е. происходит естественный отбор) главным образом не по «национальному» признаку, а по признаку, целесообразности. Целесообразными же становятся те номинации, которые максимально отвечают универсальным требованиям, предъявляемым к термину, – краткие, семантически точные, обладающие словопроизводными качествами. Хрестоматийны примеры типа лазер, вытесняющий квантовый генератор света и давший множество производных в разных областях знания и практики (лазерный луч, лазерная терапия, лазерная техника, лазерное излучение и др.). Или: электронная вычислительная машина (ЭВМ) и компьютер, активно входящий в наш язык главным образом благодаря его терминопорождающим способностям (компьютерная техника, компьютерная томография, компьютеризация, компьютеризовать, персональный компьютер, мини-компьютер и т. п.). Без особых колебаний вошли в нашу терминологию такие готовые номинации, как терминал, файл, дисплей, интерфейс, супервизор, сумматор, перфоратор, монитор, телетайп, микропроцессор.

Магистральной тенденцией последних лет стала гармонизация терминов, т. е. обеспечение сопоставимости терминологии национального и международного уровней. Например, именно гармонизация (естественно, на понятийном уровне) потребовала известной коррекции содержания понятий, обозначаемых «старыми» терминами (рынок, спекуляция, биржа и т. п.).

Часто средства выражения исконного языка переплетаются в конкретных номинациях с интернациональными, которые по существу стали фактами национального языка, поскольку на их основе создаются (или калькируются) термины для нужд новых областей знания: генная инженерия, генетическая инженерия, клеточная инженерия, тканевая инженерия; солнечный генератор, реактор-размножитель, термоядерный синтез, гелиостат, гелиоэнергетика, гелиокомплекс; немеханическая технология, нетканый материал и многие другие.

Уходят в прошлое средства номинации нелитературных форм существования языка (диалектизмы, «просторечизмы», жаргонизмы). В виде отдельных вкраплений они встречаются в конкретных терминосистемах как традиционные наименования. Продуктивность же этого источника в современной номинации специальных понятий сведена практически к нулю.

Весьма показательны в этом отношении данные, сопровождающие унификацию, стандартизацию терминологии. Обобщенно их можно охарактеризовать как стремление освободить отраслевую терминологию от всего, что находится за пределами строго литературного языка, вывести стандартизованную терминологию на уровень литературно-письменных образцов; например, термин плешки заменяется термином пятна на бумаге (картоне), термин шитво заменяется шитьем бумажного блока и т. д.

С одной стороны, потребности современного практического терминотворчества расширяют базу номинации (привлекаются новые, нетрадиционные для литературного языка типы производящих основ, используются периферийные для литературного словообразования средства и способы номинации и т. п.). С другой стороны, процесс необходимой специализации терминологических элементов и моделей сужает сам аппарат терминологического образования до исчислимого набора как способов, так и типовых продуктивных моделей, посредством которых обеспечиваются основные потребности терминологий разных дисциплин и отраслей современного знания.

К числу направлений, расширяющих базу номинации в сфере специальной лексики, относится образование эпонимических наименований (образованных от имен собственных), вводящихся в последние годы чрезвычайно активно. Данные образования вызывают разноречивое к себе отношение: одни не одобряют их, считая семантически ущербными, другие приветствуют, в силу того что эпонимизация – единственный способ увековечить имя собственное в термине. Столь же очевидной приметой терминологического образования становится тенденция к максимальной конденсации словесного материала в номинациях, как правило, предметных

понятий средствами разного рода сложносокращенных образований, в результате которых получаются словоподобные наименования: токамак (созданное на основе словосочетания «токавая камера с комбинацией магнитных и электрических полей»), фианиты (название класса жаростойких материалов, созданное посредством суффикса -ит от производящей основы ФИАН – аббревиатуры Физического института Академии наук (СССР), стран (синтетический гранит), ворсанит (ворсовая нить), ситалл (силикат и металл), метой (металл и бетон), руберан (рубериод антисептический) и т. п.

Непродуктивный в общелитературном словообразовании способ сращения достаточно часто используется для образования терминов – сложных прилагательных: вечнозеленый, долгоиграющий, ртутьсодержащий, водосодержащий и т. п.

Собственно терминологический аппарат номинации конкретно-научных понятий, в основе своей базирующийся на словообразовательной системе литературного языка, характеризует максимальная специализация средств терминотворчества, отбор и закрепление этих специализированных средств как за категориями понятий, так и за областями знания.

Выработке достаточно определенного набора средств терминообразования способствует стремление к аналогичному формированию терминов в пределах общей категории понятий и особенно внутри одной и той же тематической группы. Таковы, например, наименования понятий квантовой электроники: мазер, лазер, резер, газер, фазер.

Характерно, что значительный количественный рост терминов-неологизмов по существу не ведет к значительному росту совершенно новых лексем и новых терминоэлементов, поскольку в подавляющем большинстве случаев новая номинация осуществляется на базе ранее существовавшего языкового материала. Для этого есть свои основания, заключающиеся, как отметил академик Д. Н. Шмелев, в том, что «материальное воплощение наших знаний о мире выражается не просто в словах, но в словах, многие из которых (а потенциально все) обладают способностью передавать не одно, а несколько значений, т. е. попеременно выступать в качестве различных единиц номинации» [41, 5]. Примером тому служат многие новые терминологические наименования типа: гибкая технология, диалоговый режим, порошковая металлургия, заместительная терапия, бесконтактное дистанционное управление, спутнико-строение, полуслово (термин автоматизированных систем управления), поколение ЭВМ, программирование, программист, программное управление, программный модуль, программа-диспетчер, программа-монитор, самовосстанавливающаяся программа и т. п.

Пополнение действующего в терминообразовании лексического материала происходит не только посредством заимствований из других живых национальных языков (в этом случае новыми лексемами эти заимствования становятся для заимствующего языка), но и посредством перехода имен собственных в апеллятивную лексику, которая затем становится производящей для новых производных, например: рентген, рентгеновский аппарат, рентгеновские лучи, рентгенограмма, рентгенодефектоскопия, рентгеноспектральный анализ, рентгеноструктурный анализ; ампер, ампер-весы, ампер-виток, ампер-час, амперметр, амперометрия; вольтметр, гальванопластика, гальванотехника, вольт-добавочный трансформатор и т. п.

Заимствования по мере освоения их языком становятся фактами заимствующего языка и могут давать производные на базе этого языка. Таковы многие производные от термина лазер, являющегося заимствованной аббревиатурой из английского, но активно продуцирующего на базе русского языка: лазерное излучение, лазерные лучи, лазерная медицина, лазерная терапия, лазерная установка, лазерно-химическая реакция, лазерная физика, лазерная техника, лазерный генератор, лазерный канал связи и т. п.

Для отраслевой терминологии, и прежде всего для ее формирования и пополнения, характерно интенсивное развитие в сфере поиска как лексико-семантических резервов, так и непосредственно способов номинации. Интенсификация терминообразующего аппарата современного языка для специальных целей определяет приоритетные и перспективные способы номинации, а также ведет к разработке новых моделей, по которым возможно на традиционном (старом) материале создавать новые наименования. Повторная (многократная) номинация на существующем лексическом материале актуализирует семантический и син-

тактический способы номинации и позволяет использовать скрытые резервы в соединении элементов слов.

Общая характеристика узкоспециальной терминологии, которая обнаруживается при сравнении особенностей терминов, вычлененных теоретически, т. е. из их идеальной функциональной природы, с одной стороны, и фактических примет употребления в специальных текстах, с другой, также дает возможность увидеть разно-направленные процессы. И это не случайно, поскольку они типичны для специальной терминологии, «руководят» развитие этой лексики, ее совершенствованием вслед за развитием понятий, непрерывно совершенствующихся в самой науке. Имеется в виду следующее: термин должен быть строго соотносен с соответствующим понятием, содержание которого отражено в дефиниции. Дефиниция – необходимый атрибут, без которого термин не существует как единица номинации специального понятия. Закрепленность дефиниции за термином гарантирует необходимую тождественность и взаимозависимость знака и понятия. На фоне такой обязательной связи наблюдается явление некоей «свободы» терминопотребления, проявляющейся в том, что границы содержания понятия, именуемого конкретным термином, оказываются подвижными. Это ведет к нестандартности использования термина в текстах научной литературы. В одних случаях употребление терминов происходит непосредственно, без всякой подготовки к их восприятию, без авторской «ремарки», без содержательного комментария. Подобным образом используются термины традиционные, с устоявшейся семантикой, термины однодисциплинарной принадлежности. Таковы, например, аффикс, суффикс, префикс, флексия и т. п. – в лингвистике; планктон, планктер, метод кварталей и др. – в гидробиологии; эндоскоп, эндоскопия, кардиография и т. п. – в медицине; трубопровод, газопровод, нефтепровод и др. – в транспортной технике. В других случаях (и это относится к терминологии развивающихся областей знания, к номинации и дефиниции новых или допускающих содержательный пересмотр понятий) требуется специальный комментарий, который сопровождает введение термина в текст. И это не противоречит природе термина, ибо границы содержания понятия подвижны, поскольку само понятие претерпевает развитие или интерпретируется с разных позиций. Существует несколько типичных приемов введения термина в текст: а) авторское терминопотребление – очень распространенный прием введения термина посредством авторской дефиниции, соответствующей позиции автора, его концепции. Авторскому определению, как правило, подлежат термины, составляющие суть точки зрения автора и суть изучаемого явления, т. е. основные, базовые термины.

В текстах всегда обнаруживаются внешние приметы авторского терминопотребления, которые содержат указания на определенность содержания термина и на локальность его употребления: «Итак, под «парадигмой» мы понимаем здесь господствующий в какую-либо эпоху взгляд на язык, связанный с определенным философским течением и определенным направлением в искусстве, притом таким именно образом, что философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, данные языка, в свою очередь, – для решения некоторых (обычно лишь некоторых) философских проблем...» [37, 4); б) рабочее терминопотребление, т. е. такое, которое условно допускается как приемлемое в данной конкретной работе. Этот вид определения имплицитно тоже авторский, но в нем более существенным является признак некоего вспомогательного и окказионального средства. «Рабочий» характер определения всегда специально оговаривается. Например: «Попытался охарактеризовать... содержание с помощью следующего рабочего определения. Ответственность – это такой способ регуляции человеческого поведения, при котором деятельность субъекта (индивида или коллектива людей) сопровождается нравственной самооценкой, а также ожиданием и осуществлением общественно значимой оценки результатов этой деятельности в виде моральных, юридических, экономических или других санкций (как негативных, так и позитивных) в рамках определенной системы общественных отношений и со стороны соответствующих социальных институтов» [29, 34]; в) к рабочему определению, видимо, примыкает понятие условных терминов, которые вводятся авторами в качестве атрибутов рабочей гипотезы. Так, говоря о типовых лексических минимумах – языковых, коммуникативных, речевых и метаречевых, – автор отмечает условность терминов: «Речевой лексиче-

ский минимум» – термин условный, обозначающий некоторую функционально-стилистическую модель языка и коммуникативную (ситуативно-тематическую) сферу» [10, 82].

Все перечисленные типы терминопотребления (авторское, рабочее, условное) сопровождаются текстовой дефиницией, рамки употребления которой ограничены конкретным исследованием, но в то же время вписываются в более широкий контекст исследования проблемы, явления, закономерности, внося свой вклад в теорию вопроса.

Текстовые дефиниции отличаются от словарных варьированностью их формы. Иногда текстовая дефиниция близка или совпадает с лексикографической, т. е. основана на тех же правилах соотношения понятий (ближайшего рода и видовых отличий), с той только разницей, что в тексте, естественно, соединяются в одной фразе определяемая и определяющая части термина, для чего необходимы соответствующие связи типа «называется», «считается», «является», «это» и т. п., а объект определения стоит не обязательно в именительном – чаще в творительном падеже: «Конфронтацией называется сопоставление языков по всем уровням и единицам» [10, 6]. «Контрастированием считается сопоставление языков только по различающимся явлениям» [там же].

Естественным следствием текстовых дефиниций является и «нарушение» исходных грамматических форм определенного термина (не только именительной падеж, но обязательно единственное число). В других случаях текстовые определения имеют не строго дефинитивную форму, в которой определенный смысл сохраняется, но свободным остается порядок подачи определяемой и определяющей частей. Ср., например: «Отношения между разными значениями одного и того же многозначного слова называются эпидигматическими» [10, 95].

Итак, три представленных терминологических блока (общенаучная, межнаучная и узкоспециальная терминология) составляют лексико-семантическое ядро языка для специальных целей. Однако было бы принципиально неверным оставить без внимания еще одну из составляющих – неспециальную лексику, которая также имеет общенаучное распространение и характеризуется рядом своих черт.

Под общей «шапкой» общенаучных средств выражения специального содержания, кроме общенаучной терминологии, обозначающей широкие и специализированные понятия, возможность использования которых не ограничивается одной наукой или комплексом наук, а распространяется на все области современного знания, находится и неспециальная лексика общенаучного употребления. Такая точка зрения не является оригинальной: ее придерживаются и исследователи-лексикологи, и исследователи-лексикографы (составители частотных словарей). Есть и другая точка зрения, согласно которой возможно разграничение общенаучной терминологии и общенаучной лексики, т. е. лексики неспециального содержания, широкого, обобщенного значения и книжного по употреблению характера, использование которой также не ограничивается одной областью знания. Понимая, что представленные характеристики неспециальной лексики общенаучного употребления нельзя считать всеобъемлющими, постараемся все же представить некоторые ее конкретные параметры.

Вполне закономерно, что в специальном языке, представленном многими «жанрами», широко используется класс имен собственных. Научные открытия связаны с именами ученых, дискуссии ведутся с оппонентами, представляющими в науке, разные школы, направления, точки зрения, – все это естественным образом находит отражение буквально в каждом научном исследовании, а потому может быть отнесено к общей характеристике лексического состава языка науки. Но функции имен собственных – и это самое главное – не ограничиваются «простой констатацией» того факта, что то или иное открытие связано с именем ученого. Они намного сложнее и значительнее. Прежде всего это обусловлено тем, что собственные имена входят в номинативный фонд языка науки, т. е. являются средствами терминологической номинации.

Участвуя в номинации специальных понятий, имена собственные создают несколько типичных разновидностей терминов-эпонимов: 1) традиционные словосочетания терминологического характера с участием имен собственных типа: аксиома Фреге, алгебра Буля, диаграммы Венка, закон Лейбница, теорема Левенгейма, теоремы Геделя, кривая Велера, штрих Шеффера; 2) термины-словосочетания, в составе которых наличествуют образованные от имен собственных прилагательные притяжательного типа: аклеева строфа, спенсера стро-

фа, булево кольцо, гамильтоновы знаки, ламберовы линии, эйлеровы круги, 3) термины – производные от имен собственных (слова суффиксального образования): дарвинизм, вейсма-низм, марксизм, крарупизация, пупинизация, 4) термины – слова собственно эпонимической природы типа: рентген, ом, вольт, ампер и т. п.; 5) производные от эпонимов: рентгеновская трубка, ампермегприя, вольто-добавочный трансформатор, гальванопластика и т. п. И хотя все конкретные представители этой группы наименований «разойдутся» по своим областям знания, и в этом смысле они не могут быть отнесены к общенаучным средствам выражения, вполне уместно упоминание об этом пласте терминов в связи с рассмотрением роли имен собственных в составе лексики языка науки, в ее общенаучном фонде.

Имена нарицательные неспециального назначения – самый обширный класс лексики общенаучного употребления, характеристика которого может быть проведена по ряду основных лексикологических и грамматических показателей: по принадлежности к знаменательным или служебным частям речи; семантическому признаку; эмоционально-экспрессивным характеристикам; функциональному признаку.

В языке для специальных целей находится место словам всех без исключения частей речи, как знаменательным, так и служебным. В этом смысле лексический состав текстов специальной литературы мало чем отличается от лексического состава текстов других функциональных разновидностей общелитературного языка. Чтобы выявить особенности неспециальной лексики общенаучного употребления, целесообразно представить эту лексику в виде семантических групп, основание для выделения которых находится за собственно языковыми рамками. Как и в случае с терминами, его следует искать в специфике деятельности созидательной, частично репродуктивной (т. е. деятельности, повторяющей то, что уже есть).

Сам факт аналогии в группировании специальных и неспециальных слов знаменательных и функционально вполне оправдан. Неспециальные слова той же семантической наполненности, что и специальные, выполняют собственно стилистическую функцию, являясь нейтральными аналогами официальных терминов, выраженных на другом (обыденном) уровне сознания.

Возьмем за основу те же пять ранее названных групп: 1) сфера деятельности; 2) объект деятельности; 3) субъект деятельности; 4) средства деятельности; 5) продукт деятельности.

Особенность конкретного распределения основного лексического фонда языка для специальных целей по указанным семантическим группам состоит в том, что в одних из них окажутся только специальные наименования, например в сфере деятельности (наука, техника, производство, управление, биология, физика, космонавтика и т. п.); в других объединятся как специальные, так и общеупотребительные (субъект деятельности); в третьих произойдет своеобразная дифференциация (средства деятельности).

Конечно, вся общеупотребительная лексика специального языка не распределяется по указанным группам: сюда войдет очень существенный пласт, в некотором роде являющийся, как уже отмечалось, аналогом специальной лексики. За пределами этих групп останутся слова, которые по семантическому признаку могут быть охарактеризованы как модально-оценочные. При их классификации возникает иной признак, а именно экспрессивность лексики.

Характеризуя лексический состав языка для специальных целей, исследователи чаще говорят об «элиминации эмоционально-экспрессивных индивидуальных элементов» и об «отказе от употребления экспрессивной, стилистически маркированной лексики» [42, 48]. В основном, это действительно так. Однако о полном отказе от таких средств, как в индивидуальной, так и в обобщенной их реализации, говорить все-таки нельзя, ибо такая лексика в текстах специальной литературы обнаруживается постоянно. Но при этом необходимо сделать оговорку о характере данной лексики, которую можно было бы охарактеризовать как интеллектуально-оценочную (в отличие от эмоционально-оценочной, используемой в других функциональных разновидностях литературного языка). В ее составе также присутствуют слова всех частей речи, но прежде всего, естественно, прилагательные, среди которых можно обнаружить и образования, созданные посредством суффиксов субъективной оценки: большой, наибольший, высокий (уровень), высочайший, крупный, крупнейший, догматический, многогранный, новый (метод), уникальный, видный, интересный (результат), безуспешный, обстоятельный, безнадежный, поучительный и т. п.

Эти оценочные прилагательные, как правило, употребляются в составе словосочетаний с именами существительными типа: уровень, значение, достоинство, степень, качество, решение, наблюдение, достижение, проблема, интерес, исследование, успех, область, диапазон, поиск, проблема, аспект, борьба, этап, попытка, характер, дискуссия, результат, гипотеза, концепция, открытие, роль, аргументация, разработка, критика, факт(ы) и т. п., значение которых предполагает наличие оценочных определений, выражение степени проявления того или иного качества.

Элементы оценки обнаруживаются и в других группах слов в частности в отвлеченных существительных: актуальность, перспективность, ясность, отчетливость, ценность, слабость, несостоятельность, фундаментальность, уникальность, тривиальность, стабильность, глаголах: спекулировать, игнорировать, углублять, обобщать, наречиях: заманчиво, гибко, скептически, тонко, грубо, слабо, всесторонне, широко, узко, значительно, фундаментально, уникально, убедительно, ощутимо, актуально, аффективно, кардинально, тривиально, несостоятельно, стремительно, всесторонне, заметно, отрицательно, положительно, существенно, интенсивно, недостаточно и т. п.

Характеризуя неспециальную лексику по функциональному признаку, необходимо отметить, что для значительной ее части типично явление полифункциональности, т. е. использование в неспециальном значении таких лексем, которые имеют и терминологический смысл. В словарях они отмечены как значения слова. Явление лексической полифункциональности не создает никаких затруднений в правильном понимании специального текста, поскольку ближайший контекст исключает возможность восприятия полифункциональной лексики в двух и более значениях. Таковы, например, множество в значении «большого количества, числа чего-нибудь» в отличие от математического термина множество, обозначающего «совокупность элементов, объединенных по какому-нибудь признаку».

Таким образом, неспециальная лексика общенаучного употребления при всем своем семантическом и ином многообразии функционально тяготеет к лексике специальной. Именно это дает возможность нивелировать контраст между неспециальной и специальной лексикой.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что составляет основу средств выражения в сфере специальной лексики?
2. Какая основная тенденция характерна для вербальных средств специального языка?
3. Чем представлен специальный словарь основного лексического фонда?
4. К чему сводится основное функциональное предназначение общенаучных средств выражения?
5. Какие внешние в языковом отношении характеристики общенаучных терминов обнаруживаются при функционировании этих терминов в специальной литературе и специальной речи?
6. Что такое дисциплинарный и проблемный принципы деления наук?
7. Что вам известно о понятии «межнаучная терминология»?
8. Охарактеризуйте специфические особенности узкоспециальной терминологии.
9. Назовите основные направления расширения базы номинаций в сфере специальной лексики.
10. Перечислите несколько типичных приемов введения термина в текст.

§ 24. *Стилевые и жанровые особенности научного стиля*

Системность основного функционального стиля складывается из общеязыковых (нейтральных) элементов, элементов языково-стилистических (стилистически окрашенных вне контекста языковых единиц) и элементов речестилистических, которые в определенном контексте (ситуации) приобретают стилистические качества и/или участвуют в создании стилистического качества контекста, текста. В каждом основном стиле существуют свои принципы отбора этих элементов и их соотношение.

Научный стиль отличается рядом общих черт, обусловленных особенностями научного мышления, в том числе отвлеченностью и строгой логичностью изложения. Ему присущи и некоторые частные черты, упомянутые выше.

В каждом функциональном стиле действуют свои объективные стилеобразующие факторы. Схематически их можно изобразить следующим образом.

Функциональный стиль	Стилеобразующий фактор					
	доминирующая языковая функция	форма общественного сознания	основная форма речи	типичный вид речи	преобладающий способ общения	тон речи
научный	информативная	наука	письменная	монолог	массовый неконтактный и косвенно-контактный	нейтральный
официально-деловой	информативная	правовое сознание	письменная	монолог	массовый неконтактный и контактный	нейтральный, констатирующий, императивный
публицистический	информативная и функция воздействия	идеология и политика	письменная и устная	монолог	массовый, контактный и косвенно-контактный	обусловленный эстетической задачей
разговорный	обмен мнениями	обыденное сознание	устная	диалог, полилог	личный, контактный	обусловленный ситуативно

Каждый из функциональных стилей имеет к тому же свою цель, своего адресата, свои жанры. Основной целью научного стиля является сообщение объективной информации, доказательство истинности научного знания.

Однако цели (а особенно их соотношение) в большей или меньшей степени могут корректироваться в процессе создания текста. Например, вначале диссертация может быть задумана как сугубо теоретическое исследование, а в процессе работы (написания) откроются перспективы практического применения теории, и работа приобретает ярко выраженную практическую направленность. Возможна и противоположная ситуация.

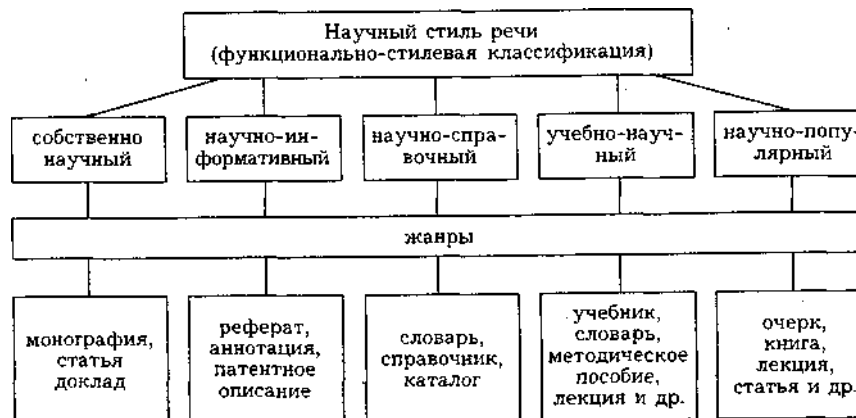
Цели конкретизируются в задачах данного текста. Цели и ситуация определяют отбор материала, который используется на всем протяжении создания текста. Однако вначале этот процесс имеет количественный характер, а ближе к концу – качественный.

Адресатами произведений научного стиля преимущественно являются специалисты – читатели, подготовленные к восприятию научной информации.

В жанровом отношении научный стиль довольно разнообразен. Здесь можно выделить: статью, монографию, учебник, рецензию, обзор, аннотацию, научный комментарий текста, лекцию, доклад на специальные темы, тезисы и др.

Однако при выделении речевых жанров научного стиля следует обращать внимание на то, что в любом функционирующем языке существует своя иерархия стилистических систем – подсистем. Каждая низшая подсистема имеет в основе элементы систем более высокого ранга, по-своему комбинирует их и дополняет новыми специфическими элементами. «Свои» и «чужие» элементы, в том числе и функциональные, она организует в новую, иногда качественно иную целостность, где они приобретают в той или иной степени новые свойства. Например, элементы научного и официально-делового стилей, соединяясь, порождают научно-деловой под-стиль, который реализуется в разных жанрах, таких, например, как отчет о проведении научно-исследовательской работы, автореферат диссертации и др.

Функционально-стилевую классификацию научного стиля речи можно представить следующим образом.

В каждой из этих жанровых подсистем предполагаются свои соотношения элементов собственно научного и других стилей и свои принципы организации речевого произведения. По мнению А. Н. Васильевой, «модель этой организации формируется в речевом сознании (подсознании) человека в процессе речевой практики, а также часто и специального обучения» [1, 48]. Такому обучению в немалой степени способствует учебно-научная литература, которая, излагая в доступной форме основы той или иной науки, имеет свои особенности, отличающие ее от других видов научной литературы (проблемной статьи, частной монографии, журнальной подборки). Ее основные черты таковы: предметно-логическая последовательность и постепенно разворачивающаяся манера изложения; «сжатая полнота», которая выражается в том, что, с одной стороны, излагается только часть накопленной информации о предмете данной науки, а с другой – эта часть является базовой, и в ней предмет изложения характеризуется равномерно и разносторонне.

В научном стиле, как и в каждом функциональном стиле, существуют свои определенные правила текстовой композиции. Текст воспринимается в основном от частного к общему, а создается от общего к частному.

Структура текста научного стиля обычно многомерная и многоуровневая. Однако это не означает, что все тексты имеют одинаковую степень структурной сложности. Например, они могут быть абсолютно разными по чисто физической конструкции. Чтобы понять, о чем идет речь, достаточно сравнить научную монографию, статью и тезисы. При этом следует иметь в виду, что степень сложности не носит здесь абсолютного характера, ибо те же самые тезисы трудно написать, не написав хотя бы чернового наброска, статьи и не рассмотрев его критически.

Каждый из жанров научного стиля имеет свои особенности и индивидуальные черты, но в связи с тем, что в одном учебном пособии трудно дать описание специфических черт всех жанров и видов научного стиля, мы остановим свое внимание на жанре научных тезисов, который является одним из наиболее общеактуальных жанров языка науки.

Тезисы могут писаться человеком для себя – в этом случае они не являются объектом данного рассмотрения, ибо к ним не предъявляются строгие требования жанра и стиля. Предмет нашего интереса – это тезисы, создаваемые для публикации. Именно они должны отвечать определенным нормативным требованиям, прежде всего требованию содержательного соответствия заранее объявленной проблемной теме. Не менее важен и фактор научно-информативной валентности, содержательной актуальности и ценности информации, оставляемой в рамках объявленной проблемной темы. Тезисы являются одним из наиболее устойчиво-нормативных жанров речевого произведения, поэтому нарушение жанровой определенности, нормативности, чистоты, жанровые смешения оцениваются в нем как грубые нарушения не только стилистических, а вообще коммуникативных норм. Среди типичных нарушений, какими являются, например, подмена тезисов текстом сообщения, резюме, рефератом, аннотацией, проспектом, планом и т. д., наиболее неприятное впечатление производит смешение форм разных жанров. Такое смешение демонстрирует отсутствие научно-речевой культуры у автора и подвергает сомнению его научные данные в целом.

Тезисы имеют и строго нормативную содержательно-композиционную структуру. В ней выделяются: 1) прамбула; 2) основное тезисное положение; 3) заключительный тезис. Чет-

кое логическое деление тезисного содержания подчеркивается рубрикацией, а в некоторых случаях – и выделением абзацев под одной рубрикой.

Тезисы имеют и свои строгие нормы речестилистического оформления, свойственные научному стилю в целом, но в данном конкретном случае действующие еще более жестко.

По мнению А. Н. Васильевой, общей нормой всякого научного стиля «является высокая насыщенность высказывания предметно-логическим содержанием» [1, 193]. Эта норма реализуется в тезисном произведении «в оптимальном преодолении противоречия между содержательной концентрацией и коммуникативной доступностью» [там же]. Следует подчеркнуть, что в тезисах указанное противоречие особенно трудноразрешимо вследствие чрезвычайной концентрации предметно-логического содержания.

К тезисным произведениям предъявляются требования стилистической чистоты и однородности речевой манеры. Здесь абсолютно недопустимы эмоционально-экспрессивные определения, метафоры, инверсии и другие иностилевые включения. Тезисы носят характер модального утверждающего суждения или умозаключения, а не характер конкретно-фактологической констатации, поэтому здесь и требуется особенно внимательно следить за соблюдением определенной речевой формы.

Таким образом, на примере одного из конкретных жанров научного стиля мы убедились в жестком действии в данной функциональной сфере языка некоторых стилистических норм, нарушение которых вызывает сомнения в научно-речевой культуре автора. Во избежание этого при создании произведений научного стиля необходимо неукоснительно следовать всем вышеназванным основным требованиям жанра.

Контрольные вопросы

1. Какие общие черты отличают научный стиль?
2. Какие основные научные жанры вам известны?
3. Назовите основные стилеобразующие факторы, действующие в научном стиле.
4. Дайте функционально-стилевую классификацию научного стиля.
5. Каковы характерные особенности тезисного произведения?
6. Используя тексты хрестоматии, назовите характерные особенности монографии и статьи.

§ 25. Норма в терминологии

Термины являются смысловым ядром специального языка и передают основную содержательную информацию. В современном мире в результате роста научно-технических знаний свыше 90% новых слов, появляющихся в языках, составляют специальные слова. Потребность в терминах гораздо выше, чем в общеупотребительных словах. Рост числа терминов некоторых наук обгоняет рост числа общеупотребительных слов языка, и в некоторых науках число терминов превышает число неспециальных слов. Бурное образование новых дисциплин (в среднем каждые 25 лет число их удваивается) влечет за собой их потребность в собственной терминологии, что приводит к стихийному возникновению терминологий. В условиях «терминологического потопа» перед специалистами встает серьезная проблема упорядочения всего массива терминологии. И в этом случае на первый план выдвигается такой важный аспект, как нормативность. Терминология, занимая в специальных языках центральное место, обладает определенной самостоятельностью формирования и развития. Отсюда неизбежно вытекает и некоторая самостоятельность лингвистического критерия оценки термина, и в частности, нормативной его оценки.

Лингвистическая нормативность в общем виде – это правильность образования и употребления термина. Процессы терминообразования и терминопотребления – не стихийные, а сознательные процессы, подконтрольные лингвистам и терминологам. Норма в терминологии должна не противоречить, а соответствовать нормам общелитературного языка, в то же время существуют и особые требования, которые предъявляются к термину. Вопрос этот имеет давнюю традицию. Нормативные требования к термину впервые были сформулированы основоположником русской терминологической школы Д. С. Лотте. Это – системность

терминологии, независимость термина от контекста, краткость термина, его абсолютная и относительная однозначность, простота и понятность, степень внедрения термина. В дальнейшем эти требования легли в основу методической работы над терминологией в Комитете научно-технической терминологии Академии наук и были сведены воедино в «Кратком методическом пособии по разработке и упорядочению научно-технической терминологии». Остановимся подробнее на каждом из этих требований.

1. В требовании фиксированного содержания (одному знаку соответствует одно понятие) заключается положение о том, что термин должен иметь ограниченное, четко фиксированное содержание в пределах определенной терминосистемы в конкретный период развития данной области знания (последнее уточнение представляется важным, так как с углублением знания содержание понятия может развиваться и с течением времени тот же термин может получить иное значение). Обычные слова уточняют свое значение, приобретают разные смысловые оттенки во фразеологическом контексте, в сочетании с другими словами. Контекстная же подвижность значения для термина совершенно недопустима. Нужно подчеркнуть, что здесь содержится логическое требование к термину – постоянство его значения в рамках определенной терминосистемы.

2. Следующее требование – точность термина. Под точностью обычно понимается четкость, ограниченность значения. Эта четкость обусловлена тем, что специальное понятие, как правило, имеет точные границы, обычно устанавливаемые с помощью определения – дефиниции термина. С точки зрения отражения содержания понятия точность термина означает, что в его дефиниции есть необходимые и достаточные признаки обозначаемого понятия. Термин должен также (прямо или косвенно) отражать признаки, по которым можно отличить одно понятие от другого. Термины обладают разной степенью точности. Наиболее точными (или правильно ориентирующими) представляются мотивированные термины, в структуре которых особенно ярко переданы содержание понятия или его отличительные признаки, например: чувствительная поверхность полупроводникового детектора ионизирующего излучения, сплошность внешней зоны диффузионного слоя. Значение множества немотивированных терминов не выводится из значения входящих в них терминологических элементов (соединение типа ласточкин хвост). Сюда же относятся и ложномотивированные термины типа атом или фамильные термины (термины-эпонимы). Последние имеют то положительное качество, что не вызывают никаких ассоциаций. Но здесь есть и отрицательный аспект: в большинстве случаев фамильные термины не вызывают представлений и не отражают связи данного понятия с другими (многочлены Чебышева, кератопротез Федорова), поэтому освоить их чрезвычайно трудно.

3. Требование однозначности термина. Термин не должен быть многозначным. Особенно неудобна в данном случае категориальная многозначность, когда в пределах одной терминосистемы одна и та же форма используется для обозначения операции и ее результата: облицовка (конструкция) и облицовка (операция), гидроизоляция (работа и конструкция); процесса и явления: обвал (в геологии), карст (там же); объекта и его описания: грамматика (строй языка) и грамматика (наука, описывающая этот строй). Упорядочивая терминологию, т. е. фиксируя значение каждого термина данной системы понятий, устанавливают однозначность термина.

4. Термин не должен иметь синонимов. Синонимы в терминологии имеют другую природу и выполняют иные функции, чем в общелитературном языке. Под синонимией в терминологии обычно понимают явление дублетности (офтальмолог – окулист, бремсберг – спуск, генитив – родительный падеж). Между дублетами нет тех отношений, которые организуют синонимический ряд, нет эмоционально-экспрессивных, стилистических или оттеночных оппозиций. Они тождественны между собой, каждый из них относится прямо к обозначаемому. И если в общелитературном языке существование синонимов оправдано тем, что употребление тех или иных из них влияет на содержание речи, или изменяет стилистическую окраску, или придает ей индивидуальный оттенок, то дублеты ни в общем языке, ни в языке науки этими свойствами не обладают и представляют собой явление нежелательное и даже вредное. Синонимия (дублетность) особенно характерна для начальных этапов формирования терминологий, когда еще не произошел естественный (и сознательный) отбор лучшего тер-

мина и имеется несколько вариантов для одного и того же понятия. Само понятие синонимии в терминологии до настоящего времени не может считаться общепринятым. Рассмотрим это явление более подробно: а) Синонимы, имеющие совершенно одинаковое значение (абсолютные синонимы, или дублеты, типа языкознание – языковедение – лингвистика) распространены широко. Оценка существования этих дублетов определяется в каждом конкретном случае условиями функционирования терминосистемы. В частности, может быть допущено параллельное использование исконного и заимствованного термина, если один из них не способен образовывать производные формы. Речь идет о деривационной способности термина, например: компрессия – компрессионный (при невозможности образовать прилагательное от термина давление), фрикция – фрикционный (трение), согласная – но: консонантное письмо. Существует стилистическая синонимия терминов (эпилепсия – падучая, негашеная известь – известь-кипелка). В этом случае один из дублетов относится к разговорному стилю или профессиональному жаргону, и вопрос о его устранении просто не стоит. Может отмечаться наличие современного и устаревшего терминов: противообвальная галерея – полугунонел, летчик – авиатор, летун. Эти синонимы могут употребляться в произведениях разных жанров (например, в художественной литературе). б) Частично совпадающие синонимы, варианты. Существует огромное количество частичных синонимов: инструкция – объяснение – руководство – наставление – указание – памятка, пружина – рессора, убежище – укрытие. Использование таких синонимов может привести к взаимному непониманию специалистов, и устранение их желательно при упорядочении терминологии. в) Что касается кратких форм терминов, то существование фонетических, графических, морфологических, словообразовательных, синтаксических и других вариантов терминов приводит к колебаниям в их написании, порождает требование инвариантности терминов – неизменности их формы. Ср.: лимфангоит – лимфангиит – лимфангит (в медицине), графитто – графитто – сграфитто (в архитектуре), дискета – дискетта (в информатике). Это затрудняет общение специалистов, и часто формальная разница приводит к семантической дифференциации, например: лесник – лесничий.

5. Термин должен быть систематичным. Систематичность терминологии базируется на классификации понятий, исходя из которой выделяются необходимые и достаточные признаки, включаемые в термин, после чего подбираются слова и их части (терминоэлементы) для образования термина. С систематичностью термина тесно связана его мотивированность, т. е. семантическая прозрачность, позволяющая составить представление о называемом термине понятии. Систематичность дает возможность отражения в структуре термина его определенного места в данной терминосистеме, связи называемого понятия с другими, его отнесенности к определенной логической категории понятий. Например, в классическом примере Д. С. Лотте: электронная лампа и ее виды – диод, триод, тетрод, пентод – важнейшим является общность признаков понятий (здесь – количество электродов в лампе: два, три, четыре, пять) одного классификационного уровня и связь с термином, означающим родовое понятие. Систематичность требует и однотипности терминоэлементов у однотипных терминов, например, один и тот же суффикс -ан используется в названиях жирных углеводов метан, этан, пропан, и т. д., словообразующий элемент -он (-рон, -лон) – в названиях новых волокон и тканей: найлон, капрон, силон, орлон, перлон, дедерон, грилон, дакрон, велон, нитрон, фторлон и т. д. При сходстве признаков сходны и терминоэлементы: серный, сернистый, серноватистый.

Таким образом, признаки, которые кладутся в основу построения терминов, отражающих видовые понятия, т. е. понятия, стоящие на одной классификационной ступени, должны быть одинаковы. Однако в терминологии часто встречаются искажения данного принципа. Например, в терминах паровоз и тепловоз не учтено место этих понятий в классификации. Паровоз и тепловоз являются понятиями соподчиненными, находясь на одной ступени, тогда как в термине отражены признаки пар и тепло, которые между собой находятся в отношении подчинения (а не соподчинения!). Нарушается систематичность и в том случае, когда в основу терминов для видовых понятий положены признаки разного рода, классификационно не связанные: например, стыковая сварка (основной признак – машина, на которой эта сварка выполняется), роликовая сварка (одна из деталей этой машины – ролик) и точечная сварка (в

качестве признака избран сам процесс). В данном случае термины не отражают классификационной связи между понятиями, тогда как в действительности эта связь существует. Термины сварочная горелка и резательная горелка удовлетворительны в отношении систематичности, однако на практике их вытесняют менее систематичные, но краткие термины: горелка и резак. Краткость здесь играет решающую роль.

Чем больше понятий охвачено данным классификационным рядом, тем большее значение приобретают систематизирующие свойства термина. Когда существовало ограниченное число металлов, было распространено значительное число их несистемных названий: железо, серебро, медь. Задача заменить эти веками существовавшие названия не ставится, но логическая системность в данной терминсистеме теперь полностью соблюдена. Вновь открытые металлы имеют названия, в которых наличествует лингвистическая системность: нептуний, плутоний, кюрий, бериллий и др.

Таким образом, несистематичными могут оказаться любые термины, в основу которых положены признаки, находящиеся между собой в каких-либо иных отношениях, чем отношения признаков соответствующих этим терминам понятий. Поэтому о действительных логических отношениях между понятиями невозможно судить на основе буквального смысла терминов, это можно сделать только на основе их определений.

6. Краткость термина. Термин должен быть кратким. Здесь можно отметить противоречие между стремлением к точности терминсистемы и – к краткости терминов. Для современной эпохи особенно характерно образование протяженных терминов, в которых стремятся передать большее число признаков обозначаемых ими понятий. Намечается тенденция к усложнению структуры терминов-словосочетаний, появляются длинные, громоздкие названия, приближающиеся к терминам-описаниям. Потребность в усложненных конструкциях объясняется тем, что средствами развернутого словосочетания передается большее число признаков специального понятия и тем самым увеличивается степень семантической мотивированности термина, что для него очень существенно. Кроме того, в развернутых терминах возможно сочетание детализированного понятия с таким терминованным обозначением деталей, которое делало бы это обозначение понятным вне контекста, т. е. было бы однозначным. Но оборотной стороной подобной однозначности оказывается громоздкость текста: оборудование грузовой кабины транспортного самолета для парашютного десантирования личного состава; синхронный режим работы управляющего устройства коммутационной техники связи с программным управлением. Практика же сталкивается с необходимостью искать сокращенный вариант длинного неудобного наименования, что соответствует закону экономии языковых средств. И в этом случае принципиальное значение имеет вопрос о том, какое словосочетание можно считать кратким вариантом (по другим источникам – формой) термина. Краткий вариант – это сокращенный, но функционально равноценный, вторичный знак термилируемого понятия. Он всегда производится от семантической и знаковой структуры основного термина. Краткий вариант не может быть произвольным, свободным, он должен сохранять в себе необходимые систематизирующие признаки, которые заключены в полном термине. Наиболее распространены три языковых способа образования кратких вариантов:

1) Лексическое сокращение, которое осуществляется либо опущением слова в словосочетании (электровакуумированный стабилитрон – стабилитрон, магнитный вариометр – вариометр), либо заменой словосочетания одним словом (эмиттерная область – эмиттер, паровое поле – пар).

2) Сокращение средствами словообразования. Аббревиации разного типа: электронно-лучевой прибор – ЭЛП, система управления лучом фазированной антенной решетки – СУЛ, цифровая аппаратура передачи данных – цифровая АПД, микрофонно-телефонное устройство – УМТ, вакуумный герметизированный магнитоуправляемый контакт – вакуумный геркон; гомогенный переход – гомопереход, токоведущий провод щетки электрической машины – токопровод; термины, созданные с помощью разных словообразовательных способов: аффиксации, словосложения (основосложения), субстантивации, например: воздухоприемное устройство – воздухоприемник, оросительное устройство кабины самолета – ороситель, аб-

сорбционная колонна – абсорбер; рео-плетизмовазограф – реоплетизмограф – реограф; формовочный цех – формовочная.

3) Сокращение средствами символики (типичное явление в терминологии, присущее исключительно ей): дырочная область – р-область, область собственной электропроводимости – г-область, электронно-электронный переход – ПП⁺-переход.

В работах последних лет выделяют прагматические требования, обусловленные спецификой функционирования термина, среди которых можно назвать следующие: внедренность, современность, интернациональность и благозвучность термина.

Внедренность термина характеризуется его общепринятостью, или употребительностью. Это качество играет важную роль, поскольку прочно укоренившийся термин, даже ложномотивированный, заменить очень трудно. В результате постепенной практической деятельности может произойти вытеснение неправильного термина новым. Так, в научных текстах термин молниеотвод вытеснил ложномотивированный термин гролгоотвод. В ряде случаев ложномотивированный, но глубоко внедрившийся термин сохраняется, например, для обозначения понятия бетонная конструкция со стальной арматурой используется термин железобетон (железо тоже иногда используется в качестве арматуры). Поэтому предпринимаются попытки ввести правильно ориентирующий термин сталебетон. Или другой пример: слово шов, имеющее в общелитературном языке лексическое значение «плотное соединение», в строительстве иногда используется в противоположном значении «разрез, щель», а одновременно и в прямом значении «бетонный шов».

Современность термина реализуется путем вытеснения из употребления устаревающих терминов, заменой их новыми, например, термина бетономешалка на бетоносмеситель термина скотник на оператор по откорму животных.

Потребности международного общения специалистов в связи с растущей тенденцией к интернационализации научных исследований, увеличением обмена научной и технической информации отражаются в росте престижа интернациональности, или близости по форме и совпадению по содержанию, терминов, употребляемых в нескольких национальных языках. Эта тенденция отражает необходимость примирить требование научной точности, с одной стороны, и практической краткости – с другой.

Благо звучность термина имеет два аспекта: удобство произношения и собственно благозвучие. Кроме того, термин не должен вызывать негативных ассоциаций вне узкоспециального употребления, что хорошо видно из сравнения следующих пар терминов: спаивание – пайка, половые работы – работы по устройству пола, обезгаживание – дегазация, вшивость – педикулез, свиная рожа – эризипеллоид. Помимо этого специфика некоторых областей знания предъявляет дополнительные требования к терминам, например, желание не травмировать присутствующих больных приводит к намеренной недоступности медицинской терминологии и замене таких терминов, как рак другими, например новообразование.

Все эти нормативные предписания подразумевают «идеальный» термин и, конечно, трудновыполнимы на практике. При стандартизации нормативность требований смягчается. Так, в качестве обязательных свойств термина выдвигаются однозначность, краткость и соответствие нормам и правилам русского языка. Остальные требования к научно-техническому термину предлагается считать факультативными.

Контрольные вопросы

1. Чем вызван постоянный рост количества терминов и почему их число обгоняет число общеупотребительных слов?
2. Перечислите основные требования, которым должен соответствовать термин.
3. Каковы особенности синонимии в терминологии по сравнению с синонимией в общелитературном языке?
4. Почему именно в терминологии высок процент иностранных слов?

§ 26. Профессиональный вариант нормы

Ориентация на закономерности образования и употребления слов в общелитературном языке в целом не означает отсутствия самостоятельных тенденций в области терминообразования и терминопотребления. Термины образуются по законам и способам словообразования литературного языка и в соответствии с имеющимися в нем словообразовательными типами. Но терминология здесь имеет большую независимость, чем другие языковые уровни. Терминологические инновации проявляются в некотором расширении словообразовательной базы для образования терминов, в более широком использовании интернациональных элементов. Можно выделить, например, такие языковые уровни, где разрешаются определенные отклонения от нормы, но при соблюдении общих принципов и закономерностей, свойственных языку. В этом случае сама терминология в состоянии оказывать влияние на развитие норм общелитературного языка. Больше всего это характерно для терминологического словообразования. Здесь порой можно говорить даже о специфически терминологической норме, в то время как орфографические, орфоэпические, акцентуационные и грамматические нормы в основном являются общелитературными. Появление самостоятельных тенденций терминообразования, присущих только терминологии, привело к возникновению такого понятия, как профессиональный вариант нормы.

В профессиональном варианте нормы необходимо учитывать и то общее, что присуще языку науки (профессиональным языкам) и общелитературному языку, и то особенное, что существует в профессиональных языках, но отсутствует в общелитературном языке. Профессиональный вариант нормы отнюдь не противопоставлен нормам общелитературного языка, но для определения его лингвистического статуса следует выявить условия, при которых возможно его образование. Необходимость в профессиональном варианте нормы возникает главным образом в двух типичных случаях: 1) когда существуют варианты средства выражения одного и того же понятия или реалии; 2) когда появляются новые средства выражения понятий или реалий, типичные для языка профессиональных сфер употребления, но отсутствующие в общелитературном языке.

В первом случае варианты формы выражения понятий расходятся по разным сферам употребления: общелитературной и профессиональной. Например, формы мн. числа имен существительных мужского рода на -а (ударное) очень часто непривычны для уха и глаза неспециалистов. Ср., например: цеха, бункера, стопора, колера, циркуля, юпитера (осветительные приборы), профиля (вертикальные разрезы, сечения), теста, торта, кекса (в речи кулинаров), бархата (в речи текстильщиков), привода (в технике), факела (у нефтяников) и т. п. Встает вопрос о том, можно ли считать эти варианты допустимыми в пределах нормы или они являются ошибочными и на это необходимо обратить внимание специалистов. В данном случае перечисленные варианты вполне могут быть отнесены к устной разновидности профессионального варианта нормы. Показательно, что в современных нормативных словарях-справочниках формы штурмана, шкипера, токаря, колера и подобные квалифицируются как факты терминологической речи или профессионального просторечия, а вовсе не как отклонения от нормы. Это положение подтверждает и официальная кодификация подобных форм в морской терминологии, где специальным циркуляром были узаконены многие из них: катера (не писать катеры), крейсера (не писать крейсеры), лоцмана (не писать лоцманы), мичмана (не писать мичманы). В профессиональный вариант нормы входят и акцентологические варианты слов: добыча, рудник (у горняков и шахтеров); компас (у моряков); прядильщица и мотальщица (в ткацком производстве); шестерня и искра (в технике); агония, эпилепсия, инсульт (в медицине) и др. Можно продолжить список типичных для терминологического словоупотребления профессиональных вариантов норм. Например, грамматические варианты: компонент – компонента, спазм–спазма и др. Употребление форм женского рода можно считать допустимым в пределах нормы.

При определении профессионального варианта нормы важно избежать впечатления, что всякое профессиональное отклонение от правил литературного языка может быть отнесено в разряд допустимых в специальных сферах и квалифицировано как профессиональный вариант. Иногда налицо прямая ошибка или отклонения от нормы в терминологическом ударе-

нии, словообразовании или словоупотреблении. Например, стоящие за пределами как профессионального варианта нормы, так и литературной нормы вообще ударения типа: созыв, призыв, изобретение, ходатайство, упрочение, сосредоточение и др.

Некоторые формы, будучи реализованы исключительно в устной речи профессионалов, в неформальной обстановке квалифицируются специалистами как профессионализма опечатка – ляп, синхрофазотрон – кастрюля, внутренние работы нулевого цикла – нуль, нулевка. Разновидностью профессионализмов являются профессиональные жаргонизмы: нутрянка – в строительстве: внутренние санитарно-технические системы; наводнение легкого – в медицине: отек легкого при обтурационном ателектазе; играющая гармонь – разновидность сухого хрипа при бронхиальной астме. И если часть профессионализмов вполне может иметь нормативный характер, то условность профессиональных жаргонизмов явно ощущается говорящими.

В пределах нормы в терминологии находится целый ряд форм, не свойственных общелитературному языку. Например, употребление тавтологических словосочетаний типа одно-однозначное (соотношение), электронно-электронный (переход), адаптер канал-канал не является нарушением словоупотребления в языке науки, а вполне оправдано, так как представляет собой прием, необходимый для отражения соответствующего понятия. В профессиональном употреблении допускается и наличие вещественных существительных во мн. числе, когда требуется ввести обозначение, например, разновидностей, сорта вещества: корма, мраморы, сахара, спирты, смолы, чай, табаки. Могут употребляться во мн. числе и некоторые отвлеченные существительные: вредности, звучности, неоднородности, светимости.

Приведем примеры специфически терминологических словообразовательных элементов: а) высокопродуктивны в современном терминологическом словообразовании существительные с нулевым суффиксом: сжим, обжиг, взрез, выбег, дребезг, перегруз, расплав, унос и др.; б) характерно использование суффикса -ист(ый) в несвойственном для общелитературного языка дополнительном количественном значении: «обладающий большим количеством того, что названо производящей основой» (лесистый, каменистый), а, напротив, в значении: «содержащий в малом количестве определенную примесь» (песчанисто-алевритовая глина, хлорноватистый); в) активно пополняется группа существительных на -ость от основ относительных (не качественных!) прилагательных. В этом случае изменение характера основы влечет за собой изменение производного слова, и значением имени на -ость становится количественный признак: озерность, водность, страничность, экземплярность.

Помимо возникновения профессионального варианта нормы на стыке терминологии и общелитературного языка потребность в таком варианте появляется при реализации специальных смысловых номинаций, не свойственных общелитературному языку. Эти явления оцениваются с позиций профессиональной целесообразности, а не с позиций строгой общелитературной нормы. Например, в общелитературном языке нет таких многоосновных образований, как вектор-электрокардиоскоп, ультрасонотахокардиоскоп, антибиотикоустойчивость и т. п., в терминологии же они оптимальны. В пределах этого же разряда находятся специальные номинации с привлечением разного рода символики, аббревиатурные наименования комбинированного типа: П-мезоны, – образный, аппарат ИВЛ (аппарат искусственной вентиляции легких), прибор М-типа (прибор магнетронного типа) и т. п.

Таким образом, в терминологии реализуются многие потенциальные возможности языка, не находящие выхода в общелитературном словообразовании. Так как терминология – это область, находящаяся на переднем крае науки и непосредственно испытывающая на себе влияние экстралингвистических факторов, т. е. потребность в новых терминах для обозначения новых явлений в науке и технике, то в ней же интенсивно используются все способы словообразования общелитературного языка и все собственно терминологические словообразовательные модели, которых нет в общем языке.

Контрольные вопросы

1. В какой области грамматики особенно сильны специфические черты терминологических инноваций, отличающие терминологию от общелитературного языка? Приведите примеры.

2. Когда возникает необходимость в профессиональном варианте нормы?
3. Что такое профессионализмы и в чем их отличие от профессиональных жаргонизмов?

§ 27. Унификация, стандартизация, кодификация терминов. Понятие о гармонизации терминов и терминосистем

Все перечисленные нормативные требования, предъявляемые к терминам, являются важной отправной точкой для работы по упорядочению терминологии. Терминологическая работа имеет несколько направлений, одним из которых является инвентаризация терминов, т. е. сбор и описание всех терминов, относящихся к данной области знания. Эта работа состоит из отбора терминов, их лексикографической обработки и описания, а результатом ее являются терминологические словари – исторические, этимологические, словари терминов-неологизмов. Инвентаризация является самым первым, предварительным этапом работы по упорядочению терминологии – основного направления терминологической работы. Стремление привести научно-техническую терминологию в известный специалистам порядок приняло широкий размах уже в конце XIX в., когда развитие техники вызвало к жизни тысячи терминов и технических понятий. В настоящее время специалисты разных областей знания – инженеры-практики, терминологи, языковеды – осуществляют целенаправленную деятельность по упорядочению различных терминологий. Упорядочение – основная составляющая практической работы по унификации терминологии, связанной с приведением терминов к единообразию, единой форме или системе, поэтому в задачу исследователя в процессе создания упорядоченной терминологии входит образование системы понятий. Унификация призвана обеспечить однозначное соответствие между системой понятий и терминосистемой. Работа по унификации проводится на всех уровнях – содержательном, логическом и лингвистическом. При этом осуществляется как лингвистический анализ терминов и учет общих норм и закономерностей языка, так и учет специфических моментов, характерных для нормативных критериев оценки терминологии.

На последнем этапе упорядочения-унификации производится кодификация терминосистемы, т. е. ее оформление в виде нормативного словаря. При этом существуют две степени обязательности терминосистемы, связанные с особенностями ее употребления. В том случае, когда излишне жесткие нормы могут помешать развитию творческой мысли (обычно в сфере науки), кодификация принимает форму рекомендации наиболее правильных с точки зрения терминоведения терминов, а ее результатом является сборник рекомендуемых терминов. Если же отступления от точного однозначного употребления термина недопустимы (обычно в сфере производства), кодификация принимает форму стандартизации и результатом ее является государственный (или отраслевой) стандарт на термины и определения (сокращенно ГОСТ). Терминологический стандарт представляет собой правовой документ: законодательное закрепление в нем употребления терминов вызвано необходимостью их однозначного понимания в различных областях действительности: производстве, управлении, внутренней и внешней торговле. Приведем несколько цифр, характеризующих огромную работу по стандартизации, проводимую в нашей стране и за рубежом. Во второй половине 80-х гг. в мире существовало 15 тыс. национальных терминологических стандартов, 200 из них утвердила Международная организация стандартизации (ИСО) и еще столько же – СЭВ. В нашей стране Комитет по научно-технической терминологии разработал 300 упорядоченных терминологий, Госстандарт – 600.

Основными задачами стандартизации научно-технической терминологии являются:

- фиксация в стандартах на термины и определения современного уровня научного знания и технического развития;
- гармонизация (обеспечение сопоставимости) научно-технической терминологии национального и международного уровней;
- обеспечение взаимосвязанного и согласованного развития лексических средств, используемых в информационных системах;
- выявление и устранение недостатков терминологической лексики, используемой в документации и литературе.

В 60-е годы в Советском Союзе была создана система стандартизации научно-технической терминологии, являющаяся составной частью государственной системы стандартизации. Разработку государственных и отраслевых стандартов ведут головные и базовые организации по стандартизации, научно-исследовательские, проектно-конструкторские, проектно-технологические институты, вузы и другие организации по своей тематике.

В методиках сформулированы требования к стандартизованным терминам (они изложены выше). Основными этапами работы по стандартизации терминологии являются:

1. Проведение полной систематизации всех названий, включая все типы употребления терминов в текстах и в разговорной речи, все синонимы, как стандартные, так и жаргонные, профессионально-диалектные. На этом этапе необходимо подготовить исчерпывающие терминологические словари самых разных жанров.

2. Разработка четкой логико-понятийной модели терминосистемы, на основе которой происходит оценка и унификация реально существующей терминологии.

3. Собственно стандартизация терминологии. Анализ логико-грамматической организации, деривационной способности, системности и других важных характеристик позволит выбрать из общего массива терминов термин, рекомендуемый к официальному употреблению в изданиях разного рода.

Стандартизованные термины обязательны для применения во всех видах документации и литературы по данной научно-технической отрасли. Каждый ГОСТ содержит термины с их краткими вариантами, а также недопустимыми синонимами (с пометой «Ндп.»), определения понятий, называемых терминами, и эквиваленты на английском, немецком и французском языках. Для оформления используются разные шрифты: стандартизуемый термин выделяется полужирным шрифтом, недопустимый – курсивом, как, например, в ГОСТ 17. 2. 104-77 «Метеорологические аспекты загрязнения и промышленные выбросы. Основные термины и определения»:

Термин	Определение
Примесь в атмосфере	Рассеянное в атмосфере вещество,
Ндп. Загрязнитель	не содержащееся в ее постоянном
D. Beimengungen, Schadstoff	составе
E. Pollutants	
F. Polluants	

Аналогичным образом оформляются и сборники рекомендуемых терминов (в том случае, когда объектом упорядочения становится научная терминология).

Особенно актуальной проблему упорядочения и стандартизации терминологии делает автоматизация информационных процессов в сфере управления, планирования, производства и технологии.

Упорядочение, унификация и стандартизация структуры терминов и их определений позволит обеспечить обработку типовых документов на ЭВМ, а это, в свою очередь, имеет первостепенное значение в современных условиях интенсификации экономики на пути ускорения научно-технического прогресса. Для структурной организации больших терминологических массивов создаются банки терминологических данных, в которых хранение, обработка и выдача терминологической информации осуществляются с помощью ЭВМ. Такие банки терминологических данных созданы во многих странах. В нашей стране создана и находится в промышленной эксплуатации Автоматизированная система информационно-терминологического обслуживания (АСМТО). АСИТО предназначена для обеспечения терминологической информацией пользователей различных категорий: разработчиков документов, составителей словарей, переводчиков и др. АСИТО организована по двухконтурному признаку. Первым контуром системы является Автоматизированный банк данных (АБД), обеспечивающий обработку терминологических статей на машинных носителях, второй контур системы – Справочный банк терминов (СБТ), хранящийся на бумажных носителях и микрофильмах. В качестве источников терминологической информации в АСИТО обрабатываются стандарты на термины и определения, а также терминологические рекомендации. Основной единицей хранения в АСИТО является терминологическая статья с набором терминологических и библиографических элементов данных. Большая часть терминологических статей со-

держит терминологические данные (термины, а в ряде случаев и определения) на нескольких языках. С помощью АСИТО осуществляется автоматизированная подготовка указателей терминов, обеспечение пользователей терминологической информацией в диалоговом режиме с использованием дисплея и в пакетном – с выдачей ответов в виде распечаток. АСИТО может применяться также при проведении лингвистических исследований.

Методы унификации терминов используются и в случае межъязыкового упорядочения, т. е. обеспечения сопоставимости терминологии национального и международного уровней, или гармонизации. Наблюдаемое в настоящее время усиление международного сотрудничества в области науки, культуры и экономики требует ускорения работы по гармонизации терминологий наиболее развитых национальных языков. Разработка принципов гармонизации терминологий является важной частью работы в области международного сотрудничества терминологов. Составной частью гармонизации должна стать планомерная интернационализация терминов, т. е. согласование значений близких по форме разноязычных терминов с установлением между ними четких соответствий, а также выбор из числа синонимов терминов с интернациональными формами.

Гармонизация предполагает следующие этапы:

- 1) Системное сопоставление национальных терминологий и терминосистем.
- 2) Составление сводной классификационной схемы понятий с учетом всех понятий, отраженных в сопоставляемых национальных терминологиях.
- 3) Выработка соглашения об установлении однозначного понимания и использования эквивалентных национальных терминов.
- 4) Интернационализация, предусматривающая взаимное заимствование в национальных языках терминов для заполнения лакун в национальных терминосистемах.

Гармонизация национальной и международной систем понятий и представляющих их терминосистем направлена на выработку единого технического языка в определенной области стандартизации. Это позволит единообразно описывать в нормативно-технической документации объект стандартизации на национальном и международном уровне.

Средством фиксации международных решений по упорядочению семантики терминов и установлению межъязыковых терминологических соответствий должны стать разрабатываемые в настоящее время многоязычные банки терминологических данных. Такие банки данных позволяют накапливать и хранить информацию о лингвистических и логических особенностях терминов, их употреблении, многоязычных эквивалентах и степени упорядочения.

Контрольные вопросы

1. Что представляет собой работа по упорядочению и унификации терминологии и какие специалисты привлекаются к этой работе?
2. Какие словари можно составить после инвентаризации терминов и их лексикографической обработки?
3. Какие словари (или документы) являются результатом кодификации?
4. Перечислите основные этапы работы по стандартизации терминологии.
5. Что такое гармонизация терминов и терминосистем и какова ее главная цель?

Резюме

1. Будучи одной из функциональных разновидностей высокоразвитого литературного языка, специальный язык выполняет такие основные и существенные функции, как эпистемическая, когнитивная и коммуникативная.

2. Основной лексической и понятийной единицей специальной сферы языка является термин. Обладая рядом специфических особенностей, он может реализовать их только внутри терминологического поля.

3. Терминология относится к числу таких интегрирующих факторов, которые позволяют создавать единое информационное пространство, обеспечивающее экономическое, политическое, научное, техническое и т. п. общение.

4. Несмотря на то что на содержательном уровне специальный язык распадается на конкретные профессиональные языки, он имеет две общие разновидности, характер которых обусловлен формой реализации, – это письменная и устная формы.

5. Являясь в своей основе вербальным языком, специальный язык обладает особой привилегией – использовать невербальные (цифровые, буквенные, графические) средства, предназначение которых в данной сфере языка достаточно разнообразно:

6. Терминология обладает своим набором словообразовательных средств создания терминоединиц, диапазон которых весьма широк: от продуктивных моделей, активно используемых в общелитературном словообразовании, до моделей, функционирование которых вне сферы специального языка крайне ограничено.

7. Научный стиль речи отличается определенными общими чертами, среди которых наиболее примечательные – это отвлеченность и строгая логичность изложения. Будучи довольно разнообразным в жанровом отношении, научный стиль, тем не менее, создал строгую иерархию стилистических систем, в которых действуют свои объективные стилеобразующие факторы. Кроме того, здесь существуют и не менее строгие правила текстовой композиции.

8. Термины, являясь смысловым ядром специального языка, обладают определенной самостоятельностью формирования и развития. Отсюда вытекает и некоторая самостоятельность нормативного критерия оценки термина. Норма в терминологии должна соответствовать нормам общелитературного языка и удовлетворять особым требованиям, которые предъявляются к термину. Они таковы: системность термина, независимость от контекста, краткость и однозначность термина, а также определенная степень укоренения термина, его современность, интернациональность и благозвучность. Таким образом, нормализаторская работа над терминами и терминосистемами – всегда целенаправленный, сознательный акт.

9. Появление самостоятельных тенденций в терминообразовании, присущих только терминологии, ведет к возникновению вариантных форм выражения понятий, которые расходятся по разным сферам употребления: общелитературной и профессиональной. В этом случае появляется профессиональный вариант нормы. Многие варианты существуют в устной разновидности профессионального варианта нормы и относятся к профессионализмам. От них следует отличать профессиональные жаргонизмы.

10. Все нормативные требования, предъявляемые к терминам, являются основой для работы по упорядочению терминологии – основного направления терминологической работы. Упорядочение терминологии – составляющая часть практической работы по унификации терминологии, связанная с приведением терминов к единообразию, единой системе. Унификация – это сложная и многоаспектная работа по приведению терминологии в систему на всех уровнях – содержательном, логическом и лингвистическом. На последнем этапе работы по унификации производится кодификация терминосистемы, т. е. ее оформление в виде нормативного словаря. В результате появляется либо сборник рекомендуемых терминов, либо государственный стандарт на термины и определения (ГОСТ). ГОСТ представляет собой правовой документ, в котором законодательно закреплено употребление терминов. По сравнению с ГОСТом в сборнике рекомендуемых терминов нормативные требования менее жесткие.

11. Методы унификации терминов используются и в случае межъязыкового упорядочения – гармонизации разноязычных терминов. Усиление международного сотрудничества в области науки, культуры, экономики, производства требует ускорения работы по гармонизации терминологий наиболее развитых национальных языков. Гармонизация национальной и международной систем понятий и представляющих их терминосистем направлена на выработку единого технического языка в определенной области стандартизации.

Глава V Культура деловой речи

§ 28. Общая характеристика официально-делового стиля

Деловой стиль – это совокупность языковых средств, функция которых – обслуживание сферы официально-деловых отношений, т. е. отношений, возникающих между органами государства, между организациями или внутри них, между организациями и частными лицами в процессе их производственной, хозяйственной, юридической деятельности. Таким образом, сфера применения деловой речи может быть в принципе представлена как широкая сеть актуальных официально-деловых ситуаций и как набор соответствующих жанров документов. Из этого могут быть выведены как минимум пять следствий.

1. Широта этой сферы позволяет различать по меньшей мере три подстиля (разновидности) делового стиля: 1) собственно официально-деловой (канцелярский, как его часто именуют), 2) юридический (язык законов и указов) и 3) дипломатический. При ряде различий эти подстили близки друг к другу по своим основным характеристикам. (Официально-деловые и дипломатические документы сближает то, что они ориентированы на достижение договоренности между двумя сторонами или на формулирование позиций сторон, при особо «этикетной» природе дипломатических формул; в отличие от них для «языка законов» характерно стремление к перечислению условий и обстоятельств, влекущих за собой юридическую ответственность (см.: [11, 11; 33, 203]).

В данной главе мы будем обращаться почти исключительно к материалу собственно официально-деловой речи: не только потому, что в канцелярской речи наиболее четко и последовательно выражены специфические черты официально-делового стиля в целом, но и потому, что по масштабам своего распространения и проникновения в речевую практику любой деятельности официально-деловая речь в наибольшей мере затрагивает массу говорящих.

2. Соотношение «официально-деловая ситуация – соответствующий жанр документа» означает, что содержание документа покрывает множество реальных деловых обстоятельств, соответствуя не отдельному обстоятельству, а целому их типу – ситуации. Вследствие этого форма и язык документов в официально-деловом стиле выступают как стандартизованные (соответствующие единому образцу), и само требование стандартизации пронизывают всю сферу деловой речи.

3. В сфере деловой речи мы имеем дело с документом, т. е. с деловой бумагой, обладающей юридической силой, и сам этот факт обуславливает письменный характер реализации языковых средств официально-делового стиля. В то же время сугубо письменный характер делового документа не может не влиять на его язык: письменная речь – речь в отсутствии собеседника, требующая развернутости и полноты изложения, ибо «ситуация должна быть восстановлена во всех подробностях, чтобы сделаться понятной собеседнику (= читающему. – Б. Ш.)» [12, 237, 240].

4. В лингвистике принято противопоставлять два типа текстов: информативный (научный, деловой) и экспрессивный (публицистический, художественный) [32, 70]. Принадлежность деловой речи к первому типу объясняет некоторые ее особенности, и прежде всего – ее стилистический характер. Предельная информативная предназначенность делового текста находит свое отражение в стремлении пишущего к максимально строгому и сдержанному характеру изложения, а тем самым и в стремлении к использованию стилистически нейтральных и/или книжных элементов. Это, в свою очередь, исключает возможность употребления в текстах деловой речи экспрессивно и эмоционально окрашенных языковых средств (например, разговорно-просторечной лексики или междометий), образных средств или слов, употребляемых в переносном смысле [19, 78], – все это противоречило бы требованию точности деловой речи. Прочтите, например, рассказ Чехова «Восклицательный знак», где чиновник, перебирая в памяти знаки препинания, которые он использовал в течение 40 лет службы в проходивших через его руки бумагах, не может припомнить, в каком же случае следует ста-

вить в них восклицательный знак! (А вы помните, в каком? Подумайте. Ответ на этот вопрос вы найдете далее, в § 31 этой главы).

5. Сказанное определяет и требование однозначности, характерное для деловой речи. (Отметим в этом плане различие между научной и деловой речью: в первой однозначность необходима, а во второй просто недопустима неоднозначность). Это требование предопределяет использование в деловой речи терминов или терминизированных (близких к однозначным) специальных средств языка (ясно, что эта тенденция органически связана с юридической силой документа, не терпящей двусмысленности или, как говорил Л. В. Щерба, «криво-толков»); таковы, например: постановление, резолюция – в канцелярском подстиле, истец, ответчик – в юридическом подстиле, свидетельствовать кому-либо свое глубокое уважение – в дипломатическом. Не случайно исследователи отмечают, что «Профессиональные идиомы, сложившиеся в деловой письменной речи, выполняют ту же функцию, что и термины в научной речи» [8, 9]. По той же причине характерно стремление не употреблять в деловых текстах лично-указательные местоимения он(она, оно, они), поскольку их использование в контексте – при наличии в нем более одного существительного того же рода – может противоречить требованиям точности и ясности изложения.

Требованием логичности и аргументированности изложения в области синтаксиса деловой речи объясняется обилие сложных конструкций. Имеется в виду большая употребительность сложноподчиненных предложений с союзами, передающими логические отношения (придаточные причины, следствия, условия; об этом говорится в § 30), продуктивность всякого рода уточнений в тексте (причастные и деепричастные обороты, вставные конструкции), дифференциация смысловых отношений с помощью сложных союзов (типа вследствие того что) и предлогов (типа на предмет чего).

Перечисленные отличительные языковые черты делового стиля (стилистические, лексические, морфологические, синтаксические) органически вписываются в письменную сферу употребления этого стиля, в свойственные ему жанры документации. Но не только это составляет особенности норм официально-делового (канцелярского) подстиля.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Какие сферы общественной деятельности обслуживают официально-деловой стиль и его подстили?
2. Чем обусловлено то обстоятельство, что официально-деловые тексты представляют собой документ?
3. Какие стилистические и семантические свойства делового (канцелярского) текста связаны с его спецификой?

§ 29. Текстовые нормы делового стиля

Все мы так или иначе, чаще или реже сталкиваемся в своей жизненной практике с необходимостью подать заявление, составить доверенность и т. п. Но при этом каждый раз мы, как правило, наталкиваемся на трудности, связанные со знанием (или, вернее, незнанием) формы документа. Таким образом, выясняется, что содержание культуры речи применительно к деловому общению не может быть ограничено лишь рамками лингвистики, это вопрос не только подбора языковых средств, но и еще чего-то большего.

Вспомним то, что говорилось в предыдущем параграфе: официально-деловой стиль обслуживает нашу деятельность в сфере официальных (официально-деловых) отношений. Так вот, начало наших затруднений относится не к той стадии, когда мы уже трудимся над составлением самого текста документа, а к более раннему моменту, когда нам надо принять решение о необходимости составления того или иного документа. Иначе говоря, первое наше действие в этом плане – мыслительное – лежит в экстралингвистической (внеязыковой) сфере. Попробуем представить себе схему внутренней работы, проделываемой каждым в плане составления какого-либо документа.

1. Пишущий (пока еще будущий пишущий), оказываясь связанным со сферой официально-деловых отношений, сталкиваясь с какими-либо обстоятельствами в сфере деловых отно-

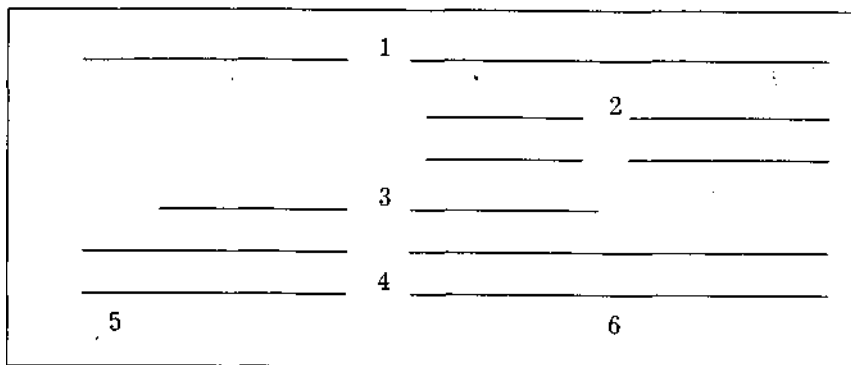
шений, прежде всего должен дать себе достаточно ясный отчет о характере сложившейся официально-деловой ситуации. Эта ситуация и диктует выбор соответствующего документа: если вам необходимо о чем-то просить какую-либо организацию (руководство этой организации), нужный документ оказывается заявлением; если вы проделали для этой организации какую-то работу и хотите, чтобы вам ее оплатили, это будет счет и т. д. Итак, первый этап в деятельности пишущего в сфере делового общения: уяснение характера официально-деловой ситуации и выбор в соответствии с ней жанра документа.

2. Выбор жанра документа обуславливает необходимость знания формы (схемы) соответствующего документа. Предполагается (в идеале), что пишущему она знакома (в силу его профессиональной подготовки, из какого-либо справочника или благодаря тому, что кто-то подсказал нужный ему образец). А выбрав соответствующий ситуации жанр документа, он выбрал тем самым и единственно возможную в данном случае форму документа. Что же такое форма документа?

Всякий документ может быть рассмотрен как ряд или сумма постоянных элементов содержания (их называют реквизитами). Это могут быть следующие данные: 1) об адресате (кому адресован документ?); 2) об адресанте (кто является автором документа – заявителем, просителем и т. д.?); 3) наименование жанра документа (в некоторых документах название обязательно, скажем: Заявление, Докладная записка, Доверенность, а в некоторых оно не ставится, например в деловых письмах); 4) опись документальных приложений (если они имеются); 5) дата; 6) подпись автора документа и др. (Наиболее полную характеристику реквизитов можно найти в работах: [31, 37–88] – 22 реквизита и [14, 14–20] – 31 реквизит.) Следовательно, **под формой документа понимаются сумма его реквизитов и содержательно-композиционная схема** – их взаимосвязь, последовательность и расположение. И только теперь, когда выбран жанр документа, а тем самым и его форма, возникает проблема языкового наполнения документа (см. об этом: § 30).

Итак, схема обусловленности выбора в осуществлении реализации деловой речи такова: типовая официально-деловая ситуация → жанр документа → форма документа → языковое наполнение документа.

Приведем схемы организации текста некоторых наиболее распространенных в нашей жизненной практике документов. Первый из них – заявление. Составные части этого вида документов в их последовательности повторяют приведенный уже нами список реквизитов: (1) наименование адресата; (2) наименование адресанта (заявителя); (3) наименование документа. Далее следуют: (4) формулировка просьбы (жалобы, предложения) и по возможности краткой, но исчерпывающей аргументации; (5) дата и (6) подпись. Схема расположения реквизитов заявления:

Например:

Начальнику отдела доставки почтового отделения 127018

Мельниковой А. Н.

Петрова Бориса Ивановича, проживающего по адресу:

1-й Стрелецкий переулок, дом 3, кв. 119, телефон .....

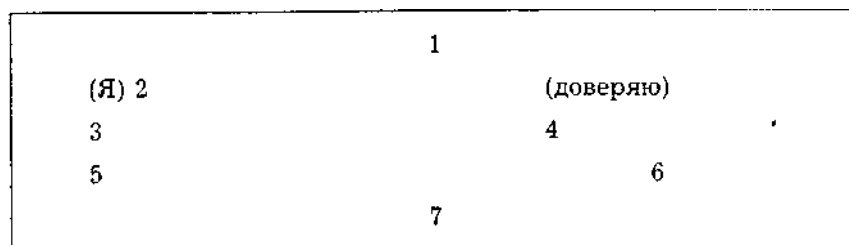
ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу сохранить за мной аренду абонентного ящика № 928 на 2-е полугодие 1996 года.

10.06.96

Петров

Другой распространенный жанр документа, с которым нам приходится иметь дело, – доверенность: поручение кому-либо определенных действий, передача определенных прав доверителя. Реквизиты доверенности: (1) наименование документа; (2) наименование доверителя (фамилия, имя, отчество, должность или адрес); (3) точное и исчерпывающее определение круга доверяемых полномочий или прав; (4) наименование доверенного лица (фамилия, имя, отчество, должность или адрес); (5) дата; (6) подпись. При этом доверенность получает юридическую силу только тогда, когда (7) подпись доверителя заверена какой-либо организацией – подписью должностного лица и печатью организации. Схема расположения реквизитов доверенности:

Например:

ДОВЕРЕННОСТЬ

Я, Куликова Пелагея Михайловна, проживающая по адресу: ул. Чернышевского, дом 3, квартира 12, доверяю Шашковой Александре Ивановне, проживающей по адресу: ул. Чернышевского, дом 3, квартира 19, паспорт (серия, номер, выдан...) получить причитающуюся мне за ноябрь 1995 года пенсию.

15.10.95

Куликова

Таким образом, в сфере культуры деловой речи действуют – наряду с языковыми нормами или, вернее, до них – нормы текстовые, регламентирующие построение текста документа [23; 24], а точнее – нормы «совокупности или совокупностей текстов» [22, 34–35], обладающих «предрешенной смысловой сеткой отношений» [5, 4–5]. Здесь такие текстовые нормы регулируют закономерности реализации семантико-информационной структуры и правил линейного развертывания схемы жанра документа как особого семиотического феномена, т. е. определяют семантическую и формальную организацию текста документа и его частей.

Основные различия между текстовыми и языковыми нормами сводятся к следующему: для текстовых норм важны требования к построению определенных типов и частей текста, для языковых норм характерно ограничение возможности употребления языковых единиц в контексте документа. Автономность этих двух типов норм доказывается возможностью нормативности одних при нарушении норм других, ср.: возможность языковых ошибок в правильно построенном документе и, напротив, ошибочно построенный документ при общей языковой правильности.

В процессе составления делового текста выбор его жанра играет роль пускового механизма, включающего действие конкретных текстовых норм: в речевом сознании пишущего возникает некий «образец», или эталон, покрывающий и общую схему текста документа, и его постоянные и переменные элементы, и их порядок и расположение. При этом текстовые нормы документов можно различать по степени жесткости / гибкости организации: в зависимости от того, фиксируют ли указанные нормы такие признаки, как (а) набор параметров (реквизитов), (б) их последовательность, (в) их пространственное расположение. Можно отметить по меньшей мере три степени жесткости текстовых норм.

1. Первый тип текста представляет собой образец-матрицу. Он характеризуется фиксированностью всех трех основных параметров организации текста: (а) набора содержательных элементов (реквизитов), (б) их последовательности, (в) их пространственного расположения. Здесь имеет место наиболее жесткое ограничение на все параметры, наиболее полная унификация документов, таких, как, например, справка или доверенность. Жесткость организации делает схему особенно прозрачной, ср. приведенную выше схему доверенности.

Известно, что пародия является тонким инструментом передачи сущности любого пародируемого явления. В связи со сказанным приведем такую пародию на документ (доверенность) в «Записных книжках» И. Ильфа:

«Дано сие тому-сему (такому-сякому) в том, что ему разрешается то да сё, что подписью и приложением печати удостоверяется.

За такого-то.

За сякого-то.

Учреждение «Аз есмь».

Для образца-матрицы существенной является фиксированная организация постоянных элементов содержания в таких типах текстов, как готовые бланки справки или анкеты: в них на первый план выступает роль пробелов для обозначения переменных элементов в тексте. Иначе говоря, составление таких документов пишущим резко ограничивает его свободу: ему в принципе приходится не сочинять текст документа, а отвечать на вопросы (как в анкете) или заполнять графы (как в справке или, в менее явном виде, в доверенности). И с точки зрения трудности составления документа образцы-матрицы требуют от пишущего минимума усилий, постоянно прямо указывая на то, что и где он должен писать.

Такая жесткость организации текста (и соответственно перевес постоянных элементов текста над переменными) может приводить к дифференциации подобных документов по так называемым ключевым словам. См., например, сказку В. Шукшина «До третьих петухов», где черт пытается выяснить у Ивана, какая же справка тому нужна:

– А какую справку, Ваня? Они разные бывают... Есть о наличии, есть об отсутствии, есть «в том, что», есть «так как», есть «в виду того, что» – разные, понимаешь? Какую именно тебе сказали принести?

– Что я умный...

– Не понимаю. Диплом, что ли?

– Справку.

– Но их сотни, справок! Есть «в связи с тем, что», есть «несмотря на то, что» есть...

2. Второй тип текста представляет собой образец-модель. Он демонстрирует большой (по сравнению с образцом-матрицей) уровень гибкости нормы, большую свободу – при фиксированности двух основных параметров текста: (а) набора основных содержательных элементов (реквизитов) и (б) их последовательности. Но и здесь форма документа достаточно жестка, см. приведенную выше схему заявления, с единственным по существу «творческим» реквизитом: (4) формулировка просьбы (или жалобы) и ее аргументации. Эта жесткость и соответственно сила ощущения схемы позволяют пародийно обыграть форму документа, наполняя его в тексте художественного произведения совершенно не свойственным деловой речи материалом. Приведем пример из романа В. Тублина «Доказательства»:

В Совет старейшин острова Итаки от Одиссея, царя, проживающего на Козьем холме, 15
ЗАЯВЛЕНИЕ
Прошу предоставить мне долгосрочный отпуск без сохранения содержания на предмет участия в Троянской войне с 1 июня с. г.

Сюда же, к текстам типа образца-модели, относится большая часть разновидностей деловых писем (подробно они рассматриваются в [8]). Для них, в частности, характерно размещение текста письма на бланке; тем самым оказываются сообщенными такие реквизиты, как полное и краткое наименование организации-адресанта, ее почтовый адрес, номер телефона и телефакса, дата подписания и/или отправки документа [8, 28].

Ужесточение образца-модели может приводить к превращению текста документа в образец-матрицу. Ср., например, принятые во многих учреждениях готовые бланки для заявления об отпуске.

3. Третий тип текста представляет собой образец-схему. Это наименее жесткий тип организации документа, характеризуемого только одним параметром (а) фиксированности набора основных элементов содержания (реквизитов), причем чаще всего имеет место употребле-

ние реквизита в качестве начального элемента, определяющего сам тип текста. Ср. довольно обычное для детективно-милицейского жанра литературы изображение того, как пишется объяснительная записка:

«– А вас, Зоя Геннадьевна, я попрошу все, о чем мы говорили, изложить письменно.

– Хорошо. Я сделаю, только как?

– Возьмите бумагу, ручку... Так... Прекрасно... В правом углу пишете: «Начальнику ОББ, подполковнику Данилову И. А.» Написали?.. Прекрасно... Далее – от кого... Так... Теперь посередине листа: «Объяснение»... Отлично... «По существу заданных мне вопросов могу сообщить следующее. С гражданкой Валиевой З. В., проживающей...» Так... Далее – все как было» (Эд. Хруцкий. Четвертый эшелон).

Иначе говоря, характер действия текстовых норм определяется характером организации текста документа. Степень свободы выбора в процессе составления (построения) пишущим текста документа обратно пропорциональна степени фиксированности параметров (реквизитов). На одном полюсе здесь предел жесткости организации текста – фиксация переменной информации как заполнение пробела; на другом – предел степени свободы организации текста – обязательность лишь «шапки» документа.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы этапы мыслительной деятельности составителя документа в процессе построения последнего?

2. В чем принципиальное различие между текстовыми и языковыми нормами построения документа?

3. Какова связь между различием структурных схем текста документов и степенью жесткости/гибкости их организации?

§ 30. Языковые нормы: составление текста документа

Типовое построение официально-делового текста выступает в качестве рамки, в которой пишущим совершается конкретизация текста документа – его языковое наполнение (сфера действия языковых норм), причем масштаб самостоятельности пишущего зависит от того, к какому типу текста-образца относится документ. В каждом жанре документа можно выделить те реквизиты, которые несут постоянную информацию и предполагают простую реальную «подстановку»: это наименования организации, должностного лица, фамилии и инициалов пишущего, заголовка документа, подписи, даты. От них принципиально отличны те реквизиты, которые несут переменную – конкретную – информацию, содержащую изложение сути дела, а иначе говоря, предполагают работу пишущего по формулированию обстоятельств, материала и аргументации дела. Так, для счета таким «свободным» реквизитом называется мотивировка суммы, подлежащей выплате; для доверенности – точное и исчерпывающее определениеверяемой функции; для заявления – точная формулировка просьбы или жалобы и краткой аргументации.

С переходом к изложению переменных элементов содержания делового текста возрастают диапазон поиска и возможности выбора языковых средств для передачи конкретных обстоятельств дела – и соответственно возрастают трудности, стоящие перед составителем текста документа. Трудности такого выбора касаются в основном двух языковых аспектов: (I) выбора лексики и лексических формул для адекватной передачи существа дела и (II) выбора грамматических средств – главным образом синтаксических конструкций, составляющих синтаксической структуры делового текста. Но и в этом плане трудности поиска – и лексического, и синтаксического – могут существенно облегчаться за счет знаний(навыка) и речевого опыта пишущего.

I. Выше (в § 28) уже говорилось о специальной лексике, для которой характерно функционирование именно в деловой сфере и в специфических значениях, приближающих ее к терминологии (истец, ответчик и др.). Кроме того, можно отметить еще и ряд стилистически окрашенных лексем-канцеляризмов, вне деловой речи, как правило, не употребляемых, таких, как: данный или настоящий (=этот), вышеуказанный (= названный ранее) ^.нижесле-

дующий (= помещаемый далее); препровождать (= отправить, переслать) и т. п. Обратите внимание на оформление документов, связанных с завещанием: «Завещание, как правило, излагается в письменной форме с указанием места и времени его составления, подписывается завещателем и нотариально удостоверяется»; «Меры по охране принимаются, если получено извещение или заявление о смерти наследодателя» [14, 134, 137].

Некоторые слова такого рода устарели, например, уже вышедшие из употребления: сей (= этот), дабы (– чтобы), буде (= если). В то же время без некоторых слов этого ряда бывает трудно обойтись. Так, в предложении: «При обнаружении товаров ненадлежащего качества...» [17, 81] надлежащий адресует нас к правилам или инструкции и означает соответствие им (поэтому замена на низкого или плохого качества здесь была бы по меньшей мере в ущерб точности выражения).

В целом в деловой речи наметилась тенденция: там, где устаревшие или устаревающие слова могут быть без ущерба для содержания заменены другими, отдавать предпочтение последним (это упрощает изложение, приближает деловой текст к современной общелитературной речи), так что каковой и таковой спокойно могут быть заменены на который и такой, хотя в некоторых руководствах по деловой речи о них все еще спорят. (Ср. ироническое использование слова таковой в книге Д. Самойлова «В кругу себя»: «Именно мне посвящена строка из гениального «Скальпеля»: «Такой, который был как таковой...».) О процессах стилистических изменений в деловой речи см.: [20].

Наряду с этим в официально-деловой речи существует большой набор стандартных выражений (словосочетаний), с помощью которых в деловых письмах передается определенная семантическая информация, например: (а) предупреждение: по истечении срока..., в противном случае...; (б) мотивация действия: в порядке обмена опытом..., в порядке исключения...; (в) причинно-следственные отношения: в соответствии с протоколом..., согласно Вашей просьбе... [8, 10–11]. Ряд подобных выражений по своему характеру приближается к словесным клише или даже штампам (об их значении и разграничении см.: [26]). К их числу относятся также избыточные формулы, типа до сих пор встречающихся в деловом тексте, например, справки: настоящая справка, действительно проживает [21, 139].

Характерно, что список устойчивых сочетаний, специфичных для научной речи, включает в себя ряд выражений, в той же мере специфичных и для деловой речи, таких, как: вместе с тем, в свою очередь, на том основании, что и др. [13, 22–23].

II. Наряду со стандартизированной лексикой и лексическими формулами следует отметить стандартизацию средств грамматики в официально-деловой сфере.

В области морфологии для деловой речи более всего типично преобладание имени над глаголом [16, 140], высокая продуктивность отглагольных существительных для названия действий, особенно на -ние [10, 138–139]. Это обусловлено тем, что существительное выступает здесь как «ярлык», подводя данный случай, событие под ряд других – однотипных и потому значимых в сфере деловых отношений. С этим связана и такая особенность деловой речи, как так называемое семантическое расщепление сказуемого, то есть предпочтение глагольно-именного сказуемого (принимать участие, оказывать помощь, производить осмотр) глагольному сказуемому (участвовать, помогать, осматривать) [26, 77]; и здесь имеет место квалификация события путем отнесения его к разряду подлежащих юридической ответственности, ср.: совершил наезд вместо наехал на кого-нибудь (см.: 4, 27).

Наиболее велико число синтаксических особенностей деловой речи. Это связано с наличием набора готовых синтаксических конструкций, представляющих собой отработанные конструктивные средства для выражения стандартных элементов смысла, т. е. блоков и схем с определенным семантическим содержанием. Так, П. В. Веселов, говоря о специфике языка деловых писем, отмечает, что стандартизацию здесь «следует рассматривать не столько как канонизацию конкретных выражений, сколько как стандартизацию их моделей». В результате можно грамматическую характеристику «процесса составления стандартного письма свести к выбору синтаксических конструкций», передающих типовые действия и обстоятельства рассматриваемого дела [8, 12]. Соответственно выделяется ряд моделей синтаксических конструкций и вариантов их реализации, например: Доводим до Вашего сведения или Напо-

минаем, что..., Просим + инфинитив; Направляем или Гарантируем + дополнение в винительном падеже и т. п. [8, гл. 7].

Регламентация языка документов затрагивает также синтаксические особенности словосочетания. Так, в ГОСТах – специально разрабатываемых и официально распространяемых сборниках инструкций и правил составления документов (от «Государственный стандарт») – рассматривается сочетаемость ряда ключевых (типовых) слов, например: «приказ – издается, должностные оклады – устанавливаются, контроль – возлагается на кого-либо или осуществляется, выговор – объявляется, порицание – выносится» [28, 191]. Не меньшее внимание в этом ГОСТе уделено порядку слов: в деловой речи преобладает прямой порядок следования главных членов предложения (подлежащее + сказуемое); вынесение обстоятельства или дополнения на первое место служит их подчеркиванию; место согласованного определения – перед определяемым словом, а несогласованного – после определяемого слова; место обстоятельства степени – перед прилагательным, а дополнения – после него; место дополнения – после глагола, в порядке «прямое – косвенное» (передать + что + кому); место обстоятельства образа действия (наречий на -о, -е), меры и степени, причины и цели – перед глаголом-сказуемым (если на них не падает логическое ударение), а обстоятельств образа действия, выраженных иначе, – позади глагола [28, 195–197].

С порядком слов связаны и отдельные текстовые формулы, например, последовательность расположения «волеизъявление пишущего + формулировка поручения + срок» (Приказываю т. Иванову представить отчет 01. 05. 74), а не иначе [28, 182].

Читатель, вероятно, обратил внимание на то; что в примере из работы П. В. Веселова [8] приводится сочетание согласно Вагаей просьбе. Дело в том, что одна из обращающих на себя внимание примет канцелярского стиля – употребление при предлоге согласно дополнения (имени) в родительном падеже. Ср. свидетельство М. Алданова в романе «Ключ» (действие происходит в 1916 г.): следователь Яценко «написал следующее письмо», текст которого начинался словами «Согласно желания Вашего Превосходительства...»; «Яценко прочел про себя письмо и остался доволен. Тон был вполне официальный. Это подчеркивалось родительным падежом после «согласно...» (кн. I, ч. 1, XVII).

Несмотря на устарелость и явное несоответствие норме литературного языка («Согласно чему-нибудь, но не согласно чего-нибудь», – подчеркивается в Словаре Ушакова) управление с родительным падежом и по сию пору бытует в канцелярской практике, о чем свидетельствует хотя бы следующая реакция персонажа современной повести:

«– Согласно приказу коменданта! – дружелюбно объяснил сержант Хузин.

Никогда еще Мишке не приходилось слышать, чтобы военный человек говорил «согласно приказу». Абсолютно все, включая коменданта Демгородка генерал-лейтенанта Калманова... обязательно говорили «согласно приказа» (Ю. Поляков. Демгородок, 1).

Трудности, стоящие перед составителем текста документа, в значительной степени касаются того, что Л. В. Щерба называл «культурой сложных предложений по способу подчинения» [34, 119]. Большая продуктивность использования в деловой речи схем сложноподчиненного предложения обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в качестве условия высокой частотности сложных предложений в текстах деловой речи выступает ее письменный характер, требующий полноты изложения дела в тексте документа (см. п. 3 § 28). Заметим, что с этим же фактором связано частое употребление в деловом тексте «цепочек» многочленных именных словосочетаний, преимущественно с родительным падежом (в деловой речи, так же, как и в научной [13, 27–28], наиболее частотное употребление имени в именительном и родительном падежах), типа: 1) разработка + 2) проблем + 3) дальнейшего совершенствования + 4) очистки + 5) промышленных стоков.

Во-вторых, здесь сказывается требование логичности изложения: в этом плане необходимыми становятся схемы сложноподчиненного предложения с союзной связью, с придаточными причины, следствия, условия. (Интересно сравнить данный тезис с результатами исследования синтаксиса деловой речи в английском языке: именно синтаксическими признаками деловая речь противопоставлена там другим стилям, при том, что и для английской деловой речи характерны преобладание сложных предложений над простыми, преобладание подчинения и, следовательно, придаточных предложений [11, 8].)

В-третьих, свою роль играет и своеобразие понимания требования краткости изложения в деловом тексте: имеется в виду не только и не столько количество слов в предложении (ср. показатель наибольшей длины предложения, отмеченной для деловой речи в английском языке [11, 8]), сколько «стремление вместить в пределы одной фразы максимум необходимой информации» [18, 127]. Это связано с задачей «представить все обстоятельства дела во всех их логических взаимоотношениях вместе с выводом из них в одном целом». И данный фактор также работает на «культуру сложных предложений по способу подчинения в канцелярском стиле» [34, 119]. (Эта органичная тенденция к «крупноблочности» изложения в деловом тексте противоречит прямолинейному пониманию требования «краткости» в ряде руководств по деловой речи. Оцените результат такого следования этому требованию в одном из руководств – «исправленный» контекст, лишенный союзов (за исключением последнего предложения), а тем самым и эксплицирования логических связей: «Н-ский угольный разрез сдается в эксплуатацию. Количество рабочих увеличивается на 3500 человек. Население города возрастет до 50 000 человек. Поэтому наш завод не сможет обеспечить население хлебом» [2, 21].)

Именно «культура сложных предложений по способу подчинения» в сочетании с продуктивностью в деловой речи обособлений, причастных и деепричастных оборотов как способов уточнения смысла текста служит основой усложненного характера текста документа, причиной многих трудностей для его составителя. Именно здесь достигает максимума сопротивление языкового материала, выражающееся в тех «усилиях, которые мы тратим на написание какой-нибудь деловой записки, счета, объявления», в необходимости «следить за тем, не запутался ли я в построении своего сложного предложения» [25, 165]. Ср. сказанное со сценой, в которой Илья Ильич Обломов пытается сочинить письмо домохозяину.

«Илья Ильич сел к столу и быстро вывел: «Милостивый государь!..»

– Какие скверные чернила! – сказал Обломов. – В другой раз у меня держи ухо востро, Захар, и делай свое дело как следует!

Он подумал немного и начал писать.

«Квартира, которую я занимаю во втором этаже дома, в котором вы предположили произвести некоторые перестройки, вполне соответствует моему образу жизни и приобретенной, вследствие долгого пребывания в сем доме, привычке. Известись через крепостного моего человека, Захара Трофимова, что вы приказали сообщить мне, что занимаемая мною квартира...»

Обломов остановился и прочитал написанное.

– Нескладно, – сказал он, – тут два раза сряду что, а там два раза который.

Он пошептал и переставил слова: вышло, что который относится к этажу – опять неловко. Кое-как переправил и начал думать, как бы избежать два раза что.

Он то зачеркнет, то опять поставит слово. Раза три переставлял что, но выходило или бессмыслица, или соседство с другим что.

– И не отвяжешься от этого другого-то что! – сказал он с нетерпением. – З! да черт с ним совсем, с письмом-то! Ломать голову из таких пустяков! Я отвык деловые письма писать. А вот уж третий час в исходе.

– Захар, на вот тебе. – Он разорвал письмо на четыре части и бросил на пол» (И. А. Гончаров. Обломов. Ч. 1, VIII).

Следует отметить две особенности языка документации, носящие этикетный характер.

Первая – орфографическая, она связана с написанием с прописной буквы местоимений Вы и Вага в качестве вежливого обращения (в письменной речи) к одному лицу [27, § 28, п. 3].

Вторая этикетная особенность связана с вопросом: от какого лица должно строиться изложение текста в документе – от первого или третьего? Способ изложения от третьего лица – безличный, от имени организации, ее структурного подразделения (типа «Министерство считает возможным...»); в приказах («Приказываю:») или заявлениях («Прошу...») употребляется первое лицо единственного числа; впрочем, автор делового письма может строить изложение и от первого лица множественного числа («Напоминаем, что...») – тем самым он выступает как представитель организации, ее части [30, п. 2. 9; 7, 94].

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Каковы реквизиты постоянной и переменной информации в тексте различных документов?
2. Чем характеризуются трудности/особенности выбора лексических средств в процессе языкового наполнения схемы документа?
3. Чем характеризуются трудности/особенности выбора грамматических средств в процессе языкового наполнения схемы документа?
4. В чем проявляется стандартизация средств языкового заполнения текста документа?

§ 31. Динамика нормы официально-деловой речи

Итак, деловая речь есть, по существу, совокупность стандартов письменной речи, необходимых в официально-деловых отношениях. Эти стандарты включают в себя как формы документации (набор, последовательность и расположение реквизитов), так и соответствующие им способы речевого изложения. Тезис о высокой регламентированности официально-деловой речи находит свое подтверждение не только в обязательных требованиях к построению и составлению документов, но и в возможности нормализации – внесения изменений в правила построения и составления документов в процессе их унификации. Это касается обеих сторон документа – его формы и его языка.

В настоящее время текстовые и языковые нормы деловой речи испытывают давление со стороны все шире развивающегося способа составления, хранения и передачи документов при помощи электронно-вычислительной техники. Имеет место «автоматизация информационных процессов в аппарате управления» [6, 75], академик А. П. Ершов называет это «компьютеризацией деловой прозы». По его мнению, деловая проза «всегда внутренне формализована», это «лингвистический феномен, который, сохраняя многие свойства языка в целом, в то же время самой своей сутью подготовлен для того, чтобы стать объектом механизации», благодаря «регламентирующему действию формальной модели, лежащей в основе данной области производственных отношений» [15, 4, 7, 11, 13].

Одним из результатов этого явилось то, что организационно-распорядительные документы (обслуживающие внутреннюю сторону деятельности организации) стали регулярно включать в схему документа (для всех жанров) реквизит – пояснительный «заголовок к тексту». Такой заголовок выступает по существу как аннотация документа в форме предложно-падежной конструкции: предлог О + название управленческого действия + указание на объект этого действия, типа О рекламации партии новых бланков [29, 170]. При вводе документа в компьютер этот заголовок служит базой для превращения предложно-падежного сочетания (О рекламации) в слово-дескриптор в именительном падеже (Рекламация ...).

По традиции было принято начинать текст акта с текстовой формулы: «Мы, нижеподписавшиеся, ...» (что и было закреплено в ГОСТах); но вот ГОСТ 6. 39-72 отменил это привычное начало, регламентировав в данной позиции текста другую текстовую формулу со значением «основание»: «В соответствии с приказом директора завода...»

А теперь вернемся к вопросу, заданному читателю в связи с рассказом Чехова «Восклицательный знак» (§ 28). Пришло время ответить на него: единственно возможное употребление восклицательного знака в официально-деловой документации – ив чеховские времена, и теперь – после наименования адресата (обращения) в деловом письме:

Глубокоуважаемый Юрий Иванович!

Но, как, вероятно, и сами наши читатели могли заметить, в последнее время в самой деловой корреспонденции и в документах, публикуемых в прессе, все чаще вместо традиционного восклицательного знака после обращения встречается запятая, подобно тому, как принято в английских текстах. При этом самый текст письма, как и принято в русском делопроизводстве, начинается с абзаца, но не с традиционной прописной буквы, а как в английском, со строчной (см. об этих возможностях [8, 96]), например:

Глубокоуважаемый Юрий Иванович, обращаемся к Вам...

Таковы те немногие изменения, которые можно наблюдать в последнее время в регламентации языка официально-деловой документации.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. С чем связаны возможности регламентированных изменений в построении текста документов?
2. Как оформляется обращение в деловом письме?

§ 32. Устная деловая речь: деловой телефонный разговор

Особенностью официально-делового стиля, резко отличающей его от других разновидностей литературного языка, является, как уже было сказано, письменный характер его реализации; как вы могли убедиться, это во многом предопределяет специфику его синтаксиса. Мы не останавливались здесь на проблемах устной деловой речи не только потому, что она мало изучена, но и в связи с тем, что она выступает скорее как разновидность устной публичной речи.

Между тем внимание исследователей обращает на себя функционирование деловой речи в форме телефонных деловых переговоров. Вопреки распространенному взгляду на телефонный разговор как на «неподготовленный» и «спонтанный» [1, 5], телефонные деловые переговоры принципиально моделируемы, организация и последовательность их поддается планированию. Так, руководства по деловому телефонному разговору рекомендуют «специальный бланк, в котором будущий телефонный разговор записывается с учетом прогнозируемых ответов» [9, 25–26].

Наряду с этим следует упомянуть предложение об использовании готового бланка протокола заседаний товарищеского суда – как схемы, определяющей реализацию юридической процедуры (Человек и закон. 1985. № 2. С. 84–85).

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Что разъединяет деловые переговоры по телефону и письменный деловой текст?
2. Что их сближает?

§ 33. Рекомендуемые пособия и литература по официально-деловой речи

1. Об особенностях подстилей официально-деловой речи:

Русский язык в современном мире. М., 1974. Ч. II. Гл. 4. § 3.

Ершов А. П. К методологии построения диалоговых систем: феномен деловой прозы // Вопросы кибернетики. Общение с ЭВМ на естественном языке. М., 1982.

Большаков И. А. О некоторых лингвистических особенностях деловой прозы // Семиотика и информатика. Вып. 26. М., 1985.

Шварцкопф Б. С. Культура деловой речи // Русская речь. 1968. № 3.

Шварцкопф Б. С. – В кн.: Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. Разд. III. Гл. 9.

Иссерлин Е. М. Лексика и фразеология современных дипломатических документов. М., 1966.

Ушаков А. А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967.

2. Пособия по документации:

Головач А. С. Оформление документов. Изд. 2-е. Киев-Донецк, 1983.

Фельзер А. Б., Миссерман М. А. Делопроизводство. Справочное пособие. Изд. 3-е. Киев, 1988.

Руководство по делопроизводству. Пособие для служащих учреждений. М., 1989.

Документы и делопроизводство. Справочное пособие / Сост. М. Т. Лихачев. М., 1991.

3. ЛИТЕРАТУРА О ЯЗЫКЕ ДЕЛОВОЙ РЕЧИ:

Веселов П. В. Как составить служебный документ. М., 1982.

Веселов П. В. Современное деловое письмо в промышленности. Изд. 3-е. М., 1990.

Веселое П. В. Аксиомы делового письма: культура делового общения и официальной переписки. Изд. 4-е. М., 1993.

Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. Изд. 3-е. М., 1990.

Резюме

Официально-деловой стиль представляет собой один из функциональных стилей современного русского литературного языка: набор языковых средств, предназначение которых – обслуживание сферы официально-деловых отношений (деловых отношений между организациями, внутри них, между юридическими и физическими лицами). Деловая речь реализуется в виде письменных документов, построенных по единым для каждой из их жанровых разновидностей правилам. Типы документов различаются спецификой своего содержания (какие официально-деловые ситуации в них отражены), а соответственно и своей формой (набором и схемой размещения реквизитов – содержательных элементов текста документа); объединены они набором языковых средств, традиционно используемых для передачи деловой информации.

Принято различать три подстиля официально-делового стиля: 1) собственно официально-деловой (или канцелярский), 2) юридический («язык законов») и 3) дипломатический. В этом разделе учебника специально рассматривался первый: именно в нем наиболее четко и последовательно выражены специфические черты официально-делового стиля в целом. Напомним наиболее существенные признаки деловой документации.

1. Специфика культуры официально-деловой речи заключается в том, что она включает в себя владение двумя различными по характеру нормами: 1) текстовыми, регулирующими закономерности построения документа, закономерности развертывания его содержательной схемы, и 2) языковыми, регулирующими закономерности отбора языкового материала для наполнения содержательной схемы документа. Различение этих двух типов норм деловой речи помогает понять направленность и этапы мыслительной работы над текстом документа: осмысление официально-деловой ситуации → подбор соответствующего ей жанра документа → уяснение соответствующих жанру документа норм построения текста → выбор отвечающих жанру и форме документа языковых средств.

2. Форма документа (схема, отражающая семантико-информационную структуру текста) предоставляет в распоряжение его составителя определенный набор реквизитов и определенную их композицию (последовательность и порядок их размещения в тексте документа). Наиболее частотные (общие ряду документов) реквизиты: (1) адресат документа; (2) адресант документа; (3) заглавие (жанр) документа; (4) заглавие к содержанию текста документа; (5) список приложений к документу; (6) подпись; (7) дата. Обязательность/необязательность употребления определенных реквизитов определяет жесткость/свободу построения формы документа. Сказанное позволяет характеризовать «пишущего» как составителя текста документа (по известным ему образцам): это относится и к плану текстовых норм, и к плану языковых норм.

3. Составитель, как правило, использует традиционные для официально-делового стиля языковые средства. Таковы: и стилистика текста документа (нейтральная, не-экспрессивная и неэмоциональная, и/или книжная); и лексические средства (близкие к однозначности лексем и привычные словосочетания, включая клише и штампы, не говоря уже о так называемых канцеляризмах – языковых средствах, употребление которых нормы литературного языка ограничивают сферой деловой речи); и морфологические средства (продуктивность отглагольных существительных для называния действий; тенденция к неупотреблению в документах лично-указательных местоимений он, они), и синтаксические средства (усложняющие синтаксическую структуру причастные и деепричастные обороты, сложноподчиненные предложения с придаточными и с выражающими логические отношения союзами; именные цепочки с родительным падежом; синтаксическая схема перечисления).

Эти и некоторые другие особенности характеризуют канцелярский подстиль официально-делового стиля, ориентируя составителя текста документа на определенный выбор и на определенное восприятие текста документа его «получателем» (= читателем). Все эти специфические (и текстовые, и языковые) собственно канцелярские черты официально-делового стиля закреплены в ГОСТах и руководствах, что обеспечивает высокий уровень стандартизации и унификации текстов деловой документации.

Глава VI. Средства массовой информации и культура речи

В данной главе учебника ставится задача не просто показать собственно языковые особенности средств массовой информации (СМИ), но и рассмотреть массовую коммуникацию как особый тип общения, тип дискурса (под **дискурсом** здесь понимается **коммуникативное событие, заключающееся во взаимодействии участников коммуникации посредством вербальных текстов и/или других знаковых комплексов в определенной ситуации и определенных социокультурных условиях общения**). Естественно, что в учебнике по культуре речи основное внимание уделяется фактам успешности или, напротив, дефектности коммуникации, а также нормам различных типов (информационной, языковой, стилистической, коммуникативной), действующим в данной сфере общения. Кроме того, изменчивость дискурса в СМИ, его открытость для прямого социального воздействия предопределяют рассмотрение коммуникативного процесса в динамике, с обязательным учетом происходивших и происходящих здесь изменений.

§ 34. Общая характеристика средств массовой информации

Средства массовой информации подразделяются на визуальные (периодическая печать), аудиальные (радио), аудиовизуальные (телевидение, документальное кино). Несмотря на все различия между ними, СМИ объединяются в единую систему массовой коммуникации благодаря общности функций и особой структуре коммуникативного процесса.

Среди функций СМИ обычно выделяют следующие:

- информационную (сообщение о положении дел, разного рода фактах и событиях);
- комментарийно-оценочную (часто изложение фактов сопровождается комментарием к ним, их анализом и оценкой);
- познавательно-просветительную (передавая многообразную культурную, историческую, научную информацию, СМИ способствуют пополнению фонда знаний своих читателей, слушателей, зрителей);
- функцию воздействия (СМИ не случайно называют четвертой властью: их влияние на взгляды и поведение людей достаточно очевидно, особенно в периоды так называемых инверсионных изменений общества или во время проведения массовых социально-политических акций, например в ходе всеобщих выборов главы государства);
- гедонистическую (речь здесь идет не просто о развлекательной информации, но и о том, что любая информация воспринимается с большим положительным эффектом, когда сам способ ее передачи вызывает чувство удовольствия, отвечает эстетическим потребностям адресата).

Кроме того, в некоторых работах, посвященных массовой коммуникации, вводится понятие так называемой генеральной функции, «которая представляет собой процесс создания и сохранения "единства некоторой человеческой общности, связанной определенным видом деятельности» [16, 49].

Средства массовой информации объединяются и как **особый тип коммуникации** (дискурса), который можно охарактеризовать как **дистантный, ретинальный** (передача сообщения неизвестному и не определенному количественно получателю информации), **с индивидуально-коллективным субъектом** (под этим подразумевается не только соавторство, но и, например, общая позиция газеты, теле- или радиоканала) **и массовым рассредоточенным адресатом**. Необходимо отметить и такую особенность коммуникации в СМИ, как ее обусловленность социокультурной ситуацией, с одной стороны, и способность (в определенных пределах) вызывать изменение этой ситуации – с другой.

Различия между средствами массовой информации основаны прежде всего на различии используемых в них кодов, знаковых комплексов. В периодической печати представлена двоичная знаковая система: естественный язык в его письменной (печатной) форме + играющие подсобную роль иконические знаки (фотографии, рисунки, карикатуры), а также разного рода шрифтовые выделения, способ верстки и т. д. Применительно к радио можно говорить о триаде: устная речь + естественные звуки (шумы) + музыка. В аудиовизуальных СМИ (телевидение, документальное кино) триада преобразуется в тетраду в результате появления такого важного для этих средств массовой информации способа передачи информации и воздействия на аудиторию, как «живое» изображение. Именно благодаря использованию слова в сочетании с изображением возрастает роль телевидения как средства массовой информации: «Слово и изображение – две главные знаковые системы, история которых восходит к древнейшему человеку. У каждой системы есть свои преимущества и свои недостатки, которые определяют их роль и место в человеческом общении. Достоинство изобразительных знаков в их большой доступности, ибо они сохраняют в себе сходство с обозначенным объектом. Достоинство слова – в способности абстрагироваться от конкретного. На протяжении многих лет неоднократно вспыхивает дискуссия о том, что важнее на телевидении: слово или изображение? Конечно, слово имеет исключительно важное значение в телепередачах, ибо оно несет основную, понятийную информацию. Но не следует забывать при этом, что телевизионные передачи все же прежде всего – зрелище, и не случайно тот, кто воспринимает телепрограмму, называется телевизионным зрителем, а не телевизионным слушателем. Естественно, в одних случаях большую роль в передаче информации несет слово, в других – изображение. Вероятно, только синтез устного слова и изображения как основных языков может обеспечить телевидению наилучшие коммуникативные возможности. Важно только, чтобы изображение «не молчало», как это часто бывает, и чтобы использовались все знаковые системы: и слово, и изображение, и музыка» [3, 214–215].

Периодическая печать, наиболее традиционная разновидность mass media, лишенная многих преимуществ телевидения (иллюзия «живого» общения, наличие «картинки», использование паралингвистических средств, широкие возможности для формирования «журналистского имиджа» – вплоть до манеры держаться и внешнего вида), остается тем не менее и сегодня важнейшим средством массовой информации, обладающим значительным потенциалом воздействия не только на читателя, но и на разные стороны жизни социума.

Контрольные вопросы

1. На какие виды подразделяются средства массовой информации?
2. Каковы основные функции СМИ?
3. В чем состоит различие между средствами массовой информации?
4. Каковы особенности массовой коммуникации как типа дискурса?

§ 35. Информационное поле и информационная норма в СМИ

Основной целью дискурса в СМИ, в том числе в периодической печати, является передача (или ретранслирование) информации различных типов.

Существуют многочисленные определения понятия «информация». Одним из наиболее известных является определение, данное «отцом кибернетики» Н. Винером: «Информация есть обозначение содержания, полученного из внешнего мира в процессе нашего приспособления к нему и приспособления к нему наших чувств <...> Подобно тому как энтропия есть мера дезорганизации, информация есть мера организации» [10, 31, 123]. Вполне применимо к СМИ и следующее определение информации: «Под информацией <...> понимается вся совокупность данных, фактов, сведений о физическом мире и обществе, вся сумма знаний – результат познавательной деятельности человека, которая в том или ином виде используется обществом в различных целях» [19, 212].

В зависимости от содержания и целей, которые ставятся в процессе общения в СМИ, выделяются различные типы информации: «...различаются два вида информации: предметно-логическая (она же интеллектуальная, дескриптивная, объективная, концептуальная, фак-

тульная), не связанная с ситуацией и участниками общения, и прагматическая (оценочная/субъективная), функцией которой является воздействие на реципиента и передача ему своего отношения к предмету речи» [20, 63]. В других классификациях фактуальная, концептуальная, комментарийная, оценочная, развлекательная информация рассматриваются как ее самостоятельные разновидности.

Основу информации в СМИ составляют сообщения о фактах и их комментарии или оценки. Отсюда следует, что важнейшей характеристикой дискурса в этой сфере является категория **информационного поля, под которым понимается информационное пространство, охватывающее тот или иной объем фактов и событий реального мира и представленный репертуаром тем.** Информационное поле – категория аксиологическая, она связана с понятием информационной нормы: в идеале СМИ должны сообщать о всех возможных фрагментах действительности. На деле объем информационного поля всегда ограничен. Эти ограничения могут носить институционализированный (запрет на разглашение государственных тайн) или конвенциональный (например, следование этическим нормам) характер. Запреты иного рода должны расцениваться как факт дефектной коммуникации, однако, как показывает история российской печати советского периода, именно они часто становятся своеобразной «информационной нормой».

В пятикомпонентной схеме массовой коммуникации, предложенной Г. Ласуэллом: «кто, что сказал, через посредство какого канала (средства) коммуникации, кому, с каким результатом» (цит. по: [2, 11]) – именно компонент «что сказал», то есть транслируемая информация, наиболее открыт для социального воздействия. Советская печать практически на протяжении всего своего существования находилась под мощным идеологическим прессом. Принцип партийности печати приобрел характер незыблемого закона, особенно после того как был в виде прямой директивы сформулирован Сталиным в его выступлении на «историческом» апрельском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1929 года: «Надо принять меры к тому, чтобы в органах печати, как партийных, так и советских, как в газетах, так и в журналах, полностью проводилась линия партии и решения ее руководящих органов» (цит. по: Латышев А. О вреде единомыслия // МН. 1989. 10 сент.): Нельзя не вспомнить, что одним из первых законодательных актов советской власти был декрет, о закрытии всех сколько-нибудь оппозиционных изданий, а на информацию, помещаемую в лояльных к режиму газетах и журналах, сразу же был наложен ряд запретов. Так, 19 декабря 1918 г. решением бюро ЦК РКП (б) была запрещена критика ВЧК в печати (Костиков В. Время оттаявших слов // Огонек. 1989. Янв. № 2). Таким образом, «информационная норма» с первых послереволюционных лет на долгое время приобрела характер нормы прежде всего идеологической: жестко регламентировалось и то, о чем можно писать, и то, как об этом нужно писать. Табуированию (а это один из наиболее распространенных видов искажения действительности) подвергались целые сферы жизни общества и важнейшие для судеб страны события. Те же факты и события, о которых позволялось сообщать на страницах газет и журналов, должны были интерпретироваться строго определенным образом.

Одним из проявлений идеологической детерминированности печати стало проведение разного рода газетных кампаний, содержание и тон которых могли меняться буквально в течение одного дня, как бы по команде «все вдруг». Показательно в этом отношении поведение советской прессы после заключения Пакта о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 г.: из нее исчезли обличения фашизма и, напротив, появились статьи, клеймящие Англию и Францию за то, что они силой пытаются «подавить идеи гитлеризма». Посол Германии в Москве фон Шуленбург сообщал в своем донесении от 6 сентября 1939 г.: «Внезапный поворот в политике Советского Союза после многих лет пропаганды, направленной именно против немецких агрессоров, еще не очень ясно понят населением. Особенно сомнения вызывают заявления официальных агитаторов о том, что Германия больше не является агрессором. Советское правительство делает все возможное, чтобы изменить отношение населения к Германии. Прессу как будто подменили. Нападки на Германию не только полностью исчезли, но все описания событий внешней политики в значительной мере основаны на немецких сообщениях, и вся антинемецкая литература изымается из книжной продукции» (цит. по: Чубарян А. Август 1939 года // Изв. 1989. 1 июля).

Политический обозреватель С. Кондрашов вспоминает о трансформациях, происходивших с прессой в период Карибского кризиса: «В советских газетах тех дней вы обнаружите массу материалов о Карибском кризисе, целые полосы с аршинными ритуальными заголовками, клеймящими американский империализм тем ругательным нечеловеческим языком, который остался – это стоит подчеркнуть – от сталинских времен, когда так привычно было обрушиваться на «врагов народа», «презренных наймитов», «шайки диверсантов и убийц», и который в силу широкозахватной и устойчивой инерции сталинизма мы все еще сохраняли для газетных «разговоров» со своими людьми о западном мире». По словам С. Кондрашова, в первые дни кризиса газеты пестрели заголовками: «Обуздать зарвавшихся американских агрессоров!», «Народы мира гневно клеймят американских авантюристов!», «Решительный отпор поджигателям войны!», «Усмирить разбойников, отстоять мир!». В последующие дни, пишет журналист, тон газетных заголовков стал несколько спокойнее, а при достижении компромисса произошла их полная (но в пределах той же идеологической гаммы) референциальная, а следовательно, и оценочная трансформация: «Выдающийся вклад в дело сохранения мира», «Все человечество приветствует мудрость и миролюбие Советского правительства». Таким образом, заключает С. Кондрашов, «газеты лишь отражали резкий перепад официального тона от противостояния к примирению» (Кондрашов С. Из мрака неизвестности // Новый мир. 1989. № 8. С. 182–183).

Идеологизированная информационная норма вступала в непреодолимое противоречие; цивилизованной информационной нормой, по крайней мере, по двум параметрам: информация в идеологически ангажированной прессе, во-первых, была, с одной стороны, избыточной, а с другой – редуцированной и поэтому недостаточной; во-вторых, отличалась высокой степенью недостоверности.

Избыточность выражалась, например, в повторяющемся тиражировании информации, безальтернативной интерпретации действительности, включении в текст стереотипных идеологем и достаточно регулярной ритуализации дискурса. Недостаточность, будучи производной от тех ограничений, которые накладывались на информацию, была в то же время обратной стороной избыточности. Особого внимания заслуживает параметр истинности/ложности (достоверности/недостоверности) информации, передаваемой в печати и вообще в mass media. Эта проблема актуальна применительно не только к советской прессе, и ее исследованием занимаются как зарубежные, так и отечественные лингвисты (см., например: [6; 8; 13; 22; 5; 25; 21]).

Так, Х. Вайнрих связывает языковую ложь с лживостью понятий и идеологических систем. По его мнению, «лживые слова – это почти без исключения лживые понятия. Они относятся к некоторой понятийной системе и имеют ценность в некоторой идеологии. Они становятся лживыми, когда лживы идеология и ее тезисы». В качестве примера лживости слова Х. Вайнрих приводит слово демократия, помещенное в такую идеологическую систему, которая не признает демократию как форму государства, где, власть исходит от народа и по определенным политическим правилам передается свободно избранным его представителям [8; 63].

Согласно Д. Болинджеру, характерная для американской политики (речь идет о 70-х гг.) и средств массовой информации «коррупция языка» в значительной мере объясняется продуманным вмешательством властей, преследующих непопулярные цели [6, 39–40].

Г. Джоуэтт и В. О'Доннел определяют пропаганду как «активизированную, идеологию», поскольку ее реальная задача состоит в том, чтобы распространить среди аудитории определенную идеологию и тем самым добиться заранее поставленной цели. Поэтому пропаганда стремится втиснуть информацию в определенные рамки и отвлечь реципиента от вопросов, которые за эти рамки выходят. Поэтому не случайно, замечают авторы, под пропагандой часто понимают что-то нечестное – об этом свидетельствует уже тот синонимический ряд, в который помещают сам термин пропаганда, ложь, искажение, манипуляция, психологическая война, промывание мозгов. Правда, Г. Джоуэтт и В. О'Доннел указывают, что пропаганда совсем не обязательно должна опираться на ложь. В зависимости от источника и достоверности информации они различают «белую», «серую» и «черную» пропаганду. «Белая» пропаганда характеризуется тем, что ее источник можно установить с большой точностью, а

информация соответствует действительности. При «серой» пропаганде источник точно определить нельзя, а достоверность информации находится под вопросом. «Черная» пропаганда использует ложный источник, распространяет ложь и сфабрикованные сообщения. Таким образом, заключают авторы, пропаганда может строиться на широкой гамме сообщений – от правды до откровенной лжи, – но всегда в ее основе лежат определенные ценности и идеология [13, 3–5].

Применительно к советской печати можно говорить о глобальной и своего рода системной лжи. Это была типичная «черная» пропаганда, хотя в большинстве случаев «источник» информации был хорошо известен – им были средства массовой информации, полностью подчиненные идеологическому демиургу. Информация становится дезинформацией во всех случаях, «когда надо скрыть имеющуюся действительность и когда надо построить «новую» [17, 109]. Применительно к советской действительности такая ситуация была повсеместной, использовались, и, надо сказать, с большой эффективностью, различные способы искажения истины. Судя по многочисленным воспоминаниям современников, «тому, что пишут», верили (см., например: Померанц Г. Записки гадкого утенка // Знамя. 1993. № 7–8). Социальные предпосылки этого были общими для макроситуации введения в заблуждение: 1) недостаток информации, 2) приверженность «стереотипам и жестким высокоидеологизированным структурам»; 3) социальная пассивность реципиентов [5, 113–114]. .

Вместе с тем существует немало свидетельств того, что ложь в печати распознавалась людьми, принадлежащими к разным социальным группам общества. Ср., например, оценку газетной информации, данную кинорежиссером А. П. Довженко (в дневниковой записи): «Что более всего раздражает меня в нашей войне – это пошлый, лакированный тон наших газетных статей. Если бы я был бойцом непосредственно с автоматом, я плевался бы, читая в течение такого длительного времени эту газетную бодренькую панегирическую окрошку или однообразные, бездарные серенькие очерки без единого намека на обобщение, на раскрытие силы и красоты героики. Это холодная, наглая бухгалтерия газетных паршивцев, которым, по сути говоря, в большой мере нет дела до того, что народ страдает, мучится, гибнет. Они не знают народа и не любят его. Некультурные и душевно убогие, бездуховные, они пользуются своим положением журналистов и пишут односторонние и сусальные рассказы, как писали до войны о соцстроительстве, обманывая наше правительство, которое, безусловно, не может всего видеть. (Здесь, конечно, трудно согласиться с автором, видящим истоки газетной лжи лишь в самих журналистах. – Авт.). Я нигде не читал еще ни одной критической статьи ни о беспорядках, ни о дураках, а их хоть пруд пруди, о неумении правильно ориентировать народ и т. п. Все наши недостатки, все болячки не разоблачаются, лакируются, и это раздражает наших бойцов и злит их, как бы честно и добросовестно ни относились они к войне» (Довженко А. П. Дневник // Огонек. 1989. № 19. С. 11).

Характерно, что адресатом порой распознаются собственно языковые (эксплицированные в поверхностной структуре высказываний) «маркёры лжи»: «Не знаю, как вы, а я весьма скептически отношусь к официальным решениям, содержащим глухие формулировки типа: «улучшить», «усилить внимание», «повысить», «углубить» или «ускорить», изначально обреченным на неисполнение в силу своей абсолютной неконкретности и, я бы даже сказал, обезоруживающей безликости.

У нас любят говорить: проделана «определенная» работа, в наличии «определенные» недостатки, – вам известно, как следует это понимать?..

Вникать и задумываться мы стали только теперь: блаженное время, не многие, к сожалению, это ценят сегодня, а зря... Именно по этой причине, то есть по причине того, что стала, кажется, уходить из нашей жизни абстрактность призывов и демагогическое пустословие, мы сегодня точно знаем: если проделана «определенная» работа – значит, ничего не сделано, нам просто пудрят мозги, если имеются «определенные» недостатки – значит, и сами не желают их видеть, и нам не хотят показать. По этой же причине многие из нас готовы «углублять» только на том месте, где уже что-то вырыто, «улучшать» – где уже есть что-то хорошее, «ускорять» – где уже началось движение, «усиливать» – где уже приложены пусть небольшие усилия» (Аграновский В. Личность решает все! // Огонек. 1989. № 14. С. 7).

Советская печать дважды в своей истории пыталась выйти за пределы очерченного идеологией круга. Первая попытка – во второй половине 50-х – начале 60-х гг. – не была и не могла быть последовательной: сохранялись прежние глубинные идеологические основания, традиционные мифологемы; пресса продолжала оставаться под мощным давлением со стороны политического истеблишмента. Вторую попытку – начиная со второй половины 80-х гг. – можно охарактеризовать как путь от «робкой гласности» к подлинной свободе слова с присутствующей ей информационной (и стилистической), полифонией. При всей стремительности; с которой пресса проделала этот путь, движение к свободе слова знало свои этапы: скажем, в 1986–1988 гг. воспринимались как сенсация публикации о «вязком партийно-бюрократическом слое» и привилегиях (П), репортажи о жизни проституток (МК) или письмо десяти эмигрантов с призывом вывести войска из Афганистана и подвергнуть ревизии коммунистическую идеологию (МН). Расширение информационного поля печати происходило в основном за счет следующих информационных сфер; политическая система, внутренняя и внешняя политика; религия; «теневые» стороны жизни общества (преступность, проституция); история страны; возвращение одиозных по прежним идеологическим стандартам персоналий (Бухарин, Троцкий, Бердяев, Флоренский, Некрасов, Солженицын и мн. др.); критика коммунистической доктрины; акцентуация «позитива» в зарубежной жизни; секс; личная жизнь представителей различных элитных групп (политических деятелей, артистов, спортсменов и т. д.). Поскольку преодоление информационной ограниченности газетного дискурса было в первую очередь освобождением от гнета господствующей идеологии, представлявшей собой достаточно стройную систему мифологем (впрочем, мифологизировано было практически все: политическое устройство государства, история, мораль), этот процесс может быть определен как процесс последовательной демифологизации. Показательны в этом отношении изменения в интерпретации личности и деятельности вождей революции, происходившие на фоне ревизии и критики марксизма как доктрины.

Существенно приблизило российскую печать к цивилизованной информационной норме принципиально иное, чем ранее, освещение деятельности политического истеблишмента. Речь здесь идет не только о возможности критиковать заявления и действия высших политических руководителей государства (а самой суровой критики не избежал ни один из них), но и о возможности сообщать факты из их частной жизни: биография, привычки, семья, квартиры, дачи (о характере и направленности многих из подобных публикаций говорит, например, заглавие помещенного в МК материала о строящейся даче политического деятеля высокого ранга – «Дача ложных показаний»).

Информационное поле газетного дискурса формируется в значительной мере за счёт новостийной информации. В основе происходивших в дискурсе новостей изменений лежали его деидеологизация и деофициализация. Если в соответствии с «социалистическим» новостийным стандартом (при его, разумеется, известном огрублении) новости в основном группировались вокруг трек «глобальных» макротем – «слова и деяния вождей», «язвы капиталистического общества, происки империалистов», «успехи в социалистическом строительстве», – то современный новостийный дискурс при отсутствии каких-либо тематических ограничений по существу имеет вид информационной мозаики. Любое событие, любая ситуация, по той или иной причине привлёкшие внимание журналистов, могут быть представлены на страницах газеты. Иерархия новостей по степени важности устанавливается обычно объёмом и расположением информации: наиболее существенная информация, как правило, более объёмна и располагается на первой полосе. В то же время информационная свобода имеет свою обратную сторону: далеко не всегда публикуемые в печати материалы соответствуют информационной норме.

Современную (постперестроечную) прессу часто обвиняют в парадоксографии (термин П. Вайля, означающий нечто удивительное, экстравагантное, сенсационное), безнравственности (под которой чаще всего подразумевается интерес к сексуальным проблемам, и особенно к проблемам нетрадиционного сексуального поведения), «кадаврофилии», склонности к описанию «негатива» и т. д.

Сама пресса как будто подтверждает подобные оценки, заявляя, скажем, самой лексикой, строением высказываний, метафорикой как об интересе к фактам насильственной смерти,

так и о циничном отношении к ним: «Летние «подснежники» (заголовок)... Трупы, трупы, трупы... В одной из весенних хроник я описывал, как много находят трупов по весне, которых называют ласково «подснежниками». Летом их количество почему-то не убывает, несмотря на мертвый для города сезон» (МК. 1993. 21 авг.). Сообщения о фактах насилия, катастрофах, разного рода аномальных явлениях составляют весьма заметный фрагмент информационного поля современной российской прессы. С одной стороны, эти публикации отражают реалии современной жизни, а с другой – служат откликом на интерес к подобного рода информации определенной части читателей (прежде всего читателей массовых изданий, часто именуемых «бульварной прессой»).

В то же время действительно нельзя не отметить перенасыщенность некоторых современных газет негативной информацией, а, также снижения (если вообще не снятия) культурного ценза в отборе материала для опубликования. Именно эти явления становятся причиной, критики средств массовой информации со стороны, читателей, оказываются в центре дискуссий по проблемам современной российской прессы. Ср., например, фрагмент из письма читательницы газеты «Московский комсомолец»: «Цинизм, апофигизм, мрачность, нытье, истерика, склеротическая ностальгия по прошлому осточертели и стали пошлыми. Да, да пошлыми, т. к. пошли по рукам, стали общим местом и единственной палитрой наших СМИ. Вы ежедневно лепите образ жизни как кровавый гиньоль. Ну, станьте оригинальными! Сделайте хоть раз в неделю день приятных, радостных, добрых новостей! Попробуйте! Вам самим станет от этого хорошо! Это будет дерзкий вызов всеобщему тошнотворному мазохизму» (МК. 1993. 2 сент.). Обозреватель газеты ответил читательнице следующим образом: «Действительно, сегодня тот, кто занимается «производством» новостей, стоит перед рядом сложных проблем. С одной стороны – надо быть интересным читателю-телезрителю, чтобы сбывать свой товар. Ибо «производитель» новостей одновременно является и агентом по продаже своего товара. С другой стороны – как быть интересным, сообщая хорошие новости? Ведь хорошее, извините, но это мое твердое убеждение, настолько распространено, настолько типично и характерно для любого времени (а я также считаю, что плохих времен не бывает), настолько, если хотите, заурядно, что оно просто-напросто неинтересно. Сразу же здесь и оговорюсь: не всегда интересно. Вот и приходится нам, многогрешным, трупы показывать <...>Ну и спешка, знаете. Также не всегда мастерства хватает. Зло ведь эффективней. Тут готовая драматургия. А чтобы хорошее показать, нужно попотеть, пока эту самую драматургию извлечешь» (*Новоженков Л.* Хорошие новости и плохие // МК. 1993. 2 сент.). Повидимому, оценка читательницы излишне категорична (все-таки информационное поле современного газетного дискурса в целом достаточно полно и всесторонне охватывает действительность, приближаясь к идеалу «информационной мозаики»), а ответ журналиста в значительной степени построен на иронии и самоиронии. Тем не менее нельзя не признать, что некоторые издания действительно отличает «отрицательная» направленность в отборе материала, сосредоточенность на аномальных и паранормальных явлениях.

Информационное поле прессы – при ее нормальном положении в обществе – должно адекватно, всесторонне и полно отражать действительность. Однако это не значит, что в распространении информации не существует никаких ограничений. Напротив, эти ограничения есть и будут при любом типе власти и форме государственного устройства. Для нетоталитарного общества характерны два основных типа ограничений. Первый из них можно определить как институциональные ограничения.

Они связаны с деятельностью социальных институтов (прежде всего – государства) и часто имеют юридическое закрепление (например, в перечнях сведений, составляющих государственную тайну). Опубликование законодательно табуируемой информации по существу представляет собой нарушение не просто информационной, но и юридической нормы и может повлечь соответствующие санкции, ср.: «Факты разглашения сведений есть в каждой стране, в том числе и в России <...>Так. «Советская Россия» от 14 июля 1992 г. опубликовала сведения о возможных развязках территориального вопроса с Японией. По мнению МИД РФ, опубликование таких документов нанесло серьезный ущерб, внешнеполитическим интересам России. 9 июня 1992 г. в газете «День» было опубликовано секретное распоряжение правительства РФ о поставке Литовской республике стрелкового оружия и боеприпасов к

нему. Участились случаи опубликования в органах периодической печати сведений о спец-объектах, в том числе об, их назначении, дислокации» (С. 1993).

Второй тип ограничений, наладываемых на публичное распространение информации, – конвенциональные ограничения – основан на социокультурных регулятивах общения. Речь здесь должна идти прежде всего о следовании, этическим нормам – именно они часто нарушаются некоторыми изданиями. Это, например, относится к принятому, в Культурном сообществе правилу, согласно которому запрету подлежит публичное обсуждение частной жизни людей без их согласия. Между тем некоторые газеты считают себя вправе вмешиваться в эту жизнь, стараясь обнаружить и вынести на всеобщее рассмотрение ее самые неприглядные стороны, ср.: «Замочил свою жену» (заголовок) ...В праздник первая переплюнул всех своих соотечественников артист Большого театра г-н В. С. (в газете указаны подлинное имя и фамилия. – *Авт.*). Сначала (не без помощи невестки) выбросил вещи своей жены на лестничную клетку, а потом вылил на голову супруге литр (!!!) собственной мочи. На этом пытка не закончилась: артист избил жену и запер ее в ванной» (МК. 1993. 7 мая). Даже если представить, что эта (или подобная) информация достоверна, публикуя ее, газета явно идет вразрез со сложившимися представлениями о приличии («синдром замочной скважины») и берет на себя несвойственные ей функции милицейского протокола.

Актуальной для современной прессы остается проблема достоверности/ недостоверности информации, представляющая собой важный аспект информационной нормы. Если ранее распространяемая средствами массовой информации ложь, носившая по существу глобальный характер, была обусловлена преимущественно воздействием на печать государственной идеологии, то в перестроенное и особенно в постперестроечное время недостоверность информации все более приобретала вид своего рода «дезинформационных универсалий», присущих прессе как социальному институту.

Один из типов лжи порождается тем, что печать не только публикует собственные материалы, но и ретранслирует официальную информацию государственных структур, по той или иной причине заинтересованных в том, чтобы ввести общество в заблуждение относительно своих намерений или действий. Именно такой характер носили появлявшиеся в начале 90-х гг. в официальных средствах массовой информации сообщения о событиях в Баку, Вильнюсе, «маневрах» десантных войск под Москвой. Однако в то время печать уже не была идеологически и политически однородной, появилась возможность альтернативной описания и альтернативной интерпретации действительности (в «Комсомольской правде», например, официальные сообщения именовались каламбурным окказионализмом «подТАССовка»).

Еще одним источником недостоверной информации является политическая борьба, неизбежно отражающаяся в средствах массовой информации. Печать принципиально не может быть вне политики (за исключением тех изданий, которые по своему назначению не должны обращаться к политическим проблемам). В большинстве случаев и издания в целом, и отдельные журналисты занимают определенную политическую позицию, которая, правда, в отличие от прежних времен является, не проявлением идеологического конформизма, а результатом свободного идейного самоопределения. Естественно, газеты разной политической ориентации не просто отражают борьбу различных политических сил, но и становятся активными участниками этой борьбы.

Ложь на страницах печати имеет разные причины, в результате чего можно говорить о разных типах искажения действительности. Первый из них можно определить как параноидальный тип лжи, поскольку он представляет собой проявление некоей навязчивой идеи – вне зависимости от того, о чем конкретно идет речь – о необходимости построения в России коммунизма или, напротив, возврата к монархии, о масонском заговоре или о том, что Запад управляет Россией через марионеточный режим. Признаками параноидальной лжи являются полная непроверяемость исходных положений, идеологизированный характер аргументации, явно рассчитанной не на рациональную обработку информации, а на эмоции адресата. Например, тезис о масонском заговоре аргументируется следующим образом: если в стране возникли перебои с табачными изделиями (публикация относится к 1991 г. – *Авт.*), а из продажи исчезли наручные часы (?), то за этим непременно стоит некая организованная сила, и

«стало быть, вполне допустимо думать о сборищах поклонников сатаны и секретном управлении масонства, творящем недозволенное за спиной народа» (ПТ. 1991). А положение об «иноземном господстве», о «руке» Запада, якобы ныне управляющего Россией в своих «вечных, незыблемых геополитических интересах», обосновывается тем, что «Россией ныне правят слишком расчетливо, рационально, истинно по-западному» без учета «маятниковых особенностей российского менталитета, склонного к крайностям» (РГ. 1993).

Весьма распространен в современной печати и такой тип искажения действительности, который можно определить как ложь политической выгоды. Диапазон дезинформации здесь весьма широк – от замалчивания нежелательных для печатного органа той или иной политической ориентации фактов до их полного извращения. В некоторых газетных сообщениях действительность трансформируется самым примитивным образом – путем преобразования (за счет манипулирования с частицей не) утверждения в отрицание или, напротив, отрицания в утверждение.

Дезинформация является одним из распространенных способов компрометации политических оппонентов. Дискредитирующая ложь реализуется при помощи нескольких моделей: приведение заведомо ложных фактов; объединение реальных и измышленных фактов; «конструирование» информации с опорой на реальную пресуппозицию, на фонд знаний потенциального читателя. Искажение действительности в данном случае, как правило, носит пропозициональный (содержательный) характер и опровергается (обычно в газетах с противоположной политической ориентацией) также на пропозициональном уровне: «... Общественный интерес к вероятным вашингтонским доходам Федорова (в то время – министр финансов и, вице-премьер – Авт.) не ослабевает. Недавно «Советская Россия» (№95) сообщила, что вице-премьер не просто был в отпуске в Вашингтоне, а навещал там свою семью, которая живет в арендуемой им вилле стоимостью 20 тысяч долларов в месяц. Сын Федорова, по сообщению той же «Советской России», учится в частном колледже, а жена «пристроена» в фонде, который «опекает ЦРУ» <...> Мы связались с Федоровым, и он подтвердил, что уходит с поста директора Всемирного банка, о чем и подал соответствующее заявление, когда находился недавно в Вашингтоне. Однако признался, что не хотел широко распространять эту информацию до очередного годового собрания банка в сентябре, когда будет решен вопрос о его преемнике на этом посту. Что касается других сведений, в частности распространенных «Советской Россией», Федоров заявил, что намерен подать в суд на эту газету за распространение клеветы. Дом в Вашингтоне он не снимает, а его семья давно живет с ним в Москве. Кстати, представить себе жилье, арендная плата за которое близка зарплате президента США, может только очень большое воображение. Его девятилетний сын при всем желании не мог учиться в колледже, даже когда Федоровы жили в США. Возрастом не вышел. Жена, Ольга, как сказал вице-премьер, ни в каком фонде и вообще на какой бы то ни было работе в США не находилась» (Изв. 1993). Нетрудно увидеть, что опровергаемое дезинформационное сообщение, имеющее цель дискредитации политического оппонента, строится с опорой на реальные факты (известно, что российский министр финансов действительно занимал пост директора Всемирного банка от России и жил в Вашингтоне), информационные стереотипы, далеко не всегда адекватные действительности (члены правительства, используя свое положение, устраивают своих родственников за границей и находятся под влиянием ЦРУ), приведение якобы точной количественной, но непроверяемой информации (сумма арендной платы).

Дискредитирующая ложь не всегда выступает в явном виде: часто она маскируется референциальной неопределенностью при указании на анонимный источник информации и семантикой языковых единиц, формирующих значение возможной недостоверности сообщаемого: «**Некоторые источники утверждают**, что в ночь с 27 на 28 июля 1993 года состоялось заседание политсовета «Демроссии». **Предполагают**, что на нем шел разговор о смене высшего руководства государства в ближайшие дни. Причем причиной, побудившей пойти на эти действия, послужил о **якобы** резкое ухудшение здоровья Президента и возможность в связи с этим его отставки или ухода иным способом. Далее речь шла **будто бы** о том, что необходимо любыми средствами препятствовать созданию государственной медицинской комиссии по освидетельствованию здоровья Президента <...> Косвенно **эти слухи** находят

подтверждение. Так, Геннадий Бурбулис заявил на днях на пресс-конференции, что на предстоящих выборах блок «Выбор России» не будет опираться на Президента и его команду, так как считает их неперспективными. Характерно, что это заявление не вызвало ни протеста, ни опровержений <...> **Впрочем, не исключена вероятность**, что заседание политсовета носило провокационный характер. **Возможно**, была сознательно допущена, утечка информации, чтобы оказать психологическое воздействие на Президента, вице-президента, а также на общественность страны» (выделено нами – Авт.) (РГ. 1993).

Ложь в газетном дискурсе связана не только политической позицией субъекта. «Дезинформационные универсалии» прессы в значительной степени определяются целями, характером и режимом ее деятельности. Стремление к информационному приоритету, поиск нетривиальной (сенсационной) информации, необходимость оперативной передачи сообщений нередко приводят к публикации материалов без проверки надежности источника и достоверности сообщаемых сведений. Кроме того, применительно к современному состоянию российской прессы, очевидно, можно говорить о снижении у некоторых журналистов и изданий порога профессиональной ответственности за достоверность передаваемой информации, что в какой-то мере является компенсаторной реакцией на многолетнее отсутствие свободы слова в печати. Отсюда столь большое количество опровержений и самоопровержений, публикуемых в газетах, хотя известно, что опровержение никогда не возмещает полностью тот информационный, моральный и социальный ущерб, который может нанести первичная недостоверная информация. Не могло не вызвать недоумения большинства читателей сообщение одной из газет о том, что «сумма налога (на помещения, находящиеся в частной собственности. – Авт.) составит одну десятую инвентаризационной стоимости» (МК. 1993. 16 апр.). И только через несколько номеров публикуется скромная поправка: «Уточнены размеры, налога, которым в 1993 году будут обложены жилые дома, квартиры, дачи, садовые домики и гаражные боксы, находящиеся в личной собственности граждан <...> Размеры налога составят, как определено российскими законами, 0,1 процента от инвентаризационной стоимости недвижимости (выделено нами. – Авт.) (МК. 1993. 20 апр.).

Наибольшей «этической маркированностью» обладает дезинформация, которая становится причиной компрометации государственных органов и политических деятелей, затрагивает честь и достоинство человека. Приводимые опровержения далеко не всегда могут считаться достаточной компенсацией: одни читатели не смогут с ними ознакомиться, другие будут не в состоянии полностью освободиться от сомнений, психологически естественных в ситуации альтернативного представления действительности. Непреднамеренная ложь, разумеется, в нравственном отношении отлична от преднамеренного, сугубо манипулятивного введения адресата в заблуждение, но и она является нарушением не только информационной, но и коммуникативной нормы, в том числе в ее этическом измерении.

В целом дискурс в современной российской прессе – в отличие от прессы тоталитарного общества – соответствует цивилизованной информационной норме, основными чертами которой являются: идеологический индетерминизм (отсутствие зависимости от государственной идеологии), тематическая открытость, свобода поиска и распространения информации с ориентацией на информационные потребности и интересы потенциального читателя.

Контрольные вопросы

1. Какие определения термина «информация» вы знаете?
2. Какие виды информации принято различать?
3. Что такое информационное поле?
4. Что считается информационной нормой?
5. Какие типы не достоверной информации вам известны? В чем причины ее появления на страницах печати?
6. Какие языковые приемы используются для маскировки лжи?

§ 36. Прагматика и риторика дискурса в периодической печати. Сфера субъекта и выражение оценки

Прагматика – в широком смысле этого термина – **охватывает весь комплекс явлений и обуславливающих их факторов, связанных со взаимодействием субъекта и адресата в разных ситуациях общения.** Под прагматикой в более узком смысле понимают выражение оценки (действительности, содержания, сообщения, адресата). (См.: [1, 8-14]). **Риторика** – это **мастерство убедительной и выразительной речи.** В § 36–37 основное внимание уделяется сфере субъекта и происходящим в ней изменениям, выражению оценки, средствам речевой выразительности, используемым в периодической печати.

В рамках обсуждения вопроса об основном предназначении средств массовой информации и в лингвистических работах, и в выступлениях профессиональных журналистов уже давно ведется дискуссия о соотношении в газете (равно как и на радио и телевидении) «объективного» (то есть сугубо фактуальной информации) и «субъективного» (под которым обычно понимается оценка, связанная с намеренным воздействием на читателя, зрителя, слушателя). «Объективизм» полагает основную цель mass media в информировании адресата, отводя субъекту роль едва ли не «вербального фотографа», беспристрастно фиксирующего события и факты. Еще в конце 20-х гг. Г.-О. Винокур писал: «Если язык вообще есть прежде всего некое сообщение, коммуникация, то язык газеты в идеале есть сообщение по преимуществу, коммуникация, обнаженная и абстрагированная до крайних мыслимых своих пределов. Подобную коммуникацию мы называем «информацией» <...> Газетное слово есть, конечно, также слово риторическое, т. е. слово выразительное, рассчитанное на максимальное воздействие, однако главной и специфической особенностью газетной речи является именно эта преимущественная установка на голое сообщение, на информацию как таковую» [11, 229].

В современных выступлениях журналистов и критиков можно встретить негативные отзывы о «так называемой публицистике», которая порой весьма нелицеприятно приравнивается к «умению развешивать «сопли» по материалу» (Старков В. Интервью // Изв. 1989 2 сент; Он же. Следовать вкусам читателей // Московские ведомости. 1990. № 1). Со ссылкой на международные авторитеты в области массовой коммуникации провозглашается принцип полной отстраненности журналиста от сообщаемого, так как именно он соответствует задаче прессы – информировать общество, а не реформировать его (Богомолов Ю. Ведущие, уважайте своего зрителя // Изв. 1993 31 июля). Кстати, нарушение этого принципа нередко ставится в вину современной российской журналистике: «А не надо из журналистики делать высокий вид искусства, в связи с чем любая газета в России превращается в толстый журнал. Журналистика – такое же ремесло, как покраска заборов. Есть четкие структуры, на которых можно набить руку и, не будучи халтурщиком, делать все это автоматически. Западные журналисты всегда выдают на-гора чудовищное количество материала по сравнению с советскими журналистами. Правда, пишут кратко и конкретно. В России же журналистика страшно неконкретная. Там репортера спросишь, сколько времени, он же не ответит «без пятнадцати пять». Он же еще час будет рассуждать о природе времени. Я читаю дайджест Радио «Свобода» с лучшими заметками из всех российских, газет. Все равно с американской прессой трудно сравнивать: Совершенно другой подход к журналистике. Здесь очень четко разделяют редакционный комментарий и репортерское освещение. А в России эта грань смазана. Трудно найти статью во всей газете, которую можно взять и ей поверить. Всегда проскальзывает тенденция» (Козловский В. Интервью // МН. 1993. 7 февр.).

Однако высказываются и другие, порой прямо противоположные взгляды на роль субъекта в средствах массовой информации, по-видимому, в большей степени учитывающие особенности прессы как общественного института и типа дискурса. В этом случае за субъектом признается право на ментальную и социальную активность; более того, проявление такой активности рассматривается как одна из максим деятельности журналиста: «Нашим журналистам иногда лень углубляться в анализ; они выклеивают по зернышку отдельные факты и не задаются вопросом: а случайны ли эти факты <...> Кто, как не журналист, должен с гражданским чувством рассказывать людям, куда идет Россия, какие впереди трудности. Но для

этого нужно изучать жизнь, точно ориентироваться в процессах. И главное – быть частицей многострадальной России <...> Чисто объективистская позиция – это не в традициях русской журналистики. Такая позиция похожа на дождь, который льет, где не нужно, а не там, где земля высыхает. Газеты с такой позицией умирают – это видно по итогам подписки» (Полторанин М. Интервью // МК. 1993. 14 авг.)! Нужно сказать, что и в советском лингвистическом газетоведении применительно к печати преобладало утверждение «диалектического единства организующе-воздействующей функции убеждения и информационно-содержательной функции сообщения» [18, 220], хотя персуазивность (воздействующий характер) газетного дискурса нередко понималась в духе господствующих идеологием как проявление основной для советской прессы «агитационно-пропагандистской функции» и связывалась исключительно с идеологическим влиянием на массового читателя. В основе воздействия в сфере массовой коммуникации, несомненно, лежит присвоение адресатом содержащейся в тексте и значимой для него информации. Что же касается формирования убеждений и мировоззрения, о чем говорилось в работах советского периода, посвященных языку газеты, то идеологическая ориентация или переориентация реципиента (индивидуального или группового) возможна только в сложной структуре социальных и психологических воздействий, где средства массовой информации выступают в качестве одного из факторов. По мнению многих зарубежных исследователей массовой коммуникации, чаще всего она является неким «дополняющим» фактором закрепления существующих условий. Реже под воздействием массовой коммуникации происходят незначительные изменения в существующей системе «мнения – ценности – нормы». И уж совсем редко наблюдаются случаи конверсии, то есть отказа от этой системы и перехода к новой. Последнее возможно, как правило, лишь в моменты серьезных социальных сдвигов, когда привычные ценности и взгляды входят в противоречие с изменяющимися условиями материальной и духовной жизни (подробнее об этом см.: [2, 10–19]). Однако, как показали последние события в новейшей истории Советского Союза и России, пресса («четвертая власть») обладает весьма значительным потенциалом воздействия на общественное сознание и в результате этого не только «закрепляет» существующие условия социальной жизни, но и может в определенные исторические моменты способствовать изменению этих условий. Решающую роль играет здесь индивидуально-коллективный субъект «совокупного» газетного дискурса (как и дискурса в других средствах массовой информации): изменяясь под воздействием сдвигов, происходящих в обществе, он оказывает ответное влияние на жизнь социума.

Как известно, субъект в коммуникации обладает сложной структурой. По мнению Е. Гоффмана, говорящий выступает в трех ипостасях: аниматора – того, кто произносит высказывание; автора – того, кто порождает высказывание; принципала – того, чья позиция выражена в высказывании (см. об этом: [4, 26]), При помощи этой триады может быть охарактеризовано не только психологическое и когнитивное «расщепление» субъекта, но и его социальная структура. Тогда (при известной детализации) структура субъекта в массовой коммуникации, скажем, применительно к тоталитарному обществу, может быть представлена следующим образом: автор – редактор – цензор – идеологический демиург. В период перестройки и особенно в постперестроечное время эта структура претерпевает существенные изменения. Постепенно ослабевает, а затем и «нуллизуется» влияние государственной идеологии; исчезает, правда, временами напоминая о себе отдельными рецидивами, цензура; редактор утрачивает функции идеологического наставника и становится организатором коллектива журналистов, объединяемых общей позицией (при утрате, общности позиции журналистские коллективы обычно распадаются, как это произошло с «Комсомольской правдой» и «Независимой газетой»). Результатом этого стала глобальная авторизация газетного дискурса, то есть совмещение в субъекте ролей автора и принципала. Субъект в современной массовой коммуникации не просто функционален – он выступает как личность со всеми особенностями ее менталитета, причем в структуре его целей все большую роль начинает играть стремление к самовыражению.

Авторизация газетного дискурса неразрывно связана с тремя видами «свобод», завоеванных прессой: тематической свободой (возможность избрания в качестве предмета описания или оценки любого фрагмента действительности), прагматической свободой (отсутствие

внешней обусловленности оценки), стилевой свободой (преобладание в тексте «слога» над «стандартом»).

Обратная сторона авторизации – чрезмерны и субъективизм дискурса. Он проявляется, в частности, в том, что некоторые авторы вместо объективного описания ситуации, которое заявляется заголовком текста, предлагают читателю некое самоизображение, выдвигая себя на передний план и используя все остальное лишь в качестве фона. Этот авторский эгоцентризм находит адекватное лингвистическое выражение в гипертрофированном Я-дейксисе. Вот, например, как описывает события грузино-абхазской войны один весьма известный литератор, проведший несколько дней в Абхазии: «**Поднимаюсь** (здесь и далее выделено нами. – Авт.) в здание администрации, в пресс-центр. **Представляюсь**. **Спрашиваю** о диверсионной группе. **Делаю заявку** на пропуск в зону военных действий. **Выхожу** <...> С заявкой на пропуск иду в военную комендатуру Абхазии. Сопровождает **меня** главный редактор газеты «Республика Абхазия» Виталий Чамамагуа – его «прикрепили» **ко мне** <...> **Спрашиваю**, какие силы у противника в Шромах <...> **Упрямый**, я портил кровь командующему не затем, чтобы глупо лезть под снаряды, а чтобы поговорить с солдатами на передовой, и в первую очередь с русскими» (Лимонов Э. Война в Ботаническом саду// Д. 1992. 22–28 нояб.). Ясно, что авторская установка в данном случае заключается в том, чтобы представить не столько ситуацию, сколько «себя в ситуации» – отсюда столь скрупулезное перечисление собственных состояний и действий, в том числе и чисто физических.

Цели субъекта, акты его взаимодействия с адресатом в средствах массовой коммуникации часто реализуются в оценке (ее прагматический смысл заключается в том, что субъект, выражая свое отношение к какому-либо явлению, осознанно или неосознанно пытается вызвать адекватное отношение у адресата).

Не требует особых доказательств утверждение, что оценка, выражаемая в текстах средств массовой информации, во многих случаях определяется социальными и идеологическими факторами – она обуславливается задачами политической борьбы, противостоением идеологий, потребностями позитивной идейной и моральной самопрезентации, часто связанной со стремлением к компрометации оппонента. Нужно сказать, что в советском лингвистическом газетоведении социальная оценочность нередко рассматривалась как существенный признак «языка газеты», хотя это утверждение покоилось не столько на лингвистических, сколько на идеологических основаниях: «В публицистике, в средствах массовой информации и пропаганды все языковые средства служат в конечном счете задачам убеждения и агитации. Иначе говоря, использование языковых средств определяется во многом их социально-оценочными качествами и возможностями с точки зрения эффективного и целеустремленного воздействия на массовую аудиторию. Таким образом, социальная оценочность языковых средств, определяемая в конечном счете принципом коммунистической партийности, выступает как главная особенность газетно-публицистического стиля, выделяющая его среди других функциональных стилей и проявляющаяся на всех «уровнях» его языка, но особенно явно и ярко в лексике» [26, 8].

Безусловно, по отношению к общественно-политической ситуации в стране конца 70-х – начала 80-х гг. многое сказанное здесь вполне справедливо: глобальная идеологизированность всей, а не только партийной прессы; ориентация на формирование единого и цельного мировоззрения как на необходимый и наиболее важный результат деятельности органов печати; главенствующее положение особого типа оценочности, при котором оценочные знаки симметрично распределяются по идеологическим объектам («наше» – «+», «не наше» – «-») Примерно так же оценивают особенности советской прессы доперестроечного периода и сами журналисты. Ср.: «Один эмигрант, в прошлом советский журналист, открывший на Западе свою газету, рассказывал о панике, которая охватила его, когда газете нужно было высказать мнение о произошедшем где-то политическом перевороте. Дома он не испытывал в таком случае никаких затруднений, сверху всегда сообщалось: хорошо это или плохо, «наш» или «не наш» какой-нибудь очередной политический деятель. Можно было с этим не соглашаться, но была ясность. Здесь же пришлось решать самому. И этот человек, всегда как ему казалось, самостоятельный в суждениях и независимый во мнениях, обнаружил, что еще как зависим! В него вьелось ожидание первоначального толчка в жизни <...> Наша инфор-

мационная жвачка строилась так, чтобы имитировать, пусть примитивно, мыслительный процесс. Вкушающий ее человек был убежден, что он думает. На деле ему вовсе не требовалось включать собственные мозги, извилины сами пошевеливались вслед за указкой» (Чернов В. И мы перестали смеяться // Огонек. 1989. № 37).

Идеологический примитивизм, навязываемый политическим истеблишментом, находил адекватное выражение в языке: «В командировку за классовой, ненавистью ездили не только великие, ездили и прочие, помельче, которые знали, что писать об Америке еще до того, как туда приехать. Идеологическая бдительность проявлялась в том, чтобы не проговориться <...> Этот беглый экскурс в прошлое, мы считаем, уместен в преддверий рассказа о беседах в Центре русских исследований. Будут колкости и выпады с их стороны, но и мы не станем забывать про свою совсем недавнюю привычку говорить с оппонентами на языке политического мата. Ведь всего 6–7 лет назад мы, очутившись там, где очутились сегодня, писали бы про «логово заокеанских ястребов» или про «цитадель продажных писак и наймитов» (Васинский А., Шальнев А. Советологи у себя дома // Изв. 1989, 14 июля).

Нужно отметить, что в известном смысле биполярность оценочного поля в печати сохранялась и в дальнейшем, так как газеты, равно как и другие средства массовой информации, не могли не отражать расстановки политических сил в стране, где в разное время противоборствовали «демократы» (или «дерьмократы» в номинационной трансформации оппонентов) и «коммунисты» («коммуняки»), «реформаторы» и «консерваторы», «левые» и «правые» (а затем «правые» и «левые» в традиционном значении этих политических терминов), «демократы» («демофашисты») и «национал-коммунисты» («национал-патриоты», «коммунофашисты», «красно-коричневые»), «правительство» (ВОР – временный оккупационный режим) и «парламент» («нардепы») и т. д. Что же касается традиции «политического мата», то она, пожалуй, даже укрепилась в перестроечное и постперестроечное время, поскольку освобождение от идеологических уз сопровождалось процессом «вербального раскрепощения», и это могло иметь не только позитивные следствия. В результате в газетах появлялись и продолжают появляться такие тексты, в которых оценка политического оппонента находится либо на грани оскорбления, либо уже за этой гранью: «Хам – библейский персонаж. Он надсмехался над своим отцом, и слово «хам» стало нарицательным для всех, кому свойственно то, о чем идет речь, – хамство, т. е. крайнее пренебрежение нормами устоявшейся морали, отсутствие стыда и совести. К/стыду нашему, другим словом нынешних правителей России назвать трудно <...> Бедный Хам! За что тебя тысячелетиями презирают живущие на земле? Ты же невинное дитя по сравнению с нынешними властителями России» (Белоглинец В. Хамы у власти // М., 1993. Июль. № 60.); «Навоевавшись на американском фронте, Волкогонов и его шатия-братия сейчас брошены спасать фронт внутренний – российский <...> Слабо волкогонам разогнать Московский гарнизон и весь неблагонадежный Московский военный округ <...> Безмозглым полторанинцам надо бы уразуметь: партизанские отряды, подпольщики, сопротивление появляются не потому, что об этом пишет «День» и говорит Невзоров, а потому, что есть оккупация» (Филатов В. Поход на Москву / Д. 1993. 18–24 апр.). А вот инвективы с другой стороны: «Оппозиция, как красивая женщина: хороша, пока молчит. Стоит только ей раскрыть свой прелестный ротик, сразу портится все впечатление: дура дурой. Хоть и ноги длинные. Зачем объединенная оппозиция накануне референдума напечатала свою экономическую программу, я не знаю <...> Если бы не корявые формулировки, я бы вообще перепечатал эту программу целиком без всяких комментариев. И дело с концом. Прочитал, плюнул и пошел голосовать за президента. Не за этих же полудурков» (Лапик А. Пусти козла в экономику – пятилетка и начнется // МК. 1993. 17 апр.).

Оценки нередко заменяют в прессе логическую аргументацию, точнее, будучи рассчитанными на эмоциональное восприятие читателем, сами приобретают характер аргументов (или псевдоаргументов). Известной уловкой, позволяющей побеждать противника в споре, является «готтентотская мораль»: одни и те же поступки «своих» и «чужих» меряются разными мерками. Этот принцип узаконен в прессе. Достаточно взглянуть на то, как характеризуется предвыборная кампания «своего» и «чужого» кандидата: для «своего» это «попытка покорения политического Олимпа», «чужой» же «стремится взять банк уже в первом туре» (МК. 1996). Все, что делает «свой», хорошо и благородно или, по крайней мере, достойно

оправдания, а поступки «чужого» фальшивы и неблагоприятны. В то же время искренность политического деятеля оказывается одной из главных черт, подвергаемых оценке в прессе и используемых в качестве аргумента. Так, в статье О. Богдановой «Президент в ватнике» описывается возвращение Леха Валенсы на судовой верфь: «В 7.30 Валенса переодевается в ватник и на «Мерсе» же отбывает в ремонтный цех (500 метров от правления)» (МК. 1996). Неискренность передается самыми разными языковыми средствами: морфемами («псевдомиротворческая инициатива» – З. 1996); лексемами («наше лживое телевидение» – З. 1996; «обольстительные посулы» – СР. 1996); фразеологическими оборотами («пудрить мозги» – МК. 1996; «выдавать черное за белое» – СР. 1996); даже графикой. Так, в оппозиционной прессе слова «перестройка», «реформаторы», «демократический» и им подобные употребляются в кавычках, чтобы, по приведенному в «Советской России» разъяснению, отличить подлинный смысл этих понятий от того смысла, которой вложили в них демократы.

Поскольку в круг оцениваемых явлений попадают оппоненты («активисты-ельцинисты, бесчисленная президентская рать» – СР. 1996; «коммуно-патриоты» – МК. 1996), те стороны политической деятельности «своих» и «чужих», которые заслуживают критики, («торопятся посадить своего человека» «на пост уполномоченного по правам человека» – Изв. 1996; «бодрое заявление об уничтожении неплатежей» – МК. 1996), лишены доверия слои населения («бойкие коммерсанты», «новорусское сопротивление» – СР. 1996), недостатки в обществе («вседозволенность», «беспредел», «коррупция», «терроризм»), отрицательная оценка в прессе преобладает над положительной.

Кардинальные политические изменения в обществе могут приводить к изменению оценок, связанных с отдельными понятиями. Так, изменилась модальная рамка слов «социализм», «патриоты», «национализация» и им подобных. Одновременно переместились очертания ассоциативного потенциала этих слов, например, «социализм» связывавшийся в сознании многих носителей языка с ударными стройками, оптимистическими песнями и счастливым детством, стал ассоциироваться со сталинскими лагерями, очередями за товарами первой необходимости и принудительными отсидками на партсобраниях. Субъективное ограничение объема понятий, их оценочная переориентация издревле является важным приемом аргументации.

Оценка может выражаться как открыто – словами «плохо», «хорошо» и их синонимами, например: «никчемный кандидат, он не симпатичен» (МК. 1996), «горе-реформаторы» (П. 1996), – так и завуалированно, через модальную рамку слова («бюджетное подаяние» – СР. 1996; «гильотина для «Радио-Аре», «чеченская бойня» – МК. 1996), оценочные суффиксы («скромненькие свидетели» – П. 1996), прагматическую рамку высказывания («Газета предназначена в помощь самому всенародно любимому президенту» – СР. 1996). Для выражения оценки часто используются метафора («Зюганова ведут к трону пенсионеры <...> Накануне выборов коммунисты решили приласкать избирателя помоложе» – МК. 1996; «Александр Лебедь, безусловно, превратился в примадонну мировых средств массовой информации, которые уже чуть ли не сделали его будущим «президентом» – М. 1996) и ирония («Бедный президент!» – П. 1996; «Недавно Главная военная прокуратура отличилась» – МК. 1996), поскольку экспрессивное воздействие первой гарантировано содержащимся в метафоре образом, а второй – контрастом между сказанным и подразумеваемым.

Прямые, резко аффективные оценки, которые во многих случаях представляют собой оскорбительные выпады, чаще всего выражаются пейоративной (отрицательно-оценочной) лексикой и фразеологией, используемой в качестве названий, определений и предикатов. Но возможны и иные способы выражения:

1. Навешивание ярлыков, т. е. сведение политической позиции адресата к тому или иному политическому направлению, вызывающему активное неприятие со стороны общества или каких-либо социальных групп: «Сталинист Зюганов является антикоммунистом национал-социалистической ориентации» (МК. 1996).

Действенность таких выпадов подкрепляется использованием имен собственных, которые, как известно, обладают сильным ассоциативным потенциалом: «Но Зюганов восхваляет именно ту сторону учения того же Шпенглера, которую активно использовали в своих пропагандистских целях кадры Геббельса» (там же).

2. Употребление метафоры, несущей в себе отрицательную оценку, а также близких к ней сравнения и фразеологического оборота (в том числе и трансформированного) в качестве номинации адресата – «ряженные» (Изв. 1996); «раковая опухоль»; «исчадие, возникшее из «черной дыры» истории» (3. 1996).

Благодаря своей образности метафора обладает высокой эмотивностью: она ранит больше, чем прямая номинация, и лучше запоминается.

3. Упоминание табуированных частей тела в сочетании с именами собственными.

4. Упоминание физических недостатков оппонента или его идейных учителей: «Ходят слухи, что Борис Николаевич сам пытался подсчитать результаты референдума, да пальцев на руке не хватило – поручил Черномырдину» (М. 1993); «Беспалый у меченого отобрал жилплощадь»; «А то был, если помните, один коммунистический вождь, который непростиительно не выговаривал «р» в слове «расстреливать» (Изв. 1996).

Ясно, что многие из таких оценок, особенно наподобие тех, что приведены в последних двух пунктах, будучи прямыми оскорблениями, находятся за пределами рамок культурного общения, нарушают нормы не только речевого этикета, но и нравственности.

В прессе встречаются и особые оценочные конструкции. Так, автор одной из публикаций, резко критикуя главного редактора другого печатного издания, заканчивает свою статью следующим образом: «Так что все. О В. Т. (в тексте имя и фамилия указаны полностью. – Авт.) больше не пишу <...> Но все же я В. Т. несказанно благодарен. Он поставил передо мной исключительно сложную творческую задачу: написать о главном редакторе, не употребляя слова «гнида». Полечилось» (Минкин А. «Из носков Ельцина в портянки Руцкого» // МК. 1993. 19 окт.). Хотя оценка и не выражена здесь в форме прямой предикации, ее оскорбительный характер сохраняется, поскольку из общего контекста совершенно ясно, к кому именно она относится.

Как уже отмечалось выше, многие «прямые» оценки могут быть восприняты как оскорбления (и по существу являются ими). Поэтому часто авторы стремятся к косвенному, как бы «смягченному» выражению оценки, совершенно отчетливо при этом, однако, заявляя свое отношение к ее объекту. Одним из наиболее распространенных и эффективных способов непрямого выражения оценки является ирония, на основе которой нередко создаются целые тексты или, по крайней мере, их значительные фрагменты, ср.: «Едва ли не все беды нашей страны проистекают от того, что мы не умеем электронными средствами показывать свой парламент. Показывать доброжелательно, взволнованно, проникновенно, подчеркивая его интеллектуальную мощь, демократическую наступательность и чисто душевное, человеческое величие. Сделать это чрезвычайно сложно, потому что, как известно, наши средства массовой информации оккупированы откровенными врагами народовластия, жалкими марионетками в лапищах г-на Полторанина и других прихвостней президентской команды. И все-таки... Все-таки правда по золотым крупичкам, по родниковым капелькам прорывается в радиозфир и на телеэкран. То выступит в рубрике «Герой недели» несгибаемая Сажина Умалатова, объявившая себя пожизненным депутатом Верховного Совета СССР. То сам Руслан Имранович или товарищ Зорькин из телеящика задушевно побеседуют с народом о текущем моменте в жизни страны и о продвижении демократии. Тикают героические «600 секунд» <...> Маловато, конечно. Но может быть, мы скромничаем, приуменьшаем? <...> Ведь гигантские телеполотна, запечатлевшие сессии и съезды – «чрезвычайки», по своей протяженности и эмоциональному воздействию уступают разве что всенародно любимому сериалу «Богатые тоже плачут» (Зоркий А. Прелестные картинки / Кур. 1993. 8 июня). Очевидно, эффект заключается в том, что, проигрывая в резкости и прямоте, эта оценка выигрывает в остроумии и культуре.

Один из распространенных приемов косвенной оценки – создание контекстов самодискредитации «фигурантов» описываемой ситуации. Обычно они создаются путем цитирования высказываний какого-либо человека, которые отрицательно характеризуют его личность или деятельность, например свидетельствуют о его непрофессионализме, грубости, малообразованности, низком уровне коммуникативной компетенции и речевой культуры. Так, в одной из газет было опубликовано следующее сообщение: «В конце февраля представители шахтеров сами приехали в Москву и добились встречи с вице-президентом СССР Геннадием

Янаевым. Второй человек в государстве, по рассказу председателя воркутинского стачкома Виктора Колесникова, сказал следующее: «Если я до 26 февраля (с. г.) не дам ответа о готовности правительства СССР подписать генеральное типовое соглашение, то назовите меня козлом». Ответа в срок он не дал. Шахтеры решили бастовать» (Беловецкий Д. Как вас теперь называть? // ЛГ. 1991. 20 марта). Через несколько дней другая газета опубликовала (разумеется, не без умысла) заметку под заголовком «Гнусная инсинуация», содержащую некое псевдоопровержение, способное лишь усилить компрометирующий эффект: в ней было полностью перепечатано приведенное выше сообщение, и, хотя со ссылками на самого бывшего вице-президента и одного из участников встречи информация о злополучной фразе, казалось бы, опровергалась, был создан такой контекст, который лишь, напротив привлекал к ней внимание: «Понятное дело, в разговоре с разгоряченными шахтерами всякое могло быть... Но чтобы сам вице-президент... Не иначе как газета досрочно встретила первое апреля этого года, носящего, как известно, имя овцы» (КП. 1991. 22 марта). Создание контекста самокомпроматации – достаточно эффективный прием воздействия на читателя, так как он как бы устраняет посредника между объектом и адресатом оценки. Однако именно в подобных случаях приходится сталкиваться с достаточно большим числом журналистских мистификаций и неточностей, когда высказывания либо искажаются, либо приписываются лицам, никогда их не произносившим.

Говоря о приемах «смягчения» или «маскировки» оценки, следует принимать во внимание, что российскую печать сегодняшнего дня все же отличает стремление не столько к вуализации оценочного отношения, сколько к предельной открытости его выражения. Отсутствие цензуры и идеологического воздействия на печать позволяют авторам газетных материалов выбирать в качестве объекта оценки любой доступный их вниманию факт (или лицо), формировать оценку в соответствии с собственными взглядами, облекать ее в приемлемую для самих журналистов форму, ср.: «К тому времени, когда я ушел в «Коммерсантъ», цензура поослабла в принципе. Мы как-то с моим другом писали статью для «Ъ», и нам надо было сказать, что Рыжков не очень умно себя повел. Я говорю: «Хорошо бы сейчас написать, что Рыжков как-то по-дурацки себя повел». А потом вдруг мы поймали себя на мысли: а что, собственно, мешает нам это написать?» (Рогожников М. Интервью // МК. 1993. 13 окт.).

Однако свобода слова, оказалось, имеет и свою обратную сторону: выход из идеологии порой оборачивается выходом из культуры, разрушение окостеневших стереотипов понимается как отказ от следования любым, и в том числе нравственно-этическим, нормам.

Контрольные вопросы

1. Каково соотношение объективного и субъективного в газете?
2. Каковы возможности СМИ как средства воздействия на читателя?
3. Что представляет собой субъект газетного дискурса?
4. Каковы объективные и субъективные факторы, определяющие важную роль оценки в прессе? Как влияют социальные факторы на оценку в СМИ?
5. Как можно охарактеризовать оценочное поле газетного дискурса: что подвергается оценке, как эта оценка выражается, насколько она стабильна?
6. В каких случаях оценка противоречит этической норме?
7. Какие вы знаете приемы косвенной оценки?

§ 37. Средства речевой выразительности

Риторическое усиление речи, например путем использования тропов и фигур, один из важнейших стилистических приемов и в то же время средство повышения эстетического уровня текста.

В книге «Русский язык на газетной полосе» В. Г. Костомаров выделил основную черту языка газеты: стремление к стандартизованности и одновременно к экспрессивности. Широкие возможности для реализации этой тенденции представляют **фигуры речи – отступления от нейтрального способа изложения с целью эмоционального и эстетического воздействия**. Стандартизованность обеспечивается воспроизводимостью фигур: в их основе ле-

жат определенные схемы, которые в речи могут наполняться каждый раз новыми словами. Эти схемы закреплены многовековой культурной деятельностью человечества и обеспечивают «классичность», отточенность формы. Экспрессия возникает либо в результате ментальных операций сближения-противопоставления, либо вследствие разрушения привычных речевых формул и стереотипов, либо благодаря умелым изменениям речевой тактики. В газете встречаются практически все фигуры речи, однако значительно преобладают четыре группы: вопросы различных типов, повторы, создаваемые средствами разных языковых уровней, аппликации и структурно-графические выделения.

С первых же строк статьи читатель часто встречается с такими разновидностями вопросов, как дубитация и объективизация. **Дубитация – это ряд вопросов к воображаемому собеседнику, служащих для постановки проблемы и обоснования формы рассуждения**, например: «Все чаще в средствах массовой информации публикуются социологические данные о популярности претендентов на высокую должность и прогнозы о вероятном победителе. Но насколько надежны эти данные? Можно ли им доверять? Или это только средство формирования общественного мнения, своеобразный способ пропаганды желанного кандидата? Эти вопросы носят как политический, так и научный характер» (П. 1996).

Выдающийся мыслитель современности Хинтикка замечал, что умение ставить вопросы природе отличает гениального ученого от посредственного. То не можно сказать о журналисте в отношении общества. Первый раздел античной риторики включает в себя проблему выделения спорного пункта. Поскольку одну и ту же проблему можно рассматривать под разными углами зрения, от того, насколько правильно поставит вопрос адвокат, иногда зависит жизнь подсудимого. По сформулированным в начале статьи вопросам читатель судит о проницательности журналиста, о сходствах в различиях между собственной и авторской точками зрения, об актуальности темы и о том, представляет ли она интерес. Дубитация – это и своего рода план дальнейшего изложения, и способ установить контакт с читателем. Вопрос всегда обращен к собеседнику и требует от него ответной реакции. Таким образом, высвечивание тех или иных граней проблемы происходит как бы на глазах у читателя и при его участии. От этого убедительность вывода возрастает (если принял исходный тезис и не обнаружил нарушений логики в рассуждениях, то вывод безусловно верен). Дубитация является важным композиционным приемом: она выполняет роль зачина, который может находиться как перед, так и после краткого изложения сути дела. Благодаря своим интонационным особенностям дубитация формирует очень динамичное вступление.

Объективизация – это вопрос, на который автор отвечает сам, например: «Какие претензии предъявляются к переселенцам? Утверждают, что они опустошают пенсионную кассу и поглощают основные средства, выделяемые на пособия по безработице» (Изв. 1996).

Объективизация – это языковое средство, служащее для высвечивания отдельных сторон основного вопроса по мере развертывания текста. Фигуры этого типа располагаются, главным образом в начале абзацев. Наряду с метатекстом они создают каркас рассуждения, причем не только фиксируют поворотные пункты мысли, но и продвигают рассуждение вперед. Смена утвердительной интонации на вопросительную позволяет оживить внимание читателя, восстановить ослабший контакт с ним, внести разнообразие в авторский монолог, создав иллюзию диалога.

Объективизация – это отголосок сократического диалога – распространенного в эпоху античности способа установления истины путем предложения вопросов мнимому собеседнику, обычно образованному современнику. На поставленные вопросы философ отвечал сам, но с учетом точки зрения мнимого собеседника. Только диалог, как полагали древние, мог привести к постижению абсолютной истины. В последующих научных трактатах этот метод выродился в современную объективизацию, которая, надо признать, в отличие от дубитации или риторического вопроса не содержит элементов нарочитости и театральности.

Аналогом и одновременно противоположностью объективизации является обсуждение. Это постановка вопроса с целью обсудить уже; принятое авторитетными лицами решение или обнародованный вывод, например: «Людам, реально смотрящим на вещи, давно предложено позаботиться о себе самим. Какие маневры может предпринять обычный москвич?» (МК. 1996).

По структуре обсуждение является зеркальной противоположностью объективизации: сначала – утверждение, затем – вопрос. Эта фигура замедляет рассуждение, как бы отбрасывает участников коммуникации назад, но она и учит сомневаться, перепроверять выводы авторитетных лиц. Решенная проблема на глазах у читателя вновь превращается в проблему, что наводит на мысль о непродуманности принятого решения и не может не подрывать авторитета тех, кто его вынес.

Риторический вопрос – это экспрессивное утверждение или отрицание, например: «Станет ли связываться со Сбербанком человек, чьи сбережения в нем погорели?» (МК. 1996) = «Не станет связываться...».

Риторический вопрос интонационно и структурно выделяется на фоне повествовательных предложений, что вносит в речь элемент неожиданности и тем самым усиливает ее выразительность. Некоторая театральность этого приема повышает стилистический статус текста, поднимает его над обыденной речью. Риторический вопрос нередко служит эффектным завершением статьи, например: «Новые граждане к трудным условиям приспосабливаются лучше: в России научились. Чем это плохо для Германии?» (Изв. 1996).

Открытый вопрос провоцирует читателя на ответ – в виде письма в редакцию или публичного выражения своего, а точнее, подготовленного газетой мнения. Высокая эмотивность вопроса вызывает столь же эмоциональную ответную реакцию.

Речевыми средствами поддержания контакта с читателем служат также коммуникация, парантеза, риторическое восклицание, умолчание. **Коммуникация – это мнимая передача трудной проблемы на рассмотрение слушающему**, например: «Ведь сама схема безумно удобна и выгодна. Смотрите сами. Чтобы получить кредит, надо будет накопить 30 процентов стоимости квартиры» (МК. 1996).

Опознавательным знаком этой фигуры речи в газете служит формула «судите сами» или ее аналоги: «смотрите сами», «вот и решайте» и т. п. Коммуникация бывает двух видов: один, подобно обсуждению, приглашает читателя к вдумчивому анализу уже сделанного автором вывода, журналист как бы переводит растерянного читателя за руку через дорогу с двусторонним движением; другой останавливает рассуждение перед напрашивающимся выводом и выталкивает обученного правилам движения читателя на дорогу общественной мысли, как в следующем примере: «В немецком городе Фрайбурге на 170 тысяч жителей 40 действующих храмов – и они еще плачутся на упадок религиозности; а в Новгороде на 220 тысяч человек – всего два храма!.. Вот и считайте!..» (Слово. 1993.)

Независимо от частных особенностей коммуникация повышает убедительность рассуждений, поскольку читатель в них участвует сам.

Парантеза – самостоятельное, интонационно и графически выделенное высказывание, вставленное в основной текст и имеющее значение добавочного сообщения, разъяснения или авторской оценки, например: «В США от сальмонеллы (это вам не куриная слепота!) ежегодно умирает 4000 человек и болеют около 5 миллионов» (Изв. 1996).

Эта стилистическая фигура внутренне противоречива, поскольку, с одной стороны, разрушает барьер между автором и читателем, создает ощущение взаимного доверия и понимания, порождает иллюзию перехода от подготовленной речи к неподготовленной, живой, с другой стороны, как всякий «прием», она вносит некоторый элемент нарочитости. Не случайно парантеза нередко служит средством иронического, отстраненного изложения.

Риторическим восклицанием, по классическому определению, называется показное выражение эмоций. В письменном тексте эта псевдоэмоция оформляется графически (восклицательным знаком) и структурно: «С каждой разборкой подобного типа людям все виднее одно – как же в таком окружении тяжело спикеру!» (НГ. 1993). Восклицательный знак в таких высказываниях – это способ привлечь внимание читателя и побудить его разделить авторское негодование, изумление, восхищение.

Умолчание – указание в письменном тексте графическими средствами (многоточием) на невысказанность части мысли: «Хотели как лучше, а получилось... как всегда» (МК. 1993). Многоточие – это заговорщическое подмигивание автора читателю, намек на известные обоим факты или обоюдно разделяемые точки зрения.

Вторая группа фигур, занимающих важное место в языке газеты, – это повторы разных типов. Известная мудрость гласит: «Что скажут трижды, тому верит народ». Повторяющиеся сегменты фиксируются памятью и влияют на формирование отношения к соответствующей проблеме. Повторы могут создаваться средствами любого языкового уровня. На лексическом уровне это может быть буквальная повтор слов: «Поэт в Чечне – он больше, чем поэт» (Т. 1996); или **столкновение в одной фразе паронимов – паронимазия**: «Артур – начинающий бизнесмен и, возможно, в жизни руководствуется не столько классовыми соображениями, сколько кассовыми» (Изв. 1996). К лексическим повторам относится и повтор, затрагивающий глубинную семантику, так называемый **эпандос – повтор с отрицанием**, которое может быть выражено морфемой или служебным словом: «Выбор в отсутствии выбора» (МН. 1996); «И жертвы их беззакония стали жертвами закона» (МН. 1996).

На морфологическом уровне это **полиптотон – повтор слова в разных падежных формах**: «А какое еще может быть настроение у лидера КПРФ, когда он выступает во Дворце имени Ленина, находящемся на площади имени Ленина, где стоит памятник Ленину?» (Изв. 1996).

На синтаксическом уровне повтор может затрагивать структуру предложения (ср. рассмотренные выше серии вопросов).

Повтор – это важнейший стилеобразующий компонент газеты, выходящий далеко за рамки фигур речи, затрагивающий макроструктуру текста, как, например, повтор информации в заголовке, в водке и непосредственно в тексте статьи. Здесь же следует упомянуть и повторные обращения к теме в условиях газетной кампании. Столь значительное место, занимаемое повтором в газете, объясняется его способностью не только оказывать эмоциональное воздействие, но и производить изменения в системе «мнения – ценности – нормы».

Третье место по частоте употребления в тексте занимает **апликация – вкрапление общеизвестных выражений** (фразеологических оборотов, пословиц, поговорок, газетных штампов, сложных терминов и т. п.), **как правило, в несколько измененном виде**, например: «Требовали дать Горбачеву десять лет без права переписки с Маргарет Тэтчер» (Изв. 1996); «Тут уж, как говорится, из «Интернационала», слова не выкинешь» (Изв. 1996); «Кому еще неясно, что в случае успеха на выборах президента России Геннадия Зюганову придется работать в плотных слоях товарищеской атмосферы?» (Изв. 1996).

Апликация совмещает в себе два вида речевого поведения – механическое, представляющее собой воспроизводство готовых речевых штампов (ср. (в билетной кассе): «Два до Москвы», (в магазине) «Два молока»), и творческое, «не боящееся» экспериментировать с языком. Использование апликации достигается сразу несколько целей: создается иллюзия живого общения, автор демонстрирует свое остроумие, оживляется «стершийся» от многократного употребления устойчивого выражения образ, текст украшается еще одной фигурой. Однако журналист должен следить, чтобы в погоне за выразительностью не возникало двусмысленности и стилистических недочетов вроде: «Поэтому не стоит возмущаться, господа джентльмены; когда русские яйца – в кои веки – осмеливаются учить американских куриц инспекции» (Изв. 1996).

Апликация не только отражает массовое сознание, но и участвует в его формировании, поэтому фамильярные фразы типа: «Сколько стоит «договор на четверых» (МК. 1996); «Они то на троих делили нашу Державу, то сейчас хотят на троих собрать» (З. 1996) – выдают недостаток вкуса и здравого смысла у автора.

Наконец, структурно-графические выделения. К ним относятся сегментация, парцелляция и эпифраз. С помощью этих фигур внимание читателя обращается на один из компонентов высказывания, который в общем потоке речи мог бы остаться незамеченным.

Сегментация – это вынесение важного для автора компонента высказывания в начало фразы и превращение его в самостоятельное назывное предложение (так называемый именительный представления), а затем дублирование его местоимением в оставшейся части фразы, например: «Обмен купюр: неужели все напрасно?» (МК. 1993).

Парцелляция – в письменном тексте отделение точкой одного или нескольких последних слов высказывания для привлечения к ним внимания читателя и придания им нового звучания, например: «Процесс пошел. Вспять?» (КП. 1993).

Эпифраз, или присоединение, – добавочное, уточняющее предложение или словосочетание, присоединяемое к уже законченному предложению, например: «Кто мог бы подумать, что вопрос об этом поставят боннские политики, да еще социал-демократы?» (Изв. 1996).

Из трех фигур только эпифраз дает приращение информации, а остальные просто предоставляют журналисту возможность расставить логические акценты.

Особую роль в любом выразительном тексте играют сравнения. В прессе они обычно оформляются как структурно и графически выделенные сравнительные обороты (предложения) или вводятся лексемами «наподобие», «похож», «напоминает», например: «В древние времена на Руси относились к бороде так же фанатично, как большевики к партбилету» (КП. 1996); «Но она мало похожа на систему в строгом смысле слова. Скорее – на некую суспензию, без жесткой внутренней связи элементов» (МН. 1996).

Еще античными логиками было строжайше запрещено использовать сравнения и метафоры для доказательства. Считалось, что они искажают мысль, ибо выдают за тождественные те предметы, которые лишь подобны. Поэтому и кажутся в газете неуместными фразы типа: «Вместе с землей, как крепостных «на вывоз», он раздал в плен инородцам тридцать миллионов цветущего русского населения» (З. 1996).

Все фигуры речи благодаря их формульной отточенности и завершенности прекрасно подходят для газетных заголовков, поэтому содержащие их фразы нередко оказываются графически выделенными, с них начинает читатель знакомство с газетой, их замечает раньше других речевых приемов.

Троп – это любая языковая единица, имеющая смещенное значение, т. е. второй план, просвечивающий за буквальным значением. Взаимодействие и взаимообогащение двух смыслов является источником выразительности.

Самое важное место среди тропов занимает **метафора – перенос имени с одной реалии на другую на основании замеченного между ними сходства.** Способность создавать метафоры – фундаментальное свойство человеческого сознания, поскольку человек познает мир, сопоставляя новое с уже известным, открывая в них общее и объединяя общим именем. С метафорой связаны многие операции по обработке знаний – их усвоение, преобразование, хранение и передача.

Кроме того, метафора служит одним из способов выражения оценки, а нередко приобретает статус аргумента в споре с оппонентами или при их обличении (по определению Н. Д. Арутюновой, «Метафора – это приговор без суда»).

Негативная оценка при использовании метафоры формируется за счет тех неблагоприятных для объекта метафоризации ассоциаций, которые сопровождают восприятие созданного автором образа: «С другой стороны, надо признать, что в общественном смысле деятельность «Правды», и «СР», и «Завтра» не совсем бесполезна: она канализирует накопившиеся в стране эмоциональные нечистоты. Конечно же, такая односторонность сантехнического сервиса возможна до определенной поры. Использование этой системы для подачи питьевой воды и позитивных идей не подходит» (Богомолов Ю. Печатный голос оппозиции: признаки мутации // МН. 1996. 25 авг. – 1 сент. № 34).

Образы, в которых осмысливается мир, как правило, стабильны и универсальны внутри одной культуры, что дало возможность американским исследователям Дж. Лакоффу и М. Джонсону выделить их и описать. Это образы вместилища, канала, машины, развития растения или человека, некоторых форм человеческой деятельности, такой простейшей, как двигательная (например, *моргать, хлопать, скакать*), или более сложных (*строить, выращивать, воевать*). Политика как неуловимое соединение умственной, речевой и социальной деятельности человека осмысливается в тех же базовых образах: машины и механизмов («ритм колебаний политического маятника», «предвыборная машина», «нейтронные ускорители реформ»), дороги как частного случая метафоры «канала» и связанных с ней средств передвижения («президентская гонка», «обочина жизни»), растения («ростки демократии», «корни национального конфликта»), войны («план торпедировался», «взрыв недовольства», «экономическая блокада»), более честной борьбы – спортивной («политический Олимп», «вступил в игру его главный соперник»). Наконец, особую роль в осмыслении политики как не-

искренней деятельности играет метафора театра или цирка («политическая арена», «политический фарс», «политический сценарий», «закулисные маневры»). Ломка общественной и экономической жизни часто приводит к изменению характера базового образа. Так, «броненосец брежневской экономики» сменяется «клячей российской экономики». Несмотря на то что образ от многократного употребления метафоры стирается, связанная с ним положительная или отрицательная оценка сохраняется, поэтому для одних и тех же явлений газеты разных направлений выбирают разные базовые образы, например, распад СССР демократическая пресса называет «делением счетов в коммунальной квартире», а коммунистическая – «метастазами суверенитетов». Доля тех или иных базовых образов в осмыслении политической ситуации в стране в разные эпохи может меняться. Так, при тоталитарных режимах возрастает роль военной метафоры, и этот факт не только отражает протекающие в обществе процессы, но и побуждает человека к деятельности в русле избранной метафоры. Как утверждают Дж. Лакофф и М. Джонсон, всей нашей деятельностью управляют нами же созданные метафоры. Поэтому журналист должен относиться к выбору метафорического обозначения так же, как шахматист относится к выбору хода.

Для общества, которое находится в стадии реформирования, сопровождающегося кризисными явлениями, типична метафора «болезненного состояния» или «медицинская метафора», получившая широкое распространение на страницах современной российской прессы: «паралич (импотенция) власти», «метастазы насилия», «вирус некоммунизма» и др. В некоторых случаях развернутые метафоры этого типа лежат в основе организации целых текстов: «Итак, мы <...> мягко говоря, доходим. Болячек накопилось столько, что удивительно, как еще дышим. Тут вам и гиперинфляционный кризис, и энергетическая кома, и раковая опухоль коррупции, и эпидемия преступности. Не говоря уж о националистических психозах, недержании власти и истощении центральной нервной системы управления» (Хургин А. Необратимый процесс лечения // МН. 1994. 20–27 марта).

Метафора может быть не только средством познания мира, но и украшением в речи. Даже стертые метафоры иногда осознаются журналистами как чересчур образные для газетного стиля. В этом случае в качестве «извинения» за неуместное употребление эстетикогенного слова авторы используют кавычки, например: «Добавим к этому все рыбное многообразие морских «огородов», которые грабили браконьеры» (Изв. 1996); «Но чтобы стать действительно демократической оппозицией, «Яблоко» должно решительно спуститься с элитарно-политических «высот» в социальные «долины»...» (МН. 1996); «Полуостров оказался прочно привязанным к украинской «колеснице» (П. 1996).

Неверное понимание демократии как ослабления контроля, в том числе и за формой выражения мысли, привело к распространению в языке газеты физиологической метафоры типа «импотенция силового фактора» (З. 1996). Грубая и бранная лексика намного экспрессивнее разговорной и даже жаргонной, так что физиологическая метафора прежде всего отражает накал страстей в обществе, однако журналистам не следует забывать, что соблюдение этических норм является важным принципом в любой цивилизованной стране.

К распространенным стилистическим ошибкам относится нарушение семантической сочетаемости между метафорической номинацией и связанными с нею словами. Необходимо, чтобы в словосочетании устанавливалась связь не только с переносным, но и с буквальным значением слова. Некорректны высказывания типа: «Ельцин выступил со своей предвыборной платформой» (МК. 1996), поскольку в буквальном значении слово «платформа» не сочетается со словом «выступать». Оживление стертых метафор, дающее интересные результаты в художественной литературе (например, у Маяковского банальное «время течет» трансформируется в «Волгу времени»), в газете не всегда оказывается уместным, особенно если название природного явления привлекается для обозначения сугубо бытовых ситуаций, как, например, возникшее из метафоры «лед тронулся» высказывание: «На замерзшей реке жилищных проблем начался ледоход» (МК. 1996). В этом случае вместо ожидаемого эффекта – поэтизации жилищных проблем – происходит обратное – депоэтизация ледохода. В отличие от поэта журналисту не нужно совершать переворотов в метафорике, однако это не означает снижения требовательности к языку.

Широко распространен в языке газеты **каламбур, или игра слов, – остроумное высказывание, основанное на одновременной реализации в слове (словосочетании) прямого и переносного значений или на совпадении звучания слов (словосочетаний) с разными значениями**, например: «Коммунистам в Татарстане ничего не светит, даже полумесяц» (Изв. 1996).

Вовлекая читателя в игру, журналист будит в нем интерес к своей речевой деятельности, проявляет себя как языковая личность и делает заявку на лидерство. Как и в любой другой ситуации, лидер может быть положительным или отрицательным героем. Употребляя грубые и откровенно пошлые каламбуры типа: «Отныне мы сможем вступить со всем миром прямо на улице в открытую связь. Телефонную, конечно» (МК. 1996), журналист явно нарушает нормы общения.

Еще один близкий метафоре троп – **персонификация. Это перенесение на неживой предмет функций живого лица**. Одним из признаков дегуманизации современного общества является выворачивание этого тропа и создание антиперсонификации. Люди получают статус вещей, в результате чего появляются такие строки: «Город-герой встретил товарища Зюганова хлебом и солью и девушками в национальном смоленском убранстве» (МК. 1996). Отстраненное, ироническое отношение к жизни в этом случае перерастает в откровенный цинизм.

Из устной публичной речи в язык газеты проникает **аллегория – такой способ повествования, при котором буквальный смысл целостного текста служит для того, чтобы указать на переносный смысл, передача которого является подлинной целью повествования**, например: «Ельцин бросал вызов судьбе. А она его вызов не принимала – такая капризная дама, уступала ему без боя. Может, не хотела связываться» (СР. 1996). Аллегория позволяет сделать мысль об абстрактных сущностях конкретной и образной.

Конкурирующим с метафорой тропом является **метонимия – перенос имени с одной реалии на другую по логической смежности**. Под логической смежностью понимают соположенность во времени или пространстве, отношения причины и следствия, означаемого и означающего и им подобные, например: «Как сообщил в понедельник в Вашингтоне офис вице-президента Альберта Гора...» (Изв. 1996).

Ученые установили, что существуют два принципиально различных типа мышления – метафорический и Метонимический, за которые отвечают разные полушария головного мозга. Тот или иной тип мышления может доминировать у разных авторов, однако не только этим объясняется распространенность метонимии в газете. Этот троп позволяет экономить речевые усилия, поскольку предоставляет возможность заменять описательную конструкцию одним словом: «офис» вместо «сотрудники офиса», «ранний Ельцин» вместо «Ельцин раннего периода своей политической карьеры». Этим свойством объясняется широкое распространение метонимии в разговорной речи. Выбирая данный троп, журналист решает несколько задач: вносит в язык газеты черты неподготовленности, разговорности, экономит место на газетной полосе, конкретизирует мысль. Другая сторона метонимии – способность обобщать – тоже оказывается полезной для газеты, поскольку позволяет не указывать на конкретных лиц. Так, например, при описании авиакатастрофы журналист может воспользоваться словами «земля» и «борт» («Однако и «земля» и «борт» считали себя зрячими» (Изв. 1996)) вместо указаний на конкретных сотрудников наземных служб слежения за полетом и членов экипажа. Заложенная в метонимии способность к деперсонификации позволяет передавать шутовское или ироническое отношение к человеку, например: «Касса пришла» (П. 1996), – о человеке, выплачивающем деньги.

К метонимии очень близка **синекдоха – перенос имени с целого на его часть и наоборот**: «Над нашей территорией может беспрепятственно летать любой, кто достал «борт» и горючее» (Изв. 1996). Синекдоха этого типа может проникать в газету из жаргонов или создаваться автором в соответствии с его саркастическим отношением к тому, что он описывает. В том и в другом случае она снижает стилистический статус, речи. Другая разновидность этого тропа – **синекдоха числа, т. е. указание на единичный предмет для обозначения множества или наоборот**, – обычно повышает стилистический ранг высказывания, поскольку единичный предмет, соединяющий в себе черты многих подобных предметов, существует

лишь как абстракция, идеальный конструкт, и умозрительный, идеальный мир описывается текстами высокого стиля: «Указ оптимисты расценивают как хороший импульс для ударного труда российского пахаря на весенней борозде» (Т. 1996).

Использование синекдохи числа при описании отрицательно оцениваемых событий придает повествованию иронический оттенок: «Оскудевшее российское поле в лучшем случае получит раз в 30 удобрений меньше, чем в прежние, благополучные весны» (Т. 1996).

Ироническая окраска может также создаваться **антономазией – употреблением имени собственного в нарицательном значении или наоборот**: «Примерно в то же время в Азове готовился к отъезду в неведомые Палестины некто Альберт Жуковский» (Изв. 1996).

Отстраненное ироническое повествование стало чуть ли не главной чертой альтернативной советской литературы. В процессе демократизации средств массовой информации образ независимого наблюдателя, не принимающего старой системы ценностей и не навязывающего своей, все подвергающего непредвзятому критическому анализу, появился на страницах печати. В связи с этим важную роль начинает **играть антифразис – употребление слова или выражения, несущего в себе оценку, противоположную той, которая явствует из контекста**. Так, в рассмотренном выше примере имя собственное «Палестина» с заложенной в нем высокой оценкой, (этот регион ассоциативно связан со святыми местами) употребляется вместо выражения «в неизвестном направлении», заключающего в себе отрицательную оценку. Антифразис имеет две разновидности: иронию (завышение оценки с целью ее понижения) и мейозис (занижение оценки с целью ее повышения). Так, фраза: «Короче, налицо некоторый повод для ликования крестьянства» (Т. 1996) – явно иронична, поскольку слово «ликование» относится к высокому стилю и содержит завышенную оценку того бытового явления, которое оно называет. Напротив, в предложении: «Мы (Эквадор. – *Авт.*) чувствуем свою вину за то, что банановая кожура очень часто появляется на московских улицах» (МК. 1996) – притворно занижена самооценка, т. е. читатель имеет дело с мейозисом.

Предельным, наиболее резким и жестким выражением иронии является сарказм: «Затем новенький кандидат в президенты вышел на улицу пообщаться в капелистый апрельский день с народом, часть которого охраняли спецслужбы, да так бдительно, что улица Куйбышева (Ильинка) была запружена спецмашинами и людьми в добротных черных пальто» (П. 1996).

Аллюзия в строгом смысле не является тропом или фигурой. Она **представляет собой прием текстообразования, заключающийся в соотношении создаваемого текста с каким-либо прецедентным фактом – литературным или историческим**. Аллюзия – это намек на известные обстоятельства или тексты. Содержащие аллюзию высказывания помимо буквального смысла имеют второй план, заставляющий слушателя обратиться к тем или иным воспоминаниям, ощущением, ассоциациям. Текст как бы приобретает второе измерение, «вставляется» в культуру, что и породило термин «вертикальный контекст».

По содержанию аллюзии подразделяются на исторические и литературные. Первые строятся на упоминании исторического события или лица. Литературные аллюзии основаны на включении цитат из прецедентных текстов (часто в измененном виде), а также на упоминании названия, персонажа какого-либо литературного произведения либо эпизода из него. Встречаются и смешанные аллюзии, обладающие признаками как исторической, так и литературной аллюзии: «После августа девяносто первого в одно мгновение не стало трех китов, на которых все держалось: рухнула партия, развалилось союзное государство, приказала долго жить социалистическая ориентация. Все смешалось в России» (ОР 1993).

В газетных текстах используются следующие разновидности литературной аллюзии:

1. Литературные цитаты-реминисценции, имена персонажей, названия произведений и т. д.: «Человек – это звучит горько» (КП. 1995); «Все счастливые жители нашей деревни похожи друг на друга, а несчастные? Каждый «по-своему» (Изв. 1996).

2. Видоизмененные высказывания ученых, политиков, деятелей культуры и т. д.: «Возникла почти революционная ситуация, когда низы не хотят жить по-старому, а верхи не могут управлять . никак. Ни по-старому, ни по-новому» (КП. 1995).

3. Библиизмы (факты, имена, фразы из Ветхого и Нового Завета): «Служба воздушного движения грубо нарушила наставления по производству полетов – своего рода «Отче наш» авиаторов» (Изв. 1996).

4. Цитаты, в том числе трансформированные, из популярных песен: «Любимый урка может спать спокойно» (КП. 1993); «Что ж в июне капитан может стать майором» (Изв. 1996).

5. Измененные названия теле- и видеофильмов, фразы из популярных фильмов и телепрограмм, рекламы: «Виртуальный офис – это реальность» (МН. 1996); «Внимание: всем по-слам!» (МК. 1993); «Куриные окорочка все-таки полетят в Россию» (Изв. 1996).

6. Трансформированные крылатые выражения: «Теперь все будет просто: пришел, увидел, поменял» (МК. 1996); «Третья сила» умерла. Да здравствует «Третья сила?»» (МК. 1996).

7. Названия живописных полотен, скульптур и других произведений искусства: «Однако юные бойцы оппозиции отвергают насилие и уверяют, что не возьмут в руки оружие пролетариата» (Изв. 1996); «Перекуем Иванов на Абаев» (МК. 1996).

Разумеется, здесь перечислены далеко не все разновидности литературной аллюзии. Но и по приведенным примерам видно, что вертикальный контекст в печати нередко строится из компонентов так называемой массовой культуры. Это вполне естественно для данной сферы общения: пресса ориентирована на массового адресата. Последнее, несомненно, сказывается на «качестве» аллюзий: ведь для того, чтобы разгадать «аллюзийный ребус», нужно понять смысл аллюзии и хотя бы приблизительно знать ее источник.

И все же в печати часто встречаются сложно построенные, эстетически привлекательные, насыщенные глубоким смыслом аллюзии. Такие аллюзии чаще всего многофункциональны: они раздвигают временные рамки и расширяют культурное пространство текста; обогащают его смысловыми и эмоциональными оттенками (в том числе создают предпосылки для возникновения у читателя разнообразных ассоциаций); служат средством выражения оценки и создания комического эффекта; используются для усиления аргументации; наконец, способствуют формированию имиджа журналиста как человека высокой культуры, ср.: «Звезда, под которой родился будущий член Политбюро, оказалась пятиконечной, красной и счастливой. Он принадлежал к первому чисто советскому поколению, с молодых ногтей убежденному в том, что учение Маркса всеильно, потому что верно, а верно, потому что всеильно» (МН. 1994). Типично аллюзийный прием – «расширение» известного ленинского высказывания о марксизме путем перестановки слов, обозначающих причину и следствие, – значительно модифицирует смысл фразы и придает ей характер иронической оценки.

Как и вообще в прессе, в сфере создания и использования аллюзий в печати наряду с тенденцией к экспрессивности (которая здесь, несомненно, является ведущей) действует и тенденция к стандартизованности. Создаются своего рода аллюзийные стереотипы, которые с небольшими видоизменениями (или вообще без изменений) тиражируются разными изданиями: «Любимый урка может спать спокойно» (КП. 1993) – «Любимый город может спать спокойно?» (Изв. 1996); «Сколь бы фантастически много денег ни было – Боливар не вынесет двоих» (КП. 1994) – «Боливар не вынесет двоих» (заголовок: МК. 1995). Все сказанное об аллюзиях еще раз подтверждает вывод В. Г. Костомарова о природе языка, прессы: «Явным отличием газетного языка служит то, что вследствие высокой и интенсивной воспроизводимости отдельных вырабатываемых средств языка он как раз не претендует на их закрепление и, напротив, императивно тяготеет к их непрерывному обновлению» [14, 257].

Действие в средствах массовой информации двух тенденций – к стандартизованности и экспрессивности, – разумеется, не ограничивается использованием тропов и фигур речи. Например, стремление к речевой выразительности нередко проявляется в создании **новых наименований, отсутствующих в словаре, – окказионализмов**. Вот несколько примеров из газет последних лет: *путчелюб, кинороддом, гайдарономика, съезданутый, восьмидерасты, коржаковизм, демократ-расстрига*. На следующий день после произошедшего несколько лет назад катастрофического падения курса рубля газеты выходили с заголовками типа: *Рубленад; Отрубллились*.

Стремление к экспрессии порой приводит к противоположному результату – к созданию штампа, одному из воплощений стандарта. Штампы были очень широко распространены в

печати советского периода. Штамп представляет собой изначально образное, но в силу своего постоянного употребления утратившее свою экспрессию выражение. Наиболее яркий пример штампа – это не так давно часто встречавшиеся на страницах газет метафоры и перифразы (описательные обороты, заменяющие прямые наименования), наподобие следующих: *черное золото* (нефть) *зеленый часовой* (лес), *флагман индустрии*, *эстафета поколений*, *правофланговые пятилетки*, *труженики полей*, *работники прилавка*. Штамп – это «окаменелая фразеология», в которой неправомерно продолжают «усматривать стилистическое назначение воздействия» [11, 158].

Именно псевдообразность штампа служит основной Причиной его негативной оценки, которая, кстати, может быть выражена не только прямым оценочным суждением, но и пародией или оценкой-образом в художественном тексте, ср.: «Нацелив на верстку острый свой карандаш, Ермолкин пристально вглядывался в напечатанные слова и ястребом кидался, если попадалось среди них хоть одно живое. Все обыкновенные слова казались ему недостойными нашей необыкновенной эпохи, и он тут же выправлял слово «дом» на «здание» или «строение», «красноармеец» на «красный воин». Не было у него в газете ни крестьян, ни лошадей, ни верблюдов, а были труженики полей, конское поголовье и корабли пустыни. Люди, упомянутые в газете, не говорили, а заявляли, не спрашивали, а обращали своей вопрос. Немецких летчиков Ермолкин называл фашистскими стервятниками, советских летчиков – сталинскими соколами, а небо – воздушным бассейном или пятым океаном. Особое место занимало у него в словаре слово «золото». Золотом называлось все, что возможно. Уголь и нефть – «черное золото». Хлопок – «белое золото», газ – «голубое золото». Говорят, однажды ему попала заметка о старателях, добытчиках золота, он вернул заметку ответственному секретарю с вопросом, какое именно золото имеется в виду. Тот ответил: обыкновенное. Так потом и было написано в газете: добытчики золота обыкновенного» (*Войнович В.* Претендент на престол). Данная оценка-образ позволяет судить и о других причинах (помимо псевдоэкспрессии) негативной оценки штампов. Это, например, их идеологизированная оценочность; оттенки псевдопатетики, привносимые ими в текст; наконец, возможность использования их в качестве одного из средств языковой лжи и демагогии.

Штампы не следует смешивать с клише – «положительными конструктивными единицами» (Н. Н. Кохтев), которые представляют собой не претендующие на образность и экспрессивность обороты, служащие для экономии мыслительных усилий, упрощения операций по созданию и восприятию текста, без которых, как отмечал швейцарский лингвист Ш. Балли, нельзя было бы писать «быстро и правильно». Это сочетания типа: *мирное сосуществование*, *понижение уровня -жизни*, *государственное, регулирование цен*. Часто они создаются по типовым моделям на основе базовых слов: *проблема* (научная, хозяйственная, правовая); *вопрос* (балканский, сложный, бытовой); *дух* (времени, перемен); *мир* (науки, бизнеса, детства).

Наряду с действием тенденций к стандарту и экспрессии одной из характерных черт дискурса периодической печати является полистилизм – возможность использования языковых средств, различных по стилевой принадлежности и нормативному статусу: книжных и разговорных, относящихся к основному фонду словаря и его периферии, пафосных и сниженных, терминов и жаргонизмов. Важно, чтобы их употребление диктовалось критериями «уместности и сообразности», а не языковым вкусом лингвистически невзыскательного читателя и тем более не стремлением к подражанию языку улицы». Средства массовой информации в значительной степени определяют нормы языка и общения, и тем более велика их ответственность за то, чтобы эти нормы отвечали лучшим культурным традициям.

Резюме

Специфика языка средств массовой информации определяется особенностями коммуникативной ситуации, которую он обслуживает. Дискурс массовой коммуникации характеризуется как дистантный, с индивидуально-коллективным субъектом и неизвестным, количественно неопределенным массовым рассредоточенным адресатом. Цель коммуникации включает информационную, комментарийно-оценочную, познавательную-просветительную, персуазивную (воздействующую) и гедонистическую составляющие, причем информационная функция считается первичной. Важнейшей категорией дискурса массовой коммуникации является информационное поле. В значительной степени оно формируется за счет иерар-

хически организованной новостийной информации и при отсутствии тематических ограничений должно принимать вид адекватно отражающей действительность информационной мозаики, однако реально могут возникать «сдвиги» в сторону позитивной или негативной информации. Общеизвестными считаются только два вида ограничений на распространение информации – институциональное (юридически закрепленное) и конвенциональное (прежде всего этическое), все остальные ограничения являются нарушением информационной нормы. К ним, в частности, относится распространение недостоверной информации. Практика «черной» и «серой» пропаганды выработала дезинформационные универсалии, однако и читатель, в свою очередь, научился узнавать в тексте приемы, маскирующие ложь, – маркеры лжи. Оценка (прагматическая сторона информации) неотделима от фактов (предметно-логической составляющей информации). В ней выражены позиция автора, его система ценностей, представления о происходящем. Оценка тесно связана с категориями свой/чужой, искренний/лживый. В журналистской практике сложились типовые объекты оценивания: оппоненты, их высказывания и действия, отдельные слои населения, общественные институты, общественные явления. Оценка является важным, а иногда и основным средством аргументации и может меняться вплоть до полярной в зависимости от целей коммуникации или под влиянием социальных факторов. Ее использование в аргументативной функции регулируется этическими нормами и риторическими правилами. Эти ограничения удастся обойти с помощью косвенных оценок, к которым, в частности, относятся контексты самодискредитации. Риторическое усиление речи достигается с помощью стилистических фигур и тропов. Их использование отвечает двум основным тенденциям языка газеты: стремлению к стандартизованности и к экспрессивности. Основная выразительная нагрузка падает в газете на четыре типа фигур: вопросы, повторы, аппликации и структурно-графические выделения. Тропы не только украшают текст, но и помогают осмыслить действительность, структурируя ее и смещая акценты. Некоторые изначально выразительные средства языка, употребляемые в печати, постепенно превращаются в штампы, которые являются одним из воплощений стандарта. Средства массовой информации в значительной степени определяют нормы языка и общения, и тем более велика их ответственность за то, чтобы эти нормы отвечали лучшим культурным традициям.

Контрольные вопросы

1. Какова основная черта языка газеты?
2. Что такое фигуры речи? Какие группы фигур речи встречаются в текстах периодической печати?
3. Что такое тропы? Какие тропы можно встретить на страницах печати?
4. Каковы функции фигур речи и тропов в текстах периодической печати?
5. Что такое аллюзия? Какие типы аллюзий вы знаете? Какую роль играет аллюзия в газетном тексте?
6. Чем различаются штампы и клише?

Хрестоматия

1. Разговорная речь

Разговорная речь – основная функциональная разновидность кодифицированного литературного языка. В ней проявляются вся неофициальная жизнь людей, все нюансы человеческого поведения, отношений с другими людьми, переживаний и настроений. Мгновенный, симультанный характер чувства-речи-мысли скрывает сложность процесса речевого общения, его зависимость от многих факторов: психофизиологических, возрастных, социальных, культурных, интеллектуальных, ситуативных.

Разговорная речь – это целенаправленное человеческое поведение. Формирование целевой установки говорящего начинается с общих процессов ориентировки и заканчивается отчетливым предвосхищением сообщаемого (коммуникативной интенцией). В речи говорящий всегда заявляет о себе как о личности с присущими ей индивидуальными особенностями

мировосприятия и языковой компетенции. Необходимым условием речевого общения является коммуникативная заинтересованность адресанта и адресата (адресатов), которая обуславливает главный принцип общения – паритетность его участников, вне зависимости от социокультурных характеристик и психологических ролей.

Умение слушателя проникнуть в коммуникативный замысел говорящего – основное условие успешного речевого общения. Слушатель проделывает огромную работу по интерпретации речевого потока, по переосмыслению ранее сказанного, по соотнесению своей «модели» понятого с реальными фактами и поведением собеседника. Именно в этой разновидности литературного языка имеет место самое сложное взаимодействие между говорящим и слушающим, самое жесткое требование ситуативного реплицирования, наиболее активный характер интерпретации и эвристичность процессов постижения смысла.

В разговорной речи проявляются общие и индивидуальные особенности внутренней речи говорящего: его поиски нужной синтаксической конструкции, подходящего слова в определенной синтаксической позиции, повторы, выбор средств поддержания диалога, паузы обдумывания и т. д. Именно в неподготовленной, живой речи находят свое подтверждение положения теории речевой деятельности: логические структуры и языковые конструкции не полностью соотносительны, т. е. равны друг Другу; существуют законы невыражения структур мысли; существуют явные и неявные способы выражения смысла, выборочное отражение «положения дел» или «картины мира».

Разговорная речь показывает сознательный характер формирования линейной организации речи говорящим, его ориентацию на мир слушателя, прогноз его коммуникативных ожиданий и реакций. Это подтверждает контроль говорящего над способом высказывания, выражающийся во введении оборотов метарефлексии, поправок, уточнений.

Многообразие форм человеческой жизни рождает выбор тем речевого общения, стратегий речевого поведения, жанра общения и приемов воплощения чувства-речи-мысли. В разговорной речи существуют свои специфичные средства привлечения внимания собеседника, приемы экспрессивности, убеждения и особая, в зависимости от жанра речи, эстетика. Многообразие материала в данном разделе хрестоматии обусловлено тем, что образцы современной разговорной речи отбирались по нескольким параметрам: по количеству участников общения (полилоги, диалоги, дневниковые записи), по форме (устная и письменная разновидности), по типу выбранной стратегии (направленная стратегия и ненаправленная, ситуативно обусловленные полилоги и диалоги), по жанрам (беседы, рассказы, разговор, письма, записки, поздравления, дневники), внутри жанров – по типам коммуникативной модальности: эпистемической, аксиологической, эмоциональной и др.

Полилоги. БЕСЕДЫ НЕНАПРАВЛЕННОЙ СТРАТЕГИИ

Подраздел открывается записью беседы, представляющей собой разновидность праздноречевых жанров (фатического общения). Это такой вид разговоров со многими участниками, полилогов, в которых участники рассказывают истории, шутки, делятся воспоминаниями, упражняются в остроумии, ищут сочувствия, сопереживания, понимания в оценках фактов и событий. При этом снимают эмоциональное напряжение и обогащаются интеллектуально. Об общении такого типа Н. Абрамов («Дар слова». 1901) сказал, что «разговор есть обмен симпатий».

Первая беседа (I; запись М. В. Китайгородской, 1991 г.), фиксирующая нюансы индивидуального произношения, наглядно показывает атмосферу полилога: подхваты, встречное реплицирование, свидетельствующее о повышенном интересе к рассказу, переспросы, перебивы, эмоциональные возгласы, вопросы. Участники беседы, слушая основного рассказчика, выражают и свое отношение к отображаемому, и свою оценку действия рассказчика. Запись показывает, что участники разговора – люди разного возраста, которые принадлежат к одному социальному кругу и относятся друг к другу с симпатией и интересом. Специфические особенности разговорной речи в кругу близких людей – употребление в речи первых прошедших в голову слов, затем подбор более точных синонимов, смешение планов повествования (сюжетного и описания своих ощущений и впечатлений), повторы, однотипное заполнение пауз, обдумывание (ну, вот).

Вторая и третья записи (II, III; запись Е. В. Красильниковой, 70-е гг.) показывают особенности непринужденной спонтанной речи известного мастера слова Л. Успенского; эпистемическая модальность (ср. реплики знаете?; очевидно?) является второстепенной. Реплики других участников беседы свидетельствуют об их заинтересованности в общении.

Ситуативно обусловленные короткие полилоги показывают разные тактики кооперативной стратегии: первый полилог (IV) демонстрирует поиск темы для разговора случайных участников общения; второй (V) представляет собой обмен мнениями по определенному вопросу; здесь участники общения – люди давно знакомые (ср. обращения, метафорические словосочетания), коллеги.

Полилог студентов (VI) представляет собой типичный разговор эпистемической модальности: обмен информацией – основная тактика полилога. Реплики выявляют коммуникативного лидера – знающего студента (Б.) и инициатора общения – спрашивающего студента (А.) и его друга (В.). Адресность речи (Б.) подчеркивается вопросами-частицами (да?), фигурой развертывания – триадой.

Участники беседы:

А. – москвич, 34 года, географ.

Б. – сестра А.

В. – дочь Б., студентка.

Г. – муж Б.

Записано в Москве, в доме Б. осенью 1991 года. Запись М. В. Китайгородской.

А. А в этот раз у меня вот еще из впечатлений было что / вот когда я первый раз когда я с медведем вс... во-первых я в этот раз / вот в прошлые разы было так / ну оди-ин раз / ночевали мы / в лесу / а... в этот раз мы в лесу ночевали / в общей сложности / четыре раза //

Ночевали //

Б. Страшно //

Да и холодно //

А. Вот // Приче-м дважды я один ночевал //

В. (с удивлением и страхом) О-о!

А. Дважды я один / и Сережка один /

(тихо) два раза ночевал //

В. Да ты чего? А как так?

Это ж страшно!

А. Ну (в) от один раз когда с мишкой (т. е. медведем) встретился с этим / я один раз ночевал / ну я с-в ечера /

В. И сразу остался ночевать?

А. Ну я с вечера пришел на ток на подслух / послушал значит / слышу вроде бы там сел / вроде бы там сел / но а сидишь уже сразу / в ушах-то звенит / во-от / и потом еще главное сел / вроде подслух / все / сижу / и вдруг ну вот буквально вот знаешь вот такое вот ощущение / вот ну / кто-то есть что-то /

Б. Угу//

А. то (е)сть мелькнула какая-то тень / накрыла / и у меня над головой в трех метрах пролетает филин /

Б. Ой!

А. и метрах в сорока садится //

Б. Хм //

А. Вот // Он сел / а филин на току / это вообще такая зараза / ну он... подкрадывается

В. Филин?

А. к этим самым / глухарям /

В. А-а / он тоже туда же?

А. Конеч-но туда же!

Б. Ч(ег)о / на них охотится (тоже)?

А. Конеч-но // Так филин // Филин это зверюга / извини меня вот такой вот высоты (изобразительный жест рукой – высота от пола) // Вот такой вот высоты //

Г. И наглый //

А. Он / сел / ти-и-хо-тихо подлетел / только чуть-чуть / башкой повертел / я думаю «ну щас я т(еб)я хлопну / мил друг // Мне помощники (мне?) не нужны» // (смеются) Вот // Но понимаешь / уже подлетели они / дум(аю) «вот я его щас хлопну / (пауза) а они (глухари) возьмут / и улетят» //

А-а

Б. Да / спугнешь //

А. Ну конечно / ну вы... выстрелы же ведь с ве... с-в ечера на то... на току // Я бы знал (о)ни... как они расселись / если бы я бы знал / я бы может его бы и-и хлопнул бы // Но а бог его знает / где они сидят / а ветерок был / не очень доносит / где они сели // Слышу что хлопанье крыльев / там вроде там / ну и все // Вот // Ну и я его поми...

Б. Он серый?

А. (договаривает прерванную реплику) помиловал в итоге // (отвечает на вопрос) Он почти черный //

Г. (тихо) Леониду Харенычу позвоню //

А. (продолжает) Темно-серый // Темно-серый // Вот //

В. Желтые глаза?

А. Ну я его не видел / он спиной ко мне сидел //

В. Ой ужас какой // А он тебя видел?

А. Да нет / откуда? Я уж так подумал / когда он у меня над головой пролетел / думаю «так / мимоходом шевельнул(сь) бы / он бы д-долбанул бы сверху / не разобравшись» // (смеются)

В. Послушай / это он да? Это он может ч(ег)о-ни(бу)дь?

А. Ну / он мог спикировать конечно кьш // пет / ну он иы сообразил конечно кьш // Ну черт его знает / все равно неприятно // (смеются) Ну во-от / и-и значит...

Б. А если он впол... вполовину (нрзбр.)

А. И вот после этого я-а / сел под... на подслухе посидел / потихонечку ушел метров на триста / под елочкой устроил(сь) / а тоже неприятно // Чего? Шуметь-то особо не хоч(е)тся / а дров хороших / на земле нет / все погнило // То есть(тьс)нужно ломать // А-ломать / это тоже / ну представляешь с руку вот сучок / сухой / сломать // (Там же?) щелчок / будь здоров какой // Это я пока перепилил вобщем / там / набрал кое-как с грехом пополам дров / сварганил значит ноги / во-от //

Б. А поч... что это такое?

А. Ноги / это таежный костер // Это-о когда бревна кладутся вдоль все, / рядышком одно к одному / то (е)сть не в кучку / а вдоль // (далее рассказ А. идет на фоне тихого телефонного разговора Г.) Вот // И / значит нарезал лапничку / сам прилег рядом вдоль / ну вот дрова были немножко фиговенькие / поэтому придремать не удалось / но все равно // Вот лежи-ишь ночью / лежишь чуть придрё... придрё-о-мываешь /

Б. (к Г., разговаривающему по телефону) Игорь / Игорь / ты в комнату перейди //

А. (продолжает) вот // Потом / как говорится / уже чувствуешь что / придремываешь /

В. А / ты то есть ты у костра что ли спал?

А. У костра / конечно / спал //

В. Ничего / не страшно?

А. Ну а чё страшно-то? Я выбрал место / с одной стороны елка вот такая вот / с другой стороны там ка-а-мень какой-то / пристроился так / и лапничку положил / с третьей стороны костерок / вот / лег / полежал-подремал / достал термосочек / чайку налил-попил / пару бутербродов с собой /

В. Не скучно?

А. А чё / хорошо // В лесу знаешь интересно // Вначале там пти-и-чки с-вечера поют / потом постепенно все затиха-а-ет-за-тиха-а-ет / и тишина // Полная тишина-а /

В. Не / я бы умерла // Вот ко(г)да тишина / это всё (смеется) //

А. ну вот // Ветер сти-их / всё ти-и-хо в лесу // Вдруг птичка какая-то засвистит // Потом филин заорал в одном месте //

В. (со страхом) О-ой! Все //

А. Во-от // Немножко времени прошло / уже в другом месте заорал филин / и по-другому // Он о... орет / каждый раз по-разному //

В. Так вот? «У-у»?

А. Не-е / он по-разному орет //

В. А «у-у» это сова?

А. Он может //

Нет // Он он и та-ак может // Иной раз он заорет / ну просто дурным голосом // Иной раз заорет / вот как вот ребенок плачет громко //

В. Ой //

А. Орет / (имитирует) «Э-хэ-хэ-хэ-хэ» //

В. (тихо) Ужас //

А. Что-то в таком вот духе // Во-от //

В. У меня кошки щас под окном / устраивают / концерты // (нрзбр.)

А. Вот при... примерно также / вот //

Б. О-ой //

А. Во-от //

Б. Это филин подражает / всем животным / да?

А. Ну филин не-ет // Филин он не пересмешник / он-н... ну он так по-разному орет // Ну и потом где-то я...

В. Это от характера зависит?

Или от настроения?

А. Нет / ну просто-о от воспитания //

В. А-а //

А. То (е)с(ть) где рядом с какими звуками жил / где у кого какие предки / (пауза) как орали / (смеется) вот и он также // Во-от // И потом пошел / вроде я проснул (сь) / рано глухари запели / еще где-то начало третьего / уже я услышал / слышу щ-щелк / / Дум(аю) «ох ты Господи / (не утро ж?) еще» // Я еще думал минут тридцать-сорок у меня есть / слышу щелчок / и потом тишина // (тихо) Приснилось что ли? Ну скорей костер затушил / вроде недалеко / стал подходить...

Б. А кто щелкнул-то?

А. Глуха-арь //

В. (А-а?) / они же щелкают //

Б. А-а / да / угу //

А. Вот такой (изображается щелчок пальцами) // Вот такой звук // (еще раз щелкает пальцами) И все / и тишина // Вот // Я подходить стал вижу... слышу вроде он запел-запел-запел-запел / подхожу-у потихоньку / ну так / особо не шумел / и тишина слышу // «Что такое?» думаю // Ну ладно / развернулся /

В. А там этот филин небось его уже слопал // А. Не-ет // Развернулся к другому / иду-иду / иду-иду / уже метров-в... восемьдесят / сто остается / (Г. заканчивает телефонный разговор) вдруг слышу / крылья захлопали // «Что такое?» думаю / «ну словил» // Не-ет вижу // Опять этот глухарь / мимо меня п... а щелч-чок опять такой злой он бывает / иногда щелкает / когда-а чем-то недоволен / очень громко / з-злой такой щелчок // И мимо меня летит // Ну / было б знато (т. е. если бы знал) / я бы его стрелнул бы и все / Ну... не-е ни: классическая охота / но вполне можно было // Во-от // И он пролетел / я стою думаю «что же делать?» / и слышу «чух-чух-чух-чух» (данное звукоподражание имитирует шаги медведя) //И когда он (глухарь) уже пролетел через меня / я уже понял / в чем дело // Я уже понял думаю «ну все / иди сюда дум(аю) / мил друг» // И / ну у меня как-то вот таких о... вот в тот раз у меня так немножко сыграло / вот / а-а щас / такая злость была / набил бы морду этому медведю бы / (смеются) вопросов бы нет // Во-от // И перезаряди-и-ться можно было двадцать раз уже / ну все он мимо меня прошел / я поце-е-лил / (тихо) все это потом / «ладно / ступай с-м иром» //

Во-от //

В. Стра-а-шно //

А. И потом вот он мне еще двух петухов (т. е. глухарей-самцов) согнал / на меня вылетели тоже / но я не стал стрелять-шуметь // Ну вот // ушел / думаю «ну / у меня еще времени там / четыре или пять дней»// Не стал я бередить этот ток / чтобы там / шуму лишнего не разводиться // А последн(ий) вернее / ну / предпоследний раз / девятого утром пришел / вот // Ну¹/ уже я пулю (для медведя) взял у Павла (имя егеря) / (смеются) дум(аю) / «приходи» / Павел мне сказал что лицензия есть спортивная // (пауза; далее А. объясняет собеседникам, почему он так и не стал охотиться на медведя) Вот // Ну во-пер(в)ых пули не свои / и во-вторых я из «Меркеля» (марка оружия) не стрелял пулей / ну в-третьих чистый такой момент как говорится / даже если хлопнешь там / километра два его тащить / это за ребятами возвращаться //

Г. Ну в общем ты его простил / короче говоря //

А Да-а // Ну и я пришел / дум(аю) «ладно / бог с тобой / живи» / значит я взял свой старый костерок / сложил /

В. Жалко мишку //

А их там много?

А. (на более высоком регистре) Е-есть там / е-есть //

В. (Все равно) жалко //

А. Вот // Сложил, я это дело /

В. (тихо) Жалко //

А. запалил костерок дымком немножко / к(ак) раз в сторону тока был ветер // Раздул я его / раскочегарил немножко огня нет / (ну?) дыма нет / «ну и хорошо» дум(аю) / «не подойдешь» // Ну и не пели в этот день глухари // Я прошел / одного / поднял / второго поднял / ну и что толку / не поют // Во-от // Ну и пошел потихонечку домой / а тут как раз до ж: ичек пошел // Дождичек / дождичек / я иду-иду-иду к лодке / иду к лодке сн ег уже в до ш... э-э... (исправляет оговорку) до ш в сн ег перешел / подхожу к своей лодке / а выходной день / праздник вернее // Там (з)начит мужики какие-то по берегу ходят / ну я их на базе-то видел // А я главн(ое) (со смехом в голосе) так, появился очень интересно / там / из-за бугорка / а они вижу как раз идут / по направлению к моей лодке // (вроде бы?) // Во-от // Они так / подходят / ну и тут вдруг я / появляюсь / я вижу они обернулись / и так немножко удивились / испугались / я / там / ровное место / луг / не видно / ну практически / вроде спрятаться негде // Ну я так подошел что-о / вдруг / образовался // Откуда ни возьмись // (со смехом в голосе) Обернулись / «что такое?» А потом у меня видок еще тоже // Этот мой маскхалат / до глаз завязанный тут / с рисунком // Вот // Спереди значит термос висит / (тихо смеется) вот так как это на авоське / сзади тоже эта куртка / ну / (пото)му чт(о) на ходу / раздеваешься на ходу / все-т(а)ки не так тепло / как под мотором когда идти // Вот // Значит ньшть //

В. А они ничё не хотели с твоей лодкой сделать?

А. Да нет / у них как выяснилось рядом своя стояла // А мне не видно вот так / из-за самого края берега // Во-от // Они (так?) немножко поежились / (смеется) такому явлению //

У меня слева фонарь висит /

В. (нрзбр.) неожиданно //

А. (продолжает) справа ружье вот так / наперевес // И погода такая / и-и не слышно из-за ветра / я еще из-под ветра подошел / то есть в полной тишине // Обернулись / человек стоит (смеется) //

В. С ружьем // (нрзбр.)

А. Да / с ружьем / наперевес // А я уже их узнал / рукой махнул / во-от // Они к своей лодке подошли / садятся / я отплыл / а там ледок у берега / ну и вообще идти поганно // Хоть и по ветру / а-а / все равно // Я грю «давайте я вас / возьму / на буксир» // Ну они посмотрели / вроде веревку какую-то нашли / а я / в своей лодке глянул / привязать не к чему // В руках, держать / (это?) не удержишь полчаса //

Б. И бросить

(тихо, со смехом) где-нибудь //

А. Вот // Значит к ноге привязать / перетянет // Вот //

В. (к Б., тихо, нрзбр.)

Б. (к В.) Давай / одевайся //

А. Ну и в конце концов я говорю / «мужики / привязать не к чему грю / простите великодушно» //

Диалоги

Ситуативно обусловленные диалоги показывают, что вне зависимости от социально-ролевых и психологических отношений участников общения известность многих обстоятельств делает естественным явлением структурную неполноту реплик. Неподготовленность речи проявляется в порядке слов (например, появлении определений после определяемых), подборе синонимов, точных слов, обилии вводных слов, номинативных предложений. Индивидуальный речевой стиль характеризуется выбором пословиц, прецедентных текстов, модных словечек, выражений; в женской речи встречаются эмоциональные возгласы, уменьшительно-ласкательные суффиксы (ср. XI, XII), иронические выражения (ср. IV, IX, X, XII). Некооперативная стратегия показывается в XIII диалоге, который носит «предписывающий характер», т. е. выражает просьбу-требование, оставшуюся невыполненной, в результате чего инициатор общения потерпел коммуникативную неудачу.

Диалоги-беседы (запись Н. Н. Гастгвой, 1990 г.) показывают, как в ходе обмена репликами достигается коммуникативная цель. Оба диалога относятся к праздноречевым жанрам: первый (XIV) – это обмен мнениями и информацией по определенному вопросу, второй, (XV) – обмен оценочными суждениями, показывающими согласие собеседников. Интересны такие явления спонтанной устной речи, как подбор нужного слова (произнесение начальных звуков одного слова, затем замена его другим словом), подхватывающие реплики, свидетельствующие о том, что коммуникативные ожидания адресата оправдываются, реплики-регулятивы, направляющие ход диалога.

Участники – коллеги, люди средних лет

А. «Коровку» хочешь?

Б. Купила все-таки?

А. Я их люблю / И шоколадные // А всякие там карамели мне и даром не нужны // Мармелад / пастила / зефир / тоже ничего / И варенье / конечно / я обожаю / А к меду равнодушна / Наверно / скрытая аллергия какая-нибудь / Ну как тебе они?

Б. Суховаты / не тянутся //

А. Это местная фабрика / Не научились еще / как на «Красном Октябре» / А может / сырье не то //

Б. Какое сырье? / Молоко? / Его здесь полно //

А. Ну / не только молоко / наверное //

Б. А что еще? //

А. Не знаю / Ну / сахар / конечно // И технология особая //

Телефонные разговоры

Особенность телефонного разговора состоит в определяющей роли таких компонентов речи, как темп, отчетливость произнесения, тембр голоса, паузирование, интонация. Приведенные диалоги демонстрируют главные признаки разговорной речи: эллиптированные конструкции, суффиксы субъективной оценки, междометные восклицания, цитирование текстов со смысловым приращением.

А. Привет! //

Б. Привет / Тань! //

А. Что не звонишь? / Завтра четверг / помнишь? //

Б. Помню / конечно / Завтра и поговорим // Не звоню / потому что закрутилась / дела все //

А. Ну / деловуха ты / Галина //

Б. А что делать? // Теперь и про четверг могу забыть / про воскресенье давно забыла // Но нет / нет / завтра в пять встречаемся где обычно / и к Анне Тимофеевне // Все / все / пока / до встречи //

А. Пока //

А. Ку-ку! //

Б. «Не прошло и полгода» / Где ты? //

А. Как обычно //

РАССКАЗ-ВОСПОМИНАНИЕ

Характерная особенность жанра рассказа – коммуникативная интенция, которая, как правило, является информацией на определенную тему. Это монологическая речь внутри диалога (или диалога). Рассказ относится к «запланированным» видам речи, ожидаемым всеми участниками коммуникативного взаимодействия. Целостность передаваемой информации обеспечивается связностью отдельных фрагментов. Ход рассказа прерывается репликами-оценками, репликами-вопросами. Приведенный рассказ показывает индивидуальные особенности речи рассказчика: неоправданное употребление именительного падежа существительных, заполнение пауз обдумывания частицей да, эмоциональное выделение некоторых слов паузами и интонацией.

Запись сделана в Москве в 1995 г.

А. – москвичка, 74 года, учитель-словесник, пенсионерка. Б. – племянник А., программист. В. – сын Б., школьник. Г. – жена Б., бухгалтер

А. Тогда в сорок первом / в конце октября / тяжелая неделя была / мало кто верил / что Москву не сдадут // Бежали из Москвы / кто куда //

Б. А вы все / бабушка Шура / не хотели уезжать?

В. И бабушка Валя с вами была?

Г. Бабушка Валя тогда маленькая была //

А. Вале было тринадцать лет // Мы не верили / что Москву сдадут / и мама / и отец не верили // Отец тогда / по здоровью / не на фронте был / в милиции служил // По радио ничего не говорили / несколько дней / Да //

Г. Молчало радио?!

А. Нет / не молчало // Классическая музыка была //

Б. Несколько дней / классическая музыка? / И все? //

А. Да / очень напряженная обстановка была // Говорили / правительство уехало в Куйбышев / на заводах архивы жгли // Мы жили тогда на Стромынке / Я перед войной в медицинском училась / в эвакуацию с институтом в Среднюю Азию не поехала / мама часто болела / она и всю войну болела тяжело // работать не могла / у нее была иждивенческая карточка // Валька маленькая / Да // Но она работала / на заводе / все подростки работали // А я ит-ээровскую получала (т. е. карточку) // Так вот в эти дни вся Стромынка / Преображенка и дальше на Владимирку / все было заполнено народом // Кто ехал на лошадях, на велосипедах / тачки везли / пешком шли / узлы тащили / с детьми / старики / многим и идти-то было некуда // Боялись немцев / не верили // просто бежали // А мы верили //

Б. Сталину верили?

А. Что в Москву немцев не пустят / верили // А Сталину мой отец / и мать тоже // не верили // У сестры папиной / тети Веры / перед войной / в ежовщину / мужа / пришли ночью / и забрали // Четверо детей // Так и не узнали ничего / Пропал // А добрый был! / Кристально честный! / Простой / правда / может / сболтнул чего не надо // Доносили все // Много хороших людей пропало // Так отец до пятьдесят третьего года все утром включал радио и говорил / Может сегодня скажут / что он (Сталин) умер // А в те дни никто не работал / зарплату за несколько дней выдали // Что мы пережили / не передать //

В. А когда бомбили / вы в бомбоубежище ходили? //

А. Когда ходили / когда нет // В метро «Сокольники» ходили // мама болела / никуда не ходили // пятый этаж / не успеешь // хотя объявляли заранее // Работали посменно / придешь (с работы) / сил нет / какое бомбоубежище / падали прямо // В квартирах не топили / газ от холода не шел / стучали по трубам / чтоб газ зажечь / на стенах иней // А в победу верили! / Да // Работали напряженно // Валька / тринадцать лет / подростки снаряды таскали / на заводе работали // Люди от усталости у станков / от голода / падали // А сверху / от партийных органов городских значит / присылали указания / что-то вроде / обеспечить участие в кроссе / выделить столько-то человек / кросс / посвященный годовщине Советской Армии /

чтоб галочку поставить значит // Я. не посылала людей // Безобразия такие // А после бомбежки все / мгновенно! / убрали // Утром люди идут на работу / все заровняли / убрали // Перед нашим домом до войны дом стоял / напротив / в окно видно // в одном дворе с детьми из этого дома играли // на моих глазах в него бомба попала / у меня ноги отнялись // несколько дней //

В. Бабушка Люся / почему ты на войну не пошла?

А. Я считаю / на войне женщинам делать нечего // неизвестно чем они там занимались / эти женщины на войне // редко кто туда порядочные попадали / разведчицы / врачи нужны были конечно // А я в Москве работала / и мама у меня часто болела / всё вещи хорошие на продукты в войну поменяли / чтоб выжить только // Еде дождалась победы // Из нашего класса только двое ребят с фронта вернулись // Двоюродный брат Иван без ноги с фронта пришел / в Белоруссии / в окружении / был / в болоте через соломинку дышал // Саш, ты дядю Ваню Калукова помнишь?

Б. Смутно // Я маленький был / потом он умер //

А. Главное / все верили / что эта война / последняя // что потом никаких бед / потому что мы / наша семья / очень хорошо перед войной жили //

ПИСЬМА, ЗАПИСКИ, ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Этот раздел открывает переписка М. Юдиной и Б. Пастернака: точные, теплые, человечески емкие фразы Б. Пастернака и предельно искренняя, эмоциональная, содержательно развернутая речь М. Юдиной.

Письма известного культуролога, литературоведа и лингвиста Юрия Михайловича Лотмана к его другу Борису Федоровичу Егорову, доктору филологических наук, профессору, представляют собой яркие талантливые произведения эпистолярного жанра. В них проявилась вся многогранность натуры Ю. Лотмана. По свидетельству Б. Ф. Егорова, «здесь и глубокие научные рассуждения, и полемика, и описания быта, настроений; серьезное перемешано с юмором» (Звезда. 1994. № 7. С. 160). Б. Ф. Егоров был единственным близким другом Ю. Лотмана, с которым он делился всеми своими мыслями, чувствами, тайнами. Письма Ю. Лотмана вводят нас в атмосферу жизни научной общественности 70–80-х гг., в историю публикаций работ тартуской лингвистической школы, в проблематику научных интересов Юрия Михайловича, в подробности его семейной жизни, открывают заветные мысли автора. Тексты этих писем показывают сложность и нетривиальность внутреннего мира Ю. Лотмана, широкую ассоциативную палитру его замечаний.

Последующие письма и записки характеризуются такими особенностями композиции, как фрагментарность изложения, ситуативная вынужденность. Тематическая дискретность зависит не только от индивидуальной манеры пишущего, но и от особенностей эпистолярного жанра: в письме затрагиваются все темы, общеинтересные для автора и адресата, причем для высказывания мнений, сообщения о тех или иных событиях избрана та форма, которая является традиционной для участников переписки. Непринужденность отношений, близость интересов – главные условия для переписки.

Характерны устоявшиеся этикетные формы приветствия и прощания.

Для записок главным фактором организации их содержания является информация, которая обусловлена известными адресанту и адресату обстоятельствами.

Поздравления могут представлять собой мини-письма, тематически дискретные, отражающие поток мыслей, или собственно поздравления, форма которых в значительной степени ритуализована, содержит триаду: обращение, поздравление, пожелания – и этикетные формулы прощания.

Б. Пастернак – М. Юдиной

22 янв<аря> 1955.

Дорогая Мария Вениаминовна!

От души благодарю Вас за письмо! Ваши обращения, то, как Вы титузуете и величаете Вашего покорного слугу, не испортят меня, я люблю Вашу доброту и восторженность, светящиеся в них.

Я зиму на даче. Мне хорошо. Особенно большое спасибо Вам за широту, с какою Вы сформулировали Ваши новогодние пожелания мне. Вы пожелали: «исполнения моих любимых желаний, Вам неведомых». Мне хочется, чтобы все было хорошо. В такой полноте это желание наверно недостижимо, но оно достигается в таком большом приближении, что уже и это сверхсчастье, так что просто не верится.

Я очень много работаю. Внешне и по имени эта работа не представляет ничего нового. Это вторая книга «Жеваго» во второй ее редакции, перед перепиской окончательно начисто, к которой я надеюсь приступить через месяц и предполагаю довести до конца через два-три, к весне. Но внутренне, в действительности это труд такой же новый, как если бы я начинал что-нибудь новое и по названию, так много я изменяю при отделке, и столько нового вставляю.

Эта книга будет очень большая по объему, страниц (рукописных) до пятисот, тяжелая, сумбурная и вряд ли кому понравится.

У нас на даче два или три раза собирались. Ловлю Вас на выраженной Вами готовности повидаться, так сходящейся с моим желанием, и как только что-нибудь наметится, Вас извещу и позабочусь о технике доставления Вас к нам.

Вы сами знаете, как Вы тронули меня своей доброй памятью, как я предан Вам и как Вас чту.

Ваш Б. Пастернак.

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ

Подраздел открывают дневниковые записки А. Ахматовой, представляющие собой творческие размышления, раздумья о ходе работы над поэмами.

Дневник М. С. Волошиной, вдовы поэта Максимилиана Волошина, писавшийся ею в годы войны в Крыму, представляет собой, разговор с альтер-эго, искреннее описание душевных мук, немощи, переживаний и надежд в тяжелые годы Отечественной войны. Манера письма свидетельствует об эмоциональности натуры М. С. Волошиной (градация, цепочки синонимов, восклицательные предложения, повторы), ее образованности, тонкости восприятия.

А. Ахматова «Из дневника» (1959–1962)

31 мая 1962.

«... Там в Поэме («Поэме без героя». – *Е. Л.*) у меня два двойника. В первой части – «петербургская кукла, актерка», в Третьей – некто «в самой чаше тайги дремучей». Во второй части (т. е. в Решке) у меня двойника нет. Там никто ко мне не приходит, даже призраки («В дверь мою никто не стучится»). Там я такая, какой была после «Реквиема» и четырнадцати лет жизни под запретом («*My future is my past*»), на пороге старости, которая вовсе не обещала быть покойной и победоносно сдержала свое обещание. А вокруг был не «старый город Питер», а послежовский и предвоенный Ленинград – город, вероятно, еще никем не описанный и, как принято говорить, еще ожидающий своего бытописателя».

18 дек. 1962.

«И наконец произошло нечто невероятное: оказалось возможным раззеркалить ее, во всяком случае, по одной линии. Так возникло «Лирическое отступление» в Эпilogue и заполнились точечные строфы «Решки». Стала ли она понятнее – не думаю! Осмысленнее – вероятно. Но по тому высокому счету (выше политики и всего...) помочь ей все равно невозможно. Где-то в моих прозаических заметках мелькают какие-то лучи – не более».

Дневниковые записки вдовы поэта Максимилиана Волошина М. С. Волошиной в Коктебеле 12/XI 42 г.

Милый мой, только твой образ, только мысль о тебе и с тобою дают мне силы как-то брести, что-то делать. Изнемогаю от бессилия, обиды, непонимания. С тобой не расстанусь. А как бы поступил Маша, а что бы он сказал? Макс бы объяснил. Макс бы сказал. Масенька бы пожалел, помог! Вот только это и твержу себе, изнемая. И сейчас ничего не могу, не хочу, не мыслю. А только к тебе, и вот писать стала, чтобы хоть как-нибудь себя обмануть, за что-то зацепиться, что-то делать. Милый, сколько горя, бессилия, обиды!

Писать изо дня в день нельзя, потому что нет слов и руки не поднимаются – вот сесть и писать. Это больше чем невыносимо. Это невозможно. Мой маленький ум, мои больные нервы, больная психика не вмещают, не могут справиться с ужасами творящегося и творимого. Времена апокалипсические. Страны нет. Россия растоптана, поругана германским сапогом. Мы оккупированы, завоеваны. Все, все непереносимо! Ну, как же слова? Ну, как это все рассказывать? Больно, страшно, оскорбительно, возмутительно. Это все только приблизительные определения. Да и зачем и кому передавать? Собственное бессилие, слабость? Конечно, вот это верно и хочешь передать. Хочется поддержки, ласки, логики. Ощущаешь только свое бессилие и боль. Эти унижительные состояния. Мизер своего духа. Ах, я всю жизнь жила в иллюзиях, что что-то могу, понимаю! И теперь, на старости лет, вижу всю иллюзорность своих представлений. Жизнь – ужас. Война – реальность.

Как человечество может быть в таком ужасе? Вся Европа! Весь мир. Да что же это такое? Насилие, насилие, смерть, убийства, разгром, грабеж, разорение стран – и так годы. Да что же это такое? Неужели нет умных, гуманных, понимающих? Ведь весь мир! Почему Гитлер, Сталин, 3, 4, 10 – сколько их, могут посылать на убийства, на смерть, разорять, словом, делать войну и все ее ужасы? Почему миллионы не могут сказать: не можем больше так жить! Не сказать, а заставить не убивать, не разорять, не делать войны? Почему нет 10–100 таких, которые сказали <бы> «не надо войны!»? Господи! Я бесплодно думаю день и ночь все об одном и том же...

Вот и сейчас: пишу, а над ухом, вблизи и вдалеке, все выстрелы, выстрелы. Вся дрожу. Все время дрожу, когда стреляют, физически и морально так подавлена. И так второй год, с большими или меньшими интервалами.

II. Ораторская речь

Характерные черты ораторского стиля определяют особенности его конкретных воплощений и бытования. Прежде всего, ораторская речь является одним из видов публичной живой речи. В качестве обязательного признака ораторского стиля выступает, как известно, целевая установка, т. е. то, что называется ораторским намерением (интенцией). В зависимости от характера аудитории, жанра и цели воздействия говорящий избирает стиль речи, включающий сумму художественных приемов оформления темы. В самом публичном выступлении как специфическом акте речи следует выделять:

- 1) субъекта речевого действия,
- 2) массового слушателя как объекта речевого действия,
- 3) устное живое слово (канал воздействия),
- 4) цель речевого воздействия, которая определяется нередко профессиональными и личностными качествами оратора – человека определенной эпохи,
- 5) выбор темы и жанра выступления, которым соответствуют приемы логического, орфоэпического, синтаксического и стилистического оформления речи.

Своеобразие устройства системы ораторской речи и отмеченная релятивность ее компонентов обусловили критерии отбора образцов современной ораторской речи для хрестоматии. Прежде всего, материал в хрестоматии представлен по родам и жанрам ораторской речи, имеющим большое общественное значение. Имеются в виду такие разновидности речей, которые относятся к: а) социально-политическим, б) академическим и лекционным, в) судебным и г) духовным (церковно-богословским).

Социально-политическая речь

Подраздел открывается выступлением академика Д. С. Лихачева на Съезде народных депутатов СССР в 1989 г. Дмитрий Сергеевич Лихачев – литературовед, текстолог, с 1970 г. – действительный член Академии наук СССР (ныне – РАН).

Знаменательна сама тема речи академика Д. С. Лихачева, посвященной оценке состояния культуры в нашей стране. За годы, прошедшие со дня этого выступления, общее положение в сфере культуры несколько не изменилось. Поэтому данная тема остается весьма актуальной.

Речь Д. С. Лихачева весьма прозрачна по композиции: вступление, обоснование основных тезисов, выделение центральных объектов культуры (состояние библиотек, архивов, музеев, школ), заключительная часть; все составные элементы речи служат выражению ее основной мысли. Как писал А. Ф. Кони, «лучшие речи просты, ясны, понятны и полны глубокого смысла». Образцом именно такой речи и является публикуемый материал.

Далее в хрестоматии помещено выступление А. И. Солженицына в Государственной Думе 28 октября 1994 г. Эта речь – своего рода художественное произведение ораторского искусства. Если выступление Д. С. Лихачева выдержано в спокойной, интеллигентной манере – без метафор, риторических вопросов, стилистических фигур и каких-либо других осознанных отклонений от нейтральной формы повествования, то выступление А. И. Солженицына интересно своими противоположными качествами – предельно открытым, эмоциональным стилем. В первой речи перед нами вырисовывается скорее образ оратора-наблюдателя, повествующего о конкретных событиях, во второй речи облик оратора – иной. А. И. Солженицын воспринимается не только как активный комментатор, но и как участник событий – с его экспрессивно выраженным личностно-самобытным и нравственным отношением к тому, о чем идет речь; см., например, такие гиперэмоциональные характеристики, как национальное безумие, чудовищное равнодушие, духовная зараза и презренные соблазны, советское обморочное сознание и т. п. И еще примеры индивидуальной речи: тысячи писем внагонку; после 70-летнего духовного вымаривания нас; перелетные химеры; разворовка национального имущества и др. В выступлении А. И. Солженицына проявились все те особенности социально-политической речи, о которых писал А. Ф. Кони: «Политическая речь должна представлять не мозаику, не поражающую тщательным изображением картину, не изящную акварель, а резкие общие контуры и рембрандтовскую светотень».

По данным исследователей, если в выступлении встречается более 11% слов и 32% предложений, которые содержат изобразительные элементы, средства выразительности, эмоциональные оценки, – такая речь особенно интересна для слушателей и обладает большей силой воздействия по сравнению с нейтральной. Острая тема выступления, ясность, искренность, правдивость и высокохудожественные качества речи А. И. Солженицына, адресованной не только депутатам, но и самой широкой массе слушателей (выступление транслировалось по телевидению), – залог ее долгой жизни в русской культуре.

Д. С. ЛИХАЧЕВ ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СЪЕЗДЕ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР (1989)

Буду говорить только о состоянии культуры в нашей стране и главным образом о гуманитарной, человеческой ее части. Я внимательно изучал предвыборные платформы депутатов. Меня поразило, что в подавляющем большинстве из них даже не было слова «культура». На, самом Съезде слово «культура» было произнесено только на третий день <...>

Между тем без культуры в обществе нет и нравственности. Без элементарной нравственности не действуют социальные и экономические законы, не выполняются указы и не может существовать современная наука, ибо трудно, например, проверить эксперименты, стоящие миллионы, огромные проекты «строек века» и так далее.

Низкая культура нашей страны отрицательно сказывается на нашей общественной жизни, государственной работе, на наших межнациональных отношениях, так как национальная вражда одной из причин имеет низкую культуру. Люди высокой культуры не враждебны к чужой национальности, к чужому мнению и не агрессивны. Незнание элементарной, формальной логики, элементов права, отсутствие воспитанного культурой общественного такта отрицательно сказывается даже на работе нашего Съезда. Я думаю, это не надо пояснять.

К сожалению, в отношении культуры действует еще «остаточный» принцип. Об этом свидетельствует даже Академия наук Советского Союза, где гуманитарной культуре отведено последнее место.

О крайне низком состоянии культуры в нашей стране свидетельствует, во-первых, состояние памятников культуры и истории. Это перед глазами у всех, и я не буду об этом говорить. Во-вторых, это состояние библиотек и архивов <...>. В-третьих, состояние музеев, со-

стояние образования, в первую очередь – среднего и начального, когда закладывается культура человека.

Начну с библиотек. Библиотеки важнее всего в культуре. Может не быть университетов, институтов, научных учреждений, но если библиотеки есть, если они не горят, не заливаются водой, имеют помещения, оснащены современной техникой, возглавляются не случайными людьми, а профессионалами – культура не погибнет в такой стране. Между тем наши важнейшие библиотеки в Москве, в Ленинграде и в других городах горят, как свечи <...>. Даже в главной библиотеке страны имени В. И. Ленина, о которой я особенно забочусь, возникают мелкие пожары. Сравните с библиотекой Конгресса в Соединенных Штатах. Что же говорить о сельских библиотеках? Районные библиотеки часто закрываются <...>, потому что нужны их помещения для других целей <...>.

Библиотечные работники, обращенные непосредственно к читателю <...>, не имеют времени сами читать и знать книгу, журнал, ибо влачат полунищенское существование <...>. Библиотекари сельских районов, которые должны быть главными авторитетами в селе, воспитывать людей, рекомендовать книгу, – получают 80 рублей. Между тем Россия в XIX веке – вопреки мифу о ее якобы отсталости – была самой передовой библиотечной державой мира <...>. Теперь о музеях. Здесь аналогичная картина – допотопная техническая оснащенность. Зарплата работников, обращенных к человеку, – не администраторов, а реставраторов, хранителей, экскурсоводов – недопустимо низка. А они, именно они – настоящие энтузиасты, как и «низшие» библиотечные работники <...>.

Мы обладаем несметными музейными богатствами, несмотря на все распродажи, частично продолжающиеся и сейчас. Но положение памятников культуры низко, и мы вынуждены приглашать реставраторов из Польши, Болгарии и Финляндии, что обходится во много раз дороже <...>.

Школы у нас – опять-таки та же картина и даже хуже. Детей и педагогов надо сейчас просто защищать. Учителя школ не имеют авторитета, не имеют времени пополнять свои знания. Я могу привести примеры, но не буду. Преподавание душится различными программами, имитирующими командно-административные методы прошлого, регламентирующими указаниями и низкого качества методиками. Преподавание в средней школе – это прежде всего воспитание. Это творчество педагога, а творчество не может быть вне свободы. Оно требует свободы. Поэтому учитель должен вне программы иметь возможность рассказать ученикам о том, что он сам любит и ценит, прививать любовь к литературе, к искусству и так далее.

Отмечу, что сами ученики отмечают в нашей печати эти серьезные недостатки. Учителя в России были всегда властителями дум молодежи. А нынешней учительнице не хватает средств к существованию и к тому, чтобы более или менее прилично одеться.

Вы скажете, откуда взять деньги, чтобы повышать уровень жизни людей, чьи профессии обращены к человеку, именно к человеку, а не к вещам. Я реалист. Рискуя нажать себе врагов среди многих своих товарищей, скажу. Первое. Надо сократить – и очень решительно – чрезвычайно разросшийся и хорошо обеспеченный административный аппарат всех учреждений культуры и министерств. Пусть составители методичек сами преподают по своим методикам и выполняют эти указания, пусть они охраняют памятники, пусть они водят экскурсии, то есть пусть работники министерств работают.

Музеям надо дать средства от доходов Интуриста, которые он получает от наших плохо сохраняемых культурных ценностей <...>. Необходимо отчислять на культуру больше средств от сокращения военных расходов <...>, от сокращения материальной помощи другим странам, помощи за счет средств нашего народа, о которой мы мало осведомлены.

Культура не может быть на хозрасчете. Отдача культуры народу, стране ^– неизмеримо больше, чем от возможных непосредственных доходов библиотек, архивов и музеев, чем от любой области экономики и техники. Это я утверждаю. Но отдача эта дается не сразу. Низкое состояние культуры и нравственности, рост преступности сделают бесплодными, бесполезными все наши усилия в любой области. Нам не удастся реформировать экономику, науку, общественную жизнь, продвинуть перестройку, если наша культура будет находиться на нынешнем уровне <...>.

Должна быть долгосрочная программа развития культуры в нашей стране, которой нет или по крайней мере она мне не известна. Только тогда у нас не будет национальных споров, свидетельствующих о низкой культуре, зато будет нормальная экономическая жизнь, понизится преступность. Возрастет, в частности, и порядочность общественных деятелей <...>.

Судьба Отечества в ваших руках, а она в опасности. Спасибо за внимание.

А. И. Солженицын Выступление в Государственной Думе 28 октября 1994 г.

По роду моей работы, за много лет я прочел сплошь все стенограммы четырех дореволюционных Государственных Дум, мне пришлось узнать и безудержную конфликтность с властями 1-й и 2-й Дум, неработоспособных. Хорошо работоспособную 3-ю Думу, которая, однако, три года бессмысленно тормозила целительные земельные столыпинские реформы; двойственную роль 4-й Думы, зарвавшейся вздорной мыслью свергнуть верховную власть в стране во время войны из расчета, что после войны это не удастся. И эта победа ей удалась. По историческому возмездию или исторической иронии сама 4-я Дума в тот самый день вместе с падением верховной власти кончила свое существование и больше никому не была нужна ни одного дня. Весь этот парламентский опыт российский не слишком вдохновляет нас и являет нам суровое предупреждение на будущее. Я рассматриваю вас сегодня как 5-ю Государственную Думу на продлении той же линии развития. Я сознаю свою ответственность выступать сегодня перед вами здесь, но еще большая ответственность лежит на вас перед народом, страдающим и ожидающим. Проехав много российских областей, через сотни встреч и потом четыре тысячи писем в нагонку, я вынес ощущение, что наша народная масса обескуражена, что она в ошеломлении, в шоке от унижения и от стыда за свое бессилие: в ней нет убеждения, что происходящие реформы и политика правительства действительно ведутся в ее интересах. Людей низов практически выключили из жизни; все, что делается в стране, происходит помимо них. У них остался небогатый выбор – или влачить нищенское и покорное существование, или искать пути незаконных ремесел: обманывать государство или друг друга.

Статистика сегодня приносит нам известия, что у нас увеличилось число самоубийств, и именно среднего мужского возраста, то есть кормильцев. Статистика говорит, что у нас сегодня (все это знают уже в мире) смертность превзошла рождаемость, то есть мы начали вымирать. Сегодня рождение ребенка в России уже рассматривается почти как подвиг. А кто не в отчаянии (конечно, есть и такие), то те в апатии, в безразличии ко всей этой московской политике, ко всем московским партиям. Может быть, мы неизбежно должны были выйти такими после 70-летнего духовного вымаривания нас. В тюремных камерах 1945–46 года мы, ровесники революции, и люди старше нас ломали головы (нам было уже тогда понятно, что коммунизм обречен, что выход из него будет болезненным), как выйти из этого наименее болезненным путем. **Увы, сегодня надо признать: мы выходим из коммунизма самым искривленным, самым болезненным, самым нелепым путем. Из всех моих встреч я вынес впечатление, что центральные органы власти, исполнительной и законодательной, имеют слабую связь с болями страны, что они вот это состояние народа не впускают в свой замкнутый эллипсоид власти. Поразишься этому. Очевидно, здесь слишком толстые стены.** Мне по всему моему пути говорили, требовали, убеждали, умоляли: выскажите в Государственной Думе, скажите президенту, что накопилось, что накипело в душе простого человека. Да, мы все хорошо знаем наши беды и наши язвы. И сокрушительное падение производства – промышленного и сельскохозяйственного, и разгул чужой валюты по нашей стране. Какая дикость! Совсем недавно объявили справедливо: падение рубля – национальная катастрофа. Но, простите, национальная катастрофа с падением рубля произошла гораздо раньше, когда рубль стал равен центу. Вот тогда надо было говорить и спохватываться. Мы все знаем: план экономических реформ никогда не был объявлен. Почему? Если его нет – тогда это авантюра, если он есть – тогда почему его скрывают? Мы все знаем: цены освобождены в угоду монополистам, ни по какому ваучеру ни один гражданин не получил и отдаленно своей доли в национальном достоянии. Нам известно из прессы: то там, то здесь происходят скандальные случаи приватизации за бесценок, кто-то взял почти бесплатно, а

государство не получило ничего. Государство ограбило 70 миллионов вкладчиков, самых добросовестных, самых лояльных, самых доверчивых своих граждан. Дало жестокий урок: никогда не верь государству и никогда не работай честно. **И мы знаем, как катастрофически падает наша рядовая и блистательная наука, падает наше образование, падает медицина, миллиарды долларов в год разграбляются и куда-то увозятся из страны и как по стране свободно шествует преступность.** Третий год мы слышим и от правительства, и от президентской команды, и от так называемой непримиримой оппозиции одно и то же: борьба с преступностью. Скажите, где открытые суды, где грозные приговоры? Можете вы назвать, слышали вы их? И нет уголовных законов, соответствующих невиданной криминальной ситуации, которая сегодня пугает уже и Америку, и Германию – она уже и туда плеснула. Нет нового уголовного кодекса, нет уголовно-процессуального кодекса, может быть, потому, что у Государственной Думы нет времени.

А Столыпин в 1906 году вот такой же начинавшийся хаос, вот такой же вихрь безумной преступности остановил в пять месяцев. Наши законы увы, не определяют обязанностей государства. Государство – это первый невыполнитель всех обязательств, и это вызывает хаос. Государственные структурные чиновники не отвечают перед простым гражданином. Это беспределность начальствования. **Мы сейчас на переходе, кажется, к демократии, увеличили нашу бюрократию вдвое и втрое, а она сама сверху вниз наращивает себе кадры. Скажите, кто сегодня занимается контролем расширения штатов? Скажите, где сегодня есть конкурсные условия для занятия должностей? Ничего подобного. Как скажет очередной начальник! А немало чиновников и немало администраторов позволяют себе коммерческую деятельность, что вообще немыслимо нигде на Западе, а только у нас.**

Я напому: 4 апреля 92-го года был указ президента о борьбе с коррупцией в государственной службе. Прошло два с половиной года. Скажите, какой абзац, единственный абзац из этого указа приведен в действие? За два с половиной года судебная власть, прокуратура, следственные органы, правоохранительные меньше всего затронуты реформами. То и дело мы слышим, из каких-то мест до нас доносится: там суды по-прежнему, по-советски, зависят от администрации. В другом месте ведут незаконное следствие, едва ли не с пытками, чтобы выудить ложные показания. А состояние мест заключения, вы читали в газетах об этом достаточно! Я получаю писем несчетное число. Это просьбы о заступничестве в инстанциях. Бедняки не имеют никакого пути разговаривать с исковой инстанцией. С ними никто не разговаривает, и они в отчаянии собирают пачки своих дел и посылают писателю: разберись, писатель.

Государственное устройство, оно первой и важней экономики, потому что это условие, чтобы вообще можно было жить. Часто звучала и звучит фраза: «За что вы беспокоитесь?» Рынок все расставит на свои места. Рынок государственного устройства не расставит. И нравственных основ общества рынок не укрепит. Это опасная пассивность государственной мысли. А у нас вообще нет единой государственной мысли, как, кстати, нет ее и в экономике. Если это правда, что мы хотим идти к демократии, то есть к полной власти народа над собственной судьбой, так дайте нам идти к ней. Наконец давайте начнем – этот исторический шанс сегодня еще не упущен.

А какой у нас строй сегодня? Никак не демократия. Сегодня у нас, признаем честно, олигархия. То есть власть ограниченного замкнутого числа персон. На таких огромных пространствах, как Россия, с нашими нынешними язвами нам никогда не справиться при пассивности народа. Дайте народу реальную власть над своей судьбой. Допустите – каждому гражданину быть экономической личностью! Мы себя успокаиваем, будто у нас сегодня потому демократия, что у нас демократическая система выборов. Но нынешняя система выборов не дает выхода активным народным силам по всем просторам страны. В чем пороки? Московские партии рассматривают народ как материал для избирательной системы. Не случайно у нас загуляло снобистское словечко «электорат». А народ рассматривает: «Партии, – а-а-а! Кто бы из них ни победил, все равно это будет одно и то же. Партия – начальство». А еще добавь к этому инерцию голосования, которую мы вынесли из большевистских десятилетий. Мне пришлось говорить с рабочими. Они сами удивляются, говорят: вот мы сей-

час при вас кроем свое начальство; свобода слова есть, правильно. Но доходит дело до голосования, что с нами происходит? Нам предлагают резолюцию, мы поднимаем руку.

Всюду меня спрашивали, всюду и везде: так что же нам делать? Я отвечал: только не насильственным путем, только не революционным путем, только никаких новых чисток. А тогда, спрашивают, какой выход? Где искать ключ? Я находил такой ключ. Не пропускайте местных выборов. Вам даны выборы местные. Я понимаю, когда вы выбираете в Москву, вы, в общем, никогда не знаете, что это за люди, откуда они взялись, что они будут делать. Но местные выборы для вас: не будьте пассивными, не наказывайте сами себя, вы же видите этих людей, их лица, их поступки, их действия. Смотрите в их глаза, выбирайте тех, кто честен, бескорыстен, умен и, очень важно, стоек перед начальством, мужественен перед начальством. Это нужно. А мне разумно отвечали: вот именно, на местных выборах самое страшное, потому что на местных выборах, как выступишь, завтра тебя лишат работы, если не вообще сживут со света.

Да, в августе 91-го года мы упустили направить народ к свободному волеизъявлению, открыть самому народу управлять самим собой, на постах мы тогда оставили все ту же номенклатуру и крашенных демократов, перебежавших в демократы. Теперь это наследие нам на 10, на 20, на 30 лет. Сейчас везде обсуждается очень живо вопрос о следующих местных выборах. Я нахожу этот вопрос совсем непростым. Недавно был указ президента о невыборности губернаторов. Надо сказать, что при огромных просторах нашей страны, при разнообразии населения нам одновременно нужны и сильная центральная власть, вертикальная власть, и широкая активность народа, тоже с поднимающейся вертикалью. В Конституции записано буквально: «Формы местного самоуправления избираются самим населением». Так дайте населению действительно избирать и действительно осуществлять. Вот это есть путь – открыть населению самостоятельную народную власть. Это главное впечатление всей моей поездки. Сколько я видел повсюду людей активных, деятельных, инициативных, энергичных, показывающих, что потенциал народа нашего не уничтожен всеми уничтожениями, и все эти люди без места, без пути не знают, куда себя приложить. Сейчас в Думе, я знаю, готовится проект местного самоуправления, очень важный. Я в контакте с этим комитетом, мы с ним будем еще немножко консультироваться. Но я нахожу, что местное самоуправление – это узкий термин, ибо он ограничивает местное самоуправление сверху. Местное, и хватит. Я считаю гораздо более удачным термин «земство». Он существует много веков. Земство – это совокупность всех людей, живущих на данной земле. Земство – это форма самоорганизации населения. Земство в смуту XVII века спасло Россию. Тогда пали цари, разбежались самозванцы, разбежались бояре. Обезглавленная Русь, земская Русь подняла сама себя, нашла ополчение, изгнала иностранцев, очистила Москву, установила твердое государство. Увы, уже тогда, в петербургский период, земство начали подавлять и сильно подавили. При Александре II произошло его счастливое возрождение. Правда, частично. Не на все области России, не на все губернии, не во всю высоту – без волостного земства и без общероссийского. Но какое было плодотворное это земство! Сколько накопило оно ценнейшего опыта и сколько оно воспитало деятелей, устраненных от политической власти. Чем занималось земство? Перечислить все нельзя. Я немножко прочту. Дорогами, мостами, почтами, противопожарными мероприятиями, мелиорацией, продовольственными запасами, складами, помощью нуждающимся – бедным, больным; здравоохранением (наши русские земские врачи – это наша слава), школами, библиотеками. Дело в том, что 80, если не 85, процентов жизни простого человека происходит только на местном уровне. Это неудивительно. Сегодня в Соединенных Штатах или в Швейцарии 80–85 процентов всех вопросов решаются на месте местными людьми, местным самоуправлением, не ожидая никаких указаний из Вашингтона. Так было, и так могло работать и наше земство. Затем большевики земство раздавили, как самого вредного себе соперника. Год назад формально земство у нас зарегистрировано Министерством юстиции и стало немножечко восстанавливаться кое-где по областям. В некоторых еще робко, а в других его уже сейчас давят, предполагая себе соперника. Но весь путь земства впереди. Только нужны законодательные рамки, юридические права земству и ответственность. В нижних слоях жизни земство должно взять все главные отрасли жизни, отобрать их у правительственной вертикали. Правительственная вертикаль должна остаться,

должна быть сильная президентская власть – и потом вертикаль вниз, но она книзу сужается, компетенция ее, функции ее сужаются. У земства наоборот. У земства наиболее широкая компетенция внизу, но она растет вверх до всероссийского уровня, хотя тут компетентные функции ее уменьшаются. И на всей высоте, на всех уровнях правительство должно контролировать земство, чтобы оно выполняло правительственные законы, а земство должно контролировать правительственную линию на ответственность и честность ведения дел. Вот тогда никакая коррупция не станет у нас возможной. **Именно в нашей ситуации земство – единственная возможность реализовать в действии потенциал народной энергии, сознания и сил народа. При разбухающем, при коррумпированном, при мертвенном сегодняшнем бюрократическом аппарате я не вижу другого выхода, как можно иначе справиться с этим наследием коммунистической номенклатуры. Этот аппарат сам по себе не доведет нас до добра. Сам по себе он вообще никуда нас не выведет. Введение земства соответствует единственно верному общечеловеческому пониманию, что власть государственная не может быть вообще никогда источником народной жизни. Она может только или помогать ей, или вредить.**

Откачиваясь от советского обморочного сознания, усвоим наконец, что правительственная власть не должна распространяться на области, где свободное дыхание людей и их самоопределение. Земская деятельность вовлечет множество людей, которых сегодня и близко не подпускают к власти, не только к власти – к решению малейших важных вопросов. Она раскроет силы народа, она разовьет его государственное самосознание. У нашего народа слабое правосознание, но его нельзя иначе развить, как только начать применять на деле. А параллельно тому мерами экономическими должна быть обеспечена экономическая независимость каждого гражданина; собственность, и особенно земля, должны достаться людям труда и умения, а не каким-то перелетным химерам.

Без экономической самостоятельности масс никакой демократии у нас никогда не будет. К сожалению, в сегодняшнем государственном устройстве России во многом нет ясности. Ну, например, соотношение центра и регионов. Ведь нет определенных рамок распределения бюджета и прав. Нет, во многих регионах мне просто стоны раздавались: хотя бы были точные рамки закона, что центру идет, что нам. А сегодня так: существует 89 так называемых субъектов федерации (великолепное слово!); из этих 89 только 15 регионов – кормящие. То есть не берущие дотаций, а дающие больше, чем они берут. И вот эти 15 кормят все тех же 74. И скажите этим кормящим регионам, какой для них смысл развивать производство, какой для них смысл получать новые доходы, ведь все загребет центр, а потом, по советскому порядку, надо идти туда и кланяться: пожалуйста, дайте нам, сколько вы можете отпустить.

Сегодняшние областные администраторы (и крупные!) жаловались мне: «Какая-то безотзывность центрального аппарата. Бывает так, что и в аварийных ситуациях нельзя докричаться. Секретари, секретари, секретари...»

Неясность нашего государственного устройства во многом проистекает из так называемого федеративного устройства России. Десятки регионов у нас объявлены автономными республиками, национальными округами, причем чаще всего так называемая титульная нация, то есть та, по которой названа республика, – она составляет много-много-много меньше 50 процентов. И тем не менее создается антидемократия: меньшинство должно управлять большинством.

Да, нация должна контролировать, административно контролировать, только ту территорию, где она составляет ясное большинство, а лучше – квалифицированное. Две трети, три четверти – тут не может быть спора. И никто не говорит о культурном развитии. Культурному развитию я посвятил в свое время много выступлений; я за расцвет культур всех наций, даже тех, которые 500 человек в себе содержат. Но сегодня в этих республиках русское большинство утеснено и унижено. А между тем русские в России составляют более чем квалифицированное большинство – четыре пятых. В 93-м году обе тогда непримиримо борющиеся группировки в страстной охоте за голосами автономных республик допускали им подачки, обещания, – и гуляли такие фразы: «Самостоятельные международные шаги автономий»... Да ведь это сумасшедший дом! И вот тогда края и области – наши, русские! – в отчаянии стали объявлять себя тоже республиками, чтоб тоже получить какие-то права. Я издали

наблюдал и это; сердце разрывалось. Я убежден, что в то время, во второй половине 93-го года, Россия начала распадаться. И в считанные месяцы ей предстояло распасться. А еще эти отдельные договоры центра с автономиями. Ну кому в голову придет, чтоб Вашингтон пригласил Техас для равных государственных переговоров! Или чтобы боннское правительство стало на равных разговаривать с землей Фальц? А имейте в виду: и Соединенные Штаты, и Швейцария, в отличие от нас, – самые настоящие федеративные государства. Но они понимают, что такое унитарное начало. Унитарного начала если не будет – государство развалится. А у нас вот так.

А еще эти национальные округа. Я посмотрелся во многих местах, но скажу про Тюменскую область два слова. В Тюменской области – два национальных округа. Целых два. Они соответственно имеют своих представителей в Тюменской областной Думе. И вот они приезжают, голосуют и принимают какое-то решение Тюменской областной думы по Тюменской области. Потом они уезжают к себе и заседают в своих Думах, там выносят прямо противоположное решение. После чего говорят: мы – субъекты федерации. И сразу едут жаловаться в Москву. Что остается от Тюменской области? Это еще больший сумасшедший дом.

Но, отходя от этих политических противострастей, признаем нашу всеобщую великую дремоту всех нас: и законодательной власти, и исполнительной власти, и всего нашего народа в нашем чудовищном равнодушии к 25 миллионам отрезанных от нас соотечественников. Три года назад наше руководство с легкостью признало фальшивые административные границы, навязанные Лениным, его последователями; признало их государственными. И в 24 часа наши соотечественники оказались за границей (в кавычках) иностранцами (в кавычках), многие в тех местах, где жили отцы их и деды, – а теперь они притесняемые, а теперь они изгоняемые. А мы? Эта глухота национального сознания, которую я не могу назвать иначе как национальным безумием. Где вы видели такое вообще в мире? Попадают в беду один, два, три, четыре гражданина какой-нибудь страны. Собирается чрезвычайный совет министров, посылаются флоты на устрашение и для демонстрации. Или когда-нибудь Германия признавала ГДР за границей? А мы все признали. Мне пришлось сильно столкнуться с этим на сибирском пути. На сибирском пути я контактировал с федеральной эмиграционной службой – раз, – и, во-вторых, ко мне приезжали делегации из Южной Сибири (так называемого теперь Северного Казахстана) с рассказами о своем утеснении – национальном, культурном, духовном, служебном, финансовом... Я с этим сильно столкнулся: я брал цифры и видел, как мало мы отпускаем на помощь нашим соотечественникам, какие жалкие пособия в размере минимальной зарплаты дают ограниченному числу категорий: сиротам, инвалидам, матерям, пенсионерам, и кому это удается – получить ссуду, – это счастливчик. А мы никого не освобождаем от налогов. Говорят, нет денег. Да, – у государства, допускающего разворовку национального имущества, не способного взять деньги с грабителей, нет денег.

Говорят: «Нет денег». Да, – у государства, которое, переходя к демократическому строю, утроило свою бюрократию. Говорят: «Нет денег»... Но пустуют – я ехал! – пустуют, пустуют российские земли. Так помогите нашим соотечественникам их заселить! И это мы отвергаем их при нашей смертности; мы отвергаем их – при том, что едет наилучший профессиональный элемент, все еще не потерявший вкуса к творческому труду. Опять нет законодательства. Есть еще встречная волна так называемых мигрантов. Объявили себя республики суверенными государствами. Но почему-то их граждане приезжают к нам с большими деньгами и не идут в какую-нибудь федерально-эмиграционную службу, и не идут вообще ни к каким властям, – а просто сразу покупают дома, квартиры, земельные участки и место для своей работы. И мы ничего не можем сделать, нет – потому что нет законодательства об иностранцах: Государственная Дума опять не успела дать закон об иностранцах. И я сегодня столкнулся в Ставропольском крае (я не буду отвлекать ваше внимание)... Они подробно описали, насколько это незаконная эмиграция. (Это горячая точка. Там рядом все.) Насколько эта незаконная эмиграция ущемляет коренное население: в жилье, в коммунальных услугах, в транспорте, в медицине, в образовании, в имущественных объектах. Они пытались ввести квоты, визы; пытались установить срок оседлости, после которого приезжий может требовать участия в приватизации. Некоторое ГПУ (надо же насколько потерять чувство языка!), ГПУ при президенте – это главное правовое управление – поставило «нет». Нет, по-

тому что это нарушает права человека. Ну поезжайте в Америку с любыми деньгами без разрешения, – посмотрим, будут с вами разговаривать о ваших правах человека или не будут: «в 48 часов назад!»

Наконец, мы же страна без контролируемых границ. Как и во всем мы вышли из коммунизма самым искривленным, самым нелепым, самым болезненным образом, так и здесь.

Россия из самых первых республик объявила свою «независимость». От кого независимость – от 25 миллионов брошенных соотечественников? В Беловеже близоруко не позвали Назарбаева. Почему? В Беловеже близоруко поверили Кравчуку – безо всяких гарантий, что действительно будет реальный государственный союз. («Действительно будет»... Он на второй день рассыпался.) А потом кинулись в другую крайность. Создали хрупкое безжизненное СНГ. Вы сами видите: кто серьезно верит в СНГ или что оно будет существовать?

Надеюсь, в моей последней недавней статье – «Русский вопрос в конце XX века» – мне удалось показать, что это были исторические ошибки России: проникать в Закавказье и проникать в Среднюю Азию. Так вот: пришла пора эти ошибки исправлять. Из Средней Азии и из Закавказья пришла пора нам полностью уходить. Средняя Азия и Азербайджан сегодня со страстью идут в мусульманский мир. Они неизбежно туда вольются. Мусульманский мир растет. Это будет великое явление XXI века. Не надо нам там путаться. Но нельзя же при этом отказывать Белоруссии. Белоруссия тянулась к нам, мы отказались из соображений кармана и экономики, которые, конечно, у нас выше всего. Мы как будто не видим, что сегодня в массах белорусского и украинского народов растет понятие, что это – болезненный разрыв многомиллионных родственных связей, что мы – родные народы, что мы должны быть вместе.

А вот из Казахстана – из Казахстана нам никак нельзя бежать. И я говорил это делегациям, приезжавшим ко мне. В Казахстане казахи составляют еле-еле 40 процентов. А 60 процентов – неказахов. И Назарбаев прекрасно это понимает. И Назарбаев все время предлагает кооперацию нам. Только кооперацию, я бы сказал, не в тех формах. Он предлагает кооперацию в виде: вот сверх всех наших бюрократий, которые уже невыносимы, построить еще наднациональную, из пятнадцати государств еще бюрократию, еще много там советов и организаций, – и вот там по праву единогласно голосовать: если кто вето положил – в лоб вето, а иначе (пугает он нас), а иначе соединимся с Турцией, – то есть сделают наших соотечественников подданными будущей Турецкой империи.

Назарбаев чувствует необходимость кооперации, и мы должны ему эту кооперацию дать. Мы должны ему прежде всего дать кооперацию, это уж безусловно и в первую очередь. Но я бы сказал, мы должны ему дать и такую кооперацию: совместную с Казахстаном охрану южной и юго-восточной границы Казахстана. Нелепо и бессмысленно нам строить границу от Казахстана, где столько наших; но и нелепо, бессмысленно и преступно нам ронять российскую кровь между Таджикистаном и Афганистаном. Какое наше дело, что там происходит между группировками? Какое наше дело в той войне? Не там нам стоять. Я думаю, что мы должны с Казахстаном заключить вот такое соглашение: кооперативное, по границам. И защита притесняемых сегодня культурно, и служебно, и духовно наших соотечественников в Казахстане должна быть главным содержанием нашей внешней политики вот тут, – а меньше всего мы ее чувствуем!

Я четыре года назад говорил и повторю сегодня: надо стремиться к единому государственному союзу трех славянских республик и Казахстана. На пути моем я встречал еще такие очень резкие высказывания от простых, бесхитростных людей, но и от весьма грамотных, но и от наших, отечественных предпринимателей – и тамошних. Они говорили: «Поймите, поймите! Россию разваливают с умыслом; это не может быть чьим-то задуманным планом, но слишком последовательно разваливают, чтобы все это было только безмозгло». Я всюду спорил. Я везде отрицал. Я говорил: нет заговора, нет умысла. Но если столько недомыслия, тогда что есть? А вот что, очевидно, есть: необузданные корыстные интересы поднялись высоко-высоко по ветвям власти – и многие в сетях корысти.

Вот в 93-м году Краснодар, Краснодарский и Ставропольский края изобиловали зерном – а у нас почему-то покупали за границей. Сегодня пропадает оренбургское зерно – а мы покупаем за границей. Это почему?

Сравню – еще раз вспомню российских либералов 1917 года. Они были незадачливые. Они, взяв власть, растерялись. Они довели Россию до хаоса, но ни один из министров Временного правительства не был взяточник; ни один из министров Временного правительства не был вор.

Мне уже не остается времени о многом сказать. И я больше всего хотел бы сказать о грядущем – все о грядущем, но к счастью, еще не состоявшемся, – законе «О земле».

Говорил и буду еще говорить. Да, строго говоря, если в третьей Государственной Думе, вот тут, в зале, сидело 50 натуральных крестьян-хлеборобов, – сидит ли сегодня здесь один-два хлебороба натуральных? Или только представители совхозно-колхозного начальства?

Продавать землю с аукциона, скороспелым нуворишам, – это значит продать саму Россию.

Остальные станут батраками, но страна земельных батраков никогда не станет демократией.

А в заключение разрешите перейти снова к вашей пятой Думе. Я не могу скрыть огорчений, что здесь происходят время от времени скандалы: бойкоты, спектакли демонстративных уходов или изнурительные процедурные споры. И это при вялом темпе законодательной работы и поверхностном характере иных, уже принятых законов.

Еще есть одна общая с прежними Думами сторона. Я отмечал в тех Думах: из 400 депутатов на трибуне всегда мелькало каких-то 15–20 – одних и тех же, одних и тех же... Боюсь, что это немного наблюдается и у вас.

Еще сравню с прежними Думами. Дореволюционные думцы имели весьма скромное жалование; они не имели ни казенных квартир, ни казенного транспорта, ни череды оплаченных зарубежных командировок, ни устройства на летний отдых... К сожалению, ныне личный пример думцев не дает образца самоограничения другим ветвям центральной власти и эшелонам региональной власти. Небольшая часть депутатов в свое время, я знаю, пыталась протестовать против привилегий, но смолкла, а жаль. Меньше было бы привилегий у власти, не стало бы в избирательных кампаниях пустопорожних, ложных кандидатов, которые только болтаются ради себя. Власть – это не добыча в конкуренции партий. Это не награда, это не пища для личного честолюбия. Власть – это тяжелое бремя, это ответственность, обязанность, – и труд, и труд. И пока это не станет всеобщим сознанием властвующих, Россия не найдет себе благополучия.

Я, однако, сохраняю веру, что путь к исцелению России не закрыт. И через все разращения, и через все уничтожения, пережитые нами за 70 лет, наш народ еще удивительно сохранил и разнообразный духовный потенциал. Я верю, что он одолеет и этот новый вид духовной заразы и презренных соблазнов.

Я неоднократно повторял: наша высшая и главная цель – это сбережение нашего народа, столь уже измученного. Сбережение его физического бытия, его нравственного бытия, его культуры, его традиций. И может быть, еще нынешнему составу законодателей предстоит сделать первые исторические шаги на пути к подлинному, а не показно-фальшивому, народному самоуправлению.

АКАДЕМИЧЕСКАЯ И ЛЕКЦИОННАЯ РЕЧЬ

Русское академическое красноречие как самостоятельная разновидность ораторского стиля развилось и утвердилось в XIX в. Основу любого академического выступления составляет стиль нейтральной литературной речи и специальный словарь (включая терминологию) того научно-профессионального направления, к которому относится речь лектора, преподавателя, профессора. Слово должно быть в этом случае «по росту мысли», как выражался В. О. Ключевский. Он заметил: «Гармония мысли и слова – это очень важный и даже нередко роковой вопрос для нашего брата преподавателя...»

Корень многих тяжелых неудач наших – в неумении высказать свою мысль, одеть ее как следует. Иногда бедненькую и худенькую мысль мы облечем в такую пышную форму, что она путается и теряется в ненужных складках собственной оболочки и до нее трудно добраться, а иногда здоровую, свежую мысль выразим так, что она вянет и блекнет в нашем

выражении, как цветок, попавший под тяжелую жесткую подошву» (В. О. Ключевский. С. М. Соловьев как преподаватель).

Образцом речи вузовского лектора можно считать помещенную в хрестоматии лекцию академика А. А. Ухтомского «О знаниях», прочитанную им студентам первого курса биологического отделения Ленинградского университета. Несмотря на то, что эта лекция была предназначена для аудитории «естественников», ее центральная тема – тема знаний и нравственности – актуальна для любого вуза, и тем более гуманитарного. Доступность и ясность разработки главной мысли, умеренное употребление специальных терминов, общий эмоциональный строй лекции и хороший литературный язык – эти качества обеспечили лекции успех: она была опубликована в журнале «Наука и жизнь» в 1965 г. (№ 2. С. 49).

Второй фрагмент – беседа академика В. В. Виноградова «О культуре русской речи», которая представляет собой одну из лекций, прочитанных в центральной лектории общества «Знание» г. Москвы (в начале 60-х гг.), затем прозвучавшую на Всесоюзном радио. Лекция-беседа была адресована самому широкому кругу слушателей. В ней до сих пор ощущается аромат эпохи, чувствуется отзвук настроений и оценок знаменитых шестидесятых. Особенно интересна намеченная В. В. Виноградовым классификация всех небрежностей и «неправильностей» в речи, вызванных неполным и неточным владением нормами литературного языка. Эти явления наблюдаются и поныне. Поэтому рассуждения В. В. Виноградова несколько не устарели.

А. А. УХТОМСКИЙ. О ЗНАНИЯХ

(произнесена в 1938 г., опубликована в 1965 г.)

Ежегодно все новые волны молодежи приходят с разных концов в университет на смену предшественникам. Какой мощный ветер гонит сюда эти волны, мы начинаем понимать, вспоминая о горестях и лишениях, которые приходилось испытывать, пробивая преграды к этим заветным стенам. С силой инстинкта устремляется молодежь сюда. Инстинкт этот – стремление знать, знать все больше и глубже. Силу эту приходится назвать инстинктом потому, что она поистине владеет нами, не считаясь с нашими частными побуждениями, маленькими личными удовольствиями и страхами. И если искать для этой силы достойного носителя, то это, народ. Подчиняясь инстинктивному устремлению к знанию, мы делаем историческое дело народа, которому принадлежим.

Каким пожеланием встретить нам, старикам и предшественникам, вас, вошедших с новой волною на биологическое отделение? Не надо скрывать: кроме радости открывающегося знания, вам предстоит немало мелких забот, огорчений, нехваток, неизбежных в переорганизывающейся жизни студенчества. Так пусть эти мелкие затруднения не будут сильны снизить ваш молодой энтузиазм. Пусть энтузиазм крепнет все более по мере прохождения университетского курса. Будет ли вам суждено остаться здесь надолго в качестве сменя преподавателей и профессоров, или вы возвратитесь в те поселки, деревни и города, которые послали вас сюда, – пусть не покидает вас память о том, что здесь ли, там ли, все равно вы живете и работаете для народа, который передал и поручил вам этот инстинкт к знанию и ждет от вас его плодов. Как частица народа внесены вы сюда очередной волною, как частица народа напитываетесь здесь знаниями, как частица народа отдает ему приобретенное здесь. Задача ваша и наша не в том, чтобы развивать здесь какое-то исключительное, эсotericкое знание, доступное немногим и отделяющее избранную «аристократию ума» от непосвященных. Настоящий успех для вас и для нас только там, где удастся раскрыть подлинно эсotericкое² знание, открытое принципиально для всех и всех зовущее к себе.

Будем всегда помнить принцип Аристотеля, основоположника естествознания и биологии: «Действительно знать – значит уметь научать ребенка». Знание, неспособное себя передать, – это знание лишь кажущееся, служащее только самоудовлетворению того, кто им обольщается. Не найдись, как объяснить другому, – это знак того, что сам понимаешь плохо. Подлинное знание живо и практично, оно несет в своем существе тенденцию к передаче и распространению. Если знание замыкается, это говорит не о том, что оно чрезмерно глубоко-мысленно, а о том, что оно недостаточно! Учить для нас – значит всегда учиться. А учиться –

значит достигать такой ясности и полноты, при которых знание становится очевидным для всякого.

Взятый у нас курс на непрерывную производственную практику студентов и имеет тот смысл, что еще за время прохождения курса приобретаемое знание проверяется живою пробой, насколько вы способны его передать, где и в чем оно недостаточно и требует углубления для того, чтобы передача его пошла сама собою, как простое и естественное дело.

Подлинный смысл непрерывной практики нашего студенчества совсем не в том, чтобы технологизировать университетскую науку. Технологизирование знания по необходимости делает его поверхностным и близоруким. Люди учатся применять научную формулу, не задаваясь «нескромным вопросом», откуда и как она произошла. Смысл практики у нас в том, чтобы в наибольшей степени углубить приобретаемое знание, уяснить его до конца так, чтобы передача его стала простым и естественным осуществлением его назначения.

Итак, в добрый час! Огорчения и преграды пусть забываются ради радости знать, знать все больше и глубже!

В. В. Виноградов. О культуре русской речи

(начало 60-х гг.)

Русский язык – язык великого народа, язык великой литературы. <...>.

Величие и мощь русского языка общепризнанны. Русский язык, как говорил еще Фридрих Энгельс, считается «одним из самых сильных и самых богатых языков» мира. Гимны русскому языку, его богатству и выразительности можно найти в сочинениях и размышлениях почти всех крупнейших русских писателей. Для Тургенева, например, раздумья о судьбах Родины были неотделимы, неотрывны от мысли о «великом, могучем, правдивом и свободном русском языке».

<...> Русский язык стал интернациональным языком, языком межгосударственного общения и культурно-идеологического взаимодействия между всеми народами Советского Союза. Русский язык распространяется везде, в странах Запада и Востока. Интерес к его изучению возрастает на всех материках нашей планеты.

В этих условиях неизмеримо усиливается, увеличивается ответственность всех нас, тех, для кого русский язык является родным, за его чистоту и правильность, за его точность и выразительность. «Надо вдумываться в речь, в слова», – говорил Чехов. «Надо воспитывать в себе вкус к хорошему языку; как воспитывают вкус к гравюрам, хорошей музыке», – убеждал Алексей Максимович Горький молодое поколение советских писателей. Изучение языка помогает открыть законы его развития, правила его употребления и способы обогащения.

Народ – не только творец языка, но и двигатель его истории. Народ, вместе с тем, стоит на страже сокровищ своего родного слова, пользуясь ими и умножая их в своей речи и словесно-поэтическом творчестве <...>. Литературный язык становится, по образному выражению Горького, «оружием» всего народа... Известный наш языковед академик Щерба тонко охарактеризовал своеобразие развития русского языка в советскую эпоху. «Нетрудовые элементы потеряли вес в обществе, – говорил он, – вопросы производства и его организации стали в центре внимания, элементы политического образования стали внедряться в общественное сознание вместе с стремлением в том или другом отношении заполнить пропасть между умственным и физическим трудом. Все это привело к тому, что производственная терминология стала вливаться широкой струей в наш литературный язык, расширяя знакомство с элементами разнообразных производственных процессов» <...>.

В быстром и сложном процессе развития современного русского языка закономерно и естественно возникают колебания, а также болезненные, отрицательные явления в приемах его употребления, в способах применения разных его стилистических средств, в практике словопроизводства и словоупотребления, в отношении к литературно-языковым нормам.

Причин такого рода отклонений от чистоты и правильности речи очень много: и неполное усвоение норм литературного выражения, и недостаточно бережное отношение к языковой традиции, и неумение, и нежелание разобраться в смысловых качествах разных слов, и влияние «дурной моды», разных жаргонов, и желание щегольнуть словом или фразой, кото-

рые кажутся острыми и выразительными, и многое другое, что свидетельствует о слабой культуре речи, о неразвитости «чутья языка».

Эти нарушения чистоты и правильности литературной речи обычно расцениваются как «порча» языка и вызывают у ревнителей чистоты родного языка огорчение и справедливое возмущение, побуждают их к активной борьбе с отклонениями от литературных норм, от правильного употребления такого богатого, живописного и могучего языка, как русский классический язык. Потому что, действительно, как убеждал Горький, «борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка – есть борьба за орудие культуры».

Как же нужно бороться за чистоту, точность и правильность языка? Необходимо широкое, общенародное распространение научных сведений о законах и правилах русского языка, о его стилистических богатствах, о путях его развития, о способах образования новых слов, об огромной роли языка как «орудия культуры», как средства познания, и обо многом другом, относящемся к вопросам и задачам культуры русской речи. Необходимо воспитание эстетического чутья языка и глубокого сознания ответственности за честное и чистое обращение с ним.

Каждый из нас, из тех, кто относится к русскому языку как к родному и свободно пользуется им в своей общественно-речевой практике, является, вместе с тем, и участником грандиозного процесса народного «языкотворчества», по выражению Маяковского, и все мы должны внимательно наблюдать и соблюдать законы и правила своего родного языка.

Вот один пример пренебрежительного отношения к правилам языка. В одном из номеров журнала «Октябрь» за тысяча девятьсот пятьдесят девятый год помещена статья Денисовой о книге А. Колоскова, посвященной Маяковскому. Там было употреблено слово «маяковедение» для обозначения науки о творчестве Маяковского. Это слово сочинено с явным нарушением норм современного словотворчества. Действительно, маяковедение – это скорее наука о маяке или маяках. Следуя этому примеру, мы должны были бы говорить об исаковедении (изучение поэзии Исаковского), помяловедении (изучение сочинений Помяловского), жуковедении (изучение творчества Жуковского) и тому подобное. Здесь очевидна неправильность словообразования.

Чтобы воспитательная работа в области культуры русской речи была действительно действенной и плодотворной, надо определить, с чем бороться, что признать ошибками и неправильностями, типичными для современности. И главное: надо выделить именно ходовое, типичное, а не развлекаться анекдотами, уродствами индивидуального словоупотребления. Между тем, многочисленные статьи о культуре речи, о том, как говорить или как научиться говорить правильно и красиво, появляющиеся в наших журналах и газетах, нередко направляют свое внимание именно в сторону анекдотических случаев и сцен.

Не претендуя на исчерпывающую полноту, можно распределить трудности, и неправильности, широко распространенные в современной русской речи, по нескольким группам или категориям.

Во-первых. Самая сложная и разнообразная по составу – это группа небрежностей и «неправильностей» в речи, вызванная недостаточным знанием стилистических своеобразий или смысловых оттенков разных выражений и конструкций, а также правил сочетания слов. Это – результат неполного овладения или, во всяком случае, еще очень неточного, нетвердого владения системой современного русского литературного языка, его словарем и синтаксисом, его стилистическими средствами. Тут, прежде всего, выделяются случаи нарушения или неоправданного разрушения старых устойчивых словосочетаний и неудачного образования новых. Например, в разговорной речи: «гулять по больничному листку», «убирать помещение в доме», «переживать за сестру», «дать характеристику на кого-нибудь», «утрясти вопрос», «львиная часть» (вместо: львиная доля), «играть значение» (вместо: играть роль или иметь значение); «одержать успехи» (вместо: добиться успехов или одержать победу); «носить значение» (вместо: носить характер, иметь значение); «разделить на две неравные половинки»; «тратить нервы» (вместо: портить нервы); «играть главную скрипку» (вместо: ... первую скрипку); «заварился сыр-бор» (вместо: загорелся сыр-бор); «криминальное преступление»; «мемориальный памятник» и тому подобное.

Такого рода примеров скрещивания, контаминации (как говорят лингвисты) разных выражений, имеющих близкое или сходное значение, неоправданных стилистических и словесных сближений, смешений и так далее, больше всего встречается в небрежной речи. Сюда же примыкают и такие неправильности словоупотребления, как например, взад-назад вместо: взад и вперед, дожидать вместо дожидаться (но сравните – ожидать); подружить вместо: подружиться (и сравните – дружить с кем-нибудь) и другие подобные.

Во-вторых. К границам разговорно-литературной речи приблизились и иногда беспорядочно врываются в сферу литературного выражения слова и обороты областного или грубого просторечия: ложить (вместо класть), обратно вместо опять («обратно дождь пошел»), крайний (вместо последний), взади (вместо сзади), заместо (там, где нужно: вместо) и так далее.

Естественно, что широкий поток этого просторечия несет в разговорную речь слова и выражения, характеризующиеся разной яркостью областной окраски и разной степенью близости к литературному языку. Разобраться во всем этом должен помочь словарь «Правильность и чистота русской речи», подготовленный Институтом русского языка Академии наук и посвященный трудностям и неправильностям современного словоупотребления. Ведь с просторечием связаны специфические выражения и обороты речи вульгарного или фамильярного характера. Например, дать по мозге; устройте пару билетиков, по-страшному, потихому (вместо: страшно, тихо); толкнуть речугу; всю дорогу – в значении: «все время» и многие другие.

Эти явления в разных стилях и разновидностях современной разговорной речи выступают настолько ощутимо, что они больше всего вызывают протест со стороны отстаивающих чистоту и правильность русского литературного языка и чаще всего обсуждаются в нашей печати.

Третье. Еще одно явление в жизни современного русского языка, особенно в разговорной речи, вызывающее у многих тревогу и беспокойство, – это широкое и усиленное употребление своеобразных вульгарных, а иногда и подчеркнуто-манерных жаргонизмов. От них веет и специфическим духом пошлого мещанства и налетом буржуазной безвкусицы. Таковы выражения: «оторвать» в смысле: достать, приобрести («оторвать туфли с модерными каблучками»); «что надо», «сила» – в смысле: замечательный; «звякнуть» (по телефону); «законно – законный» для обозначения положительной оценки; «газует» (бежит); «категорический привет» и даже: «приветствую вас категорически» (вместо «здравствуйте»); «дико» (в значении – очень: дико интересно); «хата» (в смысле квартира) и тому подобное.

Всех, кто ратует за чистоту русского языка, особенно смущает и возмущает распространение этого вульгарно-жаргонного речевого стиля. Многие готовы квалифицировать его, и вполне справедливо, как «осквернение языка Пушкина, Толстого, Горького, Маяковского».

Вот характерные газетные заявления: «... За последние годы среди молодежи появились тенденции к созданию какого-то особого, так называемого «стильного» языка, который, как это ни прискорбно, «обогащает» свою лексику из запасов воровского жаргона» (цитирую «Актюбинскую правду»).

«Употребление... слов, зачастую заимствованных из дореволюционных воровских жаргонов, можно объяснить лишь одним – низкой культурой и духовным уродством тех, кто «украшает» ими свою речь, стремясь обратить на себя внимание», – пишут в газете преподаватели из города Ленинабада.

В этой очень пестрой, но всегда мутной струе вульгарной и фамильярной бытовой речи можно – при более внимательном рассмотрении и изучении – разграничить несколько жаргонных слоев или пластов и даже несколько социально-речевых жаргонных стилей вульгарного и фамильярного характера.

Печальнее всего то, что подобное жаргонное словообразование в зарубежных работах, посвященных русскому языку, иногда относится к характерным качествам культуры нашей студенческой молодежи. Так, в статье доцента Стокгольмского университета Нильса-Оке-Нильссона, недавно напечатанной в шестом томе датского журнала «Сканда-Славика», – «Советский студенческий слэнг» (то есть жаргон) помещается словарик такой речи советских студентов: блеск в значении превосходный, железно мешок времени; предки (в значе-

нии: родители); спихнуть экзамен; старик, старикан (значение: профессор); шпаргалитэ; удочка (удовлетворительно) и тому подобное.

Четвертое. Не менее тяжелым препятствием для свободного развития выразительных стилей современного русского языка является чрезмерное разрастание у нас употребления шаблонной, канцелярской речи, ее штампованных формул и конструкций. Об этом так писал Константин Паустовский: «Язык обюрокрачивается сверху донизу, начиная с газет, радио и кончая нашей ежеминутной житейской, бытовой речью». «Нам угрожает опасность замены чистейшего русского языка скудоумным и мертвым языком бюрократическим. Почему мы позволили этому тошнотворному языку проникнуть в литературу?» Оценочные эпитеты, излишества экспрессии – это индивидуальные свойства стиля Паустовского, но основная мысль ясна.

В этой связи нельзя не вспомнить об ироническом отношении Владимира Ильича Ленина «к канцелярскому стилю с периодами в тридцать шесть строк и с «речениями», от которых больно становится за родную русскую речь».

Жалобы на засилие штампов канцелярско-ведомственной речи в разных сферах общественной жизни раздаются со всех сторон.

Так, в письме Чуракова в редакцию «Известий» – «О родном нашем языке» – сказано: «На наш повседневный разговорный язык, язык газеты, радио, плаката все сильнее наступает неповоротливый язык канцелярии. Он проникает даже в литературу».

Писатель Леонтий Раковский свою статью «Чувство языка», опубликованную в «Литературной газете», начинает так:

«Федор Гладков считал канцеляристов сомнительными учителями русского языка. К сожалению, канцеляристы не только учителя, но и – прежде всего – «творцы» того серого, мертвого языка, который так засоряет нашу речь... Это им принадлежит словесный мусор, рожденный в недрах протоколов и отчетов: «зачитать» и «вырешить», «использовать» и «приплюсовать», «свиноматка» или «рыбопродукт» вместо доброго, живого слова – рыба».

Неуместное употребление казенно-канцелярских трафаретов высмеял писатель Павел Нилин в своих «Заметках о языке» (журнал «Новый мир»):

«В дверь кабинета председателя районного Исполкома просовывается испуганное лицо.

– Вам что? – спрашивает, председатель.

– Як вам в отношении налога...

Через некоторое время в кабинет заглядывает другая голова.

– А у вас что? – отрывается от всех бумаг председатель.

– Я хотел поговорить в части сена...

– А вы по какому вопросу? – спрашивает председатель третьего посетителя.

– Я по вопросу собаки. В отношении штрафа за собаку. И тоже в части сена, как они...»

Комические эффекты вызывает также пристрастие к ученым и изысканно-книжным словам и выражениям, которые употребляются без всякой нужды и нередко в совершенно неподходящей обстановке: например, «лимитировать количество», «фактор времени» и другие подобные.

Пятое. Естественно, что отсутствие прочных и точных литературных языковых навыков, влияние областного говора и просторечия особенно часто обнаруживается в произношении, в воспроизведении звуковой формы слова.

Сюда относятся и колебания в ударении, а часто – просто нелитературные ударения в отдельных словах как разговорного, так и книжного происхождения, и в их формах. Например: средства (вместо средства), общества (вместо общества), облегчить (вместо облегчить), документ (вместо документ), ходатайствовать (вместо ходатайствовать), ненависть (вместо ненависть), жестоко (вместо жестоко), поняла (вместо поняла), обеспечение (вместо обеспечение), дермантин (вместо дерматин); произношение: фанэра, музэй, кофэ и так далее.

Этот очерк или перечень отклонений, отступлений от стилистических норм современной русской речи очень неполон. Он совсем не касается проблем языка советской художественной литературы. Между тем, это особая, важная и большая тема.

Но вопросы стилистики художественной литературы не могут быть разрешены в общем плане культуры речи. Они нуждаются в освещении истории и теории литературно-художественной культуры речи.

ственной речи. Тут, между прочим, открывается новая сфера наблюдений над примерами построения словесных образов и над речевой структурой образов персонажей.

К концу беседы с радиослушателями мне хотелось бы еще раз подчеркнуть огромное значение вопросов культуры речи, значение стилистических навыков и лингвистических знаний.

Высокая культура разговорной и письменной речи, хорошее знание и развитое чутье родного языка, умение пользоваться его выразительными средствами, его стилистическим многообразием – лучшая опора, верное подспорье и очень важная рекомендация для каждого человека в его общественной жизни и творческой деятельности.

Можно закончить эту краткую беседу о русском языке и о некоторых неправильностях в его современном употреблении теми же словами, которыми закончил свою статью о любви к русскому языку покойный советский поэт Владимир Луговской: «Относитесь к родному языку бережно и любовно. Думайте о нем, изучайте его, страстно любите его, и вам откроется мир безграничных радостей, ибо безграничны сокровища русского языка».

СУДЕБНАЯ РЕЧЬ

Судебная монологическая речь по ряду признаков выделяется среди других жанров публичной речи. Прежде всего, она сдерживается сетью нормативно-правовых ограничений, обусловленных узким профессионализмом юридического выступления. Судебная речь произносится с конкретной целью (ср. речи прокурора и адвоката) и в конкретном месте, о чем свидетельствует и ее номинация. Тематика судебной речи может быть весьма разнообразна, но речевое оформление четко ограничено рамками правовой культуры и характером адресата. Главный адресат – это состав суда; в каких-то фрагментах своей речи адвокат и прокурор могут апеллировать и к сидящим в зале суда, и к свидетелям, и к обвиняемому или истцу. Однако основное, чаще всего полемическое, состязание сторон в судебном процессе, которое ведется в целях выяснения истины, рассчитано на судью, состав суда и присяжных: именно они и должны вынести окончательный и справедливый приговор. Целевые установки определяют весь аргументированный и эмоциональный строй судебной речи.

Именно эти качества иллюстрируются в тех фрагментах, которые помещены в хрестоматию. В этом отношении характерна стенограмма речи «Нежданые свидетели» адвоката В. И. Лифшица по делу В. Н. Антонова. Истец Антонов В. Н., старший инженер лаборатории Госстандарта, за появление на работе в нетрезвом виде был уволен по п. 7 ст. 33 КЗоТ. Увольнение обжаловано в Можайский горнарсуд. В удовлетворении иска было отказано. Судебная коллегия по гражданским делам областного суда это решение отменила. При новом рассмотрении дела в народном суде адвокат В. И. Лифшиц представлял интересы ответчика – лаборатории Госстандарта.

В речи – четкая логическая структура; ярко выражена нравственная, этическая позиция адвоката, его способность профессионально выстраивать систему доводов и доказательств. Вместе с тем в стенограмме присутствуют элементы «разговорного» синтаксиса. Так, обращают на себя внимание многочисленные речевые формы внутреннего диалога, несобственно прямой речи; «разговорен» самый характер текстовой связи и подбор воздействующих стилистических фигур. Ср. использование антитезы: «... Так и хочется сказать судьям: в своем решении не записывайте «белое» или «черное»; эмоционального обращения: «... Хочется взывать к совести руководителей лаборатории: ну скорее восстановите несправедливо уволенного работника!», риторического вопроса: «Может ли суд после этого вынести решение иное, чем отказ в иске?» и т. д.

Познавательная ценность приведенного образца не вызывает сомнений.

Второй в хрестоматии помещена защитительная речь адвоката И. М. Кисенишского «Дело Шейхона А. Д. (тенденциозное следствие)». Судебный процесс по этому делу проходил в 80-е гг., но впервые речь была опубликована в 1991 г. Известны следующие обстоятельства дела. А. Д. Шейхон, бывший управляющий трестом «Мосвторысье», был привлечен к уголовной ответственности за хищение государственного имущества в особо крупных размерах и систематическое получение взяток от директоров заготовительных контор. Обвиняемый отрицал свою вину и утверждал, что является жертвой клеветнического оговора и

тенденциозных следственных версий и оценок. Дело было направлено на доследование. Результатом доследования явилось прекращение дела А. Д. Шейхона в связи с отсутствием доказательств его виновности.

Целесообразно подчеркнуть различия двух фрагментов речей, помещенных в хрестоматии. Выступление адвоката И. М. Кисенишского носит менее разговорный характер и более приближено к книжно-письменному варианту речи, чем выступление адвоката В. И. Лифшица. В нем в большей степени выражена установка на этику суда и особое назначение правосудия. Отсюда – выбор фразеологии высокого регистра и форм повелительного наклонения: идет ... ответственный процесс искания истины; глубокое возмущение тем, как несправедливо и безответственно отнеслись к актуальным вопросам государственного значения; должны восторжествовать высокие принципы законности и социальной справедливости и т. д. Даже внешнее сравнение двух речей разных адвокатов помогает уяснить различия в их стилистических вкусах и пристрастиях, а также своеобразие культуры юридической речи.

В. И. Лифшиц. Нежданные свидетели

(стенограмма речи) (1990)

Уважаемые судьи!

Если вам когда-нибудь скажут, что при рассмотрении гражданско-правовых споров не возникает детективных сюжетов, захватывающих дух ситуаций, кипения страстей, – не верьте этому.

Сложилось одностороннее убеждение, что советский суд оказывается эффективной школой воспитания, соблюдения дисциплины труда, прав граждан – но только при рассмотрении дел уголовных. Дела гражданские такого впечатления не оставляют.

Рассматриваемое нами дело – тому подтверждение.

Эти дни, пока вы расследуете детали спора, я раздумываю о превратностях судьбы: какая нелегкая ноша порой выпадает на долю судей – восемь человек, возраста весьма почтенного, выступают свидетелями и согласно говорят: «белое». Заявления их вроде бы искренние.

Одиннадцать свидетелей других, люди помоложе, с убежденностью утверждают: «черное».

И эта группа подкупает своей отзывчивостью, открытостью.

Выслушав и тех и других – так и хочется сказать судьям: в своем решении не записывайте «белое» или «черное», не обижайте никого, скажите – безлико: «серое», да и делу конец!

Увы, суду дано сказать одно: или только «белое», или только «черное», потому что какая-то группа свидетелей говорит явную ложь, а правда может содержаться только в показаниях другой группы.

Вот и текут напряженные судебные будни. С учетом первого процесса, иск Антонова мы рассматриваем уже пятый день.

По этому иску схлестнулись два мнения. Группа сослуживцев истца в один голос говорит: Антонов пришел 30 июля 1984 г. после обеденного перерыва на работу пьяным.

Другая группа свидетелей прямо не опровергает эти показания, но представляет впечатляющие доказательства обратного. Каким Антонов был на работе после перерыва – они не видели, но появление его пьяным после обеда исключается. До перерыва на обед Антонов был трезвым. Обедал в родительском доме. В этот период был на глазах шестерых человек, они все свидетели истца. За обедом – спиртного ни-ни. Возвращаясь на работу, напиток также не мог. От порога дома отец на автомашине подвез сына к дверям лаборатории. Абсолютно трезвого.

За столетия судебной деятельности выработан могучий арсенал средств для выяснения истины. И сегодня необходимо определить: представители какой из групп свидетелей являются носителями этой самой истины. Дело, как известно, рассматривается вторично, и мы считаем, что правильное разрешение вопроса содержится как раз в предыдущем решении суда. Оно, хотя и отменено, все же верно освещает события спора. И если, несмотря на это, по существу обоснованное решение отменили, то – с нашей точки зрения – лишь потому, что

предыдущий состав суда неуважительно отнесся к требованиям закона о производстве тщательного анализа доказательств, показаний свидетелей, которыми суд попросту пренебрег. Судьи «отмахнулись» от доказательств одной лишь фразой – «не заслуживает доверия» – вот и вся аргументация.

Однако мотивы суда должны быть убедительными. К этому обязывает суд и требования закона.

То, что доступно суждению судей, – доступно и суждению сторон. Поэтому мы, в меру сил своих, остановимся на показаниях, которые следует отвергнуть, предварив это вескими мотивами. Конечно же, речь пойдет о показаниях свидетелей истца.

Сразу обращает на себя внимание несколько странный подбор свидетелей в «команде» Антонова. Возглавляет ее Михаил Евгеньевич Антонов – отец истца, ему вторит Нина Петровна Антонова – мать истца. Далее выступает Антонова Ольга Константиновна, которая очевидцем событий не была, по делу ничего сказать не может, но она – жена истца и, нарушая чувство меры, просит записать в свидетели и ее.

В свидетелях значится Мария Никифоровна Николаева – мать Ольги Константиновны Антоновой, теща истца. В ближайшем окружении уволенного – Кружкова Татьяна Андреевна. На вопрос суда об отношениях с истцом – убежденно заявила: «Выручаем друг друга». Кружкова и не подозревала, сколь символично прозвучало ее признание.

Хотя закон не предусматривает какого-то особенного предупреждения об ответственности за дачу ложных показаний родственников, свойственников, друзей сторон по делу, согласитесь: предвзятый подбор истцом своих свидетелей требует и должного внимания от судей к содержанию их показаний.

Знаменательно, что в соответствии с дореволюционным Уложением о наказаниях родственники по прямой и супруги не могли быть подвергнуты наказанию за дачу ложных показаний в отношении близкого им человека.

Отдадим должное всем свидетелям истца: они блестяще подготовились к процессу.

У юристов бытует правило: хочешь изобличить человека во лжи – спрашивай его по мелочам, о деталях. Но присутствующие убедились, что даже в деталях все дали показания одинаковые: с точностью до минуты отметили время прихода Виталия Антонова к родителям на обед, время его отправления с отцом в лабораторию.

Не спутали, чем потчевала сына в этот день мамаша, во что он был одет, что говорил в коротких перерывах между едой...

Послушаешь эти отрететированные речи – и хочется взывать к совести руководителей лаборатории: ну скорее восстановите несправедливо уволенного работника!

Кстати, отдадим должное истцу: на случай разоблачения перечисленных свидетелей была сооружена «вторая линия обороны». И здесь не обошлось без близких людей. Помните: по грибы теща истца ходила со своей подругой Кторовой. А это было через две недели после случая с выпивкой. Уже уволенный Антонов сдавал дела. И приходил в лабораторию непременно с отцом. Николаева (теща), заметив автомашину Антонова-старшего, полюбопытствовала, что это сват на край города заехал. Зашла в коридор здания, а (надо же было такому случиться!) сотрудница Кузьмина ее зятю выговаривает: «Ты со мной не спорь. Вот трезвым ты был две недели назад. Все это знают, а мы тебе пьянство прилепили и по статье уволили!» Кторова это тоже слышала, поскольку оказалась в коридоре постороннего учреждения.

Напрасно инженер Кузьмина опровергает сенсационное разоблачение, настаивает, что в тот день даже не видела ни Антонова-сына, ни Антонова-отца. Однако обе женщины, свидетели истца, клянутся, что такую фразу Кузьминой слышали, и отец, и сын Антоновы это подтверждают.

Правда, на вопрос о том, в чем была одета в «исторический» день Кузьмина, свидетели приводят четыре варианта одеяния носителя этой информации. Беда защитников «второй линии обороны» в том, что, как убедительно показали сослуживцы Кузьминой, ни одного из описанных вариантов одежды в ее гардеробе не было. Как это объяснить?

Еще одно не смогли учесть, не предвидели мои противники. Вы заметили, что мы не заявляли никаких ходатайств перед слушанием дела и о вызове двух дополнительных свиде-

телей попросили только сегодня. Зачем же помогать недобросовестной стороне – пожалуй, успеют возвести и третью линию обороны!

Суд согласился допросить посетителей лаборатории, общавшихся с Антоновым 30 июля. (Вспомните: истец сначала и не признавал Владимира Ивановича Овечкина за того человека, который вступал в служебные отношения с ним, Антоновым).

Аттестат № 11 на руках свидетеля, подписанный истцом с указанием дня его выдачи – 30 июля, расставил все на свои места. <...>.

Хотя проверка продолжалась не более получаса, Антонов не торопился выдавать документ, тот самый Аттестат № 11, который теперь у вас в деле.

Узнав, что клиенты прибыли на автомашине, Антонов обстановку оценил мгновенно: предстояло пешее путешествие на обед и с обеда через весь город. Поэтому выдача Аттестата Государственным поверителем задерживается. Вот если бы водитель его подвез, он, пожалуй бы, постарался и – так уж и быть – после обеда оформил бы документы.

Овечкин и Семькин не заставили себя упрашивать. – Куда повезли Антонова обедать? – спрашивали судьи приезжих из Бекасова. Ответ был единым: «К кинотеатру Слава».

Но ведь за судейским столом – жители Можайска. Они прекрасно знают, что этот кинотеатр находится в противоположной стороне от дома родителей Антонова. Я переспрашивал бекасовского водителя: если бы Антонов попросил вас довезти к дому его родителей, на гораздо большее расстояние – все равно, куда везти Антонова, лишь бы быстрее получить Аттестат. Маршрут назвал он».

Минут через сорок Антонов, по словам свидетелей, возбужденный, разгоряченный, появился у того же кинотеатра, где приказал его ожидать.

10 минут езды, знакомая вывеска лаборатории – и подписанный Аттестат вместе с проверенными манометрами в руках его обладателей!

Водитель Семькин припомнил и такую деталь: на обратном пути он угостил Антонова яблоками.

Истца дар этот, видимо, воодушевил чрезмерно: «Слышите, – заметил он судьям, – а ответчики заявили, что я этот день не работал. А я и работал, и даже яблоки ел».

Где же все-таки Антонов так хорошо в этот день «пообедал»? И как же с обратным возвращением?

Ведь седовласый отец клялся, что после обеда именно он возил сына от своего дома до нашего учреждения. Теперь же Антонов-младший опровергает Антонова-старшего, припоминает, что если и ел яблоки, то отнюдь не родительские. Пусть судьи решат, были ли показания свидетелей истца заведомо ложными или, как деликатно решил прокурор в своем заключении, эти свидетели добросовестно заблуждались: по всей вероятности, они запомнили подробности другого Обеда, «обед» 30 июля не состоялся в доме Антоновых-старших.

Адвокат – представитель истца, настаивал на восстановлении на работе своего доверителя, обращал внимание на то, что не было медицинского освидетельствования в подтверждение факта нетрезвого состояния Антонова во второй половине рабочего дня 30 июля. Адвокат прав. Чего нет того нет. К врачам Антонова в этот день не направляли.

Однако в соответствии с требованиями п. 15 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 26 апреля 1984 г. «нетрезвое состояние работников может быть подтверждено как медицинским заключением, так и другими видами доказательств, которые должны быть соответственно оценены судом». В подтверждение нетрезвого состояния Антонова на работе мы привели многочисленные доказательства, свидетельские показания. Мне остается только бегло напомнить о них.

«Язык заплетался», «его развезло», «изо рта резкий запах алкоголя», «нетвердая походка», «приставал к женщинам, без цели ходил по рабочим кабинетам. В одном треснул линейкой по голове Сверчкову, в другом выбросил цветы из вазы на столе техника Ершовой, изящно сострив при этом: «Представьте, что мы с вами в ресторане» – вот фрагменты из выслушанных вами показаний.

Когда Антонову в этот же час предъявили акт его опьянения, он, неожиданно посерьезнев, заявил: «Ничего у вас не получится», а потом и вовсе заснул за чужим столом.

Как и в первом судебном процессе, и сегодня истец продолжает доказывать: «Я оказался опасным и неудобным человеком, который указывал на злоупотребления», «Я писал о незаконном клеймении бензовозов», «Моя должность давно была обещана другим людям».

Думается, многократно проведенные и неподтвердившиеся «сигналы» – говорятся по инерции. Не стал бы Антонов об этом вспоминать сегодня, если бы знал о существовании неожиданных свидетелей из Бекасова, которые его так подведут!

Может ли суд после этого вынести решение иное, чем отказ в иске?

Именно о вынесении решения об отказе в иске я вас прошу.

Решением народного городского суда Можайска в иске Антонову о восстановлении его на работе было отказано.

Духовная (церковно-богословская) речь

В классификации родов и видов ораторской речи особое место принадлежит духовному красноречию, как с давних времен называлось искусство публичной речи в обиходе церковно-богословской жизни. Этот род красноречия всегда был связан с изложением и популяризацией религиозных тем. За тысячелетнее существование христианства на Руси сложились великолепно разработанные жанры церковно-богословской речи. К этим жанрам относятся проповедь, приветственное слово, некролог, беседа, поучение, послание, лекция в духовном учебном заведении, а в наше время – еще и выступления лиц духовного звания по радио и телевидению (например, «Слово пастыря», христианские передачи «Пробуждение России», «Спаси, Боже, люди твоя» и т. п.).

Своеобразие церковно-богословской речи проявляется в целом ряде отличительных черт. Так, в качестве слушателей в церкви обычно выступает община верующих, перед которыми необходимо раскрыть признаваемое ими учение и которые должны уяснить смысл той веры, о которой идет речь. Вторая отличительная черта связана с темами речей. В качестве основных материалов используются Священное писание, труды отцов церкви и другие источники, из которых черпаются поучительные притчи, примеры, иллюстративные зарисовки и т. д.

В русской традиции один из ведущих характерных признаков духовного красноречия обусловлен также особенностями языка, которым пользуются проповедники. Влияние культового церковнославянского языка в речах церковных ораторов сказывается до сих пор. Этот язык оставил в наследство традиционную «духовную» лексику и фразеологию, с помощью которой всегда оформлялись церковно-библейские тексты.

В наши дни стилистические славянизмы, т. е. славянизмы по употреблению, заметно активизировались именно в церковно-богословской речи. Наблюдается процесс обогащения новыми контекстами и смысловыми нюансами, казалось бы, прежде совсем забытых и ушедших из языка слов и оборотов. Можно привести лишь некоторые примеры современного употребления славянизмов: Но древо узнается по плодам своим (из предвыборного выступления партии «Христиане России», ОРТ); Никто не внидет в царство божие (РР. 18 января 1995 г.); Оберегись, человече, следовать этим посулам, этим вещаниям змия (из выступления священника. РР. 22 июня 1993 г.); Ликуют ангели на небеси и человеци на земли (РТО. Служба «Рождество Христово». 6 января 1995 г.); Сегодня наш взор устремлен в горнее пространство (МТБ. 13 сентября 1991 г.) и т. д.

Если вспомнить историю русского литературного языка, нельзя не отметить, что он возник в результате поистине золотого сплава величайших ценностей христианской и отечественной народной культуры. Это и заставляет внимательнее присмотреться к наиболее значительным памятникам духовного красноречия.

Из современных церковно-богословских речей для хрестоматии отобраны две: лекция протоиерея А. Меня «Христианство» и проповедь архимандрита Иоанна (Крестьянкина) «Слово на Светлой пасхальной седмице».

Лекция «Христианство» была прочитана 8 сентября 1990 г. в московском Доме техники на Волхонке незадолго до трагической гибели отца Александра. Текст его последней лекции был опубликован в «Литературной газете» 19 октября 1990 г. (а затем и в других изданиях). В лекции проводится простая и естественная мысль о том, что высокие нравственные ценности христианства нужны нам в нашей повседневной жизни, что только вера и светлый разум

помогут нам преодолеть «попрание человечности, бездуховность, материализм». «Для меня иной раз облако, птица, дерево – значат больше, чем иная картина на религиозную тему. Сама природа для меня есть икона высочайшего класса», – говорил А. Мень. Основные достоинства предлагаемой лекции – это глубина мысли и чувства, неординарность рассуждений, живость и красота повествования.

«Слово на Светлой пасхальной седмице» – одна из пятидесяти трех проповедей архимандрита Иоанна (Крестьянкина), произнесенных им в Псково-Печерском монастыре в 1973–1993-м гг. и опубликованных в двухтомнике «Проповеди» (М., 1994). Помещенная в хрестоматии проповедь интересна тем, что в ней сосредоточились наиболее типичные черты древнего жанра религиозно-духовного наставления и поучения. Формы и приемы проповеди обычно определяются ее органической связью с богослужением. Пасха – весенний праздник у христиан, установленный в память Воскресения Христова, сейчас широко празднуется в нашей стране. Поэтому тема проповеди о Пасхе предназначена не для узкого круга слушателей церкви, а для всех христиан: «Возлюбленные о Христе братия и сестры, други мои!» – так обращался к пастве в этой проповеди архимандрит Иоанн. Целесообразно также обратить внимание на текст поучения и с другой точки зрения – с точки зрения традиционного для русской христианской проповеди стилистического оформления темы. Основа русского духовного красноречия двуязычна: в нем соседствуют церковно-славянские и русские элементы. В этом отношении показательно даже начало «Слова»: «Ныне вся исполнишася света: небо, и земля, и преисподняя-Христос Воскресе!

Чадца Божий! От избытка неземной радости приветствую и я вас, опаляя силой Божественных слов: «Христос воскрес!»

Многочисленные церковно-славянские элементы в этой проповеди служат целям создания высокого и торжественного стиля церковной речи. «Библию не кладут рядом с кастрюлей», – справедливо говорят священники, полагая, что церковно-славянская речь необходима, что «на славянском языке все книги – хорошие. Они учат добру» (ТВ. «5-е колесо». 26 апреля 1991 г.). Многие значения церковно-славянских слов и речений, однако, так или иначе меняются в процессе употребления, и задача осовременивания церковно-богословской речи, рассчитанной на широкую аудиторию, становится актуальной и злободневной.

А. МЕНЬ. ХРИСТИАНСТВО

(1990)

... Итак, мы с вами идем к завершению нашего путешествия по эпохам, по кругам мирозерцания. И мы подошли к вершине, к тому сверкающему горному леднику, в котором отражается солнце и который называется – христианством.

Конечно, христианство бросило вызов многим философским и религиозным системам. Но одновременно оно ответило на чаяния большинства из них. И самое сильное в христианской духовности – именно не отрицание, а утверждение, охват и полнота. <...>

Если в исламе есть абсолютная преданность человека Богу, который является суверенным властелином космоса и человеческой судьбы, то это самое мы находим и в христианстве.

Если в китайском мирозерцании небо – Цянь – является чем-то ориентирующим человека в жизненных вещах, даже в мелочах, в различных оттенках традиций, то и это есть в христианстве.

Если брахманизм (современный индуизм) говорил нам о многообразных проявлениях Божественного, то и это есть в христианстве.

Если, наконец, пантеизм утверждает, что Бог во всем, что он, как некая таинственная сила, пронизывает каждую каплю, каждый атом мироздания, – то христианство и с этим согласно, хотя оно не ограничивает воздействия Бога только этим пантеистическим всеприсутствием.

Но мы бы ошиблись с вами, если бы считали, что христианство явилось как некая эклектика, которая просто собрала в себе все элементы предшествующих верований. В нем проявилась колоссальная сила чего-то нового. И это новое было не столько в доктрине, сколько

в прорыве иной жизни в эту нашу обыденную жизнь. Великие учителя человечества – авторы «Упанишад», Лао-цзы, Конфуций, Будда, Мохаммед, Сократ, Платон и другие – воспринимали истину как вершину горы, на которую они поднимаются с величайшим трудом.

И это справедливо. Потому что истина – не та вещь, которая дается легко в руки, она действительно похожа на высокую гору, куда надо восходить: тяжело дыша, карабкаясь по уступам, порой оглядываясь назад, на пройденный путь, и чувствуя, что впереди еще крутой подъем.

Я никогда не забуду замечательных слов, которые сказал простой гималайский горец, шерп по национальности, по имени Тен-синг, который восходил на Эверест вместе с англичанином Хилла-ри. Он говорил, что к горам надо приближаться с благоговением. Так же – и к Богу. Действительно, горы требуют особого настроения душевного, чтобы понять их величие и красоту. Истина закрывается от тех людей, которые идут к ней без благоговения, без готовности идти вперед, несмотря на опасности, пропасти и расселины.

Восхождение – такова история человечества.

Вы легко мне возразите: а сколько было ступеней, ведущих вниз?

Да, конечно. И на первый взгляд, ступеней, ведущих вниз, больше. Людей, которые падали и катились вниз, в бездну, больше. Но для нас важно, что человек все-таки поднимался в эти надоблачные вершины. И он тем и велик, человек, что он способен был подняться туда, где, как говорил Пушкин, «соседство Бога», в горы умственных и духовных созерцаний.

Человек имеет две родины, два отечества.

Одно отечество – это наша земля. И та точка земли, где ты родился и вырос.

А второе отечество – это тот сокровенный мир духа, который око не может увидеть и ухо не может услышать, но которому мы принадлежим по природе своей. Мы дети земли – и в то же время гости в этом мире.

Человек в своих религиозных исканиях бесконечно больше осуществляет свою высшую природу, чем когда он воюет, пашет, сеет, строит. И термиты строят, и обезьяны воюют по-своему (правда, не так ожесточенно, как люди). И муравьи сеют, есть у них такие виды. Но никто из живых существ, кроме человека, никогда не задумывался над смыслом бытия, никогда не поднимался выше природных физических потребностей. Ни одно живое существо, кроме человека, не способно пойти на риск – и даже на смертельный риск – во имя истины, во имя того, что нельзя взять в руки. И тысячи мучеников всех времен и Народов являют собой уникальный феномен в истории всей нашей Солнечной системы.

Но когда мы обращаемся к Евангелию, мы попадаем в иной мир. Не в тот мир, который дает нам картину волнующих поисков, порыва к небу, – а мы оказываемся перед тайной ответа.

Двадцать пять лет принц Гаутама, будущий Тадхагатта Будда, проводил в аскетических условиях, чтобы достигнуть созерцания. Также трудились – умственно, духовно и психофизически – йоги, философы, подвижники.

Но Иисус Христос приходит из простой деревни, где он вел жизнь рядового человека. В нем все было готово, он никуда не поднимался. Он, наоборот, спускался к людям.

Каждый великий мудрец сознавал свое неведение. Сократ говорил: «Я знаю, что я ничего не знаю». Величайшие святые всех времен и народов ощущали себя грешниками гораздо более остро, чем мы с вами, потому что они были ближе к свету, и каждое пятно на жизни и совете им было видней, чем в нашей серой жизни.

У Христа нет сознания греховности. И у него нет сознания того, что он чего-то достиг, – он приходит к людям, неся им то, что в нем самом есть изначально, от природы.

Я должен сразу обратить ваше внимание на то, что Иисус Христос не начал проповедовать «христианство» как некую концепцию. То, что он возвестил людям, он назвал «бесора», по гречески «euangelion», что значит «радостная весть», «радостное известие».

В чем же заключалось это радостное известие?

Человек имеет право не доверять мирозданию. Человек имеет право чувствовать себя в чужом и враждебном мире. Такие современные писатели, как Альбер Камю, Жан-Поль Сартр и другие часто говорили о страшной абсурдности бытия. Нас обступает нечто грозное, бесчеловечное, бессмысленное, абсурдное, и доверять ему невозможно. Холодный, мертвый

или мертвящий мир. Правда, я здесь оговорюсь: эти писатели, романисты, драматурги, философы выступали с позиции атеистического мировоззрения – экзистенциализм у Сартра и Камю – атеистический.

Они как-то не заметили одну вещь.

Когда они говорят, что мир абсурден, то есть бессмыслен, они это знают только потому, что в человека заложено противоположное понятие: *смысла*. Тот, кто не знает, что такое смысл, не чувствует, никогда не поймет, что такое абсурд. Он никогда не возмутится против абсурда, никогда не восстанет против него, он будет с ним жить как рыба в воде. Именно то, что человек восстает против абсурда, против бессмыслицы бытия, и говорит в пользу того, что этот смысл существует. <...>

Христос призывает человека к осуществлению божественного идеала. Только близорукые люди могут воображать, что христианство уже было, что оно состоялось – в тринадцатом ли веке, в четвертом ли веке или еще когда-то. Оно сделало лишь первые, я бы сказал, робкие шаги в истории человеческого рода. Многие слова Христа нам до сих пор непостижимы, потому что мы еще неандертальцы духа и нравственности, потому что евангельская стрела нацелена в вечность, потому что история христианства только начинается, и то, что было раньше, то, что мы сейчас исторически называем историей христианства, – это наполовину неумелые и неудачные попытки реализовать его.

Вы скажете: ну а как же – у нас были такие великие мастера, как неведомые иконописцы. Андрей Рублев и т. д.!

Да, конечно, были и великие святые. Это были предтечи. Они шли на фоне черного моря грязи, крови и слез. Очевидно, это главное, что хотел (а может, и не хотел, невольно так получилось) показать Тарковский в своем фильме «Андрей Рублев». Вы подумаете, на каком фоне создалось это нежнейшее, феерическое, божественное видение Троицы! То, что изображено в этом фильме, было правдой. Война, пытки, предательства, насилие, пожары, дикость. На этом фоне человек, не просвещенный Богом, мог создавать только «Капричос», какие создавал Гойя. А Рублев создал божественное видение. Значит, он черпал это не из действительности, которая была вокруг него, а из духовного мира.

Христианство – не новая этика, а новая жизнь. Новая жизнь, которая приводит человека в непосредственное соприкосновение с Богом, – это новый союз, новый завет. <...>

И есть сила, которую Христос оставил на земле, которая выдается нам даром. Она по-русски так и называется – благодать. Благо, которое дается даром. Не зарабатывается, а даром.

Да, мы должны прилагать усилия, да, мы должны бороться с грехом, да, мы должны стремиться к самосовершенствованию – помня, что сами себя за волосы вытащить мы не сможем. Это работа только лишь подготовительная.

Здесь коренное отличие христианства от йоги, которая думает, что человек может добраться до Бога и вломиться к Нему, так сказать, по собственному желанию. Христианство говорит: ты можешь себя усовершенствовать – но до Бога добраться невозможно, пока Он сам к тебе не придет.

И вот благодать превосходит закон. Закон – это первая стадия религии, которая начинается у ребенка. Вот это нельзя, это можно, какие-то правила, какие-то нормы. Нужно это? Да, конечно. Но потом приходит благодать: через внутренний опыт встречи с Богом. Это как любовь, это как ликование, это как победа, как музыка сфер.

Благодать – это новая жизнь. Апостол Павел говорил:

Вот спорят между собой люди. Одни – сторонники сохранения старинных, ветхозаветных обрядов. Другие (греки) – против этого. А ведь ни то ни другое не важно. А важно только: новое творение – и вера, действующая любовью.

Вот это и есть подлинное христианство. Все остальное на нем – историческая обложка, рама, антураж; то, что связано с культурой.

Я вам говорю о самой сущности христовой веры.

Бесконечная ценность человеческой личности.

Победа света над смертью и тлением.

Новый завет, который возрастает, как дерево из маленького жёлудя.

Новый завет, который сквашивает историю, как закваска тесто.

И уже сегодня вот это Царство Божие тайно является среди людей: когда вы творите доброе, которое вы любите, когда вы созерцаете красоту, когда вы чувствуете полноту жизни – царство Божие уже коснулось вас.

Оно не только в далеком будущем, не только в футурологическом созерцании, оно существует здесь и теперь. Так учит нас Иисус Христос. Царство придет, но оно уже пришло. Суд над миром будет, но он уже начался: «Ныне суд миру сему», – говорит Христос. Ныне – то есть тогда, когда он впервые провозгласил Евангелие.

И он еще сказал: «А суд заключается в том, что свет пришел в мир – а люди более возлюбили тьму».

Этот суд начался – во время его проповеди в Галилее, в Иерусалиме, на Голгофе, в Римской империи, в средневековой Европе и России, сегодня, в двадцатом веке, и в двадцать пятом веке, и во всей истории человечества.

Суд будет продолжаться, потому что это христианская история – это история, когда мир идет рядом с Сыном Человеческим. И если мы еще раз зададим себе вопрос: в чем же заключается сущность христианства? – мы должны будем ответить: это богочеловечество, соединение ограниченного и временного человеческого духа с бесконечным Божественным.

Это освящение плоти, ибо с того момента, когда Сын Человеческий принял наши радости и страдания, наше созидание, нашу любовь, наш труд, – природа, мир, все, в чем он находился, в чем он родился, как человек и богочеловек, – не отброшено, не унижено, а возведено на новую ступень, освящено.

В христианстве есть освящение мира, победа над злом, над тьмой, над грехом. Но это победа Бога. Она началась в ночь Воскресения, и она продолжается, пока стоит мир.

На этом я закончу, чтобы в следующий раз рассказать вам о том, как в конкретных христианских церквях эта тайна богочеловечества реализовалась. Спасибо.

Архимандрит Иоанн (Крестьянкин). Слово на Светлой Пасхальной седмице¹

(1993)

Ныне вся исполнишься света: небо, и земля, и преисподняя...

Христос воскрес!

Чадца Божий! От избытка неземной радости приветствую и я вас, опаляя силой Божественных слов: «Христос воскрес!»

Благодатный огонь этой спасительной вести, вновь ярким пламенем вспыхнув над Гробом Господним, потек по миру. И Церковь Божия, преисполнившись светом этого огня, дарует его нам: «Христос воскрес!»

Возлюбленные о Христе братия и сестры, други мои! Вы, конечно, замечали сами, что среди многих великих и радостных наших христианских праздников особой торжественностью, особой радостью выделяется праздник Светлого Христова Воскресения – праздников праздник и торжество из торжеств.

Нет в нашей Православной Церкви службы более величественной, более проникновенной, чем пасхальная утренняя. И потому так стремятся все верующие в храм Божий в пасхальную ночь.

Пасхальное богослужение воистину подобно великолепнейшему пиру, который Господь приготовил всем притекающим под благодатную сень Его Дома.

Вдумайтесь в содержание «Огласительного слова» святителя Иоанна Златоуста! С отеческой лаской и радушием приемлет Господь тех, кто возлюбил Его всем своим существом. «Блажен, кто от первого часа делал есть», – это те, кто от юности своей идут неукоснительно по Его Божественным стопам.

Но не отвергает и тех, кто, преодолев в своей душе сомнения, приблизился к Богу только в зрелом и даже преклонном возрасте. «Да не устроятся они своего замедления, Господь с любовью приемлет последнего, так же, как и первого, – и дела приемлет и намерения целует».

Несомненно, все вы, кто был в храме в пасхальную ночь, испытали необыкновенный восторг... Души наши ликовали, преисполненные чувством благодарности к нашему Господу Спасителю, за дарованную Им всем нам вечную жизнь. Ведь Воскресший Христос возвел род людской от земли к Небу, придал существованию человека возвышенный и благородный смысл.

Душа человека жаждет вечной счастливой жизни. Ищет ее... И потому к светлой заутрене так стремятся люди в храм Божий. И не только верующие, но и те, кто своим сознанием далек от христианской религии.

Идут они сюда не просто посмотреть на торжественность христианской службы. Их душа, данная Богом каждому человеку при его рождении, тянется к свету незаходимого Солнца Правды, стремится к истине.

А верующие люди в эту святую ночь с особой силой ощущают преизобильно излившуюся светлую радость Воскресения Христова.

И неудивительно. Воскресение Христа – это основа нашей веры, это нерушимая опора в нашей земной жизни.

Своим Воскресением Христос дал людям постигнуть истинность Своего Божества, истинность Своего высокого учения, спасительность Своей смерти.

Воскресение Христа – это завершение Его жизненного подвига. Иного конца не могло быть. Ибо это прямое следствие нравственного смысла Христовой жизни.

Если бы Христос не воскрес, – говорит апостол Павел, – то напрасна и проповедь наша, тщетна и вера наша. Но Христос воскрес и совоскресил с Собою все человечество!

Спаситель принес на землю людям совершенную радость. И потому в пасхальную ночь мы слышим в церкви песнопение и сами принимаем участие в этом пении: «Воскресение Твое, Христе Спасе, ангели поют на небеси, и нас на земли сподоби чистым сердцем Тебе славить».

О даровании людям этой великой радости Он просил Своего Небесного Отца в молитве перед крестными страданиями: «Освяти их истиною Твоею ... чтобы они имели в себе радость Мою совершенную» (Ин. 17; 13, 17).

И вот, с Воскресением Христа человеку открылся новый мир святости, истины, блаженства.

При Своей земной жизни Спаситель произносил неоднократно драгоценные для верующей души слова: «Я живу, и вы будете жить» (Ин. 14, 19), «Мир Мой даю вам» (Ин. 14, 27), «Сие сказал Я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна» (Ин. 15., 11).

Новая жизнь открылась для человека. Ему дана возможность умереть для греха, чтобы воскреснуть со Христом и с Ним жить.

Апостол Павел в Послании к римлянам говорит: «Если мы соединены с Ним подобием смерти Его, то должны быть соединены и подобием воскресения... Если мы умерли со Христом, то веруем, что и жить будем с Ним».

«Пасха, двери райские нам отверзающая», – поем мы в Пасхальном каноне.

Не бывает, дорогие мои, радости светлее, чем наша пасхальная радость. Ибо мы радуемся тому, что в Воскресении открылась наша вечная жизнь.

Наша радость пасхальная, это радость о преображении (изменении) всей нашей жизни в жизнь нетленную. В стремлении нашем к неумирающему добру, к нетленной красоте.

Мы празднуем ныне совершение величайшего таинства – Воскресения Христова, победу Жизнодавца над смертью! Наш Спаситель восторжествовал над злом и тьмою. И потому так ликующе-радостно пасхальное богослужение нашей Православной Церкви.

Верующие ожидали этой торжественной службы, готовя себя к ней в долгие недели святой сорокадесятицы. И естественно, что теперь неизъяснимой радостью наполнены их сердца.

Глубочайший смысл Воскресения Христова в вечной жизни, которую Он даровал всем Своим последователям. И вот уже почти 2000 лет Его последователи неколебимо верят не только в то, что Христос воскрес, но и в свое грядущее воскресение для вечной жизни.

Во время Своей земной жизни Христос Спаситель много раз говорил о Себе как носителя жизни и воскресения. Но тогда эти слова Божественного Учителя были непонятны не только народу, слушавшему Его, но и Его ученикам и апостолам.

Смысл этих слов стал понятен только после Воскресения Христа. Только тогда и апостолы, и ученики Его поняли, что Он действительно Владыка жизни и Победитель смерти. И пошли они с проповедью по всему миру.

Мы, возлюбленные, в эти дни радостно приветствуем друг друга, произнося: «Христос воскрес!» – и будем так приветствовать в течение 40 дней, до дня Вознесения Господня.

Всего два слова! Но это дивные слова, выражающие неколебимую веру в отраднейшую для сердца человеческого истину о нашем бессмертии.

Христос есть Жизнь!

Он много раз говорил о Себе именно как о носителе жизни и воскресения. Как источнике жизни вечной, нескончаемой для тех, кто будет верить в Него.

Христос воскрес! – и да возрадуется душа наша о Господе.

Христос воскрес! – и исчезает страх перед смертью.

Христос воскрес! – и наши сердца наполняются радостной верой, что вслед за Ним воскреснем и мы.

Праздновать Пасху – это значит всем сердцем познать силу и величие Воскресения Христа.

Праздновать Пасху – это значит стать новым человеком.

Праздновать Пасху – это значит всем сердцем и помышлением благодарить и прославлять Бога за неизреченный дар Его – дар воскресения и любви.

И мы с вами в эти дни ликуем и радостно празднуем, восхваляя и прославляя подвиг победы Божественной любви.

Христос воскрес!!!

Распахнем же сердца наши навстречу страдавшему и умершему и воскресшему нас ради. И Он войдет, и наполнит Собой и Светом Своим жизнь нашу, преобразив наши души.

А мы, в ответ на это, с любовью устремимся за Ним по нашему крестному пути, ибо в конце его несомненно сияет и наше воскресение в жизнь вечную.

Праздновать Пасху – это значит стать новым человеком.

Вот этого спасительного состояния наших душ, возлюбленные, я от всего сердца всем нам желаю!

III. Дискусивно-полемическая речь

Среди многообразных форм речевой деятельности человека спор занимает особое место. Существуют споры научные, политические, юридические, бытовые и др. Для реализации целей хрестоматии в качестве примера был избран научный спор, представляющий собой известную специалистам-филологам дискуссию по вопросам стилистики 1954–1955 гг., организованную журналом «Вопросы языкознания» по предложению академика В. В. Виноградова. В этой дискуссии принимали участие выдающиеся ученые: В. В. Виноградов, Ю. С. Сорокин, Р. Г. Пиотровский, Р. А. Будагов, И. Р. Гальперин, В. Г. Адмони, Т. И. Сильман, В. Д. Левин, И. С. Ильинская, А. В. Федоров, Г. В. Степанов.

Исходным материалом для обсуждения послужил доклад Ю. С. Сорокина «Об основных понятиях стилистики», представленный им на расширенном заседании Ученого совета Института языкознания АН СССР 19–23 июня 1953 г. И хотя на страницах журнала вначале появился не текст доклада, а статья Р. Г. Пиотровского «О некоторых стилистических категориях» (ВЯ. 1954. № 1) как отклик на основные положения, выдвигаемые в докладе Ю. С. Сорокина, в тексте хрестоматии статья Ю. С. Сорокина помещена первой.

Среди основных положений доклада, вызвавших широкое обсуждение специалистов, были следующие:

1. В работах по стилистике не показано, что с каждым из выделяемых стилей связаны специфические элементы языка (лексика, фразеология, грамматические формы, синтаксические конструкции), «невозможные в других стилях или выступающие в этих других стилях

как инородное тело». На этом основании делался вывод: в современном русском языке не существует стилей как замкнутых жанрово-речевых разновидностей.

2. Решающим для определения того или иного стиля речи являются принципы соотношения и приемы объединения различных языковых средств в контексте речи.

3. Элементы языка не имеют стилистической закреплённости, а обладают лишь стилистическими возможностями, реализация которых возможна только в контексте; в соответствии с контекстным «звучанием» языковой единицы устанавливается ее стилистическая характеристика.

4. Вместо традиционного разделения стилистики как науки на стилистику лингвистическую и литературоведческую предлагалось выделение аналитической и функциональной стилистики, каждой со своими специфическими задачами.

В ходе дискуссии были обсуждены и следующие проблемы: – проблема разграничения стилей языка, с которой связывался также вопрос о номенклатуре языковых стилей;

– проблема выделения основных категорий и понятий стилистики, а также установление сущности понятий «стили языка» и «стили речи»;

– вопрос о существовании принципиальных различий между языковыми стилями и жанрами художественной литературы; установление линий разграничения и соприкосновения стилистики общенационального языка и стилистики индивидуально-художественной речи;

– проблема использования стилистических приемов как типических явлений языка;

– вопрос об отношении стиля произведения или высказывания к языковой и неязыковой сфере.

По мнению В. В. Виноградова, выступившего со статьей «Итоги обсуждения вопросов стилистики», дискуссия «дала меньше обобщений и выводов, меньше достоверных результатов и доказательных положений, чем предположений и вопросов. Это значит, что, несмотря на ее односторонний и несколько абстрактный характер, несмотря на недостаточную четкость и определенность постановки вопроса о «стилях языка» и «стилях речи», дискуссия будит мысль, порождает новые проблемы, открывает новые стороны в привычных и как бы установившихся (а иногда и остановившихся) понятиях и толкает на поиски новых путей в разрешении основных вопросов стилистики».

Таким образом, значение этой дискуссии состояло в том, что были определены направления работы исследовательской мысли. Ставилась задача проведения стилистических исследований в области грамматики, лексикологии, семасиологии разных языков, возникала необходимость работ по историческому изучению форм речи, типов языка и стилей в литературных языках. В результате дискуссии определилась важность создания обобщающих трудов по стилистике национальных художественных литератур, необходимость углубленного анализа стиля художественных произведений разных жанров.

Дальнейшее развитие отечественной стилистики во многом было направлено на решение вопросов и проблем, выкристаллизовавшихся в ходе дискуссии, предлагаемой вниманию читателей.

В хрестоматию материалы дискуссии включены по двум основным соображениям: 1) эта дискуссия представляет собой классический пример спора, направленного на совместное уяснение и решение определенных научных проблем. Фрагменты дискуссии отбирались таким образом, чтобы наглядно показать соблюдение (или несоблюдение) правил ведения корректного спора, в котором за тезисом следует история вопроса, уточнение понятий и терминов, а далее доказательство, опровергающее или оправдывающее основной тезис; 2) дискуссия по вопросам стилистики составила важную страницу в истории отечественного языкознания.

Ю. С. Сорокин. К вопросу об основных понятиях стилистики

Вопросы стилистики, т. е. вопросы, касающиеся правил и особенностей целенаправленного использования различных слов и форм общенародного языка в различного рода высказываниях, в речи, имеют острое, актуальное значение. Определение правил и законов языка всегда шло рядом с определением норм употребления тех или иных элементов языка в кон-

кретных речевых контекстах. Нормативная грамматика и стилистика, лексикология, лексикография и стилистика связаны между собой давно и прочно. Еще Ломоносов учил, что грамматика своими правилами должна показать «путь доброй натуре». <...>

<...> Языковая оболочка мысли, как и само содержание мысли, только тогда получают полную силу, когда они органически слиты, когда с естественной необходимостью для выражения определенных идей выступают свободно избранные формы словесного выражения, единственно в данном случае подходящие для данного содержания, формы, закономерность выбора которых ясно осознает употребляющий их и остро чувствует тот, к кому обращено высказывание. Это предполагает ясное и отчетливое знание стилистических возможностей различных элементов, из которых складывается язык, равно как и внимательное, вдумчивое изучение образцов стилистически совершенной речи.

Среди работ советских языковедов исследования и статьи по вопросам русской стилистики занимают заметное место. Можно сказать, что теоретический интерес к основным вопросам стилистики, определение основных понятий ее как особой языковедческой дисциплины, опыты систематического изучения языка и стиля различных произведений литературы относятся прежде всего к последним трем десятилетиям. Здесь самое важное место принадлежит статьям акад. Л. В. Щербы, особенно его статье «Современный русский литературный язык»,² и многочисленным большим и малым исследованиям, монографиям и статьям акад. В. В. Виноградова. Здесь должны быть упомянуты также различные интересные исследования и статьи А. М. Пешковского, Г. О. Винокура, Л. А. Була-ховского, Б. В. Томашевского, В. А. Гофмана, Б. А. Ларина и др. В этих исследованиях были впервые на теоретической основе поставлены вопросы о задачах стилистики как лингвистической дисциплины, об основных целях, задачах, условиях и различных направлениях стилистического исследования; здесь были сделаны попытки определения основных стилистических понятий. Так, в работах акад. Л. В. Щербы и В. В. Виноградова было выдвинуто понятие «стиля языка» как особой системы средств выражения, в то же время представляющей необходимую составную часть общей системы языка при определенном ее историческом состоянии. Две идеи, две формулировки, данные в работах этих исследователей, оказались особенно влиятельными. Эти, во-первых, представление о развитом литературном языке как системе концентрических кругов, данное в упомянутой статье Л. В. Щербы. «Русский литературный язык, – согласно этому взгляду, – должен быть представлен в виде концентрических кругов – основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (по-скольку они имеются) тех же понятий, что и в основном круге, но с тем или другим дополнительным оттенком, а также обозначения таких понятий, которых нет в основном круге, но которые имеют данный дополнительный оттенок»¹. Нельзя не заметить, что в центре стилистических разграничений, производимых акад. Л. В. Щербой в системе литературного языка, находятся синонимические соответствия языковых средств, представление о большей или меньшей регулярности синонимических серий слов, выражений, грамматических форм и конструкций.

Другим положением, оказавшим большое влияние на последующий ход стилистических исследований, явилось то определение стиля языка, которое характерно для направления исследовательской работы акад. В. В. Виноградова в 30–40-х годах и с особенной отчетливостью выражено в его статье «О задачах истории русского литературного языка преимущественно XVII–XIX вв.»: «Стиль языка – это семантически замкнутая, экспрессивно ограниченная и целесообразно организованная система средств выражения, соответствующая тому или иному жанру литературы или письменности, той или иной сфере общественной деятельности (например, стиль официально-деловой, стиль канцелярский, телеграфный и т. п.), той или иной социальной ситуации (например, стиль торжественный, стиль подчеркнуто вежливый и т. п.), тому или иному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества»².

Нетрудно заметить, что, соприкасаясь с представлением Л. В. Щербы о стилях как концентрических кругах в языке, определяемых в основном наличием синонимических серий, это определение стиля языка шире; в центре здесь оказывается вопрос о целесообразной организации речи в зависимости от определенной сферы применения языка и условий общения.

Здесь перекидывается мостик от стилистических категорий как принадлежности индивидуального высказывания к категориям языковым. Поэтому акад. В. В. Виноградов и высказывает далее в этой же статье характерное убеждение, что «построенная по этому принципу история русского литературного языка растворит в себе и языковой материал, извлеченный из сочинений отдельных писателей, лишит его индивидуального имени и распределит его по общим семантическим и стилистическим категориям языковой системы»¹.

Таковы важнейшие понятия, которые были положены в свое время в основу стилистического исследования. В ходе этого исследования довольно быстро обнаружились затруднения, которые остаются не преодоленными и до настоящего времени. В этом легко убедиться, сопоставив высказывания разных исследователей в разные годы. Затруднение представила прежде всего задача описания стилей языка как определенной системы применительно к состоянию современного русского литературного языка. В общей форме эта задача определялась в уже цитированной статье акад. В. В. Виноградова так: «Описать и уяснить систему литературного языка в тот или иной период его истории – это значит: дать полную характеристику его звуковой, грамматической и лексико-фразеологической структуры на основе разнообразного и тщательно обработанного материала («литературных текстов»), выделить основные стили литературного языка и определить их иерархию, их семантический и функциональный вес и соотношение, их взаимодействие и сферы их применения»². Именно эти последние специфические задачи и остались до настоящего времени никак не решенными. <...> .

Почему оказалось таким затруднительным делом охарактеризовать систему стилей современного русского языка и последовательно раскрыть само это общее понятие «стиль языка?» Ведь не было недостатка ни в интересе к этому коренному вопросу стилистики, ни в различного рода попытках его разрешения.

Думаю, что причина этого коренится в неправильности постановки этого вопроса, точнее говоря – в том, что вопрос о стиле языка часто ставится неисторически, абстрактно. <...>

Было бы полезно критически осветить понятие стиля языка, обратившись к материалам современного русского литературного языка. Настоящая статья и представляет собою попытку такого критического освещения. Она не может ставить целью полное разрешение этого вопроса; она только пытается проверить, насколько плодотворно и целесообразно декларативное выдвигание на первый план понятия о стиле языка, когда речь идет о таком развитом литературном языке, каким является современный русский литературный язык, насколько это понятие теоретически основательно и практически полезно.

Выше мы приводили определение стиля языка, согласно которому он представляет собою семантически замкнутую систему средств выражения, систему экспрессивно ограниченную и целесообразно организованную. Эти системы, представляющие стили языка, соответствуют, как было сказано, определенному жанру литературы или письменности, определенной сфере общественной деятельности, определенной социальной ситуации, определенному характеру языковых отношений между разными членами или слоями общества. Эти особые стили языка в совокупности составляют систему, характеризующую литературный язык в целом.

Нужно сказать, что эти представления в тех или иных вариациях повторяются в работах последнего времени, нередко выступая здесь в самом упрощенном виде. Так, например, А. И. Ефимов предлагает под термином «стиль языка» («которому он противопоставляет «слог» как особенность индивидуального употребления языка) понимать «... жанровую разновидность литературного языка»¹. Что речь при этом идет прежде всего о приуроченности определенных стилей языка к определенным жанрам литературы, ясно хотя бы из следующего замечания: «Своеобразие слога, например, баснописца определяется не только характером самого литературного жанра басен, содержанием и идейной направленностью его творчества, но и тем, что этому жанру соответствует выработавшийся в литературном языке определенный стиль языка»².

Усложненную вариацию в этом же роде находим в статье Э. Г. Ри-зель о проблеме стиля. Здесь за первым рядом таких стилей языка, как, например, стиль художественной литературы, публицистики, прессы, научной литературы, следует другой ряд, подчиненный первому

и представляющий разновидности этих основных стилей. Так, например, разновидностями стиля художественной литературы признаются стиль поэзии, стиль прозы, стиль драмы. Внутри этих своего рода «подстилей» являются еще более частные стили. <...>

Четырьмя стилями, приуроченными к определенным жанрам литературы или письменности, ограничивается проф. А. Н. Гвоздев в своих «Очерках по стилистике». Это – научный стиль с примыкающим к нему деловым, стиль художественной речи и публицистический стиль как важнейшие элементы книжного стиля. В. Д. Левин, принимая как особые стили языка стили публицистический, научный и официально-деловой, не согласен с выделением на равных с ними правах стиля художественной литературы.

Мы помним, что, с другой стороны, стили языка рассматриваются как система определенных средств выражения, определенных элементов языка. Для каждого из них должны быть характерны определенные слова и выражения, формы, конструкции, не характерные для других стилей языка. Это – важнейшая сторона дела; в ней заключено основание для выделения всех этих разновидностей как стилей языка.

Но оправдывают ли это положение факты современного языкового употребления? Как будто бы не оправдывают. Во всяком случае, пока никому не удавалось показать, что с каждым из этих стилей связаны специфические элементы языка, особые элементы его словаря и фразеологии, особые формы и конструкции, невозможные в других стилях или выступающие в этих других стилях как инородное тело.

Очень показателен данный в «Очерках по стилистике» А. Н. Гвоздева перечень стилей языка, сопровождаемый краткой их характеристикой: «Научный стиль, основное назначение которого – давать точное, систематическое изложение научных вопросов; в нем основное внимание привлечено к логической стороне излагаемого, поэтому иногда этот стиль обозначает как стиль интеллектуальной речи. К нему примыкает строго-деловой стиль законов, инструкций, уставов, деловой переписки, протоколов и т. д., в котором также господствуют интеллектуальные элементы языка (?); 2) стиль художественной речи, для которой типично стремление к яркости, образности, экспрессии речи: он включает большое число разновидностей (?); 3) публицистический стиль – стиль агитации и пропаганды; его цель – убеждать массы, давать им лозунги для борьбы, организовать и вести их к победе. Этот стиль, в связи с такими задачами, широко пользуется как средствами интеллектуальной, так и средствами экспрессивной речи»¹.

Не вдаваясь в критику многих частных противоречий и двусмысленностей в этих формулировках, отметим главное. В этой характеристике нет и намека на языковую специфику указанных стилей, она покоится на самом общем определении особых задач каждой из указанных разновидностей речи. Но могут ли в таком случае эти разновидности рассматриваться как особые стили языка? С другой стороны, можно ли отказать художественной литературе в интеллектуальных элементах языка, если только под ними понимаются прямые, лишённые экспрессивной окраски обозначения понятий; и распадается ли научный стиль, теряет ли он точность и систематичность в изложении научных вопросов при использовании в нем средств экспрессивной речи?

Всего страннее то, что всем этим разновидностям книжной речи противопоставляется стиль разговорной речи, в котором выделяется, в свою очередь, просторечный стиль. Но как тогда быть со стилем художественной речи, который никак не может уместиться в рамки речи книжной, если ее понимать как противоположность разговорной? Как быть, например, со стилистическими особенностями драмы, со стилистическими особенностями диалогов в различных жанрах художественной литературы? Что касается стиля просторечного, который, по утверждению А. Н. Гвоздева, выражается в отступлениях от принятых норм общения, в допущении языковых элементов, имеющих экспрессивную окраску грубоватости, то этот стиль, поскольку речь идет об особых языковых средствах, оказывается возможным в различных жанровых разновидностях речи. Можно ли, например, заказать стилю художественной речи или публицистическому стилю или даже научному стилю пользоваться в необходимых случаях этими элементами, имеющими экспрессивную окраску грубоватости?

<...> Дело в том, что в развитом национальном языке, как, например, в современном русском литературном языке, и нет таких замкнутых жанрово-речевых разновидностей. И худо-

жественная литература, и публицистика, и научная литература представляют сейчас столь развитые области человеческой деятельности, имеющие такое большое количество разнообразных задач, касающиеся столь различных сторон действительности и в таких различных аспектах, что ограничить их стиль какими бы то ни было изолированными элементами языка нет никакой возможности. В любой сфере общественной деятельности, в любом жанре литературы или письменности мы можем пользоваться и практически пользуемся различными средствами, которые предоставляет нам общенародный язык. Выбираем мы те или иные средства в каждом отдельном случае, исходя не из отвлеченных требований жанра, а учитывая конкретное содержание и назначение речи. Этот выбор определяется отношением пользующихся языком людей к данному содержанию, их всякий раз конкретными представлениями о назначении, функции данной речи. Вот почему правильнее было бы говорить не о публицистическом, литературно-художественном, научном и т. д. стиле языка, а о различных принципах выбора, отбора и объединения слов в художественно-литературных, публицистических, научных произведениях данной эпохи. Или иначе говоря: если и выдвигать общие понятия литературно-художественного, публицистического, научного стиля, то нужно помнить, что они выходят за рамки собственно языковые, что с точки зрения языковой они обнаруживают исключительное разнообразие и изменчивость.

Думаю, что это не требует особых доказательств в отношении художественной литературы, в которой широта, свобода объединения, разнообразие и многообразие применяемых языковых средств, проявившиеся уже в пору расцвета русской реалистической литературы со времен Пушкина и Гоголя, общеизвестны. Наиболее целесообразным было бы остановиться на этом вопросе применительно к так называемому научному стилю. В самом деле, в отношении выбора и подбора языковых средств он представляется с первого взгляда наиболее обособленным. Говорят, что научный стиль характеризуется подбором особых слов и выражений – специальной терминологии, логических или «интеллектуальных элементов языка» (вспомним характеристику А. Н. Гвоздева). Конечно, верно то, что изложение вопросов науки невозможно без разработанной системы специальных терминов. Но наличие специальных терминов само по себе не может еще составить характеристики научного стиля. С одной стороны, употребление научной терминологии далеко выходит за рамки только научной литературы. С другой стороны, было бы крайним упрощением представлять дело так, что научность освещения вопроса определяется только употреблением особой специальной терминологии.

Верно, далее, и то, что основное внимание при научном способе изложения привлечено к логической стороне излагаемого. Но разве логическая стройность изложения не является общим его достоинством? Более определенной была бы чисто негативная характеристика научного сподоба изложения, т. е. указание на то, что в научных произведениях, как и в любых чисто деловых документах, не является существенной забота об образном применении слова, об украшении слога. Но, во-первых, отсутствие образности и заботы о красоте и изяществе изложения вовсе не есть обязательная принадлежность слога научных произведений. А во-вторых, эта особенность опять-таки не укладывается в рамки чисто языковых категорий.

Научный характер изложения определяется прежде всего содержанием речи, ее общей направленностью, характером и типами связи понятий, последовательностью в ходе изложения мысли, а вовсе не абстрактными нормами отбора языковых средств. Истинно научное изложение не замыкается в рамки каких-то особых форм речи. Оно может быть столь же разнообразно и изменчиво, как и изложение чисто художественное.

<...> В развитом национальном литературном языке (с характерным для него многообразием выразительных средств и с возможностями извлекать из многих слов и выражений различные тональности) возвышенный, риторический (ораторский), сниженный и т. п. стили речи также определяются не только (и, может быть, не столько) выбором каких-то особых, изолированных, специфических средств, слов, грамматических форм и синтаксических конструкций. В современном русском языке сравнительно мало таких слов и выражений, которые могли бы быть приурочены только к одному из таких стилей речи. Возвышенный, сниженный и т. п. стили речи не исключают употребления слов и выражений различной стилистической окраски. Решающим для характеристики того или иного стиля речи являются

принципы соотношения и приемы объединения различных языковых средств в контексте речи.

<...> Еще Пушкин и Гоголь показали, что наряду с употреблением традиционно закрепленных за старыми стилями языка средств в разнообразных стилистических целях могут применяться такие средства, которые были ранее прикреплены к совсем другим разновидностям речи. Ср. в этом отношении сложность языкового состава известных патетических мест из лирических отступлений в «Мертвых душах» Гоголя.

К каким же выводам можно прийти на основании всех предшествующих рассуждений? В современном языке, со времен Пушкина, окончательно подорвавшего и разрушившего авторитет действительно существовавших разобщенных, замкнутых и систематически организованных стилей литературного языка XVIII в., не существует различных обособленных стилей, какой-либо системы концентрических кругов, замкнутых и лишь частично соприкасающихся, иерархически соподчиненных. Что же тогда есть в языке с точки зрения стилистической? Что позволяет в разных случаях, в разных условиях речи выражать по-разному сходные понятия? В языке с его обширным и разнообразным кругом слов, выражений, форм, конструкций мы имеем лишь определенные стилистические возможности, которые могут быть очень различно реализованы в той или иной разновидности речи, в том или ином контексте высказывания. Понятно, что эти возможности, предоставляемые языком, могут быть очень разного порядка. В одном случае это будут слова и формы, которые мы могли бы традиционно обозначить как «нейтральные». Они действительно нейтральны или, если можно так сказать, безразличны к стилю, т. е. могут выступать в различных по своему стилистическому характеру высказываниях и, в зависимости от обстоятельств, от всего контекстового окружения, получать ту или иную окраску. Таких слов, выражений, форм слов и конструкций в языке много, они, без сомнения, составляют основную массу его средств. Что мы можем сказать, например, о словах основного словарного фонда, имея в виду их основные, прямые значения, являющиеся устойчивым, обычным для общенародного языка обозначением различных понятий и предметов? Такие слова, как вода, камень, идти и ходить, белый, острый, напрасно, этот и многие другие, действительно безразличны к стилю высказывания. Но само собою понятно, что говорящий не может быть безразличен к выбору слов. При определении стилистического характера речи, ее направленности мы не можем игнорировать важнейшего вопроса: прибегает ли говорящий или пишущий к этим обычным, простым и «нейтральным» словам или избегает их, заменяя их возможными синонимическими словами или оборотами, хотя в данном случае было бы необходимо и естественно употребить именно эти простые слова. Разве не характерно стремление Пушкина в борьбе с перифрастической и жаргонной манерой выражения опереться, как на важнейший элемент стиля, на эти простые, обычные слова? <...>

Нейтральными по своей природе, несмотря на свое специальное назначение, являются и слова-термины, как прямые и точные обозначения определенных понятий. Лишь в особых условиях контекста они получают особую выделяющую их стилистическую окраску, обычно сталкиваясь в речи с их синонимами не специального значения или являясь в таком контексте, где их появление не ожидалось.

Нейтральными являются и многие другие слова, не имеющие себе в словарном составе синонимических соответствий и не несущие яркой экспрессивной окраски. Но в языке имеется определенный круг (и в таких развитых литературных языках, как русский, хотя и несравненно меньший, чем первый круг, но достаточно широкий и разнообразный) таких слов и выражений и – отчасти – таких форм и конструкций, сфера употребления которых ограничена. Такие слова и выражения, такие формы являются не только носителями определенных лексических или грамматических значений, но и предполагают выражение того или иного отношения говорящих к определенным предметам и понятиям. Об этих словах можно, сказать, что они обладают определенной стилистической тональностью сами по себе, как данные слова, независимо от контекста, что они несут собой в тот или иной контекст определенную общую настроенность.

Вопрос об общей стилистической ограниченности тех или иных языковых средств тесно связан с вопросом о наличии в языке синонимических рядов соотносительных по значению

слов и форм. Там, где при назывании определенного понятия, предмета есть возможность выбора одного из наличных в языке слов с соотносительным значением, там обычно, наряду со словами нейтральными, которые возможно употребить в контекстах с очень различной стилистической окраской, выступают слова, определенным образом стилистически ограниченные. <...> Стилистические пометы при таких словах в современных толковых словарях обычно и имеют своей целью указать на такую общую стилистическую настроенность слова, которая предполагает наличие особых условий для его употребления. Но при стилистической характеристике слов не следует смешивать наличие общей стилистической окраски отдельных слов или выражений с теми экспрессивными оттенками, которые могут явиться у слова в различных контекстах в зависимости от выражения отношения говорящего к тому или иному предмету речи, а также в зависимости от тех или иных видов объединения слов в высказывании, от всего словесного окружения данных слов в контексте речи. Понятно, что общая стилистическая окраска слова или выражения, закрепленная за ним в языке, определенным образом ограничивает возможности его применения в различных контекстах речи. <...>

Полная и конкретная стилистическая характеристика слова может быть дана только в контексте речи. Как конкретно реализуется эта общая стилистическая предопределенность слова, какова будет его реальная окраска и его конкретное назначение в речи – это решается прежде всего его отношениями с другими словами в речи, той смысловой перспективой, в которую слово оказывается «вдвинутым» в каждом отдельном случае. <...>

Определение стилистических возможностей слова тесно связано, с одной стороны, с изучением различных значений слова и отношений между ними, с другой стороны, с изучением фразеологических связей слова в отдельных его значениях. Одно и то же слово, в случае его многозначности, может вести себя в стилистическом отношении далеко не одинаково в зависимости от того, какое значение его реализуется и в сочетании с какими словами оно вступает. Так, у многих слов (в частности, слов основного словарного фонда) с основным конкретным значением стилистически нейтральным являются вторичные, по преимуществу переносные значения, стилистически ограниченные. Ср., например, слово вода в его основном значении и в переносном, образном значении «многословие, пустословие»; гнуть в его конкретном значении и в значении «вести речь к какой-либо цели, намекать на что-либо» (Он все гнет к тому, чтобы сделать по-своему), клеиться в его соотношении с клеить в конкретном значении и то же слово в значении «идти на лад» (Разговор не клеится).

При определении стилистических возможностей слова чрезвычайно важно учитывать границы его сочетаемости с другими словами, его возможные фразеологические связи и обусловленные этим изменения его экспрессивно-стилистической окраски. <...>

Таким образом, вопрос о стилистических возможностях слова неразрывно связан не только с изучением синонимии языка, но и с изучением типов и видов значений слов и фразеологических связей и сочетаний слов в различных возможных контекстах речи.

Итак, весь ход нашего рассуждения ведет к следующему:

1. Вопрос о стилях языка нельзя ставить отвлеченно, неисторически, безотносительно к этапам развития национального литературного языка. Мы имеем полное основание говорить о стилях языка как об особых, семантически замкнутых типах речи применительно, например, к русскому литературному языку XVIII в. времени Ломоносова. Мы не имеем достаточных оснований говорить о таких или подобных стилях языка применительно к литературному языку начиная со времени Пушкина.

2. Мы не имеем в современном русском литературном языке, как в языке, достигшем очень высокой ступени развития и представляющем исключительное разнообразие своего употребления, стилей языка как особых его (языка) сфер, типов, систем. Но каждое высказывание, каждый контекст обладает стилем; в речи мы находим всякий раз определенный выбор слов, форм, конструкций, порядок их расположения и определенное их сочетание, которые зависят как от содержания и назначения речи, так и от общих законов, правил и возможностей языка. В этом смысле мы и должны говорить о стилях речи, причем их характеристика должна быть гораздо более конкретной и тонкой, чем это имеет место в современных пособиях по стилистике.

3. Помимо изучения всего разнообразия конкретных стилей речи, конкретных приемов сочетания языковых элементов в высказывании, важнейшую задачу стилистики составляет определение общих стилистических возможностей отдельных элементов языка, тесно связанное с изучением его синонимии, системы значений слова и фразеологии.

В последнее десятилетие довольно распространенным стало разделение стилистики на лингвистическую (иначе: лингвостилистику – термин, введенный, если не ошибаюсь, Л. А. Булаховским) и литературоведческую. Такое разделение следует признать внешним, не вскрывающим действительного различия направлений и целей стилистического исследования.

Возьмем, например, определения стилистики как лингвистической и как литературоведческой дисциплины в «Очерках по стилистике русского языка» А. Н. Гвоздева. О лингвистической стилистике здесь говорится, что это «... стилистика, рассматривающая и оценивающая средства национального языка с точки зрения их значения и экспрессии, изучающая систему выразительных средств известного языка...»¹. Такое определение нельзя не признать расплывчатым и неясным. Во-первых, при этом лингвистическая стилистика сливается с семиологией (она рассматривает и оценивает средства языка «с точки зрения их значения»), и ее предмет поэтому становится неопределенным. Во-вторых, что касается экспрессии средств национального языка, то она, как мы уже говорили, в большей части случаев оказывается изменчивой, зависящей от условий, содержания и назначения речи. Но тогда чем отличается принципиально (не по объему) лингвистическая стилистика от стилистики как литературоведческой дисциплины? Ведь основную задачу последней А. Н. Гвоздев определяет так: «... выяснение того, как писатели для воплощения своих художественных замыслов, для выражения своей идеологии используют выразительные средства, которыми располагает язык»². Но экспрессия языковых средств нередко и во многом зависит именно от этого «как», от конкретного применения и контекстного окружения слов, отдельных языковых элементов. Кроме того, непонятно, почему особо выделяется стилистика как проблема литературоведения: являясь частью общей проблемы о приемах и способах использования языковых средств для выражения определенного круга мыслей, определенной идеологии, она имеет отношение и к науке, к публицистике и т. д.

Более правильным представляется общее разделение стилистики на стилистику аналитическую и стилистику функциональную – два раздела, тесно между собою связанные, хотя и имеющие свои особые границы и специальные задачи. И в том и в другом случае стилистика представляется как особая, прикладная область языкознания, поскольку речь идет об изучении средств языка и их применении. Но понятно, что стилистическое исследование предполагает совместную заинтересованность и сотрудничество языковедов со специалистами других отраслей науки – литературоведами, поскольку речь идет об изучении стилистического мастерства писателей и публицистов, представителей других наук, поскольку речь идет о языке и стиле произведений научного характера и т. д.

Как же могут быть определены задачи двух основных разделов стилистического исследования? Стилистика аналитическая, как нам представляется, имеет своей задачей изучение той общей стилистической тональности отдельных элементов языка, о которой речь шла выше. Такое изучение тесно связано с изучением синонимии языка, синонимических соответствий слов и форм. Понятно, что аналитическая стилистика, рассматривая отдельные слова, выражения, формы, конструкции языка по отдельности и в их соотношении с возможными их языковыми синонимами, может помочь лишь общему определению границ общенародного употребления слов и форм языка при определенном состоянии его синонимической системы. Это исследование еще не представляет собой стилистики в собственном смысле, хотя без него и невозможно ее существование. Важнейшим результатом такого исследования является выделение наряду с так называемыми «нейтральными» элементами языка таких его элементов, которые вносят в контекст определенную настроенность, употребление которых возможно лишь при определенных стилистических условиях.

Что касается стилистики функциональной, то она изучает конкретные принципы отбора, выбора и объединения слов в контексте речи в связи с общим смыслом и назначением высказывания. Ее задача – анализ многообразия стилистических применений элементов языка в

конкретных речевых условиях. Именно здесь мы сталкиваемся с понятием стиля речи, с тем, без чего невысказывание никакое высказывание; конкретное многообразие этих стилей речи мы должны изучать и оценивать, избегая тех схематических делений на «стили языка», которые никак не помогают вскрыть это многообразие использования языка в различных целях, социальных условиях, в различных областях общественной деятельности и в зависимости от различного содержания речи.

Р. Г. Пиотровский О некоторых стилистических категориях¹

Отставание в разработке вопросов стилистики общеизвестно. Причин этого отставания несколько.

Во-первых, определение самого объекта, предмета изучения в области стилистики представляет собой значительные трудности по сравнению с аналогичными задачами других разделов языкознания. Это и понятно, поскольку стилистическая характеристика языкового элемента (слова, формы и т. п.) часто имеет слабые и порой неясные контуры и выступает всегда гораздо менее отчетливо, чем его основное лексическое или грамматическое значение. Именно в силу этого при стилистическом анализе действительно научные выводы часто подменяются импрессионистическими и субъективными оценками.

Во-вторых, принципы стилистического выделения и классификации языковых единиц не только не совпадают, но иногда даже резко расходятся с принципами классификации языкового материала в области фонетики, лексикологии и грамматики.

В-третьих, стилистические нормы языка изменяются неизмеримо быстрее, чем звуковая система языка, его словарный состав и тем более грамматический строй. Вместе с тем стилистические изменения неравномерны не только в различных социальных, профессиональных, возрастных группах говорящих, но и по отношению к отдельным индивидам. В связи с этим установление общезыковых стилистических норм представляет часто значительные трудности.

В-четвертых, некоторые языковеды в своих стилистических исследованиях ограничиваются письменной формой литературной речи, а иногда замыкаются в рамках языка художественных произведений. Поэтому бывает, что стилистические явления, свойственные лишь литературно-художественной речи, рассматриваются как явления, присущие всему языку в целом. Все эти трудности стилистического исследования дают о себе знать уже при определении основных категорий и понятий стилистики.

***

Обратимся к понятию речевого (языкового) стиля. Сам принцип выделения в языке отдельных его стилей пока еще недостаточно очерчен. Многие языковеды видят в речевых стилях разновидности общенародного языка, связанные с определенными жанрами литературы. Этот принцип классификации проводится особенно прямолинейно тогда, когда речь идет о стилях литературного языка.

<...> Жанровый принцип классификации речевых стилей, как известно, имеет многовековую историю. Он использовался еще в античной поэтике (три стиля Аристотеля, древнеиндийские теории стиля). На жанровом разделении стилей построена поэтика и стилистика французского классицизма. <...> В западноевропейском языкознании жанровый принцип различения речевых стилей широко используется представителями так называемого нефилологического направления. Это и понятно: языковеды школы К. Фосслера и Б. Кроче - видят в языке художественной литературы, точнее, в языке отдельного писателя, выступающего в роли «творческой личности», организующее и движущее начало общенародного языка.

Следует отметить, что сторонники жанровой классификации стилей выступают против размежевания стилистики общенародной речи и стилистики литературно-художественной речи, считая их лишь разделами единой общезыковой стилистики. Однако развитие стилистических норм языка показывает, что выделение речевых стилей в связи с определенными литературными жанрами оказывается объективно оправданным лишь применительно к определенным периодам развития отдельных языков и их литературных норм. Так, вряд ли кто-

нибудь будет возражать против отчетливой стилистической очерченности литературных жанров русской литературы вплоть до начала XIX в. Можно говорить о басенном стиле внутри русского литературного языка XVIII–XIX вв.; общность отбора лексики, фразеологии, синтаксических синонимов в баснях Крылова, Сумарокова или Дмитриева служит этому иллюстрацией. Жанровое разграничение языковых стилей отчетливо прослеживается во французском литературном языке XVII–XVIII вв., в классической латыни «золотого века» и т. д.

Однако вряд ли возможно стилистическое богатство прозы Пушкина и Гоголя, Толстого и Горького ограничить узкими рамками художественно-беллетристического стиля. Точно так же невозможно стилистическое разнообразие русской поэзии XIX и XX вв. ограничивать лишь «высоким» поэтическим стилем. Разве можно говорить об унифицированном с точки зрения языковых средств стиле сатиры в языке Гоголя или Щедрина, И. Эренбурга или Ильфа и Петрова? Что общего в стиле басен Демьяна Бедного и Михалкова? Разве лишь аллегорическое использование названий животных. Но это факт скорее поэтики, чем стилистики.

Закрепление языковых стилей за теми или иными литературными жанрами характерно лишь для определенных направлений в литературе. Так, эстетика классицизма строго ограничивала использование тех или иных речевых стилей в определенных жанрах (разговорно-бытовая речь – в комедии, книжная речь – в прозе, высокий стиль – в поэзии). Наоборот, эстетические нормы романтизма и особенно критического реализма допускали и даже требовали свободного варьирования и комбинирования в рамках одного произведения различных речевых стилей. <...> «Укрепившийся под влиянием Пушкина, – пишет акад. В. В. Виноградов, – в передовой русской литературе реализм как метод глубокого отражения действительности – в соответствии со свойственными ей социальными различиями быта, культуры и речевых навыков – требовал от писателя широкого знакомства со словесно-художественными вкусами и социально-речевыми стилями разных сословий, разных кругов русского общества»¹.

Укрепление жанра «многолюдного» и многопланового произведения в русской литературе XIX и XX вв. и особенно в советской литературе окончательно утвердило и дало все права гражданства варьированию элементов разных стилей не только в рамках целого произведения или главы, но и в пределах одного абзаца и даже предложения. Наоборот, использование в произведении только одного речевого стиля становится все более редким явлением. Такое «одно-стилевое» построение чаще всего выступает как средство пародии или является признаком бедности слога писателя.

Условность и произвольность традиционной жанровой классификации стилей ощущает каждый языковед, работающий в области стилистики русского, немецкого, французского, английского и других высокоразвитых языков. В этом смысле следует признать вполне своевременным выступление Ю. С. Сорокина, предложившего пересмотреть традиционное понимание термина «стиль языка». Однако, справедливо указывая на постоянное соединение в языке художественной литературы разностилевых элементов и на отсутствие каких-либо «замкнутых семантико-стилистических систем, соответствующих тому или иному жанру литературы или письменности», Ю. С. Сорокин распространяет это утверждение на весь общенациональный язык в целом. Считая, что «решающим для характеристики того или иного стиля речи являются принципы соотношения и приемы объединения различных языковых средств в контексте речи», Ю. С. Сорокин приходит к выводу, что по существу понятие стиля совпадает с понятием контекста. Такое решение вопроса приводит к отрицанию объективного существования в языках речевых стилей.

Но ликвидация научного понятия языкового стиля как «целесообразно организованной системы средств выражения», как разновидности общенародного языка обозначает уничтожение основной стилистической категории. А это грозит самому существованию этого важного раздела языкознания. Чтобы выйти из этого затруднения, Ю. С. Сорокин предлагает различать стилистику аналитическую и стилистику функциональную. <...> Стилистика аналитическая должна изучать инвентарь стилистических средств. <...> Функциональная стилистика изучает применение стилистических средств в отдельных стилях – контекстах.

Таким образом, Ю. С. Сорокин в созданной им системе как будто бы обходится без речевых стилей. Между тем объективное существование различных стилей языка неоспоримо;

это ощущает каждый человек, говорящий или пишущий на том или ином языке. <...> Наблюдения над живой разговорной речью показывают, что в сознании говорящего стилистические значения производительных вариантов, слов, грамматических форм и конструкций живут не разрозненно, в виде лишь определенных возможностей (ср. «аналитическую стилистику» Ю. С. Сорокина), но имеют системный характер. Любое стилистическое исследование выявляет объективное существование речевых стилей. Речевые стили незримо присутствуют и в построениях Ю. С. Сорокина, направленных на отрицание этих стилей («гони природу в дверь – она влетит в окно»). Указывая, что «стилистика аналитическая прямой своей задачей имеет изучение синонимических соответствий слов и форм языка и определение границ общенародного употребления слов и форм языка» <...> и считая необходимым произвести «... пересмотр системы стилистических помет, принятых в толковых словарях современных языков», Ю. С. Сорокин молчаливо признает факт существования определенных разновидностей общенародного языка, т. е. стилей. Ведь границы употребления тех или иных языковых элементов могут быть определены лишь относительно стилей речи, а стилистические пометы, как известно, являются ничем иным, как указанием на принадлежность данного языкового элемента к тому или иному языковому стилю (см. ниже).

Обнаружившееся в докладе Ю. С. Сорокина стремление поставить под сомнение объективное существование речевых стилей не случайно: оно отражает те возникающие при классификации стилистических явлений трудности, которые обусловлены особым, многоплановым характером этих явлений, отражающих и объединяющих в себе элементы грамматической, лексической и звуковой систем языка. Короче говоря – это трудности научного обобщения, встающие перед исследователем, стремящимся найти правильное соотношение общего и частного.

<...> Существование различных сфер, условий и задач общения вызывает к жизни различные формы функционирования языка. Иллюстрацией этого положения может служить существование речи устной и письменной, диалогической и монологической. Различия в целях общения отражаются в разграничении бытовой, научно-деловой и литературно-художественной форм речи.

Эти различные формы функционирования языка постоянно взаимодействуют и переплетаются между собой. Многоплановость взаимопроникновения стилистических явлений служит одной из причин тех трудностей и ошибок, которые возникают при классификации и характеристике разновидностей и форм языка. Так, некоторые языковеды склонны отождествлять понятие речевого стиля с понятием формы и разновидности языка. <...> Они полагают, что поскольку каждая из форм функционирования языка характеризуется обычно особым отбором языкового материала, а вопрос отбора языкового материала является основным элементом научного понятия «стиль», постольку удобнее говорить о просторечном и литературном стиле, диалогическом и монологическом стиле, оставляя в стороне термины «норма», «речь», «форма» и т. д.

Языковеды, отождествляющие понятие речевого стиля с понятием разновидности языка, не различают в данном случае причину и следствие. Действительно, различия в исторических условиях, сферах, формах и задачах общения, вызывающие к жизни существование ответвлений, разновидностей и форм функционирования языка, определяют выбор тех или иных элементов из разных синонимических рядов. В результате складываются общие нормы этого отбора, т. е. речевые стили. И хотя определенные речевые стили функционально связаны с теми или иными формами и разновидностями языка, эта связь не обозначает их полного совпадения. Так, если для научно-деловой речи характерен особый отбор языкового материала, то это еще не значит, что этот материал не может быть использован в литературно-художественной речи. И наоборот, научно-деловая речь может иногда обращаться к стилистическим средствам бытовой речи. Стиль устной речи может использоваться и в письменной речи (например, диалог в художественном произведении), и, наоборот, устную речь можно построить в стиле, характерном для письменной речи.

С другой стороны, не все разновидности речи имеют единые принципы отбора речевого материала. Так, невозможно говорить о едином Литературно-художественном стиле, поскольку в художественной литературе используются языковые средства, присущие обычно

самым разнообразным стилям. Нельзя говорить и о литературном стиле вообще. Литературный язык, являясь высшей обработанной формой общенационального языка и обслуживая самые широкие массы общающихся, сам функционирует в формах речи письменной и устной, диалогической и монологической, научно-деловой, художественной и бытовой. А все эти формы речи различаются по отбору в них языкового материала.

Таким образом, речевые стили создаются на базе взаимодействия разновидностей и форм функционирования языка; поэтому основным принципом выделения и разграничения стилей должен быть принцип функциональный¹. Что касается жанрового принципа, то он опирается на временные и непостоянные связи отдельных стилей с определенными литературными жанрами. Эти связи не обусловлены внутренней спецификой речевых стилей; они возникают в связи с определенными поэтико-эстетическими установками некоторых литературных направлений.

* * *

Одним из основных понятий, которыми оперирует стилистика, является понятие экспрессивно-стилистической характеристики. Этим понятием постоянно пользуются и другие отделы языкознания, в частности лексикология (ср. стилистические характеристики слов). Однако именно здесь отчетливо обнаруживается нечеткость, а иногда и внутренняя противоречивость понятия стилистической характеристики, под которое часто подводятся очень разные явления. В этом легко можно убедиться, знакомясь с системой стилистических помет, используемых при составлении словарей.

<...> Несмотря на явные различия, <...> стилистические характеристики имеют и общие черты.

Экспрессивно-стилистические характеристики группируются вокруг основного значения слова или грамматической формы. «Все многообразие значений, функций и смысловых нюансов слова, – указывает В. В. Виноградов, – сосредоточивается и объединяется в его стилистической характеристике».¹ Стилистическая характеристика слова или формы складывается из элементов, разнородных по своему происхождению, значению и функциям. Помимо того, что стилистические оттенки различаются большей или меньшей степенью обобщенности или конкретности, они разграничиваются также «качественно»: в одних преобладает интеллектуально логический элемент, в других на первый план выдвигается момент эмоционально-оценочный. Первый тип стилистической характеристики – стилистическая окраска слова или грамматической формы – возникает на основе их функциональных и смысловых связей. Стилистическая окраска является как бы отпечатком, отражением того речевого стиля, в котором обычно живет данное слово или форма. При употреблении языковой единицы в привычной для нее стилистической среде стилистическая окраска сливается с общим колоритом речевого стиля. При перенесении слова или грамматической формы в необычную для них речевую «обстановку» стилистическая окраска выступает с особой отчетливостью.

В этом плане следует рассматривать и понятие стилистической нейтральности языковой единицы. Слово или грамматическую форму можно считать действительно нейтральными лишь тогда, когда они употребляются абсолютно во всех стилях языка, не различаясь производительными вариантами. Обычно нейтральными считаются слова и грамматические формы литературного языка; в действительности и эти языковые элементы имеют свою – «литературную» окраску, которая отчетливо обнаруживается при употреблении этих «нейтральных» форм в нелитературной речи. <...>

Наряду со стилистической окраской, отражающей соотношенность языковых элементов с определенными речевыми стилями, существуют так называемые дополнительные стилистические оттенки. Этот вид стилистических значений отражает ассоциативную или функциональную соотношенность языковой единицы с определенной тематикой или ситуациями. Многообразие тематики и ситуаций обуславливает поразительную многоплановость и разнообразие этих стилистико-смысловых ассоциаций. Кроме того, отдельные слова и выражения могут соотноситься непосредственно с тем или иным художественным произведением (ср., например, некоторые «крылатые слова и выражения»), с историческими событиями (ср. метафоризацию собственных имен исторических личностей, географических названий и т. п.), с

конкретными фактами быта. Дополнительные стилистические оттенки могут быть свойственны не только словам или грамматическим формам, но иногда они могут быть связаны с определенными звуками или сочетаниями звуков. С другой стороны, рядом с дополнительными стилистическими оттенками, имеющими общеязыковое значение, существуют смысловые ассоциации индивидуального характера, источником возникновения которых могут быть не только различия в культурном уровне, профессии, жизненном опыте, но также и психофизиологические особенности данного индивидуума. Стилистические оттенки, возникающие в результате индивидуальных ассоциаций, не являются предметом исследования стилистики общенационального языка, но они должны учитываться при изучении слога писателя. Стилистической окраске и дополнительным стилистическим оттенкам слов и форм противопоставляются очень разнообразные эмоционально-оценочные значения языковых единиц.

Вместе с тем эмоциональная оценочность по-разному соотносится с номинативным значением, дополнительными стилистическими оттенками и стилистической окраской слова или грамматической формы. В связи с этим различны и пути возникновения самой оценочной экспрессии. Во-первых, эмоционально-оценочное значение может быть единственным содержанием того или иного звукового комплекса; примером могут служить междометия и модальные слова, которые или полностью лишены номинативного значения, или сохраняют его частично. Во-вторых, эмоционально-оценочное значение может порождаться самим значением слова или другой языковой единицы (ср. такие слова, как герой, красавец, трус и т. д.). При этом оценочная экспрессия может подавлять основное значение (ср. восклицания: Чорт! Молодец! и т. д.). В-третьих, оценочное значение может возникать на основе переосмысления дополнительных стилистических оттенков слова или грамматической формы. Через такие дополнительные смысловые ассоциации передаются не только общенациональная оценочная экспрессия, но оценки классовые <...> профессиональные, социальные, просто индивидуального характера.

* * *

<...> Некоторые языковеды вообще отрицают целесообразность разделения стилистики общенационального языка и стилистики литературно-художественной речи. <...>

Существуют по крайней мере два фактора, объясняющие смешение указанных стилистик. Первый фактор – субъективного порядка. Из-за того, что некоторые языковеды-стилисты работают лишь над языком художественных произведений, каждый элемент общеязыковой стилистики выступает перед ними одновременно и как часть художественно-языковой системы произведения, т. е. его стиля. Обе стилистики оказываются связанными между собой единым материалом. Эта по существу внешняя связь воспринимается исследователем как связь органическая, внутренняя¹. Языковед, изучающий не только литературно-художественную, но также бытовую и научно-деловую речь, обычно не допускает смешения категорий стилистики общенационального языка и явлений индивидуально-художественного стиля.

Второй фактор имеет объективный характер. Дело в том, что в задачи обеих стилистик входит решение вопроса о возможности и целесообразности выбора из равнозначных языковых средств такого варианта, который бы наиболее подходил – с точки зрения определенного речевого стиля или художественного контекста – для выражения данного содержания. Таким образом, изучая экспрессивно-стилистическую характеристику слов и грамматических форм, обе стилистики примыкают к семасиологии.

Однако эти черты сходства и связи стилистики общенационального языка и стилистики индивидуально-художественной речи не должны скрывать существующих между ними и определяющихся внутренним своеобразием каждой из них глубоких различий. Стилистика общенационального языка, изучающая систему выразительных средств языка, оперирует собственно лингвистическим материалом. Иное – стилистика индивидуально-художественной речи. Выполняя функцию общения, полностью сохраняя свою языковую специфику, индивидуально-художественная речь является одновременно и материалом искусства – «первоэлементом литературы». В связи с этим, включаясь в словесную ткань произведения, слово или грамматическая форма становится элементом двух систем – системы общенационально-

го языка и художественно-языковой системы произведения, т. е. «системы средств речевого выражения, организованной в сложное единство и спаянной мировоззрением и творческой личностью художника». Поэтому каждый элемент художественно-языковой системы произведения, наряду со своими обычными функциями в языке (смысловой, смысловразличительной, организующей, стилистической), выполняет и художественное (стилевое) задание. Эту стилевую функцию языка художественного произведения нельзя сводить к экспрессивным возможностям отдельных слов или выражений.

Во-первых, художественную (стилевую) нагрузку могут получать не только дополнительные экспрессивные оттенки и стилистическая окраска слова или грамматической формы; художественное осмысление может приобретаться и основным значением языкового элемента. <...>

Во-вторых, одно и то же стилистическое явление может получать неодинаковое стилевое осмысление в разных индивидуально-художественных стилях. <...>

Своеобразие индивидуально-художественного использования языка, конечно, не означает, что индивидуально-художественный стиль следует рассматривать как замкнутую, независимую от общенародного языка систему. Индивидуальный стиль является одной из форм существования общенародного языка, а индивидуально-стилевые приемы автора опираются на нормы общенародного языка. Вместе с тем между индивидуально-художественным применением языка и общенародными нормами существует еще один вид взаимодействия. Писатель, отражая действительность посредством образов, отбирает те языковые средства, которые наиболее точно, полно и выразительно данный образ воспроизводят. Этой точности, полноты и выразительности словесного образа писатель добивается, поднимая на поверхность самые тонкие и подчас незаметные в бытовом общении стилистико-смысловые оттенки отдельных слов и грамматических форм. Больше того, полностью раскрывая эти оттенки, писатель в своем индивидуально-художественном творчестве уточняет и «шлифует» их, закрепляет их в нациральной литературной норме и тем самым способствует дальнейшему совершенствованию общенародного языка. В результате отдельные явления из области индивидуально-художественного стиля могут проникать в стилистику общенародного языка.

Р. А. Будагов К вопросу о языковых стилях¹

Дискуссия по вопросам стилистики давно назрела. Среди советских лингвистов нет единодушия в понимании основных явлений стиля. Больше того, как показывает статья Ю. С. Сорокина, находятся даже такие лингвисты, которые собираются вовсе ликвидировать стилистику, передав рассмотрение вопросов о достоинстве того или иного языкового стиля на суд разных специалистов: языковедов, литературоведов, математиков, химиков, физиков и других представителей «частных наук». <...> По его мнению, стилистическим мастерством писателей следует заниматься только литературоведам, а особенностями научного изложения – представителям соответствующих наук: о достоинствах языка политико-экономического трактата пусть судят политэкономы, а о манере изложения математика – математики. Что же тогда остается на долю языковеда?

Но прежде чем разобраться в основной ошибке Ю. С. Сорокина, обратим внимание на характер его аргументации.

Протестуя против деления стилистики на стилистику языковедческую и стилистику литературоведческую, Ю. С. Сорокин подчеркивает, что проблема стилистики, при всей ее важности, является все-таки «... частью общей проблемы о приемах и способах использования языковых средств для выражения определенного круга мыслей, определенной идеологии, она имеет отношение и к науке, к публицистике и т. д.»¹. Итак, мы не ошибались, считая, что Ю. С. Сорокин стремится переложить вину за недостаточную разработку проблем стилистики с большой головы на здоровую. Оказывается, что важнейшая проблема языковых стилей относится к науке вообще, к публицистике и – доводим мысль Ю. С. Сорокина до конца – к политэкономии, к истории, к математике, к физике и т. д. <...>

Разумеется, было бы глубоко несправедливо, если бы лингвисты лишили экономистов или математиков права судить о достоинствах и недостатках стиля их специальных сочине-

ний. Не подлежит никакому сомнению, что следить за ясностью стиля своего изложения – святая обязанность каждого ученого, каждого исследователя, каждого популяризатора. Но одно дело стремиться к ясной передаче своих мыслей, другое – судить о природе языковых стилей. Разумеется, судить о природе языковых стилей должны лингвисты. Поэтому и за состояние разработки проблемы языковых стилей, как и проблемы стилистики в целом, несет ответственность только филолог. Нельзя смешивать интерес к вопросам стилистики, который может быть у представителей самых различных наук, со специальностью, с необходимостью разрабатывать проблемы стилистики как проблемы, относящиеся к языкознанию и литературоведению.

Но если трудно взять под сомнение существование стилистики, то, быть может, легче нанести удары по так называемым языковым стилям? Именно так попытался поступить Ю. С. Сорокин в своей статье об основных понятиях стилистики. Ход рассуждений Ю. С. Сорокина очень несложен: так как еще никому не удалось показать, что тот или иной языковой стиль (например, стиль разговорной речи в отличие от стиля речи литературно обработанной, стиль художественного произведения в отличие от стиля научного повествования и т. д.) обладает признаками, которые не повторяются в другом или других стилях, то по существу своему языковые стили не существуют, они выдуманы досужими людьми. «Употребление научной терминологии, – пишет Ю. С. Сорокин, – далеко выходит за рамки только научной литературы... Истинно научное изложение не замыкается в рамки каких-то особых форм речи. Оно может быть столь же разнообразно и изменчиво, как и изложение чисто художественное»¹.

Спору нет, языковые стили действительно обнаруживают «исключительное разнообразие и изменчивость», однако дает ли это право исследователю не признавать эти стили, объявлять их пустой формальностью? Постараемся разобраться в этом вопросе.

Как нам кажется, в решении вопроса о языковых стилях Ю. С. Сорокин допускает две серьезные ошибки – логическую и фактическую. Кратко остановимся на первой и подробнее осветим вторую.

Известно, что проблема разграничения языковых стилей является очень трудной лингвистической проблемой. Об этих трудностях писали многие выдающиеся лингвисты – русские и зарубежные. Признаки одного языкового стиля частично повторяются не только в признаках другого или других языковых стилей, но и в особенностях литературного языка вообще.

<...> Основываясь на фактах <...> переплетения языковых стилей, Ю. С. Сорокин утверждает, что языковые стили существуют лишь в воображении исследователей. Логическую ошибку Ю. С. Сорокина мы здесь усматриваем в том, что, столкнувшись с трудностями классификации языковых явлений, он не только вовсе отказывается от всякой классификации, но и отрицает реальные различия между языковыми стилями, т. е. отрицает очевидные факты.

Чтобы нагляднее представить себе характер этой ошибки, приведем для сравнения два примера из классификации совсем других явлений.

Известно из истории языкознания, что в конце XIX века возникло такое направление в диалектологии, которое отрицало реальность существования всяких местных диалектов. Сторонники этой концепции утверждали, что в истории языка нет никакой возможности установить такие признаки диалекта, которые частично не повторялись бы в другом или других диалектах. Переходы одних диалектов в другие обычно настолько разнообразны, а границы между диалектами настолько нечетки, что – согласно этой концепции – нельзя говорить о реальном существовании отдельных диалектов. Так возникло направление, отрицавшее реальность существования местных диалектов в истории различных языков.

Характер аргументации Ю. С. Сорокина против реальности существования языковых стилей в общем такой же, каким он был у тех, кто отрицал реальность существования местных диалектов: так как границы между стилями очень изменчивы и подвижны, а признаки одного стиля иногда повторяются в другом или других стилях, то стили в действительности не существуют. <...>

Проведем теперь второе сравнение. Известно, что разграничение романа, повести, новеллы и рассказа проводится в литературоведении. Известно также и то, что неспециалисту

это разграничение в одних случаях может показаться очень простым (например, разграничение романа и рассказа), а в других – очень сложным и условным (например, разграничение новеллы и рассказа). В действительности трудности разграничения различных литературных жанров распространяются на все случаи. Достаточно напомнить лишь такие факты: на обложке «Мертвых душ» Гоголя указано «поэма», а «Евгений Онегин» Пушкина именуется «романом в стихах»; свое огромное многотомное произведение «Жизнь Клима Самгина» сам Горький назвал повестью, а о «Герое нашего времени» Лермонтова Белинский говорил как о романе.

Основываясь на таких фактах, можно было бы предположить, что никакого разграничения в действительности между разными литературными жанрами не существует. Однако такое предположение ошибочно. Разумеется, нет абсолютных критериев разграничения литературных жанров, признаки одного жанра часто повторяются в признаках другого или других жанров, но между разными жанрами есть и реальные различия. <...>

Итак, как бы ни соприкасались разнообразные литературные жанры между собой, между ними существуют не только сходство, но и реальные различия.

Разным наукам и разным областям знания постоянно приходится иметь дело с явлениями, которые выступают и как близкие друг к другу, и как отличные друг от друга одновременно. Логическая ошибка Ю. С. Сорокина, как нам кажется, заключается в том, что он не разобрался в природе этих сложных явлений. Разнообразные стили безусловно родственны друг другу, они выступают как разветвления единого общенародного языка, но одновременно (об этом ниже) они и отличны друг от друга, так как язык, будучи органически связанным со всеми видами деятельности человека, сам зависит от этих последних, выступает в многообразных и разнообразных формах¹. Подчеркивая лишь то, что сближает языковые стили, и закрывая глаза на то, что определяет специфику каждого языкового стиля в отдельности, Ю. С. Сорокин тем самым неправильно осветил проблему языковых стилей в целом.

Но дело не только в логической ошибке Ю. С. Сорокина. Не менее существенна и его фактическая ошибка, к краткому рассмотрению которой мы теперь и перейдем.

Как мы уже знаем, основной довод Ю. С. Сорокина против реальности существования языковых стилей заключается в том, что признаки одного стиля будто бы целиком или почти целиком повторяются в признаках других стилей¹. Он стремится доказать, что художественная манера повествования в такой же мере свойственна истинно научному изложению, как и собственно художественной литературе, а точность и лаконичность языка присуща стилю художественной литературы в такой же степени, в какой и стилю научного изложения и т. д.

Не касаясь пока более общего вопроса о языковых стилях, посмотрим, насколько прав Ю. С. Сорокин в этом последнем своем утверждении. Для доказательства тезиса о том, что стилю истинно художественного произведения свойственна такая же точность, как и стилю научного произведения, Ю. С. Сорокин ссылается на Пушкина. Посмотрим, что разумел Пушкин под точностью стиля художественного произведения и можно ли согласиться с утверждением, что точность стиля истинно художественного произведения в общем как бы равна точности стиля научного изложения.

Нет никакого сомнения, что в своей борьбе с перифрастической и жаргонной манерой изложения Пушкин действительно стремился опереться на простые и обычные слова. «Точность и краткость, – писал Пушкин, – вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей – без них блестящие выражения ни к чему не служат»². Через год, в 1823 г., в письме к Л. С. Пушкину, это же требование поэт распространяет и на поэзию, сожалея, что в стихах Дальвига недостает «единственной вещи – точности языка»³. <...>

Еще более ярко эта же мысль была выражена Пушкиным в 1828 году в знаменитом отрывке: «Прелесть нагой простоты так еще для нас непонятна, что даже и в прозе мы гонимся за обветшалыми украшениями..., поэзию же, освобожденную от условных украшений стихотворства, мы еще не понимаем»⁴. А еще через три года Пушкин заметил: «Определяйте значение слов... и вы избавите свет от половины его заблуждений»⁵. <...>

Тут мы подходим к основным вопросам пушкинского понимания точности слов и выражений. Поэт отвергает такую образность, которая никак не углубляет наших представлений о действительности, об окружающих нас людях. Для чего прибавлять к слову

«дружба» «сие священное чувство, коего благородный пламень и проч.»? Это прибавление не способствует ни углублению наших представлений о дружбе, ни выделению каких-то специфических и характерных для дружбы черт. <...> «Веселые ребята катятся по льду» – это совсем не то же самое, что «мальчишек радостный народ коньками звучно режет лед». Первое предложение может встретиться в разных языковых стилях, второе – только в поэзии или – шире – в стиле художественной литературы (если отвлечься от обычного дополнительного фактора поэзии – рифмы). Выбирая типичное, писатель как бы основывает это типичное на точном понимании разных значений слова. <...> Отношение писателя к слову должно быть очень точным: фигуральные смыслы тогда явятся дальнейшим развитием буквальных значений слова и будут способствовать выбору типичного, запоминающегося, «броского».

Таким образом, точность в стиле художественной литературы это не «точность вообще», а точность конкретная, историческая, точность определенного языкового стиля. Точно так же и образность не существует в языке «вообще», а выступает как историческая категория, присущая языку на определенном этапе его развития. Образность по-разному выявляется в разных языковых стилях.

Как бы широко ни применялась образность в стиле научного изложения, функции образности в этом случае обычно бывают иными, чем в стиле художественного произведения. Различие здесь не количественное, а качественное. В том или ином научном сочинении могут постоянно встречаться «художественные отступления», сравнения, обращения к читателю и т. д., и все же функция образной речи здесь будет иная, чем в рассказе, романе или поэме. Поэтому мы считаем неправильным мнение тех лингвистов, которые выключают понятие «стиля художественной литературы» из ряда языковых стилей на том основании, что в художественном произведении «встречаются все языковые стили». Понятия точности, образности, экспрессивности, как и другие стилистические категории, не механически переключаются из одного языкового стиля в другой, а в системе каждого стиля приобретают глубокое своеобразие. <...>

Признаки одного языкового стиля могут повторяться в другом языковом стиле, но, повторяясь, они обычно всякий раз приобретают иные функции. Так, неразвернутость, своеобразная эллиптичность предложения может характеризовать небрежность разговорного стиля и одновременно тщательную отделанность и «динамичность» поэтического стиля. <...>

То же самое следует сказать о соотношении сочинительных и подчинительных конструкций, которые могут встречаться в самых разнообразных языковых стилях, но функции которых в этих случаях во многом различны. В разговорной речи присоединение при помощи сочинения – это обычный прием простейшей грамматической связи последующего с предыдущим, тогда как в стиле художественной литературы – это многообразный и очень подвижный способ компоновки частей предложения в единое целое. Сходные стилистические средства в разных языковых стилях одновременно выступают и как близкие, и вместе с тем как различные явления. Лев Толстой любил цитировать слова Брюллова о том, что в искусстве все зависит от «чуть-чуть». Это «чуть-чуть» приобретает огромное значение и в стилистике. Сходные стилистические средства в системе разных языковых стилей «чуть-чуть» непохожи друг на друга.

Возвращаясь к одному из наших основных положений, подчеркнем еще раз, что какие бы признаки различных языковых стилей мы ни взяли, всякий раз при анализе определенного стиля вопрос будет сводиться не столько к тому, какой процент тех или иных стилевых признаков заключается в данном стиле, сколько прежде всего к тому, какую функцию выполняют эти признаки в общей системе данного стиля. В этом смысле такие понятия, как «точность», «художественность», «терминологичность», «разговорность» и т. д., окажутся не только понятиями историческими, но и понятиями функционально различными, в зависимости от того, в пределах какого стиля, какой исторической эпохи и какого языка они встречаются. <...>

Различие между языковыми стилями может быть обнаружено экспериментально. Представим себе, что мы слышим «гладкую речь» оратора, но затем, ознакомившись с письменным докладом этого же оратора, обращаем внимание на неуклюжие фразы, как бы рас-

ползающие в разные стороны, а подчас и вовсе неясные по своему смыслу. <...> Л. В. Щерба в уже упоминавшейся статье «Современный русский литературный язык» очень верно и метко писал: «Можно сказать – и многие лингвисты так и думают, – что все эти разновидности (языковых стилей. – Р. Б.) в сущности не нужны и что лучше было бы, если бы все писалось на некотором общем языке. Особенно склонны люди это думать о канцелярском стиле – термин, который приобрел даже некоторое неодобрительное значение. Конечно, во всех этих разновидностях существуют бесполезные пережитки вроде, например, архаического оний канцелярского стиля, но в основном каждая разновидность вызывается к жизни функциональной целесообразностью»¹. Здесь все правильно и глубоко понятно: и то, что неспециалисты готовы свести своеобразие того или иного стиля к какой-нибудь случайной мелочи (канцелярское оний), не видя более существенных и своеобразных различий. Не менее справедлива и другая мысль Л. В. Щербы, согласно которой разнообразные стили постоянно соприкасаются между собой: сама возможность различия устного и письменного стиля языка перекрещивается с возможностью других делений внутри языковых стилей.

В начале статьи мы подчеркнули, что существование языковых стилей обусловлено самой природой языка и его историей. Язык связан со всеми видами деятельности человека, поэтому нельзя себе представить, чтобы эти виды деятельности не наложили бы своего отпечатка на язык. Многообразие языковых стилей не только не отрицает единства общенародного языка, но было бы невозможно без этого единства. В этом обнаруживается характерная особенность языка: его общенародный характер выявляется в самых разнообразных формах. В этом смысле можно утверждать, что само единство языка как бы предполагает многообразие форм проявления данного единства.

Разумеется, языковые стили – категория историческая. Как мы подчеркивали, в разных языках, в разные исторические эпохи их существования, языковые стили могут и дифференцироваться, и соприкасаться между собой по-разному. В эпоху Ломоносова языковые стили были иными, чем сейчас. Различия обнаруживаются здесь прежде всего в том, что языковые стили современного русского языка гораздо шире воздействуют друг на друга, чем во времена Ломоносова. И это понятно, если учесть мощное развитие письменности и литературы, всеобщую грамотность народа, огромное обогащение словарного состава языка. Однако более гибкое соотношение между языковыми стилями нашей эпохи по сравнению с системой языковых стилей XVIII в. вовсе не означает, что различия между языковыми стилями сходят на нет. Обогащение словарного состава языка, рост литературы и общей культуры народа не могли не отразиться на характере языковых стилей. Принципы дифференциации языковых стилей стали теперь гораздо более сложными, чем в эпоху Ломоносова¹.

Задача конкретного исследования как раз и заключается в том, чтобы выявить пути формирования языковых стилей в разных языках в разные исторические эпохи. <...>

¹ В истории разных языков в разные эпохи их существования соотношение между неодинаковыми языковыми стилями складывается очень своеобразно. Как показал в своем большом трехтомном исследовании Л. Ольшки, в истории многих западноевропейских языков стиль научного изложения некогда был ближе к стилю художественного повествования, чем теперь. Слишком «художественный» характер изложения Галилея раздражал Кеплера, а Декарт находил, что стиль научных доказательств Галилея слишком «беллетризирован». Это становится понятным, если учесть, что литературным языком западноевропейского средневековья была, как известно, латынь, поэтому в эпоху Возрождения изложение научных сочинений на живом родном языке строилось как бы на основе опыта и традиции стиля художественной литературы. Очень существенно и то, что первые периодические специальные научные журналы появляются в Западной Европе лишь во второй половине XVII в. См.: *Ольшки Леонардо. История научной литературы на новых языках (русс, перевод). Т. П. М. – Л., 1934. Гл. 2 и 3.*

Нам кажется, что следует разграничить собственно языковые стили, которые обуславливаются самой природой языка, и такие языковые явления, которые непосредственно не определяются природой языка, а скорее зависят от специфики других общественных явлений. Так, различия между стилем литературно обработанного языка и стилем языка разговорного, между книжной и разговорной речью, между стилем художественного повествования и сти-

лем научного изложения – результат самих особенностей языка, обслуживающего все сферы деятельности человека, тогда как различия, например, внутри «стиля художественного повествования» (например, между «стилем басни» и «стилем поэмы») определяются уже не сущностью языка, а жанровыми особенностями самой литературы. Точно так же наличие специальных химических терминов в сочинении по химии или специальных биологических терминов в трактате по биологии детерминируется отнюдь не тем, что существуют особые «химический» или «биологический» языковые стили – таких стилей, разумеется, не существует, а тем, что каждая наука оперирует своими специфическими понятиями, обусловленными своеобразием самого объекта этой науки.

К сожалению, вопрос о природе разных языковых стилей все еще мало изучен. Между тем существенно показать, какие различия являются собственно языковыми и какие определяются другими общественными факторами, зависят от специфики других областей знания.

Большие трудности связаны и с терминологией. У нас нет общепринятых терминов для обозначения различных языковых стилей. Даже на протяжении этой небольшой статьи можно обнаружить известные колебания: стиль художественной литературы – стиль художественного повествования и т. д. Настало время подумать о единстве наименований для различных языковых стилей.

Трудности разграничения языковых стилей действительно очень велики. В некоторых работах последних лет наблюдалось упрощение этой очень сложной проблемы: в каждом мало-мальски своеобразном контексте склонны были видеть чуть ли не особый языковой стиль. Ю. С. Сорокин прав, протестуя против такого ошибочного решения вопроса, против бесконечных и неоправданных дроблений единого языкового целого. Но трудности разграничения языковых стилей не должны закрывать перед нами реальных языковых фактов. То, что языковые стили переплетаются и широко взаимодействуют между собой, вовсе не означает, что языковых стилей не существует. Между тем из правильного наблюдения Ю. С. Сорокин сделал, на наш взгляд, совершенно неправильный вывод.

Языковые стили – это понятие и общелингвистическое, и, вместе с тем, историческое и национальное. Языковой стиль – это разновидность общенародного языка, сложившаяся исторически и характеризующаяся известной совокупностью языковых признаков, часть из которых своеобразно, по-своему, повторяется в других языковых стилях, но определенное сочетание которых отличает один языковой стиль от другого. Не существует неизменных языковых стилей, но существует постоянное развитие, взаимное воздействие, взаимное отталкивание и непрерывное совершенствование и обогащение внутренних ресурсов разных языковых стилей. Историю языковых стилей нельзя рассматривать в отрыве от истории общенародного языка, который является основой и источником языковых стилей.

И. Р. Гальперин Речевые стили и стилистические средства языка¹

Вопросы стилистики в последнее время все больше и больше начинают привлекать к себе внимание лингвистов, интересы которых не ограничиваются проблемами историко-грамматического анализа фактов языка. Однако до сих пор нет более или менее ясного представления о том, что составляет предмет этой науки. Очевидно поэтому некоторые наши лингвисты вообще отрицают существование стилистики. Отрицание стилистики как науки основывается обычно на том, что понятия, которыми оперирует стилистика, якобы не вычлениваются из других разделов науки о языке: выразительные средства языка – не предмет стилистики, а предмет грамматики и лексикологии; язык и стиль писателя – это дело литературоведов, для которых язык – «первоэлемент» литературы; что же касается речевых стилей, то, как об этом пишет в своей дискуссионной статье Ю.С. Сорокин, таких вообще не существует.

Есть ли необходимость доказывать объективное существование различных стилей языка? Мне кажется, такой необходимости нет. <...> Осознанным представляется факт наличия в языках, имеющих длительную историю развития письменной литературы, определенных, более или менее замкнутых систем, отличающихся друг от друга особенностями использования языковых средств. Именно этот системный характер использования языковых

средств (под системным характером использования языковых средств понимается их взаимообусловленность и их взаимоотношения внутри данного стиля речи) приводят к тому, что в различных сферах употребления языка нормализуется выбор синтаксических конструкций, словоупотребление, характер применения образных средств языка и т. д.

Трудность определения различий между речевыми стилями заключается в том, что до настоящего времени еще ни один из них не исследован с точки зрения системности средств языкового выражения. В лингвистической литературе можно найти лишь анализ отдельных разрозненных черт того или иного стиля. <...>

Определение своеобразия речевого стиля по одной или даже нескольким особенностям языкового выражения представляется неправомерным. Такой подход неизбежно приводит к «закреплению» за речевыми стилями отдельных элементов языка. Но ведь очевидным является тот факт, что те или иные лексические средства, отдельные структурные особенности предложений, образные средства языка и др. не принадлежат к какому-то определенному стилю речи. Нет особого синтаксиса научной речи. Сложные предложения с четко выраженной дифференциацией средств союзного подчинения характерны не только для стиля научной речи, но также и для стиля официальных документов, и для стиля художественной литературы (ср., например, английские эссе XVIII и XIX вв.). Нельзя считать исключительной принадлежностью стиля научной речи и специальную терминологию. Она разнообразно используется и в стилях газетном, деловом, и в художественной прозе. К какому стилю речи принадлежат архаизмы? В английском языке они встречаются в исторических романах как средство стилизации; в ранней романтической поэзии – со специальной эстетической функцией, связанной с мировоззрением поэтов-романтиков; в стиле официальных документов архаизмы являются необходимым средством соотнесения языковой формы документа с языковыми особенностями кодексов и законоуложений; в изустной поэзии они представляют собой традиционный элемент народного творчества и поэтической фразеологии.

То же можно сказать и о других синтаксических и лексических средствах языка. Определить их исключительную принадлежность к тому или иному стилю речи – значит растворить понятие стиля в понятии языка. Это значит прийти к заключению о том, что нет языка вне стиля. <...>

Смешиваются два явления: функционирование языка и стиль языка как общественно осознанная нормализованная система средств выражения, обусловленная определенными целями общения.

Многообразные формы функционирования языка не всегда создают какую-то определенную систему: они часто определяются условиями общения. Поэтому представляется целесообразным различать особенности средств выражения, связанные с условиями общения, и особенности средств выражения, являющиеся результатом сознательного отбора этих средств для конкретных целей. Так, деление речи на устную и письменную, в основном, связано с условиями, в которых реализуется общение. <...>

Учитывая различия устной и письменной речи, с одной стороны, и различие между стилями речи, с другой, целесообразно во избежание терминологической путаницы по-разному называть эти явления. Можно условно назвать формы речи, связанные с теми или иными конкретными условиями общения, типами речи, а формы речи, представляющие «целесообразно организованные системы средств выражения», – стилями речи. И устный, и письменный типы речи могут в процессе своего развития и совершенствования вырабатывать свои стили, закрепленные общественной практикой. Но наиболее четко выступают стили письменного типа речи. В устном типе речи, пожалуй, только форма изустной поэзии выделяется системой своих средств выражения и поэтому может быть названа стилем. Формы же бытового общения, как было сказано выше, такой системой не обладают и поэтому не должны рассматриваться как стили речи.

Следует, однако, отметить, что устная речь еще почти не подвергалась научному анализу; даже характерные ее черты – лексические и синтаксические – часто рассматривались как нарушения или отклонения от языковых норм¹. Однако «... трудность отыскания чего-либо не доказывает еще отсутствия искомого»². Поэтому возможно, что при более тщательном

анализе различных форм устного общения здесь будут обнаружены свои стили, характеризующиеся определенной системностью средств языкового выражения.

Осознанность системы средств выражения в определенных целях общения представляется нам самым существенным моментом при выделении речевых стилей национального языка. Стиль языка – это именно «... целесообразно организованная система средств выражения...»³. Поэтому естественно, что при характеристике стиля языка нельзя ограничиваться простым перечнем языковых средств. Необходимо определить, в каких взаимоотношениях эти средства находятся друг с другом, как они относятся к живым нормам общелитературного языка в целом. <...>

• В литературном языке выделяется особо стиль поэтический (в широком смысле этого слова) с его разновидностями: художественной прозой и поэзией. <...>

Особенность и своеобразие этого стиля речи <...> заключается не столько в отборе тех или иных средств языка, сколько в использовании этих средств в целях «художественного, обобщенного воспроизведения и освещения» жизни и деятельности общества. <...> При этом необходимо разграничить, с одной стороны, понятие поэтического стиля вообще и, с другой стороны, понятие индивидуально-художественного стиля писателя как частного проявления закономерностей поэтического стиля.

Индивидуально-художественный стиль противопоставляется функциональным стилям языка по разным направлениям. Представляя собой, как и функциональные стили, определенную систему средств выражения, он не может, по самому содержанию понятия, быть системой, нормализованной общественным коллективом.

Система индивидуально-художественного стиля характеризуется своим индивидуальным своеобразием отбора, организации и творческой обработки языковых средств.

С точки зрения проявления индивидуального в использовании языковых средств речевые стили литературного языка допускают значительную амплитуду колебаний. Такие стили речи, как, например, стиль официальных документов, стоят на грани почти безличного творчества. Индивидуальная манера выражения здесь почти полностью отсутствует. Действительно, можно ли усмотреть какую-нибудь индивидуальную особенность в приказах, деловых письмах, уставах и др.? Проявление индивидуального в таких стилях речи обычно рассматривается как нарушение установленных норм данного литературного стиля речи. То же можно сказать и о разновидности газетного стиля – газетных сообщениях, которые тоже проявляют своего рода безразличие к личности пишущего. Несколько иначе обстоит дело с другой разновидностью газетного стиля – газетными статьями, хотя здесь проявление индивидуального в значительной степени ограничено общими закономерностями газетного стиля.

В стиле научном проявление индивидуального становится вполне допустимым. Но показательно, что в отношении этого стиля можно говорить о проявлении индивидуального лишь как о чем-то допустимом, а не как об органическом качестве стиля. И все же стиль научной речи значительно дальше отстоит от того «безличного творчества», которое характеризует некоторые другие речевые стили (см. выше). <...>

Проявление индивидуального в стиле поэтическом (в широком смысле этого слова) является едва ли не основным требованием этого стиля. Возникает вопрос: не разрушается ли этим требованием единство поэтического стиля именно как стиля в том понимании, которое изложено в настоящей статье? Нам представляется, что такой стиль с его разновидностями (стихотворная речь, художественная проза, драматургия и пр.) выделяется как самостоятельный стиль литературного языка. Объединяющим фактором здесь является то, что «художественная литература воздвигается на базе общенародного языка посредством его образно-эстетической трансформации»¹. Следовательно, то, что в других стилях речи появляется эпизодически и нерегулярно, – образная интерпретация фактов и явлений окружающей жизни – в поэтическом стиле становится его основным и определяющим признаком.

***

Говоря о речевых стилях общенародного языка, приходится оперировать такими терминами, как «стилистические средства языка», «выразительные средства языка». Точное определение этих понятий представляется существенно необходимым, так как само разграниче-

ние стилей речи основано на отборе и взаимодействии выразительных и стилистических средств языка.

С позиций нормативной грамматики выразительные (или стилистические) средства языка понимаются очень широко: в разряд выразительных средств языка зачисляется всякое отклонение от традиционных схем письменной речи, лишенной эмоциональной характеристики; как выразительные средства рассматриваются разнообразные эллиптические обороты, инверсии, повторы, обособленные обороты и т. д. К выразительным средствам относится часто и использование разговорной лексики.

Прежде всего, надо иметь в виду, что никакой резкой грани между эмоциональной речью в широком смысле этого слова и речью неэмоциональной, или, как ее часто называют, речью логической, провести невозможно. Логическая речь может иметь эмоциональную окраску, эмоциональная речь может быть строго логически построенной. <...>

Чем же отличается стилистическое средство (или, что то же самое, стилистический прием) от выразительных средств, наличествующих в литературном языке? Стилистический прием есть обобщение, типизация, сгущение объективно существующих в языке фактов, средств для выражения мысли. Это есть не простое воспроизведение этих фактов, а творческая их переработка. Это творческое использование реальных возможностей языкового выражения может принимать иногда причудливые формы, граничащие с парадоксальностью употребления, с гротеском. Любое выразительное средство языка может быть использовано как стилистический прием, если оно типизировано и обобщено для определенных целей художественного воздействия. Теория художественной речи, если можно так назвать один из разделов стилистики языка, уже отобрала ряд таких приемов, наиболее часто встречающихся в языке художественной литературы, и выявила определенные закономерности в характере их употребления. <...> Можно определить предмет и задачи стилистики следующим образом: стилистика – это наука о способах и путях использования выразительных средств языка и стилистических приемов в различных стилях литературного языка; о типах речи и речевых стилях данного литературного языка; о соотношенности средств выражения и выражаемого содержания.

В. Г. Адмони и Т. Н. Сильман ОТБОР ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ И ВОПРОСЫ СТИЛЯ¹

Мы постараемся в первую очередь коснуться вопроса о самом существовании понятия «языковой стиль», о его границах и разновидностях. Для этого необходимо выяснить, каким образом те явления, которые объединяются в понятии языкового стиля, связаны с языком вообще, в его цельности и многообразии, на основе каких сторон языка и каких языковых закономерностей возникают важнейшие признаки языкового стиля и насколько они распространены в языке.

Основным признаком языкового стиля, так или иначе признаваемым всеми исследователями, можно считать фактор отбора языковых средств. Идет ли речь о стиле как системе, или о стиле как оформлении целенаправленного высказывания – во всех этих случаях подразумевается тот или иной отбор средств языка, направленный к осуществлению определенной цели. Поэтому нам кажется целесообразным и начать с рассмотрения тех факторов, которые ведут к отбору языковых средств.

Процесс речевого общения осуществляется в различных конкретных формах – форме диалогической или монологической речи, в форме устной или письменной речи, с их дальнейшими разновидностями. И уже эти различия в коммуникативной форме речи обуславливают собою известный отбор языковых средств, преимущественно грамматических. Для некоторых коммуникативных форм речи в языке вырабатываются даже свои специфические грамматические категории (таковы, например, вопросительные или побудительные предложения как формы высказывания, характерные для диалога)¹. Однако таких грамматических форм, которые закрепляются за определенными коммуникативными формами речи, очень немного: это конструкции, выражающие некоторые из самых основных и глубинных, самых древних и органически необходимых разновидностей форм общения. В языке несравненно больше грамматических форм, которые отнюдь не прикреплены к тому или иному,

виду речи, но постоянно повторяются в нем. Так, в устной форме речи, особенно в диалоге, сама ситуация, в которой осуществляется речевой процесс, открывает дверь многообразным эллипсам, сравнительной краткости предложений, отсутствию сложных конструкций. Однако соответствующие языковые явления (эллиптичность, краткость предложений и т. п.) отнюдь не закреплены за диалогическим видом речи. С другой стороны, в диалоге (в зависимости от его содержания, эмоционального тона и т. д.) могут встречаться и развернутые, сложные структуры предложения. Следовательно, отбор определенных языковых явлений типичен для разных коммуникативных форм речи, но не имеет абсолютного характера. <...>

Наличие различных коммуникативных форм речи вызывает к жизни известный отбор языковых средств, который, однако, не ведет к превращению этих форм речи в замкнутые языковые системы.

Известный отбор языковых средств закономерно возникает также в связи с тем, что язык используется как средство общения во всех сферах человеческой деятельности, а также в связи с многообразием предметов речевого общения. Оба эти момента тесно связаны между собой, но иногда соотносятся очень сложным и противоречивым образом.

Особое значение приобретает здесь отбор лексических средств. Естественно, что речевое общение, протекающее в какой-либо сфере человеческой деятельности и имеющее своим предметом эту деятельность (например, какую-либо отрасль техники), широко и систематически использует слова, обозначающие предметы и явления, относящиеся к этой сфере деятельности. Более того, общение в различных сферах человеческой деятельности, имеющее своим содержанием эту деятельность, может характеризоваться известным отбором не только в отношении конкретного лексического состава, но и в отношении самого типа употребляемых слов. <...>

Та или иная сфера деятельности, а также предмет речевого общения в известной степени влияют и на отбор грамматических форм, впрочем, перекрещивающийся с отбором, обусловленным коммуникативной формой речи.

Для отбора языковых средств в зависимости от сферы общения существенно и то, что речь может характеризоваться определенной окрашенностью тона. Мы имеем здесь в виду так называемую «социальную ситуацию», в зависимости от которой, как отмечает В. В. Виноградов, можно различать «стиль торжественный, стиль подчеркнуто вежливый и т. д.»¹

<...> Значительное влияние на отбор языковых средств оказывают и такие факторы, которые коренятся не в общих условиях коммуникации, а в подходе говорящего (пишущего) к своему высказыванию, в его индивидуальной установке. Конечно, сама эта индивидуальная установка (в дальнейшем мы будем говорить просто «установка говорящего») имеет объективный характер, во-первых, потому, что она порождена объективными социальными факторами, а во-вторых, потому, что ее языковое выражение в силу социальной природы языка неизбежно должно отлиться в определенные объективные и закономерные формы, допускающие, правда, огромное количество частных вариантов.

В самой индивидуальности этой установки говорящего (с точки зрения ее влияния на отбор языковых средств) существует множество градаций. Если в некоторых случаях установка говорящего отличается значительной сложностью и своеобразием и выражается в чрезвычайно сложном отборе языковых средств, то в других случаях она оказывается более простой, носит более обычный, типический характер и выражается в более типичных и устойчивых, постоянно повторяющихся формах отбора языковых средств.

Таким более устойчивым характером отличается отбор языковых средств, осуществляющийся на базе эмоциональной установки говорящего, т. е. на базе различного эмоционального наполнения речи. Здесь, конечно, также возможны самые разнообразные индивидуальные формы и разновидности отбора, но за ними ясно намечаются определенные типические явления. Так, для повышенно эмоциональной речи особенно характерно употребление эллипсов и инверсий, отсутствие сложных синтаксических построений. Менее постоянным признаком повышенно эмоциональной речи являются лексические средства (существенное значение имеют здесь, например, междометия, определенные типы которых закреплены за этим видом речи).

Надо подчеркнуть, что отбор языковых средств в зависимости от эмоционального содержания речи перекрещивается с отбором языковых средств, обусловленным другими ранее упоминавшимися сторонами языкового общения. <...>

Значительное влияние на отбор языковых средств оказывает стремление к выразительности и четкости речи. В этом факторе отбора языковых средств также ярко выступает установка говорящего; но и здесь при всем возможном многообразии явственно проявляются общие, типические тенденции, возникающие на основе конкретных черт строя данного языка. <...>

Установка говорящего как фактор, обуславливающий отбор языковых средств, приобретает особое значение при выражении говорящим его познавательно-оценочного отношения к предмету речи, к адресату речи, вообще к действительности. Переплетаясь с различными оттенками эмоциональности, многообразные формы выражения познавательно-оценочного отношения говорящего к предмету речи, определяющегося его мировоззрением и конкретными условиями общения, получают разное выражение путем отбора языковых средств.

На базе познавательно-оценочного отношения говорящего к содержанию высказывания, а также к адресату речи и вообще к ситуации оформляются многообразные типы эмоционально-экспрессивной речи. Отбор языковых средств, преимущественно лексических и синтаксических, особенно интонационных, складывается здесь на основе слитного выражения целого ряда моментов: самой оценки, ее эмоциональной интенсивности, характера «социальной ситуации», не говоря уже о влиянии таких факторов, как коммуникативные формы речи, стремление к выразительности и т. д. <...>

Отбор языковых средств пронизывает, таким образом, всю жизнь языка, составляет одну из сторон его непосредственного функционирования. На основе такого отбора, соответственным образом организованного, в результате взаимодействия между разными определяющими его факторами и возникает то, что называется языковым (или речевым) стилем, т. е. более или менее выдержанное единство языковых средств, которое может характеризовать как отдельное высказывание, так и целый ряд высказываний. <...>

Мы попытаемся <...> остановиться на некоторых наиболее общих чертах языковых стилей.

Устойчивость и повторяемость факторов, определяющих отбор языковых средств, ведет к типизации и единообразию языкового оформления целого ряда отдельных высказываний, т. е. к созданию языковых стилей, имеющих не индивидуальное, а общее значение. Положение об отсутствии общих языковых стилей равно положению о полной несистемности и хаотичности факторов, вызывающих отбор языковых средств, о случайности их действия. А между тем эти факторы определяются самой природой языка, его социальной функцией, обладают устойчивостью, и поэтому на их основе обязательно должны вырастать устойчивые типы языкового оформления речи – «общие» языковые стили.

Уже исходя из этих общих положений, мы никак не можем согласиться с Ю. С. Сорокиным, который вообще отрицает для современного русского языка существование сколь-нибудь устойчивых общих языковых стилей. Неосновательность этого утверждения легко может быть доказана. Достаточно прочитать подряд несколько статей различных авторов в любом математическом, физическом и т. п. специальном журнале, рассчитанном не на широкого читателя, а на специалиста, и мы увидим значительное единообразие (хотя, конечно, и не полную тождественность) использованных при построении научного текста языковых средств. В этой связи становится очевидным, что каждый языковой стиль обладает чертами известной системы, более или менее единообразной организацией языкового материала, т. е. наличием тех или иных признаков, которые придают ему особое своеобразие, качественную определенность.

Однако было бы ошибкой не видеть, что системы языковых стилей, особенно в современном языке, – это системы не застывшие, а легко проникающие друг в друга, варьирующиеся. <...>

В современных национальных языках языковые стили как системы не отгорожены друг от друга. В этом смысле правильной в своей основе представляется та критика, которой Ю. С. Сорокин подвергает понятие «замкнутой стилистической системы». Надо подчеркнуть, что эта критика весьма актуальна: в практике советского языкознания, особенно в методике

преподавания иностранных языков, еще совсем недавно тезис о замкнутости языковых стилей широко применялся и из него делались далеко идущие выводы. При этом обычно замкнутость стилистической системы понималась слишком прямолинейно, без тех существенных оговорок, которые делались ведущими языковедами и которые, кстати, Ю. С. Сорокин не учитывает в своей полемике.

Вместе с тем надо отметить, что гибкость и подвижность системы языкового стиля сочетается с цельностью и законченностью этой системы. Это особенно ярко проявляется в области художественной литературы, лучших образцов публицистической и научной речи. Именно здесь огромный и сложный арсенал используемых языковых средств преобразуется в органическое единство, в своеобразный сплав, в котором нет ничего лишнего и ничего недостающего.

Ни один из языковых стилей со специфическим для него отбором языковых средств не претендует (и не может претендовать) на обслуживание жизни общества во всех ее проявлениях; в едином общенародном языке существует своеобразное «разделение труда»: каждый стиль обслуживает ту или иную сферу социальной жизни.

В. Д. Левин О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ СТИЛИСТИКИ¹

Пафос статьи Ю. С. Сорокина «К вопросу об основных понятиях стилистики» направлен на отрицание объективного существования в условиях развитого национального языка языковых стилей как определенных систем средств выражения, обладающих семантической и экспрессивной замкнутостью и характеризующихся своими языковыми приметами. Таким образом, Ю. С. Сорокин пытается ликвидировать основное понятие стилистики как лингвистической дисциплины. Если быть последовательным до конца, то такая точка зрения должна привести к ликвидации самой этой дисциплины, теряющей свой объект исследования. Ведь нельзя же всерьез говорить о том, что предметом стилистики должен стать каждый отдельный контекст, каждое отдельное высказывание в его своеобразии и неповторимости. Изучение лишь единичных фактов и явлений, без их обобщения, никогда не может создать научной дисциплины. Между тем – хотел этого автор статьи или не хотел – объективный смысл его рассуждений именно таков: поскольку объектом стилистики объявляется стиль индивидуального высказывания, постольку в концепции Ю. С. Сорокина не оказывается той стилистической категории, которая могла бы объединить, систематизировать все «конкретное многообразие стилистических применений элементов языка».

Положение Ю. С. Сорокина об отсутствии языковых стилей подверглось справедливой критике в статьях Р. Г. Пиотровского, Р. А. Будагова, И. Р. Гальперина, В. Г. Адмони и Т. И. Сильман, напечатанных в журнале «Вопросы языкознания». Однако не все в этой критике удовлетворяет. Так, Р. А. Будагов, отстаивая реальное существование стилей языка, основное свое внимание сосредоточивает на том, каковы функции выразительных средств языка в том или ином языковом стиле. Поэтому он смог, в самой общей форме, указать на своеобразие лишь «стиля художественного повествования» (принадлежность которого к языковым стилям вообще сомнительна, о чем – ниже), отграничив его от стилей нехудожественных, которые берутся при этом нерасчлененно, недифференцированно. Своеобразие этих последних, лингвистическое содержание их остается нераскрытым.

Одним из основных понятий стилистики как лингвистической дисциплины является понятие стилистической окраски языковых элементов: слов, выражений, форм, конструкций. Понятие стиля языка и понятие стилистической окраски языковых элементов не только соотносительны, но и немыслимы одно без другого. Нельзя, как это делает Ю. С. Сорокин, признавать наличие у языковых явлений стилистической окраски и одновременно отрицать существование стилей языка. Ведь стиль языка как лингвистическая категория представляет собой совокупность обладающих определенной окраской языковых средств, которые образуют здесь цельную, законченную систему. Тот или иной языковой стиль существует постольку, поскольку можно в языке выделить такие факты, которые обладают данной стилистической окраской (это не исключает того, что в характеристику стиля языка входят и негативные признаки, а также и сами способы, принципы объединения и организации языкового ма-

териала); с другой стороны, определение стилистической окраски элементов языка означает не что иное, как их отнесение к тому или иному языковому стилю. Не следует поэтому бояться говорить об ограниченности и замкнутости языковых стилей. Ведь стилистическая окраска языкового элемента в каком-либо направлении неизбежно суживает сферу и возможности его употребления; следовательно, и стиль языка, как совокупность таких элементов, не может не оказаться определенным образом ограниченным и замкнутым. Замкнутость стиля означает лишь то, что ему, с одной стороны, свойственны определенные, составляющие его специфику языковые средства и, с другой стороны, не свойственны некоторые другие языковые средства, обладающие другими стилистическими качествами.

Отрицание замкнутости, ограниченности стиля (что неизбежно означает отрицание самих стилей) связано у некоторых исследователей с подменой стиля языка, т. е. определенного языкового типа, конкретной формой его реализации в отдельном высказывании, контексте или произведении – тем, что Ю. С. Сорокин называет «стилем речи» и неправоммерно объявляет единственной стилистической реальностью, заслуживающей изучения («функциональная стилистика»).

Но стиль отдельного высказывания или произведения письменности относится к стилю языка как частное к общему. Отмеченное в статье Ю. С. Сорокина недостаточное выдержанное соблюдение норм или особенностей стиля языка в стиле конкретного произведения не может, разумеется, служить основанием для отрицания объективного существования языковых стилей. Более того, тот факт, что эти отклонения с той или иной степенью отчетливости ощущаются, с несомненностью свидетельствуют о наличии у нас представления об относительно устойчивых нормах стиля как внутренне организованной системы средств выражения. <...>

Отрицание стилей языка и замена их индивидуальными «стилями речи» связаны в статье Ю. С. Сорокина с неправильным, с моей точки зрения, представлением о соотношении контекста и стилистической окраски языковых элементов.

Ю. С. Сорокин развивает мысль о том, что «полная и конкретная стилистическая характеристика слова может быть дана только в контексте речи», что «реальная окраска» и «конкретное назначение» слова в речи определяется прежде всего его отношениями с другими словами в речи, «той смысловой перспективой, в которую слово оказывается «вдвинутым» в каждом отдельном случае». Другими словами, элементы языка – слова, выражения, формы – сами по себе лишены «реальной окраски» и приобретают ее каждый раз в зависимости от контекста. Очевидно, что вопрос о стилистической окраске слова подменен здесь вопросом о возможных выразительных функциях его в контексте. <...>

Организация контекста, действительно, определяет конкретные функции стилистически окрашенного языкового факта. Употребление разностильных элементов, например, в художественном произведении, может играть различную роль: оно создает нарочитое, нередко комическое или сатирически заостренное столкновение и противопоставление; оно может служить и средством создания многопланового, «многоголосого» повествования, в котором стилистическая окраска слова, не выделяясь так ярко и отчетливо, как в первом случае, тем не менее активно участвует в создании общей стилистической характеристики целого. Ведь нельзя же забывать, что контекст не есть нечто заранее данное, в которое «вдвигается» тот или иной языковой элемент, что сам контекст конструируется из этих обладающих определенной стилистической окраской элементов языка. <...>

Преувеличение роли контекста неизбежно приводит к отказу от определения стилистической окраски языковых элементов, которая оказывается изменчивой и непостоянной. Такой взгляд на стилистическую окраску сродни попыткам отказать слову в значении на основании того, что значение реализуется только в контексте.

***

<...> Стилистическая окраска языковых средств ближайшим образом связана и соотносена со «стилем языка». Определив и описав разные типы стилистической окраски в каком-либо языке, мы тем самым определяем и систему стилей этого языка. В этой связи важно отметить, что стилистическая окраска языковых средств может исходить из разных признаков,

и, соответственно этому, сами стили языка могут оказаться расположенными в разных плоскостях, разных планах. Отчетливо выделяются два ряда стилистических окрасок: стилистическая окраска, раскрывающая экспрессивно-эмоциональное содержание речи (экспрессивно-стилистическая окраска и, соответственно, экспрессивные стили языка), и стилистическая окраска, указывающая на область общественного применения языкового средства (функционально-стилистическая окраска и, соответственно, функциональные стили языка).

Экспрессивно-стилистическая окраска языковых средств, кажется, никем не оспаривается, и ее реальное существование ни у кого не вызывает сомнений. Что касается функциональных стилей, то бесспорным здесь признается только деление на книжную и разговорную разновидности языка; стили же книжной речи, связанные с тем или иным видом письменности – научной литературой, официально-деловой письменностью, публицистикой, ставятся нередко под сомнение или безоговорочно отрицаются, как это имеет место в статье Ю. С. Сорокина.

Ю. С. Сорокин прав, говоря о том, что -в нашем языкознании нет удовлетворительного описания стилистической системы языка, не раскрыты языковые приметы тех или иных стилей. Но можно ли на этом основании утверждать, что таких примет вообще нет? Думается, что это неправомерно. Функционально-стилистическая окраска многих языковых средств очевидна. <...>

Неправомерно, как мне представляется, исключать специальную научную терминологию из числа стилистически окрашенных средств языка и причислять ее, как это делает Ю. С. Сорокин, к нейтральной лексике. Наличие двух рядов стилей – экспрессивных и функциональных – означает, что и понятие нейтрального должно быть дифференцированным: нейтральное с точки зрения экспрессивной может оказаться стилистически окрашенным с точки зрения функциональной; как раз так и обстоит дело с научной терминологией.

Следует признать, что функционально-стилистическая окраска обнаруживается в языке значительно менее ярко и отчетливо, чем та стилистическая окраска, которая связана с разного рода экспрессиями. Экспрессивно-стилистическая окраска присуща слову или выражению непосредственно, она такой же неотъемлемый его признак, как лексическое или грамматическое значение.

<...> Если в экспрессивных стилях стилистическая характеристика контекста определяется стилистической окраской составляющих его элементов, то в функциональных стилях стилистическая окраска генетически обусловлена преимущественным употреблением данного языкового факта лишь в определенных условиях, в определенных контекстах. Этими отношениями между характером целого – высказывания, контекста и составляющих его элементов объясняется меньшая яркость, определенность и устойчивость и большая историческая изменчивость функционально-стилистической окраски языковых элементов. При этом у разных функциональных стилей историческая изменчивость их языковых примет неодинакова. Здесь существенны роль и значение данного вида литературы в общественной жизни, его жанровая определенность, степень влияния стиля на общелитературный язык и т. д. Так, очевидно, наименее устойчивы признаки стиля публицистики в силу ее роли в жизни общества. Почти вся вновь возникающая общественно-политическая терминология и фразеология первоначально несет на себе яркую окраску публицистического стиля; постепенно эта окраска может ослабевать и соответствующая лексика и фразеология переходит в разряд общекнижной или даже нейтральной.

Все это, однако, не может служить основанием для отрицания объективного существования функционально-стилистической окраски и, следовательно, соответствующих языковых стилей. Ведь связь общественной функции и языковых средств в каждом функциональном стиле обладает все же для данной эпохи определенной устойчивостью, будучи социально обусловлена речевой практикой говорящего на данном языке коллектива¹.

Таким образом, стилистическая характеристика включает в себя выражение как определенной экспрессии, так и сферы общественного применения того или иного языкового факта. Экспрессивные и функциональные стили лежат в разных планах (хотя до некоторой степени и взаимообусловлены); но важно отметить, что в обоих случаях речь идет о совокупности элементов, обладающих определенной стилистической окраской, совокупности позитивных

и негативных языковых признаков. В обоих случаях, следовательно, выделение стиля опирается на два взаимообусловленных фактора: 1) на наличие специфических фактов языка, обладающих определенной стилистической окраской и поэтому составляющих своеобразие данного стиля; 2) на относительную стилистическую «замкнутость», ограниченность стиля, т. е. на неуместность употребления в нем таких языковых средств, которые воспринимаются как принадлежащие другим стилям. Последовательное и выдержанное сочетание указанных факторов и создает определенный языковой стиль. Это позволяет нам применять термин «стиль» по отношению к обеим названным выше стилистическим системам, хотя они, строго говоря, по своим признакам и не соотносительны.

* * *

К функциональным стилям языка обычно причисляют и так называемый «стиль художественной литературы». Однако очевидно, что язык художественной литературы не обладает признаками языкового стиля, поскольку он не представляет собой системы стилистически однородных явлений, принципиально лишен всякой стилистической замкнутости и не опирается на специфическую для него стилистическую окраску языковых средств.

Язык художественной литературы – явление принципиально иного порядка, чем языковой стиль. И дело здесь не только в том, что в системе современного литературного языка отсутствуют специфические живые «литературно-художественные» языковые элементы, и даже не только в том, что современная художественная литература допускает использование любых стилистических пластов языка, не зная никаких ограничений в этом отношении; дело в том, что язык современной литературы принципиально разностилен, так сказать, принципиально «не-стиль». Всей сущностью своей он протестует против того, чтобы оказаться замкнутым в рамках языкового стиля, хотя бы потому, что язык отдельного художественного произведения представляет собой целую систему стилистических контекстов, целесообразно организованную и воспроизводящую с той или иной степенью полноты систему стилей общенародного языка. «Стилистика» художественного произведения основана на стилистике общенародного языка и вне этой последней не может существовать; выразительность какого-либо языкового факта – слова, выражения, формы – строится прежде всего на учете реальной стилистической окраски его в «общем языке». Художественность языка произведения, следовательно, – не в отборе каких-то особенных, «художественных» слов или форм, а прежде всего (если говорить о «художественности» в лингвистическом плане) – в целесообразном использовании стилистических качеств элементов общенародного языка. Именно в умении отобрать и синтезировать наиболее типичные, социально-характерные и потому стилистически значимые явления лексики, семантики, фразеологии, грамматики «общего языка» проявляется мастерство художника и его знание жизни. <...>

Языковые средства входят в состав художественного произведения, сохраняя присущие им стилистические качества; художественные задачи могут осуществляться именно на основе того, что автор и читатель одинаково воспринимают общенародные стилистические свойства художественно использованных языковых явлений.

Таким образом, нет никаких оснований причислять язык современной художественной литературы к стилям языка, если понимать под последними семантически замкнутые, экспрессивно-ограниченные и целесообразно организованные системы средств выражения¹. Это не значит, что язык художественной литературы вообще не обладает своей спецификой².

Специфика современной художественной литературы определяется той эстетической функцией, которая присуща ему наряду с общей и основной функцией языка – коммуникативной. Эстетическая функция языка художественного произведения раскрывается в его подчиненности идейно-художественному замыслу писателя; ей подчинены, ею определяются те многочисленные конкретные функции, которыми обладают языковые элементы в художественном произведении. В этом заключается глубокое своеобразие языка художественной литературы, которое отличает его от стилей языка; в этом отношении (и только в этом отношении) язык художественной литературы может быть противопоставлен всем другим формам проявления языка как «нехудожественным», не обладающим эстетическими функциями¹.

Отграничение языка художественной литературы от функциональных разновидностей, стилей языка – существенно для определения задач и направления стилистического исследования. Анализ языка художественного произведения не может быть оторван от анализа идейного содержания произведения, от его системы образов; он предполагает раскрытие той связи, той зависимости, которая существует между содержанием произведения и его языком. Рассмотрение отношения языка произведения к национальному языку, определение стилистического состава произведения – непереносимое предварительное условие такого анализа. Но этого явно недостаточно: требуется еще и рассмотрение стилистических отношений внутри произведения, анализа художественных функций отобранных языковых средств. Ясно, что такой анализ не может брать изолированные факты, он всегда связан с рассмотрением языковых явлений в контексте, иногда в контексте целого произведения.

Изучая отношение языка художественного произведения к стилям национального языка, исследователь, естественно, оперирует теми же стилистическими понятиями и категориями, что и при изучении «общего» языка. Однако при функциональном подходе к языку произведения эти категории и понятия оказываются недостаточными; появляется необходимость в новых понятиях и категориях, которые отразили бы стилистические отношения внутри художественного произведения. Самый факт необходимости таких категорий и понятий – лишнее доказательство глубокого своеобразия языка художественной литературы.

И. С. Ильинская О языковых и неязыковых стилистических средствах¹

В статье «К вопросу об основных понятиях стилистики» Ю. С. Сорокин, отрицая существование языковых стилей в современном русском языке, приходит к мысли о том, что отмечаемые исследователями различия между стилями «... выходят за рамки собственно языковые», что «с точки зрения языковой они обнаруживают исключительное разнообразие и изменчивость»².

Мне кажется, что сама постановка вопроса об отношении стиля произведения и вообще любого высказывания к сфере языковой и неязыковой заслуживает серьезного внимания. В многочисленных попытках стилистического анализа последнего времени нет четкого разграничения этих двух сфер: любое явление, характеризующее стиль того или иного произведения, причисляется к явлениям языковым. Совершенно прав поэтому Р. А. Будагов в своем требовании «... разграничить собственно языковые стили, которые обуславливаются самой природой языка, и такие языковые явления, которые непосредственно, не определяются природой языка, а скорее зависят от специфики других общественных явлений»³.

Действительно, можно ли считать стиль какого-нибудь жанра или отдельного произведения литературы явлением только языковым? Определяется ли он полностью только языковыми факторами? На этот вопрос, как мне кажется, следует ответить отрицательно.

Так, например, для басенного жанра в целом характерно введение животных в качестве действующих лиц. Конечно, «зоологический» сюжет влечет за собой употребление в басне соответствующих слов – названий животных, но тем не менее эту черту стиля нельзя признать собственно языковой. В данном случае автор не производит выбора языковых средств: в соответствии с темой он вынужден употребить именно то, а не другое название животного. Таким образом, стиль здесь создается не языком, а самой темой, характерной для данного жанра.

Общеизвестно, какое значение имело реалистическое направление для русской литературы. В творчестве Пушкина оно привело к изменению стиля поэзии по сравнению с предшествующим периодом ее развития, а также по сравнению с ранним поэтическим творчеством самого Пушкина. Однако эти изменения в значительной мере зависели от изменения тематики, содержания. Та «вода» в «поэтическом бокале», о которой Пушкин пишет в известных «Отрывках из Путешествия Онегина», – это новые реалистические темы, отражающие русскую действительность; они во многом определили собой реалистический стиль новой поэзии.

Таким образом, в понятие стиля входит сама тема, т. е. явление неязыковое, хотя всегда, конечно, выражаемое языком.

В вопросе о стиле произведения обычно очень большое значение придается художественности, образности изложения; эти качества часто относятся всецело к области языка. Образность изложения создается, как известно, применением различного рода художественных приемов – тропов. <...>

Если бы в творчестве какого-либо писателя или в каком-либо отдельном произведении был обнаружен прием сравнения как одно из типичных художественных средств, то это указывало бы на одну из характерных черт стиля этого писателя или произведения; но эта черта не могла бы быть привлечена для характеристики его языковых стилистических средств.

По существу, то же можно сказать и об олицетворении, являющемся также одним из приемов создания образности. Наделение явлений природы, различных конкретных и абстрактных понятий чертами и свойствами одушевленных существ, составляющее сущность этого приема, лежит вне сферы языкового отбора. <...>

Что касается эпитета, то здесь дело обстоит, по-видимому, сложнее. Применение эпитета само по себе еще не составляет характерной черты языкового стиля, хотя, конечно, является элементом стиля произведения. Так, например, эпитеты, указывающие на какую-либо характерную черту предмета, его существенный признак (темная ночь, синее небо, яркое солнце, блистающие звезды и т. п.), не содержит чего-либо специфически языкового. Пристрастие к эпитетам или сдержанность в их употреблении, несомненно, характеризует индивидуальную стилистическую манеру писателя. Индивидуальность стилистической манеры может сказываться также и в том, какого рода эпитеты подбираются автором. <...>

Не всякий эпитет, употребленный писателем, является языковой чертой его стиля, а только такой эпитет; в котором так или иначе проявляется «природа» языка, сознательно использованная^{1*} писателем. Это может сказаться, конечно, не только в метафорическом переосмыслении значения слова, но также и в использовании других возможностей, заложенных в языке. Так, например, языковой чертой авторского стиля может явиться тяготение к сложным образованиям – эпитетам типа лазоревосинесквозное тело, страна миллионнолобая, стоверстая подозрительная труба, звероры-бьи морды, непроходимолесый Урал (Маяковский). Точно так же следует признать языковой чертой и своеобразное синтаксическое оформление экспрессивного образного определения, при котором синтаксически определяемое слово по значению является определяющим, например: прощальность поцелуя, нескончаемость безжалостных часов, холодность бледная осенних облаков (Бальмонт). Поскольку изменение значения слова, служащее средством создания образности, есть явление языковое, постольку метафора как один из тропов, основанный именно на перенесении значения, ближе всего связана с языковой сферой. Действительно, когда мы имеем дело с метафорой, выраженной одним словом или сочетанием, мы по существу имеем дело с языком. При этом часто смысловому изменению сопутствует и внешний формальный показатель (например, для существительного – возможность сочетаться с другим существительным в родительном падеже). <...>

Многочисленные перифрастические выражения, которыми изобилует лирика начала XIX века, должны, на мой взгляд, также рассматриваться как языковые черты стиля. Таковы, например, у Пушкина метафорические выражения, связанные с понятием смерти: могильная сень, могильный хлад, могильный сон, могильная ночь и т. п.

Однако метафора может выходить за пределы отдельного слова или выражения. Метафоричным может быть целое высказывание. В таком случае мы имеем иносказание, которое в целом составляет образ, имеющий переносный метафорический смысл. <...>

Анализ отдельных частных явлений поэтического стиля приводит к заключению о необходимости разграничения языкового и неязыкового плана в образовании стиля. Ю. С. Сорокин, несомненно, прав, подчеркивая наличие среди признаков стилей неязыкового момента; но значит ли это, как он полагает, что определенному жанру или определенной сфере речевой деятельности вовсе не соответствует характерная для каждого из них совокупность языковых средств? Ведь признаваемые Ю. С. Сорокиным в качестве единственного объекта стилистики отдельные произведения письменности, частные высказывания и контексты образуют жанры устной и письменной речи, существование которых Ю. С. Сорокин не отрицает. Отдельные единицы, образующие тот или иной жанр, объединяются общим характером сво-

его содержания и назначения, а это предполагает наличие у них общих стилистических черт. Стилистическая однородность в свою очередь предполагает подбор определенных языковых средств. Однако Ю. С. Сорокин, признавая содержание и назначение речи определяющими факторами стиля отдельного высказывания, не считает, по-видимому, эти факты определяющими стиль языка всего жанра в целом и, таким образом, отказывает жанру в языковом стиле вообще. Но если признавать существующими стили отдельных частных высказываний, которые определяются их содержанием и назначением, то нельзя не признать наличия стилей языка как совокупности более или менее устойчивых комплексов языковых средств, соответствующих определенным жанрам, типам речи и обусловленных их содержанием и назначением. <...>

Свое отрицание стилей языка Ю. С. Сорокин пытается обосновать также отсутствием строгой закреплённости за теми или иными стилями специфических языковых средств, «невозможных в других стилях или выступающих в этих других стилях как инородное тело». Действительно, в языке, по-видимому, не существует такого строгого закрепления языковых средств за каким-нибудь определенным стилем, хотя все же имеются отдельные элементы очень узкого, стилистически ограниченного употребления (например, некоторые типичные канцеляризмы, отдельные слова поэтического языка). Однако стиль языка определяется не столько этими закреплёнными средствами, сколько соотношением и комбинированием различных стилистических элементов. Поэтому языковые средства одного и того же стилистического пласта могут участвовать в образовании разных стилей языка в различных комбинациях и соотношениях с элементами других стилистических пластов. Причем, если данное объединение стилистических элементов будет нарушено вторжением в него неоправданного каким-нибудь специальными целями чуждого элемента, то он, действительно, выступит здесь как инородное тело.

Ю. С. Сорокин пишет: «... правильное было бы говорить не о публицистическом, литературно-художественном, научном и т. д. стиле языка, а о различных принципах выбора, отбора и объединения слов в художественно-литературных, публицистических, научных произведениях данной эпохи». Признавая, что стиль отдельного высказывания создается в результате выбора, отбора и объединения разнородных стилистических средств и что это не мешает ему быть в то же время целостным, организованным единством, Ю. С. Сорокин, впадая в противоречие с самим собой, не допускает той же возможности в отношении стиля языка.

-Таким образом, поставив в своей статье исключительно интересные и актуальные для советского языкознания вопросы, Ю. С. Сорокин не доказал своего основного тезиса и не поколебал существующего представления о стилях языка как о системах средств выражения, соответствующих определенным типам речевой деятельности.

В. В. Виноградов Итоги обсуждения вопросов стилистики¹

Выяснение вопроса о предмете, содержании и задачах стилистики, о месте стилистики в ряду других лингвистических дисциплин чрезвычайно важно для развития советского языкознания. Отсутствие точного определения стилистики, ее основных понятий и категорий, сферы ее действия сказывается в зыбкости, неотчетливости объектов и границ синтаксиса, фразеологии, лексикологии и особенно семасиологии.

<...> В стилистику, во-первых, вмещаются те синтаксические явления, которые не составляют сердцевины синтаксической структуры языка и по большей части выходят за рамки изучения типичных для данного языка основных видов словосочетаний и предло-мбений. Во-вторых, к стилистике относятся вопросы о функциях и сферах применения параллельных синтаксических оборотов, а также композиционно или семантически ограниченных, «связанных» синтаксических явлений, характерных лишь для тех или иных разновидностей речи (например, официально-канцелярской, научной, повествовательной или драматической речи художественных произведений и т. п.). В-третьих, в стилистику включаются все вообще проблемы синтаксической синонимии, хотя само понятие «синтаксического синонима» еще до сих пор не может считаться точно определенным. Наконец, со стилистикой иногда связывается проблема экспрессивных – выразительных и изобразительных – оттенков, присущих

той или иной синтаксической конструкции или тем или иным комбинациям синтаксических конструкций, а также проблема так называемых «синтаксических фигур речи» (*syntaxis ornata*).

Многообразие синтаксических вопросов и задач, которые ставятся перед стилистикой и решение которых вменяется ей в обязанность, отсутствие в них внутреннего единства побудили некоторых языковедов разделять стилистику на две области – на стилистику объективную и стилистику субъективную. Отражение этих двух разных планов стилистики, в частности стилистического синтаксиса, легко можно найти и в наших языковедческих работах последнего времени. <...>

Объективная стилистика исследует принципы и правила соотношения и взаимодействия близких по значению или по функции, параллельных или синонимических форм, слов и конструкций в общей системе языка; Субъективная же стилистика имеет дело с закономерностями употребления и способами сочетания и объединения разнообразных грамматических (а также лексических) средств языка в тех или иных разновидностях речи, в разных устойчивых или изменчивых речевых формах общественного выражения коллективных или индивидуальных субъектов, в разных «стилях речи». В сущности, в своем разграничении стилистики «аналитической» и «функциональной» Ю. С. Сорокин возрождает эту старую традицию и не вносит в нее ничего принципиально нового, не определяя точно ни предмета стилистики, ни ее основных понятий, ни ее задач, ни ее места в кругу других лингвистических дисциплин. Различие – лишь в названиях, в терминах. Предлагаемые Ю. С. Сорокиным обозначения – «аналитический» и «функциональный» – не соотносительны и внутренне не оправданы. Дело в том, что и «аналитическая» стилистика имеет дело не только с экспрессивно-стилистическими, но и с функционально-речевыми «тональностями» разных языковых средств.

***

В языковедческой традиции ясно обозначилась тенденция к сближению, а иногда и к смешению стилистики не только с синтаксисом, но и с семасиологией. Любопытно, что еще Райзиг – один из основоположников семасиологии – считал стилистику (так же, как и риторику) частью семасиологии. Так как складывается впечатление, что стилистика имеет дело с тонкими и тончайшими дифференциально-смысловыми оттенками слов, оборотов и конструкций, то многие склонны относить именно к стилистике анализ и характеристику семантических нюансов речи, изучение разнообразных отношений средств языкового выражения к выражаемому содержанию. Само собой разумеется, что значительное место в этих исследованиях занимают наблюдения над смысловыми функциями и сферами обращения параллельных и синонимических выражений. Таким образом, и тут остро выступает задача сопоставительной и соотносительной семантической характеристики разных форм и видов речевого общения как одна из существеннейших проблем стилистики. Именно в силу этих соображений-иногда делалась ссылка на семантическую замкнутость «стиля» как целесообразно организованной системы словесного выражения. Между прочим, семантическая замкнутость или семантическая очерченность характерна для отдельного высказывания, для контекста речи, для словесного произведения. Следовательно, практически она предполагается у «стиля речи» и Ю. С. Сорокиным, который теоретически склонен отрицать ее: «... каждое высказывание, каждый контекст обладает стилем; в речи мы находим всякий раз определенный выбор слов, форм, конструкций, порядок их расположения и определенное их сочетание, которые зависят как от содержания и назначения речи, так и от общих законов, правил и возможностей языка». <...>

К стилистике всегда относится изучение дифференциально-смысловых и экспрессивных оттенков соотносительных, параллельных или синонимических выражений. Тесная связь стилистики национального языка с семасиологией остро выступает при сопоставлении семантических систем разных языков в процессе перевода или при работе над двуязычными дифференциальными словарями. Наконец, с семасиологией связаны также приемы и формы образных выражений. Поэтому в стилистике находит себе место не только отвлеченное учение о тропах, как это бывало в «теории словесности», но и описание основных тенденций и

закономерностей образного, метафорического и вообще переносного употребления слов и выражений, закономерностей, характерных для того или иного языка в разные периоды его развития. Правда, здесь уже ощутителен переход из области семасиологии в область лексикологии и фразеологии.

***

Если обратиться к лексикологии и фразеологии, то и тут со стилистикой связываются разные виды языковых явлений, отчасти соответствующие тем, которые отрываются для стилистики от синтаксиса • и от семасиологии. Прежде всего, к стилистике относится определение ограниченных сфер употребления некоторых слов, значений, фразеологических оборотов и выражений, тяготеющих к отдельным типам, или разновидностям речи. Сюда же примыкает характеристика экспрессивных качеств разных лексических средств языка. <...>

В стилистику нередко вводится учение о свойственных тому или иному языку на данной ступени его развития законах и правилах фразеологических сочетаний слов, о фразеологических контекстах, фразеологических своеобразиях и фразеологических границах употребления слов, а также об обусловленных различием фразеологических связей изменениях экспрессивно-стилистической окраски слов. <...>

К стилистике всегда относится характеристика экспрессивных оттенков фразеологических единиц, определение речевых сфер и литературно-жанровых пределов их употребления. Кроме того, в стилистику же включается изучение и оценка фразеологических штампов, шаблонов (или клише), вращающихся в той или иной сфере речи.

В стилистику входит учение о лексических синонимах, как «идеологических», так и экспрессивных и функционально-речевых, о видах и семантических основах синонимии в данной языковой системе, о связи отдельных синонимических вариантов с теми или иными типами и разновидностями речи. Анализ лексической и фразеологической синонимии, свойственной литературному языку, может расширяться в сторону изучения индивидуальных, субъективных, вызываемых задачами сообщения или условиями контекста способов употребления разнообразных слов и выражений в синонимическом смысле или в качестве членов одного семантического ряда. <...>

В лексический раздел стилистики, естественно, должен быть включен анализ экспрессивно-смысловых различий между близкими или соотносительными словопроизводственными рядами слов (например, лентяй и ленивец; дурак и дурень; красотка и краса-лица; старикан и старикашка, советчик и советник] дешевка и дешевизна; бродяжить и бродяжничать; портняжить и портняжничать; пискливый и писклявый и т. п.), а также обзор синонимических образований в кругу одной и той же словообразовательной категории.

Со стилистикой иногда (правда, чаще всего в учебных программах и руководствах) ассоциируется изучение лексической системы языка с точки зрения ее исторической динамики, внутренних тенденций ее развития (неологизмы, архаизмы) и взаимодействий с народными говорами и социальными жаргонами (диалектизмы, арготизмы и т. п.). Однако неправомерность такого переноса чисто лексикологических проблем в стилистику очевидна. Иное дело, когда речь заходит о функциях и целях употребления тех или иных разрядов слов, выходящих за пределы общей литературной нормы выражения (например, арготизмов, архаизмов и т. п.) или еще не вошедших в эту норму, в отдельных разновидностях литературной речи.

***

<...> Если не включать в морфологию область словообразования, то из круга собственно морфологических явлений в стилистику могут войти лишь вопросы о функциях и сферах употребления вариантных – параллельных и синонимических – форм склонения и спряжения, а также степеней сравнения. Проблемы синонимии частей речи, служебных слов и частиц, а также вопросы об экспрессивных оттенках предикативных форм и оборотов (например, глагольных форм времени и наклонения, безличных глаголов и т. п.) относятся уже к области или лексики, или синтаксиса, а тем самым и соответствующих разделов стилистики.

В системе литературного произношения также выделяются соотносительные разновидности фонетического выражения, различные по функциям и связанные с разными сферами и

задачами речевого общения. Их называют «стилями произношения», и, следовательно, рассматривают как область стилистического исследования <...>

***

Анализ стилистических явлений опирается на понятие нормы языка и ее возможных вариаций – как свободных, так и функционально обусловленных. Нормы языка исторически изменчивы. Описательное и историческое языкознание, стремящееся установить закономерности изменений системы языка, не может обойтись без изучения общественно-языковых норм. Стилистика в своих исследованиях исходит из этих норм, из оценки их живых вариаций и, следовательно, базируется на материале и результатах описательной фонетики, грамматики и лексикологии. Но изучая функциональные связи языковых фактов, возможности взаимозамещения в их кругу, в известных условиях – формы их смыслового параллелизма, синонимические соотношения между ними, систему распределения их по разным речевым сферам и деятельности, – стилистика общенародного языка приходит к характеристике разновидностей и типов речи, основных сфер речевого общения; на этом пути она осложняется и дополняется стилистикой литературно-художественной речи.

Таким образом, стилистика общенародного, национального языка охватывает все стороны языка – его звуковой строй, грамматику, словарь и фразеологию. Однако она рассматривает соответствующие языковые явления не как внутренне связанные элементы целостной языковой структуры в их историческом развитии, но лишь с точки зрения функциональной дифференциации, соотношения и взаимодействия близких, соотносительных, параллельных или синонимических средств выражения более или менее однородного значения, а также с точки зрения соответствия экспрессивных красок и оттенков разных речевых явлений; с другой стороны, стилистика рассматривает эти явления с точки зрения их связи с отдельными формами речевого общения или с отдельными общественно разграниченными типами и разновидностями речи. Вот почему от стилистики неотделимо учение о так называемых функциональных разновидностях или типах речи, характерных для того или иного языка в разные периоды его исторического развития. Именно этот круг вопросов, иногда относимый к «стилистике субъективной», является наименее исследованным и определенным.

В сущности, никаких особенно разительных, резких разногласий в понимании свойственных языку стилистических вариантов как лексико-фразеологического, семантического, так и грамматического и фонетического характера дискуссия по вопросам стилистики не обнаружила. Даже Ю. С. Сорокин здесь ограничился лишь желанием выделить их изучение в особую аналитическую стилистику. Все остальное, что сказано им по вопросу о стилистических средствах языка, является самым общим повторением традиционных истин: в более непринужденных и общих формулировках он высказывает то, что – обычно говорится о стилистически нейтральной основе языка, о полной стилистической нейтральности слов основного словарного фонда в их прямых, номинативных значениях – как в функциональном речевом отношении, так и в отношении экспрессивной окраски, о стилистических пометах слов и выражений, о стилистически ограниченных сферах употребления групп слов, о лексических и грамматических синонимах и т. д.

***

<...> В системе языка выделяются разнообразные элементы (лексические и грамматические, из этих последних чаще всего синтаксические), характеризующиеся различными речевыми границами их общенародного употребления или различиями экспрессивных окрасок. Они могут быть соотносительны друг с другом по экспрессии, по «стилистическому» качеству и противопоставлены синонимическим выражениям из другой речевой сферы или разновидности. Некоторые из них выступают как «характеристические» приметы той или иной разновидности речи. Но сами по себе они, очевидно, не складываются в систему и не образуют «системы» в том смысле этого слова, в каком термин «система» применяется к языку¹. Они объединяются в некоторые совокупности, в некоторые устойчивые экспрессивно-стилистические ряды внутри языковой системы в силу однородности экспрессии, а также сходного отношения к единой норме общенародного языка и к сложившейся традиции их функцио-

нально ограниченного употребления. В связи с этим возникает вопрос: содержатся ли в самой системе языка, «заложены» ли или, вернее, откладываются ли в ней самые способы, конструктивные принципы объединения и организации языкового материала, характерные для того или иного типа или разновидности речи? Ведь наличие стилистической окраски в отдельных элементах языка, т. е. отнесение их к определенному виду или типу речи («стилю»), может и не предполагать самих правил и принципов организационного объединения и структурной связи всех этих элементов в самой языковой системе, иначе говоря, еще не обязывает к признанию соотносительных и дифференцированных стилистических «систем» внутри единой системы языка. Но если такие принципы и связи могут складываться и развиваться в процессе употребления языка в разных общественных формах речевой деятельности, в многообразных разновидностях речи, то они во всяком случае иного качества, чем связи элементов самой системы языка: Связи и соотношения языковых элементов однородной стилистической окраски опираются не на структурные качества языка, не на формы и не на лексические или грамматические значения, а на социально-экспрессивные оттенки, на свойства функционального использования языковых средств в многообразии видов общественно-речевой практики. <...>

Признавая наличие разнообразной стилистической окраски у слов, форм, выражений и конструкций, языковеды обычно различают два ряда стилистических окрасок или «тональностей»: стилистические окраски экспрессивно-эмоционального характера и стилистические окраски, связанные с ограниченной речевой областью применения соответствующих языковых средств. Но уже отсюда ясно, что от наличия той или иной стилистической окраски или «тональности» у ряда слов и выражений до обобщенного вывода о существовании соответствующего «экспрессивного стиля» или «экспрессивной стилистической системы» в языке – «дистанция огромного размера». <...>

Приходится еще раз повторить, что «классификация стилей по экспрессивным качествам лишена единства, цельности и последовательности. По мере перехода от стилистической лексикологии к стилистическому синтаксису эта классификация постепенно теряет свои очертания. Возникает сомнение в правомерности распространения термина «стиль языка» на разновидности экспрессивной окраски речи». Ведь одни и те же экспрессивные краски могут накладываться на совершенно различные по своему функционально-стилистическому характеру высказывания (например, ирония, возвышенная патетика и т. п.). <...>

Трудно согласиться с В. Д. Левиным, который считает объективно реальное существование «экспрессивных стилей» как цельных систем в самой структуре языка фактом самоочевидным и несомненным.

«Экспрессивный стиль» В. Д. Левину представляется совокупностью «элементов, обладающих определенной стилистической окраской», совокупностью «позитивных и негативных языковых признаков», образующих «цельную законченную систему». Однако В. Д. Левин не касается вопроса о том, должна ли непременно применяться и применяется ли вся такая совокупность или «система» общественно осознанных и закрепленных шуточных, иронических, вульгарных, неодобрительных и т. п. слов и выражений каждый раз для реализации соответствующих «стилей языка» в конкретных условиях и контекстах или же эти «стили» могут конструироваться и другими языковыми средствами, субъективно окрашенными или окрашиваемыми нужной экспрессией. В связи с этим укрепляется сомнение вообще в существовании таких «цельных, законченных систем» в самой общей системе языка. Ведь невозможно выделить какие-нибудь свободные, т. е. не принявшие форму грамматических идиоматизмов, общеобязательные синтаксические формы и конструкции, непосредственно выражающие иронию, шутку, неодобрение и т. п.

История экспрессивных форм речи и экспрессивных элементов языка вообще в языкознании мало исследована, пути и направления их развития в отдельных конкретных языках не выяснены.

Несколько иначе обстоит дело с изучением стилистически ограниченных функционально-речевых элементов, которым также сопутствует экспрессивная окраска, и их употребления. Что функционально-стилистическая окраска, присущая части слов, выражений и даже конструкций, генетически обусловлена преимущественным употреблением этих языковых

фактов и явлений лишь в определенных видах речи, в определенных контекстах, – это очевидно. Связь этих языковых элементов с теми или иными функциональными разновидностями, типами, «стилями» речи для данной эпохи устойчива и общепризнанна.

***

Естественно возникают вопросы: функциональное разнообразие исторически сложившихся разновидностей речи, качественное различие между далекими разновидностями книжной и разговорной речи вытекают ли непосредственно из свойств самой системы языка в результате ее развития? Как это многообразие речевой деятельности исторически отражается в составе и строе языка? Система языка – при внутреннем единстве ее структуры – представляет ли в отдельных своих частях совокупность соотносительных, дифференциальных форм и способов выражения, внутренне объединенных и образующих своеобразные стилистические «системы» («стили языка») внутри общей языковой системы? Если язык обладает этим качеством, то в какие периоды его истории оно развивается в нем и как изменяется? Или же при крепком единстве общенационального языка в его системе лишь отслаиваются отдельные черты и элементы разнообразных разновидностей и типов речи, слышатся лишь отголоски более или менее отстоявшихся видов речевого общения? Следовательно, вопрос о формах, разновидностях и типах литературной речи, обычно называемых «стилями языка», повертывается в конкретно-историческую сторону. И в этом аспекте самый термин «стиль языка» требует уточнения. Его нельзя смешивать с термином «стиль речи», если признавать необходимость разграничения понятий языка и речи.

Термин «стиль языка» и определение стилей как разновидностей языка, как «частных» систем внутри «общей» системы языка побуждает представлять их по образу и подобию языковой системы. Однако никто из историков русского языка, выйдя за пределы трех стилей русской литературной речи XVIII в., не ищет в национальном русском языке XIX и XX вв. множества изолированных систем выражения («стилей» языка), составленных из характерной для каждой из них совокупности столь же «изолированных элементов языка».

Стиль языка иногда понимается и в ином смысле, как совокупность «более или менее устойчивых комплексов языковых средств, соответствующих определенным жанрам, типам речи и обусловленных их содержанием и назначением»¹. С этой точки зрения анализ и понимание языкового стиля не должны опираться на сумму «изолированных элементов языка», но и не должны выходить за пределы общеязыковых категорий и понятий – изменений значений слова, способов употребления слов и грамматических конструкций. Все, что не может быть непосредственно выведено и объяснено из таких элементов языковой системы, объявляется «неязыковым», хотя от этого не становится несомненно и «нестилистическим». Так, метафора, выраженная одним словом или сочетанием, считается языковым стилистическим средством (*мрак жизни, мрак душевный, мрак земных сует* и т. п.); но метафора, выходящая за пределы отдельного слова и выражения (например, целое высказывание, вроде стихотворения Пушкина «Прозаик и поэт»), рассматривается уже как «неязыковое стилистическое средство»².

Легко заметить, что здесь говорится собственно о стилях речи, т. е. о «системах средств выражения, соответствующих определенным типам речевой деятельности»³. Термином же «языковой стиль» («стиль языка») только подчеркивается, что эти стили речи понимаются и изучаются в «плане языковом», т. е. в пределах элементов языковой системы, лишь с точки зрения качеств и применений этих элементов. «Стиль языка» понимаются в этом случае не как содержащиеся в самой языковой структуре обособленные и замкнутые круги разных выразительных средств, а как обнаруживающиеся в разных формах и видах общественно-речевой деятельности коллективно осознанные способы соотношения и комбинирования различных стилистических элементов⁴. Если оставить в стороне нечеткое и лингвистически (т. е. в плане общей теории языка) не обоснованное противопоставление «языкового» и «неязыкового», ясно, что И. С. Ильинская относит «стили языка» не к самой структуре языка, а к широкой области функционального использования языка в общественно-речевой практике.

В сущности о том же говорит Ю. С. Сорокин. <...>

Ю. С. Сорокин не сомневается в наличии стилистических категорий как принадлежности «индивидуального высказывания», ему сомнительны стилистические категории как «категории языковые»⁵. Но Ю. С. Сорокин делает шаг назад, когда он отрицает коллективную природу и общественно-осознанные типические свойства тех соотносительных и функционально-дифференцированных способов словесного выражения, которые принято называть то «стилями языка», то «стилями речи». Ведь еще проф. Г. О. Винокур писал о том, что стилистика «... может быть лингвистической дисциплиной только при том непременном условии, что она имеет своим предметом те языковые привычки и те формы употребления языка, которые действительно являются коллективными»¹.

В ходе дискуссии по вопросам стилистики было также правильно указано, что различия между «стилями» заключаются не только и не столько в материальном составе языковых средств и не только в принципах соотношения и приемах объединения различных элементов языка, но также и в их функциях. «Понятия точности, образности, экспрессивности, как и другие стилистические категории, не механически переключаются из одного языкового стиля в другой, а в системе каждого стиля приобретают глубокое своеобразие», – писал проф. Р. А. Будагов².

Если не останавливаться на отождествлении и смешении терминов и понятий «языковой» и «речевой», то у всех участников дискуссии можно отметить одинаковое и однородное понимание природы стиля в современных развитых национальных языках.

Вместе с тем понятно, что стиль речи не всегда формируется непосредственно самими элементами языка. Иногда он обусловлен сложными образованиями, возникающими из сочетания этих элементов и представляющими синтезированные смысловые единства. Эти сложные стилистические явления художественной речи (например, сравнения, олицетворения и т. п.) не могут быть понятны на основе анализа только отдельных относящихся сюда слов.

Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединенная совокупность приемов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой общественной практике данного народа. Стили, находясь в тесном взаимодействии, могут частично смешиваться и проникать один в другой. В индивидуальном употреблении границы стилей могут еще более резко смещаться, и один стиль может для достижения той или иной цели употребляться в функции другого.

Справедливо отмечалось, что степень индивидуального своеобразия стилей речи неодинакова. В таких разновидностях письменно-книжного речевого общения, как деловая бумага, техническая и служебно-административная инструкция, информационное сообщение в газете, даже передовая, индивидуально-стилистическое отступает перед стандартом, типической нормой или основной тенденцией привычной, установившейся формы словесного выражения.

***

Никто из участников дискуссии не отрицал того, что литературный язык, обслуживая разнообразные сферы общественной деятельности, разнообразные области культуры, в процессе своего исторического развития становится опорой и основой разнообразных форм, типов или разновидностей речевой деятельности, образующихся на базе разного отбора, сочетания и экспрессивного объединения языковых средств. Наметились большие трудности и обозначились существенные противоречия в понимании характера этих речевых разновидностей и закономерностей их исторического развития. Ю. С. Сорокин настаивал даже на том, что в истории русского языка «стили языка» как особые семантические замкнутые «типы речи», характерные, например, для его функционирования и развития в XVII и XVIII вв., затем ликвидируются, и, начиная с времени Пушкина, можно говорить уже о многообразии индивидуальных стилей речи. С этого периода перед стилистикой современного языка встает новая задача – «... анализ многообразия стилистических применений элементов в конкретных речевых условиях. Именно здесь мы сталкиваемся с понятием стиля речи, с тем, без чего немислимо никакое высказывание...»¹.

Понятие «стиля речи» в этих высказываниях Ю. С. Сорокина остается неясным, так же как и понятие «разновидностей речи». Вопрос о том, не сложились ли и не складываются ли какие-нибудь устойчивые, типические, коллективные правила и особенности целенаправленного использования языковых средств в отдельных областях общественной деятельности, в отдельных жанрах литературы или письменности, не ставится. Упор делается на «конкретные приемы сочетания языковых элементов в каждом высказывании, в каждом контексте», особенно в образцовых произведениях.

<...> Принципы индивидуального сочетания разностильных элементов в композиции художественного произведения, в языке художественной литературы признаются типичными и действительными для всех решительно высказываний и «контекстов речи», относящихся к самым разнообразным областям общественной деятельности. «Стиль языка» для Ю. С. Сорокина равнозначен «стилю-диалекту».

Как бы то ни было, понятие «стиля языка» и понятие «стиля речи» остались в результате дискуссии не вполне уточненными и совсем не разграниченными. И в этом – недостаток дискуссии. <...>

Вопрос о разграничении понятий «языковой стиль» и «стиль речи», по-видимому, представлялся второстепенным и даже излишним многим участникам дискуссии. Так, Р. Г. Пиотровский, справедливо отметив, что в рассуждениях Ю. С. Сорокина понятие стиля совпадает с понятием индивидуального контекста и, следовательно, отрицается «объективное существование в языках речевых стилей» как общественно осознанных и целесообразно организованных совокупностей средств выражения, затем пишет, что «ликвидация научного понятия языкового стиля... обозначает уничтожение основной стилистической категории».

Кроме смешения и даже отождествлений понятий «языковой стиль» («стиль языка») и «речевой стиль» («стиль речи»), часто наблюдается также наивное приравнение речевого стиля к «форме языка» и своеобразно понимаемой «разновидности языка» (например, устный и книжный «стили», диалогический и монологический «стили», «стили» просторечный и литературный и т. п.).

Все это говорит о том, что для стилистики чрезвычайно важно разобраться в структуре и сущности всех тех исторически развивающихся форм, типов и видов речи, дифференцированных соответственно областям общественной деятельности, целям и формам языкового общения, всех тех функциональных и жанровых разновидностей литературного языка, которые нередко называются «стилями языка» (а также иногда «стилями речи»).

* * *

Вопрос о формах или разновидностях речи и о различиях в строении речи, обусловленных целями высказывания, интересовал еще В. Гумбольдта. Он отмечал, что разные виды речи как поэтического, так и прозаического характера имеют «свои особенности в выборе выражений, в употреблении грамматических форм и синтаксических способов совокупления слов в речи.»¹. Он подчеркивал также необходимость разграничения понятий языка и речи. <...>

Интересные, хотя и не во всем убедительные взгляды на соотношение языка и речевой деятельности были развиты акад. Л. В. Щербой в его известной работе «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». Л. В. Щерба писал: «Языковая система и языковой материал – это лишь разные аспекты единственно данной в опыте речевой деятельности...»; «Все подлинно индивидуальное, не вытекающее из языковой системы, не заложенное в ней потенциально, не находя себе отклика и даже понимания, безвозвратно гибнет»; «То, что часто считается индивидуальными отличиями, на самом деле является групповыми отличиями, т. е. тоже социально обусловленными» (можно прибавить: или отличиями функциональными, тоже коллективно закрепленными). <...>

Вопрос о закономерностях развития форм речевого общения, функциональных разновидностей речи, видов и типов общественно-речевой деятельности, о характере и способах «обслуживания» языком разных проявлений духовной и материальной культуры народа в ее движении до сих пор не был еще предметом глубокого исторического изучения. Во всяком

случае, мы еще не имеем истории какого-нибудь развитого языка, разработанной в этом плане.

* * *

При изучении форм речи прежде всего выступает глубокое различие между речью разговорной и речью письменной, с которыми чаще всего и связывается в самом общем плане название «стиля речи». Но это неправильно. Дифференциация речи по этим формам основана не на целеустремленном отборе форм, слов и конструкций, а на различиях в общественных условиях и в материальных средствах социального общения.

О целесообразности отождествления понятий «стиль речи» и «форма речи» справедливо писали А. И. Смирницкий и О. С. Ахманова: «Вряд ли можно думать, что дифференциация речи по ее формам (или тем более по характеру участия в ней данного лица) может быть поставлена в простую и прямую связь со стилями речи. Хотя общеизвестно, что исторически возникшие письменности и развитие литературной традиции имели важное значение для формирования, например, синтаксиса сложного предложения, в современных новых европейских языках (которые здесь конкретно и имеются в виду) тот или иной стиль речи все же не оказывается закрепленным за определенной ее формой. Современный роман, повесть, рассказ (не говоря уже о пьесе), естественно, дают нам в письменной форме то, что нередко именуется «разговорным» стилем. Вместе с тем в устной форме речи, например, научного работника или дипломата, может быть представлен так называемый «письменный» или «книжный» стиль...»¹.

Разговорная форма речи отличается от письменно-книжной уже тем, что в ней интонации, мимика и жесты собеседников, бытовая ситуация играют огромную смысловую роль. Справедливо отмечались в связи с этим лексико-фразеологические особенности, синтаксические и интонационные своеобразия разговорной формы речи. <...> Разграничение формы разговорной и книжной речи важно также для изучения таких композиционно-речевых видов общения, как диалог и монолог в их сложных и многообразных комбинациях, переплетениях и взаимодействиях. Но самый строй диалогической речи во многом зависит от состояния и качества народно-разговорного языка, от его отношения к языку литературному. Характер этого отношения социально-исторически обусловлен. Вместе с тем он качественно и функционально неоднороден в периоды развития языка народности и языка нации. .

Типы взаимодействия между формами народно-разговорной и литературно-книжной речи определяют состав и соотношение функциональных разновидностей языка той или иной эпохи. Если функцию языка литературы, языка культа и государственного делопроизводства выполняет чужой язык или какой-нибудь международный язык цивилизации (как, например, латинский язык в средневековой Польше), то состав разновидностей общей народно-разговорной речи, естественно, сужен и сферы их действия ограничены, хотя и не вполне разграничены. При традиционности речевого обихода едва ли в это время существуют прочно осознанные и строго регулируемые коллективом общенародные нормы отдельных форм и разновидностей речи.

Само собою разумеется, что гораздо более сложным и функционально дифференцированным оказывается взаимодействие форм разговорной и книжной речи, когда они складываются и развиваются на базе одного и того же языка или близко родственных языков, как это было в древней Руси. Тут можно говорить о развитии соотносительных, функционально разграниченных типов литературного языка (например, делового, литературно-художественного и церковно-книжно-го), которые отличались друг от друга не только лексикой и фразеологией, но и грамматическими и даже фонетическими особенностями. Однако едва ли к этим типам и разновидностям, например, древнерусского литературного языка XI–XIII вв. применим термин «стили языка». Дело в том, что эти типы не уместаются в рамках структуры народного восточнославянского языка (или языка восточнославянской народности). Церковно-книжный тип древнерусского литературного языка, обслуживавший области культа, науки и отчасти исторической и религиозной беллетристики, и по использованию слов основного словарного фонда, и по некоторым особенностям грамматических форм и конструкций выхо-

дил за пределы структуры языка восточнославянской народности. Вместе с тем влияние этого типа литературного языка не могло не сказываться в большей или меньшей степени и на литературно-художественном типе языка, а кое в чем и на деловом. Понятие же «стилей языка» предполагает, что соответствующие соотносительные системы словесного выражения, организованные сообразно их общественному назначению, их функциям в речевой-культуре народа, базируются на элементах – фонетических, грамматических и лексических – единого общенародного языка, на его вариантных формах. Следовательно, образование «стилей языка» связано с большей внутренней, структурной слитностью литературного языка, оно осуществляется или может происходить в период более глубокого и тесного сближения литературного языка с языком народным, когда функциональные разновидности литературного языка, сопоставленные друг с другом или противопоставленные друг другу, прямо или косвенно – путем семантических соотношений или синонимического параллелизма – ориентируются на основной словарный фонд и грамматический строй общенародного языка. В истории русского языка эти процессы относятся к позднему периоду развития языка русской (великорусской) народности – не ранее XVI в., особенно его второй половины. Именно к этому времени восходят истоки процесса формирования системы трех стилей русского литературного языка, развившейся в XVII в. и в первые две трети XVIII в., системы, нашедшей глубокое обобщение в трудах М. В. Ломоносова. Осознание исторической важности этой системы как переходного этапа к образованию единой общенациональной языковой нормы определило стилистические тенденции и правила «Российской грамматики» и «Риторики» великого Ломоносова.

Создание нормативной грамматики русского языка, охватывающей звуковой и морфологический строй русского национального языка, а также закономерности сочетания слов со ссылками на различия в стилях, было крупным шагом на пути формирования единой общенациональной нормы литературного выражения. Образование такой нормы связано с ликвидацией старой системы трех стилей. Стиль одного и того же произведения теперь может вмещать в себе самые разнообразные формы речи, прежде разобщенные и разделенные по трем стилям. Попадая в новую речевую обстановку, вступая в новые связи, старые языковые средства приобретают иной смысл и иные стилистические функции. Естественно, что при наличии твердой общей нормы национально-языкового выражения могли свободно развиваться многообразные социально-функциональные и индивидуально-художественные стили речи. Белинский констатировал это новое качество русской литературно-художественной речи, возникшее в связи с пушкинской реформой стилистики русского литературного языка. <...> Вместо трех стилей языка постепенно складывается функциональное многообразие разных стилей речи. Прежде такого рода частные функционально-речевые стили могли развиваться и вращаться только в границах каждого из трех общих «стилей языка» (об этом писал еще Ломоносов в своих черновых набросках); в пушкинскую же и послепушкинскую пору стили речи получают обобщенное значение и создаются, развиваются на базе единой общенациональной языковой системы.

Таким образом, пушкинская стилистическая реформа открыла возможности интенсивного творческого развития индивидуально-художественных и общественно-функциональных стилей русской литературной речи как целесообразных способов отбора и комбинирования различных языковых элементов в зависимости от сфер общественной деятельности, от общности цели, назначения и содержания речи. Эта общность создает условия для более или менее четкой нормализации выбора языковых средств в разных стилях речи.

<...> При наличии общих тенденций построения какого-нибудь стиля речи, обусловленных основной функциональной направленностью его (например, в научном стиле – задачей терминологического обозначения соответствующих понятий и явлений и логически обобщающей системой последовательного изложения, в критико-публицистическом – задачей социально-политического воздействия на слушателя), – в пределах этого стиля вместе с тем наблюдается значительная индивидуализация конкретных форм выражения¹. Вместе с тем разные функциональные стили речи находятся в живом соотношении и взаимодействии. И все же целесообразно организованный отбор языковых средств, обусловленный взаимодействием разнообразных факторов, приводит к более или менее выдержанному, типово-

му или типическому единству в характере, в системе их сочетания и функционального использования, т. е. к тому, что обычно называется стилем речи (или недифференцированно – «стилем языка»). Качественная определенность такого типового стиля зависит от более или менее устойчивой и единообразной организации речевого материала¹.

Порожденные историческим развитием языка и поддерживаемые целесообразностью разграничения разных видов общения, стили речи в то же время находятся в непосредственном взаимодействии. Разнообразные стилевые тенденции нередко перекрещиваются между собой. Национально-литературный язык, будучи по своей структуре внутренне цельным и единым для всего общества, вместе с тем становится основой сложной и многогранной системы переплетающихся и взаимодействующих, исторически изменяющихся стилей речи.

Область действия и применения, функциональная концентрированность стилей речи могут быть очень различны. <...>

Однако своеобразие функционирования языка в той или иной сфере общения далеко не всегда приводит к образованию особого, более или менее устойчивого стиля речи. Чаще всего такие своеобразия выступают в подборе лексики. Между тем понятие стиля речи, а тем более стиля языка связано с понятием нормы отбора и с понятием внутреннего единства (или «системности», как иногда говорят), взаимосвязанности и взаимообусловленности приемов организации речевого материала.

Таким образом, понятия «стиля языка» и «стиля речи» – категории исторические. Их нельзя смешивать с понятиями «тип языка» и «форма речи». <...>

Стилевая структура литературных языков различна в разные эпохи их исторического развития. В разных системах языка не все стили равноценны. Они различаются по своим экспрессивным качествам, по сферам их употребления, по своей общественной функции, по своему семантическому объему и своему строению, по роли в истории культуры народа. <...>

***

Среди стилей литературной речи совершенно особое место занимает система стилей художественной литературы. <...>

Теория художественной речи является одним из важных отделов стилистики. В художественной речи исключительная роль принадлежит эмоционально-чувственной стороне языка, системе эмоционально-чувственных образов. <...>

Изучая те стилистические приемы, которые играют организующую роль в системе средств художественного воздействия, теория художественной речи тесно связывает их с структурными свойствами соответствующего общенародного языка и закономерностями его исторического развития. Формы индивидуального словеснохудожественного творчества дают возможность вскрыть и наглядно представить стилистико-грамматические и лексические богатства и возможности общенародной речи. <...>

Во время дискуссии по стилистике у нас не обнаружилось согласия и единства в понимании сущности «языка» художественной литературы и его места в системе стилей литературной речи. Одни ставят «стиль художественной литературы» в параллель с другими стилистическими разновидностями литературной речи (со стилем научным, публицистическим, официально-деловым и т. п.), в один ряд с ними, другие считают его явлением иного, более сложного порядка (ср., с одной стороны, взгляды А. Н. Гвоздева, Р. А. Будагова, А. И. Ефимова, Э. Ризель и др., с другой стороны – взгляды И. Р. Гальперина и Г. В. Степанова и, наконец, взгляды В. Д. Левина).

В сущности, «язык» художественной литературы, развиваясь в историческом «контексте» литературного языка народа и в тесной связи с ним, в то же время как бы является его концентрированным выражением. Поэтому понятие «стиля» в применении к языку художественной литературы наполняется иным содержанием, чем, например, в отношении стилей делового или канцелярского и далее стилей публицистического и научного.

Язык национальной художественной литературы не вполне соотносительен с другими стилями, типами или разновидностями книжно-литературной и народно-разговорной речи. Он использует их, включает их в себя, но в своеобразных комбинациях и в функционально

преобразованном виде. Он развивается на основе целесообразного, эстетически оправданного использования всех речевых разветвлений национального языка, всех его выразительных средств. <...>

Основным в лингвистическом изучении художественной литературы является понятие индивидуального стиля как своеобразной, исторически обусловленной, сложной, но структурно единой системы средств и форм словесного выражения. В стиле писателя, соответственно его художественным замыслам, объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы использованные художником общенародные языковые средства. Проблема индивидуального стиля писателя – предмет не только языковедческого, но и литературоведческого изучения. <...> Круг тех понятий и категорий, с которыми сталкивается языковед при изучении индивидуального стиля писателя, далеко выходит за пределы категорий функционально-речевой стилистики. Так, в художественном произведении формы разговорной речи воспринимаются и осмысливаются не только в плане их содержания и построения, в плане объективно-историческом, но и в плане субъективном, в отношении к говорящему лицу, с точки зрения социальной характерологии. Важно, кто, какой социальный субъект выражает себя в тех или иных формах разговорной речи, с какими национальными различиями характеров связаны те или иные своеобразия и черты стиля драмы, те или иные особенности бытового разговора.

IV. Научный стиль речи

Научный стиль – один из функциональных стилей общелитературного языка, обслуживающий сферу науки и производства. Специфические особенности этого стиля обусловлены предназначенностью научных текстов для передачи объективной информации о природе, человеке и обществе. Основной формой мышления в науке является понятие, поэтому научному стилю речи свойственна подчеркнутая отвлеченность и обобщенность, которая выражается в текстах употреблением слов абстрактной семантики и слов среднего рода с отвлеченным значением. Задачи общения в сфере науки, ее предмет, содержание речи требуют передачи общих понятий, к тому же понятий научных. Этому служит абстрактная лексика, специальная лексика и терминология. Терминология, являясь одной из главных составляющих научной речи, воплощает такое качество научного стиля, как точность. Важнейшие признаки научного стиля – точность, ясность, логичность, строгая аргументированность, однозначность выражения мысли – служат главной задаче этого стиля – передаче объективной информации о предмете исследования. В научной речи широко используются слова, отражающие соотношение между частями высказывания, служащие для создания стройного, логичного текста: часто употребляются наречия в связующей функции; преобладают глаголы в самой обобщенной форме (настоящего постоянного или настоящего вневременного); для глаголов и личных местоимений характерно использование форм 3-го лица, что помогает подчеркнуть отвлеченность и обобщенность стиля. В синтаксисе можно отметить приоритет сложных предложений над простыми, использование распространенных предложений, широкое употребление причастных и деепричастных оборотов, страдательных конструкций.

Приводимые ниже тексты представляют собой образцы научного стиля речи со всеми его характерными признаками. В то же время в произведениях, из которых взяты фрагменты для хрестоматии, привлекают как актуальность и оригинальность исследований, так и выдающиеся имена их авторов, всегда находившиеся в поле зрения широкой общественности.

В хрестоматии представлены отрывки из книги выдающегося филолога академика Виктора Владимировича Виноградова (1895–1969) «Очерки из истории русского литературного языка XVII–XIX вв.». Несмотря на то что эта работа вышла в свет более шестидесяти лет назад (1934 г.), она не только не устарела, но, выдержав испытание временем, стала по существу классической благодаря своей неувядающей полемичности и актуальности поставленных проблем. В своих «Очерках...» ученый не просто наметил новые пути в развитии науки о русском языке, он создал новую научную дисциплину – историю литературного языка, не имевшую прежде ни методологических, ни фактологических основ. Для достижения этой цели В. В. Виноградову пришлось проделать поистине титаническую работу по выявлению

источников, историографии, формулировке основных задач методологического и конкретно-исторического характера. Однако ценность «Очерков...» состоит не только в этом, но и в блестяще осуществленном анализе весьма сложного процесса перехода древнерусского языка к языку нового времени в XVIII и XIX вв.

Помещенные в хрестоматии фрагменты двух очерков этой книги – «Освоение западноевропейской терминологии (административной, общественно-политической, военно-морской, производственно-технической и научно-деловой)» и «Мода на иностранные слова» – дают наглядное представление о языковой ситуации второй половины XVIII в., когда активное вторжение французского языка с его богатой и гибкой стилистической культурой серьезно осложнило положение дел. Введение в обиход «высших слоев общества» французского языка представлено В. В. Виноградовым не только и, быть может, даже не столько как закономерный результат сложнейших культурно-исторических процессов. С точки зрения исследователя, в этом процессе значительная роль была отведена «дворянскому салону» и широко бытовавшему в нем «щегольскому жаргону», который и привел к безграничному распространению среди определенных слоев населения галлицизмов и общему приспособлению русской речи к категориям европейской культуры и цивилизации.

Фрагменты интересны не только тем, что представленные в них мысли, наблюдения и выводы актуальны и сегодня, что они способны дать многим пищу для размышлений. Обращает на себя внимание и особый стиль изложения материала: ясность и отточенность формулировок, широкое использование специальной лексики и необычайно строгий отбор синтаксических конструкций, композиционная стройность каждой из частей произведения и обилие иллюстративного материала. Существенна и еще одна черта, свойственная таланту ученого и реализованная, в частности, в его «Очерках...». В. В. Виноградов широко применял во многих своих работах метод «историко-филологического анализа» (термин самого В. В. Виноградова), который позволял ему соотносить литературную и языковую эволюцию с культурой и историей, воплощенной в фактах «литературного быта».

Проблемам возрождения отечественной культуры посвящена научная и общественная деятельность одного из крупнейших ученых нашей страны академика Дмитрия Сергеевича Лихачева. Фундаментальное исследование «Слова о полку Игореве», книги «Поэтика древнерусской литературы», «Развитие русской литературы X–XVII веков», «Эпохи и стили» и многие другие принесли ему поистине мировую известность. Поставленные в них проблемы чрезвычайно важны в наше время, когда духовная жизнь под мощным натиском «материальной» заметно уступила свои позиции.

Именно сохранению бесценных сокровищ человеческого духа, воплощенных в памятниках культуры, и посвящена вся деятельность ученого.

В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков (1934)

§ 3. Освоение западноевропейской терминологии (административной, общественно-политической, военно-морской, производственно-технической и научно-деловой)

Язык Петровской эпохи характеризуется усилением значения официально-правительственного, канцелярского языка, расширением сферы его влияния. Процесс переустройства административной системы, реорганизация военно-морского дела, развитие торговли, фабрично-заводских предприятий – все эти исторические явления сопровождалось насаждением новой терминологии, вторжением потока слов, направляющихся из западноевропейских языков. «Европеизация» русского языка носила ярко выраженный отпечаток правительственного режима. Так, меняются термины административные, которые шли по преимуществу из Германии (становившейся в то время во многом образцом полицейского государства). Оттуда взята табель о рангах. Оттуда двигаются такие слова, как *ранг*, *амнт* (ср. почтамт), *патент*, *контракт*, *штраф*, *архив*, *формуляр*, *архивариус*, *нотариус*, *ассессор*, *маклер*, *полицеймейстер*, *канцлер*, *президент*, *орден*, *социетет*, *факультет* и т. п. В этой административной

терминологии кроме чисто немецкой стихии сказывалось и сильное влияние латинского языка. Но путь, которым шли в Россию эти термины, иногда пролегал через Польшу. Так, по крайней мере, можно думать, судя по форме слов, их ударению, их словообразовательным суффиксам: «Существительное на *-ия* (в польском языке на *ja*), несомненно, польского происхождения: *акциденция, апелляция, апробация, ассигнация, аудиенция, вакансия, губерния, демонстрация, инквизиция, инструкция, канцелярия, комиссия, конституция, конференция, конфирмация, нация, облигация, полиция, принцепия, провинция, церемония* и т. п. Того же польского происхождения глаголы на *-овать*

(в польском *-owac*): авторизовать, адресовать, аккредитовать, апробировать, конфисковать, претендовать, трактовать, штрафовать».

Эти правительственно-административные термины, конечно, быстро распространялись в широких массах. Некоторые из них, подвергаясь «народной» этимологизации, меняли свою форму и свои значения. Например, немецкое слово *Profoss* (так назывался в Петровскую эпоху военный полицейский служащий, исполнявший обязанности надзирателя и палача), изменилось в просторечий (через жаргон арестантов) в прохвост.

В тесной связи с административными терминами находится и довольно многочисленная группа заимствованных из Германии слов, относящихся к военному делу: *юнкер, вахтер, ефрейтор, генералитет, лозунг, цейхгауз, гауптвахта, вахта, лагерь, штурм* и т. п. Впрочем, в терминах военного дела заметно было и сильное французское влияние. *Барьер, брешь, батальон, бастион, гарнизон, пароль, калибр, манеж, галоп, марш, мортира, лафет*² и т. п. вышли из Франции, где прежде всего было заведено постоянное войско. В терминах морского дела почти безраздельно господствовали заимствования из голландского³ и английского языков. Например, голландские заимствования: *гавань, рейд, фарватер, киль, шкипер, руль, рея, шлюпка, койка, верфь, док, кабель, каюта, рейс, трап, катер* и т. п. Английские слова: *бот, шхуна, фут, бриг, мичман* и нек. др.

Любопытно, что обозначение судов, построенных из металла, заимствовано из голландского языка, напротив, терминология деревянных судов – английская. <...>

Только небольшое количество морских терминов взято из немецкого, французского и итальянского языков. Например, из французского языка: *флот, абордаж, алярм* (тревога), *десант*. Из немецкого: *бухта* (но ср. голландское *bocht*), *лавировать* (ср. голландское *laveeren*) и т. п. Из итальянского: *мол, авизо* (небольшое военное судно), *габара* (плоскдонное морское судно) и др. Но и здесь скрещивались разные влияния, которые отражались на «смешанном», пестром облике иностранных слов. Например, писали *гафен*

(*гавань*), *матроз* – по немецкому выговору, но употребляли также формы *гавен, матрос* – по голландскому¹.

Кроме варваризмов, связанных с реорганизацией государственного управления, военного и морского дела, проникает в русский язык начала XVIII в. множество технических слов, относящихся к инженерному и горному делу, к «градостроительному художеству», т. е. к архитектуре, к области заводской и фабричной промышленности, сельского хозяйства, к разным видам «мастерства», ремесел. И здесь также влияние распределяется преимущественно между польским и немецким языком. Меньше заимствований из английского и французского. Некоторые архитектурные обозначения восходят к итальянскому языку. <...>

Научно-технические, официально-правительственные стили деловой речи, наводненные заимствованиями, в это время с периферии перемещаются ближе к центру системы литературного языка. Через официально публицистические стили иноязычные слова, относящиеся к разным областям государственной жизни, промышленности, науки и техники, проникают в общую структуру литературно-книжной и разговорной речи образованного общества. Петровская европеизация выражается в политехнизации языка. А этот процесс политехнизации письменной-книжной речи сопровождается широким распространением западноевропейских слов и понятий, отражающих разные стороны реформирующегося политического, социально-экономического, промышленно-технического и культурно-бытового уклада и разные сферы идеологии. <...>

На почве этой политической и технической реконструкции происходит реорганизация литературной речи. Колеблется старая система светско-делового языка. Идеологические и

риторические формы, выработанные на основе церковно-публицистической письменности, должны были приспособиться к новому лексическому материалу, к новому предметному содержанию.

§ 6. Мода на иностранные слова

Западнические тенденции Петровской эпохи выражаются не только в заимствовании множества слов для обозначения новых предметов, процессов, понятий в сфере государственной жизни, быта и техники, но и сказываются в разрушении внешних форм церковно-книжного и общественно-бытового языка такими варваризмами, в которых не было прямой нужды. Западноевропейские слова привлекали как мода. На них лежал особый стилистический отпечаток новшества. Они были средством отрыва от старых традиций церковнославянского языка и старозаветного бытового просторечия. Сама необычность фонетических особенностей в заимствованных словах как бы намекала на возможность и необходимость новой структуры литературного языка, соответствующей облику реформирующегося государства. Мода на иностранные слова в бытовом и официальном языке Петровской эпохи, распространившаяся среди высшего общества, характеризуется комическим рассказом Татищева о генерал-майоре Луке Чирикове, который «человек был умный, но страстью любовничья победен, и хотя он никакого языка чужестранного совершенно не знал, да многие иноязычные слова часто же не к стати и не в той силе, в которой они точно употребляются клал». Так, в 1711 г. генерал Чириков предписал указом одному капитану с отрядом драгун «стать ниже Каменца и выше Конец поля в авантажном месте». Капитан, не зная слова авантажный, принял его собственное имя. «Оный капитан, пришел на Днестр, спрашивал об оном городе, понеже в польском место значит город; но как ему сказать никто не мог, то он более шестидесяти миль по Днестру шед до пустого оного Конец поля и не нашед, паки к Каменцу, поморя более половины лошадей, поворотился и писал, что такого города не нашел». Другое происшествие, возникшее на почве увлечения генерала Чирикова иностранными словами, было не менее трагикомическим. Приказом он предписал собраться фуражирам, «над оными быть подполковнику и двум майорам по очереди. По собрании всех перво марширует подполковник с бедекен, за ним фуражиры, а марш заключают драгуны». Собравшиеся не догадались, что, «бедекен (т. е. *bedecken*) не прозвище подполковника, но прикрытие разумеется», и ожидали подполковника Сбедекена. Лишь через сутки выяснилось недоразумение.

Известно также, что некоторые из европеизировавшихся дворян того времени почти теряли способность правильного, нормального употребления русского языка, вырабатывая какой-то смешанный жаргон. Таков, например, язык князя Б. И. Куракина, автора «Гистории о царе Петре Алексеевиче»: «В то время названной Франц Яковлевич Лефорт пришел в крайнюю милость и конфиденцию интриг амурных. Помянутый Лефорт был человек забавной и роскошной или, назвать, дебошан французской. И непрестанно давал у себя в доме обеды, супе и балы». Ср. в дневнике того же Куракина: «В ту свою бытность был инаморат славную хорошеством одною читадинку (горожанку), назывался *Signora Francesca Rota* и так был *inamorato*, что не мог ни часу без нее быти, и расстался с великою плачью, и печалью аж до сих пор из сердца моего тот амог не может выдти и, чаю, не выдет, и взял на меморию ее персону и обещал к ней опять возвратиться».

Петр I, осуждая злоупотребления иностранными словами, был принужден написать одному из своих послов (Рудаковскому) приказ: «В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно; того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов».

Но-вместе с тем употребление иностранных слов являлось внешним симптомом нового, «европейского» стиля речи. Бросается в глаза своеобразная особенность делового, публицистического языка Петровской эпохи, прием дублирования слов: рядом с иностранным словом стоит его старорусский синоним или новое лексическое определение, замкнутое в скобки, а иногда просто присоединение посредством пояснительного союза или (даже союза и). Просветительное значение этого приема выступает на фоне общей правительственной тенденции к вовлечению широких масс общества в новую политическую систему. Характерно

заявление Татищева о том, что законы должны быть писаны «так вразумительно, как воля законо-давца есть, и для того никакое иноязычное слово ниже риторическое сложение в законах употребляться не может»¹.

Однако и в законах, и в публицистических трактатах, и в технических переводах начала XVIII в. вплоть до 40-х годов замечается эта двойственность словоупотребления, этот параллелизм русских и иноязычных слов². Например: «адмиралу, который аван-гарду (или передней строй) кораблей управляет, надлежит»³, «некоторые акциденции (или доходы) получать»⁴; «апелляцию или перенос до коммерц-коллегии чинить»⁵; «економу (домоуправителю)»⁶; «аркибузировав (расстрелен)»⁷; протектора (защитителя)»⁸; «определить или ассигновать... указы, или ассигнации»⁹; «банизированы или прокляты»¹¹¹; «бараки (или шалаши)»¹¹; «два коротких палника (или брандеры)»¹²; «бухгалтер (или книгодержатель)»¹³; «визитацию (или осмотрение) учинить»¹⁴; «дирекцию (или управление)»¹⁵; «в такой дистанции (расстоянии)»¹⁶; «инструкции (или приказание)»¹⁷; «инспектора (или наблюдателя)»¹⁸; «камер-юнкер (или комнатный дворянин)»¹; «от числа коллегов (или заседателей)»²; «ему подобает быть храбру и доброго кондуита (сиречь всякия годности), которого бы квалитеты (или качества) с добродеем были связаны»³; «конституция или устав (Правда воли монаршей)»; в «Уставе воинском»: пионеры (или работники), лагерь (или стан), по инструкциям (порядкам), секунданта (или посредственника), о процессе (или тяжбе) и мн. др.; в «Рассуждении» Шафирова⁴ (1722): ни в каких европейских делах... никакой рефлексии и рассуждения не имели (5); с такою аппликациею (рачением) (8); по образу и прикладу других политикованных (или правильно расположенных) государств (16); все письма большая часть на немецком штилизованы (сочинены) (33); трибутарии (данники) (4); акт (записки) (4); о i; «следующих революциях (отменах) (11); мужа великого коварства, и далных замыслов, и безмерной амбиции (честолюбия) (15); мир с обеих сторон от государей подтвержден ратификациею (подтвержденными грамотами) (16); министра (боярина) (17); верных патриотов (сынов оте.-чествия) (18); армистициум (или перемирье) (45, 46); последовал своим аффектам (страстям) (54) и т. п.

Любопытны -поправки и дополнения, сделанные Петром I в рукописи книги «Римплерова манира о строении крепостей»: акси-омат (правил совершенных); ложирунг (или жилище, т. е. еже неприятель захватит места где у военных крепостей) и т. п. В «Истории о ординах» (1710) характерны помещенные в скобках и не находящие соответствия в оригинале пояснения вроде: «о армориях (или гербах) и о девизах (или писаниях изображенных) кавалерских». Ср. в оригинале: «Des armories et des devises des chevaliers»⁵. В сочинении Дмитрия Кантемира «Книга систима, или состояние мухамеданския религии», написанном на латинском языке, переводчик пояснял иностранные слова: политика – народоустройство, феория – умствование, идея – образ, физик – естествословец, машкара – харя и т. п.⁶ Так, «реснота и чистота славянская засы-пая чужестранных языков в пепел»⁷.

***

Воспитание любви к своему народу, к его истории и культуре – одна из сложнейших задач, которую пытается решить в своих работах Д. С. Лихачев.

Облечь свои мысли можно в разные «одежды», и только от самого ученого зависит, что он выберет из богатейших лексических запасов родного языка. Особый талант Д. С. Лихачева состоит в том, что под его пером раскрываются все магические красоты русского языка. Точность, ясность, чистота и простота языка и стиля его произведений, категорическое неприятие квазинаучной терминологической эквилибристики, отрицательное отношение "к засорению языка излишними заимствованиями и прочими словесными диковинами удивительно гармонично сочетается в его работах с художественной живописностью и элементами разговорной речи. Ученый как бы ведет со своим читателем доверительную беседу, в ходе которой легко, изящно и в то же время просто ставит и решает сложнейшие научные проблемы.

Необычайно интересны стилистические и риторические приемы, которые использует Д. С. Лихачев для более точного и полного раскрытия своей мысли. Например, в «Поэтике древнерусской литературы», когда речь идет о жанровых ассоциациях, ученый сравнивает

литературные жанры с лесом: «Лес – это органическое соединение деревьев с определенного вида кустарником, травами, мхами и лишайниками. Разные виды растительности входят в сочетания, которые не могут произвольно меняться. Так же точно и в литературе, и в фольклоре жанры служат удовлетворению целого комплекса общественных потребностей и существуют в связи с этим в строгой зависимости друг от друга» (с. 318).

В последние годы Д. С. Лихачев все большее внимание уделяет популяризации знаний. Работая в этом направлении, он нередко использует те жанры, которые в современной литературе встречаются крайне редко. Это, например, относится к таким книгам, как «Письма о добром и прекрасном» (1985 г.) и «Книга беспокойств» (1991 г.), которые связаны единой мыслью, пронизывающей все работы исследователя. Это мысль о том, что духовная жизнь человека не может существовать без опоры на историческую память.

Д. С. ЛИХАЧЕВ. ОБ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ (1976)

Мы часто встречаемся с противопоставлением естественных наук, которые считаются точными, – «неточному» литературоведению. На этом противопоставлении основывается порой встречающееся отношение к литературоведению как к науке «второго сорта». Однако естественные и общественные науки вряд ли сильно различаются между собой. В принципиальном отношении – ничем. Если говорить о том, что гуманитарные науки отличаются историчностью подхода, то и в естественных науках есть исторические науки: история флоры, история фауны, история строения земной коры и пр., и пр. Комплексность материала изучения отличает геогрессию, океановедение. Гуманитарные науки имеют дело по преимуществу со статистическими закономерностями внешне случайных явлений, имеющими, однако, объективный характер, но с этим же имеют дело и многие другие науки. Так же относительны и все другие различия.

При отсутствии принципиальных различий имеются практические различия. Так называемые точные науки (а среди них много совсем не «точных») гораздо более формализованы (я употребляю это слово в том смысле, в каком его употребляют представители точных наук), в них не смешивают исследования с популяризацией, сообщения уже добытых ранее сведений с установлением новых фактов и т. п.

Говоря о том, что у гуманитарных наук нет принципиальных различий с точными науками, я не имею в виду необходимости математизации нашей науки. Вопрос о степени возможности внедрения в гуманитарные науки математики – это особый вопрос. Я имею в виду только следующее: нет ни одной глубокой методологической особенности в гуманитарных науках, которой в той или иной степени не было бы и в некоторых науках негуманитарных.

И, наконец, замечание о самом термине «точные» науки. Этот термин далеко не точен. По существу, выводы всех наук в большей или меньшей мере гипотетичны. Многие науки кажутся точными только со стороны. Это касается и математики, которая на своих высших уровнях тоже не так уж точна.

Но есть одна сторона в литературоведении, которая действительно отличает его от многих других наук. Эта сторона – этическая. И дело не в том, что литературоведение изучает этическую проблематику литературы (хотя это делается недостаточно). Литературоведение, если оно охватывает широкий материал, имеет очень большое воспитательное значение, повышая социальные качества человека.

Я сам специалист по древней русской литературе. Древняя русская литература принадлежит к особой эстетической системе, малопривлекательной для неподготовленного читателя. А развивать эстетическую восприимчивость читателей крайне необходимо. Эстетическая восприимчивость – это не эстетство. Это громадной важности общественное чувство. Это одна из сторон социальности человека/ Социальность эта противостоит чувству национальной исключительности и шовинизма, она развивает в человеке терпимость по отношению к другим культурам – иноязычным или других эпох.

Умение понимать древнюю русскую литературу открывает перед нами завесу над многими не менее сложными эстетическими системами литератур – скажем, европейского средневековья, средневековья Азии и пр.

То же самое и в изобразительном искусстве. Человек, который по-настоящему способен понимать искусство древнерусской иконописи, не может не понимать живопись Византии и Египта, персидскую или ирландскую средневековую миниатюру.

Что такое интеллигентность? Осведомленность, знания, эрудиция? Нет, это не так! Лишите человека памяти, избавьте его от всех знаний, которыми он обладает, но если он при этом сохранит умение понимать людей иных культур, понимать широкий и разнообразный круг произведений искусства, идеи своих коллег и оппонентов, если он сохранит навыки «умственной социальности», сохранит свою восприимчивость к интеллектуальной жизни – это и будет интеллигентность.

На литературоведах лежит большая и ответственная задача – воспитывать «умственную восприимчивость». Вот почему сосредоточенность отдельных литературоведов на немногих проблемах, как это часто бывает, противоречит основному общественному смыслу существования нашей дисциплины.

В литературоведении нужны разные темы и большие «расстояния» именно потому, что оно борется с этими расстояниями, стремится уничтожить преграды между людьми, народами и веками. Литературоведение воспитывает человеческую социальность – в самом благородном и глубоком смысле этого слова.

С ростом реализма в литературе развивается и литературоведение. Они ровесники, и это не случайно. Задача литературы открывать человека в человеке совпадает с задачей литературоведения открывать литературу в литературе. Это легко можно было бы показать на изучении древнерусских литературных памятников. Сперва о них писали как о письменности и не видели в этой письменности развития. Сейчас перед нами семь веков литературного развития. Каждая эпоха имеет свое индивидуальное лицо, и в каждом мы открываем неповторимые ценности.

Литературоведение имеет множество отраслей, и в каждой отрасли есть свои проблемы. Однако если подходить к литературоведению со стороны современного исторического этапа развития человечества, то следует обратить внимание вот на что. Сейчас в орбиту культурного мира включаются все новые и новые народы. Демографический взрыв, который сейчас переживает человечество, крушение колониализма и появление множества независимых стран – одной из своих сторон имеют соединение культур человечества всего земного шара в единое органическое целое. Поэтому перед всеми гуманитарными науками стоит сложнейшая задача понять, изучить культуры всех народов мира: народов Африки, Азии, Южной Америки и др. В сферу внимания литературоведов поэтому включаются литературы народов, стоящих на самых различных ступенях общественного развития. Вот почему сейчас приобретают большое значение работы, устанавливающие типичные черты литературы и фольклора, свойственные тем или иным этапам развития общества. Нельзя ограничиваться изучением современных литератур высокоразвитых народов, находящихся на стадии капитализма или социализма. Необходимость в работах, посвященных исследованию закономерностей развития литератур на стадиях феодализма или родового общества, сейчас очень велика. Исключительное значение имеет проблема ускоренного развития литературы. Важное значение имеет также методология типологического изучения литератур.

Главный изъян наших литературоведческих работ состоит в том, что мы недостаточно четко отделяем задачи исследовательские от популяризаторских. В результате – поверхностность, фактографичность, примитивная информативность. Между тем всякая наука движется вперед специальными разработками. Что было бы с нашей физикой, химией, математикой, если бы от ученых в этих областях требовали по преимуществу создания «общих курсов» и обобщающих работ на широкие темы?

Помимо обобщающих трудов, литературоведы обязаны заниматься исследованиями тех или иных специальных вопросов. Необходимо создать широкий фронт специальных исследований.

Если состояние литературоведения не изменится, у нас наступит кризис тем: по всем «ходким» авторам и вопросам у нас уже есть популярные работы. Популяризировать уже скоро станет нечего. Все из возможных «историй» будут написаны в ближайшие годы. Нам придется начать повторять круг наших популяризаторских и обобщающих трудов: снова пи-

сать историю русской литературы, историю французской литературы, историю английской литературы и пр., а так как специальных исследований проводилось мало, то новые обобщающие труды на старые темы будут слабо отличаться от прежних.

Среди специальных тем много актуальных!

Смешение задач исследования с задачами популяризации создает гибриды, главный недостаток которых – наукообразность. Наукообразность способна вытеснить науку или резко снизить академический уровень науки. Это явление в мировом масштабе очень опасно, так как открывает ворота разного рода шовинистическим или экстремистским тенденциям в литературоведении. Национальные границы в древних литературах, а также в литературах, созданных на общем для разных народов языке, нередко трудно ус-тановимы. Поэтому борьбе за национальную принадлежность того или иного писателя, за то или иное произведение, даже просто за ценную старинную рукопись приобретает сейчас в разных концах мира все более и более острый характер. Унять экстремистские силы в борьбе за культурное наслед-ство может только высокая наука: детальное филологическое изучение произведений литера-туры, текстов и их языка, доказательность и непродвзятость аргументов, методическая и ме-тодологическая точность.

И здесь мы возвращаемся к исходному моменту наших размышлений: к вопросу о точ-ных и неточных науках. Если литературоведение и неточная наука, то она должна быть точ-ной. Ее выводы должны обладать полной доказательной силой, а ее понятия и термины отли-чаться строгостью и ясностью. Этого требует высокая общественная ответственность, кото-рая лежит на литературоведении.

Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы (1971)

Поэтика литературы как система целого

Древнерусская литература в ее отношении к изобразительным искусствам

Слово и изображение были в Древней Руси связаны теснее, чем в новое время. И это на-кладывало свой отпечаток и на литературу, и на изобразительные искусства. Взаимопроник-новение – факт их внутренней структуры. В литературоведении он должен рассматриваться не только в историко-литературном отношении, но и в теоретическом.

Изобразительное искусство Древней Руси было остросюжетным, и эта сюжетность вплоть до начала XVII в., когда произошли существенные структурные изменения в изобра-зительном искусстве, не только не ослабевала, но неуклонно возрастала. Сюжеты изо-бразительного искусства были по преимуществу литературными. Персонажи и отдельные сцены из Ветхого и Нового заветов, святые и сцены из их житий, разнообразная христи-анская символика в той или иной мере основывались на литературе – церковной, разумеется, по преимуществу, но и не только церковной. Сюжеты фресок были сюжетами письменных источников. С письменными источниками было связано содержание икон – особенно икон с клеймами. Миниатюры иллюстрировали жития святых, хронологическую палею, летописи, хронографы, физиологи, космографии и шестодне-вы, отдельные исторические повести, ска-зания и т. д. Искусство иллюстрирования было столь высоким, что иллюстрироваться могли даже сочинения богословского и богословско-символического содержания. Создавались рос-писи на темы церковных песнопений (акафистов, например), псалмов, богословских сочине-ний...

Художник был нередко начитанным эрудитом, комбинируя сведения из различ-ных письменных источников в росписях и миниатюрах. Даже в основе портретных изобра-жений святых, князей и государей, античных философов или ветхозаветных и новозаветных персонажей лежала не только живописная традиция, но и литературная. Словесный портрет был для художника не менее важен, чем изобразительный канон. Художник как бы воспол-нял в своих произведениях недостаток наглядности древней литературы. Он стремился уви-деть то, что не могли увидеть по условиям своего художественного метода древнерусские ав-торы письменных произведений. Слово лежало в основе многих произведений искусства, было его своеобразным «протографом» и «архетипом». Вот почему так важны показания изобразительного искусства (особенно лицевых списков и житийных клейм) для установле-

ния истории текста произведений, а история текста произведений – для датировки изображений.

Иллюстрации и житийные иконы (особенно с надписями в клеймах) могут указывать на существование тех или иных редакций и служить для установления их датировок и обнаружения не дошедших в рукописях текстов. Лицевые рукописи и клейма икон могут помочь в изучении древнерусского читателя, понимания им текста, особенно переводных произведений. Миниатюрист как читатель иллюстрируемого им текста – эта тема исследования обещает многое. Она поможет нам понять древнерусского читателя, степень его осведомленности, точность проникновения в текст, тип историчности восприятия и многое другое. Это особенно важно, если учесть отсутствие в Древней Руси критики и литературоведения.

Иллюстрации служат своеобразным комментарием к произведению, причем комментарием, в котором использован весь арсенал толкований и объяснений¹.

Зачем изучать поэтику древнерусской литературы? Вместо заключения

История культуры резко выделяется в общем историческом развитии человечества. Она составляет особую, красную нить в свитой из множества нитей мировой истории. В отличие от общего движения «гражданской» истории, процесс истории культуры есть не только процесс изменения, но и процесс сохранения прошлого, процесс открытия нового в старом, накопления культурных ценностей. Лучшие произведения культуры и, в частности, лучшие произведения литературы, продолжают участвовать в жизни человечества. Писатели прошлого, поскольку их продолжают читать и они продолжают свое воздействие, – наши современники. И надо, чтобы этих наших хороших современников было побольше. В произведениях гуманистических, человечных в высшем смысле этого слова культура не знает старения.

Преимущество культурных ценностей – их важнейшее свойство. По мере развития и углубления наших исторических знаний, умения ценить культуру прошлого человечество получает возможность опереться на все культурное наследие. Все формы общественного сознания, обусловленные в конечном счете материальным основанием культуры, в то же время непосредственно зависят от мыслительного материала, накопленного предшествующими поколениями, и от взаимного влияния друг на друга различных культур.

Вот почему объективное изучение истории литературы, живописи, архитектуры, музыки так же важно, как и самое сохранение Памятников культуры. При этом мы не должны страдать близорукостью в отборе «живых» памятников культуры. В расширении нашего кругозора, и в частности эстетического, – великая задача историков культуры различных специальностей. Чем интеллигентнее человек, тем больше он способен понять, усвоить, тем шире его кругозор и способность понимать и принимать культурные ценности – прошлого и настоящего. Чем менее широк культурный кругозор человека, тем более он нетерпим ко всему новому и «слишком старому», тем более он во власти своих привычных представлений, тем более он косен, узок и подозрителен. Одно из важнейших свидетельств прогресса культуры – развитие понимания культурных ценностей прошлого и культур других национальностей, умение их беречь, накапливать, воспринимать их эстетическую ценность. Вся история развития человеческой культуры есть история не только созидания новых, но и обнаружения старых культурных ценностей. И это развитие понимания других культур в известной мере сливается с историей гуманизма. Это развитие терпимости в хорошем смысле этого слова, миролюбия, уважения к человеку, к другим народам.

***

Подобные мысли мы встречаем и в работах известного ученого-филолога Юрия Михайловича Лотмана¹.

Опираясь в своих работах на разработанные В. В. Виноградовым теорию и метод исследования литературной и языковой эволюции, Ю. М. Лотман расширил круг читателей, которым он адресует свои статьи и монографии. Помимо ученых и специалистов определенных областей науки, он включает в этот круг также студентов, учителей-словесников и даже школьников. Автор делает это сознательно, подчеркивая мысль, что конечная цена любого исследования литературных и языковых фактов – привить людям любовь к родной литерату-

ре и языку, научить их понимать художественное произведение, приобщить к высокому духовному строю подлинной культуры.

Одной из самых вредных теорий, укоренившихся в нашем сознании, ученый считает идею «китайской стены», которая якобы отгораживает «высокую», «академическую», вузовскую науку о литературе от изучения литературы в школе. Сторонники этой теории сводят всю литературу к программе по литературе, чтение произведений – к чтению отдельных «отрывков», анализ – к ответу на вопросы для повторения, старательно отгораживая учеников от всего «лишнего», что не укладывается в сложившиеся схемы школьного изучения литературы. Такой стереотип способен породить лишь скуку, полностью убивающую всякий интерес к предмету.

Ю. М. Лотман утверждает в своих работах, что в культуре нет и не бывает «лишнего», ибо нельзя быть «слишком» культурным, как слишком умным или добрым. Поэтому преодоление наукобоязни – важнейший шаг на пути к той школе, создать которую требует от нас время.

В хрестоматии помещены несколько фрагментов из разных статей, сосредоточенных вокруг узловых вопросов школьного курса истории русской литературы начала XIX в. Школа должна заставлять людей думать, поэтому, адресуя свои работы учителю-филологу, ученый широко и свободно оперирует научными понятиями и специальными терминами, легко и непринужденно вплетая их в словесную канву своих философско-аналитических рассуждений. Строгая логика изложения материала не мешает ученому вводить в тексты своих исследований большое количество конкретного материала и разного рода дополнительных уточнений, отступлений, замечаний, что, однако, ни в коей мере не снижает динамическую направленность анализа художественного произведения. При этом автор не только высказывает и аргументирует свою точку зрения по тому или иному вопросу, но и вступает в полемику со своими оппонентами, оставляя, однако, читателю возможность самому сделать выводы.

Филология в наши дни развивается стремительно, постоянно обогащаясь новым фактическим материалом, открывая новые нетрадиционные методы анализа, впитывая в себя данные смежных наук. И задача ученых состоит в первую очередь в том, чтобы довести все открытия и достижения этой науки до умов и сердец современников, пробуждая в них бережное и почтительное отношение к духовному наследию своего народа.

Ю. М. Лотман. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь (1988)

Своеобразие художественного построения «Евгения Онегина»

«Евгений Онегин» – трудное произведение. Самая легкость стиха, привычность содержания, знакомого с детства читателю и подчеркнута простого, парадоксально создают добавочные трудности в понимании пушкинского романа в стихах. Иллюзорное представление о «понятности» произведения скрывает от сознания современного читателя огромное число непонятных ему слов, выражений, фразеологизмов, имен, намеков, цитат. Задумываться над стихом, который знаешь с детства, представляется ничем не оправданным педантизмом. Однако стоит преодолеть этот наивный оптимизм неискушенного читателя, чтобы сделалось очевидным, как далеки мы даже от простого текстуального понимания романа. Специфическая структура пушкинского романа в стихах, при которой любое позитивное высказывание автора тут же незаметно может быть превращено в ироническое, а словесная ткань как бы скользит, передаваясь от одного носителя речи к другому, делает метод насильственного извлечения отдельных цитат из текста особенно опасным.

Во избежание этой угрозы роман следует рассматривать не как механическую сумму высказываний автора по различным вопросам, своеобразную хрестоматию цитат, а как органический художественный мир, части которого живут и получают смысл лишь в соотнесенности с целым. Простой перечень проблем, которые «ставит» Пушкин в своем произведении, не введет нас в мир «Онегина». Художественная идея подразумевает особый тип преображения жизни в искусстве. Известно, что для Пушкина была «дьявольская разница» между поэ-

тическим и прозаическим моделированием одной и той же действительности, даже при сохранении той же тематики и проблематики. Понимание литературного произведения как общественного явления не может быть противопоставлено специфике его художественной организации, поскольку та общественная функция, которая определяет потребность существования искусства, может быть выполнена лишь благодаря специфически художественной организации текста.

В чисто методическом отношении анализ произведения обычно расчленяют на рассмотрение внутренней организации текста как такового и изучение исторических связей произведения с окружающими его явлениями действительности, общественной мысли и литературы. Такой подход представляет ряд удобств и вполне может быть рекомендован как практический прием анализа.

Однако даже в этой ограничительной функции его не следует абсолютизировать: при строго синхронном анализе останутся не выделенными внесистемные элементы, роль которых при построении динамических моделей исключительно велика¹. Напротив того, при включении произведения в иной исторический ряд будет меняться и представление о природе его имманентной организации. Так, в зависимости от того, проведем ли мы линии преемственной зависимости от «Евгения Онегина» к «Герою нашего времени», романам Достоевского или «Поэме без героя» Ахматовой (все эти – как и многие другие – связи исторически реальны; относительно

Лермонтова и Достоевского они очевидны, на последнюю указала сама А. А. Ахматова, например, заявив в примечаниях к поэме: «Пропущенные строфы – подражание Пушкину»¹), изменится и тот тип внутренней организации, который актуализируется в пушкинском романе в стихах. В первом случае вперед выступит фрагментарность композиции и система взаимных пересечений точек зрения. Во втором – диалогическая природа текста (см. труды М. М. Бахтина). В третьем – система намеков, ссылок, цитат – зашифровка смысла в толще культурных наслоений (см.: «Решка», строфа XVII). Не случайно каждое подлинно новое завоевание литературы неизбежно по-новому раскрывает не только внешние вне-текстовые связи, но и природу внутренней структуры живых явлений культурного прошлого.

Из сказанного вытекает безнадежность попыток дать какой-либо конечный итог истолкования тех художественных явлений прошлого, которые сохраняют культурную значимость.

«Фаталист» и проблема Востока и Запада в творчестве Лермонтова

Проблема типологии культур вбирала в себя целый комплекс идей и представлений, волновавших Лермонтова на протяжении всего его творчества: проблемы личности и ее свободы, безграничной воли и власти традиций, власти рока и презрения к этой власти, активности и пассивности так или иначе оказывались включенными в конфликт западной и восточной культур. Но для воплощения общей идеологической проблематики в художественном произведении необходима определенная сюжетная коллизия, которая позволяла бы столкнуть характеры и обнажить в этом столкновении типологию культур. Такую возможность давала традиция литературного путешествия. Сопоставление «своего» и «чужого» позволяло одновременно охарактеризовать и мир, в который попадает путешественник, и его самого.

Заглавие «Героя нашего времени» непосредственно отсылало читателей к неоконченной повести Карамзина «Рыцарь нашего времени»². Творчество Карамзина, таким образом, активно присутствовало в сознании Лермонтова как определенная литературная линия. Мысли о типологии западной и русской культур, конечно, вызывали в памяти «Письма русского путешественника» и сюжетные возможности, которые предоставлял образ их героя. Еще Федор Глинка ввел в коллизию корректив, заменив путешественника офицером, что делало ситуацию значительно более органичной для русской жизни той эпохи. Однако сам Глинка не использовал в полной мере сюжетных возможностей, которые давало сочетание картины «радостей и бедствий человеческих» с образом «странствующего офицера», «да еще с подорожной по казенной надобности» (VI, 260).

Образ Печорина открывал в этом отношении исключительные возможности. Типологический треугольник: Россия–Запад–Восток – имел для Лермонтова специфический оборот – он неизбежно вовлекал в себя острые в 1830-е гг. проблемы Польши и Кавказа. Исторически

актуальность такого сочетания была вызвана не только тем, что один из углов этого треугольника выступал как «конкретный Запад», а другой – как «конкретный Восток» в повседневной жизни лермонтовской эпохи. Культурной жизни Польши, начиная с XVI в., была свойственна известная «ориентальность»: турецкая угроза, опасность нашествия крымских татар, равно как и многие другие историко-политические и культурные факторы, поддерживали традиционный для Польши интерес к Востоку. Не случайно доля польских ученых и путешественников в развитии славянской (в том числе и русской) ориенталистики была исключительно велика. Наличие в пределах лермонтовского литературного кругозора уже одной такой фигуры, как Сенковский, делало эту особенность польской культуры очевидной. Соединение черт католической культуры с ориентальной окраской придавало, в глазах романтика, которого эпоха наполеоновских войн приучила к географическим обобщениям, некоторую общность испанскому и польскому. Не случайно «демонические сюжеты поэм молодого Лермонтова свободно перемещаются из Испании в Литву» (ср. географические пределы художественного мира Мериме: «Кармен» – «Локис»).

Традиция соединения в русской литературе «польской» и «кавказской» тем (с ее метонимическими и метафорическими вариантами – «грузинская» и «крымская») восходит к «Бахчисарайскому фонтану» Пушкина, где романтическая коллизия демонической и ангельской натур проецируется на конфликт между польской княжной и ее восточными антиподами (крымский хан, грузинская наложница). То, что в творческих планах Пушкина «Бахчисарайский фонтан» был связан с замыслом о волжских разбойниках, т. е. с романтической попыткой построить «русский» характер, заполняет третий угол треугольника.

Слитность для русского культурного сознания тем Польши и Кавказа (Грузии) была поэтически выражена Пастернаком:

С действительностью иллюзию,
С растительностью гранит
Так сблизили Польша и Грузия,
Что это обеих роднит.
Как будто весной в Благовещенье
Им милости возвещены
Землей – в каждой каменной трещине,
Травой – из-под каждой стены¹.

Именно таковы границы того культурно-географического пространства, внутри которого перемещается «странствующий офицер» Печорин.

О Хлестакове

Одной из основных особенностей русской культуры послепетровской эпохи было своеобразное двоемирие: идеальный образ жизни в принципе не должен был совпадать с реальностью. Отношения мира текстов и мира реальности могли колебаться в очень широкой гамме – от представлений об идеальной высокой норме и нарушениях ее в сфере измененной действительности до сознательной правительственной демагогии, выражавшейся в создании законов, не рассчитанных на реализацию («Наказа»), и законодательных учреждений, которые не должны были заниматься реальным законодательством (Комиссия по выработке нового уложения). При всем глубоком отличии, которое существовало между деятельностью теоретиков эпохи классицизма и политической практикой «империи фасадов и декораций», между ними была одна черта глубинной общности: с того момента, как культурный человек той поры брал в руки книгу, шел в театр или попадал ко двору, он оказывался одновременно в двух как бы сосуществующих, но нигде не пересекающихся мирах – идеальном и реальном. С точки зрения идеолога классицизма, реальностью обладал только мир идей и теоретических представлений; при дворе в политических разговорах и во время театрализованных праздников, демонстрировавших, что «зла-тый век Астреи» в России уже наступил, правила игры предписывали считать желательное существующим, а реальность – несуществующей. Однако это был именно мир игры. Ему отводилась в основном та сфера, в которой на самом деле жизнь проявляла себя наиболее властно: область социальной практики, быта – вся сфера официальной «фасадной» жизни. Здесь напоминать о реальном положении дел было не-

простительным нарушением правил игры. Однако рядом шла жизнь чиновно-бюрократическая, служебная и государственная. Здесь рекомендовался реализм, требовались не «мечтатели», а практики. Сама императрица, переходя из театральной залы в кабинет или отрываясь от письма к европейскому философу или писания «Наказа» ради решения текущих дел внутренней или внешней политики, сразу же становилась деловитым практиком. Театр и жизнь не мешались у нее, как это потом стало с Павлом I. Человек потемкинского поколения и положения еще мог соединять «мечтательность» и практицизм, тем более что Екатерина II, всегда оставаясь в государственных делах прагматиком и дельцом, ценила в «любезном друге» ту фантазию и воображение, которых не хватало ее сухой натуре, и разрешала ему «мечтать» в политике:

... Кружу в химерах мысль мою: То плен от персов похищаю, То стрелы к туркам обращаю; То, возмечтав, что я султан, Вселенну устрашаю взглядом; То вдруг, прельщенный нарядом, Скачу к портному по кафтан...¹

Но для людей следующих поколений складывалась ситуация, при которой следовало выбирать между деятельностью практической, но чуждой идеалов, или идеальной, но развивающейся вне практической жизни. Следовало или отказаться от «мечтаний», или изживать свою жизнь в воображении, заменяя реальные поступки словами, стихами, «деятельностью» в мечтаниях и разговоре. Слово начинало занимать в культуре гипертрофированное место. Это приводило к развитию творческого воображения у людей художественно одаренных и «ко лжи большому дарованью», по выражению А. Е. Измайлова, у людей посредственных. Впрочем, эти оттенки могли и стираться. Карамзин писал:

Что есть поэт? искусный лжец...²

Но тяготение ко лжи в психологическом отношении связывается с определенным возрастом – переходом от детства к отрочеству, временем, когда развитие воображения совпадает с неудовлетворенностью реальностью. Становясь чертой не индивидуальной, а исторической психологии, лживость активизирует во взрослом человеке, группе, поколении черты инфантилизма.

***

Лев Николаевич Гумилев – выдающийся ученый, востоковед, этнограф, специалист в области истории древних тюрков и других степных народов Евразии. Возросший в последнее десятилетие общественный интерес к отечественной истории объясняет выбор для хрестоматии фрагментов из книги ученого «Древняя Русь и Великая степь». В ней предлагается увлекательный опыт реконструкции русской истории IX–XIV вв., дана научно обоснованная, нетривиальная и непредвзятая трактовка многих ранее считавшихся «темными» страниц русской истории.

Автор излагает свои оригинальные историко-географическую и этнологическую концепции, опираясь на данные памятников, системные связи, используя в своем анализе открытое им явление пассионарности. Тексты насыщены терминами разных наук, причем для научного стиля Гумилева характерны два момента: 1) термины и их производные, как правило, снабжаются в тексте общеупотребительными аналогами: прямое (ортогенное) направление, персистентный (твердый, устойчивый); автор часто уточняет содержание уже известного понятия, например, народ, нация, этнос; 2) нередко в тексте рядом с термином дается отсылка к предыдущим книгам автора, в которых либо впервые вводятся эти термины, либо уточняется их уже известное, традиционное значение с целью придания большей смысловой точности. Это такие термины, как пассионарность, комплиментарность, химера, Евразия. Л. Н. Гумилев очертил границы Евразии и дал этому понятию определение, его концепция позволила современникам назвать ученого «великим евразийцем».

Стилю Л. Н. Гумилева свойственны доверительная манера письма, своего рода собеседование с читателем, что достигается разными приемами: это и так называемое авторское мы (мы придерживаемся четвертого мнения); и мы «совокупности» – я и аудитория, мы с вами (об этом пойдет наша беседа с читателем; поскольку выводы, к которым мы прийти...). Этой же цели – вызвать у читателя чувство сопричастности – служат многочисленные вопросно-ответные конструкции в тексте и использование грамматических форм глаголов: начнем с

краткого напоминания об исходной ситуации; посмотрим, как возникли такие системы; . поэтому рассмотрим наш сюжет.

В целом индивидуальный стиль письма Л. Н. Гумилева позволяет сделать два вывода: 1) о продолжении (а вернее, непрерывности) изначальной русской традиции научного описания, выразившегося в близости художественной и научной литературы; 2) о неразрывной связи научного (понятийного) и образного мышления автора. Второе обстоятельство имеет как объективную, так и субъективную основу. Объективно – таков индивидуально-авторский стиль автора, органически ему свойственный. Однако научные труды, отличающиеся особенной новизной темы и проблематики, части работы, включающие полемику, отличаются экспрессивностью и эмоциональностью. Поэтому образность языка ученого не только не противоречит направленности его работы, а наоборот, представляет неразрывное единство авторской индивидуальности и новизны проблематики. По определению Д. С. Лихачева, «книга Л. Н. Гумилева читается как роман»¹, а сам автор «обладает воображением не только ученого, но и художника»². Субъективным моментом можно считать то, что автор заинтересован в расширении читательской аудитории, и книга написана «забавным русским слогом», что повысило усвояемость текста и расширило круг читателей»³.

Л. Н. Гумилев. Древняя Русь и Великая степь. Постановка проблемы

Тезис. Принцип этногенеза – угасание импульса вследствие энтропии², или, что то же, утрата пассионарности системы из-за сопротивления окружающей среды, этнической и природной, – не исчерпывает разнообразия историко-географических коллизий. Конечно, если этносы, а тем более их усложненные конструкции – суперэтносы живут в своих экологических нишах – вмещающих ландшафтах, то кривая этногенеза отражает их развитие достаточно полно. Но если происходят крупные миграции, сопряженные с социальными, экономическими, политическими и идеологическими феноменами, да еще при различном пассионарном напряжении этносов, участвующих в событиях, то возникает особая проблема – обрыв или смещение прямых (ортогенных) направлений этногенезов, что всегда чревато неожиданными, как правило неприятными, а иногда трагичными.

Если при таких коллизиях этнос не исчезает, то процесс восстанавливается, но экзогенное воздействие всегда оставляет на теле этноса рубцы и память об утратах, часто невозполнимых. Суперэтнические контакты порождают нарушения закономерности. Их следует всегда учитывать как зигзаги, само наличие коих является необходимой составной частью этногенеза, ибо никто не живет одиноко, а отношения между соседями бывают разнообразными.

При взаимодействии двух систем задача легко решается противопоставлением «мы – наши враги», но при трех и более получить решение трудно. А именно три этнокультурные традиции столкнулись в Восточной Европе в IX–XI вв., и только в XII в. зигзаг истории был преодолен, после чего начался культурный расцвет при пассионарном спаде, т. е. инерционная фаза этногенеза. Это уникальный вариант этнической истории, и тем-то он представляет интерес в ряде аспектов, о которых речь пойдет ниже.

Эволюционная теория Дарвина и Ламарка была предложена для объяснения видообразования, а этногенез – процесс внутривидовой и специфичный. Уже потому применение принципов эволюции к этническим феноменам неправомерно.

Этнические процессы дискретны (прерывисты), а исключения из этого правила – персистенты (твердые, устойчивые) – не продлевают свою жизнь, а останавливают ее, как Фауст остановил мгновение; но ведь тут-то его и зацапал Мефистофель! Значит, для динамичного этноса такое решение проблемы бессмертия противопоказано.

Для реликтового этноса-персистента возможны, кроме полной изоляции, три пути: 1) ждать, пока истребят соседи (элиминация);

2) включиться в живущий суперэтнос во время смены фаз и укрепиться в нем (инкорпорация); 3) рассыпаться розно (дисперсия). Все три варианта можно проследить всего за один век – XII. Этот век как бы антракт между надломом мира ислама, реанимацией Византии и детским буйством «христианской» Европы, пышно названным «крестовыми походами». Здесь легко проследить вариации соотношения Руси и Степи. Этим занимались самые заме-

чательные историки XVIII–XIX вв., вследствие чего следует ознакомиться с их представлениями, но, конечно, под углом зрения этнологии, ибо эта новая наука уже показала, на что она способна. А основной тезис этнологии диалектичен: новый этнос, молодой и творческий, возникает внезапно, ломая обветшалую культуру и обездушенный, т. е. утративший способность к творчеству, быт старых этносов, будь то реликты или просто обскуранты; в грозе и буре он утверждает свое право на место под солнцем, в крови и муках он находит свой идеал красоты и мудрости, а потом, старея, он собирает остатки древностей, им же некогда разрушенных. Это называется возрождением, хотя правильнее сказать «вырождение». И если новый толчок не встряхнет дряхлые этносы, то им грозит превращение в реликты. Но толчки повторяются, хотя и беспорядочно, и человечество существует в своей разнообразии. Об этом и пойдет наша беседа с читателями.

И автору, и, вероятно, читателю интересна история Древней Руси, которая, по мнению летописца, возникла как определенная целостность только в середине IX в.¹ А что было до этого? Кто окружал эту новорожденную этническую систему? Кто был ей другом, а кто врагом? Почему об этом негде прочесть, хотя источники повествуют о хазарах и варягах и даже о западных славянах, тюрках и монголах? В книгах есть простое перечисление событий, в том числе недостоверных. Они сведены в синхронистическую таблицу, предлагаемую ниже, но связи между этими событиями потребовали дополнительного критического анализа и выбора точки отсчета.

Наиболее выгодным пунктом для широкого обозрения оказались низовья Волги, а проблема свелась к вопросу: почему Киевская Русь, испытавшая бесчисленные беды, не погибла, а победила, оставив потомкам роскошное искусство и блестящую литературу? • Для того чтобы найти ответ, стоит постараться. Но не надо забывать, что в большую цель легче попасть, чем в маленькую. Поэтому рассмотрим наш сюжет на фоне обширного региона между Западной Европой и Китаем, ибо только такой подход поможет нам справиться с поставленной задачей.

Хазария и ойкумена до 800 г. Начнем с краткого напоминания об исходной ситуации, на фоне которой начался изучаемый процесс. Самое легкое для восприятия – это обзор ойкумены на уровне суперэтносов с учетом возрастных фаз ненарушенных этногенезов¹. За исключением многочисленных реликтов, в том числе самих хазар, наиболее старыми были кочевники Великой степи, потомки хуннов и сарматов, этнические системы коих сложились в III в. до н. э. В 800 г. они имели три каганата: Уйгурский – на востоке Степи, Аварский – на западе и Хазарский – на Волге и Северном Кавказе. Только в этом последнем правила тюркютская династия Ашина, прочие уже вступили в фазу обскурации, заменяя оригинальную степную культуру заимствованными мировоззрениями, и оба каганата, несмотря на внешний блеск, находились на пороге гибели.

Пассионарный толчок I в. к середине II в. породил Византию, Великое переселение народов и Славянское единство. Эти три феномена находились в IX в. на рубеже фазы надлома и инерционной фазы этногенеза. Византии предстоял расцвет культуры, славянству – расширение ареала, а Франкской империи, созданной Карлом Великим в 800 г., угрожала неотвратимая судьба – в недрах ее, как в соседних Скандинавии и Астурии, шел инкубационный период нового пассионарного взрыва, в следующих IX–X вв. разорвавшего железный обруч Каролингской империи и зачавшего феодально-папистскую Европу, гордо назвавшую себя, и только себя, «христианским миром».

Наиболее активными были суперэтносы, возникшие около 500 г. в полосе, тянувшейся от Аравии до Японии: мусульманский халифат, от которого уже оторвалась мусульманская Испания, радж-путская Индия, Тибет, превратившийся из маленького племени ботов в претендента на гегемонию в Центральной Азии, империя Тан, уже надломленная внешними неудачами и внутренними потрясениями, и Япония, внезапно вступившая на путь реформ, что принесло ей много горя.

Эти суперэтносы находились в акматической фазе этногенеза. Пассионарность разрывала их на куски, ломала культурные традиции, мешала установлению порядка и в конце концов, прорвав оковы социальной и политической структуры, растекалась по сектантским движениям, губительным, как степные пожары. Но это была пока перспектива, а в 800 г. халифат Аб-

басидов, Тибетское царство и империя Тан стояли столь крепко, что казались современникам вечными. Обычная абберрация близости, характерная для обывательского восприятия мира, – современное считается постоянным.

Но, несмотря на разнообразие возрастов, вмещающих ландшафтов, культурных типов и при вариабельности политических форм феодализма между всеми перечисленными этносами, да и реликтами, было нечто общее: все они появились вследствие взрывов пассионарности в определенных географических регионах, к которым были уже приспособлены их предки – этнические субстраты. Следовательно, миграции их носили характер расселения в сходных ландшафтных условиях, привычных и пригодных для ведения хозяйства традиционными приемами. Исключение составляли некоторые германские этносы: готы, вандалы, руги, лагобарды... Так они и погибли как этнические системы, а их потомки слились с аборигенами Испании, Италии и Прованса. Этносы франков и англосаксов расширились в привычном ландшафте... и уцелели.

Благодаря этой географической закономерности в 1-м тысячелетии н. э. почти незаметна роль этнических химер, которые если и возникали в пограничных районах, например¹ IV–V вв. в Китае¹, то были неустойчивы и недолговечны. Но и тут было исключение из правил: этнос, освоивший антропогенный ландшафт вместе с его аборигенами, стал независим от природных ландшафтов и получил широкую возможность распространения. Для этого этноса ареалом стала вся ойкумена, а контакты его с местными жителями стали не симбиотическими, а химерными. Посмотрим (оставаясь в пределах окрестностей Каспийского моря), как возникали такие системы и к чему это привело аборигенов и мигрантов. Этого будет для решения поставленной задачи необходимо и достаточно.

Однако история культуры на территории Восточной Европы в 1-м тысячелетии изучена весьма неполно. Следы ее исчезли, но это повод, чтобы поставить проблему так: культурный ареал всегда имеет центр, как бы столицу, которой принадлежит гегемония. Древняя Русь перехватила гегемонию у Хазарского каганата в X в. Следовательно, до X в. гегемония принадлежала хазарам, а истории Древней Руси предшествовала история Хазарии. Но история Хазарии имела две стороны: местную и глобальную, принесенную с Ближнего Востока европейскими эмигрантами. Без учета фактора международной торговли история не только Хазарии, но и всего мира непонятна.

Поскольку выводы, к которым мы пришли, весьма отличаются от традиционных, основанных на летописной версии, необходимо объяснить читателю, почему у автора появилось право на недоверие к источникам. А чем отличается этническая история от истории социально-политической и культурно-идеологической, будет ясно из текста и характера изложения.

Что искать и как искать? Поставленная нами задача одновременно и перспективна, и крайне сложна. С одной стороны, в Юго-Восточной Европе переплелись воздействия многих суперэтносов: евразийских тюрок – наследников эпохи Великого каганата², Византии, мусульманского мира эпохи халифата и «христианского мира», только что сложившегося в суперэтническую целостность. Не меньшее значение имели реликты Великого переселения народов в Азии – неукротимые угры, воинственные куманы (ветвь динлинов). Но на первом месте стояла Древняя Русь, сомкнувшая свои границы с Великой степью. Уловить и описать характер взаимоотношений этих этнических групп на одной территории и в одну эпоху – значит решить проблему этнического контакта путем эмпирического обобщения.

Но с другой стороны, история хазар писалась неоднократно и осталась непонятой из-за разнообразия многоязычных источников, свести которые в непротиворечивую версию крайне сложно. То же самое можно сказать об археологических находках, в том числе сделанных автором. Без дополнительных данных они проблему не проясняют.

И наконец, по поводу значения этнических контактов для истории культуры общего мнения нет. Одни считают, что любой контакт и метисация – благо, другие утверждают, что это гибель, третьи полагают, что смешение народов вообще не имеет значения для их судьбы. Но, самое главное, никто не привел достаточно веских аргументов в свою пользу и опровержений иных точек зрения.

Мы придерживаемся четвертого мнения: смеси чего угодно – газов, вин, людей... – не могут быть подобны первичным ингредиентам, но последствия смешений этносов всегда

разнообразны, ибо зависят от ряда обстоятельств: 1. Характера взаимодействия того и другого этноса с окружающей географической средой, ибо от этого зависят способы ведения хозяйства, которые вызывают либо симбиоз, либо соперничество. 2. Соотношения фаз этногенеза обоих компонентов. Фазы могут совпасть или нет, а в последнем случае более пассионарный этнос давит на соседа независимо от личного желания отдельных его представителей, даже вопреки их воле. 3. Комплементарности, проявляющейся при совмещении культурно-психологических доминант, которая может быть позитивной или негативной. Знак комплементарности проявляется в безотчетной симпатии или антипатии на популяционном уровне. 4. Перспективности контакта, ибо он может вести либо к ассимиляции одного этноса другим, либо к элиминации, а проще – истреблению одного этноса другим, либо к слиянию двух этносов в единый третий – это и есть рождение этноса.

Короче говоря, решение поставленной проблемы требует привлечения не только географии, но и истории, т. е. описания событий в их связи и последовательности на том уровне, который в данном случае является оптимальным. И найти этот уровень необходимо. <...>

Путем зерна. Диалектика природных явлений предполагает обязательное сочетание жизни и смерти. Согласно закону отрицания отрицания, смерть есть необходимое условие для продолжения любого процесса жизни, и, когда в поле зрения наблюдателя находились короткие отрезки линейного времени, этот тезис не вызывал сомнений даже у древних греков.

Однако к длинным отрезкам времени они относились иначе. «Только горы вечны, да Полярной звезды никто не сдвинет», – говорил герой античной драмы, настолько умный, что даже Олим-

ПРОПУЩЕНЫ

М. М. Бахтин. Проблема речевых жанров

В. Н. Петров. Мир искусства

Я. М. Бицилли. В защиту русского языка

Я. М. Бицилли. В защиту варваризмов в русском языке

Б. Я. Вышеславцев. Свобода воли и творческий произвол

Б. Я. Вышеславцев. Конфликт ценностей и альтернатива свободного выбора

V. Официально-деловая речь (пропущены)

№ 1. Доверенность (личная)

№ 2. Заявление личное

№ 3. Исковое заявление

№ 4. Справка

Деловые (служебные) письма

№ 5. Деловое письмо – запрос или просьба

№ 6. Деловое письмо – ответ

№ 7. Деловое письмо гарантийное

№ 8. Деловое письмо сопроводительное

№ 9. Деловое письмо – рекламация (претензия)

№ 10. Докладная записка

№ 11. Объяснительная записка

№ 12. Служебное заявление

VI. Язык средств массовой информации (пропущены)

Г. Я. Федотов. Россия и свобода

А. К. Ехалов. Дорогой Карла Марса

М. Я. Любимов. Операция «Голгофа». Секретный план перестройки

Л. Лиходеев. Хищница

В. Войнович. Ченчеватель из Херсона

Интервью Д. Шеварова с Д. С. Лихачевым. «Я живу с ощущением расставания...»

Литература

Введение

1. Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Словарь паронимов современного русского языка. М., 1994.
2. Веселов П. В. Служебный телефонный разговор // Русская речь. 1990. № 5.
3. Винокур Г. О. Культура языка. М., 1929.
4. Гаузенблас К. Культура языковой коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 20: Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М., 1988.
5. Головин Б. Н. Основы культуры речи. М., 1988.
6. Городецкий В. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1989. Выпуск 24: Компьютерная лингвистика.
7. Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. М., 1976.
7. Граудина Л. К., Миськевич Г. М. Теория и практика русского красноречия. М., 1989.
9. Грот Я. К. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне // Хрестоматия по методике русского языка. М., 1995.
10. Еськова Н. А. Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М., 1994.
11. Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
12. Иванов А., Якубинский Л. Очерки по языку. Л.–М., 1932.
13. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963.
14. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
15. Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.
16. Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. Проспект. Красноярск, 1990.
17. Купина Н. А. Тоталитарный язык. Екатеринбург–Пермь, 1995.
18. Лаптева О. А. Синтаксическая дискретность монологического высказывания в устной научной речи // Функциональные стили: Лингвометодические аспекты. М., 1985.
19. Лексические трудности русского языка. М., 1994.
20. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Известия ОЛЯ. Т. 52. № 1. 1993.
21. Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию // Поли. собр. соч. Т. 7. Труды по филологии. 1739–1758. М.–Л., 1952.
22. Ожегов С. И. Вопросы нормализации современного русского литературного языка // РР. № 4. 1990.
23. Ожегов С. И. О нормах словоупотребления. Предисловие к кн.: Правильность русской речи: Словарь-справочник. М., 1965 // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
24. Ожегов С. И. Очередные вопросы культуры речи // Вопросы культуры речи. № 1. М., 1955.
25. Ожегов С. И. Работы по культуре речи // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974.
26. Орфографический словарь русского языка (около 100 000 слов). М., 1991.

27. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. М., 1983.
28. Панов М. В. О литературном языке // Русский язык в национальных школах. 1972. № 1.
29. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
30. Пиотровский Р. Г., Турыгина Л. А. Антиномия «язык-речь» и статистическая интерпретация нормы языка // Статистика речи и автоматический анализ текста. Л., 1971.
31. Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
32. Прогноз в речевой деятельности. М., 1974.
33. Прогностика. Терминология. М., 1978. Пункт 71.
34. Русская грамматика. Т. I–II. М., 1980.
35. Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование. М., 1968.
36. Солженицын А. И. Русский словарь языкового расширения // Русская речь. 1990. № 3.
37. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Л. И. Молоткова. М., 1967.
38. Чельшев Е. П. Основные направления деятельности Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации. Тезисы доклада. М., 1996.
39. Чуковский К. И. Живой как жизнь. М., 1962.
40. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
41. Ягич И. В. Ein russisches Werk liber die Richtigkeit und Reinheit der russischen Sprache // Archiv fur slavische Philologie. Bd. 33. Lf. 3–4. Berlin, 1912.
42. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.

Глава I. Культура разговорной речи

1. Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование русского глагола. М., 1967.
2. Арутюнова Н. Д. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 7–30.
3. Арутюнова Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989.
5. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. , У
6. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1982; 2-е изд. М, 1986.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
8. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
9. Верещагин Е. М., Ратмайр Р., Ройтер Т. Речевые тактики «призыва к откровенности». Еще одна попытка Проникнуть в .идиоматику речевого поведения и русско-немецкий контрастивный подход // Вопросы языкознания. 1992. № 6.
10. Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Л., 1929.
11. Выготский Л. С. Из неизданных материалов // Психология грамматики. М., 1968.
12. Выготский Л. С. Мышление и речь. М. –Л., 1934.
13. Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М., 1988.
14. Гегель Г. Феноменология духа // Собр. соч. М., 1959.
15. Грайс Г. Л. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М, 1985. С. 217–237.
16. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
17. Демьянков В. З. Загадки диалога и, культура понимания // Текст в коммуникации. М., 1991. С. 109–146.
18. Джонсон-Лэрд Ф. Процедурная семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. М., 1988. С. 234–257.
19. Дюбуа Ж. и др. Общая риторика. М., 1986.

20. Ермакова О. Н., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 30–63.
21. Кобозева И. М. «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1988. С. 7–21.
22. Кобозева И. М. Проблемы описания частиц в исследованиях-80-х годов // Прагматика и семантика. Сб. научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1991. С. 147–173.
23. Кобозева И. М., Лауфер Н. И. Об одном способе косвенного информирования // Изв. РАН, СЛЯ. Т. 47. 1988. № 5.
24. Кривоносое А. Т. Мышление без языка? // Вопросы языкознания. 1992. № 2.
25. Кручинина И. Н. Элементы разговорного синтаксиса в произведениях эпистолярного жанра // Синтаксис и стилистика. М., 1976. С. 24–43.
26. Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
27. Лазуткина Е. М. Культура речи среди других лингвистических дисциплин // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.
28. Лазуткина Е. М. Парламентские жанры // Культура парламентской речи. М., 1994.
29. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981. С. 356–368.
30. Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М., 1978.
31. Мигунов А. С. Искусство и наука: о некоторых тенденциях к сближению и взаимодействию // Вопросы философии. 1986. № 7.
32. Николаева Т. М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 154–165.
33. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 23-е изд., испр. М., 1991. ,
34. Поварнин С. И. Спор: О теории и практике спора. СПб., 1996.
35. Павиленис Р. И. Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 380–388.
36. Поливанов Е. Д. По поводу звуковых жестов японского языка. // Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
37. Риффатер М. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. М., 1980.
38. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Докт. дисс. М., 1990.
39. Русская грамматика. Т. II. М., 1980.
40. Стросон П. Р. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 131–150.
41. Трошгша Я. Я. Прагмастилистический контекст и восприятие текста // Прагматика и семантика. Сб. научно-аналитических обзоров ИНИОН. М., 1991.
42. Формановская Н. И. Речевой этикет и культура общения. М., 1989.
43. Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике, риторике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 363–373.
44. Цицерон. Эстетика: Трактаты. Речи. Письма. М., 1994.
45. Ширяев Е. Н. Синтаксис // Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь. М., 1981.
46. Ширяев Е. Н. Основные синтаксические характеристики функциональных разновидностей современного русского языка // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. М., 1995.
47. Ширяев Е. Н. Когда слова излишни // Русская речь. 1982. № 1.
48. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.
49. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
50. Якобсон Р. О. Избранные работы. М., 1985.

51. Якубинский Л. П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.
52. Ястрежембский В. Р. Методологические аспекты лингвистического анализа диалога // Диалог: Теоретические проблемы и методы исследования. Сб. научно-аналитических обзоров. ИНИОН. М., 1991. С. 82–110.

Глава II. Культура ораторской речи

1. Андреевский С. А. Защитительные речи. СПб., 1909.
2. Бухарин Н. И. Этюды. М., 1932 (1988).
3. Виноградов В. В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М., 1980.
4. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Часть II. Заседания 29–59. СПб., 1914.
5. Государственная дума. Четвертый созыв. Стенографические отчеты. 1914 г. Сессия вторая. Часть IV. Заседания 76–97.
6. Грановский Т. Н. Лекции по истории средневековья. М., 1981.
7. Греч Н. Учебная книга русской словесности. Ч. II. СПб., 1830.
8. Живое слово науки. М., 1981.
9. Записки Института живого слова. Пб., 1919.
10. Иван Петрович Павлов. Воспоминания учеников. Воронеж, 1941.
11. Карабчевский Н. П. Речи. Пб.–М., 1916.
12. Киселев Я. С. Судебные речи. Воронеж, 1971.
13. Ключевский П. А. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М., 1991.
14. Кони А. Ф. Избранные произведения. М., 1956.
15. Красноречие Древней Руси XI–XVII вв. М., 1987.
16. Кропоткин П. А. Этика. М., 1991.
17. Кузнецова Т. И., Стрельникова И. П. Ораторское искусство в Древнем Риме. М., 1976.
18. Литературное наследие Г. В. Плеханова. Сб. I. М., 1934.
19. Луначарский А. В. Неизданные материалы. Литературное наследство. Т. 82. М., 1970.
20. Луначарский А. В. Собрание сочинений: В 8 т. Т. I. М., 1963.
21. Митрополит Николай. Слова и речи. Т. II. Издание Московской Патриархии. 1950.
22. На переломе: Философия и мировоззрение. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990.
23. Павлов И. П. Избранные произведения. М., 1951.
24. Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959.
25. Речи известных русских юристов. М., 1985.
26. Сергеич П. Искусство речи на суде. М., 1988.
27. Соловьев В. С. Философия искусства и литературная критика. М., 1991.
28. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. М., 1991.
29. Судебное красноречие русских юристов прошлого. М., 1992.
30. Судебные речи известных русских юристов. М., 1957.
31. Чичерин Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.
32. Этюды о лекторах. М., 1974.

Глава III Культура дискусивно-полемической речи

1. Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М., 1991
2. Андреев В. И. Конфликтология: искусство спора, ведения переговоров, разрешения конфликтов. Казань, 1992.
3. Диалектика и диалог. М., 1992.
4. Павлова К. Г. Искусство спора: логико-психологические аспекты. М., 1988.
5. Поварнин С. Спор. О теории и практике спора // Вопросы философии. 1990. № 3.
6. Шопенгауэр А. Эристика, или искусство побеждать в спорах. СПб., 1900.

Глава IV Культура научной и профессиональной речи

1. Васильева А. Н. Основы культуры речи. М., 1990.
2. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М., 1990.

3. *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. 1939. Т. 5.
4. *Волкова И. Н.* Стандартизация научно-технической терминологии. М., 1984.
5. *Гарбовский Н. К.* Профессиональная речь (функционально-стилистический аспект) // Функционирование системы языка и речи. М., 1989.
6. *Головин Б. Н., Кобрин Р. Ю.* Лингвистические основы учения о терминах. Горький, 1987.
7. *Гринев С. В.* Введение в терминологическую лексикографию. М., 1986.
8. *Гринев С. В.* Введение в терминоведение. М., 1993.
9. *Даниленко В. П.* Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
10. *Денисов П. Н.* Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1980.
11. *Дрозд Л. К.* проблеме лингвистической теории терминологии // Теоретические и методологические вопросы терминологии. Международный симпозиум.
12. *Исследования по русской терминологии.* М., 1971.
13. *Канделаки Т. Л.* Значения терминов и системы значений научно-технических терминологий // Проблемы языка науки и техники. М., 1970.
14. *Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии.* М., 1979.
15. *Кутина Л. Л.* Формирование языка русской науки: (Терминология математики, астрономии, географии в первой трети XVIII века) М.; Л., 1964.
16. *Кутина Л. Л.* Формирование терминологии физики в России. М.; Л., 1966.
17. *Лингвистические проблемы научно-технической терминологии.* М., 1970.
18. *Лингвистический энциклопедический словарь.* М., 1990.
19. *Лотте Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. М., 1961.
20. *Лотте Д. С.* Образование и правописание трехэлементных научно-технических терминов. М., 1969.
21. *Лотте Д. С.* Краткие формы научно-технических терминов. М., 1971.
22. *Ментруп В. К.* проблеме лексикографического описания общенародного языка и международных языков // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1983. Вып. 14: Проблемы и методы лексикографии.
23. *Наер В. Л.* Уровни языковой вариативности и место функциональных стилей // Научная литература: Язык, стиль, жанры. М., 1985.
24. *Петров М. К.* Язык. Знак. Культура. М., 1991.
25. *Проблематика определений терминов в словарях разных типов.* Л., 1976.
26. *Проблемы языка науки и техники. Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии.* М., 1970.
27. *Разинкина Н. М.* О понятии стереотипа в языке научной литературы (К постановке вопроса) // Научная литература: Язык, стиль, жанры. М., 1985.
28. *Разинкина Н. М.* Функциональная стилистика. М.: Высшая школа, 1989.
29. *Ребане Я.* Опыт исследования социальной ответственности // Общественные науки. 1984. № 2.
30. *Рондо Г.* Введение в терминологию. Монреаль, 1979.
31. *Русова Н. Ю.* Участие цифровых, буквенных и графических элементов в терминообразовании // Термины и их функционирование. Горький, 1987.
32. *Сейгер Дж. К.* Критерии оценки функциональной эффективности терминов // Теоретические и методологические вопросы терминологии. Международный симпозиум. 1981.
33. *Славгородская Л. В.* Взаимодействие устной и письменной речи в сфере научного знания // Научная литература: язык, стиль, жанры. М., 1985.
34. *Славгородская Л. В.* О логико-смысловых связях в научном диалоге // Лингвостилистические исследования научной речи. М., 1979.
35. *Современные проблемы русской терминологии.* М., 1986.
36. *Солганик Г. Я.* К проблеме классификации функциональных стилей на интралингвистической основе // Основные понятия и категории лингвистики. Пермь, 1982.

37. Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М., 1985.
38. Терминология и культура речи. М., 1981.
39. Терминология и норма. М., 1972.
40. Шелов С. Д. Терминология, профессиональная лексика и профессионализмы (к проблеме классификации специальной лексики) // Вопросы языкознания. 1984. Вып. 5.
41. Шмелев Д. Н. Введение // Способы номинации в современном русском языке. М., 1982.

Глава V Культура деловой речи

1. Акишина А. А., Акишина Т. Е. Этикет русского телефонного разговора. М., 1990.
2. Бахарев В. А., Корякин Г. Н. Корреспонденция и делопроизводство. М., 1970.
3. Балла К., Полл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Будапешт, 1968.
4. Большаков И. А. О некоторых лингвистических особенностях деловой прозы // Семиотика и информатика. Вып. 26. М., 1985.
5. Ванников Ю. В. Типы научно-технических текстов и их лингвистические особенности. Ч. 2. М., 1985.
6. Веселое П. В. Деловое письмо: вольный стиль или унификация? // Стандарты и качество. 1989. № 7.
7. Веселое П. В. Культура и техника исполнения делового письма // Социалистический труд. 1978. № 8.
8. Веселое П. В. Современное деловое письмо в промышленности. Изд. 3-е. М., 1990.
9. Веселова Р. Б. Деловой телефонный разговор. Методическая разработка. М., 1991.
10. Винокур Г. Культура языка. Изд. 2-е. М., 1929.
11. Вольская И. С. Дифференциальные признаки официально-делового стиля речи на синтаксическом уровне. Автореф. дисс. канд. филолог, наук. М., 1966.
12. Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собр. соч. Т. 2. М., 1982.
13. Герд А. С. Взгляд на русский язык науки сегодня и завтра // Русистика сегодня. 1995. № 4.
14. Головач А. С. Оформление документов. Изд. 2-е. Киев-Донецк, 1983.
15. Ершов А. П. К методологии построения диалоговых систем: феномен деловой прозы // Вопросы кибернетики. Общение с ЭВМ на естественном языке. М., 1982.
16. Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.
17. Копытов П. А. Корреспонденция и делопроизводство. М., 1959.
18. Лаптева О. А. Внутрителивая эволюция современной русской научной прозы // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
19. Левин В. Д. О некоторых вопросах стилистики // Вопросы языкознания. 1954. № 5.
20. Логинова К. А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.
21. Митяев К. Г. История и организация делопроизводства в СССР. М., 1959.
22. Николаева Т. М. Проблемы лингвистики текста (комплекс идей горизонтального порождения) и конкретные исследования балканского материала // Симпозиум по структуре балканского текста. Тезисы докладов и сообщений. М., 1976.
23. Пеньковский А. Б., Шварцкопф Б. С. К вопросу о текстовых нормах // Лингвистика текста. Материалы научной конференции. Ч. I. М., 1974.
24. Пеньковский А. Б., Шварцкопф Б. С. Взаимодействие текстовых и языковых норм при порождении текста // Материалы V Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации (Ленинград, 27–30 мая 1975 г.). Ч. I. М., 1975.
25. Пешковский А. М. Как вести занятия по синтаксису и стилистике в школах взрослых // Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959.
26. Розенталь Д. Э. К итогам обсуждения вопроса о штампах // Вестник Московского университета. 1968. № 6.

27. Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994.
28. Унифицированная система организационно-распорядительной документации, используемой в автоматизированных системах управления и в условиях традиционных методов управления. Альбом форм, нормативные и методологические материалы. М., 1976.
- 29 Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Унифицированные формы, инструктивные и методические материалы по их применению. М., 1980.
- 30 Унифицированные системы документации. Система организационно-распорядительной документации. Основные положения. ГОСТ 6 15. 1-75. М., 1975.
31. Фельзер А. Б., Миссерман М. А. Делопроизводство. Справочное пособие. Изд. 3-е. Киев, 1988.
- 32 Шапиро А. Б. Основы русской пунктуации. М., 1970.
33. Шварцкопф Б. С. – В кн.: Русский язык в современном мире. М., 1974. Ч. II. Гл. 4. § 3.
- 34 Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Глава VI. Средства массовой информации и культура речи

1. Апресян Ю. Д. Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988.
2. Артемов В. Л. Основные направления исследования и современное состояние теории массовой коммуникации за рубежом // Психолингвистические проблемы массовой коммуникации. М., 1974.
3. Багиров Э. Г. О знаковой природе и своеобразии языка телевидения как средства массовой коммуникации // Предмет семиотики: Теоретические и практические проблемы взаимодействия средств массовой коммуникации. М., 1975.
4. Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.
5. Баранов А. Н., Паршин В. В. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.
6. Болинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
7. Былинский К. И. Язык газеты. М., 1997.
8. Вайнрих Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987.
9. Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978.
10. Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1958.
11. Винокур Г. О. Культура языка. 2-е изд. М., 1929.
12. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
13. Джоуэтт Г. О'Доннел В. Пропаганда и внушение: Реферат. М., 1988.
14. Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.
15. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. М., 1994.
16. Кривенко Б. В. Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект. Воронеж, 1993.
17. Левин Ю.И. О семиотике искажения истины // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. Вып. 4. М., 1974.
18. Медведева С. Ю. Специфика языка печати как средства массовой коммуникации // Роль языка в средствах массовой коммуникации. М., 1986.
19. Онтология языка как общественного явления. М., 1983.
20. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990.
21. Свинцов В. И. Истинностные аспекты коммуникации и проблемы совершенствования речевого общения // Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
22. Техника дезинформации и обмана. М., 1978.
23. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

24. Язык газеты. М.–Л., 1941.
25. Язык и стиль буржуазной пропаганды. М., 1988.
26. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. М., 1980.

Список сокращений:

- Д – «День»
- З – «Завтра»
- Изв. – «Известия»
- КП – «Комсомольская правда»
- Кур. – «Куранты»
- ЛГ – «Литературная газета»
- М – «Молния»
- МК – «Московский комсомолец»
- МН – «Московские новости»
- НГ – «Независимая газета»
- ОГ – «Общая газета»
- П – «Правда»
- ПТ – «Пульс Тушина»
- РГ – «Российская газета»
- С – «Сегодня»
- СР – «Советская Россия»
- Т – «Труд»